

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

Том 27. № 4

2022

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Тема номера: / Topic of the issue:

«Гражданские войны в мировой истории»

Civil Wars in the World History

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

Volume 27. No. 4

2022

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78162** of March 13, 2020)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index**, **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **EBSCO** (USA), **Google Scholar** (USA), **JournalSeek** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat®** (USA), **ProQuest** (USA), **Research Bible** (Japan), **ROAD** (France), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **SSOAR** (Germany), **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory** (USA), **Western Theological Seminary** (Holland), **ZDB** (Germany), **CyberLeninka** (Russia), etc.

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova, M.V. Gayval, A.A. Lagutina, Yu.I. Nedelkina*

Making up: *E.S. Reshetnikova, O.N. Yadykina*
Technical editing: *O.N. Yadykina*

Passed for printing July 4, 2022.

Date of publication: Sept. 15, 2022. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 25.4. Published pages 27.3.

Number of copies 500 (1st duplicate 1–31). Order 91. «С» 22.

Open price

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-22. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik4@volsu.ru

Journal website: <https://hfrir.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House

of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования

«Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78162** от 13 марта 2020 г.)

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index (RSCI, Web of Science)**, **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **EBSCO** (США), **Google Scholar** (США), **JournalSeek** (США), **MIAR** (Испания), **OCLC WorldCat®** (США), **ProQuest** (США), **Research Bible** (Япония), **ROAD** (Франция), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **SSOAR** (Германия), **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory** (США), **Western Theological Seminary** (Голландия), **ZDB** (Германия), **КиберЛенинка** (Россия) и др.

Редакторы, корректоры: *С.А. Астахова, М.В. Гайваль, А.А. Лагутина, Ю.И. Неделькина*

Верстка *Е.С. Решетниковой, О.Н. Ядыкиной*
Техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 04.07.2022 г.

Дата выхода в свет: 15.09.2022 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 27,3.

Тираж 500 экз. (1-й завод 1–33 экз.). Заказ 91. «С» 22.

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-55-22. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik4@volsu.ru

Сайт журнала: <https://hfrir.jvolsu.com>

Англояз. сайт:

<https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство

Волгоградского государственного университета.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2022

Том 27. № 4

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

2022

Volume 27. No. 4

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

2022. Vol. 27. No. 4

Academic Periodical

Since 1996

6 issues a year

Topic of the issue: Civil Wars in the World History

Editorial Staff:

Dr. Sc., Prof. *I.O. Tyumentsev* – Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Director of the Publishing House
V.A. Gorelkin – Deputy Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Kuznetsov* – Deputy Chief
Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.V. Rybalko* – Associate Editor
(Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *E.V. Arkhipova* (Volgograd);
Senior Lecturer *P.I. Lysikov* – Assistant Editor (Volgograd);
Cand. Sc. *T.A. Bazarova* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *M.A. Balabanova* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.D. Barabanov* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *T.V. Evdokimova* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.L. Kleitman* (Volgograd);
Cand. Sc. *M.V. Krivosheev* (Volgograd);
Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *I.L. Morozov* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.I. Morozov* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.A. Pankratov* (Volgograd);
Cand. Sc. *E.V. Pererva* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Ratushnyak* (Krasnodar);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Rvacheva* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.G. Sidorov* (Volgograd);
Dr. Sc. *A.V. Tsyuryumov* (Elista)

Editorial Board:

Dr. Sc. *Agoston Magdolna* (Szombathely, Hungary);
Dr. Sc. *A.I. Alekseev* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *V.A. Arakcheev* (Moscow);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.I. Bardakov* (Volgograd);
Dr. Sc. *Bokhun Tomash* (Warsaw, Poland);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
A.P. Buzhilova (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *N.E. Vashkau* (Lipetsk);
Dr. Sc., Prof. *A.A. Vilkov* (Saratov);
Cand. Sc., Senior Researcher *Yu. Ya. Vin* (Moscow);
Cand. Sc., Senior Researcher *E. Yu. Girya* (Saint
Petersburg);
Dr. Sc., Leading Researcher *S.V. Golunov* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Danilov* (Saratov);

Dr. Sc., Professor of History *Chester Dunning* (College
Station, USA);
Cand. Sc., Senior Researcher *S.A. Isaev* (Saint Petersburg);
PhD (Strategic Studies) *Constantinos Koliopoulos*
(Athens, Greece);
Dr. Sc., Chief Researcher *E.F. Krinko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.I. Kubyshkin* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *I.I. Kuznetsov* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *I.I. Kurilla* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
I.P. Medvedev (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *N.A. Mininkov* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.V. Petrov* (Saint Petersburg);
Cand. Sc., Senior Researcher *B.A. Raev* (Rostov-
on-Don);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Ratushnyak* (Krasnodar);
Dr. Sc., Prof. *O.Yu. Redkina* (Volgograd);
Dr. Sc., Leading Researcher *M.A. Ryblova* (Volgograd);
PhD (History) *Saul Norman E.* (Lawrence, USA);
Dr. Sc. *Szvák Gyula* (Budapest, Hungary);
Dr. Sc., Prof. *N.N. Stankov* (Moscow);
Dr. Sc. *A.D. Tairov* (Chelyabinsk);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.A. Tolmacheva* (Minsk,
Belarus);
PhD (History) *Truong Anh Thuan* (Danang, Vietnam)

At the invitation of Chief Editor,
Prof. *I.O. Tyumentsev*,
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Rvacheva*
took the position of the Executive Editor
of the present issue (Volgograd)

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2022. Т. 27. № 4

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Тема номера: «Гражданские войны в мировой истории»

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *И.О. Тюменцев* – главный редактор (г. Волгоград);
канд. ист. наук, директор издательства *В.А. Горелкин* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *О.В. Кузнецов* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.В. Рыбалко* – отв. секретарь (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Е.В. Архипова* (г. Волгоград);
ст. преп. *П.И. Лысков* – технический секретарь (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Т.А. Базарова* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, доц. *М.А. Балабанова* (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.Д. Барабанов* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *Т.В. Евдокимова* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *А.Л. Клейтман* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *М.В. Кривошеев* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *С.И. Лукьяшко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р полит. наук, доц. *И.Л. Морозов* (г. Волгоград);
канд. полит. наук, доц. *С.И. Морозов* (г. Волгоград);
д-р полит. наук, проф. *С.А. Панкратов* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Е.В. Перерва* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *О.В. Ратушняк* (г. Краснодар);
канд. ист. наук, доц. *О.В. Рвачева* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *С.Г. Сидоров* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *А.В. Цорюмов* (г. Элиста)

Редакционный совет:

д-р ист. наук *Агоштон Магдолна* (г. Сомбатхей, Венгрия);
д-р ист. наук *А.И. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, доц. *В.А. Аракчеев* (г. Москва);
д-р полит. наук, доц. *А.И. Бардаков* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *Бохун Томаш* (г. Варшава, Польша);
д-р ист. наук, акад. РАН *А.П. Бужилова* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *Н.Э. Вашкау* (г. Липецк);
д-р полит. наук, проф. *А.А. Вилков* (г. Саратов);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Ю.Я. Вин* (г. Москва);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Е.Ю. Гиря* (г. Санкт-Петербург);

д-р полит. наук, ведущий науч. сотр. *С.В. Голунов* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *В.Н. Данилов* (г. Саратов);
д-р, проф. истории *Честер Даннинг* (г. Колледж-Стейшн, США);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *С.А. Исаев* (г. Санкт-Петербург);
PhD (стратегические исследования) *Константинос Колиопулос* (г. Афины, Греция);
д-р ист. наук, гл. науч. сотр. *Е.Ф. Кринко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.И. Кубышкин* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, проф. *И.И. Кузнецов* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *И.И. Курилла* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, акад. РАН *И.П. Медведев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, проф. *Н.А. Мининков* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.В. Петров* (г. Санкт-Петербург);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Б.А. Раев* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *В.Н. Ратушняк* (г. Краснодар);
д-р ист. наук, проф. *О.Ю. Редькина* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, ведущий науч. сотр. *М.А. Рыблова* (г. Волгоград);
PhD (история) *Саул Норман Е.* (г. Лоренс, США);
д-р ист. наук *Свак Дьюла* (г. Будапешт, Венгрия);
д-р ист. наук, проф. *Н.Н. Станков* (г. Москва);
д-р ист. наук *А.Д. Таиров* (г. Челябинск);
канд. ист. наук, доц. *С.А. Толмачева* (г. Минск, Беларусь);
PhD по истории *Труонг Анх Тхуан* (г. Дананг, Вьетнам)

По приглашению главного редактора проф. И.О. Тюменцева выпускающим редактором номера является канд. ист. наук, доц. *О.В. Рвачева* (г. Волгоград)

СОДЕРЖАНИЕ

Рвачева О.В., Кузнецов О.В. Гражданские войны в истории стран и народов: мировой опыт изучения 6

ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ: ОТ АНТИЧНОСТИ К НОВОМУ ВРЕМЕНИ

Демина С.С. Цезарь о принятии решений в условиях гражданской войны 13

Труонг Анх Тхуан. Исследование гражданской войны Тонкин – Кохинхина (Вьетнам) в XVII–XVIII вв. через призму западных материалов [На англ. яз.] 22

Власов Н.А. Австро-прусская война 1866 г. как гражданская: взгляд современников 38

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Историографическое измерение военных событий

Трут В.П. Современные подходы к характеристике хронологических рамок Гражданской войны в России 48

Белозёров В.К. Между наукой и идеологическим прессингом: политическое осмысление Гражданской войны в Советской России в 1917–1922 годах 61

Богомолов И.К. Интервенция держав Антанты и их союзников в Россию в период Гражданской войны (1918–1922 гг.): современные зарубежные исследования 71

Региональное измерение: Юг России

Цветков В.Ж. Особенности разработки и обсуждения проекта земельной реформы на белом Юге России летом – осенью 1919 года 80

Черемухин В.В. От «Русского Манчестера» к «Красному Вердену»: Царицын и Гражданская война в России (1917–1920 гг.) (по материалам периодической печати) 94

Венков А.В. Донские казаки в кубанском повстанческом движении в 1920 году 104

Баранов А.В. Наследие Гражданской войны во взаимоотношениях казачества и крестьянства Юга России с властью в 1920-х годах 116

Региональное измерение: Сибирь и Дальний Восток

Ермолаев А.Н., Усков И.Ю. Начало Гражданской войны в России: события в городе Мариинске 25 мая 1918 года 128

Татаров Б.А. Боевое состояние подразделений Чешско-Словацкого корпуса в конце 1917 – начале 1918 года 140

Гагкуев Р.Г. Верховный правитель против атамана: конфликт адмирала А.В. Колчака и атамана Г.М. Семенова в ноябре – декабре 1918 г. в документах французского генерала М. Жанена 154

Тюменцев И.О. Последние сражения Гражданской войны в Дальневосточной республике (по воспоминаниям И.А. Маханова) 167

Благодер Ю.Г. Русские эмигранты в Китае в 1920–1930-е гг.: две гражданские войны на одном жизненном пути 181

Социокультурное измерение войны

Колоницкий Б.И., Годунов К.В. Из истории разработки языка гражданской войны: «корниловщина» и легитимация политического насилия 192

Рогозный П.Г. Гражданская война и «народное православие» (гонения большевиков на иконы и мощи святых) 203

Назарова Т.П., Редькина О.Ю. Меннониты в Гражданской войне (1918–1920 гг.): практики выживания этноконфессиональной группы 215

Рошков А.Ю. «Только плохо с этой Гражданской войной»: репрезентация событий 1917–1918 гг. в детских нарративах 225

ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

Костенко Ю.В. Политика памяти о гражданской войне в документах современных испанских партий (2007–2021) 239

Цымбалова А.Е. Обзор современных зарубежных публикаций по вопросу эвакуации баскских детей в Великобританию в 1937 г. во время гражданской войны в Испании 251

Бредихин А.В. Гражданская война на Украине: научные подходы и фактор казачества 260

CONTENTS

<i>Rvacheva O.V., Kuznetsov O.V.</i> Civil Wars in the History of Countries and Peoples: World Experience of Study	6
--	---

CIVIL WARS:

FROM ANTIQUITY TO MODERN PERIOD

<i>Demina S.S.</i> Caesar on Decision Making in the Conditions of the Civil War	13
<i>Anh Thuan Truong.</i> Research on Tonkin – Cochinchina Civil War (Vietnam) During the 17 th and 18 th Centuries Through Western Materials	22
<i>Vlasov N.A.</i> The Austro-Prussian War 1866 as a Civil War: Contemporary Opinion	38

CIVIL WAR IN RUSSIA

EARLY IN CENTURY XX

Historiographical Description of Military Events

<i>Trut V.P.</i> Modern Approaches to the Characterization of the Chronological Framework of the Civil War in Russia	48
<i>Belozarov V.K.</i> Between Science and Ideological Pressure: Political Reflection on Civil War in Soviet Russia in 1917–1922	61
<i>Bogomolov I.K.</i> Intervention of the Entente Powers and Their Allies in Russia During the Civil War (1918–1922): Modern Foreign Studies	71

Area Dimension: The Russian South

<i>Tsvetkov V.Zh.</i> Features of the Development and Discussion of the Draft Land Reform in the White South of Russia in the Summer – Autumn of 1919	80
<i>Cheremuchin V.V.</i> From “Russian Manchester” to “Red Verden”: Tsaritsyn and the Civil War in Russia (1917–1920) (By the Materials of the Periodical Press)	94
<i>Venkov A.V.</i> Don Cossacs in the Kuban Insurgency in 1920	104
<i>Baranov A.V.</i> The Legacy of the Civil War in the Relations of the Cossacks and the Peasantry of Southern Russia with the Authorities in the 1920s.....	116

Area Dimension: Siberia and the Russian Far East

<i>Ermolaev A.N., Uskov I.Yu.</i> The Beginning of the Russian Civil War: Events in the City of Mariinsk on May 25, 1918	128
<i>Tatarov B.A.</i> The Combat Condition of the Units of the Czech-Slovak Corps in Late 1917 – Early 1918	140
<i>Gagkuev R.G.</i> Supreme Ruler Versus Ataman: The Conflict Between Admiral A.V. Kolchak and Ataman G.M. Semenov in November – December 1918 in the Documents of French General M. Janin	154
<i>Tyumentsev I.O.</i> The Last Battles of the Civil War in the Far Eastern Republic (On the Memoirs of I.A. Makhanov)	167
<i>Blagoder Yu.G.</i> Russian Emigrants in China in the 1920–1930s: Two Civil Wars on the Same Life Route	181

The Socio-Cultural Dimension of War

<i>Kolonitskii B.I., Godunov K.V.</i> From the History of Civil War Language Development: “Kornilovshchina” and Legitimation of Political Violence	192
<i>Rogozny P.G.</i> The Civil War and “National Orthodoxy” (Bolshevik Persecution of Icons and Relics of Saints) ...	203
<i>Nazarova T.P., Redkina O.Yu.</i> The Mennonites in the Civil War (1918–1920s): Survival Practices of an Ethno-Confessional Group	215
<i>Rozhkov A.Yu.</i> “Only Bad With This Civil War”: Representation of the Events of 1917–1918 in Children’s Narratives	225

CIVIL WARS

IN THE CONTEMPORARY HISTORY

<i>Kostenko Yu.V.</i> Civil War Memory Policy in the Documents of Contemporary Spanish Parties (2007–2021)	239
<i>Tsybalova A.E.</i> Overview of Modern Foreign Publications on the Evacuation of Basque Children to the Great Britain in 1937 During the Civil War in Spain	251
<i>Bredikhin A.V.</i> Civil War in Ukraine: Scientific Approaches and the Factor of the Cossacks	260

**ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ В ИСТОРИИ СТРАН И НАРОДОВ:
МИРОВОЙ ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ**

**CIVIL WARS IN THE HISTORY OF COUNTRIES AND PEOPLES:
WORLD EXPERIENCE OF STUDY**

В исторической науке круглые даты того или иного события нередко служат поводом открыть научную дискуссию, подвести итоги и вместе с тем начать новый этап изучения. Научные юбилеи нередко способствуют переосмыслению и выявлению новых ракурсов исследования исторического события. В 2018 г. в России отметили 100-летие начала Гражданской войны. В научном сообществе к этой годовщине были приурочены конференции, несколько из которых были весьма масштабными, имели международный формат. Так, в октябре 2018 г. в Москве прошла Международная конференция «Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг: власть и общество по обе стороны фронта», инициаторами и организаторами которой выступили Российское историческое общество, Институт российской истории РАН, Государственный центральный музей современной истории России. Были выпущены несколько крупных научных сборников, таких как «Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии» [3], «Революция и Гражданская война в России. Современная историография» [5], «Гражданская война в регионах России: социально-экономические, военно-политические и гуманитарные аспекты» [2] и др. В 20-томном академическом издании «История России» один из томов посвятили Гражданской войне (подробнее см.: [1, с. 759]). Все это свидетельствует о сохраняющемся научном и общественном интересе к данному событию.

Проведение мероприятий не ограничилось только юбилейным годом. Научный мир готовился к нему несколько лет и продолжает уделять внимание данному историческому феномену в настоящее время. Так, Гражданская война в России Российским историческим обществом была объявлена одной из приоритетных тем на 2022 год. Хорошим поводом к этому с точки зрения поддержания научного и общественного интереса служит сохраняющаяся неопределенность хронологических границ Гражданской войны, сопряжение ее с такими событиями, как Февральская и Октябрьская революции 1917 г., окончание Первой мировой войны.

Конечную хронологическую границу Гражданской войны в России соотносят с двумя датами – 1920 г. и 1922 г., в связи с этим в 2022 г. мы можем говорить о столетии ее окончания и отнести к этой дате как к возможности обсуждения феномена гражданской войны в мировой истории.

Трудно не согласиться с оценками гражданской войны как особой, сложной, драматической, трагической эпохи в истории стран ее переживших, а также с тем, что гражданские войны и по прошествии долгого времени привлекают внимание новых поколений и вызывают профессиональный интерес историков [1, с. 758]. Гражданская война – это многогранное явление, имеющее разные измерения, прежде всего военно-политическое. Историки спорят, в какой момент конфликт в обществе принимает характер войны, но есть два обязательных элемента перевода конфликта в стадию войны – это невозможность возобновления диалога в политическом противостоянии и масштабные военные действия. Однако гражданская война имеет и другие измерения: социальное, экономическое, культурное, антропологическое.

Как особая форма политического противостояния, гражданская война может приводить к смене политического строя. Оказывая влияние на все сферы жизни общества и государства, она меняет социальные структуры и связи, создавая такой феномен, как «расколотое общество».

В отличие от противостояния внешнему врагу, которое также формирует особую ситуацию «общества в состоянии войны», гражданская война не сплачивает, а разъединяет людей. Причем это разъединение может продолжаться многие годы после ее окончания, сказываться на последующих поколениях, создавать травму памяти.

Последствия войны длительное время оказывают влияние не только на состояние общества. Меняется культурный ландшафт страны. Публичную историю гражданской войны пишут победители, поэтому ее историческое бытие всегда субъективно и акценты расставлены теми, кто выиграл противостояние. Отсюда специфика коммеморации гражданской войны и формирования мемориального пространства.

Если период времени, отделяющий гражданскую войну от тех, кто ее исследует и осмысливает, относительно короткий и память о данном событии в обществе еще свежа, то ее осмысление может приводить к резкой смене оценочных суждений. Ярким примером служит история Гражданской войны в России в 1917–1922 годах. Рост интереса к ней в конце 1980-х гг., социально-политическая трансформация в начале 1990-х гг. привели к изменению оценки действий красных и белых, а огромное количество информации из спецхранов архивов и библиотек буквально захлестнуло общество. Потребовались годы для того, чтобы в научной среде появились взвешенные суждения о том историческом периоде, а общественные и политические акторы, участвующие в формировании политики памяти, научились проявлять гибкость в данном вопросе, демонстрировать возможность оценочного компромисса, акцентировать внимание не на противостоянии сил, а на трагедии общества, вовлеченного в гражданскую войну.

История Гражданской войны в России занимает центральное место тематического номера журнала, однако, реализуя данный проект, мы приняли решение расширить географические и хронологические границы и посмотреть на гражданскую войну как на явление, которое сопровождало человеческое общество на протяжении практически всей его истории. Стремясь разнообразить направления научного поиска, мы собрали в тематическом номере традиционные подходы к изучению гражданской войны и представили другие точки зрения на данное явление. В свою очередь, охват разных стран и исторических периодов позволяет увидеть различные стороны и нюансы развития гражданских войн в истории человечества. Таким образом, мы постарались реализовать идею популяризации российского и мирового опыта изучения и осмысления природы гражданских войн.

Предваряя обзор опубликованных в настоящем выпуске статей, хотелось бы отметить одно обстоятельство. Исследуя различные аспекты теории и истории гражданских войн, наши авторы стремились показать читателям не только фактические стороны, но и глубокие, порой глубинные смыслы изучаемых событий.

Открывает журнал раздел «Гражданские войны: от Античности к Новому времени». В первой статье раздела автором С.С. Деминой анализируются «Записки о гражданской войне» Гая Юлия Цезаря. Исследователя интересуют прежде всего оценки Цезарем способов принятия им самим, а также его противниками и союзниками важнейших решений, от которых зависели судьбы войны и мира. В итоге она делает вывод, что Цезарь был сторонником самостоятельного и единоличного принятия подобных решений, без советов с ближайшим окружением или солдатами. С.С. Демина закономерно выходит на осмысление проблемы колоссальной ответственности, которую неизбежно берет на себя государственный, политический, военный деятель, принимая судьбоносные подчас решения, что называется «бросая жребий» и «переходя Рубикон», и обращает внимание на то, как важно при этом осознавать свою ответственность и за принимаемые решения, и, главное, за их ближайшие и отдаленные последствия. Попутно затрагивается еще одна проблема, имеющая прямое отношение к истории как области знания и науке: сами «Записки о гражданской войне» выполняли идеологическую функцию, ненавязчиво формируя у читателей правильное, с точки зрения Цезаря, представление о причинах войны, виновниках ее развязывания, лицах, желавших скорейшего достижения мира, и т. д.

Автор Анх Тхуан Труонг на примере отражения в различных источниках событий гражданской войны во Вьетнаме в XVII–XVIII вв. исследует важную источниковедческую проблему

выявления факторов, влиявших на информативность, достоверность, объективность иностранных источников, и приходит к заключению, что при определенных обстоятельствах источники иностранного происхождения по истории Вьетнама могли быть не просто содержательным информативным дополнением вьетнамских источников (относительно причин войны, соотношения сил противоборствующих сторон, описания отдельных событий, привлечения внешней помощи), но при этом оставаться достаточно достоверными и объективными. Главным здесь являлся фактор невовлеченности иностранных миссионеров, торговцев, путешественников, оставивших сочинения, записки, дневники, отчеты, корреспонденции и т. п., в гражданскую войну во Вьетнаме. При этом непродолжительность и разное время пребывания названных лиц в стране сказались на полноте отражения событий. Языковые трудности и сложность восприятия вьетнамских реалий западными наблюдателями вели к некоторым искажениям картины, которые, впрочем, как отмечает Анх Тхуан Труонг, не были критическими.

Несомненный интерес представляет статья Н.А. Власова, в которой проанализированы взгляды современников на характер Австро-прусской войны 1866 года. Спор шел между сторонниками и противниками определения этой войны как гражданской. На примере этого спора автором, по сути, осмысливаются взаимосвязанные научные проблемы. Во-первых, не теряет своей научно-практической значимости требование продолжать разработку теоретических аспектов гражданских войн. Это позволяет адекватно оценивать как характер самих гражданских конфликтов, так и разнообразные, нередко весьма противоречивые суждения о них. Во-вторых, не менее важным является исключение политической конъюнктуры и политкорректности из исследования того или иного исторического события. И дело не только в стремлении к научной объективности, поиску истины, что позволяет установить подлинные причины событий, движущие силы, результаты, последствия, иногда более точные хронологические рамки и т. д. Уклоняясь от точного определения характера исторического события в угоду названным выше факторам, невозможно в полной мере реализовать одну из важнейших функций истории как науки – прогностическую, когда в единое целое увязываются все три временных пласта: прошлое, настоящее и будущее.

Центральный раздел номера – «Гражданская война в России в начале XX века». В советской и российской исторической науке тема Гражданской войны обсуждалась широко, однако ее изучение велось неравномерно: были периоды затухания интереса, набор сюжетов в советский период сильно ограничивался классовым подходом, на научное исследование событий и процессов влияла идеология. Актуализация научного и общественного интереса к истории Гражданской войны в России произошла в конце XX в., когда распад советской системы и кризис позднесоветского общества напомнили ситуацию накануне масштабного социального конфликта в России первой четверти XX века. Встал вопрос о новом осмыслении событий 1917–1922 годов. Историки говорили о необходимости написания фундаментальной истории Гражданской войны, которая позволила бы раскрыть всю сложность и противоречивость происходивших тогда процессов [4, с. 3]. Научные дискуссии в этот период создали новое историографическое пространство темы.

«Историографическое измерение военных событий» – первый из подразделов центрального раздела номера. Историографическое направление имеет свои преимущества перед другими курсами исторических исследований: оно позволяет получить объемное представление о многообразии проблем, оценок и суждений, трансформации методологической парадигмы и т. п. Открывает данный подраздел статья В.П. Трута об эволюции подходов к трактовке хронологических рамок Гражданской войны. Это один из наиболее «старых» вопросов темы. Установление хронологических рамок события – первоочередная задача исторического исследования. Однако специфика гражданских войн такова, что их временные границы текучи и имеют переходный характер. Определяются они уже извне исследователями, что порождает споры о датировке явления. В статье В.П. Трута анализируются новейшие подходы к определению хронологии Гражданской войны, представлена интересная выборка подходов, показано изменение взглядов ученых на данную проблему.

Следующая статья посвящена формированию научных взглядов на Гражданскую войну как на военно-политический феномен в условиях становления советской власти. Рассматриваемый

период сложный в плане историографического анализа. Новая политическая система проходила критический период своего формирования. В связи с этим трактовка феномена Гражданской войны представляла не столько научную, сколько политическую необходимость. В раннесоветском обществе еще не сформировалось устоявшегося мнения о том, как следует оценивать Гражданскую войну. Идеологическая парадигма еще не застыла, поэтому оценки и мнения порой звучали смело и демонстрировали плюрализм трактовок. Особенность формирования научного подхода к трактовке Гражданской войны, влияние на него идеологических установок и политики большевистской власти раскрываются в статье В.К. Белозёрова.

Еще один «традиционный» спор историков Гражданской войны в СССР – о роли интервенции. В свое время дискуссия по этому вопросу демонстрировала полярность оценок: от признания ключевой роли стран Антанты в событиях Гражданской войны до отрицания сколь-нибудь серьезного влияния этого участия на динамику конфликта. То, что в статье И.К. Богомолова рассматриваются точки зрения на данную проблему, которые были отражены в зарубежной историографии в 2018–2021 гг., свидетельствует о сохраняющейся актуальности темы на международном уровне.

Следующие два подраздела посвящены российской территориальной специфике Гражданской войны в России. Юг, Сибирь и Дальний Восток – регионы, сыгравшие ключевую роль в развитии событий военного противостояния. Здесь формировались первые очаги антибольшевистского сопротивления, а затем складывались крупнейшие фронты. Юг и северо-восток стали ресурсной базой Белого движения. Масштаб противостояния определялся наличием сил, составивших костяк антибольшевистского сопротивления на начальном этапе войны, – казачьих войск и Чехословацкого корпуса. На этих территориях складывались альтернативные большевистской России государственные образования.

Круг вопросов, рассматриваемых в двух подразделах, весьма широкий. В них представлены статьи по экономическим, военным и политическим направлениям изучения Гражданской войны. Материал В.Ж. Цветкова посвящен одной из острейших социально-экономических проблем данного периода – аграрной. От ее решения зависела устойчивость позиций противостоящих сторон, так как она формировала отношение к власти самой многочисленной социальной группы – крестьянства. Представленный в статье В.Ж. Цветкова материал позволяет выявить нюансы разработки аграрной программы белых и ее влияние на политический курс.

Казачий вопрос рассмотрен в трех статьях в контексте военно-политических и социальных событий. А.В. Венкова раскрывает детали участия казачества в одном из повстанческих эпизодов 1920 г. на Юге России. Материал А.В. Баранова посвящен проблеме влияния Гражданской войны на взаимоотношения казачества и крестьянства в первой половине 1920-х гг. и сложной теме социального конфликта. В статье Р.Г. Гагкуева исследуется проблема единства антибольшевистских сил. Материалы, раскрывающие взаимоотношения военно-политического лидера белых А.В. Колчака с казачьим атаманом Г.М. Семеновым, позволили автору обратиться к вопросам столкновения целей и политических амбиций в Гражданской войне.

Еще пять статей подразделов посвящены началу и окончанию Гражданской войны, роли городов как военно-политических центров, русской эмиграции. В статье В.В. Черемухина проблема Царицына рассмотрена в контексте не военной, а социальной истории. Город и его жители – это свидетели и участники грандиозных процессов, которые отражаются на их жизни. Авторы А.Н. Ермолаев и И.Ю. Усков обращаются к реконструкции восстания Чехословацкого корпуса. В центре статьи – первый день восстания. Восстановление хода событий этого дня, по мнению авторов, позволяет заново оценить расстановку сил противостоящих сторон. К теме восстания Чехословацкого корпуса, оценке его как боевой силы обращается Б.А. Татаров. Автор анализирует военный потенциал корпуса перед началом восстания и то, как повлияло состояние корпуса на дальнейшие события, связанные с его участием в Гражданской войне. События Гражданской войны, развернувшиеся на Дальнем Востоке на завершающем ее этапе, освещаются в статье И.О. Тюменцева. Материал представляет собой публикацию источника с комментариями к нему и дает возможность дополнить исторические представления о событиях на Дальнем

Востоке личными наблюдениями и оценками одного из их участников, впоследствии видного советского военного инженера-конструктора И.А. Маханова. Теме русской эмиграции в Китае в 1920–1930-е гг. посвящена статья Ю.Г. Благодер. Специфика представления темы – исследование жизни русских эмигрантов, оказавшихся свидетелями и участниками двух гражданских войн – в России и в Китае.

Материалы четвертого подраздела «Социокультурное измерение войны» позволяют посмотреть на события этого периода не только как на военно-политические. Важной проблемой Гражданской войны являлось то, как она влияла на культурное пространство, меняя его и тем самым воздействуя на трансформацию культурных ценностей, социальное восприятие и общественные настроения. Подраздел открывает статья Б.И. Колоницкого и К.В. Годунова, посвященная языку Гражданской войны. Авторы поднимают вопрос особого дискурсивного поля, сопровождающего Гражданскую войну. Исследуя в социокультурном контексте «дело Корнилова», авторы раскрывают значение понятий «корниловский мятеж», «корниловщина» и др. для формирования особых настроений в обществе и последующей эскалации конфликта. Две статьи подраздела посвящены теме церкви и этноконфессиональных отношений. Анализируя политику большевиков в отношении церкви в годы Гражданской войны, П.Г. Рогозный обращает внимание на специфическую ситуацию, сложившуюся в сфере «народного православия» в ходе реализации антирелигиозной политики большевиков по снятию икон и вскрытию святых мощей. В статье Т.П. Назаровой и О.Ю. Редькиной история меннонитов как особой этноконфессиональной группы с сильными традициями пацифизма рассматривается в контексте формирования социальных практик в кризисных условиях Гражданской войны. Созданию нарратива о событиях Гражданской войны посвящена статья А.Ю. Рожкова. Особый интерес представляет то, что речь идет о детском рассказе о войне. Автор поднимает вопрос о существовании детского революционного и военного дискурса, возможности реконструкции образа детства в период гражданского противостояния.

Последний раздел нашего выпуска – «Гражданские войны в новейшей истории». Первые две статьи, Ю.В. Костенко и А.Е. Цымбаловой, связаны с событиями гражданской войны в Испании 1936–1939 годов. На первый взгляд, между статьями мало общего. В одной из них речь идет о восприятии этого драматического периода испанской истории современными политическими партиями Испании. В другой содержится анализ современных зарубежных публикаций, посвященных эвакуации баскских детей в Великобританию в 1937 г., после бомбежки г. Герники. Однако при этом в обеих статьях поднимаются проблемы, сквозные для всех гражданских войн, прежде всего проблема трагизма гражданской войны, ощущение которого не проходит спустя десятилетия после ее окончания, раскалывая общество, как и в период самой войны, на противоположные лагеря. После гражданской войны наступает, рано или поздно, гражданский мир, приходит время гражданского примирения. Оно неизбежно и необходимо, чтобы жить дальше в одной стране. Но как быть с исторической памятью, которая не хочет отпустить, не дает забыть и простить? С одной стороны, историческая память может помешать гражданскому примирению, которое должно прийти, когда развеется «гражданских смут горячая стихия». Но, с другой стороны, историческая память не просто необходима, она не должна быть короткой, чтобы злосчастные «гражданские смуты» не повторились вновь. И здесь – своеобразный переход к третьей статье раздела, посвященной гражданской войне на территории современной Украины (автор – А.В. Бредихин).

Как мы помним, распад Российской империи сопровождался кровопролитной Гражданской войной, унесшей миллионы жизней наших соотечественников. При распаде советской империи, СССР, удалось, казалось, избежать повторения трагедии первой четверти XX века. Однако война нас «догнала». Отложенная, как ее иногда называют, гражданская война началась на Украине после государственного переворота, произошедшего в этой стране зимой 2013/14 года.

В статье А.В. Бредихина затронуты различные проблемы гражданской войны на Украине: ее истоки и характер, участие в ней казаков и иностранных наемников, различные оценки характера войны. Статья была написана больше года назад, и особую актуальность приобретают сегодня прогнозы автора относительно перспектив гражданской войны на Украине, в частности о расширении географии конфликта и возможности его перерастания в межгосударственный.

Подводя итог, следует, видимо, подчеркнуть, что проблематика гражданских войн актуальна не только в научном, но и в политическом плане. В мире остается немало стран, в которых гражданское противостояние непримиримых общественно-политических сил легко может миновать критическую черту и перерасти в войну. И еще одно: В.О. Ключевский писал когда-то, что история «ничему не учит, но сурово наказывает за незнание уроков». Хочется надеяться, что мы свои исторические уроки не просто выучили, но, выстрадав, крепко усвоили. И в этом нам тоже видится обретение смыслов как результат нашего непростого исторического пути.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голдин, В. И. Гражданская война в истории России: историография, современные подходы, подготовка нового академического издания / В. И. Голдин // Новейшая история России. – 2019. – Т. 9, № 3. – С. 758–774.
2. Гражданская война в регионах России: социально-экономические, военно-политические и гуманитарные аспекты : сб. ст. – Ижевск : АлкиД, 2018. – 494 с.
3. Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии. – СПб. : СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2018. – 407 с.
4. Поляков, Ю. А. От редакции / Ю. А. Поляков // Гражданская война в России: перекресток мнений. – М. : Наука, 1994. – С. 3–4.
5. Революция и Гражданская война в России. Современная историография : сб. ст. обзоров и реф. – М. : [б. и.], 2018. – 223 с.

REFERENCES

1. Goldin V. I. *Grazhdanskaja vojna v istorii Rossii: istoriografija, sovremennye podhody, podgotovka novogo akademicheskogo izdanija* [Civil War in the History of Russia: Historiography, Modern Approaches, Preparation of a New Academic Publication]. *Novejshaja istorija Rossii* [The Latest History of Russia], 2019, vol. 9, no. 3, pp. 758-774.
2. *Grazhdanskaja vojna v regionah Rossii: social'no-jekonomicheskie, voenno-politicheskie i gumanitarnye aspekty: sb. st.* [Civil War in the Regions of Russia: Socio-Economic, Military-Political and Humanitarian Aspects. A Collection of Articles]. Izhevsk, AlkiD Publ., 2018. 494 p.
3. *Grazhdanskaja vojna v Rossii: vzgljad cherez 100 let. Problemy istorii i istoriografii* [Russian Civil War: A Look in 100 Years. Problems of History and Historiography]. Saint Petersburg, SPbGETU «LETI», 2018. 407 p.
4. Poljakov Ju. A. *От редакции* [From the Editorial Office]. *Grazhdanskaja vojna v Rossii: perekrestok mnenij* [Russian Civil War: Crossroads of Opinion]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 3-4.
5. *Revoljucija i Grazhdanskaja vojna v Rossii. Sovremennaja istoriografija: sb. st. obzorov i ref.* [Revolution and Civil War in Russia: Modern Historiography. A Collection of Articles of Reviews and Abstracts]. Moscow, s. n., 2018. 233 p.

Выпускающий редактор номера **О.В. Рвачева;**
заместитель главного редактора **О.В. Кузнецов**

Information About the Authors

Olga V. Rvacheva, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Public Administration and Management, Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400066 Volgograd, Russian Federation, olgarvacheva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5039-4744>

Oleg V. Kuznetsov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, kusnezov_oleg@mail.ru, oleg.kuznetsov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2075-6003>

Информация об авторах

Ольга Владимировна Рвачева, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления и менеджмента, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ул. Гагарина, 8, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, olgarvacheva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5039-4744>

Олег Викторович Кузнецов, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, kusnezov_oleg@mail.ru, oleg.kuznetsov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2075-6003>

ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ: ОТ АНТИЧНОСТИ К НОВОМУ ВРЕМЕНИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.2>

UDC 94(37)
LBC 63.3(0)323.3

Submitted: 11.05.2021
Accepted: 16.07.2021

CAESAR ON DECISION MAKING IN THE CONDITIONS OF THE CIVIL WAR

Svetlana S. Demina

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* This article investigates the situations of decision making described in Caesar's "Commentaries on the Civil War". *Methods and materials.* The information about decisions of Caesar, Pompey and their supporters is investigated by the comparative method. *Analysis.* According to Caesar, the commander's decisions must be independent, rational, and directed to the common good. If the making peace by way of the parley is impossible, the victories with minimal casualties for both battling armies are this good. Caesar shows, that his own decisions corresponded always to this demands unlike Pompey, who was guided by his emotions and the opinions of others. Caesar criticizes slightly and justifies decisions of Curio who was his supporter. In his work, Pompey's commanders arrive at the decisions in their interests hastily and are ready to abandon their troops for take flight. Curio's decisions were also ill-advised and hasty, but, unlike Pompey's commanders, he preferred death in battle to the disgraceful flight. The decisions of the military council and the soldiers of Pompey's army are in Caesar's work more rational, than the decisions of their commanders, and are directed to making peace as soon as possible. *Results.* The descriptions of the situations of decision making in Caesar's "Commentaries on the Civil War" are not numerous, but they execute an important propagandistic function. Caesar does not criticize his adversaries, but he shows to the readers, that Pompey and his commanders with their ill-advised, egoistic, wrong and hasty decisions were guilty of the unleashing this civil war, its duration and the numerous victims.

Key words: Ancient Rome, Roman Republic, Caesar, civil war, decision making.

Citation. Demina S.S. Caesar on Decision Making in the Conditions of the Civil War. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 4, pp. 13-21. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.2>

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)323.3

Дата поступления статьи: 11.05.2021
Дата принятия статьи: 16.07.2021

ЦЕЗАРЬ О ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Светлана Сергеевна Демина

Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация

Аннотация. В статье изучаются ситуации принятия решений, описанные в «Записках о гражданской войне» Цезаря. Источник содержит сведения о решениях самого Цезаря, Помпея и их сторонников, поэтому используется сравнительный метод. По мнению Цезаря, решения полководца должны быть самостоятельны-

ми, тщательно обдуманнми и направленными на всеобщее благо. В случае невозможности заключить мир путем переговоров таким благом являются победы, достигнутые с минимальными для обеих воюющих сторон потерями и приближающие конец гражданской войны. В своем произведении Цезарь показывает, что его решения всегда соответствовали этим требованиям, в отличие от Помпея, который руководствовался эмоциями и чужим мнением. Описание принятия решений своим сторонником Курионом Цезарь сопровождает легкой критикой и кратким комментарием оправдывающего характера. Ближайшее окружение Помпея, как отмечается в сочинении Цезаря, заботится о собственных интересах, принимает нерациональные решения и всегда готово бросить свои отряды, чтобы спастись бегством. Решения Куриона тоже были плохо продуманы и поспешны, но в отличие от командиров Помпея он предпочел позорному бегству смерть в бою. Решения военного совета и солдат армии Помпея показаны в произведении Цезаря более рациональными, чем решения их командиров, и направленными на скорейшее заключение мира. Описания ситуаций принятия решений в «Записках о гражданской войне» немногочисленны, однако они выполняют важную для их автора пропагандистскую функцию. Цезарь открыто не критикует своих противников, однако показывает читателям, что именно Помпей и его ближайшее окружение с их неразумными, эгоистичными, ошибочными и поспешными решениями были виновны в развязывании гражданской войны, ее продолжительности и многочисленных жертвах.

Ключевые слова: Древний Рим, Римская республика, Цезарь, гражданская война, принятие решений.

Цитирование. Демина С. С. Цезарь о принятии решений в условиях гражданской войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 13–21. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.2>

Введение. Гражданская война 49–45 гг. до н. э. между цезарианцами и помпеянами стала, как известно, одним из самых значимых событий в истории позднереспубликанского Рима. Она нашла свое отражение в произведениях многих античных авторов. Однако наибольший интерес из этих сочинений все же представляют «Записки о гражданской войне» (далее – «Записки») Гая Юлия Цезаря. В отличие от Помпея, недостаточно позаботившегося о пропагандистском обосновании своих действий [1, с. 46], этот политик и полководец сам письменно изложил собственный взгляд на события братоубийственной войны, крайне важный как для его современников и последующих поколений римлян, так и для специалистов-антиковедов. В связи с этим целью данной статьи является анализ описанных Цезарем ситуаций принятия решений в условиях гражданской войны. Их сравнительная характеристика будет способствовать расширению современных научных знаний о мировоззрении самого Гая Юлия Цезаря и тех идеях, которые он пропагандировал в «Записках», а также позволит глубже понять представления древних римлян о факторах, влияющих на принятие военно-политических решений и определяющих конкретные линии поведения в различных сложных ситуациях.

Методы и материалы. Сведения, содержащиеся в «Записках» Цезаря, позволяют рассмотреть, как он описывает принятие соб-

ственных решений, решений своих сторонников и противников, поэтому для достижения цели, поставленной в данной статье, используется сравнительный анализ.

Относительно точного времени создания и опубликования «Записок» в науке до сих пор ведутся споры. С точки зрения М.Т. Боутрайт, произведение было создано в период до последней четверти 47 г. до н. э. [14, р. 40]. Р.А. Биллоуз полагает, что работа Цезаря над этим сочинением была завершена в конце 47 – начале 46 г. до н. э. [13, р. 321]. В.С. Дуров датирует это произведение 46 г. до н. э. [3, с. 165]. Несмотря на наличие разногласий среди ученых по вопросу о датировке этого произведения, все исследователи единодушно отмечают, что создание «Записок» во время гражданской войны наложило свой отпечаток на характер изложения событий. Преследуя цель оправдаться перед своими современниками и обвинить в развязывании этой войны своих противников, Цезарь проявляет крайнюю тенденциозность как при отборе фактов для своего произведения, так и при их интерпретации (см., например: [3, с. 162, 165–166; 7, с. 200; 10, S. 469; 11, р. 24; 12, S. 17, 22, 36, 128–129; 13, р. 316, 321; 20, S. 205; 23, р. 247, 254]).

В то же время именно субъективность Цезаря делает его «Записки о гражданской войне» бесценным источником, позволяющим антиковедам анализировать мировоззрение этого римского политика и полководца

I в. до н. э., его взгляд на описываемые им события, в которых он был одним из главных действующих лиц, на решения и поведение своих противников, на военное мастерство, войну, задачи командира, поступки солдат в определенных ситуациях и целый ряд других военно-политических вопросов. Неоднократно отмечавшийся исследователями тенденциозный характер данного исторического источника наводит на мысль о том, что и в этом случае Цезарь был далек от объективности.

Несмотря на существующий с давних пор устойчивый интерес исследователей к личности Гая Юлия Цезаря, его военному искусству, политической и литературной деятельности (см., например: [4; 9; 13; 18]), а также к началу гражданской войны 49–45 гг. до н. э. (см.: [8; 22]) и к ее отдельным сражениям (см., например: [16; 17, р. 254–264; 19; 21]), описания Цезарем ситуаций принятия решений изучены крайне слабо. Исключением является лишь остающийся до сих пор дискуссионным вопрос о факторах, повлиявших на его решение о переходе через Рубикон и начале гражданской войны¹. В некоторых исследованиях тема принятия военно-политических решений Цезарем и другими римскими полководцами затрагивалась, хотя и весьма кратко. Так, Дж.Е. Лендон обращает внимание на то, что, решаясь на сражение, Цезарь учитывал настроение, боевой дух (*animus*) своего войска и армии врага [19, р. 297–298]. Исследователи также указывают на значимость выступлений Цезаря и других римских полководцев перед солдатами не только для поднятия их боевого духа, но и с целью разъяснения своих замыслов, убеждения в правильности принятого решения (см.: [5, с. 115–116; 6, с. 67; 21, р. 187–188]). Таким образом, можно отметить, что представления Цезаря о принятии решений в условиях гражданской войны изучены крайне слабо. В то же время, хотя они и не становились предметом отдельного исследования, некоторые высказывания по этому поводу в специальной литературе все же свидетельствуют о наличии к ним определенного интереса в научной среде.

Анализ. В «Записках о гражданской войне» [15] Цезарь не просто повествует о том или ином сражении и его результатах, но пытается привлечь внимание читателей к при-

нятию решения о его необходимости, а также к указанию (хотя, как правило, довольно кратко) тех факторов, которые на него повлияли. Для него также важно показать, как именно принимается конкретное решение – единолично полководцем или путем обсуждения с членами военного совета (*consilium*) или на солдатской сходке (*contio militum*), то есть коллегиально. Имеющиеся в сочинении Цезаря высказывания о том, каким должен быть полководец, единичны, однако касаются они именно изучаемого в данной статье вопроса. Так, излагая события, происходившие при Илерде, он пишет, что «полководцу свойственно одерживать верх разумностью не меньше, чем мечом» («*non minus esset imperatoris consilio superare quam gladio*»: I. 72)². Это означает, что, с его точки зрения, все решения полководца должны носить взвешенный, тщательно продуманный характер, благодаря чему его армия добьется желаемого успеха в отдельном сражении и в войне в целом. Дополняют это суждение Цезаря слова, высказанные им в ходе повествования о событиях при Диррахии, о различии должностных обязанностей легата (*legatus*) и полководца (*imperator*): «один должен все делать по предписанию, другой – по своей воле принимать меры для наилучшего исхода дела» («*alter omnia agere ad praescriptum, alter libere ad summam rerum consulere debet*»: III. 51). В данном случае автор «Записок» подчеркивает самостоятельность решений полководца, с одной стороны, и их нацеленность на достижение оптимального результата – с другой.

В своем произведении Цезарь пытается показать, что сам он во время гражданской войны всегда соблюдал эти требования и его слова не расходились с его поступками. Все решения он принимал самостоятельно, не советуясь с членами военного совета или солдатами.

Размышляя о необходимости дать сражение недалеко от Илерды, Цезарь хотел добиться успеха без боя и, как он пишет, вопреки доминирующему в его армии мнению, был тверд в этом своем решении, поскольку руководствовался прежде всего гуманными целями – нежеланием потерь или ранений своих воинов и состраданием (*misericordia*) к гражданам, воевавшим на стороне Помпея, которые могли бы

в этой битве погибнуть (I. 72). Описывая последующие события борьбы с Афранием в Испании, он отмечает два обстоятельства, повлиявших на него при принятии решения. С одной стороны, «вопреки мнению солдат и всеобщей молве» («*contra opinionem... militum famaque omnium*») о нем, всем могло показаться, будто он уклонялся от решающего сражения, что могло бы нанести большой вред (*magnum detrimentum*) его авторитету в армии и его репутации в римском обществе в целом (I. 82). Однако, с другой стороны, Цезарь вновь подчеркивает свое нежелание больших потерь как в своей войске, так и в войске противника. Принимая во внимание эти обстоятельства, он решил лишь отражать небольшими отрядами атаки неприятеля, не навязывая ему крупного сражения (I. 82).

Излагая события при Корфинии, Цезарь также демонстрирует читателям-современникам, на которых он ориентировался в первую очередь при создании «Записок», свой гуманизм. Он пишет, что солдаты Домиция, находившиеся в Корфинии, отправили к нему послов с сообщением о своей готовности открыть городские ворота, когда узнали о том, что их полководец, «бросив всех, принял решение о бегстве» («*proiectis omnibus fugae consilium capere*»: I. 20). Перед Цезарем открывалась возможность быстрого и бескровного захвата Корфинии. Однако он опасался того, что его воины, войдя в город под покровом темноты, проявят произвол (*licentia*) и разграбят его, поэтому решил отпустить послов обратно и не воспользовался их предложением, приказав лишь следить за воротами и стенами города (I. 21).

Как видим, Цезарь пытается показать, что он, как истинный полководец, всегда принимал решения самостоятельно, тщательно все обдумав, и старался, чтобы они служили «для наилучшего исхода дела» (III. 51).

В то же время Цезарь с первых страниц «Записок» стремится убедить читателя в том, что не он создавал такие ситуации, когда приходилось принимать важные решения, которые могли стоить его согражданам жизни. Исследователи уже неоднократно обращали внимание на тот факт, что свое решение перейти через Рубикон Цезарь изображает как вынужденное (подробнее см.: [2, с. 8]). Изла-

гая ход гражданской войны, этот римский политик и полководец постоянно пишет о своих попытках договориться о мире, а также о том, что не хотел проливать кровь сограждан в крупных сражениях, но видел упорство Помпея, сената и их сторонников в намерении воевать с ним и был вынужден давать им вооруженный отпор. В «Записках» он приводит примеры таких ситуаций, когда, вопреки своему нежеланию сражаться, ему приходилось принимать решения об осадах, ответных действиях на атаки неприятеля и битвах. Так, описывая события при Массилии, Цезарь отмечает, что пытался убедить руководство города соблюдать нейтралитет в этой войне (I. 35). Однако массилийцы стали оказывать активную поддержку Домицию, тем самым заняв в гражданской войне сторону помпеянцев. Расценив такое поведение как несправедливость («*quibus iniuriis permotus*»), Цезарь принял решение готовить осаду Массилии (I. 36). В другом случае этот политик и полководец указывает, что, несмотря на важные дела в Италии, он все же решил продолжать войну в Испании, зная о действиях Помпея и его сторонников, о значительных благодеяниях, которые его соперник оказал местному населению, и о наличии у него там множества клиентов (II. 18). Свое решение преследовать Помпея после Фарсальской битвы Цезарь также описывает как вынужденное и направленное на всеобщее благо граждан. Он обосновывает его беспокойством о том, чтобы бежавший после крупного поражения противник не собрал новое войско и не возобновил войну (III. 102).

Таким образом, в «Записках» Цезарь предстает перед читателем как полководец, способный самостоятельно принимать решения в сложных, не созданных им самим ситуациях. Эти решения носят рациональный, нравственно ориентированный характер. С его точки зрения, они призваны минимизировать негативные для общества проявления и вытекающие из них последствия гражданской войны.

Иначе в своем произведении Цезарь описывает принятие решений Помпеем. В начале «Записок» он отмечает, что к участию в гражданской войне того побуждали недруги Цезаря, его собственное желание возвысить-

ся над всеми и дурная молва (*infamia*) о том, что он оставил при себе два легиона, которые надлежало отправить в Азию и Сирию (I. 4). В данном случае Цезарь подводит читателя к мысли о том, что решение Помпея возглавить вооруженную борьбу с ним и его армией было принято под влиянием эмоций и чужого мнения. Его другое важное решение (о Фарсальском сражении) также предстает в «Записках» как результат воздействия, оказанного на него его собственной армией и ближайшим окружением («*Pompeius... suorum omnium hortatu statuerat proelio decertare*»: III. 86). Обращает на себя внимание тот факт, что если о своем решении сразиться при Фарсале Цезарь сообщает предельно кратко в речи, произнесенной им перед солдатами (подробнее об этой речи см.: [19, p. 279; 21]), то на обсуждении плана Помпея, которое состоялось на военном совете (*in consilio*), он останавливается более детально, изложив выступления Помпея и Лабиена, а также отметив большие надежды на предстоящую победу и связанное с ними всеобщее ликование их сторонников (III. 86–87). Такой характер повествования вновь создает у читателя впечатление, что при принятии решения о Фарсальском сражении для Помпея крайне важным было мнение его окружения. Об этом же свидетельствуют и слова Цезаря, будто Помпей по совету Г. Триария выжидал атаки с его стороны, что, на взгляд самого Цезаря, было неразумно, поскольку подобная тактика игнорировала стремление войска к битве (III. 92).

Как видим, Цезарь изображает Помпея неспособным принимать самостоятельные, тщательно обдуманые решения, которые позволили бы его армии одержать победу. В то же время он пытается быть объективным к своему сопернику, отмечая его намерение завершить гражданскую войну Фарсальским сражением с наименьшими потерями (III. 86).

В «Записках» есть сведения о решениях, принятых не только Цезарем и Помпеем как главнокомандующими двух армий, но и командирами частей их войск.

Повествуя о событиях, происходивших в Африке, Цезарь описывает, как Курион, его сторонник, принимал решения в ходе боевых действий при Утике.

Сначала Курион созвал военный совет (*consilium*), на котором обсуждался вопрос о целесообразности штурма лагеря Вара (II. 30). Высказанные там два предложения он не одобрил (II. 31) и созвал солдатскую сходку (*contio militum*), на которой выступил с речью (II. 32). Под ее воздействием у колеблющихся изменилось настроение и у всех возродился боевой настрой, что позволило Куриону принять решение о начале сражения при первой же возможности (II. 33). Очевидно, что Цезарь здесь обращает внимание на значимость для Куриона заручиться поддержкой со стороны войска.

Когда Курион начал осаду Утики (II. 36), он получил известие о том, что на помощь жителям этого города выдвинулся царь Юба с большой армией (II. 37). Однако, как отмечает автор «Записок», сначала Курион не поверил этим сообщениям и был убежден в успехе своего дела. Его уверенность укреплялась и известиями о победах Цезаря в Испании. Получив позднее известие о приближении Юбы, Курион хотел дожидаться подкрепления и «войну затягивать» («*bellum ducere*»: II. 37). Затем, узнав от перебежчиков, что Юба был вынужден вернуться в свое царство, а к Утике направляется Сабурра с небольшим войском, Курион изменил свое решение, отказавшись от намерения затягивать войну и собираясь дать сражение (II. 38).

Интересно, что изложение этих фактов сопровождается комментариями самого автора «Записок», что обычно ему не свойственно. С одной стороны, Цезарь в легкой форме критикует Куриона, указывая, что тот изменил решение, «опротечливо доверяя этим свидетелям» («*his auctoribus temere credens*»), не проверив их информацию. Но в то же время, с другой стороны, он немного оправдывает его, ссылаясь на присущие тому «молодость, величие духа, прежние успехи, уверенность в благополучном исходе дела» («*adulescentia, magnitudo animi, superioris temporis proventus, fiducia rei bene gerendae*»: II. 38). Легкая критика позволяет читателям-современникам описываемых событий заключить, что сам Цезарь до принятия важного решения перепроверил бы полученные сведения, а комментарий оправдывающего характера, вероятно, был призван вызвать у них не столько осуж-

дение слабо обдуманых, поспешных действий Куриона, сколько понимание ситуации, в которой они были предприняты.

Затем, как пишет автор «Записок», отправленная Курионом конница вернулась с пленными, у которых тот спросил, кто командует в лагере у Баграды, но прочими вопросами пренебрег, думая лишь о желанной победе. Цезарь также добавляет, что эта надежда (*spes*) Куриона на успех усиливалась устремлениями солдат (*militum studia*) (II. 39). Далее автор «Записок» повествует о поражении армии Куриона и о его гибели как печальном для цезарианцев результате череды его ошибочных и поспешных решений (II. 40–42).

Таким образом, хотя Цезарь и воздерживается от прямой, резкой критики решений и действий Куриона, все же на его примере он показывает, что слабо продуманные решения командира не приведут его войско к победе, даже если оно состоит из опытных и храбрых солдат.

«Записки» содержат сведения также о решениях сторонников Помпея. Так, характеризуя мотивы своих недругов (Катона, Лентула, Сципиона), побудившие их начать гражданскую войну, Цезарь обращает внимание на сильное влияние таких эмоций, как неприязнь (*inimicitia*), досада (*dolor*), надежда (*spes*), страх (*metus*), которые вели к необдуманным и поспешным решениям и поступкам (подробнее см.: [2, с. 8–9]). Такие решения не могли быть ориентированы на всеобщее благо, а были направлены на достижение личных целей. В ходе военных действий, как показывает автор «Записок», страх и отчаяние, вызванные известиями о приближении отрядов цезарианцев, зачастую вынуждали командиров армии помпеянцев решиться на бегство (см.: I. 12–15, 19–20, 30–31). Он противопоставляет им своего сторонника Куриона, который, видя, что вверенное ему Цезарем войско терпит сокрушительное поражение из-за его ошибочных и поспешных решений, предпочел позорному бегству смерть в бою (II. 42).

Достаточно взвешенный подход в процессе принятия коллективного решения проявил военный совет помпеянцев в Испании. Созванный Петреем и Афранием, он обсуждал вопрос о времени выступления отрядов недалеко от реки Ибер (I. 67). Цезарь излага-

ет два мнения, которые там рассматривались. Хотя в данном случае автор «Записок» и не сопровождает описание этого обсуждения своими комментариями и не дает оценки правильности принятого решения, все же он достаточно подробно излагает аргументы, представленные в ходе дискуссии в пользу обеих точек зрения, тем самым показывая читателю, что это решение военного совета носило продуманный характер.

Цезаря нельзя считать сторонником коллективных решений, принимаемых в условиях ведения войны. Описывая события при Корфинии, этот римский политик и полководец со знанием дела замечает, что настроение (*voluntas*) солдат может изменяться под воздействием «щедрых раздач, или ободрения, или ложных известий» (*«largitionibus aut animi confirmatione aut falsis nuntiis»*: I. 21), поэтому сам он принимал все решения без обсуждения с подчиненными. В то же время в «Записках» Цезарь показывает, что иногда коллективные решения солдат, воевавших на стороне Помпея, были более разумны и направлены на то, чтобы положить конец этой братоубийственной войне, а следовательно, были в большей степени ориентированы на всеобщее благо римских граждан, чем решения их командиров. Примерами могут служить решение солдат, находившихся в Корфинии под командованием Домиция, выдать его Цезарю, открыть городские ворота и самим перейти под его власть (I. 20) или намерение отрядов Петрея и Афрания у реки Ибер в Испании сдаться Цезарю, которое, однако, не было реализовано благодаря действиям Петрея (I. 74–76).

Результаты. Исследование показало, что, по мнению Цезаря, истинный полководец в условиях гражданской войны должен принимать самостоятельные, хорошо обдуманные решения, направленные на всеобщее благо. В случае невозможности заключить мир путем переговоров таким благом для всех, с его точки зрения, могут служить победы, достигнутые с наименьшими для обеих воюющих сторон потерями и приближающие конец братоубийственного кровопролития. Именно таким полководцем Цезарь изображает в «Записках» себя самого, в отличие от Помпея, хотя и желавшего завер-

шить гражданскую войну как можно скорее, но принимавшего важные решения под воздействием эмоций и чужого мнения, которое, как показывали последующие события, оказывалось ошибочным. Командиры армии помпеянцев изображаются в произведении Цезаря заботившимися о собственных интересах, не продумывавшими тщательным образом свои решения и готовыми в трудный момент бросить свои отряды и бежать, чтобы спастись самим. Цезарь противопоставляет им Куриона, одного из своих командиров, и их же собственных подчиненных. Решения Куриона также были слабо продуманы и поспешны, однако он не помышлял о бегстве, а храбро сражаясь, погиб в бою. Коллективные же решения помпеянцев были более рациональными, чем руководства их армией, а решения их солдат были направлены на скорейшее заключение мира.

Немногочисленные и зачастую довольно краткие описания ситуаций принятия решений в «Записках о гражданской войне» выполняют важную для Цезаря пропагандистскую функцию. Они позволяют ему без собственных оценочных суждений, ненавязчиво заставить римских читателей 40-х гг. до н. э., на которых в первую очередь и было ориентировано его произведение, и последующие поколения сделать вывод о том, что в развязывании этой гражданской войны, ее продолжительности и многочисленных жертвах были виновны Помпей и его ближайшее окружение с их неразумными, эгоистичными, ошибочными и поспешными решениями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Обзор точек зрения специалистов по данной исследовательской проблеме см.: [2, с. 8].

² Здесь и далее перевод с латыни на русский язык выполнен автором статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахиев, С. Н. Основные направления пропаганды Гая Юлия Цезаря / С. Н. Ахиев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2016. – Т. 16, вып. 1. – С. 43–49. – DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2016-16-1-43-49>
- Демина, С. С. Причины гражданской войны 49–45 гг. до н. э. в представлениях римских авторов I в. до н. э. – I в. н. э. / С. С. Демина // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. – 2020. – Т. 7, № 2. – С. 7–13. – DOI: [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2020.7\(2\).7-13](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2020.7(2).7-13)
- Дуров, В. С. Юлий Цезарь: Человек и писатель / В. С. Дуров. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. – 208 с.
- Егоров, А. Б. Юлий Цезарь: политическая биография / А. Б. Егоров. – СПб.: Нестор-История, 2014. – 548 с.
- Зверев, С. Э. Военная риторика Древнего мира / С. Э. Зверев. – СПб.: Алетейя, 2011. – 176 с.
- Махлаюк, А. В. Армия Римской империи. Очерки традиций и ментальности / А. В. Махлаюк. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского, 2000. – 235 с.
- Утченко, С. Л. Юлий Цезарь / С. Л. Утченко. – М.: Мысль, 1984. – 342 с.
- Фролов, Р. М. Вступил ли проконсул Цезарь в город Рим в начале 49 г. до н. э.? / Р. М. Фролов // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – № 2. – С. 18–25. – DOI: <http://dx.doi.org/10.18255/1996-5648-2020-2-18-25>
- Чеканова, Н. В. Римская диктатура последнего века Республики / Н. В. Чеканова. – СПб.: Гуманит. Акад., 2005. – 480 с.
- Avery, H. C. A Lost Episode in Caesar's Civil War / H. C. Avery // *Hermes*. – 1993. – Bd. 121, H. 4. – S. 452–469.
- Balsdon, J. P. V. D. The Veracity of Caesar / J. P. V. D. Balsdon // *Greece & Rome*. – 1957. – Vol. 4, № 1. – P. 19–28.
- Barwick, K. Caesars Bellum civile (Tendenz, Abfassungszeit und Stil) / K. Barwick. – Berlin: Acad., 1951. – 178 S.
- Billows, R. A. Julio César. El coloso de Roma / R. A. Billows. – Madrid: Editorial Gredos, S. A., 2011. – 481 p.
- Boatwright, M. T. Caesar's Second Consulship and the Completion and Date of the Bellum Civile / M. T. Boatwright // *The Classical Journal*. – 1988. – Vol. 84, № 1. – P. 31–40.
- Caesar, C. *Ivli Caesaris commentarii*. Vol. II. *Commentarii Belli Civilis* / Caesar; ed. A. Klotz. – Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri, 1964. – 174 p.
- Chlup, J. T. Collective Memory, Authorial Authority, and Civil War: Caesar on Dyrrachium (Bellum Civile, III, 47–49) / J. T. Chlup // *Eirene-Studia Graeca et Latina*. – 2018. – Vol. 54. – P. 131–154.
- Grillo, L. Scribam ipse de me: The Personality of the Narrator in Caesar's Bellum Civile / L. Grillo // *American Journal of Philology*. – 2011. – Vol. 132, № 2. – P. 243–271.

18. Grillo, L. *The Art of Caesar's Bellum Civile: Literature, Ideology, and Community* / L. Grillo. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – 221 p.
19. Lendon, J. E. *The Rhetoric of Combat: Greek Military Theory and Roman Culture in Julius Caesar's Battle Descriptions* / J. E. Lendon // *Classical Antiquity*. – 1999. – Vol. 18, № 2. – P. 273–329.
20. Mutschler, F.-H. *Erzählstil und Propaganda in Caesars Kommentarien* / F.-H. Mutschler. – Heidelberg: Winter, 1975. – 251 S.
21. Nordling, J. G. *Caesar's Pre-Battle Speech at Pharsalus (B.C. 3.85.4): Ridiculum Acri Fortius... Secat Res* / J. G. Nordling // *The Classical Journal*. – 2005/2006. – Vol. 101, № 2. – P. 183–189.
22. Ridley, R. T. *Attacking the World with Five Cohorts: Caesar in January 49* / R. T. Ridley // *Ancient Society*. – 2004. – Vol. 34. – P. 127–152.
23. Rossi, A. *The Camp of Pompey: Strategy of Representation in Caesar's Bellum Civile* / A. Rossi // *The Classical Journal*. – 2000. – Vol. 95, № 3. – P. 239–256.

REFERENCES

1. Akhiev S.N. *Osnovnye napravleniya propagandy Gaya Yuliya Tsezarya [Main Directions of Propaganda Gaius Julius Caesar]*. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Izvestiya of Saratov University. New Series. History. International Relations], 2016, vol. 16, iss. 1, pp. 43–49. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2016-16-1-43-49>
2. Demina S.S. *Prichiny grazhdanskoi voiny 49–45 gg. do n. e. v predstavleniyakh rimskikh avtorov I v. do n. e. – I v. n. e. [The Causes of the Civil War (49–45 BC) in the Thoughts of Roman Authors (1st Century BC – 1st Century AD)]*. *Vestnik Omskogo Universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki* [Herald of Omsk University. Series Historical Studies], 2020, vol. 7, no. 2, pp. 7–13. DOI: [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2020.7\(2\).7-13](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2020.7(2).7-13)
3. Durov V.S. *Yuliy Tsezar': Chelovek i pisatel' [Julius Caesar: The Man and the Writer]*. Leningrad, Izd-vo Leningr. un-ta, 1991. 208 p.
4. Egorov A.B. *Yuliy Tsezar': politicheskaya biografiya [Julius Caesar: A Political Biography]*. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2014. 548 p.
5. Zverev S.E. *Voennaya ritorika Drevnego mira [The Military Rhetoric of the Ancient World]*. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 2011. 176 p.
6. Makhlayuk A.V. *Armiya Rimskoi imperii. Ocherki traditsiy i mental'nosti [The Army of the Roman Empire. Essays on Traditions and Mentality]*. Nizhny Novgorod, Izd-vo Nizhegor. gos. un-ta im. N.I. Lobachevskogo, 2000. 235 p.

7. Utchenko S.L. *Yuliy Tsezar' [Julius Caesar]*. Moscow, Mysl' Publ., 1984. 342 p.
8. Frolov R.M. *Vstupil li prokonsul Tsezar' v gorod Rim v nachale 49 g. do n. e.? [Did the Proconsul Caesar Enter the City of Rome at the Beginning of 49 B. C.?]*. *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Vestnik YarGU. Seriya: Gumanitarnye nauki], 2020, no. 2, pp. 18–25. DOI: <http://dx.doi.org/10.18255/1996-5648-2020-2-18-25>
9. Chekanova N.V. *Rimskaya diktatura poslednego veka Respubliki [The Roman Dictatorship of the Last Century of the Republic]*. Saint Petersburg, Gumanitarnaya Akademiya, 2005. 480 p.
10. Avery H.C. *A Lost Episode in Caesar's Civil War*. *Hermes*, 1993, Bd. 121, H. 4, S. 452–469.
11. Balsdon J.P.V.D. *The Veracity of Caesar. Greece & Rome*, 1957, vol. 4, no. 1, pp. 19–28.
12. Barwick K. *Caesars Bellum civile (Tendenz, Abfassungszeit und Stil)*. Berlin, Acad., 1951. 178 S.
13. Billows R.A. *Julio César. El coloso de Roma*. Madrid, Editorial Gredos, S. A., 2011. 481 p.
14. Boatwright M.T. *Caesar's Second Consulship and the Completion and Date of the Bellum Civile*. *The Classical Journal*, 1988, vol. 84, no. 1, pp. 31–40.
15. Caesar. C. *Ivli Caesaris commentarii. Vol. II. Commentarii Belli Civilis*. Ed. A. Klotz. Lipsiae, in aedibus B.G. Teubneri, 1964. 174 p.
16. Chlup J.T. *Collective Memory, Authorial Authority, and Civil War: Caesar on Dyrrachium (Bellum Civile, III, 47–49)*. *Eirene-Studia Graeca et Latina*, 2018, vol. 54, pp. 131–154.
17. Grillo L. *Scribam ipse de me: The Personality of the Narrator in Caesar's Bellum Civile*. *American Journal of Philology*, 2011, vol. 132, no. 2, pp. 243–271.
18. Grillo L. *The Art of Caesar's Bellum Civile: Literature, Ideology, and Community*. Cambridge, Cambridge University Press, 2012. 221 p.
19. Lendon J.E. *The Rhetoric of Combat: Greek Military Theory and Roman Culture in Julius Caesar's Battle Descriptions*. *Classical Antiquity*, 1999, vol. 18, no. 2, pp. 273–329.
20. Mutschler F.-H. *Erzählstil und Propaganda in Caesars Kommentarien*. Heidelberg, Winter, 1975. 251 S.
21. Nordling J.G. *Caesar's Pre-Battle Speech at Pharsalus (B.C. 3.85.4): Ridiculum Acri Fortius... Secat Res*. *The Classical Journal*, 2005/2006, vol. 101, no. 2, pp. 183–189.
22. Ridley R.T. *Attacking the World with Five Cohorts: Caesar in January 49*. *Ancient Society*, 2004, vol. 34, pp. 127–152.
23. Rossi A. *The Camp of Pompey: Strategy of Representation in Caesar's Bellum Civile*. *The Classical Journal*, 2000, vol. 95, no. 3, pp. 239–256.

Information About the Author

Svetlana S. Demina, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of World History, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Gorkogo St, 87, 600000 Vladimir, Russian Federation, ist-drev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7736-4222>

Информация об авторе

Светлана Сергеевна Демина, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, ул. Горького, 87, 600000 г. Владимир, Российская Федерация, ist-drev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7736-4222>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.3>

UDC 94(597)«16/17»:341.39
LBC 63.3(5Вье)4-68

Submitted: 08.04.2021
Accepted: 16.07.2021

RESEARCH ON TONKIN – COCHINCHINA CIVIL WAR (VIETNAM) DURING THE 17th AND 18th CENTURIES THROUGH WESTERN MATERIALS

Anh Thuan Truong

The University of Danang, University of Science and Education, Danang city, Vietnam

Abstract. Introduction. The article researches Tonkin – Cochinchina Civil War (in Vietnamese history, also known as Dang Trong – Dang Ngoai War or Trinh – Nguyen War) that took place from the early 17th century to the late 18th century in Vietnam. **Methods and Materials.** When researching this matter, the author used Western materials, including writings, reports, correspondences, diaries, etc., of Western missionaries, merchants, and travellers used to operate in Vietnam in the 17th and 18th centuries. The author combines two main research methods of historical science (historical method and logical method) with other research methods (system, analysis, synthesis, comparison, etc.) to clarify the article's contents. **Analysis.** In the 17th and 18th centuries, the struggle for political power between two powers: Trinh Lord in Tonkin and Nguyen Lord in Cochinchina, caused Vietnam to undergo a fierce civil war that lasted for more than a century. This civil war was scattered mentioned in Western missionaries, merchants, and travellers' materials (including writings, reports, correspondences and diaries), operating in Vietnam during this period. The cause of the civil war outbreak, force correlation between two sides, happening of some battles and using foreign resources of Trinh Lord and Nguyen Lord to defeat the enemy, those were the contents recorded by Westerners. Despite not much adequate, researchers also have a basic visualization of Tonkin – Cochinchina Civil War's panorama taking place in Vietnam in the 17th and 18th centuries. **Results.** Based on researching several contents related to Tonkin – Cochinchina Civil War, mentioned in writings, reports, correspondences, and diaries of Westerners present in Vietnam in the 17th and 18th centuries, the author analyzed to draw out the advantages and limitations of these materials. On that basis, the author initially clarifies its value for the research and assessment of Tonkin – Cochinchina Civil War of Vietnamese scholars at present and in the future.

Key words: Civil war, Vietnam, Tonkin, Cochinchina, Trinh Lord, Nguyen Lord, 17th century, 18th century.

Citation. Anh Thuan Truong. Research on Tonkin – Cochinchina Civil War (Vietnam) During the 17th and 18th Centuries Through Western Materials. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 4, pp. 22-37. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.3>

УДК 94(597)«16/17»:341.39
ББК 63.3(5Вье)4-68

Дата поступления статьи: 08.04.2021
Дата принятия статьи: 16.07.2021

ИССЛЕДОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ТОНКИН – КОХИНХИНА (ВЬЕТНАМ) В XVII–XVIII ВВ. ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЗАПАДНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Анх Тхуан Труонг

Университет Дананга, Университет науки и образования, г. Дананг, Вьетнам

Аннотация. Введение. В статье исследуется гражданская война Тонкин – Кохинхина (в истории Вьетнама также известная как война Данг Чонг – Данг Нгоай или война Трин – Нгуен), которая длилась с начала XVII до конца XVIII в. во Вьетнаме. **Методы и материалы.** В основу работы положены западные материалы, в том числе отчеты, переписка, дневники западных миссионеров, торговцев и путешественников, которые посещали Вьетнам в XVII и XVIII веках. Для более полного изучения данного вопроса в качестве основных методов исследования автор использует исторический и логический методы, а также применяет такие методы исследования, как системный подход, анализ, синтез, сравнение и др. **Анализ.** В XVII и XVIII вв. политичес-

кая борьба за власть между двумя родами – Лорд Трин в Тонкине и Лорд Нгуен в Кохинхине – вызвала во Вьетнаме жестокую гражданскую войну, которая длилась более века. Причины начала гражданской войны, соотношение сторон, участвовавших в борьбе, военные столкновения и использование иностранных ресурсов Лорд Трин и Лорд Нгуен для разгрома врага – обо всем этом можно прочесть в материалах западного происхождения. Хотя эти свидетельства не всегда объективны, но они помогают создать общее представление панорамы гражданской войны Тонкин – Кохинхина в XVII и XVIII веках. *Результаты.* Автору удалось установить преимущества и недостатки исторических материалов западного происхождения, уточнить их значение для оценки вьетнамскими учеными гражданской войны Тонкин – Кохинхина и обозначить перспективы изучения.

Ключевые слова: гражданская война, Вьетнам, Тонкин, Кохинхина, Лорд Трин, Лорд Нгуен, XVII век, XVIII век.

Цитирование. Анх Тхуан Труонг. Исследование гражданской войны Тонкин – Кохинхина (Вьетнам) в XVII–XVIII вв. через призму западных материалов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 22–37. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.3>

Introduction. The 17th and 18th centuries were a turbulent period in Vietnamese history. During this time, various political forces' confrontation led to several wars for gaining the right to rule this nation¹. In particular, the conflict between Trinh Lord's governments in Tonkin and Nguyen Lord in Cochinchina that took place from the first half of the 17th century to the late 18th century was considered one of the critical events that had a profound effect on the history of Vietnam in this period. In essence, that was a civil war. Because at that time, both Trinh Lord and Nguyen Lord, although they held absolute power over the land they governed, still recognized the supreme rulership of the Emperor of the Later Le dynasty², and they were also the high ranking mandarins of this dynasty [63, pp. 174-175].

In fact, in the 17th century, Trinh Lord and Nguyen Lord's direct conflicts mainly took place in the period of 1627–1672. After 46 years of fierce fighting, both sides were exhausted in terms of human and material, so they had to cease war and accepted a state of long-term national division in 1672. Gianh River, also called Linh Giang in the historical record, became the boundary that divides Vietnam into two regions. The region from Linh Giang to the South was called Cochinchina under the rule of Nguyen Lord, and the area from Linh Giang to the North was called Tonkin, under the management of the government of Trinh Lord. However, that does not mean that after 1672, conflicts between these two powers altogether ceased. In fact, more than a century later (1672–1774), two sides were always in a state of “cold war” with the preparation and strengthening of their military, economic and defence potential as

well as enlisting the support of Western countries (Portugal, Netherlands, UK, France, etc.) to oppose their political opponent. That made this civil war practically occur in the period of 1627–1672 and last until the end of the 18th century. It was not until 1774, when the final battle between Tonkin and Cochinchina took place with the victory of Trinh Lord (Tonkin), that this civil war ultimately ended.

Researchers can find several Han script bibliographies on the Tonkin – Cochinchina Civil War, recorded by the official historians of the Later Le dynasty³ or the Cochinchina government's officials in the 17th and 18th centuries⁴ or the National Historiographer's Office of Nguyen Dynasty in the 19th century⁵. However, these historical records had certain limitations. The first was that they paid too much attention to presenting the progression of seven battles between Trinh Lord in Tonkin and Nguyen Lord in Cochinchina in the 1627–1672 period, but paid little attention to the “cold war” that took place from after 1672 to the late 18th century. The second was the objectivity of the historical records⁶. The above limitations could be completely overcome when researchers use the original documents recorded by Westerners who appeared in Vietnam in the 17th and 18th centuries. Because for this war, they are bystanders, had no relation with both forces participating in the war. Therefore, they would not have any reason to record what they witnessed about this war dishonestly.

So, Westerners recorded the Tonkin – Cochinchina Civil War in Vietnam in the 17th and 18th centuries, but who are they? They were missionaries of different religious orders⁷, came

to Vietnam to evangelize the people of this country. They were the Western merchants⁸ who brought European goods to Vietnamese for sale, and at the same time bought indigenous products, aromatizers and medicinal herbs and took them back to the West. They could also be travelers⁹ who came to Vietnam to satisfy their curiosity and expand the understanding of this nation and people. So why did they take notes on this civil war? Apparently, their work (evangelization, trade, tourism) had nothing to do with the civil war for political power between Trinh Lord and Nguyen Lord, which took place in Vietnam at that time. However, the fierce and brutal context caused by this conflict brought Western missionaries, merchants, and travellers certain obstacles in their work. Therefore, in the writings, correspondences and reports sent to Europe at that time, even in diaries of personal journeys, the Western missionaries, merchants, and travellers directly or indirectly mentioned the Tonkin – Cochinchina Civil War along with its adverse effects at each particular period.

Methods and materials. In the process of studying this issue, the author uses original historical records (writings, reports, correspondences, diaries, etc.) recorded by Westerners (missionaries, merchants, travellers, etc.) who were present and worked in Vietnam in the 17th and 18th centuries, referring directly or indirectly to the Tonkin – Cochinchina Civil War. These documents existed in two forms. Firstly, they were published in Europe as separate and typical works such as *Histoire du Royaume de Tunquin* [47], *Divers Voyages et Missions* [46], *Relazione de' felici successi della Santa Fede Predicata da' Padri Della Compagnia di Giesu Nel Regno di Tunchino* [48] of Alexandre de Rhodes, *Relation de la nouvelle mission des pères de la compagnie de Jésus au royaume de la Cochinchine* [5] of Christoforo Borri, *Delle missioni de' padri della Compagnia di Giesu nella provincia del Giappone, e particolarmente di quella di Tumkino* [29] of Giovanni Filippo de Marini, *Voyages and descriptions* [16] of William Dampier, *Recueil de plusieurs relations et traitez singuliers et curieux de J.B Tavernier* [59] of Jean-Baptiste Tavernier, *Journal du voyage de Siam fait en 1685 et 1686* [13] of François-Timoléon Abbé de Choisy, etc. Secondly, they were selected, edited, translated and published in a number of works such as *Mission de la*

Cochinchine et du Tonkin avec gravure et carte géographique [35] of Fortuné de Montézon et al, *Views of Seventeenth-Century Vietnam: Christoforo Borri on Cochinchina and Samuel Baron on Tonkin* [18] (Olga Dror and K.W. Taylor editors and annotators), *La Geste française en Indochine: Histoire par les textes de la France en Indochine des origines à 1914* [57] of Georges Taboulet, *De Oost-Indische compagnie en Quinam, de betrekkingen der Nederlanders met Annam in de XVII eeuw* [6] of Wilhelm Jozef Maria Buch, *Aux origines d'une église. Rome et les missions d' Indochine au XVIIe siècle* [11] of Henri Chappoulie, *Histoire moderne du pays d'Annam (1592–1820)* [33] of Charles B. Maybon, *Lettres édifiantes et curieuses: concernant l'Asie, l'Afrique et l'Amérique, avec quelques relations nouvelles des missions, et des notes géographiques et historiques* [30] of Louis-Aimé Martin, etc. The above-mentioned documents played an important role in providing a necessary basis for the author to conduct research accurately and objectively on the Tonkin – Cochinchina Civil War in Vietnam in the 17th and 18th centuries.

Approaching the research issue from the perspective of history, the author applies the historical method, with the desire to reproduce systematically and accurately the panorama of the Tonkin – Cochinchina Civil War in Vietnam in the 17th and 18th centuries. To achieve this goal, the author applies methods of selecting, collating, system, synthesizing, statistics, comparison, and analyzing data and historical events and phenomena mentioned in the original material source (writings, reports, correspondences, diaries, etc.) of Western missionaries, merchants, and travellers, who operated in Vietnam in the period. On that basis, the author clarifies the advantages and limitations of this material source, at the same time, considers and evaluates its significance and value for the study of the Tonkin – Cochinchina Civil War in the 17th and 18th centuries. That is the manifestation of the application of the logical method in the process of studying this issue. Thus, the clarified contents in the article are the result of the combined application of the research mentioned above methods.

Analysis. When researching writings, correspondences, reports and diaries of the

Westerners (including missionaries, merchants and travellers) who operated in Vietnam in the 17th and 18th centuries, it could be realized that these documents mainly referred to the Tonkin – Cochinchina Civil War in the following aspects:

The first was about the cause of the civil war. This content could be found in the documents of two Jesuit missionaries Alexandre de Rhodes¹⁰ and Cristoforo Borri¹¹. As a missionary who thoroughly and creatively applied the guideline of “adaptation to indigenous culture” [2, pp. 412–413], fluent in Vietnamese language and spent a long time in Cochinchina (1624–1626, 1640–1645) as well as Tonkin (1627–1630), so missionary Alexandre de Rhodes also more or less had a certain understanding of the political situation of Vietnam during this period. Talking about the cause of the outbreak of the Tonkin – Cochinchina Civil War, in three works *Histoire du Royaume de Tunquin*, *Divers Voyages et Missions*, and *Relazione de’ felici successi della Santa Fede Predicata da’ Padri Della Compagnia di Giesu Nel Regno di Tunchino*, Alexandre de Rhodes said, Cochinchina was only split from Tonkin for less than 50 years. Still, 700 years earlier¹², this area was only one province of Tonkin. The person who started to bring Cochinchina out of dependence on the Tonkin government was the ancestor of Nguyen Lord who ruled Cochinchina at the time of Alexandre de Rhodes’s arrival in this land¹³. The ancestor that Alexandre de Rhodes mentioned here was Nguyen Hoang¹⁴. Nguyen Hoang was Trinh Kiem’s wife’s brother. In the second half of the 16th century, Nguyen Hoang noticed that his brother-in-law Trinh was secretly attempting to assassinate, to monopolize political power that belonged to him¹⁵. So, he asked his older sister (i.e. Trinh Kiem’s wife) to tell his brother-in-law to allow him to Cochinchina for the ruling. Trinh Kiem approved that petition along with another malicious scheme. He wanted to take advantage of the natural severity and social complexity of this southernmost land of Vietnam (Cochinchina) to kill his wife’s brother who was intending to gain power and opposed him. In a report on the missionary situation in Cochinchina called *Relation de la nouvelle mission des peMres de la compagnie de Jésus au royaume de la Cochinchine*, Cristoforo Borri – a Jesuit missionary who worked in this area from 1618 to 1621 said that in the first period of coming to rule this land,

Nguyen Hoang knew that his power was not strong enough to oppose Trinh Lord, so he still made peace with Tonkin by paying taxes in full to Tonkin [5, p. 83]. However, after his death (1613), his successor son Nguyen Phuc Nguyen went one step further in realizing the intentions to oppose the Tonkin government by strengthening the exchange relations with the Portuguese and declaring not to pay taxes to Tonkin [48, p. 140]. That made Trinh Lord become angry and bring troops to fight against Nguyen Lord in 1627, which triggered the Tonkin – Cochinchina Civil War lasting for more than 100 years.

The second was about the force correlation between Tonkin and Cochinchina in this civil war. This was one of the contents most frequently reflected in the materials of the Westerners who operated in Vietnam during the 17th and 18th centuries.

Regarding the Tonkin army’s size and strength in the fierce battle with Cochinchina, this issue was found in the documents of Samuel Baron¹⁶, William Dampier¹⁷ and two Jesuit missionaries named Giovanni Filippo de Marini¹⁸ and Joseph Tissanier¹⁹. Specifically, in *A Description of the Kingdom of Tonqueen*, Dutch trader Samuel Baron said that the permanent army of Trinh Lord in the 17th century could not be below 140,000 people. In urgent cases, the Tonkin government could mobilize a force twice higher than this number. In addition to the infantry, Trinh Lord could also mobilize 8,000 to 10,000 war horses for the war against Nguyen Lord, 300 to 400 war elephants, about 220 war galleys with different sizes and sizes and 500 galleys used to transport foodstuffs, supplies and troops [18, p. 212].

Jesuit missionary Giovanni Filippo de Marini was present at Tonkin from 1646 to 1658. This was the period of time of the fourth (1648) and the fifth (1655–1660) battles between armies of Trinh Lord and Nguyen Lord. Therefore, during the process of evangelizing in this area, he had the opportunity to witness firsthand the scale of the Tonkin army mobilized by Trinh Lord to participate in these two battles. Those were recorded by him with quite specific numbers in the report bearing the name *Delle missioni de’ padri della Compagnia di Giesù nella provincia del Giappone, e particolarmente di quella di Tumkino*. Giovanni Filippo de Marini said, because at that time, Tonkin was in a state of war with Cochinchina, Trinh Lord

always prepared a relatively large army force. As early as 1641, the Tonkin army's infantry's total number of troops, including the regular and reserve forces, reached 335,000 people. Besides, Trinh Lord also held 12,000 cavalries, more than 2,000 war elephants and transport elephants along with 2,000 war galleys. Whenever Trinh Lord issued an order to attack, he could immediately mobilize 30,000 elite troops. That was not to mention 40,000 soldiers, or even more, garrisoned in the imperial capital. In Boccin (Bo Chinh, now Quang Binh province) – the area where direct battles between two sides took place and occupied in 1655–1656 by the Cochinchina army, Tonkin government arranged here the number of troops up to 60,000 people [29, pp. 62-63].

Working with Giovanni Filippo de Marini in Tonkin in 1658, missionary Joseph Tissanier in his report on missionary activities in this area named *Relation du voyage du P. Joseph Tissanier de la Compagnie de Jésus depuis la France Jusqu'au Royaume du Tonkin* also mentioned the mighty Tonkin army in the war with Cochinchina. He said that Trinh Lord held an army with nearly 50,000 troops and appointed nearly 60,000 troops to the border area bordering Cochinchina. In Trinh Lord's troops participating in the war, there were also 500 war elephants and 500 war galleys, fully equipped with weapons and means serving for war [35, p. 103].

Trinh Lord in Tonkin not only focused on building and strengthening the army during the wartime with Cochinchina but also when two sides ceased the war (1672), the permanent maintenance of a large army force that was ready to fight was still carried out by Trinh Lord. This was mentioned in *Voyages and descriptions of a Western traveller named William Dampier*, who arrived in Tonkin in 1688. As recorded by William Dampier, at that time, the Tonkin army had from 70,000 to 80,000 people, mainly infantry, including nearly 30,000 troops stationed in the imperial capital, to protect Le King and Trinh Lord. The remainder was in the southern border area, which borders Cochinchina. William Dampier also said that Trinh Lord's army force always seriously performed the drill and used many different types of cannons with different sizes [16, pp. 69-76].

In response to the Tonkin army's strength, to protect the area that he was ruling while seeking to defeat a political opponent or at least gain an advantage on the battlefield, Nguyen Lord in

Cochinchina also constantly built and strengthened the defence force. However, ruling on a region without a long history of reclamation and sparse population, Nguyen Lord could not have the same favourable conditions as Trinh Lord in Tonkin in organizing a military force on a large scale. In 1670 – a period of time quite close to the seventh battle between Trinh Lord and Nguyen Lord (1672), missionary Benigne de Vachet²⁰ who was evangelizing at Cochinchina, recorded in a memoir that the total number of troops in the Cochinchina army was 40000 people [57, p. 66]. Missioner Abbé de Choisy²¹, in the book *Journal du Voyage de Siam fait en 1685 et 1686*, also said that as of 1679, the Cochinchina army had about 30,000 troops. In which Nguyen Lord and three princes directly held 19,000 troops. The rest was placed under the command of generals, stationed permanently at the border area adjacent to Tonkin [13, p. 363].

To strengthen the defence capacity at estuaries against the Tonkin naval attack, Lords Nguyen in Cochinchina also focused on developing the galley squadron. Jesuit missionary Christoforo Borri in the report *Relation de la nouvelle mission des pères de la Compagnie de Jesu, au Royaume de la Cochinchine* said clearly that, in 1618, Nguyen Lord in Cochinchina had more than 100 war galleys, always ready to fight. Each war galley was equipped with cannons and muskets with full ammunition [5, p. 86]. Missioner Alexandre de Rhodes in work named *Histoire du Royaume de Tunquin*, recorded the number of Cochinchina war galleys of 200 [47, pp. 22-23]. A report by The Dutch East India Company also said that in 1642, Nguyen Lord had about 230 to 240 war galleys. Each galley carried 64 people, including rowers and troops. They were armed with three guns [6, p. 122], spear and long-handled sickle to fight against Tonkin's war galleys. Meanwhile, as recorded by Abbé de Choisy, in 1685–1686, the Cochinchina court held 131 war galleys. Each galley carried two sailors, three commanders, six furnace burners, two drummers and 60 rowers. Also, three high ranking mandarins of three provinces in this area at that time had several own war galleys that were allocated as follows: 30 in Dinhcat province (Quang Tri), 17 in Cham province (Quang Nam), and 15 in Niaroux province (Khanh Hoa) [13, pp. 361-362]. Thus, the data on war galleys of Cochinchina in the 17th century recorded by some Westerners, as

mentioned above, was different. However, on the whole, the number of war galleys of Cochinchina was still less than that of Tonkin, as observed by missionary Alexandre de Rhodes [47, p. 19].

Besides, in response to Tonkin's powerful elephant troop force at that time, Nguyen Lord in Cochinchina also paid much attention to building this arm to promote the great advantages of elephants in the area ruled by him. In a report by The Dutch East India Company, in 1642, the Cochinchina government had 600 war elephants [6, p. 122] always ready to fight against Tonkin.

Thus, in general, it could be seen that Cochinchina's army forces, including the infantry, the navy and elephant troop were not as large and powerful as those of Tonkin. However, during this civil war, Tonkin could not defeat Cochinchina after several battles in the 1627–1672 period. The cause of this problem was mentioned by several Westerners who worked in Vietnam in the 17th century. Jesuit missionary Christoforo Borri in the report *Relation de la nouvelle mission des pères de la Compagnie de Jesu, au Royaume de la Cochinchine* confirmed that the army of Cochinchina displayed its fighting power both at sea as well as on the mainland thanks to artillery. This made it easier for Nguyen Lord to perform the ploy against Trinh Lord [5, p. 82]. In his work *A Description of the Kingdom of Tonqueen*, Samuel Baron said that the weakness of the Tonkin army force was in the fighting spirit. Despite having a large army force, when approaching the border of Cochinchina, facing the opponent's enemy fortifications and trenches and being engulfed in the screams of Nguyen Lord army, especially when some people were dying due to battles or illnesses in their line, Trinh's troops often suffered from a mental breakdown, turned back and fled away. Furthermore, during the battles with Cochinchina, the Tonkin army was placed under the command of eunuchs. Samuel Baron said that was also one reason for the consecutive and prolonged defeats of the Tonkin army in this civil war [18, p. 213]. Also, missionary Alexandre de Rhodes in work named *Histoire du Royaume de Tunquin*, pointed out that the quantity advantage of the Tonkin army would become limited when it had to move a long distance from Thang Long (Hanoi capital) before reaching the border of Cochinchina (Quang Binh province). During the battles, Trinh Lord wanted to apply

the “quick fight and quick win” strategy because the carried amount of food and supplies could only meet the army's essential needs in three or four months. On the contrary, Nguyen Lord tightly defended and deliberately lengthened the time to make Trinh Lord bog down in the battle and face food shortage. Therefore, Trinh Lord had to withdraw his army if he did not want to see his army starve to death [47, pp. 151-152].

The third was the evolution of some battles between Tonkin and Cochinchina armies. Based on the Vietnamese's original historical materials in the 17th, 18th, and 19th centuries, it could be known that, during the Tonkin – Cochinchina Civil War, two sides fought seven times in the 1627–1672 period. In which Trinh Lord brought troops to attack the South up to 6 times (1627, 1633, 1643, 1648, 1661–1662, 1672) and only one time Nguyen Lord proactively attacked the North (1655–1660) [63, pp. 117-164]. From 1672 onwards, two sides declared a cease-fire, but the “cold war” continued for more than 100 years. It was not until 1774, taking advantage of when Nguyen Lord government in Cochinchina was dealing with the outbreak and widespread of Tay Son uprising²², that Trinh Lord in Tonkin once again launched an attack against this area. This was the last battle in the Tonkin – Cochinchina Civil War, marked by a victory for Trinh Lord [62, pp. 290-204, 346-346; 63, pp. 315-322].

However, it's regrettable that the whole course of the Tonkin – Cochinchina Civil War in the 17th and 18th centuries was not mentioned systematically, fully and completely in the documents of Westerners working in Vietnam at this period. Researchers today can only find some materials or generalized records of the civil war's results at each specific time [47, p. 19; 15, p. 381] or somewhat brief and discrete descriptions of some battles between Trinh Lord and Nguyen Lord armies. This was completely explainable, since Westerners came to Vietnam at different times, it may be the moment of a battle in progress, but also the time when two sides ceased fire. They recorded documents during those specific times. Therefore, it was evident not to cover the entire civil war with all conflicts that took place between the two sides.

Of the eight battles between the Tonkin and Cochinchina armies between 1627 and 1774, the documents recorded by Westerners

operating in Vietnam during this period also mentioned only three battles that took place in 1627, 1643 and 1672.

Jesuit missionary Alexandre de Rhodes mentioned the first battle between the Tonkin and Cochinchina armies in 1627 in three works compiled by him named *Histoire du Royaume de Tunquin*, *Divers Voyages et Missions*, and *Relazione De' Felici successi della Santa Fede Predicata Da' Padri Della Compagnia di Gesu Nel Regno Di Tunchino*. Specifically, on March 19, 1627, he and missionary Pedro Marquez²³ arrived in Cua Bang (Thanh Hoa province), started the mission of evangelization in Tonkin. At that time, Trinh Lord was leading troops to fight against Nguyen Lord. Alexandre de Rhodes witnessed and recorded the Tonkin army's mighty scale moving towards the Cochinchina border at that time. The leading troop consisted of more than 200 war galleys fully equipped with weapons. Trinh Lord's squadron included 24 larger and more splendid decorated war galleys would follow. These galleys had sails made of smooth fabric and rope braces plaited from red silk thread. Behind the Trinh Lord's fleet was another squadron with more than 200 galleys, and further followed by more than 500 large-sized transport boats carrying food to serve both the navy and the infantry. Also, in Trinh Lord's army, there were 300 war elephants carrying cannons. As estimated by Alexandre de Rhodes, the total number of the navy and the infantry reached 120,000 people, excluding sailors and commanders [48, pp. 137-139; 46, p. 92]. However, after two months of fighting, Trinh Lord found that invading and defeating Nguyen Lord in Cochinchina was not as easy as he imagined. At that time, Nguyen Lord arranged on the mountain peaks in the border area the dummies dressed in Portuguese costumes, holding sticks and guns, pointed straight towards the Tonkin army. That made Trinh Lord's troops become panic-stricken and dare not attack because thinking that the Portuguese were providing weapons and helping Nguyen Lord against them. Besides, Nguyen Lord's army also carried out a scheme of laying many ropes²⁴ and pointed stakes hidden underwater at estuaries to prevent the Tonkin's navy from attacking. Meanwhile, the prolongation of the war caused Trinh Lord to face more food shortage problems and risk of rebellion among the troops. Therefore,

Trinh Lord decided to withdraw his army [47, pp. 27-28, 151-152].

The third battle between Tonkin and Cochinchina armies took place in 1643, presented by Jean-Baptiste Tavernier²⁵, a French traveler in the document *Relation nouvelle & singuliere du royaume de Tunquin, avec plusieurs figures & la carte du Pais*, based on recording his brother's telling about this event. To fulfil his intention of defeating Nguyen Lord in Cochinchina, Trinh Lord in Tonkin mobilized a powerful force with 8,000 war horses, 94,000 troops and 722 war elephants which 130 were used for combat and the rest was used to transport food. Trinh Lord also had 318 long and narrow war galleys, equipped with paddle and mast [59, p. 24]. Baptiste Tavernier also said that the Cochinchina military force at that time was stronger than Tonkin. Therefore, after penetrating Nhat Le estuary (Quang Binh province) to attack Nguyen Lord but having no result, Trinh Lord had to withdraw his troops. However, to increase the defence, Trinh Lord dispatched several generals to stay to guard the vulnerable areas bordering Cochinchina.

The seventh battle between Tonkin and Cochinchina armies took place in 1672, mentioned in a letter written in 1766 by Jesuit missionary Nuntius de Horta²⁶. He mentioned 1671²⁷, Trinh Lord in Tonkin made an expeditionary into Cochinchina with unprecedented drastic nature. Trinh Lord prepared very thoroughly and mobilized 80,000 elite troops for the war, aiming for a resounding victory. Meanwhile, the army of Nguyen Lord in Cochinchina at this time had less than 25,000 troops. Despite this, after three days of fighting, Tonkin's army suffered heavy losses, having destroyed 17,000 troops. Therefore, Trinh Lord had to withdraw his army and no longer attempted to wage war with Cochinchina [30, pp. 581-582].

The fourth was about establishing the relationship and using Lords Nguyen and Trinh Lord's foreign resources to win or advantage the Tonkin – Cochinchina Civil War. When entering this civil war, both Trinh Lord in Tonkin and Nguyen Lord in Cochinchina wanted to defeat the enemy to gain dominance over Vietnam's entire territory at that time. To achieve this goal, both sides directly or indirectly seek foreign assistance, especially in the military. This was

recorded by Westerners present in Vietnam in the 17th and 18th centuries.

In the report *Relation de la nouvelle mission des pères de la Compagnie de Jésus au Royaume de la Cochinchine*, Jesuit missionary Christoforo Borri, who was present in Cochinchina in the first half of the 17th century, mentioned the interest of Nguyen Lord in Western weapons, especially cannons. According to him, one of the reasons that Nguyen Lord had enough courage to rebel against Trinh Lord in Tonkin was that for a long time before that, he ordered fishers to collect a variety of cannons of the West from the Portuguese and Dutch ships were sunk by the storm near the coast of Cochinchina²⁸. Early access and regular training with the Western cannons and harquebus made the Cochinchina troops proficient in using these weapons. Missioner Christoforo Borri also said that promoting commercial activities with Japanese merchants has brought Nguyen Lord many weapons from this country, especially catane swords with excellent quality [5, pp. 82-83].

Nguyen Lord also regularly bought Western guns to strengthen the military's combat capacity. In 1658, at the time of the fifth battle (1655–1660) between the Cochinchina and Tonkin armies taking place, Nguyen Lord gave the Jesuit missionary Pedro Marquez 10,000 silver ingots to go to Macao to buy cannons for the Cochinchina army, and Pedro Marquez completed the assigned duty [11, pp. 173, 237]. In 1695, Nguyen Lord had a problem with British trader Thomas Bowyer about supplying Cochinchina cannons that fired bullet sizes from 7 to 8 live [33, p. 98]. Pierre Poivre²⁹, a merchant from the French East India Company to Cochinchina in 1749, also recalled that, as seen around Nguyen Lord's palace, there were 1,200 cannons, and all were made of brass. Among them, there were many cannons of different sizes bearing Portuguese and Spanish badges. They were brought to the trading port of Faifo by European merchants (known as Hoi An city, Quang Nam province at present) and sold to Nguyen Lord [14, p. 90; 33, p. 99]. The Cochinchina government also had the opportunity to access Western weapons through donations of the foreigners, although in limited numbers. In 1682, the French East India Company, through missionary Louis Laneau³⁰ – Titular Bishop of Metellopolis, gave Nguyen Lord two cannons [53,

p. 49]. Or in 1689, the Macao Senate gave Nguyen Lord two bronze cannons in exchange for the exemption of some taxes from the Cochinchina government [33, p. 99].

Trade relations with Western merchants, especially the Portuguese, gave the Cochinchina army many cannons to service the war with Tonkin. However, Nguyen Lord also clearly saw the potential risks, if too dependent on Macao's weapons. So, the Cochinchina government wanted to implement a more proactive plan for the manufacture of cannons. Finally, in 1658³¹, Nguyen Lord also achieved his objective. A Portuguese named João da Cruz³² went to Cochinchina to help Nguyen Lord cast the Western cannon [9, pp. 312-313]. Missioner Louis Chevreuil³³ – a French missionary who was present in this area from 1663 to 1665 said that João da Cruz received respect and preferential treatment from Nguyen Lord because he was able to manufacture beautiful cannons for the Cochinchina army. Every year, in addition to the money the Nguyen Lord government gave to his family, João da Cruz was also paid 500 équi for his salary [9, p. 313]. In fact, thanks to João da Cruz, the Portuguese gun-casting technique was quickly introduced into Cochinchina. It was received and applied by the Vietnamese in making a large number of cannons at a later stage.

If in Cochinchina, Nguyen Lord strengthened his military might through relations with Western countries, especially the Portuguese, in Tonkin, a similar process took place in the 17th and 18th centuries. However, the chosen Western force was not Portuguese but Dutch. In fact, Trinh Lord in Tonkin initially moved to establish relations with the Portuguese. When the Jesuit missionary Giuliano Baldinotti³⁴ arrived in Tonkin together with the Portuguese merchants in 1626, they received a warm welcome from Trinh Lord in the hope that the Portuguese would support and aid Tonkin in the war with Cochinchina at that time [4; 33, p. 93]. However, due to knowing the good relationship between the Portuguese and Nguyen Lord in Cochinchina, although Trinh Lord wanted to entice the Portuguese, inwardly, he still had certain scepticism. In his report on Tonkin's mission situation from 1626 to 1627 named *La Relation Sur le Tonkin du P. Baldinotti*, Giuliano Baldinotti mentioned Trinh Lord's asked him and the Portuguese merchants made an oath that they

should always be good and loyal friends to Tonkin. They must also pledge not to go to Cochinchina to help Nguyen Lord [4, p. 76]. Alexandre de Rhodes – a Jesuit missionary working in Tonkin from 1627 to 1630 also confirmed this in work named *Histoire du Royaume de Tunquin* [47, p. 124]. However, then Trinh Lord found that the Portuguese did not want to give up their long-standing friendship with Nguyen Lord in Cochinchina, so the enthusiasm he gave to the Portuguese at first was gradually reduced.

Realizing that he could not expect anything from the Portuguese, Trinh Lord promoted the establishment of relations with the Dutch in the hope could rely on the Dutch's power of dominating the sea surface at that time to defeat Cochinchina. In 1637, the Tonkin government offered The Dutch East India Company for helping them fight Cochinchina. In 1641, when the ship *Meerman* of The Dutch East India Company arrived in Tonkin, Trinh Lord zealously welcomed and received Dutch merchants as soon as they arrived at Ke Cho (Hanoi capital). This was certainly not out of the purpose of wanting to have a Dutch commitment to support Tokin in the fight against Cochinchina. After that, Trinh Lord also wrote some letters to the representatives of The Dutch East India Company in Batavia (Jakarta, Indonesia) and Formosa (i.e. Taiwan), with the desire to establish frequent commercial relations and received help from the Dutch during his war with Nguyen Lord [33, pp. 94-95]. In particular, the relationship between Tonkin and the Dutch had a critical turning point in 1643. In *Histoire du Royaume de Tunquin*, Jesuit missionary Alexandre de Rhodes said, at that time, after being unable to resolve previous conflicts with the Cochinchina government, at the request of Trinh Lord, the Dutch decided to send three war galleys to Tonkin to join the Trinh army to fight against Nguyen Lord [47, p. 19; 58, pp. 15-20]. This event put an end in relations between the Dutch and Cochinchina. From then to the late 17th century, the Dutch only went to do business in Tonkin. Trading in weapons between Tokin and the Netherlands was also recorded during this period [33, p. 98]. In 1658, when the missionary Tissannier arrived in Tonkin, he recorded a Dutch taught a Trinh Lord's martial mandarin to make grenades used in war [35, p. 95]. It showed that at that time, the Dutch more or less had the transfer of

Western weapon manufacturing techniques to the Vietnamese in Tonkin.

In addition to trading with the Dutch to acquire Western weapons for the war against Cochinchina, Trinh Lord in Tonkin also established relations with the British. In the documents on the commercial transactions between the British and Tonkin in the 17th century, Trinh Lord government's purchase of cannons, ammunition, gunpowder and saltpetre was always mentioned. Like the Portuguese in Cochinchina, the British in Tonkin also intended to help the Trinh Lord government manufacture Western cannons in this area. In 1678, British merchants operating in Tonkin asked Bantam Presidency (Java) to send a gunmaker to this area to teach Western gun-casting techniques to the Vietnamese. Through this, the Vietnamese probably learned the Western method of casting guns. Besides, Trinh Lord also purchased cannons from British merchants to serve the war against Cochinchina in the 17th and 18th centuries [18, p. 213; 33, pp. 97-98].

Results. From the early 17th century to the late 18th century, Vietnam had to go through one of the most prolonged and most fierce civil wars in its formation and development history. That was the civil war between two political forces: Trinh Lord in Tonkin and Nguyen Lord in Cochinchina. It was worth noting that this civil war was not only recorded by Vietnamese historians but was also mentioned directly or indirectly in the documents of Western missionaries, merchants and travellers present in Vietnam at that time. They went to Tonkin and Cochinchina at different times. Moreover, their time spent in these two regions was not too long, making Westerners records of the Tonkin – Cochinchina Civil War in the 17th and 18th centuries not comprehensive and complete. The confusion or non-profound explanation of some contents or the inconsistency in the records and data related to this civil war could be easily found in Westerners' documents. This was an unavoidable problem. Because Westerners would inevitably encounter certain obstacles and difficulties in terms of language and perception when recording and researching Vietnamese history in a relatively long period, full of complicated fluctuations in the 17th and 18th centuries. Even so, when connecting these somewhat discrete, scattered and unsystematic materials, researchers can still have

the most basic and general visualization of the appearance of the Tonkin – Cochinchina Civil War. In which the cause of the civil war, the force correlation between two sides, the happenings of some battles as well as the calculation of Trinh Lord and Nguyen Lord in using external resources to defeat the opponent were the most mentioned contents in the documents recorded by Westerners working in Vietnam in the 17th and 18th centuries. In particular, it must be seen that objectivity is the most prominent advantage of these documents compared with the historical materials compiled by the Vietnamese at the same time. Therefore, it has contributed to supplementing valuable historical materials, helping Vietnamese researchers to have a more multidimensional and comprehensive approach in the process of reproducing the panorama of the Tonkin – Cochinchina Civil War as well as assessing its influence and impact on the history of Vietnam in the ancient and medieval period.

NOTES

¹ In the 17th and 18th centuries, Vietnam underwent two major civil wars. The first was the civil war between Trinh Lord in Tonkin and Nguyen Lord in Cochinchina from 1627 to 1774. Then, from 1787 to the late 18th century, this country continued to be engulfed in the fire of battle when facing a civil war between Nguyen Anh's force – a descendant of Nguyen Lord and Tay Son's force – the monarchy was set up from the peasant uprising movement in Cochinchina in the late 18th century [60, pp. 293-297, 368-401; 63, pp. 117-164, 315-322].

² Later Le dynasty was the longest standing monarchy in Vietnamese history. The Late Le Dynasty was established by Le Loi – the leader of the Lam Son uprising in 1428. This dynasty underwent two stages of development: the Early Le period from 1428 to 1527 and the Revival Le period from years 1533 to 1789 [25, pp. 316-349, 391-433; 62, pp. 233-366].

³ The happening of the Tonkin – Cochinchina Civil War in the period 1627–1672 was mentioned in *Đại Việt sử ký toàn thư* (大越史記全書: Complete Annals of Dai Viet) – a set history book compiled by Ngo Si Lien and other official historians of Later Le dynasty in the 15th, 16th, and 17th centuries and printed in 1697 [54, pp. 612, 617, 666-667, 669, 673, 677-686, 703-704].

⁴ Nguyen Khoa Chiem (1659–1736) – a mandarin of Nguyen Lord government in Cochinchina wrote *Nam triều công nghiệp diễn chí* (南朝功業演志:

History of the Southern Dynasty) in 1719. In this work, he presented the evolution of Nguyen Lord and Trinh Lord's fighting in the 17th century [26, pp. 7-9].

⁵ *Đại Nam thực lục* (大南實錄: Veridical records of Dai Nam) was a great history set of Nguyen dynasty, started to be compiled in 1821 and completed in 1894. The history set consisted of two parts: Tien Bien and Chinh Bien. The Tien Bien part included 12 volumes, recording the history of nine Nguyen Lord generations and mentioning many contents related to Tonkin – Cochinchina Civil War in the 17th and 18th centuries [42, pp. 42-191]. *Khâm định Việt sử thông giám cương mục* (欽定越史通鑑綱: A mirror of Vietnamese history prepared by imperial order) was a history set compiled by Quốc sử quán triều Nguyễn (阮朝國史館: The National Historiographer's Office of Nguyen Dynasty) in the period of 1856–1884. This history set recorded the history of many monarchies of Vietnam. In which, the section on the Later Le dynasty mentioned the civil war between Trinh Lord in Bac Ha (Tonkin) and Nguyen Lord in Nam Ha (Cochinchina) [43].

⁶ The book *Nam triều công nghiệp diễn chí* (南朝功業演志: History of the Southern Dynasty) was compiled by Nguyen Khoa Chiem – a mandarin of Nguyen Lord. Meanwhile, Nguyen Lord was one of two forces participating in the Tonkin – Cochinchina Civil War, so the records in this book would not surely ensure objectivity. Meanwhile, two history sets *Đại Nam thực lục* (大南實錄: Veridical records of Dai Nam) and *Khâm định Việt sử thông giám cương mục* (欽定越史通鑑綱: A mirror of Vietnamese history prepared by imperial order) were compiled under the direction of the Nguyen Emperors. They were descendants of the Nguyen Lords, so in recording the Vietnam history in the 17th and 18th centuries, especially the Trinh – Nguyen War, it will be difficult to avoid praising and defending Nguyen Lords and deliberately downplaying the role of Trinh Lord [63, pp. 174-176].

⁷ In the 17th and 18th centuries, Jesuit missionaries such as Alexandre de Rhodes, Christoforo Borri, Giuliano Baldinotti, Giovanni Filippo de Marini, Joseph Tissanier, Nuntius de Horta etc., as well as a missioner of The Society of Foreign Missions of Paris such as Louis Chevreuil, Benigne de Vachet, Abbé de Choisy, etc., used to work in Vietnam. They recorded the Tonkin – Cochinchina Civil War in their writings, reports, correspondences, and diaries in such a process.

⁸ Among the Western merchants who came to Vietnam in the 17th and 18th centuries, Samuel Baron – an employee of the English East India Company and Pierre Poivre – a merchant of the French East India Company, were two people who mentioned the Tonkin – Cochinchina Civil War in their reports, writings and correspondences.

⁹ William Dampier and Jean-Baptiste Tavernier were two Western travellers who directly or indirectly recorded the Tonkin – Cochinchina Civil War in their traveller's notes.

¹⁰ Alexandre de Rhodes was born on March 15, 1593 in Avignon, in a Jewish family. On April 14, 1612, he joined the Jesuits in Rome and was ordained a priest in 1618. At the end of the year, he was accepted by the Jesuit Superior for Eastern Asia's mission after having applied three times for a missionary trip between 1614 and 1618. He arrived in the Portuguese capital to board the ship to Eastern Asia, but because he was suspended for too long in Goa until May 29, 1623, he reached Macao. Initially, he planned to go to Japan to the mission, but his wish was unsuccessful, so he was sent to Vietnam. He came to Cochinchina, Vietnam, for the first time in December 1624 and returned to Macao to go to Tonkin, Vietnam, in July 1626. On March 19, 1627, he arrived in Tonkin and was expelled from the area in May 1630. From 1630 to 1640, he taught theology at the Institute of Madre de Deus. Between 1640 and 1645, he returned to the mission in Cochinchina. In July 1645, he left Cochinchina for Macao and then went to Europe. In 1654, he went to Persia and died at Isfahan on November 5, 1660 [40, p. 106].

¹¹ Christoforo Borri was one of the Western missionaries who had merit in bringing Christianity into Vietnam in the first half of the 17th century. He was born in 1583 in Milan (Italy) and died on May 24, 1632, in Rome. In 1601, he joined the Society of Jesus. In 1618, he went to Cochinchina (Vietnam) and served for the mission work there until 1621. During this time, he wrote a report called *Relatione della nuova missione delli P.P. della Compagnia di Gesù al Regno della Cocincina*, published in Europe in 1631. Besides the contents related to the Jesuit missionary situation in Cochinchina, he also recorded natural conditions, politics, economy, society, culture, etc., of this area [34; 40, p. 34–35].

¹² In this detail, Alexandre de Rhodes made a confusion. He went to Vietnam to evangelize, write and publish *Histoire du Royaume de Tunquin, Divers Voyages et Missions, and Relazione de' felici successi della Santa Fede Predicata da' Padri Della Compagnia di Giesu Nel Regno di Tunchino* in the 17th century. That means that 700 years ago, that he mentioned here, were the 11th century. At that time, Vietnam had the national name Dai Viet under the rule of the Ly dynasty. The southern border was only limited to Ha Tinh province, meaning it excluded the territory of Cochinchina in the 17th century. From then to the 14th century, through different methods, Quang Binh, Quang Tri, Thua Thien, Quang Nam, and Quang Ngai were merged into Dai Viet's territory. In particular, along with Emperor Le Thanh Tong's "Southward" advance in 1471, Dai Viet's border was extended to Binh Dinh

and Phu Yen nowadays. Thus, from the second half of the 15th century onwards, the entire territory of Cochinchina in the 17th century was really managed by the Vietnamese [3, pp. 99-100; 23, pp. 65, 68-69; 31, p. 62].

¹³ Nguyen Lord, who ruled Cochinchina when Alexandre de Rhodes arrived in this area (1624), was Nguyen Phuc Nguyen (1563–1635). He was the sixth son of Nguyen Hoang and the second Nguyen Lord, who ruled Cochinchina from 1613 to 1635. This was also the Tonkin – Cochinchina Civil War outbreak [20, p. 20; 21, p. 120].

¹⁴ Nguyen Hoang (1525–1613) was known as Lord Tien, the first Lord of the Cochinchina, who dominated this area from 1558 to 1613. He was considered the beginning of the territory expansion trend southward of Vietnamese people in the 17th and 18th centuries [45, pp. 42-66; 61, pp. 84-85].

¹⁵ After Le Thanh Tong's reign (1460–1497), Later Le dynasty fell into a state of crisis and depression. In that context, in 1527, Mac Dang Dung usurped the throne of Later Le, founded the Mac dynasty, and located the imperial capital in Thang Long. A high ranking mandarin of the Later Le dynasty, Nguyen Kim, cherished his intention to oppose the Mac dynasty, so he found a descendant of the Later Le dynasty named Le Duy Ninh crowned emperor in 1533. From here, Dai Viet fell into a devastating civil war lasting until 1592, historically called the Southern and Northern Dynasties War between the forces of Mac dynasty in Thang Long and the force of Later Le Dynasty supported by Nguyen Kim and stationed in Thanh Hoa. While the confrontation with the Mac dynasty was going on, in 1545, Nguyen Kim was poisoned to death. The Southern dynasty's political power should have been transferred to his two sons, named Nguyen Uong and Nguyen Hoang. However, Nguyen Kim's son-in-law (i.e. Trinh Kiem) attempted to kill Nguyen Uong to monopolize the power. Nguyen Hoang, due to fear that his brother-in-law would kill him, obeyed Nguyen Binh Khiem's advice and applied for the ruling of Thuan Hoa land part of the Cochinchina region later. Here, he took care of building and consolidating his force, preparing the intention against the Trinh family in Thang Long [64, pp. 11-13].

¹⁶ Samuel Baron (unknown year of birth and year of death) was a Dutch merchant born in Ke Cho (Tonkin). His father was Hendrik Baron – an employee of The Dutch East India Company, and his mother was a Vietnamese woman. In 1659, he was sent back to Holland by his father. During the years of 1671–1672, he became an employee of the English East India Company. From 1678 to 1783, he mainly resided in Tonkin. During this time, Jean-Baptiste Tavernier published a book about Tonkin in Paris (1679). However, Jean-Baptiste Tavernier never set foot in Tonkin. He wrote this book mainly based on the

Jesuits' documents, so there was much inaccurate content in the book. Realizing this, Samuel Baron decided to write the book *A Description of the Kingdom of Tonqueen*, pointing out the errors, and at the same time providing an authentic picture in many fields of the Tonkin region. This was one of the valuable documents with profound significance in studying the North and North Central region of Vietnam in the 17th century [18, pp. 74-83].

¹⁷ William Dampier was born in 1652 in East Coker in Somerset UK. He was an explorer who travelled the world three times in 1679, 1703 and 1708. In particular, after the first world expedition ended (1691), in 1697, he published *A New Voyage Round the World* series of books. He talked about what he saw and heard and his practical experiences in his journey in Tonkin (Vietnam) in 1688. He died in the Parish of St. Stephen, Coleman Street, London in 1715 [22, pp. 1-46, 83-84; 39, pp. 277-278; 50, pp. 124-125, 145, 333].

¹⁸ Giovanni Filippo de Marini (1608–1682) was an Italian Jesuit missionary. In 1625, he studied at St. Andrea's School of the Society of Jesus (Rome) and was ordained a priest in 1637. In 1640, he went to the Far East to preach the Gospel. From 1646 to 1658, he evangelized in Tonkin (Vietnam). In the process, he wrote the report *Delle missioni de' padri della Compagnia di Gesù nella provincia del Giappone, e particolarmente di quella di Tumkino*. In addition to the content about the missionary situation in this area, he also mentioned the political, social and cultural fields of Tonkin [1, p. xiv; 29, pp. 3-358].

¹⁹ Joseph Tissanier (1618–after 1688) was a French Jesuit missionary. In 1658, he went to Tonkin for evangelization. However, in 1663, he and other Jesuit missionaries had to leave Tonkin because of the Trinh Lord government's deportation order. During his stay in Tonkin, he recorded his missionary activity and other Jesuits in *Relation du voyage du P. Joseph Tissanier de la Compagnie de Jésus depuis la France Jusqu'au Royaume du Tonkin*. Joseph Tissanier also mentioned some contents related to the war between Trinh Lord in Tonkin and Nguyen Lord in Cochinchina [35, p. 392; 37, pp. 370-371].

²⁰ Benigne de Vachet was a missionary of The Society of Foreign Missions of Paris. He was born in 1641 in Dijon city, France. In 1668, he had ordained a priest and went to Siam on February 13, 1669. From 1671 to 1676, he accompanied Bishop Lambert de la Motte to visit the Cochinchina mission area twice. After many years of serving for Cochinchina and Siam's mission work, from November 1691, he moved back to the Paris Seminary and died there on January 19, 1720 [7, p. 237; 36, p. 337].

²¹ François-Timoléon Abbé de Choisy was born August 16, 1644 in Paris. He was the youngest son of Jean III de Choisy, the lord of the Balleroy region. From 1662 to 1666, he studied philosophy and theology

at Sorbonne. In 1683, he joined The Society of Foreign Missions of Paris. In 1685, he accompanied the French ambassador Chevalier de Chaumont to Siam. The things Choisy witnessed or heard during his journey in this country were recorded in the book *Journal du voyage de Siam fait en 1685 et 1686*, including the Tonkin region's content (Vietnam). He died on October 2, 1724 in Paris [10, pp. 62-63; 12, p. 262; 19, p. 1; 56, pp. 406-407].

²² In the late 18th century, the Cochinchina government fell into a state of crisis and depression. The high tax system and the power abuse of high ranking mandarin Truong Phuc Loan made the people feel dissatisfied. In that context, the uprising movement broke out in many parts of this area. In which, the largest scale and influence was Tay Son uprising. In 1771, in the Tay Son area (An Khe, Gia Lai province), three brothers Nguyen Nhac, Nguyen Hue, and Nguyen Lu raised the flag of the uprising. The uprising quickly spread to other areas (Binh Dinh, Phu Yen, Quang Ngai). In 1777, the Tay Son forces destroyed the Nguyen Lord government in Cochinchina. In 1786, Nguyen Hue – one of three Tay Son uprising leaders, brought troops to Tonkin and overthrew Trinh Lord [20, pp. 39-47; 38, pp. 209-212].

²³ Pedro Marquez (unknown year of birth and death) was a half-Japanese Portuguese Jesuit missionary. In the period of 1627–1630, he went to Tonkin with Alexandre de Rhodes to preach the Gospel. Meanwhile, in the Cochinchina area, he undertook missionary work in 1618–1626 and 1655–1663. In such a process, he assumed Superior's position of the Society of Jesus many times in this mission area [35, p. 390].

²⁴ Vietnamese historical documents compiled in the 18th century and nineteenth centuries said that Nguyen Lord ordered iron nets and iron chains at estuaries, especially in Bo Chinh area (Quang Binh) – the border between Cochinchina and Tonkin to stop the navy of Trinh Lord [41, p. 59; 44, p. 134].

²⁵ Jean-Baptiste Tavernier was a famous French traveller. He was born in 1605 in Paris. From 1631 to 1668, he made six journeys to different parts of Asia. These journeys were rewritten by him in book *Six voyages de J.B. Tavernier* published in Paris in 1676. In 1679, he published the book *Recueil de plusieurs relations et traitez singuliers et curieux de J.B. Tavernier, chevalier, baron d'Aubonne. Qui n'ont point esté mis dans ses six premiers voyages*. In which, the fourth part of the book mentioned the land of Tonkin (Vietnam). He died in Moscow in 1689, while on the way to conquer Asia once again [18, p. 80; 55, pp. 167-191].

²⁶ Nuntius de Horta (unknown year of birth) was an Italian Jesuit missionary. From 1760 to 1764, he undertook missionary work in Tonkin (Vietnam). In 1766, while in Ile de France to prepare to return to

Europe, he was informed that Tonkin co-religionists were about to face fierce religious prohibition by the Trinh Lord government. So, he decided to return to this mission area. In 1767, he was imprisoned by the Tonkin government for a quite long time and died in prison in 1778 [30, p. 137; 35, pp. 330-331, 395].

²⁷ Regarding this timeline, perhaps missionary Nuntius de Horta was confused because, according to Vietnamese history, the seventh battle between the Tonkin and Cochinchina armies occurred in 1672 [62, pp. 303-304].

²⁸ According to Christoforo Borri, during his stay in Cochinchina from 1618 to 1621, fishers picked up 60 cannons from the wrecked Portuguese and Dutch ships, including a few cannons of massive size [5, p. 81].

²⁹ Pierre Poivre was a missionary of The Society of Foreign Missions of Paris and also a merchant. On August 23, 1719, he was born in Lyon (France) in a silk business household. After a period of time working at the Paris seminary, in 1740, he went to the Far East to evangelize. His trip to China and Macau from 1741 to 1746 made him realize the benefits of establishing trade relations with countries in the Far East. Therefore, after returning to Europe in 1747, he gave up missionary work and began working for The French East India Company. In 1749, he went to Cochinchina (Vietnam) as the French East India Company representative to establish trade relations with the Nguyen Lord government. In the process, he also promptly recorded a report that mentioned many different fields of this land. In 1766, he was appointed as Intendant of the Isles de France (Mauritius) and Ile Bourbon (Réunion) islands. In 1772, Pierre Poivre returned to France, lived in Hyères town, Southeastern France, for the rest of his life and died there in 1786 [32].

³⁰ Louis Laneau was a missionary of The Society of Foreign Missions of Paris. He was born on May 31, 1637, in Mondoubleau, France. On July 4, 1669, he was appointed Titular Bishop of Metellopolis and Vicar Apostolic of Siam. He made certain contributions to the establishment of relations between France and Siam. He promoted the evangelization of The Society of Foreign Missions of Paris in this country in the late 18th century. He died in Ayutthaya on March 16, 1696 [17, p. 185; 49, p. 266].

³¹ Two scholars Léopold Michel Cadière and Charles B. Maybon, said that João da Cruz came to help Nguyen Lord cast guns in 1615 [8, p. 125; 33, p. 98]. However, after careful research, scholar Pierre-Yves Manguin said that João da Cruz was not present at Cochinchina before 1658. Because in 1651, Nguyen Lord sent 5,000 Kati (3,000 kg) copper to Macao and asked the Portuguese to cast cannons for the Lord. If João da Cruz were present at Cochinchina, Nguyen Lord would not have done so [28, pp. 205-206].

³² João da Cruz (1610? – 1682) was a Portuguese (or Spanish) knowledgeable about Western cannon casting technique. In 1658, after working in the Kingdom of Cambodia for a while, he went to Cochinchina to help the government in this area cast cannons. With that merit, he received respect and generous treatment from Nguyen Lord. His presence and activities in weapon manufacturing at Nguyen Lord court in the late 17th century initially promoted cultural exchange relations between Vietnamese and Westerners in science and technology [9, pp. 312-313; 52, pp. 35-39].

³³ Louis Chevreuil was born in 1627 in Rennes, France, was a missionary of The Society of Foreign Missions of Paris. In 1661, after joining The Society of Foreign Missions of Paris, he went to Siam to evangelize. From July 1664 to March 1665, acting as Vicar general of Bishop Lambert de la Motte, he came and operated in Cochinchina. However, it was not long before Nguyen Lord's government in Cochinchina banned Christianity; he was deported and had to return to Siam in April 1665. From 1666, he did missionary work in Cambodia. In 1670, he was arrested by Portugal in Macao. After being released (1673), he returned to Siam to work and died there on November 10, 1693 [27, p. 1275; 35, p. 250; 51, p. 17; 52, pp. 40-41].

³⁴ Giuliano Baldinotti was an Italian Jesuit missionary, born in 1591 in Pistoia, near Florence, who died in 1631 in Macao, China. He joined the Jesuits in 1609. Twelve years later (1621), he set off to the East to the mission. While visiting Macao, where many Portuguese people lived, Baldinotti decided to go to Tonkin. On February 2, 1626, he and Portuguese merchants and a Japanese missionary Giulio del Piano departed from Macao and reached Ke Cho (Tonkin) on March 7, 1626. Trinh Trang Lord wanted to establish a regular relationship with the Portuguese at that time, so he welcomed Baldinotti and the merchants very kindly. Because of his excellence in astronomy and mathematics, Baldinotti attracted the special attention of Trinh Lord, and the Lord asked him to stay longer. During this time, he had the opportunity to go in and out of the royal palace, witness many royal activities and regularly experienced daily life in Ke Cho. However, due to the absence of knowledge of the native language, his mission in Tonkin failed to achieve results [4, pp. 71-78; 24, pp. 97-98].

REFERENCES

1. Alberts T. *Conflict and Conversion: Catholicism in Southeast Asia, 1500–1700*. Oxford, Oxford University Press, 2013. xviii, 242 p.
2. Anh Thuan T., Van Sang N. A Comparison of the Missionary Method and Cultural Integration of

Jesuits: A Study in China and Vietnam During the 16th and 17th Centuries. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2020, vol. 36, iss. 2, pp. 407-421.

3. Anthony J.S.R., Nhung Tuyet T., eds. *Viet Nam: Borderless Histories*. Madison, University of Wisconsin Press, 2006. 386 p.

4. Baldinotti G. La Relation sur le Tonkin du P. Baldinotti. *Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient*, 1903, vol. 3, pp. 71-78.

5. Borri C. *Relation de la nouvelle mission des pères de la compagnie de Jésus au royaume de la Cochinchine*. Lille, De l'Imprimerie de Pierre de Rache, de la Bible d'Or, 1631. 222 p.

6. Buch W.J.M. *De Oost-Indische compagnie en Quinam, de betrekkingen der Nederlanders met Annam in de XVII eeuw*. Amsterdam, H. J. Paris, 1929. 123 p.

7. Buzelin F.F. *Aux sources des Missions Étrangères – Pierre Lambert de la Motte (1624–1679)*. Paris, Edition Perrin, 2006. 358 p.

8. Cadière L. Le mur de Dong Hoi, Etude Sur L'établissement des Nguyen Cochinchine. *Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient*, 1906, Janvier-Juin, t. VI, no. 1-2, pp. 87-254.

9. Cadière L. Le quartier des Arènes – Jean de la Croix et les premiers Jésuites. *Bulletin des Amis du Vieux Hué*, 1924, vol. 4, pp. 307-332.

10. Chakrabongse C. *Lords of Life: A History of the Kings of Thailand*. London, Alvin Redman Limited, 1967. 352 p.

11. Chappoulie H. *Aux origines d'une église. Rome et les missions d'Indochine au XVIIe siècle. T. I*. Paris, Bloud et Gay, 1943. 452 p.

12. Chisholm H., ed. *Encyclopædia Britannica: A Dictionary of Arts, Sciences, Literature and General Information. Vol. 6*. Cambridge, Cambridge University Press, 1910. 992 p.

13. Choisy F.T.A. *Journal du voyage de Siam fait en 1685 et 1686*. Paris, Chez Sébastien Mabre-Cramoisy, 1687. 416 p.

14. Cordier H. Voyage de Pierre Poivre en Cochinchine. *Revue de l'Extrême-Orient*, 1887, t. 3, pp. 81-121.

15. Cummins J. S., ed. *The Travels and Controversies of Friar Domingo Navarrete, 1618–1686. Vol. 2*. Cambridge, University Press for the Hakluyt Society, 1962. 475 p.

16. Dampier W. *Voyages and Descriptions. Vol. 2*. London, Printed for Fames Knapton, at the Crown in the St Paul's Church-yard, 1700. 428 p.

17. Desfarges G., De La Touche L., Des Verquains J.V. *Three Military Accounts of the 1688 "Revolution" in Siam*. Bangkok, OrchidPress, 2002. 192 p.

18. Dror O., Taylor K.W., eds. *Views of Seventeenth-Century Vietnam: Cristoforo Borri on*

Cochinchina and Samuel Baron on Tonkin. Ithaca, New York, Southeast Asia Program Publications, Cornell University, 2006. 297 p.

19. Duangchan P. *Le Siam et les Siamois d'après l'abbé de Choisy dans Journal du voyage de Siam, Mémoires d'études françaises*. Bangkok, Université Silpakorn, 2009. 192 p.

20. Dutton G. *The Tây Sơn Uprising: Society and Rebellion in Eighteenth-Century Vietnam*. Hanolulu, University of Hawaii Press, 2006. 306 p.

21. Embree A.T. *Encyclopedia of Asian History. Vol. 3*. New York, Charles Scribner's Sons, 1988. 516 p.

22. Funnell W. *A Voyage Round the World, Containing an Account of Captain Dampier's Expedition into the South Seas in the Ship St George in the Years 1703 and 1704*. London, W. Botham, 1707. 302 p.

23. Hardy A.D., Cucarzi M., Zolese P., eds. *Champa and the Archaeology of My Son (Vietnam)*. Singapore, NUS Press, 2009. 226 p.

24. Hong N. *Lich su truyen giao o Viet Nam, tap 1 [Missionary History in Vietnam. Vol. 1]*. Saigon, Current Publishing House, 1959. 306 p.

25. Huu Quynh T., Xuan Lam D., Mau Han L. *Dai cuong Lich su Viet Nam toan tap [Complete Collection of an Outline of Vietnamese History]*. Hanoi, Vietnam Education Publishing House, 2006. 1175 p.

26. Khoa Chiem N. *Nam trieu cong nghiep di e n. chi [History of the Southern Dynasty]*. Hanoi, Vietnam Writers' Association Publishing House, 2003. 630 p.

27. Lach D.F., Van Kley E.J. *Asia in the Making of Europe. Vol. 3*. Chicago, London, University of Chicago Press, 1998. 2077 p.

28. Manguin P.Y. *Les Portugais sur les côtes du Viet-Nam et du Campa*. Paris, L'école Française d'Extrême-Orient, 1972. 344 p.

29. Marini G.F. *Delle missioni de' padri della Compagnia di Giesù nella provincia del Giappone, e particolarmente di quella di Tumkino*. Roma, Per Nicolò Angelo Tinaffi, 1663. 548 p.

30. Martin L.A. *Lettres édifiantes et curieuses: concernant l'Asie, l'Afrique et l'Amérique, avec quelques relations nouvelles des missions, et des notes géographiques et historiques. T. 4*. Paris, Société du Panthéon Littéraire, 1843. 723 p.

31. Maspero G. *The Champa Kingdom: The History of an Extinct Vietnamese Culture*. Bangkok, White Lotus Press, 2002. 226 p.

32. Maverick L.A. Pierre Poivre: Eighteenth Century Explorer of Southeast Asia. *Pacific Historical Review*, 1941, vol. 10, no. 2, pp. 165-177.

33. Maybon C.B. *Histoire moderne du pays d'Annam (1592–1820)*. Paris, Plon-Nourrit et Cie Eiditeurs, 1919. 418 p.

34. Maybon C.B. Notice sur Cristoforo Borri et sur les éditions des sa "Relation". *Bulletin des Amis du Vieux Hué*, 1931, vol. 3-4, pp. 269-276.

35. Montézon F., Estève E., Rhodes A., Tissanier J., Saccano M. *Mission de la Cochinchine et du Tonkin avec gravure et carte géographique*. Paris, Charles Douniol Éditeur, 1858. 412 p.
36. Papillon A. *Bibliothèque des Auteurs de Bourgogne. T. 2*. A Dijon, Chez François Desventes, libraire, 1745. 359 p.
37. Pfister L. *Notices biographiques et bibliographiques sur les jésuites de l'ancienne mission de Chine. Vol. 1*. Shanghai, Imprimerie de la Mission catholique, 1932. 561 p.
38. Phan Quang N. *Mot so cong trinh su hoc Viet Nam* [Some Vietnamese Historical Works]. Ho Chi Minh city, Ho Chi Minh City General Publishing House, 2006. 1365 p.
39. Pike D., ed. *Australian Dictionary of Biography. Vol. 1*. Melbourne, Melbourne University Press; London, New York, Cambridge University Press, 1966. 603 p.
40. Quang Chinh D. *Lich su chu Quoc ngu (1620–1659)* [History of the Romanized Vietnamese Script (1620–1659)]. Saigon, Ra Khoi Bookstore, 1972. 171 p.
41. Quoc su quan trieu Nguyen. *Dai Nam nhât thong chi. Tap 2* [Gazetteer of Dai Nam. Vol. 2]. Hue, Thuan Hoa Publishing House, 2006. 529 p.
42. Quoc su quan trieu Nguyen. *Dai Nam thuc luc. Tap 1* [Veridical Records of Dai Nam. Vol. 1]. Hanoi, Vietnam Education Publishing House, 2002. 1076 p.
43. Quoc su quan trieu Nguyen. *Kham dinh Viet su thong giam cuong muc. Tap 2* [A Mirror of Vietnamese History Prepared by Imperial Order. Vol. 2]. Hanoi, Vietnam Education Publishing House, 2007. 1203 p.
44. Quy Don L. *Phu bien tap luc* [A Compilation of the Miscellaneous Records When the Southern Border Was Pacified]. Hanoi, Cultural & Information Publishing House, 2007. 447 p.
45. Reid A., ed. *Southeast Asia in the Early Modern Era: Trade, Power, and Belief*. Ithaca, New York, Cornell University Press, 1993. 286 p.
46. Rhodes A. *Divers Voyages et Missions*. Paris, Imprimeur ordinaire du Roy & de la Reyne, 1653. 381 p.
47. Rhodes A. *Histoire du Royaume de Tunquin*. Lyon, Chez Iean Baptiste Devenet, 1651. 326 p.
48. Rhodes A. *Relazione de' felici successi della Santa Fede Predicata da' Padri Della Compagnia di Giesu Nel Regno di Tunchino*. Roma, Per Giuseppe Luna, 1650. 326 p.
49. Ritzler P.R., Sefrin P.P. *Hierarchia Catholica medii et recentioris aevi. Vol. 5*. Patavii, Messagero di S. Antonio, 1952. 457 p.
50. Rogers W. *A Cruising Voyage Round the World: First to the South-Sea, Thence to the East-Indies, and Homewards by the Cape of Good Hope*. London, A. Bell and B. Lintot, 1712. 484 p.
51. Salles A. *Un mandarin breton au service du roi de Cochinchine: Jean-Baptiste Chaigneau et sa famille*. Rennes, Les Portes du Large, 2006. 224 p.
52. Saraiva L. *Europe and China: Science and Arts in the 17th and 18th Centuries*. Singapore, World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd., 2013. 309 p.
53. Septans A. *Les Commencements de l'Indo-Chine française, d'après les archives du ministère de la marine et des colonies, les mémoires ou relations du temps*. Paris, Challamel Ainé, Libraire Éditeur, 1887. 213 p.
54. Sy Lien N. et al. *Dai Viet su ky toan thu* [Complete Annals of Dai Viet]. Hanoi, Social Sciences Publishing House, 1993. 739 p.
55. St. John J.A. *The Lives of Celebrated Travellers. Vol. 1*. London, Henry Colburn and Richard Bentley, 1831. 308 p.
56. Surun M. *Marchands de vin en gros à Paris au XVIIe siècle: Recherches d'histoire institutionnelle et sociale*. Paris, L'Harmattan, 2007. 559 p.
57. Taboulet G. *La Geste française en Indochine: Histoire par les textes de la France en Indochine des origines à 1914. T. 1*. Paris, Adrien-Maisonneuve, 1955. 425 p.
58. Tap chi Xua & Nay. *Nhung van de lich su trieu Nguyen* [Historical Issues of the Nguyen Dynasty]. Ho Chi Minh city, Saigon Culture Publishing House, 2006. 341 p.
59. Tavernier J.B. *Recüeil de plusieurs relations et traitez singuliers et curieux de J.B Tavernier*. Paris, Chez Gervais Clouzier, 1679. 502 p.
60. Thanh Khoi L. *Lich su Viet Nam tu nguon goc den giua the ki XX* [Vietnam History from the Origin to the Middle of the 20th Century]. Hanoi, World Publishing House, 2014. 642 p.
61. Toda E. *Annam and Its Minor Currency. Journal of the North China branch of the Royal Asiatic Society*, 1882, vol. 17, part 1, pp. 41-220.
62. Trong Kim T. *Viet Nam su luoc* [Outline History of Vietnam]. Saigon, Tan Viet Publishing House, 1968. 586 p.
63. Van Son P. *Viet su tan bien. Quyen III* [The New Compilation of Vietnamese History. Vol. 3]. Saigon, Dai Nam Publishing, 1959. 481 p.
64. Xuan Han H. *Dung ba tram nam truoc* [Exactly Three Hundred Years Ago]. *Tap san Su Dia* [Journal of History and Geography], 1973, vol. 26, pp. 5-25, 237-247.

Information About the Author

Anh Thuan Truong, PhD History, Head of Department for History of Vietnam and History Teaching Methods, The University of Danang, University of Science and Education, Ton Duc Thang St, 459, 550000 Danang city, Vietnam, tathuan@ued.udn.vn, <https://orcid.org/0000-0001-9682-882X>

Информация об авторе

Анх Тхуан Труонг, PhD по истории, руководитель департамента истории Вьетнама и методов преподавания истории, Университет Дананга, Университет науки и образования, ул. Тон Дык Тханг, 459, 550000 г. Дананг, Вьетнам, tathuan@ued.udn.vn, <https://orcid.org/0000-0001-9682-882X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.4>

UDC 9.94

LBC 63.3(4Гем)52

Submitted: 25.08.2021

Accepted: 12.12.2021

THE AUSTRO-PRUSSIAN WAR 1866 AS A CIVIL WAR: CONTEMPORARY OPINION

Nikolay A. Vlasov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Main research goal of this article is to identify the key features of perception of the Austro-Prussian war 1866 as a “civil war” by its German contemporaries. *Methods and materials.* The methodology of this research – first of all the approach to discourse analysis – is borrowed from the Cambridge school (Q. Skinner, J. Pocock). Main sources are official statements, letters, parliament speeches and press articles from the German states in 1866. *Analysis.* The term “civil war” can be used as a label for the Austro-Prussian war only if the existence of a single German nation within the borders of the German Union is presumed. Therefore it was assumed that this term will be used mainly by the “Great German” nationalists. This hypothesis was confirmed, but the term “civil war” emerged also as a part of other discourses – conservative-legitimist and (to a lesser degree) pro-Prussian. After 1866 almost no use of this term related to the Austro-Prussian war can be discovered. *Results.* The term “civil war” was widely used in 1866 within the framework of different, first of all anti-Prussian discourses. Main goal of this praxis was to condemn Bismarck’s politics. Prussian victory led to rapid disappearance of the “Great German” discourse after 1866. The term “civil war” was replaced by another terms (“German war”, “Fraternal war” etc.).

Key words: Austro-Prussian war, civil war, Cambridge school, discourse, German nationalism.

Citation. Vlasov N.A. The Austro-Prussian War 1866 as a Civil War: Contemporary Opinion. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhduнародnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 4, pp. 38-47. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.4>

УДК 9.94

ББК 63.3(4Гем)52

Дата поступления статьи: 25.08.2021

Дата принятия статьи: 12.12.2021

АВСТРО-ПРУССКАЯ ВОЙНА 1866 г. КАК ГРАЖДАНСКАЯ: ВЗГЛЯД СОВРЕМЕННОКОВ

Николай Анатольевич Власов

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении характерных особенностей восприятия Австро-прусской войны 1866 г. как гражданской ее немецкими современниками. Теоретическую базу работы составляют подходы к анализу дискурсов, разработанные в рамках кембриджской школы. Исследование опирается на широкий круг источников, включающий в себя официальные документы, письма, парламентские выступления, а также материалы немецкой прессы. Поскольку использование термина «гражданская война» применительно к Австро-прусской войне подразумевает представление о единой немецкой нации в рамках Германского союза, в начале исследования была выдвинута гипотеза о том, что данный термин будет использоваться в первую очередь в рамках «великогерманского» течения немецкого национального движения. В ходе исследования гипотеза подтвердилась, однако выяснилось, что понятие «гражданская война» использовалось и в рамках других дискурсов – консервативно-легитимистского и, в меньшей степени, прусского. После 1866 г. практика употребления термина «гражданская война» применительно к событиям Австро-прусской войны практически полностью прекращается. На основании анализа источников можно констатировать, что понятие «гражданская война» применительно к событиям 1866 г. использовалось в рамках различных дискурсов, в первую очередь враждеб-

ных по отношению к Пруссии. Основной целью использования данного понятия являлось осуждение политики Бисмарка в глазах немецкой общественности. Победа Пруссии привела к практически полному исчезновению «великогерманского дискурса» и принятого в его рамках восприятия конфликта 1866 г. как гражданской войны.

Ключевые слова: Австро-прусская война, гражданская война, кембриджская школа, дискурс, немецкий национализм.

Цитирование. Власов Н. А. Австро-прусская война 1866 г. как гражданская: взгляд современников // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 38–47. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.4>

Введение. Австро-прусская война 1866 г. стала важнейшим рубежом в развитии немецкого национализма и национального государства. Она решила исход борьбы двух национальных проектов середины XIX в. – «великогерманского» и «малогерманского» – в пользу второго из них. Объединение Германии в итоге произошло вокруг Пруссии, а Австрия осталась за рамками немецкого национального государства.

Основные антагонисты в этом конфликте, монархии Габсбургов и Гогенцоллернов, несмотря на свой многонациональный характер, считались в первую очередь немецкими государствами, с немецкими правящими династиями и преимущественно немецкой элитой. Более того, они входили в состав одного, пусть и весьма аморфного, государственного образования – Германского союза. Последний также считался немецким по своему характеру объединением, своего рода «эрзацем» национального государства.

Именно поэтому Австро-прусская война 1866 г. с самого начала не воспринималась как «классический» конфликт двух суверенных государств. В современной Германии ее называют Немецкой войной (Deutscher Krieg) – термин, который представляется и нам наиболее подходящим. Широко распространенным является также понятие «война братьев» (Bruderkrieg), подчеркивающее общую национальную идентичность основных антагонистов. В отличие от русского понятия «братоубийственная война», немецкий термин «война братьев» не имеет столь ярко выраженной негативной коннотации. Однако от этого термина остается в смысловом отношении один шаг до понятия «гражданская война» (Bürgerkrieg) – конфликта внутри единого национального или государственного организма.

Может ли Австро-прусская война 1866 г. считаться гражданской войной? На сегодняшний день этот вопрос является спорным. Так, современный исследователь Я. Хейнцен отвечает на него положительно: если считать признаками гражданской войны принадлежность сторон к единой нации, широкую вовлеченность населения и многотысячные жертвы, то Немецкая война соответствует всем этим критериям [15, р. 4]. Аналогичной точки зрения придерживается и Г.-У. Велер [34, S. 293]. Другие исследователи приводят целый ряд контраргументов: конфликт велся между суверенными государствами, силами исключительно регулярных кадровых армий, а решение о его начале и завершении было принято на правительственном уровне. Именно на этом основании известный немецкий историк Г.А. Винклер утверждает: «Немецкая война 1866 года не была гражданской войной» [35, S. 178].

Нашей целью, однако, не является ответ на вопрос о том, можем ли мы сегодня отнести австро-пруссский конфликт 1866 г. к категории гражданских войн. Такой ответ зависит в первую очередь от того определения, которое мы дадим самому термину «гражданская война». В фокусе же нашего внимания будет находиться употребление этого понятия современниками тех событий.

Насколько распространено было в 1866 г. в германских государствах понятие «гражданская война» применительно к текущему конфликту? Для каких социальных групп и политических течений было характерно использование этого термина? Как повлиял исход войны на дальнейшее его употребление? Ответы на данные вопросы мы постараемся дать в настоящей статье.

Иначе говоря, цель нашего исследования заключается в выявлении характерных осо-

бенностей восприятия Австро-прусской войны 1866 г. как гражданской ее современниками из числа жителей германских государств.

На сегодняшний день данная тема еще не стала предметом специального исследования. В той или иной степени она затрагивалась в работах, посвященных немецкому национализму или непосредственно Австро-германской войне 1866 года. Число как первых, так и вторых весьма велико, однако восприятие войны в немецком обществе в большинстве из них либо не затрагивается вообще, либо описывается крайне сжато и схематично. Немецкому национальному и либеральному движению посвящены, в частности, монографии О. Данна [5], Х. Шульце [29] и Дж. Шихена [30]. Из числа новейших работ о войне 1866 г. (в том числе о ее восприятии в германском обществе) можно назвать труды К.-Ю. Бремма [4] и Х. Яра [16]. Весьма ценные материалы, касающиеся восприятия событий 1866 г. как своеобразного аналога Гражданской войны в США, содержатся в работе П. Гауля [13]. Уже упоминавшийся выше Я. Хейнцен подробно исследовал восприятие войны 1866 г. и прусской аннексии в Ганновере [15].

Методы и материалы. Основу теории и методологии данного исследования составляют подходы, разработанные в рамках кембриджской школы Дж. Пококом и К. Скиннером. В соответствии с ними любой текст является частью определенного дискурса. Дискурс Дж. Покок определяет как «комплексную структуру, включающую в себя словарь, грамматику, риторику, набор словоупотреблений, допущений и смыслов, существующих вместе в определенное время; такая структура применяется определенным сообществом использующих этот язык для политических целей, выражения определенной картины мира или идеологии» [25, р. 47].

Согласно концепции основателей кембриджской школы, одновременно в одном и том же пространстве может существовать несколько взаимодействующих и конкурирующих друг с другом дискурсов. Эти дискурсы не являются полностью взаимоисключающими; их можно встретить в одном и том же тексте [28, р. 57]. Как правило, каждый дискурс примерно соответствует определенной интеллектуальной концепции.

В связи с этим любое высказывание необходимо рассматривать в рамках двоякого контекста: социального (события и процессы, сопровождающие его появление на свет) и дискурсивного. Любое высказывание содержит в себе явные или неявные отсылки к другим современным ему текстам. С его помощью автор стремится добиться определенной цели. «Любое высказывание, – писал К. Скиннер в своей программной статье, – неизбежно является воплощением конкретного намерения в конкретной ситуации и направлено на решение конкретной проблемы» [32, р. 50].

Автор высказывания действует в рамках дискурсивного пространства, однако имеет возможность выбирать между конкурирующими дискурсами и вносить свой вклад в их дальнейшее развитие. При этом в фокусе внимания кембриджской школы оказывается «идея дискурса, а не индивидуальные авторы» [31, р. 267].

Обращаясь к отдельным понятиям, представители кембриджской школы выступают за их рассмотрение в рамках дискурсивного контекста. По их мнению, невозможно писать историю изолированного развития отдельных терминов. Изучать значение понятия – значит изучать историю его употребления в различных ситуациях [32, р. 37].

В данном случае мы рассматриваем понятие «гражданская война» применительно к событиям 1866 г. как часть определенного дискурса, взаимодействовавшего и конкурировавшего в германском общественном мнении с другими дискурсами, трактовавшими эти события в ином ключе и, соответственно, обозначавшими их другими терминами.

Чтобы достичь поставленной цели, потребовалось привлечение широкого круга источников, включающего в себя официальные документы, парламентские выступления, переписку политических и общественных деятелей, а также частных лиц. Особое внимание уделялось при этом заявлениям глав германских государств и правительств (таких как министр-президент Пруссии О. фон Бисмарк или баварский король Людвиг II), а также текстам ведущих либеральных политиков (к примеру, Р. фон Беннигсена или Ф. фон Роггенбах). Важным источником являлась также пресса. Для достижения максимальной реп-

резентативности был обеспечен широкий охват изданий (газеты различной политической направленности, выходившие в Пруссии, Австрии, малых и средних германских государствах). В процессе исследования было изучено в общей сложности 12 периодических изданий за май – июнь 1866 года.

Анализ. В первую очередь необходимо ответить на вопрос о том, что означало для современников событий 1866 г. понятие «гражданская война» и с какими коннотациями оно было связано. В четвертом томе «Нового разговорного словаря» Мейера, увидевшем свет в 1863 г., гражданская война определяется как «война, которая ведется между членами одного и того же государства, как правило, во имя общественных интересов» [20, S. 141]. Во многих других современных энциклопедиях для данного понятия не существовало отдельной словарной статьи, что указывает скорее на незначительное его распространение в середине XIX века. Однако в дальнейшем на образ гражданской войны в глазах немецкого общества серьезно повлияли события 1861–1865 гг. в Северной Америке. Неслучайно самые различные немецкие авторы сравнивали в 1866 г. Австро-прусскую войну с Гражданской войной в США [13, S. 249]. Гражданская война при этом расценивалась как негативное событие в жизни страны, трагедия, братоубийственная распря.

Использование применительно к конфликту 1866 г. понятия «гражданская война» подразумевало, что противоборствующие стороны рассматриваются не как суверенные государства, а как части единого целого. Таким «единым целым» выступала в первую очередь немецкая нация.

Подъем немецкого национального движения пришелся на первую половину XIX века. Основные этапы его развития подробно описаны и изучены во множестве работ. В рамках нашего исследования принципиальным моментом является раскол национального движения на «великогерманское» и «малогерманское» направления, окончательно сложившийся в период революции 1848–1849 гг. и деятельности Франкфуртского Национального собрания. Первое из указанных направлений выступало за национальное объединение с участием габсбургских земель, второе пред-

полагало невозможность инкорпорации многонациональной Австрийской империи и поддерживало идею интеграции вокруг Пруссии. В 1850–1860-е гг. оба этих течения продолжали существовать, хотя острота противоречий между ними значительно снизилась и их можно считать частями единого национального движения. Однако любая ситуация, в рамках которой вновь возникнет реальный выбор между двумя вариантами развития, неизбежно должна была привести к дальнейшей поляризации. Именно это и случилось весной 1866 г., когда отношения Берлина и Вены начали стремительно обостряться, и прусское правительство выступило со своим проектом решения германского вопроса.

Угроза войны между Австрией и Пруссией, а также вовлечения в нее остальных германских государств поставила на повестку дня вопрос о позиции немецкого либерального и национального движения по отношению к происходящему. Не только представители «великогерманского» течения, но и многие сторонники объединения Германии вокруг Пруссии не поддерживали политику Берлина. По словам Т. Ниппердея, «даже если они не исключали войну как таковую, они не хотели именно этой войны, войны Пруссии, которая с 1848 г. так грубо обманывала все либеральные надежды, войны ненавистного министерства конфликта, войны Бисмарка» [22, S. 782]. Большинство представителей Национального союза выступили в этой ситуации за нейтралитет малых и средних германских государств.

Исходя из этого, мы можем предположить, что использование понятия «гражданская война» в реальной ситуации австро-прусского конфликта наиболее логично в рамках дискурса сторонников немецкой национальной идеи, негативно относящихся к происходящему и, следовательно, занимающих антипруссские позиции. Под это определение идеально подходят либеральные националисты «великогерманского» направления из малых и средних германских государств.

Анализ источников позволяет подтвердить правильность этой гипотезы. Как пишет в своем исследовании П. Гауль, «либеральные и демократические политики и публицисты из южно- и центральногерманских госу-

дарств были наиболее склонны к тому, чтобы использовать термин «гражданская война» для обозначения Семинедельной войны» [13, S. 253].

Еще в начале апреля, когда угроза австро-прусского конфликта стала стремительно нарастать, Немецкий съезд депутатов (собрание либеральных политиков из парламентов разных германских государств, созданное в 1862 г. во Франкфурте-на-Майне для координации действий в германском вопросе) опубликовал заявление, которое начиналось следующими словами: «Над Германией нависла угроза гражданской войны». Здесь же заявлялся «самый решительный, осуждающий немецкую гражданскую войну» протест против действий Пруссии [26, S. 907]. Спустя полтора месяца, 18 мая, 40 депутатов выступили с заявлением, в котором решительно осуждалась политика Берлина и говорилось о том, что «служащая лишь династическим амбициям, уничтожающая свободу и благополучие гражданская война... есть предательство немецкой нации» [26, S. 969].

Либеральный юрист Рудольф фон Ихеринг писал 1 мая своему другу Юлиусу Глазеру: «Возможно, ни одну войну еще не начинали с таким бесстыдством, таким жутким легкомыслием, как ту, которую Бисмарк пытается сейчас развязать против Австрии... Немец вооружается против немца, это гражданская война, заговор трех-четырёх держав против одной, без видимости права, без участия народа, вызванная к жизни несколькими дипломатами» [27, S. 196]. Шлезвиг-гольштейнский политик Люциус Карл фон Неергард в конце мая заявлял, требуя от немецких либералов поддержать Австрию в борьбе против Пруссии: «Оставаться нейтральным в гражданской войне – это предательство!» [23, S. 718]. Другой уроженец северных герцогств, ганзейский дипломат и либеральный политик Рудольф Шейден, говорил впоследствии о «результатах достойной сожаления гражданской войны» [16, S. 120]. Такие же голоса были слышны из Австрии. Мориц фон Гольдшмидт, представитель австрийских финансовых кругов, писал своему другу и коллеге Герсону Блейхрөдеру в Берлин: «У меня не уместится в голове вся чудовищность предстоящей гражданской войны» [33, S. 127].

Немецкая либеральная пресса, в первую очередь из малых и средних германских государств, также широко использовала в своих публикациях понятие «гражданская война». Достаточно рассмотреть отклики периодических изданий на принятое 14 июня 1866 г. бундестагом Германского союза во Франкфурте-на-Майне решение о мобилизации союзной армии и проведении экзекуции в отношении Пруссии. Именно это решение окончательно сделало войну неизбежной.

Так, в передовице «Аугсбургских новейших ведомостей» от 15 июня говорилось: «Будущие историки вынесут нам горький приговор, потому что мы начали гражданскую войну, не желая ее, и убивали друг друга по команде ненавистного всем предателя» [2]. Под последним, разумеется, имелся в виду Бисмарк. Колумнист «Франконской газеты» писал в тот же день, что «весь народ испытывает отвращение к неестественной, безбожной войне братьев», но «рок ведет нас к гражданской войне» [12] (очевидно, оба термина используются в данном случае как синонимы). «Пфальцский курьер» озаглавил свою передовицу «Без промедления в гражданскую войну»; по мнению автора статьи, решение бундестага лишь развязывает руки Бисмарку [24].

Проводились и сравнения разворачивающегося конфликта в Германии с Гражданской войной в США, причем на роль «раскольников-конфедератов» назначали Пруссию и ее союзников. Так, комментируя решение бундестага от 14 июня, «Ашаффенбургская газета» писала, что Германии придется пережить такой же внутренний конфликт, как Соединенным Штатам и Швейцарии [1].

Понятие «гражданская война» использовалось и в дальнейшем. К примеру, в брошюре под названием «Немецкая гражданская война 1866 года», изданной в Брауншвейге еще в ходе конфликта, говорилось: «Война, чудовищная, братоубийственная, раскрыла свою прожорливую глотку. Мой народ, мой немецкий народ, твои дети убивают друг друга, без цели, без высшей идеи, ты бессилён, покинут всеми на произвол твоих властителей, лишь немногие из которых носят в своей груди немецкое сердце» [6, S. 9].

«Великогерманский» либеральный дискурс был той средой, в рамках которой исполь-

зование понятия «гражданская война» выглядело наиболее логичным и было шире всего распространено. Однако мы можем встретить данный термин и в рамках других современных дискурсов. Это совершенно естественно, поскольку различные дискурсы взаимодействуют друг с другом, идеологические и интеллектуальные течения развиваются во взаимной связи и противоборстве.

В первую очередь необходимо рассмотреть легитимистский дискурс, в рамках которого действия Пруссии являлись грубым нарушением законного порядка вещей, покушением на основы существующей системы. Данный дискурс был характерен в большей степени для правящих элит малых и средних германских государств, а также Австрийской империи.

Хотя «легитимисты» достаточно осторожно относились к национальному движению, справедливо считая его стремящимся к изменению сложившегося статус-кво, они нередко брали на вооружение тезис о гражданской войне. По всей видимости, это делалось для того, чтобы укрепить символический союз антипруссских сил и опереться на популярное в малых и средних государствах идейное течение. Как писал Я. Хейнцен, «продолжая провозглашать божественное происхождение королевской власти и превосходство монархического устройства... теологи и клир взяли на вооружение язык либерального национализма, чтобы сделать свое послание приемлемым для буржуазной аудитории» [15, р. 36].

Так, глава баварского правительства Людвиг фон дер Пфордтен писал 17 мая посланнику в Вене графу Брау о том, что Германия может «погрузиться в гибельную гражданскую войну» [26, S. 966]. Министр-президент великого герцогства Гессен Рейнгард фон Дальвигк, обращаясь 9 июня к гостям, собравшимся на торжественный обед по случаю дня рождения герцога, заявил: «Наше немецкое Отечество, пользуясь благословением полувекового мира, под защитой институтов, недостатки которых объяснялись несовершенным их использованием, достигло невиданного процветания. Сегодня оно стоит на пороге гражданской войны» [9, S. 222].

В официальных документах и заявлениях, предназначенных для широкой обществен-

ности, мы также можем встретить упоминания о гражданской войне. Хотя эта категория текстов создавалась в рамках официального легитимистского дискурса, в соответствии с которым члены Германского союза являлись в первую очередь суверенными государствами, мы и здесь встречаем апелляцию к национальной идее. Это вполне соответствует идее К. Скиннера о том, что автор в рамках одного текста может осуществлять синтез конкурирующих дискурсов. К примеру, в тронной речи, произнесенной баварским королем Людвигом II 27 мая 1866 г. по случаю открытия ландтага, говорилось: «Я не хочу оставлять надежду на то, что катастрофу гражданской войны в Германии удастся предотвратить» [10, S. 49]. О грозящей гражданской войне говорится и в ответном адресе, принятом депутатами баварского народного представительства [10, S. 50].

В тех же целях понятие «гражданская война» использовали и в Австрии. Так, 15 июня консервативная австрийская газета «Дебаты» писала: «Прусская политика вызывает ужасающую гражданскую войну» [7]. «После победоносной борьбы у немцев будет и единство, и свобода, – оптимистично писала венская «Пресса». – Патриотические сердца будут позднее восхвалять ту череду обстоятельств, благодаря которым из гражданской войны возшло величие Германии» [8].

Нельзя забывать и о том, что внутри Пруссии также существовала легитимистская оппозиция Бисмарку и развязанному им конфликту. Отставной прусский дипломат Фердинанд фон Гален, представитель вестфальского католического дворянства, писал в начале июня: «Мы стоим на пороге катастрофической гражданской войны в Германии. Кто толкает нашего бедного короля Вильгельма на революцию против права и истории? Консервативный аристократ Бисмарк!» [17, S. 413]. Стоит подчеркнуть, что Гален критиковал начавшуюся войну не с национальных, а с консервативно-легитимистских позиций.

В кругах, поддерживавших политику Пруссии, понятие «гражданская война» также использовалось, хотя и значительно реже, чем в рамках «антипруссских» дискурсов. Это использование следует рассматривать в первую очередь как реакцию на употребление

данного термина идеологическими противниками. В целом мы можем выделить три основных типа такой реакции.

В первом случае факт гражданской войны признавался, однако ответственность за нее возлагалась не на Пруссию, а на ее противников. По мнению сторонников данной концепции (как правило, «малогерманских» националистов из малых и средних германских государств), Австро-прусская война превратилась в гражданскую после решения бундестага от 14 июня 1866 года. Либеральный политик Франц фон Роггенбах, ушедший в 1865 г. в отставку с поста министра иностранных дел великого герцогства Баден, но оставшийся личным другом монарха, писал великому герцогу Фридриху 13 июня, что Германия может оказаться вовлеченной в «самую катастрофическую и бесплодную гражданскую войну» [14, S. 526], если малые и средние государства поддержат Австрию. Той же позиции придерживался один из деятелей Национального союза, либеральный политик Эдуард Рюкерт. Выступая 25 июня 1866 г. в ландтаге герцогств Саксония-Кобург и Гота, он заявил, что австро-прусская война переросла в гражданскую войну. Ответственность за это он возлагал на правительства малых и средних государств, поддержавших решение о начале войны против Пруссии, и «политиков из народа, которые подталкивали к этому решению» [26, S. 1058]. «Если дело дойдет до внутренней гражданской войны в Германии, – писал прусский журнал «Вестник границы» в середине июня 1866 г., – значительная часть вины будет впоследствии признана за вюртембергскими правителями» [11, S. 477].

Второй тип реакции заключался в отрицании характера начавшейся войны как гражданской. Этим путем пошла, в частности, значительная часть поддерживавших Бисмарка представителей «малогерманского» движения в Пруссии. Так, видный либеральный политик Виктор фон Унру в беседе с Бисмарком заявил: «Война против венгров, русин, словаков и так далее – не братоубийственная война» [3, S. 131]. А прусский поэт Максимилиан Леопольд Мольтке счел необходимым даже посвятить проблеме характеристики начавшейся войны отдельное стихотворение: «Вы называете ее гражданской войной, / Слово она

поднялась с улицы! / Скажите, армия и ландвер, / Так ли нужно ее называть?». По мнению поэта, правильным было бы название «Немецкая война за объединение» [13, S. 252].

Наконец, в качестве третьего типа реакции можно обозначить игнорирование термина «гражданская война». Это было характерно для официального прусского дискурса, а также для прессы, поддерживавшей прусское правительство. Даже либеральная прусская печать, скептически относившаяся к Бисмарку, предпочитала говорить о «немецкой войне» или «войне братьев» [18]. Сам Бисмарк не употреблял термин «гражданская война» ни в официальных заявлениях, ни в деловой переписке, ни в частных беседах. При этом официальная Пруссия охотно обращалась к национальной риторике, говоря о Германии как «общем Отечестве» [21].

После победы Пруссии в 1866 г. понятие «гражданская война» практически исчезло из обихода. Во многом это было связано со смертью соответствующего дискурса – угасанием самой «великогерманской» идеи, надежд на реализацию которой практически не осталось. Пруссия взяла на себя роль ядра, вокруг которого будет сформировано национальное государство. В результате многие немецкие либералы, которые ранее находились в принципиальной оппозиции к Бисмарку и его политике, стремительно изменили свои взгляды. Из непримиримых противников «железного канцлера» они превратились в его соратников. К примеру, уже процитированный выше Р. фон Ихеринг писал 19 августа 1866 г., непосредственно после окончания кампании: «Я склоняюсь перед гением Бисмарка. <...> Я простил этому человеку все, что он делал раньше. <...> Мог ли я поверить еще девять недель назад, что буду петь дифирамбы Бисмарку?» [27, S. 206–207]. По словам Х. Шульце, после сражения при Садовой «националистическое движение буквально в мгновение ока прекратило свое существование в качестве независимой политической силы» [29, S. 95].

Таким образом, война 1866 г. уже не рассматривалась участниками этого движения как гражданская, поскольку одна из основных ее сторон – Австрия – теперь оказалась за пределами национально-государственного организма. Как писал Я. Хейнцен, «коммен-

таторы стали говорить о “войне между братьями” – конфликте антагонистов, объединенных родством, но не принадлежащих к одному сообществу или стране» [15, р. 3]. В Северо-Германском союзе, а затем Германской империи антипрусская либерализм играл скорее маргинальную роль, сохранившись в значимых масштабах только в южногерманских государствах.

Соответственно, и термин «гражданская война» применительно к событиям 1866 г. использовался в последней трети XIX в. крайне редко. Один из таких примеров – письмо Ф. Энгельса А. Бебелю от 18 ноября 1884 г., в котором говорится о Пруссии: «Она смогла создать германско-прусскую империю только путем насильственного разгрома Германского союза и гражданской войны» [19, S. 239]. Однако даже в рядах германской социал-демократии характеристика событий 1866 г. как гражданской войны не получила большого распространения.

Результаты. Война 1866 г. бушевала не только на полях сражений. Она являлась также конфликтом нескольких конкурирующих идеологий и, следовательно, присущих этим идеологиям дискурсов. Прусская политика вызвала серьезный протест не только у сторонников сохранения статус-кво, но и у значительной части национального движения, выступавшей с антипруссских, «великогерманских» позиций. Географически это движение имело наибольшее распространение в малых и средних германских государствах (Ганновер, Саксония, Гессен, Вюртемберг и т. д.).

В глазах представителей «великогерманского» течения единый национальный организм включал в себя всех немцев, проживавших на территории Германского союза. Последний зачастую представлялся им перспективным политическим образованием, эволюционное развитие которого могло бы со временем привести к формированию национального государства. С этой точки зрения все члены Германского союза считались частью одного целого, а конфликт между ними воспринимался как внутренний, как гражданская война. Таким образом, термин «гражданская война» с его негативными коннотациями стал частью антипруссского дискурса, в том числе легитимистского, апеллировавшего таким образом к популярной национальной идее.

После победы Пруссии начался стремительный закат «великогерманской» идеологии. Хотя антипруссские настроения в отдельных частях «малой Германии» оставались сильными, они носили в первую очередь партикуляристский или демократический, а не «великогерманский» характер. Вместе с идеологией ушел в прошлое и дискурс, частью которого был термин «гражданская война».

Широкое распространение получила характеристика событий 1866 г. как «войны братьев» – выражение, которое изначально использовалось в рамках различных дискурсов и могло выступать в роли как полного синонима термина «гражданская война», так и существенно отличающейся от него по смыслу альтернативы. После завершения войны 1866 г. содержание понятия «война братьев» стало более монолитным: оно выражало определенное сожаление по поводу конфликта «родственных» государств, но не осуждение его инициатора. Именно этот термин стал частью нового германского националистического дискурса.

REFERENCES

1. *Aschaffenburgische Zeitung*, 1866, 15 June (no. 142). URL: https://digipress.digitale-sammlungen.de/view/bsb10505099_00699_u001/1 (accessed 23 August 2021).
2. *Augsburger Neueste Nachrichten*, 1866, 15 June (no. 162). URL: https://digipress.digitale-sammlungen.de/view/bsb10541538_00851_u001/1 (accessed 20 August 2021).
3. Bismarck O.v. *Die gesammelten Werke. Bd. 7. Gespräche. Bis zur Aufrichtung des Deutschen Reiches*. Berlin, Verlag für Politik und Wirtschaft, 1924. 528 S.
4. Bremm K.-J. *1866. Bismarcks Krieg gegen die Habsburger*. Darmstadt, Theiss Verlag, 2016. 312 S.
5. Dann O. *Nation und Nationalismus in Deutschland 1770–1990*. München, Verlag C.H. Beck, 1993. 363 p.
6. *Der Deutsche Bürgerkrieg im Jahre 1866. Parteilos und zum großen Teil nach officiösen Quellen für das Volk bearbeitet von F.A.* Braunschweig, Verlag von Wilhelm Graff, 1866. 44 S.
7. *Die Debatte und Wiener Lloyd*, 1866, 15 June (no. 161). URL: <https://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno?aid=ddb&datum=18660615&seite=1&zoom=33> (accessed 23 August 2021).
8. *Die Presse*, 1866, 15 June (no. 162). URL: <https://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno?aid=apr&datum=18660615&seite=1&zoom=33> (accessed 20 August 2021).

9. *Die Tagebücher des Freiherrn Reinhard v. Dalwigk zu Lichtenfels aus den Jahren 1860–71*. Osnabrück, Biblio Verlag, 1967. 535 S.
10. *Die Thronreden und Adressen im bayerischen Landtag während der Zeit von 1819–1892*. München, s. n., 1893. 68 S.
11. Ein Brief aus Schwaben. *Die Grenzboten. Zeitschrift für Politik und Literatur*, 1866, 15 June (no. 25), S. 477–480. URL: <https://brema.suub.uni-bremen.de/grenzboten/periodical/pageview/285537> (accessed 24 August 2021).
12. *Fränkische Zeitung*, 1866, 15 June (no. 142). URL: https://digipress.digitale-sammlungen.de/view/bsb10486193_00587_u001/1 (accessed 24 August 2021).
13. Gaul P. *Ideale und Interessen. Die mitteleuropäische Wirtschaft im Amerikanischen Bürgerkrieg*. Stuttgart, Franz Steiner Verlag, 2021. 336 S.
14. *Großherzog Friedrich I. von Baden und die deutsche Politik 1854–1871. Bd. 1*. Berlin, Leipzig, Deutsche Verlags-Anstalt, 1927. 533 S.
15. Heinzen J. *Making Prussians, Raising Germans. A Cultural History of Prussian State-Building after Civil War, 1866–1935*. Cambridge, Cambridge University Press, 2017. 375 S.
16. Jahr C. *Blut und Eisen. Wie Preußen Deutschland erzwang. 1864–1871*. München, Verlag C.H. Beck, 2020. 368 S.
17. Keinemann F. Auswirkungen des preußisch-österreichischen Krieges 1866 auf die Haltung des katholischen Adels in der Provinz Westfalen. *Westfälische Zeitschrift*, 1969, Bd. 119, S. 411–422.
18. *Kölnische Zeitung*, 1866, 16 June (no. 166, Erstes Blatt). URL: <https://zeitpunkt.nrw/ulbbn/periodical/zoom/9471726> (accessed 24 August 2021).
19. Marx K., Engels F. *Werke. Bd. 36*. Berlin, Dietz Verlag, 1979. 939 S.
20. Meyer H., Hrsg. *Neues Konversations-Lexikon, ein Wörterbuch des allgemeinen Wissens. Bd. 4. Brückenkopf–Covolo*. Hildburghausen, Druck und Verlag vom Bibliographischen Institut, 1863. 1124 S.
21. *National-Zeitung*, 1866, 16 June (no. 275, Abend-Ausgabe). URL: https://digipress.digitale-sammlungen.de/view/bsb10932789_00849_u001/1 (accessed 20 August 2021).
22. Nipperdey T. *Deutsche Geschichte 1800–1866. Bürgerwelt und starker Staat*. München, Verlag C.H. Beck, 1998. 838 S.
23. Oncken H. *Rudolf von Bennigsen. Ein deutscher liberaler Politiker. Bd. 1. Bis zum Jahre 1866*. Stuttgart, Leipzig, Deutsche Verlags-Anstalt, 1910. 757 S.
24. *Pfälzischer Kurier*, 1866, 15 June (no. 137). URL: https://digipress.digitale-sammlungen.de/view/bsb10485703_00651_u001/1 (accessed 20 August 2021).
25. Pocock J.G.A. Concepts and Discourses: A Difference in Culture? Comment on a Paper by Melvin Richter. Lehmann H., Richter M., eds. *The Meaning of Historical Terms and Concepts. New Studies of Begriffsgeschichte*. Washington, German Historical Institute, 1996, pp. 47–58.
26. *Quellen zur Geschichte des Deutschen Bundes. Abt. III. 1850–1866. Bd. 4. Vom Frankfurter Fürstentag bis zur Auflösung des Deutschen Bundes 1863–1866*. Berlin, Boston, Walter de Gruyter GmbH, 2017. 1153 S.
27. R.v. Ihering in *Briefen an seine Freunde*. Leipzig, Breitkopf & Härtel, 1913. 480 S.
28. Richter M. Reconstructing the History of Political Languages: Pocock, Skinner, and the Geschichtliche Grundbegriffe. *History and Theory*, 1990, vol. 29, no. 1, pp. 38–70.
29. Schulze H. *The Course of German Nationalism. From Frederick the Great to Bismarck, 1763–1867*. Cambridge, Cambridge University Press, 1991. 174 p.
30. Sheehan J.J. *German Liberalism in the Nineteenth Century*. Chicago, London, The University of Chicago Press, 1983. 411 p.
31. Skinner Q. A Reply to My Critics. Tully J., ed. *Meaning & Context. Quentin Skinner and His Critics*. Princeton, Princeton University Press, 1988, pp. 231–288.
32. Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas. *History and Theory*, 1969, vol. 8, no. 1, pp. 3–53.
33. Stern F. *Gold und Eisen. Bismarck und sein Bankier Bleichröder*. München, Verlag C.H. Beck, 2008. 860 S.
34. Wehler H.-U. *Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 3. Von der „Deutschen Doppelrevolution“ bis zum Beginn des Ersten Weltkrieges, 1849–1914*. München, Verlag C.H. Beck, 2008. 1515 S.
35. Winkler H.A. *Der lange Weg nach Westen. Bd. 1. Deutsche Geschichte vom Ende des Alten Reiches bis zum Untergang der Weimarer Republik*. München, Verlag C.H. Beck, 2010. 652 S.

Information About the Author

Nikolay A. Vlasov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7-9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, n.vlasov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7476-268X>

Информация об авторе

Николай Анатольевич Власов, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7-9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, n.vlasov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7476-268X>

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВОЕННЫХ СОБЫТИЙ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.5>

UDC 930
LBC 63.1(2)

Submitted: 29.08.2021
Accepted: 12.12.2021

MODERN APPROACHES TO THE CHARACTERIZATION OF THE CHRONOLOGICAL FRAMEWORK OF THE CIVIL WAR IN RUSSIA

Vladimir P. Trut

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The paper examines various approaches of authoritative domestic and foreign researchers to the issues of substantiation and characteristics of the upper and lower chronological boundaries of the Civil War in Russia in the twentieth century, presented by them in scientific publications of the modern period of time. A comprehensive and detailed description of the time of the beginning and end of the Civil War is of great importance for the essential consideration of this extremely complex, contradictory, ambiguous, tragic, but at the same time significant event in the history of our country. *Methods and materials.* The study used logical analysis, the method of periodization of the historical process in the “historiographic refraction”, the historical-system method and scientific-critical analysis. The sources of this article are scientific studies of domestic and foreign historians of the modern period of time devoted to the issue of the chronological framework of the beginning and end of the Civil War in Russia. *Analysis.* The article identifies and critically analyzes various points of view of authoritative domestic and foreign researchers on the issues of the time of the beginning and end of the Civil War. The main approaches of historians to the periodization of the time of the beginning and end of the war, which are currently shared by the overwhelming majority of members of the historical scientific community, are characterized. Both general, fully or partially coinciding author’s positions on this issue and completely different approaches of researchers on its characteristics are shown. Objective analysis and scientific criticism have been subjected to the most controversial, from our point of view, views of some domestic and especially foreign historians on these issues, the argumentation of whose positions raises reasonable objections. *Results.* A scientific and critical analysis of modern historiographical developments of domestic and foreign historians on this issue has shown that there is currently no single, universally recognized point of view on this issue in historiography. This circumstance is due to both the complexity and ambiguity of the justification of the upper and lower chronological boundaries of the Civil War, as well as the existing author’s approaches, each of which has an appropriate scientific theoretical and factual argumentation.

Key words: Civil War, Russia, chronological framework, periodization, historiography.

Citation. Trut V.P. Modern Approaches to the Characterization of the Chronological Framework of the Civil War in Russia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 4, pp. 48-60. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.5>

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ РАМОК ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

Владимир Петрович Трут

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассматриваются различные подходы современных отечественных и зарубежных исследователей к вопросам обоснования и характеристики верхней и нижней хронологических границ Гражданской войны в России в XX веке. Всесторонняя оценка времени начала и окончания Гражданской войны имеет большое значение для сущностного рассмотрения этого крайне сложного, противоречивого, неоднозначного, трагического, но в то же время и важного события в истории нашей страны. В исследовании использовались логический анализ, метод периодизации исторического процесса в историографическом преломлении, историко-системный метод и научно-критический анализ. Источниками в данной статье выступают непосредственно научные исследования отечественных и зарубежных историков современного периода, посвященные вопросу о хронологических рамках Гражданской войны в России. В статье показаны как общие, полностью или частично совпадающие, авторские позиции по данному вопросу, так и совершенно разные подходы исследователей по его характеристике. Объективному анализу и научной критике подвергнуты наиболее спорные, с нашей точки зрения, взгляды некоторых отечественных и особенно зарубежных историков. Научно-критический анализ исследований показал, что в настоящее время единой, общепризнанной точки зрения по обозначенной проблематике в историографии нет. Данное обстоятельство обусловлено как сложностью и неоднозначностью обоснования верхней и нижней хронологических границ Гражданской войны, так и существующими авторскими подходами, каждый из которых имеет соответствующую научную теоретическую и фактологическую аргументацию.

Ключевые слова: Гражданская война, Россия, хронологические рамки, периодизация, историография.

Цитирование. Трут В. П. Современные подходы к характеристике хронологических рамок Гражданской войны в России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 48–60. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.5>

Введение. Одно из самых значительных, кризисных и трагических событий в истории нашей страны, имевшее поистине колоссальные негативные демографические, социальные, экономические, политические, культурные и иные последствия, Гражданская война в России XX в. отличалась своей географией, масштабностью, длительностью, ожесточенностью, вовлечением в свой круговорот огромного количества жителей страны самого разного социального, этнического, половозрастного состава. При этом она имела как свои общие, так и особенные черты и их конкретные проявления. В значительной мере специфические особенности Гражданской войны в России были обусловлены многими объективными факторами, основными из которых являлись существовавшие в российском обществе в то время серьезные разноплановые внутренние проблемы и противоречия, сущность и характер начавшегося поли-

тического и военного противоборства, специфика организации, стратегии и тактики военных действий противоборствующих сторон, своеобразие хода и последствий политических процессов и военных действий, политические позиции и конкретное участие в начавшейся ожесточенной военно-политической борьбе представителей различных социальных слоев населения страны, специфика данной борьбы на национальных окраинах и некоторые другие.

Одной из таких особенностей является время начала и окончания Гражданской войны. Данный вопрос был и, что особенно важно и значимо, продолжает оставаться одним из центральных дискуссионных аспектов отечественной и зарубежной историографии указанной войны. И это далеко не случайно, поскольку хронологические рамки того или иного исторического события являются его важнейшей чертой, в значительной степени опре-

деляют как его роль, место и значение в истории, так и являются его внутренней существенной характеристикой.

Ввиду сложности данного вопроса, значительного количества научных работ, посвященных изучению Гражданской войны и опубликованных как в современной отечественной, так и в зарубежной историографии, а самое главное, содержащегося в них большого количества различных характеристик относительно времени начала и окончания Гражданской войны в России, имеющих собственную обоснованную аргументацию позиций того или иного автора, вплоть до настоящего времени в историографии отсутствуют обобщающие работы по данной теме.

Очевидно, что в рамках одной статьи крайне сложно охарактеризовать все имеющиеся в историографии авторские концепции, подходы и отдельные суждения по обозначенной проблеме. Поэтому целью статьи является рассмотрение наиболее важных и значимых научных работ, характеризующих хронологические рамки Гражданской войны в России, которые были опубликованы отечественными и зарубежными исследователями в период 2000-х годов. Особое внимание при этом было уделено анализу исследований последних лет.

Задачи статьи включают в себя выявление и характеристику отечественных и зарубежных историографических наработок по названному вопросу современного периода времени, оценку содержащихся в них различных авторских подходов, их обоснование, сущностную аргументацию и критический анализ.

Методы и материалы. В настоящее время одним из приоритетных направлений исследований является разрешение таких важных методологических задач, как выяснение и обоснование преемственности в развитии исторической мысли в целом и по отдельным историческим периодам и конкретной историографической проблематики, выявление критериев выбора основных историографических наработок, объективная и всесторонняя оценка конкретных достижений исследователей, их научных работ в дальнейшем поступательное развитие исторического знания, характеристика критериев перио-

дизации развития исторического знания как такового в целом и по отдельным его направлениям и конкретным научным историческим проблемам в частности. Исходя из данных задач, наиболее оптимальными методами представляются логический анализ, позволяющий выявить, объективно и всесторонне охарактеризовать своеобразие, специфические особенности того или иного историографического факта, его многоуровневую внутреннюю структуру, а также его соотношение с другими историографическими явлениями и перспективные направления дальнейшего развития. При этом, естественно, логический анализ в историографии можно осуществлять на известных его трех уровнях.

Использовался также и важный метод периодизации исторического процесса в его, естественно, историографическом преломлении, при котором выделение тех или иных этапов или периодов осуществляется с целью выявления наиболее важных и перспективных направлений развития исторической науки на каждом из них. Кроме того, были задействованы историко-системный метод и научно-критический анализ.

В качестве источников данной статьи выступают научные исследования отечественных и зарубежных историков современного периода времени, посвященные вопросу хронологических рамок начала и окончания Гражданской войны в России.

Историография вопроса хронологических рамок Гражданской войны имеет значительную историческую традицию. Он начал изучаться буквально сразу же после окончания Гражданской войны еще в 1920-х гг. и продолжает исследоваться вплоть до настоящего времени. В той или иной степени данный вопрос затрагивается в большинстве научных работ, посвященных Гражданской войне, общее количество которых составляет порядка 20 тысяч публикаций, вышедших у нас в стране, и несколько тысяч за рубежом. Так, только в СССР к концу 1980-х гг. было издано более 15 тысяч различных научных работ по истории Гражданской войны в России, а еще несколько тысяч публикаций было издано за границей [17]. К настоящему времени, по мнению В.И. Голдина, общее число книг по истории Гражданской войны, изданных за столе-

тие ее изучения, превысило 30 тысяч [6]¹. В них, естественно, среди прочего затрагивались и вопросы времени начала и окончания Гражданской войны.

Обозначенная проблематика в той или иной степени затрагивается, как правило, в качестве одного из аспектов в исследованиях отечественных историков современного периода времени, посвященных общей проблематике и тем или иным конкретным проблемам и вопросам истории Гражданской войны, в частности – в научных сборниках Ассоциации исследователей Гражданской войны в России [1–4], а также в современных работах зарубежных авторов [29–32].

Были опубликованы и, к сожалению крайне немногочисленные, специальные работы по историографии Гражданской войны в России. Из работ данного плана, увидевших свет в последние годы, прежде всего следует отметить содержательные монографии и статьи В.И. Голдина [7–9], И.В. Михайлова [18–20], отдельные коллективные исследования [15; 22–23], в которых анализируются наиболее значимые современные исследования по истории Гражданской войны, затрагивающие, помимо прочего, и вопросы ее периодизации.

В то же самое время во многих современных солидных монографических исследованиях, сборниках научных статей и материалах научных конференций в ходе работы представительных международных и всероссийских научных конференций, посвященных Гражданской войне, вероятно в силу своей значительной сложности и дискуссионности вопросы ее хронологии не затрагиваются [5; 10; 12; 16; 21; 27].

В этой связи очень важное значение для анализа вопроса времени начала и окончания Гражданской войны имеют материалы Международной научной конференции «Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии», по итогам которой был опубликован сборник материалов и докладов [11]. Данная конференция явилась логическим продолжением аналогичных научных форумов, проводившихся ее организаторами в предыдущие годы [13; 24–26; 28].

В работе указанной конференции в очном и заочном формате приняли участие ведущие

отечественные и зарубежные специалисты по истории Гражданской войны в России. Особо следует отметить тот факт, что еще накануне данной конференции, в период ее подготовки, организаторы составили и разослали известным отечественным и зарубежным исследователям своеобразный вопросник. В него вошли разработанные авторитетными историками В.В. Калашниковым (Россия) и А. Рабиновичем (США) десять наиболее важных с научной точки зрения вопросов о данной Гражданской войне с предложенными возможными вариантами ответов. Примечательно, что первые два пункта этого вопросника составили как раз вопросы о времени начала и окончания Гражданской войны в России. Они были сформулированы таким образом, чтобы каждый из респондентов выразил свое отношение к имеющейся в современной историографии формулировке самого термина «гражданская война» в его так называемых широком и узком смыслах: как к особой эпохе, когда вооруженная борьба была одной из форм противоборства за высшую политическую власть в стране, начавшейся со времени революции 1917 г., и как к особому периоду в истории страны – периоду масштабного, длительного и ожесточенного военно-политического противоборства враждующих сторон с участием больших и организованных военных сил (так называемой фронтовой войны), периоду, когда именно военный фактор является главным во всей жизни страны и общества.

Поставленные вопросы звучали так: «1. Каким временем (событием) Вы датируете начало Гражданской войны? 1.1. Февральские дни (солдатское восстание в Петрограде); 1.2. Октябрьские дни (восстание в Петрограде, борьба в Москве); 1.3. Разгон Учредительного собрания в январе 1918 г. 1.4. Выступление Чехословацкого корпуса (май 1918 г.); 1.5. Иное. 2. Каким временем (событием) Вы датируете окончание Гражданской войны? 2.1. Весна 1920: разгром Колчака и Деникина; 2.2. Весна 1921: Введение НЭПа; 2.3. Иное». Историки выбрали и обосновали либо один из предложенных вариантов, либо аргументировали собственный подход. При этом они либо добавляли предложенные формулировки вариантов ответов, либо обосновы-

вали иные авторские подходы. Так, А.В. Ганин отметил, что общие хронологические рамки Гражданской войны необходимо определять с 1917 по 1922 г., но при этом следует отдельно выделять так называемый период широко-масштабной Гражданской войны с 1918 по 1920 год [11, с. 22]. Данную точку зрения аргументировал и поддержал В.В. Калашников [11, с. 61–62]. В результате вариант ответа о времени начала войны «1.1. Февральские дни (солдатское восстание в Петрограде)» был предварен фразой «в широком смысле», а в вариант ответа «1.4. Выступление Чехословацкого корпуса (май 1918 г.)» была предложена формулировка «в узком смысле, фронтовая война» [11, с. 187].

При ответах на второй вопрос о времени или событии завершения Гражданской войны исследователи внесли дополнение в первый предложенный вариант ответа «2.1. Весна 1920: разгром Колчака и Деникина» фразой «конец фронтовой войны», а в начало варианта ответа «2.2. Весна 1921: Введение НЭПа» предложили поставить «конец в широком смысле». Также были аргументированы и такие подходы, как «конец фронтовой войны, осень 1920 г., разгром Врангеля» и «конец в широком смысле, осень 1922 г., освобождение Приморья и других территорий страны от антисоветских сил» [11, с. 187]. Полученные ответы исследователей на данные вопросы имеют очень важное значение для характеристики и анализа вопросов начала и окончания Гражданской войны.

В целом же, подводя итог рассмотрению историографии по обозначенному вопросу, следует отметить, что вплоть до настоящего времени обобщающих историографических исследований, посвященных анализу имеющейся научной литературы по проблематике хронологических рамок Гражданской войны, не представлено. Более того, отсутствуют даже отдельные специальные научные статьи, посвященные данной теме.

Анализ. На современном этапе в отечественной и зарубежной историографии присутствует весьма значительное количество научных подходов относительно верхней и нижней хронологических границ Гражданской войны в России. Данное обстоятельство стало возможным не только в силу су-

ществующего в современной исторической науке реального теоретико-методологического плюрализма и обоснованных авторских подходов к характеристике конкретных исторических событий, в данном случае такого сложного и противоречивого исторического события, как Гражданская война в России, но и в силу избранных ими определенных, трактовок самого понятия «гражданская война», критериев и доказательной теоретической и фактологической базы, которые авторы использовали при изложении своей аргументации.

Предваряя непосредственную характеристику имеющихся в современной историографии различных точек зрения на время начала Гражданской войны в России, необходимо отметить, что ряд исследователей, в частности В.И. Голдин, А.В. Посадский и др., вообще считают необходимым отказаться от точной датировки начала Гражданской войны в России и предлагают такие формулировки, как стадии «вхождения» или «вползания» страны в Гражданскую войну, временной пролонгированности данного процесса от нескольких месяцев до более года растянутости этого процесса в пространстве времени на месяцы или даже на год с лишним» [11, с. 26, 86]. Так, А.В. Посадский считает, что «Гражданская война не начинается ее объявлением, скорее, просто нарастает насилие и с какого-то момента общество оказывается в ситуации очаговой, вялой, но вооруженной борьбы, идущей, как правило, в сторону нарастания» [11, с. 86]. Он отмечает и значение таких факторов на начало Гражданской войны, как то, что предшествовавшая ей революция произошла в период крупномасштабной внешней войны; «укоренение» вызванного ею насилия; утрата миллионами людей существовавших социальных связей и окружения, возрастание роли так называемого военизированного насилия, на фоне которого быстро и масштабно возросло военно-политическое противоборство [11, с. 86].

Однако основная масса отечественных и зарубежных исследователей придерживается подхода, согласно которому, несмотря на всю специфику проявления открытого военно-политического противоборства в период Гражданской войны в плане его начала, нара-

стания, расширения, ожесточения и т. д., Гражданская война в России имеет достаточно четкие хронологические границы. При этом, правда, данный вопрос являлся и продолжает оставаться в настоящее время одним из самых дискуссионных во всей проблематике Гражданской войны в России.

Отечественные и зарубежные исследователи предлагают различные подходы к определению верхней хронологической границы Гражданской войны. Так, авторитетные отечественные исследователи Р.Г. Гагкуев, В.В. Калашников, С.В. Холяев, Д.О. Чураков, В.В. Шелохаев, В.И. Шишкин считают, что начало Гражданской войны можно датировать временем восстания солдат в Петрограде в феврале 1917 года [11, с. 18, 63, 137, 149, 159, 171]. При этом В.В. Шелохаев рассматривает революцию и Гражданскую войну в России как единый исторический процесс и полагает, что «элементы Гражданской войны стали с разной степенью интенсивности проявляться в стране в самом ходе и после Февральской революции» [11, с. 159].

В свою очередь, А.В. Ганин, В.И. Голдин, Г.З. Иоффе, Б.И. Колоницкий, С.Н. Полторак, Д.Дж. Рэйли, М.В. Ходяков, В.Ж. Цветков отметили, что война началась в октябре 1917 года [11, с. 23, 28, 58, 79, 83, 102, 119, 125]. Так, например, Б.И. Колоницкий считает, что начало «большой гражданской войны» произошло осенью 1917 г., особо отмечая при этом, что «не только Октябрь и действия большевиков», но дело Корнилова, после которого «не было уже практических возможностей предотвратить гражданскую войну» [11, с. 79].

И.В. Михайлов считает, что с момента событий 25 октября 1917 г. в Петрограде Гражданская война стала социальной реальностью [19, с. 97].

В свою очередь, С.Н. Полторак и М.В. Ходяков, говоря об осени 1917 г. как о времени начала Гражданской войны, особо отмечают, что это непосредственно связано с событиями известного похода войск Керенского – Краснова на Петроград [11, с. 83, 119]. В.И. Голдин обратил также внимание на то обстоятельство, что «свержение Временного правительства и приход большевиков к власти породили серию локальных очагов вооруженного сопротивле-

ния... и эта фаза получила в историографии наименование “малая” Гражданская война» [11, с. 27].

Событием, которое положило начало Гражданской войне, А.Е. Рабинович, Р.А. Уэйд, В.В. Шелохаев посчитали разгон большевиками Учредительного собрания в январе 1918 года [11, с. 95, 116, 160].

Началом Гражданской войны в узком смысле слова, то есть началом собственно активных вооруженных действий противоборствующими сторонами, фронтовой войны, выступление против советской власти Чехословацкого корпуса в мае 1918 г. посчитали Д.А. Бажанов, Р.Г. Гагкуев, А.В. Ганин, В.И. Голдин, А.Ю. Давыдов, В.В. Калашников, Д.О. Чураков, В.И. Шишкин [11, с. 11, 18, 23, 28, 46, 63, 149, 171]. То обстоятельство, что Р.Г. Гагкуев, А.В. Ганин, В.И. Голдин, В.В. Калашников и В.И. Шишкин назвали временем начала войны события февраля 1917 г. и одновременно поддержали точку зрения о начале военных действий в мае 1918 г., не должно дезориентировать, нельзя считать позиции данных исследователей непоследовательными. Дело в том, что они придерживаются точки зрения, о чем прямо и аргументированно заявили, о том, что в политическом плане, то есть в широком понимании, Гражданская война началась в феврале 1917 г., а вот собственно широкомасштабные и ожесточенные боевые действия в период войны развернулись уже после вооруженного выступления чехословаков и местных российских антибольшевистских сил в мае 1918 года.

Интересную аргументацию своей точки зрения привел А.Ю. Давыдов. Он считает, что начало Гражданской войны относится к середине 1918 года. По его мнению, до этого времени в деревне сохранялась очень неустойчивая и зыбкая стабильность. Но уже в мае 1918 г. она была нарушена некоторыми практическими действиями Советского правительства по отношению к крестьянству, например известным декретом ВЦИК и СНК от 13 мая «О предоставлении народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими» подразумевавшим фактически установление основных

положений продовольственной диктатуры, активизацией политической деятельности среди крестьян эсеров и, конечно же, выступлением чехословацкого корпуса, в результате чего в очень короткие сроки советская власть была свергнута на обширнейшей территории от Дальнего Востока до Поволжья. При этом он особо отметил тесную взаимосвязь крестьянских и эсеровских антисоветских выступлений и выступлений чехословаков. По его мнению, без политической и вооруженной поддержки крестьянских повстанцев, возглавляемых эсерами, 40-тысячному чехословацкому корпусу было попросту невозможно в крайне сжатые сроки ликвидировать органы советской власти на огромной территории, а выступления крестьян и эсеров сами по себе, без восстания крупной и регулярной воинской части, также не могли существенно поколебать положение существовавших здесь органов центральной советской власти [11, с. 45–46].

По мнению А.М. Захарова, начало Гражданской войны непосредственно связано с моментом организационного оформления Красной и Белой армий в феврале – марте 1918 года [11, с. 55].

Известный американский исследователь П. Кенез придерживается мнения о том, что точкой отсчета Гражданской войны в России стал Брест-Литовский мирный договор Советского правительства с Германией и ее союзниками. При этом он акцентирует свое внимание на позициях офицерского состава русской армии. По его словам, до заключения этого договора офицеры не покидали фронт и «считали, что сражаться с внешним врагом важнее... им казалось, что бросить фронт – это измена» [11, с. 74]. То есть, согласно представлениям данного автора, война с внешним врагом для русского офицерства была гораздо важнее, чем участие в военно-политическом противоборстве между различными политическими силами внутри страны. Однако при этом П. Кенез, по нашему мнению, упускает из виду некоторые очевидные и важные обстоятельства. Офицерский состав русской армии, состоявший к этому времени из офицеров «военного времени», ни по своей численности, ни, что важно, по своему дисциплинарному и политичес-

кому влиянию на солдатские массы к моменту заключения Брест-Литовского мирного договора был уже практически не в состоянии удерживать фактически разложившиеся в плане дисциплины и внутренней организации русские части на фронте. Различные армейские комитеты, от полковых до армейских, обладали куда большей властью на солдатские массы, чем офицеры. Большими темпами продолжался процесс «самодемобилизации» русской армии, то есть массового и открытого дезертирства солдат. Да и сами солдаты, несмотря на значимость и численность этой социальной категории, представляли собой уже практически дезорганизованную и неуправляемую массу, не являлись определяющей тогда военно-политической силой в стране. К тому же сам русский офицерский корпус, особенно его низший состав, в это время был уже далеко не един и монолитен в плане своих политических взглядов и, соответственно, позиций.

А.С. Пученков высказал суждение о том, что символической датой начала Гражданской войны можно считать 2 (15) ноября 1917 г. – день приезда генерала М.В. Алексеева, основоположника Белого движения, в Новочеркасск [11, с. 91]. При этом он заметил, что подобная точка зрения высказывалась еще в период Гражданской войны и в эмиграции [11, с. 91].

Оригинальный подход к характеристике времени начала Гражданской войны в России высказал Дж. Санборн, определяя его летом 1916 г. и непосредственно связывая с антиправительственным восстанием в Туркестане. По его мнению, «Гражданская война (на самом деле гражданские войны) включала как классовые конфликты в Центральной России, так и ряд войн за продолжение русского правления на периферии. Восстание в степях было началом последних» [11, с. 106]. Данное мнение также представляется весьма дискуссионным, поскольку известное выступление местного населения ряда среднеазиатских областей было достаточно локальным и непродолжительным и, самое главное, практически никак не повлияло на внутривнутриполитическое положение в стране, на ситуацию в других российских национальных регионах. Дж. Суэйн считает отправной точкой Гражданской

войны Апрельский политический кризис 1917 года [11, с. 110].

По мнению Д.О. Чуракова, если говорить о времени начала Гражданской войны как периоде распада единого многонационального государства, то датировать зарождение данного процесса можно волнениями в Средней Азии в 1915 г., или, что еще более правомерно, временем провозглашения независимой от России польской государственности осенью 1916 года. Если же рассматривать ее, исходя из социологического подхода, и трактовать как высшую точку классово-борьбы, тогда это февраль 1917 года. А при характеристике Гражданской войны как особого периода истории нашей страны следует считать, по его словам, что она началась не сразу после крушения самодержавия или падения Временного правительства, а развернулась только после того, как противоборствующие стороны сформировали значительные регулярные воинские формирования и смогли опереться на внушительные вооруженные силы. Д.О. Чураков говорит о том, что данный процесс начался с рубежа 1917–1918 гг., но резко ускорился после вмешательства во внутренние дела страны интервентов и что именно выступление чехословацкого легиона французской армии явилось началом крупномасштабной гражданской войны. При этом он не исключает и гипотетические интегрирующие подходы к проблеме периодизации Гражданской войны [11, с. 149]. Историки А.Б. Данилин, Е.Н. Евсеева, С.В. Карпенко придерживаются точки зрения, что Гражданская война в России началась в ноябре 1917 года [14, с. 100]. Но при этом они особо отметили, что «ожесточенная война в масштабах всей страны между вооруженными силами большевистского режима и антибольшевистских властей» началась летом 1918 г., не указывая на какие-либо конкретные события данного периода времени [14, с. 100].

Довольно широкий разброс мнений исследователей существует и при определении нижней хронологической границы Гражданской войны. Окончание основных боевых действий, так называемой фронтовой Гражданской войны большинство исследователей, в частности В.И. Голдин, А.Ю. Давыдов, А.М. Захаров, П. Кенез, А.В. Посадский, А.С. Пученков,

М.В. Ходяков, В.Ж. Цветков, Д.О. Чураков, В.В. Шелохаев, В.И. Шишкин, определяют временем осени 1920 г. и связывают это непосредственно с разгромом армии П.Н. Врангеля [11, с. 29, 46, 55, 74, 87, 91, 120, 125, 149, 159, 171].

Другие историки, например А.В. Ганин, Г.З. Иоффе, В.В. Калашников, Р. Уэйд, М.В. Ходяков, считают, что окончание этой «фронтовой» войны следует отнести к весне 1920 г., разгрому армий А.В. Колчака и А.И. Деникина [11, с. 23, 58–59, 63, 120]. Эти авторы полагают, что армия Врангеля уже не являлась той силой, которая могла бы повлиять на исход войны в целом и, соответственно, на решение о высшей власти в стране. Так, А.В. Ганин высказался по этому поводу более чем определенно: «широкомасштабная Гражданская война завершилась... к марту – апрелю 1920 г. с разгромом основных белых фронтов на Юге, Востоке, Северо-Западе и Севере России» [11, с. 23].

Окончание Гражданской войны в так называемом широком смысле слова, то есть окончание основных событий масштабного военно-политического противоборства в стране, Г.З. Иоффе, А.Е. Рабинович, Д. Рейли, Дж. Санборн, Дж. Суэйн, Р. Уэйд связывают с периодом весны 1920 г., конкретно – с введением НЭПа [11, с. 59, 95, 102, 106, 110, 116]. Так, Г.З. Иоффе отметил, что «весна 1920 г., когда потерпели поражения главные белые армии, определила явную тенденцию к окончанию состояния гражданской войны. Но точку в ней поставил НЭП» [11, с. 59]. А по мнению Р. Уэйда, «шансы победы Белых кончились с Деникиным», но «в то время это не было очевидно, и борьба продолжалась по всей стране» [11, с. 116]. Поэтому окончание Гражданской войны произошло в 1921 г. с началом реализации НЭПа [11, с. 116].

Необходимо выделить и такой важный и интересный, по нашему мнению, подход, как утверждение А.С. Посадского и Д. Рейли о том, что на окончание Гражданской войны повлияло не только решение о введении НЭПа, но и разразившийся голод 1921 года. А.С. Посадский заметил, что голод 1921 г. «сыграл никак не меньшую роль в угашении массового вооруженного сопротивления красной власти, чем изменение политики РКП(б)» [11, с. 87].

А по мнению Д. Рэйли, «введение НЭПа само по себе не объясняет прекращение противостояния народа новым порядкам. Последнее может быть понято только в связи с голодом, который в некоторых областях страны продолжался до 1923 г. и даже до 1924 года. Голод лишил людей инициативы (силы к сопротивлению)» [11, с. 102].

Другая большая группа историков, например Д.А. Бажанов, Р.Г. Гагкуев, А.В. Ганин, В.В. Калашников, Б.И. Колоницкий, С.Н. Полтораки, А.В. Посадский, И.В. Ратьковский, В.Ж. Цветков, С.В. Холяев, Д.О. Чураков, В.И. Шишкин, временем окончания Гражданской войны в широком смысле, окончательно, считают осень 1922 г., то есть завершение боевых действий в Приморье и других окраинных регионах страны [11, с. 11, 17, 23, 63, 80, 83, 87, 98, 125, 137, 150, 170]. При этом Р. Гагкуев обратил внимание и на такое важное событие, также ознаменовавшее окончание войны, как образование СССР [11, с. 17]. Данный фактор также посчитали важным Д.А. Бажанов, С.В. Холяев, Д.О. Чураков В.В. Шелохаев [11, с. 11, 125, 150, 161].

В свою очередь, А.Б. Данилин, Е.Н. Евсеева, С.В. Карпенко считают, что Гражданская война в России завершилась в 1922 г. [14, с. 105], но «ожесточенная война в масштабах всей страны между вооруженными силами большевистского режима и антибольшевистских властей» закончилась осенью 1920 года [14, с. 105]. При этом, однако, авторы, к сожалению, не представили развернутой аргументации своего подхода по данному вопросу.

Как видим, современные подходы исследователей к определению верхней и нижней хронологических границ Гражданской войны достаточно различны.

Результаты. Тема Гражданской войны в России, включая, естественно, и характеристику ее хронологических рамок, является одной из самых значимых и дискуссионных в отечественной и зарубежной историографии, посвященной российской истории. Об этом красноречиво свидетельствует как общее, очень значительное количество посвященных ей научных работ, так и многочисленные исследования, затрагивающие отдельные вопросы данной войны. Особого внимания заслуживают монографии и статьи, изданные в период 2000-х гг. и особенно вышедшие в последние годы.

Одним из самых важных аспектов проблематики Гражданской войны в России является вопрос о всесторонней и обстоятельной научной характеристике ее хронологических границ.

Рассмотрение современных исследовательских подходов к обоснованию и характеристике верхних и нижних хронологических границ Гражданской войны свидетельствует о том, что в настоящее время в отечественной и зарубежной историографии имеется достаточно значительное количество различных точек зрения по этому вопросу. Причем каждая из них имеет собственное обоснование и соответствующую научную аргументацию. В то же самое время большинство авторов соглашается с представленными на предыдущих историографических этапах основными вариантами периодизации Гражданской войны, в частности периодами 1918–1920 гг., 1917–1920 гг., 1918–1922 гг. и 1917–1922 годов. Однако в настоящее время обоснован подход к так называемому широкому определению Гражданской войны как особого периода российской истории и ее узкой составляющей – так называемой фронтовой войны. Данный подход, несмотря на имеющиеся дискуссионные аспекты, представляется вполне обоснованным.

Определение времени начала и окончания Гражданской войны самым непосредственным образом связано с присутствующими в историографии определениями самого термина «гражданская война», рассмотрением ее как особого периода отечественной истории, когда происходило масштабное, длительное и ожесточенное военно-политическое противоборство между различными политическими силами за высшую власть в стране, либо как конкретного исторического события непосредственно вооруженной борьбы враждующих сторон.

Вопрос о датах начала и окончания Гражданской войны в России самым непосредственным образом взаимосвязан с выяснением сущности данного исторического явления, то есть его внутренней и внешней характеристики, определения ее причин, рассмотрения

характерных черт, конкретных проявлений, хода, причин и результатов побед и поражений участвовавших в ней основных сил, ее политических, социальных, экономических, демографических, культурологических, ментально-мировоззренческих и иных итогов. Очевидно, что дискуссии исследователей о хронологических рамках данной войны отражают не только различные их подходы к выявлению ее сущности, но в определенной степени являются и отражением их отношения к ее основным участникам. Представляется, что, несмотря на всю значительную исследовательскую работу, проделанную историками в плане окончательного разрешения вопроса о датировке Гражданской войны в России, данный вопрос еще длительное время будет являться предметом оживленных научных дискуссий в отечественной и зарубежной историографии.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Представляется, что В.И. Голдин несколько оговорился, и что в данном случае правомерно говорить не только о книгах, но об общем количестве научных работ, включая как монографические исследования, так и научные статьи посвященные проблематике Гражданской войны в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Вып. 1. От великой войны к Гражданской войне в России / редкол.: В. И. Голдин (гл. ред.) [и др.]. – Архангельск : САФУ, 2014. – 140 с.
2. Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Вып. 2. Гражданская война в России в контексте международных отношений первой четверти XX века / редкол.: В. И. Голдин (гл. ред.) [и др.]. – Архангельск : САФУ, 2015. – 178 с.
3. Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Вып. 3. От Великой российской революции 1917 года к Гражданской войне в России / редкол.: В.И. Голдин (гл. ред.) [и др.]. – Архангельск : САФУ, 2017. – 172 с.
4. Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Вып. 4–5. Гражданская война в России: история и современность, память и уроки / редкол.: В.И. Голдин (гл. ред.) [и др.]. – Архангельск : САФУ, 2021. – 291 с.

5. Ганин, А. В. Семь «почему» российской Гражданской войны / А. В. Ганин. – М. : Пятый Рим, 2018. – 864 с.

6. Голдин, В. И. Гражданская война в истории России: историография, современные подходы, подготовка нового академического издания / В. И. Голдин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Гуманитарные и социологические науки. – 2016. – № 5. – С.764–765.

7. Голдин, В. И. Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы / В. И. Голдин. – Мурманск : МГГУ, 2012. – 333 с.

8. Голдин, В. И. Революционный пролог и Гражданская война в России на историографическом рубеже конца XX – начала XXI в. / В. И. Голдин // Проблемы новейшей истории России : сб. ст. к 70-летию со дня рождения Г.Л. Соболева. – СПб. : Издат. дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2005. – С. 193–194.

9. Голдин, В. И. Россия в Гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы) / В. И. Голдин. – Архангельск : Боргес, 2000. – 280 с.

10. Гражданская война в регионах России: социально-экономические, военно-политические и гуманитарные аспекты : сб. ст. / редкол.: Л. Н. Бехтерева (отв. ред.), С. Л. Бехтерев, Т. А. Васина, А. М. Субботин ; УИИЯЛ УдмФИЦУрО РАН. – Ижевск : Алкид, 2018. – 494 с.

11. Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии / отв. ред. В. В. Калашников ; под ред. Д. Н. Меньшикова. – СПб. : Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2018. – 407 с.

12. Гражданская война в России : Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922 : сб. докл. – СПб. : СПбИИ РАН, Европ. ун-т, 2019. – 380 с.

13. Гражданская война в России: проблемы истории и историографии : сб. докл. – СПб. : Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2014. – 204 с.

14. Данилин, А. Б. Гражданская война в России (1917–1922) / А. Б. Данилин, Е. Н. Евсеев, С. В. Карпенко // Новый исторический вестник. – 2000. – № 1. – С. 98–167.

15. Историография гражданской войны в России. Исследования и публикации архивных материалов / отв. ред., сост. Д. С. Московская. – М. : ИМЛИ РАН, 2018. – 560 с.

16. История Гражданской войны в России 1917–1922 гг. : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – М. : ЦМВС РФ, 2016. – 396 с.

17. Литвин, А. П. Гражданская война. Ломка старых догм и стереотипов / А. П. Литвин, В. Д. Поликарпов, Л. М. Спиринов // Историки спорят : Тринадцать бесед / [под общ. ред. В. С. Лельчука]. – М. : Политиздат, 1988. – 508 с.

18. Михайлов, И. В. Гражданская война как проблема российской истории: ситуация в современной историографии / И. В. Михайлов // На фронте истории Гражданской войны: памяти В.Д. Поликарпова : сб. ст. и документов / РАН, Отд-ние ист.-филол. наук, Ин-т всеобщ. истории. – М. : Собрание, 2009. – С. 333–351.

19. Михайлов, И. В. Начало и причины эскалации гражданской войны в современной российской историографии / И. В. Михайлов // Вестник МГИМО университета. – 2012. – № 2 (23). – С. 97–105.

20. Михайлов, И. В. Современная историография гражданской войны в России / И. В. Михайлов // Россия и современный мир. – 2007. – № 3 (56). – С. 28–46.

21. Революция и Гражданская война в России : междунар. коллоквиум. – СПб. : СПбИИ РАН, Европ. ун-т, 2019. – 416 с.

22. Революция и Гражданская война в России : Современная историография : сб. ст., обзоров и рефератов / отв. ред. В. П. Любин ; ред.-сост. М. М. Минц ; РАН ИНИОН, отд. истории. – М. : ИНИОН РАН, 2018. – 223 с.

23. Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг. : очерки истории и историографии / отв. ред. Д. Б. Павлов. – М. ; СПб. : Центр гуманист. инициатив, 2018. – 608 с.

24. Россия в Первой мировой войне: проблемы истории и историографии : сб. докл. – СПб. : Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2015. – 229 с.

25. Россия в эпоху революций и реформ: проблемы истории и историографии : сб. докл. – СПб. : Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2016. – 291 с.

26. Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии : сб. докл. – СПб. : Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2013. – 182 с.

27. Столетие Гражданской войны в России : Междунар. науч. конф. (Москва, 17 апр. 2019 г.). – М. : Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2019. – 175 с.

28. Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии : сб. докл. – СПб. : Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2017. – 380 с.

29. Elgelstein, L. Russia in Flames: War, Revolution, Civil War, 1914–1921 / L. Elgelstein. – New York : Oxford univ. press, 2018. – XXVII, 823 p.

30. Smele, J. D. Historical Dictionary of the “Russian” Civil Wars, 1916–1926 / J. D. Smele. – Lanham ; Boulder ; N. Y. ; London : Rowman & Littlefield Publishers, 2015. – 1421 p.

31. Smele, J. D. The “Russian” Civil Wars, 1916–1926. Ten Years That Shook the World / J. D. Smele. – London : Hurst, 2016. – 423 p.

32. Smele, J. D. The Russian Revolution and Civil War: 1917–1921 / J. D. Smele. – London ; New York : Continuum, 2006. – XXVIII, 625 p.

REFERENCES

1. Goldin V.I. et al., eds. *Al'manah Associacii issledovatelej Grazhdanskoj vojny v Rossii. Vyp. 1. Ot velikoj vojny k Grazhdanskoj vojne v Rossii* [Almanac of the Association of Researchers of the Civil War in Russia. Issue 1. From the Great War to the Civil War in Russia]. Arhangel'sk, SAFU, 2014. 140 p.

2. Goldin V.I. et al., eds. *Al'manah Associacii issledovatelej Grazhdanskoj vojny v Rossii. Vyp. 2. Grazhdanskaja vojna v Rossii v kontekste mezhdunarodnyh otnoshenij pervoj chetverti XX veka* [Almanac of the Association of Researchers of the Civil War in Russia. Issue 2. The Civil War in Russia in the Context of International Relations of the First Quarter of the XX Century]. Arhangel'sk, SAFU, 2015. 178 p.

3. Goldin V.I. et al., eds. *Al'manah Associacii issledovatelej Grazhdanskoj vojny v Rossii. Vyp. 3. Ot Velikoj rossijskoj revoljucii 1917 goda k Grazhdanskoj vojne v Rossii* [Almanac of the Association of Researchers of the Civil War in Russia. Issue 3. From the Great Russian Revolution of 1917 to the Civil War in Russia]. Arhangel'sk, SAFU, 2017. 172 p.

4. Goldin V.I. et al., eds. *Al'manah Associacii issledovatelej Grazhdanskoj vojny v Rossii. Vyp. 4–5. Grazhdanskaja vojna v Rossii: istorija i sovremennost', pamjat' i uroki* [Almanac of the Association of Researchers of the Civil War in Russia. Issue 4–5. The Civil War in Russia: History and Modernity, Memory and Lessons]. Arhangel'sk, SAFU, 2021. 291 p.

5. Ganin A.V. *Sem' «pochemu» rossijskoj Grazhdanskoj vojny* [Seven “Why” of the Russian Civil War]. Moscow, Pjatyj Rim Publ., 2018. 864 p.

6. Goldin V.I. *Grazhdanskaja vojna v istorii Rossii: istoriografija, sovremennye podhody, podgotovka novogo akademicheskogo izdanija* [The Civil War in the History of Russia: Historiography, Modern Approaches, Preparation of a New Academic Publication]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Gumanitarnye i sociologicheskie nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Humanities and Social Sciences], 2016, no. 5, pp. 764–765.

7. Goldin V.I. *Grazhdanskaja vojna v Rossi iskvoz' prizmu let: istoriograficheskie processy* [The Civil War in Russia Through the Prism of Years: Historiographical Processes]. Murmansk, MGGU, 2012. 333 p.

8. Goldin V.I. *Revoljucionnyj prolog i Grazhdanskaja vojna v Rossii na istoriograficheskom rubezhe konca XX – nachala XXI v.* [The Revolutionary Prologue and the Civil War in Russia at the Historiographical Turn of the Late XX – Early XXI Century]. *Problemy novejshej istorii Rossii: sb. st. k 70-letiju so dnja rozhdenija G.L. Soboleva* [Problems of the Modern History of Russia. Collection

of Articles for the 70th Anniversary of the Birth of G.L. Soboleva]. Saint Petersburg, Izdat. dom S.-Petersb. gos. un-ta, 2005, pp. 193-194.

9. Goldin V.I. *Rossija v Grazhdanskoj vojne. Očerki novejshej istoriografii (vtoraja polovina 1980-h – 90-e gody)* [Russia in the Civil War. Essays on Modern Historiography (The Second Half of the 1980s – 90s)]. Arhangel'sk, Borges Publ., 2000. 280 p.

10. Behtereva L.N. et al., eds. *Grazhdanskaja vojna v regionah Rossii: social'no-jekonomicheskie, voenno-politicheskie i gumanitarnye aspekty: sb. st.* [Civil War in the Regions of Russia: Socio-Economic, Military-Political and Humanitarian Aspects: A Collection of Articles]. Izhevsk, AlkiD Publ., 2018. 494 p.

11. Kalashnikov V.V., Men'shikova D.N., eds. *Grazhdanskaja vojna v Rossii: vzgljad cherez 100 let. Problemy istorii i istoriografii* [The Civil War in Russia: A Look Through 100 Years. Problems of History and Historiography]. Saint Peterburg, Izd-vo SPbGJeTU «LJeTI», 2018. 407 p.

12. *Grazhdanskaja vojna v Rossii: Zhizn' v jepohu social'nyh jeksperimentov i voennyh ispytaniy, 1917–1922: sb. dokl.* [The Russian Civil War: Life in the Era of Social Experiments and Military Trials, 1917–1922. Collection of Reports]. Saint Peterburg, SPbII RAN, Evrop. un-t, 2019. 380 p.

13. *Grazhdanskaja vojna v Rossii: problemy istorii i istoriografii: sb. dokl.* [The Civil War in Russia: Problems of History and Historiography. Collection of Reports]. Saint Peterburg, Izd-vo SPbGJeTU «LJeTI», 2014. 204 p.

14. Danilin A.B, Evseev E.N., Karpenko S.V. *Grazhdanskaja vojna v Rossii (1917–1922)* [The Civil War in Russia (1917–1922)]. *Novyj istoricheskij vestnik* [New Historical Bulletin], 2000, no. 1, pp. 98-167.

15. Moskovskaja D.S., ed. *Istoriografija grazhdanskoj vojny v Rossii. Issledovanija i publikacii arhivnyh materialov* [Historiography of the Civil War in Russia. Research and Publication of Archival Materials]. Moscow, IMLI RAN, 2018. 560 p.

16. *Istorija Grazhdanskoj vojny v Rossii 1917–1922 gg.: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [The History of the Russian Civil War of 1917–1922. Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Moscow, CMVS RF, 2016. 396 p.

17. Litvin A.P., Polikarpov V.D., Spirin L.M. *Grazhdanskaja vojna. Lomka staryh dogm i stereotipov* [The Civil War. Breaking Old Dogmas and Stereotypes]. *Istoriki sporjat: Trinadtsat besed* [Historians Argue. 13 Conversations]. Moscow, Politizdat, 1988. 508 p.

18. Mihajlov I.V. *Grazhdanskaja vojna kak problema rossijskoj istorii: situacija v sovremennoj istoriografii* [The Civil War as a Problem of Russian history: The Situation in Modern Historiography]. *Na fronte istorii Grazhdanskoj vojny: pamjati V.D. Polikarpova: sb. st. i dokumentov* [At the Front of the History of the Civil

War: In Memory of V.D. Polikarpov. Collection of Articles and Documents]. Moscow, Sobranie Publ., 2009, pp. 333-351.

19. Mihajlov I.V. *Nachalo i prichiny jeskalacii grazhdanskoj vojny v sovremennoj rossijskoj istoriografii* [The Deginning and Causes of the Escalation of the Civil War in Modern Russian Historiography]. *Vestnik MGIMO universiteta* [Bulletin of MGIMO University], 2012, no. 2 (23), pp. 97-105.

20. Mihajlov I.V. *Sovremennaja istoriografija grazhdanskoj vojny v Rossii* [Modern Historiography of the Civil War in Russia]. *Rossija i sovremennyj mir* [Russia and the Modern World], 2007, no. 3 (56), pp. 28-46.

21. *Revoljucija i Grazhdanskaja vojna v Rossii: Mezhdunar. kollokvium* [Revolution and Civil War in Russia. International Colloquium]. Saint Petersburg, SPbII RAN, Evrop. un-t, 2019. 416 p.

22. Ljubin V.P., Minc M.M., eds. *Revoljucija i Grazhdanskajavojna v Rossii: sovremennaja istoriografija: sb. st., obzorov i referatov* [Revolution and Civil War in Russia: Modern Historiography. Collection of Articles, Reviews and Aabstracts]. Moscow, INION RAN, 2018. 223 p.

23. Pavlov D.B., ed. *Rossija v gody Grazhdanskoj vojny, 1917–1922 gg.: očerki istorii i istoriografii* [Russia During the Civil War, 1917–1922. Essays on History and Historiography]. Moscow, Saint Peterburg, Centr gumanit. iniciativ, 2018. 608 p.

24. *Rossija v Pervoj mirovoj vojne: problemy istorii i istoriografii: sb. dokl.* [Russia in the First World War: Problems of History and Historiography. Collection of Reports]. Saint Peterburg, Izd-vo SPbGJeTU «LJeTI», 2015. 229 p.

25. *Rossija v jepohu revoljucij i reform: problemy istorii i istoriografii: sb. dokl.* [Russia in the Era of Revolutions and Reforms: Problems of History and Historiography. Collection of Reports]. Saint Peterburg, Izd-vo SPbGJeTU «LJeTI», 2016. 291 p.

26. *Russkaja revoljucija 1917 goda: problemy istorii i istoriografii: sb. dokl.* [The Russian Revolution of 1917: Problems of History and Historiography. Collection of Reports]. Saint Peterburg, Izd-vo SPbGJeTU «LJeTI», 2013. 182 p.

27. *Stoletie Grazhdanskoj vojny v Rossii: Mezhdunar. nauch. konf. (Moscow, 17 apr. 2019 g.)* [The Centenary of the Civil War in Russia. International Scientific Conference on April 17, 2019]. Moscow, Mosc. gos. un-t im. M.V. Lomonosova, 2019. 175 p.

28. *Fevral'skaja revoljucija 1917 goda: problemy istorii i istoriografii: sb. dokl.* [The February Revolution of 1917: Problems of History and Historiography. Collection of Reports]. Saint Peterburg, Izd-vo SPbGJeTU «LJeTI», 2017. 380 p.

29. Elgelstein L. *Russia in Flames: War, Revolution, Civil War, 1914–1921*. New York, Oxford univ. press, 2018. XXVII, 823 p.

30. Smele J.D. *Historical Dictionary of the “Russian” Civil Wars, 1916–1926*. Lanham, Boulder, New York, London, Rowman & Littlefield Publ., 2015. 1421 p.

31. Smele J.D. *The “Russian” Civil Wars, 1916–1926. Ten Years That Shook the World*. London, Hurst Publ., 2016. 423 p.

32. Smele J.D. *The Russian Revolution and Civil War: 1917–1921*. London, New York, Continuum Publ., 2006. XXVIII, 625 p.

Information About the Author

Vladimir P. Trut, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History and Cultural Studies, Don State Technical University, Gagarina Sq., 1, 344000 Rostov-on-Don, Russian Federation, trut.vladimir@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2833-629X>

Информация об авторе

Владимир Петрович Трут, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии, Донской государственный технический университет, пл. Гагарина, 1, 344000 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, trut.vladimir@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2833-629X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.6>

UDC 321
LBC 66.1(2)

Submitted: 09.05.2021
Accepted: 04.08.2021

BETWEEN SCIENCE AND IDEOLOGICAL PRESSURE: POLITICAL REFLECTION ON CIVIL WAR IN SOVIET RUSSIA IN 1917–1922

Vasily K. Belozеров

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation;
Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article explores the process and circumstances of understanding war as a political phenomenon in Soviet Russia 1917–1922, describes their impact on practice and theory development. For this purpose, the author studies the related political and ideological circumstances, characterizes the theory of class warfare and shows the specifics of understanding of the link between war and politics. *Methodology and research methods.* The methodology is based on political realism and the recognition of war as a complex, volatile and contradictory political phenomenon. The article identifies the causality between the attitudes of the Soviet leadership, political practice and theoretical approaches to the study of war, taking into account real political situations, processes and decisions. *Analysis.* The study of war as a political phenomenon took place in the context of policy impact of the ideology and doctrinal principles of the state. Two approaches have emerged in the development of the theory of war. The first was characterized by a pronounced ideological perception of the war. The second approach was marked by the recognition of the political nature and determination of war, while avoiding the discussion on the mechanism of implementation of Soviet political institutions into military theory and practice. Under these conditions, the synthesis of the two research paradigms was impossible. As a result, the first approach that didn't recognize the existence of alternative points of view in the study of war began to prevail. *Results.* In the early years of Soviet power, the scientific study of war turned out to be secondary in relation to the official ideological and doctrinal guidelines, which eventually began to formulate the comprehension of war as a political phenomenon. This situation, with minor changes, remained in the subsequent decades, which had consequences for the country's defense and the use of military force.

Key words: Soviet Russia, theory of war, war as a political phenomenon, military doctrine, class warfare, civil war.

Citation. Belozеров V.K. Between Science and Ideological Pressure: Political Reflection on Civil War in Soviet Russia in 1917–1922. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 4, pp. 61-70. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.6>

УДК 321
ББК 66.1(2)

Дата поступления статьи: 09.05.2021
Дата принятия статьи: 04.08.2021

МЕЖДУ НАУКОЙ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИМ ПРЕССИНГОМ: ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1917–1922 ГОДАХ

Василий Клавдиевич Белозёров

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация;
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуются процесс и обстоятельства осмысления войны как политического феномена в Советской России в 1917–1922 гг., характеризуются их последствия для практики и развития теории. Изучены связанные с этим политико-идеологические обстоятельства, охарактеризована теория классовой войны, показана специфика понимания связи между войной и политикой. Методология строится на

политическом реализме и признании войны сложным, изменчивым и противоречивым политическим феноменом. Выявлялись причинно-следственные связи между установками руководства Советского государства, политической практикой и теоретическими подходами к исследованию войны, учитывались реальные политические ситуации, процессы и решения. Исследование войны как политического феномена происходило в условиях директивного воздействия идеологии и доктринальных установок государства. В разработке теории войны обозначились два подхода. Первому было присуще выраженное идеологическое восприятие войны. Второй подход характеризовался признанием политической природы и детерминации войны с одновременным уклонением от обсуждения механизма внедрения политических установлений советской власти в военную теорию и практику. В сложившихся условиях синтез двух исследовательских парадигм был невозможен. В итоге стал безгранично доминировать первый подход, при котором не признавалось наличие альтернативных точек зрения при исследовании войны. В первые годы советской власти научное исследование войны оказалось вторичным по отношению к официальным идеологическим и доктринальным установкам, которые в итоге стали директивно формировать осмысление войны как политического феномена. Сложившаяся ситуация с незначительными изменениями сохранилась в последующие десятилетия, что имело последствия для обороны страны и применения военной силы.

Ключевые слова: Советская Россия, теория войны, война как политический феномен, военная доктрина, классовая война, гражданская война.

Цитирование. Белозёров В. К. Между наукой и идеологическим прессингом: политическое осмысление Гражданской войны в Советской России в 1917–1922 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 61–70. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.6>

Введение. Октябрьская революция 1917 г. в России повлекла за собой кардинальную смену социально-политического устройства страны. Политические катаклизмы характеризовались завершением для страны Первой мировой войны и вступлением в Гражданскую войну. Неотъемлемой частью идеологии марксизма и социалистического проекта было резкое изменение взглядов на войну как политический феномен, на способы ее ведения, предназначение и подготовку военной силы государства. Новое понимание войны требовало концептуального обоснования. Вместе с тем ведение таких исследовательских разработок в годы революции и Гражданской войны в России осложнялось рядом проблем теоретического и практического характера. Необходимо отметить, что исследование процессов и обстоятельств, связанных с формированием политической концепции войны в названный период отечественной истории, в целом виде в политологическом ключе не проводилось. Между тем их изучение и понимание указанным образом, раскрытие генезиса и создание соответствующей объяснительной модели представляются необходимыми для развития в России национально ориентированной политической теории войны.

Цель исследования заключается в раскрытии генезиса и выявлении смыслов войны

как политического феномена в России в 1917–1922 гг., определении последствий сложившегося понимания для теории и практики в последующие периоды.

Методология и методы исследования. Методология исследования основана на концепции политического реализма и признании войны как реально существующего, изменчивого и противоречивого политического феномена. С учетом этого изучались государственные документы, работы советских политических и военных деятелей, профильные научные труды. Их выбор определялся связью содержащихся в них оценок с проблематикой войны. Осуществлялось выявление причинно-следственных связей между официальными установками государственного руководства Советской России, политической практикой и теоретическими подходами к исследованию войны. Для этого учитывались реальные политические ситуации, процессы и решения, использовались элементы сравнительного и контент-анализа. Герменевтический метод, понимающее толкование и дискурс-анализ использовались для выявления смыслового контекста и значений официальных установлений и артикулированных теоретических позиций.

Анализ. Политико-идеологические факторы оказали сильнейшее воздействие на

осмысление войны в России сразу после смены модели социально-политического устройства страны. Концептуально видение войны изначально строилось на основе марксистских постулатов. В рамках указанной идеологии в связи с ее воплощением в военно-политической практике сложились определенные теоретические конструкции. Их формирование явилось результатом восприятия действительности и видения силами, пришедшими к власти, будущего страны и мира.

Советское партийное и государственное руководство было уверено в неизбежности и закономерности грядущей мировой революции и перехода к новой социально-экономической формации. Осознание предстоящего скорого перехода человечества к новой формации означало отмирание капитализма и построение бесклассового общества. Такое представление о будущем органично включало в себя и признание неизбежности прекращения присущих эксплуататорским обществам войн, реакционных и корыстных. Исчезновение армии как института государственного насилия и инструмента эксплуататорских классов виделось большевикам как ближайшая и ощущаемая перспектива. Отсюда складывалось и отношение к науке о войне как об отживающей системе знаний. Исходя из такого понимания политического будущего, еще в период революции 1905–1907 гг. В.И. Ленин (1870–1924) призывал: «Пусть армия сольется с вооруженным народом, пусть солдаты понесут в народ свои военные знания, пусть исчезнет казарма и заменится свободной военной школой» [12, с. 113]. Такое восприятие действительности и будущего не предполагало развития системы научного знания о войне, выходящего за хронологические рамки установления власти пролетариата. В итоге сложилось отношение к военному насилию и армии (и к теоретическим знаниям о них) как о преходящих и устранимых явлениях, которым вскоре предстоит уйти в небытие.

Всеобщее вооружение трудящихся в ходе подготовки революции предусматривалось на краткосрочный период как условие подавления эксплуататорских классов в случае их вооруженного сопротивления [16, с. 87–89]. Примечательно, что в понимании российскими революционерами необходимости всеобщего воо-

ружения народа обнаруживаются признаки идей и подходов, сформулированных такими мыслителями, как Никколо Макиавелли (1469–1527), Карл фон Клаузевиц (1780–1871), идеологами Великой французской революции.

Победа пролетариата предполагала закономерность возникновения антагонистического конфликта с враждебным окружением и ведение на непродолжительном этапе исторического процесса революционных войн против отживающего капитализма. Неизбежной виделась и глобальная война внутри самого капиталистического сообщества, в связи с чем стояла задача ее превращения в мировую гражданскую с последующим созданием всемирной республики советов. Отсюда только войны победившего и наступающего пролетариата виделись как прогрессивные и освободительные. Фактически была создана теория легитимации революционных войн [25, S. 55–56].

В реализации идей марксизма в России проявилась зависимость официальных установок, реализуемых в связи с пониманием войны, от решения антропологических по сути вопросов о природе человека. Ориентируясь на теоретическое моделирование развития общества, большевики ожидали от масс энтузиазма при защите завоеваний революции и искренне считали возможным изменить человеческую сущность посредством создания социальных и экономических условий, исключая эксплуатацию человека человеком. Тем самым подтверждается вывод о том, что противоположность (оппозиция) «по природе доброго» и «по природе злого» человека есть «решающий для политической теории вопрос» [22, с. 108].

С установлением советской власти состоялось конституционное закрепление теоретических установок. Так, Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятая в январе 1918 г. и вошедшая в Конституцию РСФСР, призывала к братанию «с рабочими и крестьянами воюющих ныне между собой армий», декретировала «вооружение трудящихся, образование Социалистической Красной Армии рабочих и крестьян и полное разоружение имущих классов» [11, с. 241]. Провозглашалось, что «почетное право защищать революцию с оружием в руках предос-

твляется только трудящимся» [11, с. 245]. Фактически советская власть сразу декларировала идеи политического романтизма, отказавшись от длительной и затратной подготовки военной силы и от разработки соответствующих концепций войны. Политический же романтизм представляет собой мир иллюзии, «лишенный функциональности и функциональной связности, без страшного руководства, без выводов и дефиниций, без решения, без последнего суда, простирающийся бесконечно, ведомый лишь магической рукой случая» [23, с. 32–33]. Следует констатировать, что в профильной литературе политическая антропология войны названного периода освещена недостаточно, а связь концепции войны того времени с решением вопроса о природе человека обычно игнорируется.

В исследуемый период советские руководители имели сложившееся представление о войне как продолжении политики, опираясь на подходы прусского философа войны Карла фон Клаузевица. Его формула была интерпретирована, и война рассматривалась как продолжение политики классов. По оценке немецкого исследователя Вернера Хальвега (1912–1989), «Ленин был впечатлен формулировкой известной мысли о войне как продолжении политики, это высказывание он считал чрезвычайно важным для понимания *любой* войны» [24, S. 97]. Для обоснования революционной борьбы к Клаузевицу обращались Л.Д. Троцкий (1879–1940), М.В. Фрунзе (1885–1925), другие советские руководители и теоретики [26, S. 86–138].

Следует вместе с тем отметить их избирательность в трактовке идей Клаузевица, что определялось интересами решения задач текущего момента. Так, решительному характеру борьбы с буржуазией мало соответствовал охват Клаузевицем войны в широком ее спектре, от абсолютной до ограниченной, в том числе лишь с демонстрацией военной силы. Такие войны, по мнению теоретика, составляют подавляющее большинство, о чем было известно В.И. Ленину. Не нашло отражения при обращении к Клаузевицу и предпочтению им обороны наступлению.

Интересы подготовки захвата власти вооруженным путем требовали организационных и теоретических усилий, поскольку «к вос-

танию надо уметь отнестись как к искусству...» [14, с. 390]. Борьба большевиков за власть отличалась готовностью обращаться к насилию, причем комбинированного характера, в рамках этой деятельности партией велась целенаправленная боевая и военная работа [1, с. 605–672, 695–763]. Первая заключалась в создании из числа рабочих вооруженных формирований, проведении силовых акций, диверсий, нападений на представителей власти и др. Содержание военной работы составляла революционная деятельность, агитация в армии и на флоте с целью вывод войск из-под контроля царской власти, переход армии на сторону революции. Тем не менее до революции проводимая работа полноценного теоретического обоснования не получила.

После победы революции получила развитие теория классовой войны. Борьба с противником военными средствами велась посредством особой организации военного строительства и создания армии, впервые в истории устроенной по классовому признаку. В сложившихся условиях при разработке военной стратегии пролетарского государства многие ее разработчики по-прежнему исходили из ожидания наступления мировой революции. В подавлении мировой буржуазии особая «миссионерская» роль отводилась Красной армии. Так, М.Н. Тухачевский (1893–1937) полагал, что «советская Россия является распространителем социалистической революции для всего мира. ...Социалистическая война будет непрерывна до победы той или другой стороны» [20, с. 61, 69]. Поддерживая его, Н.Е. Какурин (1883–1936) утверждал, что «человечество стоит уже в преддверии счастливой эпохи полного исчезновения всяких войн» [8, с. 6] и «пока наша Красная армия является единственной вооруженной силой мирового пролетариата, могущей развиваться в нормальных условиях, а ее генеральный штаб – единственной ячейкой, которая может в нужный момент развернуться в генеральный штаб мировой революции» [8, с. 12].

Характеризуя содержание и направленность военного строительства и признавая отсутствие его теоретической проработки, Л.Д. Троцкий отмечал: «...вся работа с начала до конца объединялась единством классов-

вой революционной цели, единством направленной на нее воли, единством марксистского метода ориентирования» [19, с. 8]. Ясно определил народный комиссар по военным и морским делам и классовую сущность вооруженных сил республики: «Красная армия есть военное выражение пролетарской диктатуры» [19, с. 9]. В декабре 1918 г. Л.Д. Троцкий публично отвергал мысль о том, «будто армия, наука войны, искусство войны и учреждения войны могут стоять вне политики. ... Этого нет нигде, и этого никогда нигде не будет» [2, с. 5].

На основе официальных установок разрабатывалась теория гражданской и классовой войны, осмысливался приобретенный опыт, формировалось видение войны как политического феномена, определение политического водораздела и целеуказания, когда врагом пролетариата и объектом поражения определялась буржуазия. Представители военно-научного общества слушателей созданной в 1918 г. Академии Генерального штаба РККА (с августа 1921 г. – Военная академия РККА), оценивая приоритеты изучения войны, выражали убежденность в том, что «для нашей Республики нет и не будет уже иных войн, как войн классовых, столкновения армий капиталистических стран с армией Революции» [2, с. 363]. На практике определение врага влекло и перенесение революционных форм классовой борьбы из политической сферы в военную стратегию, и даже в оперативное искусство и тактику.

Прямым следствием предпочтения методов классовой борьбы стала разработка в Советской России теории партизанской, малой, народной войны, представлявшей по сути идеологическое революционное воевание в его чистом виде, ведение которого предусматривалось и в мирное время. Соответствующие идеи получили обоснование в работах В.Е. Борисова (1861 – после 1941) «Партизанская, народная и малая война» (1918), П.П. Каратыгина (1887–1940) «Могучая сила партизанства» (1924), М.А. Дробова (годы жизни неизвестны) «Малая война: партизанство и диверсии» (1931) [4, с. 401–441, 449–504]. Предполагалась и имплементация таких разработок в военное планирование. Так, по мнению П.П. Каратыгина, «внедрение партизанских

методов и будет одним из элементов подготовки населения к участию в “государственной обороне”» [4, с. 441]. М.А. Дробов поддержал М.В. Фрунзе («Единая военная доктрина и Красная Армия», 1921) в том, что «одной из задач нашего генерального штаба должна стать разработка идеи малой войны в ее применении к нашим будущим войнам с противником, технически стоящим выше нас» [21, с. 19; 4, с. 458]. В таких теоретических разработках обнаруживается имманентно присутствующая субъекту борьбы приверженность к определенным средствам и способам поражения противника. Еще Гегель (1770–1831) отмечал, что «оружие есть не что иное как *сущность* самих борющихся» [3, с. 195]. Данный вывод применим и для оценки действий большевиков, когда методы и формы гражданской войны переносились на другие виды политической борьбы, не связанные с вооруженным противоборством.

Такие изыскания сопрягались с развитием теории большой войны, чему способствовало и восприятие советским руководством идей Клаузевица о политически наступательной или оборонительной войне, «чтобы на неприятельской земле защищать собственную страну» [9, с. 253]. Приведенную цитату В.И. Ленин выписал и выделил, будучи в эмиграции [13, с. 23–24], она воспроизводилась во всех предисловиях издания книги «О войне» в советский период начиная с 1932 года.

Само военное строительство адаптировалось под военные реалии. Через несколько месяцев после революции власть отказалась от идеи милиционной армии на добровольных началах, от выборности командного состава и приступила к созданию регулярной армии, началось и концептуальное обоснование обороны страны. Признание политических реалий и необходимости построения социализма в отдельно взятой стране потребовало военного реагирования, теоретической проработки подготовки и применения военной силы с учетом представлений о предстоящей войне. Ее исследование все более политизировалось. Так, созданная 13 августа 1918 г. в военном ведомстве военно-историческая комиссия имела в своем составе политическую секцию, в политическом разделе воинских уставов и наставлений были зафиксированы «революционные

изменения в социальной и политической структуре общества» [6, с. 77].

Сложившиеся условия активизировали исследования, направленные на раскрытие связи между войной и политикой. Подвергся критике узковоенный (игнорирующий политические соображения) взгляд на стратегию. В брошюре Клаузевица, вышедшей уже в 1924 г., отмечалось, что в ее основе лежит политическая детерминация: «Война представляет не что иное, как продолжение политических стремлений другими средствами; этот взгляд я кладу в основу всей стратегии и полагаю, что если кто-либо еще колеблется признать его необходимость, тот еще не вполне усмотрел, в чем сущность дела. Это положение делает понятной всю военную историю – без него все полно величайших абсурдов» [10, с. 8]. Перевод и опубликование работы А.А. Свечиным диктовались стремлением обеспечить методологическую основу исследованиям войны, задать им вектор и ограничить идеологизацию. Причем открыто Свечин своей мотивации не артикулировал, хоть и воздерживался от воспроизведения и трактовки социалистических идеологических постулатов.

В Советской России получил признание труд последователя Клаузевица немецкого военного историка Ганса Дельбрюка (1848–1929) «История военного искусства в рамках политической истории». Автором был сформулирован ряд важных выводов и обобщений. Его намерение, согласно заявленному названию труда, состояло в том, чтобы «разработать и выявить... связь между государственным устройством, тактикой и стратегией... Взаимодействие тактики и стратегии, с одной стороны, и государственного устройства и политики, с другой, проливает яркий свет на последовательное развитие всемирной истории и освещает много таких сторон, которые до того оставались в тени или неправильно понимались» [5, с. XLVI]. При этом заключительный четвертый том его труда вышел в Германии в 1919 г., а уже в 1923 г. слушатели Военной академии РККА заявляли об отвержении взглядов Мольтке, Шлиффена и Гинденбурга с их приверженностью стратегии сокрушения и отдавали предпочтение Дельбрюку, стороннику стратегии измора, для которого

военная стратегия не являлась самодовлеющим феноменом в войне [2, с. 367–368].

Вслед за Клаузевицем и Дельбрюком А.А. Свечин обосновывал ошибочность восприятия войны, когда «причинная связь военных событий ищется лишь под углом зрения чисто военных соображений» [18, с. 69]. В действительности же позиция мыслителя была паллиативной. С одной стороны, он исходил из принципа примата политики, с другой – пытался избежать чрезмерной идеологизации теории войны. Свечин заявил об отказе от создания «наброска красной советской стратегической доктрины» [18, с. 34]. То есть фактически декларировалась возможность создания внеклассовой военной доктрины.

В итоге можно констатировать образование в исследуемый период в Советской России разрыва между официальной манифестацией классово-политической детерминации научного осмысления войны как объективно существующего феномена и необходимостью реализации теоретических и идеологических постулатов с присущими им элементами романтизма в подготовке к грядущей войне.

Указанный разрыв рельефно обозначился в ходе дискуссии о военной доктрине в 1918–1921 годах [17, с. 71–175]. Суть возникшей теоретической проблемы осознал и артикулировал видный военный мыслитель А.Е. Снесарев (1865–1937). Проанализировав выявившиеся позиции, он в своей статье «Единая военная доктрина» (1920) подытожил: «Военная наука может быть только интернациональна. Единая военная доктрина проникнута определенными для данного исторического момента целями и связана единством систематизированного военно-политического материала, вытекающего из этих целей. ...Единая военная доктрина национальна...» [17, с. 117]. Фактически на повестку дня был поставлен вопрос о необходимости разрешения противоречия между возможностью объективного научного осмысления войны и установками исходящих от государственного и партийного руководства доктринальных директив. Содержащиеся в них императивы ввиду конкретно-исторических условий переживаемого страной периода носили во многом субъективный и ситуативный характер.

Разрешение указанного противоречия происходило в ходе острых и идеологизированных дискуссий между представителями прежней военно-научной школы, оказавшимися на службе советской власти (так называемых военных специалистов), и носителями пролетарской идеологии из числа теоретиков социализма и командного состава РККА.

Признавая заслуги военных специалистов, В.И. Ленин в ноябре 1919 г. отмечал: «Вы слышали о ряде блестящих побед Красной армии. В ней работают десятки тысяч старых офицеров и полковников. Если бы мы их не взяли на службу и не заставили служить нам, мы не могли бы создать Армию» [15, с. 313]. В Красной армии оказалось 775 бывших генералов и 1 726 штаб-офицеров (980 полковников и 746 подполковников) старой армии. Причем из состава наиболее ценных военных специалистов в лице офицеров службы генерального штаба численностью 1 932 человека к концу Гражданской войны в Красной армии оказалась треть (639 человек, в том числе 252 генерала, 239 штаб-офицеров и 148 обер-офицеров). Преподавательский же и административный состав военно-учебных заведений Советской республики был почти на 90 процентов представлен бывшими офицерами [7, с. 178, 196, 222]. Фактически именно указанная категория специалистов по своему образовательному и исследовательскому потенциалу могла наиболее компетентно участвовать в проработке теории войны.

Вместе с тем в созданной в декабре 1918 г. Академии Генерального штаба РККА, где должны были – в соответствии с предназначением – проводиться профильные исследования, изначально стала складываться атмосфера, мало располагавшая к разработке научно обоснованной концепции войны, в том числе в политическом понимании. С определенными оговорками создавшуюся обстановку можно охарактеризовать как идеологический конфликт слушателей с профессорско-преподавательским составом. Многие его представители воспринимались слушателями как классовые и идеологические противники, с единомышленниками которых вчерашние красные командиры сталкивались на полях сражений Гражданской войны.

Налицо была отчужденность преподавателей и обучающихся. По мнению последних, в академии «остался случайный состав генштабистов» [2, с. 67]. Поступивших на учебу поражало, что «ни один академик не пройдет мимо начальника или комиссара, не толкнувши его в бок». Сама академия «не обнаруживала никаких признаков военного учебного заведения» [2, с. 70], не было даже библиотеки. В первые годы работы академии «учебная дисциплина отсутствовала. Все меры... вплоть до выставления часового у дверей Академии для того, чтобы никого не выпускать, не помогали» [2, с. 73]. Потребовались годы, чтобы благодаря усилению дисциплины «признаки “Запорожской сечи” почти исчезли» [2, с. 79]. Некоторые представители профессорско-преподавательского состава характеризовались слушателями весьма уничижительно (например, как «политические кастраты»). Констатировалось, что «между профессурой и слушательской массой выросла стена» [2, с. 89]. Одновременно отмечались дискредитация и травля выпускников академии на фронте старыми генштабистами. С другой стороны, имело место и проявление «комчванства» со стороны самих выпускников академии в войсках: «Спецов старой армии они третировали свысока как людей, чуждых революции, а ком[андный] и политсостав, из рабочих и крестьян, не побывавших в Академии, рассматривали как безграмотных в военном деле» [2, с. 259]. Овладение научными знаниями осложняла и «низкая квалификация, а иногда и безграмотность слушательского контингента» [2, с. 277]. Кроме того, пытливые слушатели часто открыто выражали протест против «аполитичности» (то есть против деидеологизации) преподаваемой им военной науки. Ситуацию осложняло и то, что в первые годы советской власти образованность не считалась качеством, обязательным для красного командира, и определяющим фактором являлось, скорее, социальное происхождение. Шансы представителей старой военной школы на успех в сопротивлении нарастающему идеологическому давлению были ничтожны, что с неизбежностью отразилось на осмыслении войны как политического феномена в последующие годы и на судьбе самих исследователей.

Результаты. Исследование войны как политического феномена в 1917–1922 гг. развивалось в тесной связи и под влиянием идеологии и военно-доктринальных установок молодого Советского государства. Официально война виделась как гражданская, которая распространится повсеместно и закончится уничтожением капитализма.

Разработка теории войны проходила в условиях острой борьбы, в которой обозначились два подхода. Первый характеризовался не просто политическим, но выраженным политизированным идеологическим восприятием войны. Его исповедовало партийно-государственное руководство и солидарные с ним военные кадры, выходцы из рабочих и крестьян. Другой полюс понимания войны представляется в известной степени парадоксальным: его сторонники признавали политическую природу и детерминацию войны, де-факто же уклонялись от обсуждения имплементации конкретных установлений новой власти в военную теорию и практику и, получается, ориентировались и претендовали на создание своего рода «политически стерильной» теории войны.

С некоторыми оговорками и исключениями можно утверждать, что на стороне последователей первого подхода были бескомпромиссность и напор, поддержка власти, прямое вмешательство государственного руководства в исследование войны, на стороне второго – образованность и владение методами научного исследования войны при одновременном осознании своей принадлежности к подавляемому классу. В этих условиях синтез двух исследовательских парадигм был невозможен. Напротив, между ними нарастала поляризация, завершившаяся неизбежной победой сторонников первого подхода. Последствиями его воцарения стали утверждение монополии на истину, недопущение альтернативных (внеклассовых) точек зрения при исследовании войны, снижение теоретического уровня и обеднение дискуссий.

В изучаемый период исследование войны стало занимать подчиненное положение по отношению к доктринальным взглядам и установкам руководства Советского государства, что деформировало и ограничивало осмысление войны. В результате не наука о вой-

не служила теоретическим обоснованием военной доктрины Советского государства, а наоборот, последняя стала безапелляционно формировать осмысление войны как политического феномена. Утвердившееся понимание войны проникло не только в стратегию, но и в оперативное искусство и тактику, в систему обучения и воспитания военных кадров, на десятилетия вперед задав тон и направленность исследований, отразившись в практике обороны страны и применения военной силы. Последствия реализации политических установок в военной практике и военном искусстве в нашей стране нуждаются в дальнейшем изучении. В свою очередь, и современные зарубежные исследователи проявляют интерес к указанной проблематике [25].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вершигора, П. П. Военное творчество народных масс : ист. очерк / П. П. Вершигора. – М. : Воениздат, 1961. – 824 с.
2. Военная академия за пять лет : сборник / под ред. М. Л. Белоцкого, И. Г. Ключко, Е. А. Шиловского. – М. : Тип. Военной академии, 1923. – 411 с.
3. Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Наука, 2000. – 495 с.
4. Грозное оружие : Малая война, партизанство и другие виды асимметричного воевания в свете наследия русских военных мыслителей. – М. : Воен. ун-т ; Рус. путь, 2007. – 760 с.
5. Дельбрюк, Г. История военного искусства в рамках политической истории / пер. с нем. А. К. Рачинского ; предисл. М. Н. Тухачевского. – Л. : Госиздат, 1930. – Т. 4. – XLVII, 500 с.
6. Захаров, М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы / М. В. Захаров. – М. : Межрегион. фонд «Выдающиеся полководцы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», 2003. – 336 с.
7. Кавтарадзе, А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917–1920 гг. / А. Г. Кавтарадзе ; отв. ред. В. И. Петров ; АН СССР, Ин-т истории СССР. – М. : Наука, 1988. – 276 с.
8. Какурин, Н. Е. Стратегия пролетарского государства : этюд / Н. Е. Какурин. – [Б. м.] : Отд. воен. лит. при Р.В.С.Р : Ред.-издат. отд. при Р.В.С. Зап. фронта, 1921. – 31 с.
9. Клаузевиц, К. О войне / К. Клаузевиц. – М. : Госвоениздат, 1936. – Т. 2. – 576 с.
10. Клаузевиц, К. Основы стратегического решения : пер. с нем. / К. Клаузевиц ; под ред. А. А. Свечина. – М. : Высш. воен. редсовет, 1924. – 31 с.

11. Кукушкин, Ю. С. Очерк истории Советской Конституции / Ю. С. Кукушкин, О. И. Чистяков. – 2-е изд., доп. – М. : Политиздат, 1987. – 364 с.

12. Ленин, В. И. Войско и революция (15 (28) ноября 1905 г.) / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. Т. 12: Октябрь 1905 – апрель 1906 / В. И. Ленин ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М. : Госполитиздат, 1960. – С. 110–114.

13. Ленин, В. И. Замечания на сочинения Клаузевица «О войне» / В. И. Ленин ; Ин-т Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б). – М. : Госполитиздат, 1939. – 40 с.

14. Ленин, В. И. Письмо к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области (8 октября 1917 г.) / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. Т. 34: Июль – октябрь 1917 / В. И. Ленин ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М. : Госполитиздат, 1962. – С. 385–390.

15. Ленин, В. И. Речь на I Всероссийском совещании по партийной работе в деревне (19 ноября 1919 г.) / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. Т. 39: Июнь – декабрь 1919 / В. И. Ленин; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М. : Госполитиздат, 1963. – С. 309–317.

16. Октябрьская революция : Вопросы и ответы. – М. : Политиздат, 1987. – 480 с.

17. Русская военная доктрина : материалы дискуссий 1911–1933 годов. – М. : Воен. ун-т, 1994. – 298 с.

18. Свечин, А. А. Стратегия / А. А. Свечин ; вступ. ст. И. С. Даниленко. – Жуковский ; М. : Кучково поле, 2003. – 656 с.

19. Троцкий, Л. Д. Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство / Л. Д. Троцкий. – Пг. : Полит. упр. Петрогр. воен. округа, 1922. – 52 с.

20. Тухачевский, М. Н. Война классов : Статьи 1919–1920 гг. / М. Н. Тухачевский ; РСФСР ; отд. воен. лит. при Рев. воен. совете Республики. – М. : Гос. изд-во, 1921. – 140 с.

21. Фрунзе, М. В. Единая военная доктрина и Красная Армия / М. В. Фрунзе. – М. : Воен. изд-во, 1941. – 22 с.

22. Шмитт, К. Политическая теология : сборник / пер. с нем., закл. ст. и сост. А. Филиппова. – М. : КАНОН-пресс-Ц, 2000. – 336 с.

23. Шмитт, К. Политический романтизм / К. Шмитт ; пер. с нем. Ю. Ю. Коринца, под ред. Б. М. Скуратова ; послесл. А. Ф. Филиппова. – М. : Практика, 2015. – 460 с.

24. Hahlweg, W. Das Clausewitzbild einst und jetzt / W. Hahlweg // Clausewitz, C. von. Vom Kriege. Achtzehnte Auflage / C. von Clausewitz. – Bonn : Ferd. Dummlers Verlag, 1973. – S. 1–172.

25. Riemer, P. Von der russischen Kriegskunst. Eine Untersuchung der dialektischen Zusammenhänge von Staatsidee und Militärwesen am Beispiel der

Sowjetunion und der Russischen Föderation. – Berlin : Miles-Verlag, 2021. – 360 S.

26. Rose, O. Carl von Clausewitz. Wirkungsgeschichte seines Werkes in Russland und der Sowjetunion, 1836–1991 / von Olaf Rose. – München : Oldenbourg, 1995. – VI, 275 S.

REFERENCES

1. Vershigora P.P. *Voennoe tvorchestvo narodnykh mass: ist. ocherk* [Military Works of the Popular Masses. Historical Note]. Moscow, Voenizdat, 1961. 824 p.

2. Belotsky M.L., Klochko I.G., Shilovsky E.A., eds. *Voennaja akademija za piat let: sbornik* [Military Academy in Five Years. Collection]. Moscow, Tip. Voennoi akademii, 1923. 411 p.

3. Hegel G.W.F. *Fenomenologija dukha* [The Phenomenology of Spirit]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 495 p.

4. *Groznoe oruzhie: Malaia voina, partizanstvo i drugie vidy asimmetrichnogo voevaniia v svete naslediiia russkikh voennykh myslitelei* [Formidable Weapons: Small War, Partisanship, and Other Types of Asymmetric Warfare in the Light of the Legacy of Russian Military Thinkers]. Moscow, Voen. un-t, Rus. put Publ., 2007. 760 p.

5. Del'brjuk G. *Istoriia voennogo iskusstva v ramkah politicheskoi istorii* [The History of Military Art within the Framework of Political History]. Leningrad, Gosizdat, 1930, vol. 4. XLVII. 500 p.

6. Zaharov M.V. *Generalnyi shtab v predvoennye gody* [General Staff in the Pre-War Years]. Moscow, Mezhhregion. fond «Vydayushchiesya polkovodtsy Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.», 2003. 336 p.

7. Kavtaradze A.G. *Voennye specialisty na sluzhbe Respubliki Sovetov, 1917–1920 gg.* [Military Specialists in the Service of the Republic of Soviets, 1917–1920]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 276 p.

8. Kakurin N. E. *Strategiia proletarskogo gosudarstva: etjud* [The Strategy of the Proletarian State. Study]. S. l., Otd. voen. lit. pri R.V.S.R, Red.-izdat. otd. pri R.V.S. Zap. fronta, 1921. 31 p.

9. Clauzewitz C. *O voyne* [About War]. Moscow, Gosvoenizdat, 1936, vol. 2. 576 p.

10. Clauzewitz C. *Osnovy strategicheskogo resheniia* [The Fundamentals of Strategic Decision-Making]. Moscow, Vyssh. voen. redsovet, 1924. 31 p.

11. Kukushkin Y.S., Chistiakov O.I. *Ocherk istorii Sovetskoy Konstitutsii* [Essay on the History of the Soviet Constitution]. 2nd ed. Moscow, Politizdat, 1987. 364 p.

12. Lenin V.I. *Voisko i revoliutsiia (15 (28) noiabria 1905 g.)*. [The Army and the Revolution (November 15 (28), 1905)]. *Polnoe sobranie sochineniy. T. 12:*

Oktyabr 1905 – aprel 1906 [Complete Collection of Works. Vol. 12: October 1905 – April 1906]. Moscow, Gospolitizdat, 1960, pp. 110-114.

13. Lenin V.I. *Zamechaniia na sochineniia Klauzevitsa «O voine»* [Comments on Clausewitz's Essays "About War"]. Moscow, Gospolitizdat, 1939. 40 p.

14. Lenin V. I. Pismo k tovarishcham bolshevikam, uchastvuiushchim na oblastnom siezde Sovetov Severnoi oblasti (8 (21) oktiabria 1917 g.) [A Letter to the Bolshevik Comrades Participating in the Regional Congress of Soviets of the Northern Region (October 8 (21), 1917)]. *Polnoe sobranie sochineniy. T. 34, Iyul' – oktyabr 1917* [Complete Collection of Works. Vol. 34: July – October 1917]. Moscow, Gospolitizdat, 1962, pp. 385-390.

15. Lenin V.I. Rech na I Vserossiiskom soveshhanii po partiinoi rabote v derevne 18 noiabria 1919 g. [Speech at the All-Russian Conference on Party Work in the Countryside on November 18, 1919]. *Polnoe sobranie sochineniy. T. 39: Iyun – dekabr 1919* [Complete Collection of Works. Vol. 39: June – December 1919]. Moscow, Gospolitizdat, 1963, pp. 309-317.

16. *Oktiabrskaja revoliutsiia: Voprosy i otvety*. [October Revolution. Questions and Answers]. Moscow, Politizdat, 1987. 480 p.

17. *Russkaia voennaia doktrina: materialy diskussii 1911–1933 godov* [Russian Military Doctrine. Materials of the Discussions of 1911–1933]. Moscow, Voen. un-t, 1994. 298 p.

18. Svechin A.A. *Strategiia* [Strategy]. Zhukovskiy, Moscow, Kuchkovopole Publ., 2003. 656 p.

19. Trockii L.D. *Voennaia doktrina ili mnimovoennoe doktrinerstvo* [Military Doctrine or Putative-Military Doctrinarianism]. Petrograd, Polit. upr. Petrogr. voen. okruga, 1922. 52 p.

20. Tuhachevskii M.N. *Voina klassov: Stati 1919–1920 gg.* [The War of the Classes. Articles of 1919–1920]. Moscow, Gos. izd-vo, 1921. 140 p.

21. Frunze M.V. *Edinaia voennaia doktrina i Krasnaia Armiiia* [Unified Military Doctrine and the Red Army]. Moscow, Voen. izd-vo, 1941. 22 p.

22. Schmitt C. *Politicheskaia teologiya: sbornik* [Political Theology. Collection]. Moscow, KANONpress-C, 2000. 336 p.

23. Schmitt C. *Politicheskii romantizm* [Political Romanticism]. Moscow, Praxis Publ., 2015. 460 p.

24. Hahlweg W. Das Clausewitzbild einst und jetzt. Clausewitz, C. von. *Vom Kriege. Achtzehnte Auflage*, 1973. S. 1-172.

25. Riemer P. *Von der russischen Kriegskunst. Eine Untersuchung der dialektischen Zusammenhänge von Staatsidee und Militärwesen am Beispiel der Sowjetunion und der Russischen Föderation*. Berlin, Miles-Verlag, 2021. 360 S.

26. Rose O. *Carl von Clausewitz. Wirkungsgeschichte seines Werkes in Russland und der Sowjetunion, 1836–1991*. München, Oldenbourg Publ., 1995. VI, 275 S.

Information About the Author

Vasily K. Belozerov, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Head of the Department of Political Sciences, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka St, 38, Bld. 1, 119034 Moscow, Russian Federation; Leading Researcher, Research Laboratory of the Study of Global and Regional Socio-Political Processes, Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Minina St, 31a, 603155 Nizhny Novgorod, Russian Federation, vk_belozerov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4875-5878>

Информация об авторе

Василий Клавдиевич Белозёров, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38, стр. 1, 119034 г. Москва, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории изучения мировых и региональных социально-политических процессов, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, ул. Минина, 31а, 603155 г. Нижний Новгород, Российская Федерация, vk_belozerov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4875-5878>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.7>

UDC 94[323.2:719]“1918/1920”
LBC 63.3(2)

Submitted: 19.08.2021
Accepted: 13.02.2022

INTERVENTION OF THE ENTENTE POWERS AND THEIR ALLIES IN RUSSIA DURING THE CIVIL WAR (1918–1922): MODERN FOREIGN STUDIES

Igor K. Bogomolov

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. Introduction. The review is devoted to modern foreign literature on the military intervention of the Entente powers and their allies in Russia in 1918–1922. The centenary of the Russian Civil War is a suitable occasion to characterize the modern historiography of intervention and the prospects for its research. *Methods and materials.* In the analysis of the literature, historical-genetic, historical-typological and historical-comparative methods were used. *Analysis.* The centenary of the Civil War in Russia passes almost unnoticed in foreign historiography, which is also due to the shift of attention to the Russian revolution. The Russian Civil War is often considered as an integral part of the revolutionary era, so its research in recent years has not gone beyond the generalizing works on the history of the revolution. The intervention is in a more advantageous position, since the military personnel of the United States, Great Britain, France, Japan, Canada, and Australia participated in it. Accordingly, the interest of researchers from these countries remains. Nevertheless, despite the “anniversaries” of the landings of Allied troops in Arkhangelsk, Transcaucasia and Vladivostok, operations in the Baltic and Siberia, only a small number of monographs and articles were published. A certain surge of interest is visible in popular science books about the operations of British and American troops in the North of Russia, but their authors used a small number of sources and did not present fundamentally new conclusions. *Results.* The “jubilee” historiography of the intervention is quite modest, but the topic of intervention has prospects due to numerous “white spots”, a lot of unexplored sources. The topic of foreign interventions remains relevant for the modern world.

Key words: The Russian Civil War, intervention, White movement, Red Army, Polar Bear expedition.

Citation. Bogomolov I.K. Intervention of the Entente Powers and Their Allies in Russia During the Civil War (1918–1922): Modern Foreign Studies. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 4, pp. 71–79. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.7>

УДК 94[323.2:719]“1918/1920”
ББК 63.3(2)

Дата поступления статьи: 19.08.2021
Дата принятия статьи: 13.02.2022

ИНТЕРВЕНЦИЯ ДЕРЖАВ АНТАНТЫ И ИХ СОЮЗНИКОВ В РОССИЮ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1922 гг.): СОВРЕМЕННЫЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Игорь Константинович Богомолов

Институт научной информации по общественным наукам РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Обзор посвящен современной зарубежной литературе о военной интервенции держав Антанты и их союзников в Россию в 1918–1922 годах. Столетие Гражданской войны в России – подходящий повод для характеристики современной историографии интервенции и перспектив ее исследования. При анализе литературы использовались историко-генетический, историко-типологический и историко-сравнительный методы. Основа исследования – литература 2018–2021 гг., а также наиболее значимые работы, изданные ранее. Столетие Гражданской войны в России проходит в зарубежной историографии практически незаметно, что связано, в том числе, и со смещением внимания историков на российскую революцию. Гражданская война зачастую рассматривается как составная часть революционной эпохи, поэтому ее исследование в последние годы не выходило за рамки обобщающих трудов по истории революции.

Интервенция привлекает большое внимания, так как в ней поучаствовали военнослужащие США, Великобритании, Франции, Японии, Канады, Австралии. Тем не менее, несмотря на «юбилей» высадок союзных войск в Архангельске, Закавказье и Владивостоке, операций на Балтике и в Сибири, вышло лишь небольшое количество монографий и статей. Определенный всплеск интереса виден по научно-популярным книгам об операциях британских и американских войск на Севере России, однако их авторы использовали небольшое количество источников и не представили принципиально новых выводов. «Юбилейная» историография интервенции оказалась довольно скромной, однако тема имеет перспективы благодаря многочисленным белым пятнам, большому пласту неисследованных до сих пор источников, а также непреходящей актуальности иностранных интервенций в современной международной политике.

Ключевые слова: Гражданская война в России, интервенция, Белое движение, Красная армия, операция «Полярный медведь».

Цитирование. Богомолов И. К. Интервенция держав Антанты и их союзников в Россию в период Гражданской войны (1918–1922 гг.): современные зарубежные исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 71–79. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.7>

Введение. В зарубежной историографии столетие Гражданской войны в России не привлекло большого внимания. Одна из главных причин – «юбилей» российской революции, оттянувший на себя основное внимание историков-русистов. Свою роль сыграли и современные историографические тренды: расширение хронологических рамок революции, включение в нее последних лет поздней имперской России и первых лет советской власти. Это, по выражению Р. Уэйда, «перепрыгивание через революционный барьер» 1917 г. [28, р. 35–36] сказалось и на образе Гражданской войны, которая ныне часто низводится до отдельной главы в «континууме кризиса» [12]. Французские исследователи Гражданской войны более консервативны в определении хронологических рамок (1917–1922 гг.), но и они значительное внимание уделили революции 1917 г. и в большей степени касались политических процессов [15; 17]. Сомнению подверглась и сама концепция целостной Гражданской войны. К примеру, Дж. Смиль в своей монографии утверждает, что гражданских войн было несколько в разных уголках бывшей Российской империи, начались они с Туркестанского восстания 1916 г. и закончились подавлением басмаческого движения в 1926 г. [24]. Книга Смилла неоднократно подвергалась критике, но нашла и поддержку [1, с. 9–14; 22, с. 136]. Ее появление отразило многолетний процесс размывания традиционных границ внутри революционной эпохи. В последние годы все больше историков выступает против такого «обобщения», подчеркивается самобытность революции 1917 г., ее от-

личие от предыдущих и последовавших исторических событий [26].

В этом смысле Гражданская война останется в тесной связи с революцией, но ныне предпринимаются попытки вновь выделить ее как особую страницу в российской истории. Пока они не выглядят уверенными: новые сюжеты появляются в редких статьях и не удостоились обобщающих трудов, а «старые» (борьба на фронтах, экономика, пропаганда) фактически отставлены в сторону. Одно из немногих исключений – иностранная интервенция в Россию в 1918–1922 гг., которой за последние три года было посвящено сразу несколько монографий и статей, а также разделы в трудах по региональной истории. Учитывая, что «юбилейный» период (2018–2022 гг.) подходит к концу, представляется уместным оценить эти работы и их вклад в изучение Гражданской войны.

Методы и материалы. В исследовании применялись историко-генетический, историко-типологический и историко-сравнительный методы, необходимые для системного анализа и выделения основных групп исследуемой литературы, прослеживания тенденций развития историографии иностранной интервенции в последние годы.

Исследование ограничивается зарубежной научной литературой, а также несколькими научно-популярными трудами, упоминание которых необходимо для более полной репрезентации современного состояния историографии. Основное внимание уделено литературе, изданной в 2018–2021 гг. и в основном приуроченной к столетию Гражданской войны и

иностранной интервенции в России. Вместе с тем для выявления историографических тенденций упоминаются также значимые работы, изданные до 2018 года.

Анализ. Зарубежные исследования интервенции до недавнего времени были сосредоточены на участии в ней отдельных стран – США, Великобритании, Канады, Австралии. Краткие обобщения политики и действий союзников давались и в трудах по дипломатической истории [27]. В этом смысле примечательна работа Я. Моффата, освещающая дипломатические перипетии вокруг решения о вмешательстве союзников в «русские дела» [19]. Моффат, как и большинство современных исследователей, уходит от представления об интервенции как о «крестовом походе» союзников против большевистской угрозы. Их вторжение в Россию было частью «исторического континуума, возникшего в результате Великой войны» и не может рассматриваться вне контекста отношений между союзниками и политической ситуации внутри держав Антанты, США и Японии [19, р. 265].

С другой стороны, пишет Моффат, сейчас трудно поверить, что Антанта, победоносный военный союз, потерпела «оглушительный провал» в России. Этот опыт наглядно показал, «что может произойти, когда отсутствует адекватное мышление и коллективный дух сотрудничества, особенно когда решения принимаются на основе личных убеждений и национальных целей» [19, р. 265]. Ведущие политики союзных стран – В. Вильсон, Д. Ллойд-Джордж, Ж. Клемансо и премьер-министр Канады Р. Борден – в политике на «русском направлении» руководствовались своими интересами и оглядывались на непростую политическую и экономическую ситуацию в своих странах. Их оценки кризиса в России порой кардинально расходились, что порождало противоречия и недоверие, игравшие на руку большевикам. «Провал как союзников, так и белых обеспечил антипатию и недоверие к Западу со стороны коммунистического руководства России в течение следующих 70 лет, наследие которого до сих пор находит отклик», – заключает автор [19, р. 274].

Появление основательного труда Моффата вселило надежду на развитие исследований интервенции уже в ходе столетия Граж-

данской войны в России. Однако в научной периодике данный вопрос в последние годы остался почти незатронутым. Только *Journal of Slavic Military Studies* выделил для этой темы один из номеров за 2019 год. Во вступительном слове Л. Флейк отмечает, что интервенция была «хрестоматийным примером того, как не стоит вмешиваться военными средствами в гражданскую войну в другой стране. Слишком много комбатантов, слишком много конкурирующих программ и почти нулевая политическая и общественная решимость» [9, р. 550]. В этом смысле «впечатляющее вмешательство России в сирийскую гражданскую войну в 2015 г. служит поучительным контрастом»: были определены цели и использована соразмерная им военная сила [9, р. 550]. По мнению Флейка, пришло время для подведения «итогов интервенции» и ее отголосков за прошедшее столетие. В центре внимания авторов – не столько события Гражданской войны, сколько ее интерпретации политиками и обществами союзников.

Г. Фуллер указывает на решающий фактор британского военного флота в интервенции в Россию [10]. Об этом писал еще Р. Ульман в своем фундаментальном труде об англо-советских отношениях в 1917–1921 гг. [24, р. 349]. Однако, по замечанию Фуллера, Ульман «проигнорировал ключевую роль британских военно-морских сил», действовавших в Балтийском море [10, р. 553]. Даже если бы войска генерала Н.Н. Юденича взяли Петроград, им не удалось бы удержаться в столице без контроля над Кронштадтом. Англия не спешила ввязываться в военные действия на Северо-Западном фронте, ее формальной целью была защита прибалтийских государств. К осени 1919 г. премьер-министр Д. Ллойд Джордж «открыто поставил под сомнение целесообразность воссоединения России при старом режиме, что было бы равносильно восстановлению Российской империи» [10, р. 556]. Это стало одной из причин слабой поддержки англичанами второго наступления армии Юденича. Фуллер особо отмечает пропагандистское наследие британской операции на Балтике, в частности – советский фильм «Незабываемый 1919 год» (1951), изобразивший сталинскую интерпретацию событий. В самой Англии в разгар холодной войны дей-

ствия королевского флота расценивались как защита независимых прибалтийских государств от большевистской и – шире – русской угрозы. Яркий пример – книга Дж. Беннетта о командующем 1-й эскадры контр-адмирале У. Коване [4], переизданная под другим названием в 2017 г. [5].

В целом роль Великобритании в интервенции в Россию традиционно привлекает наибольшее внимание. Отметим статью С. Балбирни о мятежах на Севере России в 1918–1919 гг. среди местных российских воинских частей [2]. Автор подчеркивает «уникальную внутреннюю динамику» этого театра Гражданской войны. Здесь «не хватало сильной белой русской фигуры», какими были А.В. Колчак или А.И. Деникин, поэтому реальное руководство выпало на долю интервентов, в первую очередь британцев [2, р. 131]. По мнению Балбирни, эти мятежи «оказали ключевое влияние на ход операций кампании и ее окончательное завершение», так как «усугубили и без того нестабильные отношения между британцами и их местными русскими союзниками» [2, р. 144–145]. Сохраняется внимание и к деятельности У. Черчилля, традиционно считающегося ключевой фигурой в развертывании интервенции в революционной России. Особенно стоек этот образ в научно-популярной литературе. Наглядный пример – монография Д. Райта с говорящим названием «Секретная война Черчилля против Ленина» [30]. В книге содержится большой массив сведений об английских военных и моряках, участвовавших в Гражданской войне. Подробно описаны боевые действия британских войск на Севере России, в Сибири, на Дальнем Востоке и в Туркестане. Интересны данные о вербовке военных, их материальном обеспечении, фронтовом быте. Вместе с тем автор практически не учитывает дипломатический фон, политические процессы в России и Англии, соответствующие разделы очень коротки и содержат немало фактических ошибок. Как верно отметил М. Клобас, в книге, несмотря на название, практически не упоминаются ни Черчилль, ни В.И. Ленин [16, р. 27]. Работа Райта, несомненно, полезна тем, что привлекает материалы британских архивов, но ее значительно могло обогатить привлечение российских архивных документов.

Схожие выводы можно сделать и в отношении монографии Р. Уилоха, озаглавленной «Брошенные пленные Черчилля» и повествующей о службе в России группы британских офицеров и солдат [29]. В 1919 г. они были отправлены в Сибирь для оказания помощи армии Колчака в подготовке офицеров, организации снабжения и связи войск, охране железнодорожных перевозок. Британцы приняли активное участие в эвакуации Омска в ноябре 1919 г. и отступали вместе с белыми армиями на восток, претерпевая огромные трудности. В январе 1920 г. они были захвачены в плен войсками 5-й армии РККА и отправлены сначала на допрос в Москву, а затем, вместе с другими иностранцами, находились под арестом в Ивановском женском монастыре (с 1919 г. – Московский Ивановский Исправдом на Солянке) и Андрониковом монастыре. Лишь в ноябре 1920 г. им удалось вернуться на родину после достижения соглашения между советским и английским правительствами об обмене пленными. Среди них был и Брайан Хоррокс – будущий генерал-лейтенант британской армии, командующий 30-м армейским корпусом, участник ключевых сражений в Северной Африке и на Западном фронте Второй мировой войны. Можно согласиться с Уилохом в том, что английские военные стали своего рода «разменной монетой», их годичное нахождение в плену действительно отражало состояние англо-советских отношений. С другой стороны, автор не привел доказательств того, что именно Черчилль был повинен в задержке в обмене пленными. Дж. Смиль небезосновательно отмечает, что книга Уилоха «страдает несколько вводящим в заблуждение названием, предназначенным для увеличения продаж» [25, р. 720]. Тем не менее, как и Райт, Уилох ярко повествует о фронтовой повседневности, показав Гражданскую войну в России со стороны иностранцев, что до сих пор довольно большая редкость.

Участие Австралии в интервенции редко привлекает внимание исследователей, в основном потому, что многие австралийцы воевали в составе британских сил. Д. Коннор выделил четыре направления австралийских войск в России: развертывание семи военных кораблей Королевского австралийского флота в Черном море в ноябре – декабре 1918 г.; служ-

ба около 100 австралийцев в составе 45-го батальона королевских стрелков и 201-го специального батальона пулеметного корпуса, направленных на Север России; участие 48 австралийских офицеров и сержантов в операции британских сил в Закавказье и на Ближнем Востоке (так называемый Данстерфорс, по имени командующего генерал-майора Лайонелла Чарльза Данстервилля) [6]. Также несколько австралийских офицеров были прикреплены к Британской военной миссии в Сибири. После окончания Первой мировой войны австралийское правительство стремилось как можно быстрее вывезти все войска из России, оглядываясь на непростую внутриполитическую ситуацию в собственной стране. Так, в марте 1919 г. в Брисбене произошли столкновения между военными, вернувшимися с европейских фронтов, и социалистами, в том числе представителями русской общины. Тем не менее эти события не получили значимого развития, не повлияли на международные отношения и не ухудшили отношения с Лондоном.

Внутриполитический фактор повлиял и на позицию Канады в интервенции. Эта тема была подробно освещена в монографии Б. Исита (2010), по мнению которого участие канадских военных в интервенции было свернуто под давлением рабочего и профсоюзного движения внутри страны [14]. Я. Моффат подверг критике эту точку зрения, ставя Иситу в вину игнорирование собственно Гражданской войны в России [18]. В статье для *Journal of Slavic Military Studies* [20] Моффат не отрицает влияния интервенции в Россию на политические процессы в Канаде. Решение об отправке канадских солдат в Сибирь действительно было причиной образования профсоюза и проведения всеобщей забастовки в Виннипеге в 1919 году. Однако решение о выводе канадских войск из Сибири было принято только тогда, когда стало ясно, что большевики одерживают верх [20, р. 568]. Это оказало сильное влияние и на участие Великобритании в интервенции. Возможно, Моффат несколько преувеличивает значимость этого шага Канады, опуская другие причины сворачивания британских сил в Сибири. С его точки зрения, важнейшим последствием отказа Канады участвовать в интервенции было

формирование независимой от Лондона внешней политики. Таким образом, вмешательство союзников в Гражданскую войну в России «хотя и провалилось как операция, но оказало длительное и положительное влияние на Канаду как нацию» [20, р. 569].

Исследование участия Соединенных Штатов Америки в интервенции редко пополнилось в последние годы серьезными научными трудами. В историографии господствует мнение о большом влиянии США на общий ход интервенции. Р. Флейк отмечает, что «сдержанность и в конечном итоге нерешительная поддержка американского президента Вудро Вильсона отражали позицию всех партнеров по коалиции, которые не видели прямой выгоды для своих стран» [9, р. 550]. Сомнения американских властей осветил Г. Крич в статье о попытках русского промышленника П.П. Батолина уговорить Вашингтон начать «экономическое вмешательство» в Гражданскую войну [7]. Батолин считал, что «тысяча бушелей пшеницы... оказала бы большее политическое влияние, чем миллион слов» и призывал американцев распространять зерно среди крестьянского населения Вологодской и Ярославской губерний. По его замыслу, это подняло бы популярность союзников и нанесло бы по советской власти чувствительный удар [7, р. 75]. Однако Батолин не предложил четкого плана действий и не смог добиться личной встречи с Вильсоном. В конечном счете администрация президента не предприняла быстрых шагов по увеличению помощи России. Тем не менее, отмечает Крич, идеи «экономической интервенции» Вашингтон позднее не раз брал на вооружение, доставляя продовольствие, например, в Прибалтику и голодающее Поволжье [7, р. 79–80].

Заметной новинкой стала книга Дж. Нельсона об экспедиции «Полярный медведь» – американском экспедиционном корпусе в Северной России [21]. В сентябре 1918 г. 339-й пехотный полк прибыл в Архангельск. Британское командование направило полк для наступления на юг. После первоначальных успехов в октябре 1918 г. наступление остановилось, а зимой части Красной армии нанесли несколько мощных контрударов. В июне 1919 г. большая часть экспедиционных сил была вывезена в США. Интересная и увлекательная, кни-

га Нельсона – скорее историческое эссе с минимальным привлечением источников и литературы. Как и в случае с вышеупомянутыми книгами Д. Райта и Р. Уилоха, это издание рассчитано на массовую аудиторию, не знакомую с «приключениями» американских солдат в далекой России. При этом Американский экспедиционный корпус «Сибирь» уже давно не привлекает внимание исследователей, и столетие Гражданской войны в России не изменило ситуацию. Можно упомянуть лишь статью Д. Хауза для спецвыпуска *Journal of Slavic Military Studies*, в которой кратко охарактеризовано американское участие в интервенции и повторяется популярный вывод о ее «оглушительном провале» [13].

В то же время заметно активизировались исследования дальневосточного театра интервенции. Значимым событием стало появление в 2011 г. монографии П. Данскомба «Японская интервенция в Сибирь, 1918–1922 гг.». Автор не ограничился изложением военной кампании, но провел большое исследование внешней и внутренней политики Японии в этот период. В частности, освещены оживленные дискуссии в японском обществе о целесообразности вмешательства в российскую Гражданскую войну, показаны противоречия в правительстве и влияние вывода английских, французских и американских войск на позицию Токио. Данскомб отмечает, что японская интервенция часто рассматривалась современниками и историографией как «почти причудливое явление, возникшее в результате множества разрозненных событий» [8, р. 214]. Автор, напротив, считает, что интервенция в России «представляет собой важное “недостающее звено” в развитии японского империализма и внутривосточных институтов» [8, р. 214]. П. Берингер в статье о разведывательной деятельности американских железнодорожных экспертов в Сибири и Маньчжурии в 1917–1922 гг. отметил, что успех Вашингтонской конференции в сочетании с «неоднократными неудачами военных в достижении победы на российском Дальнем Востоке» вынудили японское правительство отказаться от поддержки экспансии в Маньчжурии [3, р. 367]. Однако провал японской интервенции в Сибири «не смог разубедить милитаристов в их основных убеждениях и методах», что

предвещало новые попытки экспансии и новые конфликты [3, р. 385].

Значительное внимание японской интервенции уделил И. Саблин в монографии, посвященной истории Дальневосточной республики (ДВР) [23]. Как отмечает автор, международное военное присутствие, которое сопровождало антибольшевистскую борьбу на Дальнем Востоке, «сделало ситуацию в регионе отличной от большинства других частей бывшей империи». Интервенция Японии «превратилась в катализатор оборонительного русского национализма, который не рассматривал большевиков в качестве главного врага» [23, р. 82]. Это работало против антибольшевистских сил и склоняло умеренных социалистов к компромиссу, так как многие из них «предпочитали единство российского государства гражданским свободам при контролируемом извне режиме» [23, р. 85]. И Саблин, и Данскомб называют этот «оборонительный национализм» одной из причин ухода японских войск с российского Дальнего Востока. В свою очередь, С.В. Гришачев и В.Г. Дацышен считают, что вмешательство Японии в Россию было «лишь одним из аспектов глобальных событий, совпавших с Первой мировой войной и послевоенным переустройством мира». Шаг Японии был «просто результатом ее неспособности точно понять направление развития и реалии российского общества». Токио сделал ставку на белых прежде всего потому, что они «пообещали выполнить ранее взятые финансовые, экономические и военные обязательства» [11, р. 149].

Результаты. Столетие Гражданской войны и военной интервенции в России прошло для зарубежной историографии в целом без особенных прорывов. В немногочисленных монографиях и статьях раскрываются новые детали принятия решений союзников по «русскому вопросу», отношения союзников, их тактика и стратегия. Часть потенциально интересных сюжетов (например, боевые действия британских и американских войск на Севере России) неоднократно упомянута в научно-популярных изданиях. Их появление отражает интерес зарубежного читателя к теме малоизвестной интервенции союзных армий в далекую Россию. Однако крупных научных трудов в «юбилейные» 2018–2021 гг.

практически не было, новейшие исследования по этому вопросу (как, например, труды Я. Моффата и П. Данскомба) появились ранее. В определенной степени это связано с общим падением исследовательского интереса к российской революции. Если «юбилей» 2017 г. еще привлек внимание историков, то на Гражданскую войну и интервенцию запада уже не хватило. Тем не менее эти сюжеты остаются перспективными из-за большого количества белых пятен и проблемных точек, значительного массива неисследованных архивных документов, а также в целом невысокого уровня кооперации отечественных и зарубежных историков в изучении этой драматичной эпохи в истории России. Наконец, тема не потеряет актуальность, так как иностранные интервенции – по-прежнему неотъемлемая часть международной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колоницкий, Б. И. От мировой войны к гражданским войнам (1917? – 1922?) / Б. И. Колоницкий // *Российская история*. – 2019. – № 1. – С. 3–24. – DOI: 10.31857/S086956870004216-8
2. Balbirnie, S. “A Bad Business”: British Responses to Mutinies Among Local Forces in Northern Russia / S. Balbirnie // *Revolutionary Russia*. – 2016. – Vol. 29, no. 2. – P. 129–148. – DOI: <https://doi.org/10.1080/09546545.2016.1243613>
3. Behringer, P. W. “Forewarned is Forearmed”: Intelligence, Japan’s Siberian Intervention, and the Washington Conference / P. W. Behringer // *The International History Review*. – 2016. – Vol. 36, no. 3. – P. 367–393. – DOI: <https://doi.org/10.1080/07075332.2015.1086887>
4. Bennett, G. Cowan’s War. The Story of British Naval Operations in the Baltic, 1918–1920 / G. Bennett. – London : Collins, 1964. – 254 p.
5. Bennett, G. Freeing the Baltic 1918–1920 / G. Bennett. – Barnsley : Pen and Sword Maritime, 2017. – 264 p.
6. Connor, D. Australia and Russia’s Civil War: Few Lessons to be Learned / D. Connor // *Journal of Slavic Military Studies*. – 2019. – Vol. 32, no. 4. – P. 564–566. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13518046.2019.1683980>
7. Creech, G. B. A Russian Businessman in Washington: P. P. Batolin and U.S. – Russian Relations in late 1918 / G. B. Creech // *Revolutionary Russia*. – 2020. – Vol. 33, no. 1. – P. 67–87. – DOI: <https://doi.org/10.1080/09546545.2020.1750126>
8. Dunscomb, P. E. Japan’s Siberian Intervention, 1918–1922: A Great Disobedience Against the People / P. E. Dunscomb. – Lanham : Lexington Books, 2011. – 264 p.
9. Flake, L. “Nonsense From the Beginning”: Allied Intervention in Russia’s Civil War at 100: Historical Perspectives From Combatant Countries / L. Flake // *The Journal of Slavic Military Studies*. – 2019. – Vol. 32, no. 4. – P. 549–552. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13518046.2019.1690189>
10. Fuller, H. Great Britain and Russia’s Civil War: “The Necessity for a Definite and Coherent Policy” / H. Fuller // *The Journal of Slavic Military Studies*. – 2019. – Vol. 32, № 4. – P. 553–559. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13518046.2019.1683976>
11. Grishachev, S. V. Allied Intervention in the Russian Civil War and Japanese Troops in Russia’s Far East, 1918–1922 / S. V. Grishachev, V. G. Datsyshen // *A History of Russo-Japanese Relations*. – Vol. 66. – Leiden ; Boston : Brill, 2019. – P. 137–151.
12. Holquist, P. Making War, Forging Revolution: Russia’s Great War and Revoution, 1914–1921 / P. Holquist. – Cambridge : Harvard University Press, 2002. – 384 p.
13. House, J. America and Russia’s Civil War: The Unknown Intervention / J. House // *Journal of Slavic Military Studies*. – 2019. – Vol. 32, no. 4. – P. 560–563. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13518046.2019.1683979>
14. Isitt, B. From Victoria to Vladivostok. Canada’s Siberian Expedition, 1917–19 / B. Isitt. – Vancouver : Toronto University Press, 2010. – 352 p.
15. Jevakhoff, A. La Guerre Civile Russe: 1917–1922 / A. Jevakhoff. – Paris : Perrin, 2017. – 688 p.
16. Klobas, M. Review of “Churchill’s Secret War with Lenin: British and Commonwealth Military Intervention in the Russian Civil War, 1918–20” by Damien Wright / M. Klobas // *Canadian Military History*. – 2019. – Vol. 28, no. 1. – P. 25–27.
17. Marie, J.-J. La Guerre Civile Russe (1917–1922) Armées paysannes, rouges, blanches et vertes / J.-J. Marie. – Paris : Autrement, 2015. – 280 p.
18. Moffatt, I. From Victoria to Vladivostok: Canada’s Siberian Expedition, 1917–1919 by Benjamin Isitt / I. Moffatt // *Canadian Military Journal*. – 2012. – Vol. 12, no. 3. – P. 78–79.
19. Moffat, I. The Allied Intervention in Russia, 1918–1920: The Diplomacy of Chaos / I. Moffatt. – London : Palgrave Macmillan, 2015. – 317 p.
20. Moffatt, I. Canada and Russia’s Civil War: From Chaos to Nationhood / I. Moffatt // *Journal of Slavic Military Studies*. – 2019. – Vol. 32, no. 4. – P. 567–569. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13518046.2019.1683983>
21. Nelson, J. C. The Polar Bear Expedition: The Heroes of America’s Forgotten Invasion of Russia, 1918–1919 / J. C. Nelson. – New York : William Morrow, 2019. – 320 p.

22. Rodrigo, J. *Comunidades Rotas. Una historia Global de las Guerras Civiles, 1917–2017* / J. Rodrigo, D. Alegre. – Barcelona: Galaxia Gutenberg, 2019. – 762 p.
23. Sablin, I. *The Rise and Fall of Russia's Far Eastern Republic, 1905–1922* / I. Sablin. – London, New York: Routledge, 2019. – 300 p.
24. Smele, J. D. *The "Russian" Civil Wars, 1916–1926: Ten Years that Shook the World* / J. D. Smele. – Oxford: Oxford University Press, 2016. – 423 p.
25. Smele, J. D. Robert Wieloch, Churchill's Abandoned Prisoners: The British Soldiers Deceived in the Russian Civil War / J. D. Smele // *European History Quarterly*. – 2019. – Vol. 49, no. 4. – P. 719–720. – DOI: <https://doi.org/10.1177/02F0265691419877354u>
26. Thatcher, I. D. *The "Russian" Civil Wars, 1916–1926: Ten Years that Shook the World*, by Jonathan D. Smele / I. D. Thatcher // *Canadian-American Slavic Studies*. – 2018. – Vol. 52, no. 4. – P. 478–479. – DOI: <https://doi.org/10.1163/22102396-05204005>
27. Ullman, R. H. *Anglo-Soviet Relations, 1917–21: Britain and the Russian Civil War, November 1918–February 1920*. Vol. 2 / R. H. Ullman. – Princeton: Princeton University Press, 1968. – 432 p.
28. Wade, R. *The Revolution at One Hundred: Issues and Trends in the English Language Historiography of the Russian Revolution of 1917* / R. Wade // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. – 2016. – Vol. 9, no. 1. – P. 9–38. – DOI: <https://doi.org/10.1163/22102388-00900003>
29. Wieloch, R. *Churchill's Abandoned Prisoners. The British Soldiers Deceived in the Russian Civil War* / R. Wieloch. – Havertown: Casemate, 2019. – 272 p.
30. Wright, D. *Churchill's Secret War With Lenin. British and Commonwealth Military Intervention in the Russian Civil War, 1918–20* / D. Wright. – Warwick: Helion and Company, 2017. – 576 p.

REFERENCES

1. Kolonitskii B.I. *Ot mirovoy voyny k grazhdanskim voynam (1917? – 1922?)* [From World War to Civil Wars (1917? – 1922?)]. *Rossiiskaya istoriya* [Russian History], 2019, no. 1, pp. 3–24. DOI: [10.31857/S086956870004216-8](https://doi.org/10.31857/S086956870004216-8)
2. Balbirnie S. "A Bad Business": British Responses to Mutinies among Local Forces in Northern Russia. *Revolutionary Russia*, 2016, vol. 29, no. 2, pp. 129–148. DOI: <https://doi.org/10.1080/09546545.2016.1243613>
3. Behringer P.W. "Forewarned is Forearmed": Intelligence, Japan's Siberian Intervention, and the Washington Conference. *The International History Review*, vol. 36, no. 3, pp. 367–393. DOI: <https://doi.org/10.1080/07075332.2015.1086887>

4. Bennett G. *Cowan's War. The Story of British Naval Operations in the Baltic, 1918–1920*. London, Collins Publ., 1964. 254 p.
5. Bennett G. *Freeing the Baltic 1918–1920*. Barnsley, Pen and Sword Maritime Publ., 2017. 264 p.
6. Connor D. Australia and Russia's Civil War: Few Lessons to Be Learned. *Journal of Slavic Military Studies*, 2019, vol. 32, no. 4, pp. 564–566. DOI: <https://doi.org/10.1080/13518046.2019.1683980>
7. Creech G.B. A Russian Businessman in Washington: P. P. Batolin and U.S. – Russian Relations in Late 1918. *Revolutionary Russia*, 2020, vol. 33, no. 1, pp. 67–87. DOI: <https://doi.org/10.1080/09546545.2020.1750126>
8. Dunscomb P.E. *Japan's Siberian Intervention, 1918–1922: A Great Disobedience Against the People*. Lanham, Lexington Books Publ., 2011. 264 p.
9. Flake L. "Nonsense From the Beginning": Allied Intervention in Russia's Civil War at 100: Historical Perspectives From Combatant Countries. *The Journal of Slavic Military Studies*. 2019, vol. 32, no. 4, pp. 549–552. DOI: <https://doi.org/10.1080/13518046.2019.1690189>
10. Fuller H. Great Britain and Russia's Civil War: "The Necessity for a Definite and Coherent Policy". *The Journal of Slavic Military Studies*, 2019, vol. 32, no. 4, pp. 553–559. DOI: <https://doi.org/10.1080/13518046.2019.1683976>
11. Grishachev S.V., Datsyshen V.G. Allied Intervention in the Russian Civil War and Japanese Troops in Russia's Far East, 1918–1922. *A History of Russo-Japanese Relations*, vol. 66. Leiden, Boston, Brill Publ., 2019, pp. 137–151.
12. Holquist P. *Making War, forging Revolution: Russia's Great War and Revolution, 1914–1921*. Cambridge, Harvard University Press, 2002. 384 p.
13. House J. America and Russia's Civil War: The Unknown Intervention. *Journal of Slavic Military Studies*, 2019, vol. 32, no. 4, pp. 560–563. DOI: <https://doi.org/10.1080/13518046.2019.1683979>
14. Isitt B. *From Victoria to Vladivostok Canada's Siberian Expedition, 1917–19*. Vancouver, Toronto University Press, 2010. 352 p.
15. Jevakhoff A. *La Guerre Civile Russe: 1917–1922*. Paris, Perrin Publ., 2017. 688 p.
16. Klobas M. Review of "Churchill's Secret War with Lenin: British and Commonwealth Military Intervention in the Russian Civil War, 1918–20" by Damien Wright. *Canadian Military History*, 2019, vol. 28, no. 1, pp. 25–27.
17. Marie J.-J. *La Guerre Civile Russe (1917–1922). Armées paysannes, rouges, blanches et vertes*. Paris, Autrement Publ., 2015. 280 p.
18. Moffatt I. *From Victoria to Vladivostok: Canada's Siberian Expedition, 1917–1919* by Benjamin

Isitt. *Canadian Military Journal*, 2012, vol. 12, no. 3, pp. 78-79.

19. Moffat I. *The Allied Intervention in Russia, 1918–1920: The Diplomacy of Chaos*. London, Palgrave Macmillan, 2015. 317 p.

20. Moffatt I. Canada and Russia's Civil War: From Chaos to Nationhood. *Journal of Slavic Military Studies*, 2019, vol. 32, no. 4, pp. 567-569. DOI: <https://doi.org/10.1080/13518046.2019.1683983>

21. Nelson J.C. *The Polar Bear Expedition: The Heroes of America's Forgotten Invasion of Russia, 1918–1919*. New York, William Morrow, 2019. 320 p.

22. Rodrigo J., Alegre D. *Comunidades Rotas. Una historia global de las guerras civiles, 1917–2017*. Barcelona, Galaxia Gutenberg, 2019. 762 p.

23. Sablin I. *The Rise and Fall of Russia's Far Eastern Republic, 1905–1922*. London, New York, Routledge Publ., 2019. 300 p.

24. Smele J.D. *The "Russian" Civil Wars, 1916–1926: Ten Years that Shook the World*. Oxford, Oxford University Press, 2016. 423 p.

25. Smele J.D. Robert Wieloch, Churchill's Abandoned Prisoners: The British Soldiers Deceived in the Russian Civil War. *European History Quarterly*,

2019, vol. 49, no. 4, pp. 719-720. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0265691419877354u>

26. Thatcher I.D. The "Russian" Civil Wars, 1916–1926: ten years that shook the world, by Jonathan D. Smele. *Canadian-American Slavic Studies*, 2018, vol. 52, no. 4, pp. 478-479. DOI: <https://doi.org/10.1163/22102396-05204005>

27. Ullman R.H. *Anglo-Soviet Relations, 1917–21: Britain and the Russian Civil War, November 1918 – February 1920. Vol. 2*. Princeton, Princeton University Press, 1968. 432 p.

28. Wade R. The Revolution at One Hundred: Issues and Trends in the English Language Historiography of the Russian Revolution of 1917. *Journal of Modern Russian History and Historiography*, 2016, vol. 9, no. 1, pp. 9-38. DOI: <https://doi.org/10.1163/22102388-00900003>

29. Wieloch R. *Churchill's Abandoned Prisoners. The British Soldiers Deceived in the Russian Civil War*. Havertown, Casemate Publ., 2019. 272 p.

30. Wright D. *Churchill's Secret War with Lenin. British and Commonwealth Military Intervention in the Russian Civil War, 1918–20*. Warwick, Helion and Company, 2017. 576 p.

Information About the Author

Igor K. Bogomolov, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Nakhimovsky, 51/21, 117997 Moscow, Russian Federation, bogomolov@inion.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8381-0284>

Информация об авторе

Игорь Константинович Богомолов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН, просп. Нахимовский, 51/21, 117997 г. Москва, Российская Федерация, bogomolov@inion.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8381-0284>

РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ: ЮГ РОССИИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.8>

UDC 94(47).084.3

LBC 63.3(2)612

Submitted: 08.09.2021

Accepted: 25.11.2021

**FEATURES OF THE DEVELOPMENT AND DISCUSSION
OF THE DRAFT LAND REFORM
IN THE WHITE SOUTH OF RUSSIA IN THE SUMMER – AUTUMN OF 1919**

Vasily Zh. Tsvetkov

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation;

Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov, Vladimir, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The history of the agrarian and peasant policy of the White Movement during the Civil War in Russia seems to be insufficiently studied. The stability of the military-political system, which was created by anti-Bolshevik structures, a Special Meeting under the Commander-in-Chief of the Armed Forces of the South of Russia, General Denikin, depended on its successful proclamation and effective implementation. The peasantry made up the majority of the Russian population, and its support was extremely important. This was also important for the white armies, since the position of the peasantry influenced the implementation of mobilizations, military and civil duties. *Analysis.* The analysis made it possible to identify several problems that are fundamentally important for understanding the features of the formation and evolution of the agrarian and peasant policy of the white South. There were two groups of participants in the discussion of the land bill. Their positions were distinguished by a different attitude to the size of the farms of former landlords, to the forms of redemption operations. Supporters of the preservation of large private farms advocated taking into account the economic factors associated with maintaining high marketability and export orientation. Another point of view was the need to satisfy, first of all, the political demands of the peasantry. Supporters of this group of participants in the work of the Commission noted the need to make maximum concessions to peasant demands, demanded to take into account the psychological need of the peasantry for additional allotment of land. In their opinion, in the future, peasants will be able to completely replace landlords in relation to the production of marketable agricultural products. The position of the Supreme Ruler of Russia, Admiral A.V. Kolchak, also played an important role in the work of land management commissions. *Results.* The analysis of the features of the discussion of the land bill, the agrarian and peasant policy of the Special Meeting conducted in the article gives grounds to assert serious changes in the internal political course of the White Movement by the end of 1919.

Key words: White Movement, Civil War in Russia, Agrarian and peasant policy, Special Meeting, A.I. Denikin, Land Management Commissions, V.N. Chelishchev, A.F. Lebedev.

Citation. Tsvetkov V.Zh. Features of the Development and Discussion of the Draft Land Reform in the White South of Russia in the Summer – Autumn of 1919. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 4, pp. 80-93. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.8>

ОСОБЕННОСТИ РАЗРАБОТКИ И ОБСУЖДЕНИЯ ПРОЕКТА ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ НА БЕЛОМ ЮГЕ РОССИИ ЛЕТОМ – ОСЕНЬЮ 1919 ГОДА

Василий Жанович Цветков

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Российская Федерация;
Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация

Аннотация. История аграрно-крестьянской политики Белого движения в период Гражданской войны в России представляется недостаточно изученной. От успешного ее провозглашения и эффективной реализации зависела устойчивость военно-политической системы, которая создавалась антибольшевистскими структурами, Особым Совещанием при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России генерале Деникине. Крестьянство составляло большинство населения России, и его поддержка была крайне важной. Это имело значение и для белых армий, поскольку позиция крестьянства влияла на выполнение мобилизаций, военных и гражданских повинностей. Проведенный анализ позволил выделить несколько проблем, принципиально важных для понимания особенностей формирования и эволюции аграрно-крестьянской политики белого Юга. Выделялись две группы участников обсуждения земельного законопроекта. Их позиции отличало различное отношение к размерам хозяйств бывших помещиков, к формам проведения выкупных операций. Сторонники сохранения крупных частновладельческих хозяйств выступали за учет экономических факторов, связанных с сохранением высокой товарности и ориентацией на экспорт. Другая точка зрения заключалась в необходимости удовлетворения в первую очередь политических запросов крестьянства. Сторонники этой группы участников работы Комиссии отмечали необходимость идти на максимальные уступки крестьянским запросам, требовали учитывать психологическую потребность крестьянства в дополнительном наделении землей. По их мнению, в будущем крестьяне смогут полностью заменить помещиков и в отношении производства товарной сельскохозяйственной продукции. Важную роль в работе землеустроительных комиссий играла также позиция Верховного Правителя России адмирала А.В. Колчака. Проведенный в статье анализ особенностей обсуждения земельного законопроекта, аграрно-крестьянской политики Особого Совещания дает основание утверждать о серьезных переменах во внутривнутриполитическом курсе Белого движения к концу 1919 года.

Ключевые слова: Белое движение, Гражданская война в России, аграрно-крестьянская политика, Особое Совещание, А.И. Деникин, Землеустроительные Комиссии, В.Н. Челищев, А.Ф. Лебедев.

Цитирование. Цветков В. Ж. Особенности разработки и обсуждения проекта земельной реформы на белом Юге России летом – осенью 1919 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 80–93. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.8>

Введение. Актуальность проблемы формирования и эволюции аграрно-крестьянской политики Белого движения состоит в том, что она представляется одной из центральных при изучении истории Гражданской войны в России. Поскольку от того, насколько действенным окажется разрабатываемый политический курс в отношении крестьянства, составлявшего большинство российского населения в целом и абсолютное большинство населения в регионах, контролируемых белыми правительствами, зависела в значительной степени устойчивость тыла, степень поддер-

жки Белого дела. В условиях острого военно-политического противостояния с советской властью белым правительствам необходимо было предложить альтернативный вариант решения земельных проблем начала XX столетия, добиться максимально возможной поддержки своей власти.

Новизна исследования состоит в недостаточной изученности данной проблемы. Хотя в настоящее время аграрно-крестьянская политика южнорусского Белого движения рассматривается полнее, чем тридцать лет назад, следует отметить, что еще не полнос-

тью проанализирован целый ряд принципиально важных проблем. Недостаточно внимания уделено социально-экономическим показателям сельского хозяйства в южнорусских губерниях при белых правительствах. Неполно рассмотрена работа созданных Особым Совещанием при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России генерал-лейтенанте А.И. Деникине (далее – ВСЮР) комиссий по составлению проекта земельного «Положения», призванного стать основой аграрной реформы.

Цель исследования – показать сложный и противоречивый процесс обсуждения базовых положений земельного законопроекта деникинского правительства. Для решения поставленной цели определены следующие задачи: проанализировать специфику предложений по законопроекту, выдвигаемых членами земельной комиссии; показать степень соотношения социально-экономических и партийно-политических, военных мотивов, влиявших на позиции членов комиссии; рассмотреть характер влияния всероссийской власти в лице Верховного правителя адмирала А.В. Колчака на формирование аграрно-крестьянской политики на белом Юге России в целом и на разработку земельного законопроекта в частности.

Методы и материалы. Основным методом при обращении к изучению данной тематики является метод историзма, рассматривающий происходившие события в их конкретно-временной и территориальной обусловленности и закономерности.

В отечественной историографии изучение аграрно-крестьянской политики Белого движения в целом и ее региональной специфики на белом Юге в частности начиналось еще в первые десятилетия после окончания Гражданской войны. Первыми авторами, анализировавшими принятые законопроекты по земельной реформе, были М. Мальт, Я. Шафир и Д. Кин. Общая оценка сводилась к тезису о реакционности земельного законодательства, о его направленности на восстановление в той или иной форме помещичьего землевладения [20; 23; 32]. На протяжении 1930–1980-х гг. аграрно-крестьянская политика деникинского правительства рассматривалась лишь в контексте общего внутривосточного

курса. Среди исследований, отражающих историю южнорусской контрреволюции и затрагивающих аграрно-крестьянский курс, следует выделить монографии Г.З. Иоффе, А.П. Алексащенко, Е.В. Иллерецкой, Н.Г. Думовой [1; 10; 17; 18]. Но и в этих работах детального анализа сделано не было, а преобладающая оценка сводилась по-прежнему к «реакционной сущности» и «реставрации помещичьих привилегий».

Новый этап в изучении аграрно-крестьянской политики деникинского правительства можно выделить с конца 1980-х – начала 1990-х годов. Это работы С.В. Карпенко, В.П. Федюка и В.Д. Зиминой [15; 19; 30]. Именно в этих исследованиях, по существу впервые в отечественной историографии, аграрно-крестьянская политика деникинского правительства рассматривалась как реальная, но несостоявшаяся альтернатива аграрной политике советской власти.

Необходимо отметить и первые диссертации, посвященные аграрно-крестьянской политике белых правительств. В частности, в 1996 г. состоялась защиты кандидатской диссертации С.В. Расторгуева по истории аграрной политики Российского правительства адмирала А.В. Колчака и автора данной статьи по аграрной политике правительств Деникина и Врангеля [28; 31].

В 2000–2010-е гг. растет внимание авторов к изучению политико-правовых, юридических аспектов проводимой деникинским правительством аграрно-крестьянской политики. Данное направление можно считать весьма перспективным, поскольку реституция земельных прав и их последующее обеспечение составляло немаловажный тезис всего внутривосточного курса белого Юга.

В этот период стали изучаться вопросы, связанные с определением статуса «захваченных» и «арендованных» земель, особенностями провозглашенных деникинским правительством этапов решения «аграрного вопроса». В публикациях по данной проблематике и защищенных диссертациях были использованы материалы по различным специальностям в юриспруденции [22; 25].

Интересны также и социально-политические, социально-психологические проблемы южнорусского крестьянства периода револю-

ции и Гражданской войны. Среди публикаций, отражающих данную тематику, можно привести работы П.Ф. Алешкина [2; 3]. Необходимо подчеркнуть и историографическую составляющую в изучении данной проблематики [4; 5].

Источники по теме исследования отличаются большими лакунами. Статистические сведения в условиях войны и разрухи собирались фрагментарно или не собирались вообще. Тем не менее, используя разные источники (в том числе и материалы периодической печати), представляется возможным составить относительно объективное представление об основных экономических показателях (посевные площади, урожайность основных сельскохозяйственных культур, вопросы продовольственного рынка, степень товарности хозяйств и др.).

По работе первой комиссии, под председательством главы Управления земледелия и землеустройства В.Г. Колокольцева, материалов сохранилось немного, но их достаточно много о работе комиссии под председательством преемника Колокольцева в должности главы Управления профессора А.Д. Билимовича [11]. Не утрачены также довольно подробные тексты протоколов заседаний Междуведомственной Комиссии для рассмотрения выработанного аграрно-землеустроительной комиссией проекта земельного положения (далее – Комиссия), частично рукописные, частично машинописные [12]. И, что не менее важно, сохранился достаточно объемный комплекс приложений к протокольным записям. Это – докладные, служебные, объяснительные записки участников работы комиссии, «особые мнения» и сообщения, раскрывающие особенности оценок в отношении основополагающих принципов разрабатываемой аграрной реформы.

В условиях войны и революции новых обследований сельскохозяйственных угодий, крестьянских надельных и бывших частновладельческих земель не проводилось и не могло проводиться по ряду причин (раздробленность бывших земских и новых советских структур, повстанческое движение, боевые действия в южнорусских губерниях, отсутствие на местах подготовленных специалистов и др.). Но сотрудники Комиссии опирались

на весьма представительные статистические материалы, сохранившиеся еще с предреволюционных времен.

Примечательно, что данные документальные материалы хранятся не в фондах Управления земледелия и землеустройства Государственного архива Российской Федерации, а в фондах Управления юстиции. Они оказались здесь не случайно. Глава Управления, известный российский юрист В.Н. Челищев, возглавлял Междуведомственную Комиссию и собирал, «по долгу службы», все материалы, относившиеся к рассмотрению земельного законопроекта.

Анализ. Детальный политико-правовой и социально-экономический анализ протоколов заседаний комиссии Билимовича – Челищева может стать предметом отдельной статьи или части монографии. В пределах данной статьи представляется возможным провести лишь общий анализ некоторых мнений, изложенных в ходе работы по обсуждению аграрного законопроекта. Они показательны с точки зрения отражения позиций, подчас противоположных, не только в отношении того, какую аграрно-крестьянскую политику следует проводить деникинскому правительству, но и в отношении оценок перспектив развития российской экономики, отечественного земледелия после окончания Гражданской войны в случае предполагаемой победы белых армий.

Как известно, аграрно-крестьянская политика советской власти, начиная с принятия в октябре 1917 г. II Всероссийским съездом советов «Декрета о земле», кардинальным образом изменила сложившуюся систему земельных отношений. Право частной собственности на землю было упразднено, а бывшие земли крупных частновладельческих имений оказались либо разделенными между крестьянскими хозяйствами, либо стали основой для создания советских хозяйств. Все коммерческие формы существования земельного рынка (денежная аренда, кредиты под залог земли, купля-продажа земельных участков и др.) были упразднены.

Белая власть исходила из существовавших в различных российских регионах особенностей реализации советской аграрно-крестьянской политики. Основополагающие принципы аграрно-крестьянской политики Белого

движения на Юге России были определены в так называемой «Декларации генерала Деникина о земле», опубликованной в марте 1919 года. Они сводились к трем задачам, которые предстояло решить в самое ближайшее время и которые, по сути своей, становились основой для разработки дальнейших проектов земельных преобразований. Это: «обеспечение сельскохозяйственного производства, сохранение принципа собственности и, по возможности, меньшее нарушение сложившихся в деревне взаимоотношений» [11; 24].

Конкретизируя вопрос о территориальных рамках исследования, следует отметить, что в данной статье понятие белого Юга вводится применительно к законопроектам, разрабатываемым для губерний, административно не входивших в казачьи земли (Область Всеволоцкого Войска Донского, Кубанского и Терского казачьих войск). Здесь действовало автономное земельное законодательство.

Схожие принципы выделялись и в опубликованной синхронно по времени, но написанной без непосредственного контакта с белым Югом, «Грамоте Верховного Правителя о земле» (26 марта 1919 г.). Адмирал А.В. Колчак гарантировал, что «все, в чем пользовании земля сейчас находится, все, кто ее засеял и обработал, хотя бы он не был ни собственником, ни арендатором, имеют право собрать урожай». При этом глава Всероссийской власти заявлял, что в дальнейшем «Правительство примет меры для обеспечения безземельных и малоземельных крестьян и на будущее время, воспользовавшись прежде всего частновладельческой и казенной землей, уже перешедшей в фактическое обладание крестьян». Предполагались: «передача земель нетрудового пользования трудовому населению, широкое содействие развитию мелких трудовых хозяйств без различия того, будут ли они построены на началах личного или общественного землевладения».

Но в отношении крестьянской земельной собственности делалось исключение: «земли, которые обрабатывались... силами семьи владельцев, – земли хуторян, отрубщиков, укрепленцев, – подлежат возвращению их законным владельцам». Также и «впредь никакие самовольные захваты ни казенных, ни общественных, ни частновладельческих земель допускаться не будут» [16, с. 5–6].

Позиция Российского правительства адмирала Колчака по аграрно-крестьянской политике оказалась весьма важной для белого Юга, поскольку в этой сфере внутривнутриполитического курса Деникин и Особое Собрание обязаны были следовать в «фарватере» именно этих, «верховных», «всероссийских» предписаний. Но, как отмечалось выше, принципиальной разницы в декларируемой внутривнутриполитической программе между южнорусским Белым движением и Белым движением на Востоке России не было.

Поэтому следует отметить два более существенных стратегических направления, в соответствии с которыми, согласно представлениям общественности белого Юга, следовало развивать российское сельское хозяйство в обозримом будущем. Эти направления не озвучивались официально, но именно они достаточно четко прослеживаются в различных документальных свидетельствах, связанных с обсуждением земельного законопроекта летом – осенью 1919 года. Условно можно обозначить их так – «социально-экономическое» и «социально-политическое».

В первом случае насущной потребностью признавалось соблюдение сугубо экономических интересов, а перспективы восстановления и последующего развития земледелия связывались с относительно крупным частновладельческим хозяйством, способным производить товарную продукцию.

Сторонники второго направления высказывались за приоритеты в решении общественно-политических задач, за то, чтобы в первую очередь обеспечить поддержку белой власти со стороны большинства крестьянства. Поэтому перспективы экономического порядка, по их мнению, были второстепенны, а господствующими среди крестьянства могли стать средне- и малоземельные хозяйства. Примечательно, что «ставка на середняка» возникла почти одновременно и у представителей Белого дела, и у советской власти (достаточно вспомнить о решениях, направленных на поддержку середняцких хозяйств, принятых VIII съездом РКП(б) в марте 1919 г.).

Поэтому серьезной и весьма сложной (в условиях гражданской войны, острого политического противостояния и экономическо-

го кризиса) проблемой становилась возможность сочетания в приемлемой и обоудовыгодной форме двух этих направлений. В этой статье представляется необходимым рассмотреть данный вопрос более подробно.

Одними из первых о приоритете политики над экономикой заявили военные. Это не было случайностью, поскольку именно они сталкивались с конкретными ожиданиями крестьянства губерний, занимаемых ВСЮР во время «похода на Москву». Представители военного командования довольно четко представляли степень поддержки крестьянами белой власти и ее политики (через отношение к мобилизациям, различным повинностям в пользу фронта и т. д.). Позицию военных хорошо отражал секретный рапорт (от 8 августа 1919 г.) на имя Главкома ВСЮР от командующего Добровольческой армией генерал-лейтенанта В.З. Май-Маевского (он же осуществлял высшую гражданскую власть в статусе Главноначальствующего Екатеринославской, Харьковской, Полтавской и Курской губерний) и переданный Челищеву в комиссию «по рассмотрению земельного положения».

Май-Маевский писал, что «население с нетерпением ожидает издания нового аграрного закона, долженствующего разрешить один из самых больших вопросов текущего момента – обеспечения крестьян землей». Но вместо долгожданного земельного законодательства в Харьковской губернии, например, крестьяне вовлечены в арендные отношения с вернувшимися в свои деревни и имения землевладельцами. Ставки аренды слишком высоки, а неустойчивость рубля влияет на рынок и не способствует росту сделок по купле-продаже земли. Экономическая нестабильность угрожает тылу ВСЮР, но гораздо опаснее возможное политическое недоверие крестьянства. Поэтому, «в целях предотвращения политических осложнений», генерал предлагал «срочно рассмотреть неотложные вопросы»: «1. О немедленной постановке на обсуждение Особого Сопределения проекта земельного закона; 2. О скорейшем открытии деятельности Землеустроительных Комиссий и 3. О незамедлительном учреждении отделений Государственного Земельного Банка для производства операций, направленных на урегулирование земельных отношений...».

Характерно, что Май-Маевский призывал «правительство, по соображениям политическим... приступить к подготовительным работам по отчуждению земли до первого снега, дабы... ясно показать, что Добровольческая Армия твердо стоит на страже интересов трудового народа и намерения ее непоколебимы. В противном случае, если населению не будут даны реальные доказательства искренности Правительства, в виде издания земельного закона, хотя бы временного, и открытого приступа к землеустроительным работам, то катастрофа... неизбежна» [27].

Примерно в это же время о важности политического подхода к земельному вопросу писал в своих «замечаниях на проект земельного положения» (22 июля 1919 г.) член ЦК кадетской партии, известный юрист, профессор Петроградского университета П.П. Гронский. С первых же строчек документа он заявлял, что «земельный вопрос в данный исторический момент является в гораздо большей степени вопросом политическим, нежели социально-экономическим... нет никакого сомнения, что популярность правительства находится в зависимости от популярности его земельной программы...». Гронский считал, что в «будущей земельной реформе» в принципе возможно сочетание социально-экономического и социально-политического направлений. Реформа «должна идти по равнодействующей, которую будут образовывать две силы: интерес крестьянского населения и крестьянского хозяйства, и нужды, и интересы сельского хозяйства и сельскохозяйственной культуры».

В связи с этим актуальным представлялся вопрос о максимальных и минимальных размерах частновладельческого (по существу – помещичьего) хозяйства. Бывшие помещичьи хозяйства должны были быть восстановлены, но их размеры, порядок их функционирования не могли стать прежними, дореволюционными. С точки зрения Гронского, «для устойчивости земельных отношений на местах и привлечения симпатий крестьянского населения к новой власти едва ли целесообразно восстановление помещичьего землевладения в крупных, сравнительно, размерах (до 6 000 десятин), а при условии изъятия от отчуждения лесов, лугов и культурных хозяйств, и в размерах свыше 1 000 десятин...

Для целого ряда уездов средней полосы России применение проекта означало бы почти полное восстановление помещичьего землевладения, и не трудно... представить себе, насколько мало популярна была бы такая мера среди местного крестьянского населения...» [9].

Но если Гронским только высказывалось пожелание о приоритете крестьянских интересов перед частновладельческими – помещичьими в предполагавшейся земельной реформе, то известным русским ученым-почвоведом, профессором Донского сельскохозяйственного института А.Ф. Лебедевым был составлен гораздо более развернутый доклад – обоснование не только политической, но и экономической целесообразности радикальных аграрно-крестьянских преобразований. Точной датировки документа нет, но можно предположить, что он написан не позднее ноября 1919 г., после того, как основные положения проекта земельной реформы были опубликованы.

К этому времени комиссией Билимовича – Челищева уже был разработан аграрный законопроект и его положения опубликованы в ростовской газете «Парус» [14]. Не проводя полный анализ данного законопроекта, следует отметить высказанные осенью 1919-го мнения и оценки, сопровождавшие его обсуждение и публикацию.

Профессор Лебедев начинал свой доклад с напоминания «первого исторического факта, с которым законодатель в настоящий момент должен считаться: “малоземелье огромного количества мелких сельских хозяев – крестьян... то есть такое положение мелкого хозяйства, когда находящееся в его распоряжении количество земли не может в необходимой мере удовлетворять потребности хозяйства, корма и расходы на инвентарь и т. п. как промышленной организации, и хозяина (и его семьи) как хозяйствующего субъекта”».

«Малоземельность» по экономическим параметрам, по мнению Лебедева, становилась причиной социально-политических и даже социально-психологических изменений в крестьянской среде. Для определения этого состояния профессор предлагал оригинальный, но довольно точный термин – «земельный психоз». В этом состояло «второе положение», которое следовало учесть деникинскому пра-

вительству «при разрешении земельного вопроса». «Малоземелье, как чисто хозяйственный факт, преломляясь в психике хозяина, выливается в острую тягу к земле. “Кормилицаматушка”, “землицы бы” – постоянные вздохи о земле приходилось слышать еще задолго до войны... народ ищет и ждет правду, и та власть положит начало возрождению России, которая принесет ему правду о земле. Необходимо понять, что для народа земля не просто место приложения труда, не объект купли-продажи, но что она слилась с его бытом и здесь сила и острота аграрного вопроса...». Этот психологический, даже «психический» настрой крестьянства очень сильно влиял на низкую эффективность попыток интенсифицировать хозяйство, повысить производительность сельского труда и производительность земли без дополнительного увеличения обрабатываемой площади.

И, наконец, «третье положение», по мнению Лебедева, это, все та же, упомянутая выше, «политическая его сторона». Так как «удовлетворение земельной нужды властью, стоящей на почве национального возрождения России, ослабило бы в значительной мере влияние анархических и антинациональных элементов и привлекло бы на сторону власти значительное количество населения».

Отнюдь не оправдывая положение, при котором в обширном по территории Российском государстве, «в стране с весьма редким населением ощущается острое малоземелье» (в отличие от противоположной ситуации в Европе), Лебедев полагал, что причины этого в ошибках правительственного курса, проводившегося в России еще после отмены крепостного права. Явно не хватало: доступного для земледельцев кредита на покупку земли, продуманной колонизационной политики и должного «народного просвещения». Из-за нехватки земли и, одновременно, большого спроса на нее, росла земельная аренда, при которой арендодатель-помещик мог сильно завышать плату за пользование землей, а арендатор-крестьянин был вынужден принимать такие условия. Росла и земельная спекуляция.

В результате стала неизбежной производившая революционная ломка земельного порядка, которую нельзя было не учитывать деникинскому правительству.

Профессор выделял в качестве первого приоритета снижение предполагавшихся в аграрном законопроекте комиссии Билимовича – Челищева показателей неотчуждаемой земельной площади у землевладельцев (от 150 до 400 десятин) до показателей 75–200 десятин. Это уменьшение привело бы к росту объема земельного фонда, подлежащего отчуждению у бывших помещиков и предназначенного для наделения крестьян, на 10 млн десятин (по проекту комиссии объем фонда должен был составить 26 млн десятин). Сокращение, при таком показателе, крупных и средних частновладельческих хозяйств Лебедев полагал неизбежным и не опасался этого, поскольку в условиях хозяйственной разрухи и элементарной опасности для жизни бывшего помещика (в случае возвращения в родовое имение) его «бегство из деревни» стало частым явлением.

Оставшаяся в распоряжении землевладельца площадь (то есть 75–200 десятин) считалась вполне достаточной для того, чтобы вести на ней «крепкое фермерское хозяйство», в котором «помимо рабочих, в работе участвует и сам хозяин с силами своей семьи. Опасения, связанные с сокращением земельной площади и падением, вследствие этого, товарности частновладельческого хозяйства, представлялись Лебедеву не вполне оправданными. По его расчетам, «крестьянское хозяйство значительно полнее использует свою территорию, чем частновладельческое. А по подсчетам профессора-аграрника А.Н. Челинцева, также участвовавшего в работе земельной комиссии Билимовича – Челищева, «единица площади владения (а не пашни) в крестьянских хозяйствах производит продуктов полеводства не меньше, чем таковая же единица в хозяйствах частновладельческих».

Экстенсивный путь развития крестьянских хозяйств, за счет увеличения распаханых территорий, признавался Лебедевым неизбежным, но все же временным явлением. Ради достижения политических целей, устранения «земельного психоза» дополнительное наделение крестьян землей было оправдано. Лебедев был убежден в том, что дополнительное отчуждение у помещика земли не приведет к заметному снижению объемов товарного зерна (крестьянский «выход» на рынок

заменит частновладельческий). Но в перспективе 20–25 лет простое «увеличение площади мелких хозяйств» уже не решит проблем «земельного голода». И тогда проблема интенсификации крестьянского земледелия окажется снова актуальной. Профессор, тем не менее, был уверен, что к этому времени удастся, прежде всего, добиться переезда части сельского населения в города, на заводы. Положение оставшейся части крестьянства существенно облегчит развитие кооперации. Необходимым будет увеличение числа кредитных кооперативов, которые обеспечат финансовую поддержку крестьянских хозяйств на более выгодных условиях по сравнению с банковскими структурами. Производственная кооперация также способствовала бы интенсификации хозяйства. И крестьянский кооперативный сектор вполне мог обеспечить выращивание товарной сахарной свеклы и картофеля – культур, традиционно считавшихся типичными для помещичьих латифундий, не подлежавших отчуждению по проекту Билимовича – Челищева.

И неоспоримое значение, как считал Лебедев, имеет «широкое и солидное развитие в стране народного просвещения». «Я считаю долгом, – писал он, – предупредить власть, что в области народного просвещения... следует немедленно развить в этом отношении героические мероприятия. Если же время будет упущено, то через 20–25 лет в стране, под влиянием естественного прироста населения, вновь создастся сильнейшее малоземелие, а вместе с ним и неизбежные народные волнения и государственная катастрофа. Но тогда уже государство не в состоянии будет бороться с малоземелием экстенсивным путем, так как земельный фонд будет исчерпан. Необходимо путем просвещения народ поднять настолько, чтобы он мог бороться с надвигающимся малоземелием повышением производительности сельскохозяйственного труда» [8].

Показательна позиция гласного Харьковского губернского земства Н.Н. Ковалевского, работавшего в правительственных структурах Центральной Рады, сторонника «левых взглядов». Ради предотвращения «возможности новых взрывов и губительных потрясений нужно поступиться даже экономической целесообраз-

ностью». Поэтому, разработанные комиссией Особого Совещания нормы неотчуждаемой земельной площади должны ориентироваться на показатели так называемого «земского ценза» (200 десятин) и учитывать также «плодородие земли, густоту населения и степень малоземелия». Неотчуждаемый максимум составлял 250 десятин. Такая площадь земли «могла бы окупить приложение к ней сил интеллигентного хозяина и обеспечила бы ему нормальный заработок интеллигентного работника, дающий возможность, хотя бы и так, жить и воспитывать детей». Ковалевский полагал, что провозглашенная еще П.А. Столыпиным «опора на сильных», не имеет будущего. «Будет досыта удовлетворена потребность в земле 500–800 тысяч хозяев, а многие миллионы малоземельных крестьян будут еще острее, чем прежде, ощущать земельный голод». Можно и нужно «реанимировать общину» в качестве «незаменимого готового аппарата, который сможет технически облегчить неотложную очередную политическую задачу – возможно скорее передать в руки крестьян предназначенную к отчуждению землю» [21, с. 9].

Отчуждение частновладельческих земель следовало провести не безвозмездно, а посредством довольно оригинальной системы выкупных свидетельств. Ее предложил профессор Харьковского университета М.Н. Соболев. Финансовый аспект будущей земельной реформы был весьма важен, поскольку, помимо землеустроительной политики государства, не меньшее значение имел существовавший рынок купли-продажи земли. Соглашаясь с тезисом о недопустимости сохранения слишком высоких неотчуждаемых максимумов, Соболев считал нужным «широко использовать возможности покупок за наличные деньги, ибо у крестьян имеется в данное время большое количество денежных знаков. Таким покупкам следует дать преимущество. При этом государство должно получать наличные деньги в свою кассу, а бывшим собственникам должно выдавать выкупные свидетельства так же, как и в случаях покупок в кредит. Этим путем государство получит возможность извлечь из народного обращения несколько десятков миллиардов бумажных денег и тем самым создать благоприятную обстановку для будущей денежной реформы».

Но если крестьянам нужно было предложить покупку земли за бумажные деньги, то для бывших владельцев следовало вводить золотой эквивалент выкупных свидетельств. По мнению Соболева, это станет одним из элементов стабилизации не только финансовой системы будущего Российского государства, но и придаст дополнительный стимул земельному рынку [13].

Противники тех, кто отдавал приоритет «политическим интересам» при проведении земельной реформы, выдвигали целый ряд аргументов, среди которых преобладали именно социально-экономические факторы. Примечательна в этом отношении докладная записка, составленная в ноябре 1919 г. профессором Таврического университета Д.Д. Арцыбашевым. Он полагал, что вместо дальнейшего уменьшения размеров помещичьих имений, необходима их поддержка и защита. Для эффективного, «образцового» хозяйства нужен относительно большой размер земельной площади. Это объясняется следующими факторами. Во-первых, «при русских условиях, до полной перестройки всего сельскохозяйственного промысла, нет возможности вести хозяйство... на площадях меньше известной нормы». Расходы на приобретение сельскохозяйственной техники, без которой невозможно ведение эффективного производства, требуют и соответствующих доходов, а их можно получить только от крупных имений.

Во-вторых, «хозяйство не может обходиться без резервных площадей, каковыми являются не входящие в севооборот посеvy тимopheевки, люцерны, клевера (кормовые травы. – В. Ц.) или же более, или менее крупные площади естественных лугов. В засушливые и неурожайные годы эти резервы служат для поддержания нормального количества лошадей, волов, коров и т. д.». Тем самым существенно снижаются перспективы развития животноводства и крайне сложным становится введение многопольных севооборотов. «В виду изложенного, – отмечал профессор, – я считал бы невозможным идти на дальнейшее уменьшение максимумов. Кроме того... чрезвычайно большое количество имений будет пущено в продажу целиком и, таким образом, за теми, которые останутся, не-

обходимо оставить ту площадь, при которой они могли бы существовать» [6].

Интересное мнение высказывалось в развернутом «особом мнении», подписанном членами землеустроительной Комиссии, профессором Казанского университета юристом М.И. Догелем (до настоящего времени считается, что он покинул Россию сразу же после 1917 г.) и агрономами Г.Г. Карповым и А.И. Шеншиным. С первых же строк четко обозначалась позиция авторов: «Даже поголовный переход всех земель в крестьянские руки даст совершенно ничтожные результаты в смысле увеличения их землевладения. Процесс эволюционного перехода земель к крестьянам (то есть посредством добровольных земельных сделок. – *В. Ц.*) зашел уже чересчур далеко, чтобы весьма небольшие остатки земель сельскохозяйственного пользования, принадлежащие другим владельцам, могли бы дать в этом направлении заметные результаты».

Мелкое землевладение отнюдь не решит проблем с товарностью земледелия. Напротив, «незначительные участки земли на каждого владельца в виде неотчуждаемых максимумов недостаточны для ведения интенсивного капиталистического хозяйства... таким образом уничтожаются большие зерновые хозяйства Юга и Юго-Востока России, дававшие наиболее значительные партии хлеба для нашего экспорта и для продовольствия городов, уничтожается огромное количество хозяйств с многопольными севооборотами центрально-черноземных губерний, стоявших по уровню своей культуры и производительности неизмеримо выше окружающих крестьянских хозяйств. Уничтожается возможность открытия сахарных заводов на новых местах, так как необходимые для этого площади земли безвозвратно дробятся и переходят в руки крестьян, совершенно непривычных в этих местах к культивированию свеклы. Наносится решительный удар русскому овцеводству, столь необходимому для обеспечения русской армии своим сукном».

Но не менее важным являлся социально-психологический аспект предполагаемой реформы. Если профессор Лебедев считал крайне опасным «земельный психоз», сформировавшийся у немалой части крестьянства в отношении дополнительного получения зем-

ли, то авторы «особого мнения» не менее категорично заявляли о безусловно негативном восприятии отчуждения земли теми, кто сражался в рядах Добровольческой армии за «законность и порядок». Ведь принимаемые меры, по сути, не отличались от большевистского «черного передела».

Наконец, в случае предполагаемого земельного перераспределения нет гарантии того, что земля окажется в «нерусских» руках, а это приведет уже не только к экономическим, но и политическим последствиям, так как государственные интересы требуют сохранения стабильности в стране, опоры не на «международный капитал», а на подлинные «национальные силы».

Авторы «особого мнения» не отрицали необходимости ограничений в отношении землевладельцев, которые готовы были на «жертвы». Но подобные потери должны были оправдываться подлинными экономическими и социальными интересами. «Никакая хозяйственная деятельность немислима вне укрепления основ права частной собственности. Широкое принудительное отчуждение, предпринятое притом из политических соображений, явится огромным гибельным потрясением этого устоя, на котором должно строиться хозяйственное здание возрождавшегося государства».

В качестве альтернативы сокращению земельных владений авторы предлагали применить принцип “принудительного отчуждения” лишь к тем хозяйствам, которые не смогут “восстановиться в достаточно продолжительный срок”. При этом особо важным считалось, “чтобы наравне с мелкими земледельческими участками насаждались и более крупные хозяйства, и среди них хозяйства фермерского типа... желательно было бы, чтобы эти участки предоставлялись лицам, зарекомендовавшим себя своей патриотичностью и стойкостью... попали бы в русские руки” [26].

Своеобразным эпилогом в изложении позиции противников «радикальных» земельных преобразований стала докладная записка (от 16 ноября 1919 г.) Совета Всероссийского Союза земельных собственников, лейтмотивом которой был следующий тезис: «если в условиях сельскохозяйственной России уничтожение большинства частновладельческих

хозяйств неизбежно поведет к резкому понижению производства сельскохозяйственных продуктов, к значительному сокращению поступления их на рынок и к полной невозможности заграничного их вывоза (а таковы будут экономические последствия предполагаемой реформы), то последующий экономический кризис, окончательный финансовый крах и обнищание сельского населения и голодовки городского – создадут такую политическую обстановку, при которой ни на какое успокоение рассчитывать не приходится» [7].

Результаты. Подводя итог проведенному анализу различных предложений по разработке аграрного законопроекта в рамках работы Комиссии Особого Совещания, можно сослаться на примечательный вывод Челищева, сделанный им уже в Зарубежье в июне 1928 года. В краткой записке, предваряющей передаваемые им в архив материалы по подготовке земельной реформы в 1919 г., он признавал явный приоритет политики над экономикой, хотя и все остальные перспективы развития страны нельзя было не учитывать. Как уже отмечалось в начале статьи, Челищев подчеркивал, что «между составителями проекта ясно обозначалась борьба двух направлений: политического и экономического, причем побеждало последнее. Теперь кажется странным, как в Екатеринодаре и Ростове-на-Дону в пылу борьбы, когда все внимание должно было быть обращено только на политику, ибо без хорошей политики не могло быть победы, так спокойно, с такой заботливостью о далеком будущем пытались разрешить жгучий спор для всей России, за которым стояли легенды, скрывалось столько душевной боли» [29].

Политика все же довлела над экономическими соображениями, что вполне объяснимо в условиях военно-политического противостояния в Гражданской войне в России.

В действительности также, помимо сугубо военного фактора (поражение белых армий осенью 1919 г. в «походе на Москву»), будущее разработанного законопроекта оказалось сомнительным еще и ввиду четкого указания, полученного от адмирала Колчака из Омска (телеграфное сообщение от 23 октября 1919 г.). Верховный Правитель отмечал: «Я считаю недопустимой земельную по-

литику, которая создаст у крестьянства представление помещичьего землевладения... Я одобряю все меры, направленные к переходу земли в собственность крестьян участками, в размерах определенных норм. Понимая сложность земельного вопроса и невозможность его разрешения до окончания Гражданской войны, я считаю единственным выходом для настоящего момента по возможности сохранять фактически создавшийся переход земли в руки крестьян, допуская исключения лишь при серьезной необходимости и в самых осторожных формах» [24].

Тем самым аграрно-крестьянская политика южнорусского Белого движения снова оказывалась в предписанных пределах «непредрешения» основных внутри- и внешнеполитических вопросов до момента «победы над большевизмом».

С источниковедческой точки зрения можно заключить, что сохранившиеся материалы обсуждения земельного законопроекта представляют значительный интерес в исследовательском отношении. Их дальнейший анализ и более активное введение в научный оборот станут весьма важными и актуальными при изучении истории революции и Гражданской войны в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексащенко, А. П. Крах деникинщины / А. П. Алексащенко. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1966. – 292 с.
2. Алешкин, П. Ф. Борьба за крестьянство в Гражданской войне в России: иллюзии Белого движения А.И. Деникина / П. Ф. Алешкин // Полиграфист. В помощь руководителю и главному бухгалтеру. – 2011. – № 52. – С. 52–58.
3. Алешкин, П. Ф. Борьба за народ в Гражданской войне: крестьянский вопрос в Белом движении / П. Ф. Алешкин, Ю. А. Васильев // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2017. – № 4. – С. 15–27. – DOI: <https://doi.org/10.17805/trudy.2017.4.9>
4. Бакланова, И. С. Белые власти Юга России и аграрный вопрос (по литературе Русского Зарубежья) / И. С. Бакланова // Вопросы истории. – 2019. – № 2. – С. 83–93. – DOI: <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii201912Statyi32>
5. Бакланова, И. С. Литература Русского Зарубежья о крестьянском вопросе в политике командования генерала А.И. Деникина / И. С. Бакланова

// Инновации в гражданской авиации. – 2019. – Т. 2, № 1. – С. 32–41.

6. Доклад профессора Арцыбашева по земельному вопросу // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 3435. – Оп. 1. – Д. 49. – 3 л.

7. Докладная записка Правления Временного Всероссийского Союза земельных собственников о разработке проекта земельного положения // ГАРФ. – Ф. 7042. – Оп. 1. – Д. 21. – 8 л.

8. Докладная записка профессора А. Лебедева на имя Председателя Земельной комиссии Особого Совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России // ГАРФ. – Ф. 7042. – Оп. 1. – Д. 6. – 24 л.

9. Документы Всероссийского Национального Центра. Записка профессора П.П. Гронского по земельному вопросу // Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына (ДРЗ). Библиотека-архив. – Ф. 7. – 5 л.

10. Думова, Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром / Н. Г. Думова. – М. : Наука, 1982. – 416 с.

11. Журналы заседаний Комиссии по земельному вопросу // ГАРФ. – Ф. 439. – Оп. 1. – Д. 51. – 20 л.

12. Журналы заседаний Межведомственной Комиссии, для рассмотрения, выработанного аграрно-землеустроительной комиссией проекта земельного положения // ГАРФ. – Ф. 7042. – Оп. 1. – Д. 1. – 94 л.

13. Записка профессора М.Н. Соболева по поводу проекта земельной реформы // ГАРФ. – Ф. 7042. – Оп. 1. – Д. 22. – 5 л.

14. Земельный законопроект // Парус. – Ростов н/Д. – 1919. – № 21-25, 28, 40, 41 (нояб.).

15. Зимина, В. Д. Белое движение в годы Гражданской войны / В. Д. Зимина. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1995. – 76 с.

16. Известия Министерства земледелия. – Омск. – 1919. – № 9–10, 15 (апр.). – С. 5–6.

17. Иллерецкая, Е. В. Аграрный вопрос: провал аграрных программ и политики непролетарских партий в России / Е. В. Иллерецкая. – М. : Наука, 1981. – 168 с.

18. Иоффе, Г. З. Крах российской монархической контрреволюции / Г. З. Иоффе. – М. : Наука, 1977. – 321 с.

19. Карпенко, С. В. Крах последнего белого диктатора / С. В. Карпенко. – М. : Знание, 1990. – 64 с.

20. Кин, Д. Деникинщина / Д. Кин. – Л. : Прибой, 1927. – 275 с.

21. Ковалевский, Н. Н. К проекту земельного положения. Особое мнение / Н. Н. Ковалевский. – Харьков : [б. и.], 1919. – С. 9.

22. Козлова, Е. А. Аграрное законодательство антисоветских государственных образований в годы Гражданской войны в России : автореф. дис ...

канд. юрид. наук / Козлова Елена Анатольевна. – Казань, 2012. – 15 с.

23. Мальт, М. Деникинщина и крестьянство / М. Мальт // Пролетарская революция. – 1924. – Т. 1 (24). – С. 130–144 ; Т. 4 (27). – С. 122–134.

24. Материалы по земельному вопросу. Телеграфное сообщение адмирала Колчака на имя генерала Деникина по аграрному вопросу // ГАРФ. – Ф. 5827. – Оп. 1. – Д. 105. – 30 л.

25. Медведев, В. Г. Аграрное законодательство генерала А.И. Деникина / В. Г. Медведев // Государство и право. – 2015. – № 8. – С. 86–94.

26. Особое мнение членов Межведомственной комиссии по рассмотрению земельного закона агронома-химика Г.Г. Карпова, профессора М.Ш. Догеля и ученого агронома А.И. Шенина о проекте земельного положения // ГАРФ. – Ф. 7042. – Оп. 1. – Д. 4. – 7 л.

27. Рапорт Главноначальствующего губерний Екатеринославской, Харьковской, Курской, Полтавской Главнокомандующему Вооруженными силами на Юге России о положении в Харьковской губернии // ГАРФ. – Ф. 7042. – Оп. 1. – Д. 12. – 3 л.

28. Расторгуев, С. В. Аграрная политика колчаковского правительства : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Расторгуев Сергей Викторович. – М., 1996. – 18 с.

29. Сопроводительная записка Председателя земельной комиссии Челишева в РЗИА в Праге // ГАРФ. – Ф. 7042. – Оп. 1. – Д. 44. – 3 л.

30. Федюк, В. П. Деникинская диктатура и ее крах / В. П. Федюк. – Ярославль : Изд-во Ярослав. гос. ун-та, 1990. – 72 с.

31. Цветков, В. Ж. Аграрная политика белогвардейских правительств Деникина и Врангеля (1919–1920 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Цветков Василий Жанович. – М., 1996. – 16 с.

32. Шафир, Я. Белогвардейцы и крестьянство / Я. Шафир. – М. ; Л. : Моск. рабочий, 1928. – 132 с.

REFERENCES

1. Aleksashenko A.P. *Krah denikinshchiny* [The Collapse of Denikinism]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 1966. 292 p.

2. Aleshkin P.F. *Bor'ba za krest'yanstvo v Grazhdanskoj vojne v Rossii: illyuzii Belogo dvizheniya A.I. Denikina* [The Struggle for the Peasantry in the Civil War in Russia: Illusions of the White Movement by A.I. Denikin]. *Poligrafist. V pomoshch' rukovoditel'yu i glavnomu buhgalteru*, 2011, no. 52, pp. 52-58.

3. Aleshkin P.F., Vasil'ev Yu.A. *Bor'ba za narod v Grazhdanskoj vojne: krest'yanskij vopros v Belom dvizhenii* [The Struggle for the People in the Civil War:

The Peasant Question in the White Movement]. *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta*, 2017, no. 4, pp. 15-27. DOI: <https://doi.org/10.17805/trudy.2017.4.9>

4. Baklanova I.S. Belye vlasti YUga Rossii i agrarnyj vopros (po literature Russkogo Zarubezh'ya) [White Authorities of the South of Russia and the Agrarian Question (According to the Literature of the Russian Abroad)]. *Voprosy istorii*, 2019, no. 2, pp. 83-93. DOI: <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii201912Statyi32>

5. Baklanova I.S. Literatura Russkogo Zarubezh'ya o krest'yanskom voprose v politike komandovaniya generala A.I. Denikina [Literature of the Russian Abroad on the Peasant Question in the Policy of the Command of General A.I. Denikin]. *Innovacii v grazhdanskoj aviacii*, 2019, vol. 2, no. 1, pp. 32-41.

6. Doklad professora Arcybasheva po zemel'nomu voprosu [Professor Artsybashev's Report on the Land Issue]. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii*, f. 3435, op. 1, no. 49. 31.

7. Dokladnaya zapiska Pravleniya Vremennogo Vserossijskogo Soyuza zemel'nyh sobstvennikov o razrabotke proekta zemel'nogo polozheniya [A Memorandum of the Board of the Provisional All-Russian Union of Land Owners on the Development of the Draft Land Regulations]. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii*, f. 7042, op. 1, d. 21. 81.

8. Dokladnaya zapiska professora A. Lebedeva na imya Predsedatelya Zemel'noj komissii Osobogo Soveshchaniya pri Glavnokomanduyushchem Vooruzhennymi silami na Yuge Rossii [A Memorandum by Professor A. Lebedev Addressed to the Chairman of the Land Commission of the Special Meeting under the Commander-in-Chief of the Armed Forces of the South of Russia]. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii*, f. 7042, op. 1, d. 6. 241.

9. Dokumenty Vserossijskogo Nacional'nogo Centra. Zapiska professora P.P. Gronskogo po zemel'nomu voprosu [Documents of the All-Russian National Center. Note by Professor P.P. Gronsky on the Land Issue]. *Dom russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna. Biblioteka-arhiv*, f. 7. 5 1.

10. Dumova N.G. Kadetskaya kontrrevolyuciya i ee razгром [The Cadet Counterrevolution and Its Defeat]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 416 p.

11. Zhurnaly zasedanij Komissii po zemel'nomu voprosu [Logs of Meetings of the Commission on the Land Issue]. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii*, f. 439, op. 1, do. 51. 201.

12. Zhurnaly zasedanij Mezhdudedomstvennoj Komissii, dlya rassmotreniya, vyrabotannogo agrarno-zemleustroitel'noj komissiej proekta zemel'nogo polozheniya [Logs of Meetings of the Interdepartmental Commission for Consideration of the Draft Land Regulations Being Developed by the

Agrarian and Land Management Commission]. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii*, f. 7042, op. 1, d. 1. 941.

13. Zapiska professora M.N. Soboleva po povodu proekta zemel'noj reformy [Note by Professor M.N. Sobolev on the Land Reform Project]. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii*, f. 7042, op. 1, d. 22. 51.

14. Zemel'nyj zakonoproekt [Land Bill]. *Parus*. Rostov-na-Donu, 1919, no. 21-25, 28, 40, 41 (noyabr').

15. Zimina V.D. *Beloe dvizhenie v gody Grazhdanskoj vojny* [The White Movement During the Civil War]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 1995. 76 p.

16. *Izvestiya Ministerstva zemledeliya* [News of the Ministry of Agriculture]. Omsk, 1919, no. 9-10 (15 apr.), pp. 5-6.

17. Illereckaya E.V. *Agrarnyj vopros: proval agrarnyh programm i politiki neproletarskih partij v Rossii* [The Agrarian Question: The Failure of Agrarian Programs and Policies of Non-Proletarian Parties in Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 168 p.

18. Ioffe G.Z. *Krah russijskoj monarhicheskoj kontrrevolyucii* [The Collapse of the Russian Monarchical Counterrevolution]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 321 p.

19. Karpenko S.V. *Krah poslednego belogo diktatora* [The Collapse of the Last White Dictator]. Moscow, Znanie Publ., 1990. 64 p.

20. Kin D. *Denikinshchina* [Denikinschina]. Leningrad, Priboj Publ., 1927. 275 p.

21. Kovalevskij N.N. *K proektu zemel'nogo polozheniya. Osoboe mnenie* [To the Draft Land Regulations. Special Opinion]. Har'kov, s. l., 1919, p. 9.

22. Kozlova E.A. *Agrarnoe zakonodatel'stvo antisovetskih gosudarstvennyh obrazovanij v gody Grazhdanskoj vojny v Rossii: avtoref. dis. kand. jurid. nauk* [Agrarian Legislation of Anti-Soviet State Formations During the Civil War in Russia. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Kazan', 2012. 15 p.

23. Mal't M. Denikinshchina i krest'yanstvo [Denikinism and the Peasantry]. *Proletarskaya revolyuciya*, 1924, vol. 1 (24), pp. 130-144; vol. 4 (27), pp. 122-134.

24. Materialy po zemel'nomu voprosu. Telegrafnoe soobshchenie admirala Kolchaka na imya generala Denikina po agrarnomu voprosu [Materials on the Land Issue. Telegraphic Message from Admiral Kolchak to General Denikin on the Agrarian Question]. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii*, f. 5827, op. 1, d. 105. 301.

25. Medvedev V.G. Agrarnoe zakonodatel'stvo generala A.I. Denikina [Agrarian Legislation of General A.I. Denikin]. *Gosudarstvo i pravo*, 2015, no. 8, pp. 86-94.

26. Osoboe mnenie chlenov Mezhdudedomstvennoj komissii po rassmotreniyu zemel'nogo zakona

agronoma-himika G.G. Karpova, professora M.Sh. Dogelya i uchenogo agronoma A.I. Shenina o proekte zemel'nogo polozheniya [Special Opinion of the Members of the Interdepartmental Commission for the Consideration of the Land Law of Agronomist chemist G.G. Karpov, Professor M.Sh. Dogelev and Scientist Agronomist A.I. Shenin on the Draft Land Regulations]. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii*, f. 7042, op. 1, d. 4. 71.

27. Raport Glavnachal'stvuyushchego gubernij Ekaterinoslavskoj, Har'kovskoj, Kurskoj, Poltavskoj Glavnokomanduyushchemu Vooruzhennymi silami na Yuge Rossii o polozhenii v Har'kovskoj gubernii [Report of the Commander-in-Chief of the Provinces of Yekaterinoslav, Kharkiv, Kursk, Poltava, Commander-in-Chief of the Armed Forces of the South of Russia on the Situation in the Kharkiv Province]. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii*, f. 7042, op. 1, d. 12. 3 l.

28. Rastorguev S.V. *Agrarnaya politika kolchakovskogo pravitel'stva: avtoref. dis. ... kand.*

ist. nauk [Agrarian Policy of the Kolchak Government. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Moscow, 1996. 18 p.

29. Soprovoditel'naya zapiska Predsedatelya zemel'noj komissii Chelishcheva v RZIA v Prage [Accompanying Note by the Chairman of the Chelishchev Land Commission in the RZIA in Prague]. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii*, f. 7042, op. 1, d. 44. 3 l.

30. Fedjuk V.P. *Denikinskaya diktatura i ee krah* [Denikin Dictatorship and Its Collapse]. Yaroslavl', Izd-vo Yaroslav. gos. un-ta, 1990. 72 p.

31. Cvetkov V.Zh. *Agrarnaya politika belogvardejskih pravitel'stv Denikina i Vrangelya (1919–1920 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Agrarian Policy of the White Guard Governments of Denikin and Wrangel (1919–1920). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Moscow, 1996. 16 p.

32. Shafir Ya. *Belogvardejcy i krest'yanstvo* [The White Guards and the Peasantry]. Moscow, Leningrad, Moskovskij rabochij Publ., 1928. 132 p.

Information About the Author

Vasily Zh. Tsvetkov, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor, Department of Modern Russian History, Moscow Pedagogical State University, Malaya Pirogovskaya St, 1, 119991 Moscow, Russian Federation; Professor, Department of Russian History, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov, Gorky St, 87, 600000 Vladimir, Russian Federation, tsvetcov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8053-7873>

Информация об авторе

Василий Жанович Цветков, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей отечественной истории, Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, 1, 119991 г. Москва, Российская Федерация; профессор кафедры истории России, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, ул. Горького, 87, 600000 г. Владимир, Российская Федерация, tsvetcov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8053-7873>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.9>

UDC 94(470.45)“1917/1920”:341.39
LBC 63.3(2P-4Bor)612-9

Submitted: 21.05.2021
Accepted: 15.09.2021

**FROM “RUSSIAN MANCHESTER” TO “RED VERDEN”:
TSARITSYN AND THE CIVIL WAR IN RUSSIA (1917–1920)
(BY THE MATERIALS OF THE PERIODICAL PRESS)**

Viacheslaw V. Cheremuchin

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. Introduction. The history of Tsaritsyn as a frontier is a unique example of urbanization, the struggle for which was both ideological and strategic. Since the Russian Revolution of 1917, the city has been under pressure from the ideological systems of the “fiery revolutionaries” of 1917, the Bolsheviks and their opponents in 1917–1920. **Methods.** Using the accumulated historiographical material, based on the material of the local periodical press, practically not put into circulation, an attempt is made to reconstruct the life of Tsaritsyn in 1917–1920. **Analysis.** The analysis revealed a number of important problems. The central problem of the city was the food issue, which reached a crisis stage under the influence of public criticism of the government’s actions to introduce food appropriation (1916) and was not resolved until the end of the war. The crisis, aggravated by revolutionary actions, introduced the public into (2) a spiritual crisis, which manifested itself in the unwillingness of people to participate in the activities of self-government. Fuel, crime, epidemiological and budgetary problems led to the breakdown of the urban economy and the lack of combat capability of the military. The capture of the city by the Whites in 1919 only worsened the urban economy. The public was in crisis and quickly panicked at reports of the threat of a fall in volunteer power. The return of the city to the leadership of the Red Army and the creation of an independent province with its center in Tsaritsyn led to the gradual restoration of the city on the basis of an industrial base established in the 19th century. **Results.** Research into the history of Tsaritsyn during the transition years has shown that radical transformations and the inconsistent policy of successive regimes led to the deformation of urban structures, bringing them into a state of permanent crisis. Only the end of hostilities and the establishment of a stable state course of development can provide the potential for the functioning of the city within the state.

Key words: Tsaritsyn, Volga region, Russian revolution, Civil war in Russia, history of the city, P.N. Wrangel.

Citation. Cheremuchin V.V. From “Russian Manchester” to “Red Verden”: Tsaritsyn and the Civil War in Russia (1917–1920) (By the Materials of the Periodical Press). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 4, pp. 94–103. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.9>

УДК 94(470.45)“1917/1920”:341.39
ББК 63.3(2P-4Bor)612-9

Дата поступления статьи: 21.05.2021
Дата принятия статьи: 15.09.2021

**ОТ «РУССКОГО МАНЧЕСТЕРА» К «КРАСНОМУ ВЕРДЕНУ»:
ЦАРИЦЫН И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ (1917–1920 гг.)
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ)**

Вячеслав Владиславович Черемухин

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. История городских структур в годы Гражданской войны в России является малоизученной темой. История Царицына представляет собой уникальный пример урбанизации, борьба за которую носила как идеологический, так и стратегический характер. Город начиная с момента Российской Революции 1917 г.

находился под давлением идеологических систем «пламенных революционеров», большевиков и их противников в 1917–1920 годах. Используя накопленный историографический материал с опорой на практически не введенный в оборот материал местной периодической печати, предпринимается попытка реконструкции жизни Царицына в 1917–1920 годах. Проведенный анализ выявил ряд важных проблем. Базовой проблемой города являлся продовольственный вопрос, вышедший в кризисную стадию под воздействием общественной критики действий министра земледелия А.А. Риттиха по введению продразверстки (1916 г.), но так и не решенный до конца войны. Усугубленный революционными действиями кризис ввел общественность в духовный кризис, проявившийся в нежелании людей приходить на городские выборы, а заботиться лишь о выживании. Топливные, криминогенные, эпидемиологические и бюджетные проблемы привели к расстройству городского хозяйства. События 1918–1919 гг., когда город несколько раз подвергался штурму и в итоге перешел под руководство Белого движения, ухудшили городское хозяйство, а прифронтовое положение 1919 г. фатально сказалось на настроениях общественности. Она оказалась в кризисе и быстро поддавалась панике при сообщениях об угрозе падения власти белых в декабре 1919 года. Лишь возвращение Царицына под руководство РККА привело к постепенному восстановлению города на основе промышленной базы, заложенной до революции. Исследование истории Царицына в переходные годы показало, что любые радикальные преобразования, а также непоследовательная политика сменявших друг друга режимов приводили к деформации городских структур, вводя их в состояние перманентного кризиса. Лишь окончание военных действий и установление устойчивого государственного курса развития для регионов способны дать потенциал для функционирования города в рамках государства.

Ключевые слова: Царицын, Поволжье, российская революция, Гражданская война в России, история города, П.Н. Врангель.

Цитирование. Черемухин В. В. От «Русского Манчестера» к «Красному Вердену»: Царицын и Гражданская война в России (1917–1920 гг.) (по материалам периодической печати) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 94–103. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.9>

Введение. Находившийся на территории Нижнего Поволжья город Царицын в начале XX в. (наряду с городом Иваново-Вознесенском Владимирской губернии) был одним из двух городов России, который претендовал на наименование «Русский Манчестер» [49]. Он не был схож со своим английским побратимом внешне, но был похож на него потенциалом развития.

В растянувшемся вдоль реки Волга на десять километров городе проживало, по разным данным, от 117 до 130 тыс. человек, приблизительно треть из которых принадлежали к пролетариату, а большая часть исповедовала православие [32, с. 71]. Развитая торговля и нахождение в центре торговых путей южной России делало этот город на Волге одним из крупнейших торговых центров. Здесь был важный железнодорожный узел, металлургический и оружейный заводы, действовали трамвай, телеграфная и телефонная связь [11, с. 92]. Все факторы в совокупности давали основания выдвигать Царицын на положение центра отдельной губернии.

Все изменила Гражданская война. Царицын стал центром губернии, которая превра-

тилась в место снабжения страны товарами, чтобы «красная» Москва могла справиться с голодом [31, с. 695, 706, 723, 729]. В последующие полтора года находившийся на острие внимания в политике противоборствующих сторон город и его жители стали свидетелями конфликта. Они оказались в эпицентре «большого эпизода грандиозного сражения» [10].

Наша цель состоит в реконструкции основных проблемных вопросов повседневной жизни городского населения в условиях революции и Гражданской войны, привлекая в первую очередь местную периодическую печать.

Методы и материалы. Методом исследования является анализ недостаточно введенного в оборот материала местной периодической печати, с помощью которого реконструируется повседневная жизнь жителей Царицына в 1917–1920 годах. События войны наложили серьезный отпечаток на сохранность документов. Используемые в исследовании материалы периодической печати найдены нами в Отделе газет и Отделе литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки (РГБ), а также в На-

учной библиотеке Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Большая часть использованных материалов периодической печати (газеты «Республиканец», «Волго-Донской край», «Голос Руси») были в хорошем состоянии, чему, вероятно, способствовала их сохранность в спецхранах во времена СССР, однако, часть газет («Царицынский вестник») не имеет полной подборки, находится в ветхом состоянии, что требует особо бережного отношения при работе с ними.

Анализ. За прошедший век историки пытались понять, что происходило с городом в переломные годы. Что заставляло исследователей обращаться к изучению города? Во-первых, фигура И.В. Сталина, который в 1918 г. находился на Нижней Волге в статусе руководителя Военного совета Северо-Кавказского военного округа [2; 12; 15]. Во-вторых, само стратегическое положение города, захват которого мог дать существенные преимущества победителю.

Французская исследовательница Н. Лоро в своем классическом труде попыталась понять, что происходит с сознанием горожан поселения, находящегося в условиях гражданского конфликта / войны (*stasis*). Изучая Афины V в. до н.э., историк, попытавшись увидеть город «вне политического», отметила принципиальную вещь – в условиях *stasis* он разделен на пространства, а война происходит на их стыке – на границе дома (семья) и города (политика) [33, с. 89]. Современный исследователь Дж. Агамбен, уверенный в отсутствии строгого научного диагноза для гражданской войны в политической теории, выразил формулу так: гражданская война «как порог, на котором семейные отношения реполитизируются», но она «вторгается, чтобы перекодировать в политических терминах семейные отношения». Он увидел гражданскую войну в теории Томаса Гоббса, дал анализ титульному листу его знаменитого «Левиафана», отметив, что в изображенном на одной из частей рисунка города нет жителей, а также отметил, что в сочинениях других мыслителей, таких как К. Шмитт и Ж.-П. Вернан, отмечалось, что в древности войны были не институтом для решения спорных вопросов, а аспектом «межсемейных обменов» [1, с. 33, 120]. Другой исследователь С. Каливас добавил,

что гражданская война «не просто политизирует частную жизнь», а наоборот, «она действует и в обратном направлении», делая политику «приватизированным» явлением, что порождает актуализацию личных и местных обид, выводя их в «насилие со смертельным исходом» [29, с. 659].

В условиях гражданской войны в России все ненамного отличается. Конфликт проходит на том же пограничье дома и города, но само пространство города отлично – *городские улицы буквально наводнены населением*. Здесь и военные – участники конфликта, и агитаторы, пытающиеся склонить пассивное население к принятию идеологии потенциального победителя, и мирные жители – чаще всего беженцы, которые волнами пытаются и попасть в город, и избежать долгого пребывания в нем, и местные жители, стремящиеся выживать в условиях коллапса городской экономики, политической нестабильности и боязни за жизнь.

Война за идеи в Царицыне развернулась уже в марте 1917 г., когда население с воодушевлением (что было типично для населения России в период торжества свободы, «пароля революции» [51, с. 103]) восприняло новость об отречении Николая II. Лишь настоятель Скорбященской церкви отец Яков Дорохов выступил против переворота и революции, за что был лишен свободы [14, с. 65]. Местное население напротив – поддержало революцию. 1 марта 1917 г. по инициативе членов военно-промышленного комитета (ВПК) в согласии с гласными городской думы был создан исполнительный комитет, а параллельно ему возникли и советы солдатских и рабочих депутатов [8, с. 73]. Гласные призвали горожан «сохранять... спокойствие для блага родины» [40].

Горожане начали жить в условиях революционного порядка. Первые призывы о помощи возникли у местной власти к государству. Прося о ссудах хозяйству, они каждый раз получали отрицательный ответ от правительства [42]. Комиссар министерства путей сообщения А.А. Бубликов вспоминал, что после революции страна начала жить словом «подай», ставшим главным кличем снизу [6, с. 98–103]. В апреле 1917 г. министерство финансов одобрило займы в пользу

крупных городов Юга, но Царицын не вошел в их число [50]. Городской голова отмечал, что городские доходы были крайне малы, не помогало даже повышение цен на коммунальные услуги [26; 41]. Расходы на социальные нужды подрывали бюджет города. Он предостерег гласных думы «от совершения шагов, ведущих к расстройству городского хозяйства» [39]. Министру финансов доложили, что «источники доходов... исчерпаны до последней крайности» [43].

Решение бюджетных проблем диктовалось усугублением насущных вопросов. Главный из них – продовольственный. Цены на продукты росли еще с момента введения в декабре 1916 г. системы продрозверстки. Местные рассуждали: «К развитию продовольственного вопроса... подходят не тем путем, на который указывался общественным метанием страны» [35]. Для временной стабилизации были установлены твердые цены, запрещен вывоз скота за пределы губернии, но это не помогало [19; 30]. Почти сразу после переворота с прилавков исчезло мясо [3], введены карточки на продажу масла, а для нормализации торговли было решено открыть торговую лавку на берегу Волги [13]. Происходили даже ревизии скота в волостях вблизи городской черты. Лишь вмешательство министра земледелия А.И. Шингарева остановило эти процессы [43].

Пока власть старалась всеми средствами решить нарастающие проблемы, революционные власти углубляли проблемы вокруг идейного «революционного дискурса», сводя к обсуждению и осуждению действий, мешающих развитию революции. Когда в мае 1917 г. городской совет рабочих и солдатских депутатов публично рассматривал вопрос об осуждении убийства местного деятеля В.В. Бояринцева, то заседание превратилось в митинг. Один из депутатов неутешительно подчеркнул: «в мартовские дни глаза граждан горели светом, а теперь люди сделались зверьми». Другой депутат поддержал его: «...обострилась партийная борьба... Разливается страстный партийный яд... Назревает анархия» [17].

В преддверие городских выборов, прошедших в августе того же года, духовный кризис подорвал доверие к и без того неини-

циативным местным деятелям. Мало того, что выборы перенесли с июля на август из-за опасности повторения большевистского выступления, так еще город был объявлен на военном положении и в него были введены военные части [11, с. 180–181]. Накануне выборов, совпавших с «Корниловским выступлением», сообщалось: «Выборы эти... пройдут в тусклой обстановке. Нет обычного оживления... Средний обыватель устал волноваться и бороться, способность реагировать на происходящее притупилась» [36]. Результаты кампании не заставили себя ждать – левые партии (большевики и меньшевики), шедшие в думу единым списком, одержали победу.

Осень 1917 г. проходила в атмосфере возвращавшихся проблем. Углубился продовольственный, дровяной и экономический кризис. Большевики могли прийти к власти мгновенно, но общественность их не поддержала, хотя местные органы власти фактически ими контролировались. Активисты вели кампанию под лозунгом Учредительного Собрания. Газеты обвиняли В.И. Ленина и его сторонников в разделе страны: «Россия разделена на две враждующих, непримиримых части – большевистскую Россию и небольшевистскую» [28]. Меньшевик назвал В.И. Ленина «калифом на час», большевиков «повстанцами» и был уверен, что переворот «лишь маленький эпизод истории судеб нашей революции и родины» [4].

В декабре большевики во главе с С.К. Мининим осуществили захват власти. Им пришлось действовать быстро, потому что бывший на Дону атаман А.М. Каледин мог предъявить свои претензии на город, о защите которого просила саратовская дума [11, с. 186]. Местные жители уже тогда жаловались, что власть большевиков основана на терроре даже в отношении пролетариата [23]. Рабочие сплотились и сумели организовать крупные забастовки. Одна из них – «мертвая» – парализовала транспортную систему [34]. Рабочие, отвечавшие за связь, попытались выдержать нейтралитет, но под давлением поддержали большевиков [7, с. 50]. За ними последователи остальные.

Пришедшие к власти большевики старались придерживаться принципов законности и уважения к политическим силам. Даже вес-

ной 1918 г., когда на соседних Кубани и Дону уже ширилось антисоветское движение, а территории Верхнего Поволжья готовились стать ареной «демократической революции» [47], в Царицыне выходило «Вольное Поволжье», в котором принимали участие разные политические группы.

События 1918 г. словно покрыты тайной. Очень трудно понять, как менялось экономическое положение города в силу отсутствия статистики, но нельзя однозначно сказать и в каком состоянии находилось продовольственное дело, а также, как менялись повседневные практики горожан. При этом в кризисе городского хозяйства сомневаться не приходится. В городе проходили митинги, лекции, концерты, работали курсы хорового и сольного пения и т. д. [11, с. 207]. И все же события вне городской черты определяли его внутренний облик. Для отражения нападения менялся не только облик красных, которые из толпы военных превращались в воинскую силу, но создавались отряды самообороны, строились фортификационные сооружения [2; 9; 54, с. 722].

Конец 1918 г. в Царицыне известен как первый этап открытого противостояния И.В. Сталина и Л.Д. Троцкого, в котором оказались замешаны крупные советские деятели. Историк Ш. Фицпатрик говорит, что в этот период стали появляться участники будущей «команды Сталина» [53, с. 35–80]. Однако события в партийной элите мало волновали горожан. Не знали горожане и о том, что среди большевиков работал тайный агент в советской армии бывший генерал А.Л. Носович, который пытался сдать город антисоветским силам [18].

Советские силы смогли сделать все, чтобы из обычного поселения Царицын мог на некоторое время вернуть признаки крепости. «Царицыну отводилась... важная политическая роль; ...он стал центром сосредоточения красно-партизанских сил всего юго-востока России» [11, с. 194]. Большевики смогли удерживать Царицын как от штурмов донских казаков, которые в последний раз повели широкомасштабное наступление в начале 1919 г., а также от нескольких атак, организованных подразделениями Кавказской Добровольческой армии. Здесь был «Красный Верден».

Лишь 17 (30) июня 1919 г. добровольцы захватили город. Генерал-майор В.Н. фон Дрейер писал: «Все население Царицына, без исключения, встретило войска с радостью и колокольным звоном, как своих избавителей. Все рабочие остались на местах и продолжали безостановочно работы» [52, с. 26]. П.Н. Врангель вспоминал: «Город Царицын... оказался в ужасном состоянии. Все мало-мальски состоятельное или интеллигентное население было истреблено, магазинов и лавок не существовало. ...Уже через несколько дней по нашем приходе город стал оживать. Улицы наполнились народом. С левого берега Волги понавезли всякой живности и зелени. Продукты быстро падали в цене. Постепенно стали открываться магазины» [16, с. 115]. В городе прошла торжественная встреча военных в кафедральном соборе, в город прибыл генерал А.И. Деникин, приняв здесь военный парад [52, с. 28–32]. Торжества не отменяли главного – Царицын оставался «проплеванным и загаженным» [44]. И тем не менее он стал местом пребывания и губернатора, и назначенного белыми «начальника города» [5; 27; 48].

Проблем в городе было много. Пока городская управа боролась за предоставление ссуд хозяйству, отдельные управления пытались побороть ухудшающуюся криминогенную обстановку (убийства происходили даже днем на городских рынках и базарах, а ограбления квартир прикрывались якобы проводившимися властью обысками) [38]. В городе свирепствовали тиф, холера, оспа, другие болезни [24; 25]. На этом фоне проходил конфликт между домовладельцами и квартирными хозяевами, которые не могли найти общий экономический знаменатель для найма квартир в городе [37], который к тому же усугубился расширением квартирного фонда [22]. Снабжение города было непостоянным. Одни продукты приходили по железной дороге с Кубани, другие доставлялись на лодках с другой стороны Волги. В город доставляли продукты питания, бакалею, домашние вещи и одежду [45; 46].

В ноябре – декабре 1919 г. под военным давлением РККА войскам ВСЮР пришлось спешно отступать. Атмосфера паники пришла в Царицын, особенно «поразительной и незабываемой» была картина на вокзале: «Мно-

жество здоровых, жизнерадостных, с крепкими нервами царицан, в отличных... шубах... с саквояжами... стремились попасть на поезда, дабы улизнуть от “красных” выстрелов...» [20]. Местные были «несчастливыми, терпеливыми и мягкотелыми» [21].

Царицын пал 3 января 1920 года. Население за годы войны уменьшилось – по всеобщей переписи 1920 г. здесь проживали 88 тыс. человек, а по данным за 1921 г. в городе и уезде население составляло лишь 112 тыс. человек [11, с. 224]. По статистике 1922 г., около трети населения города относились к голодающим. Голод 1920–1922 гг. сократил темпы восстановления хозяйства, но после городского хозяйства вновь начало оживать. Город возрождался вместе с государством.

Результаты. Всестороннее использование периодической печати позволило выявить наиболее тяжелые проблемные стороны городской жизни Царицына в 1917–1920 годах. Во-первых, развал общей системы управления после февральских событий 1917 г. привел к расстройству городского хозяйства. Проблемы нехватки продовольствия, дефицита городского бюджета, прекращение поставок сырья из других регионов происходили синхронно с политизацией общественной жизни и ростом преступности. Эти проблемы в целом характерны для всех годов Гражданской войны. Во-вторых, наличие стабильной политической власти (советской власти и режимов ВСЮР) на некоторое время давало городу возможность для постепенной нормализации повседневных практик горожан, однако, ситуации на фронтах не позволяли перейти к мирной жизни. В-третьих, в условиях постоянных боевых действий повседневные практики горожан сводились к поиску путей выживания и желанию верить «в лучшее» до самого конца (именно так можно объяснить, почему население готово было покинуть город в панике от приближения армии врага, но сразу стремилось вернуться к повседневной жизни, как только новости становились обнадеживающими). В-четвертых, военные действия не позволяли стабилизировать систему городского управления и экономической поддержки самоуправления со стороны властной вертикали.

Таким образом, состояние гражданской войны пагубно сказывалось на городском хо-

зяйстве, которое было способно начать мобилизацию своих ресурсов для восстановления упорядоченной жизни только с окончанием внутригосударственного конфликта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агамбен, Д. Stasis. Гражданская война как политическая парадигма / Д. Агамбен ; пер. с итал. С. Ермакова. – СПб. : Владимир Даль, 2021. – 191 с.
2. Анфертьев, А. И. «Для пользы дела мне необходимы военные полномочия»: к вопросу о взаимоотношениях И.В. Сталина, К.Е. Ворошилова и А.Е. Снесарева в 1918 г. / А. И. Анфертьев // Новейшая история России. – 2011. – № 2. – С. 50–56.
3. Без мяса // Царицынский вестник (Царицын). – 1917. – 30 апр. – № 5436. – С. 3.
4. Бович, А. Эпизодическая власть / А. Бович // Рабочая мысль (Царицын). – 1917. – 29 окт. – № 94. – С. 3.
5. Бокова, О. Н. Образование Царицынской губернии как административно-территориальной единицы РСФСР / О. Н. Бокова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых. – 2008–2009. – Вып. 7. – С. 119–122.
6. Бубликов, А. А. Русская революция: впечатления и мысли очевидца и участника / А. А. Бубликов ; вступ. ст. и коммент. В. М. Хрусталева. – М. : Кучково поле, 2016. – 224 с.
7. Булюлина, Е. В. Из истории учреждений связи Царицынской губернии (1917 – начало 1920-х гг.) / Е. В. Булюлина // Новый исторический вестник. – 2011. – № 1 (27). – С. 48–56.
8. Булюлина, Е. В. Партия и советы: история отстранения властных органов от власти / Е. В. Булюлина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2004. – Вып. 9. – С. 73–80.
9. В городской думе // Вольное Поволжье (Царицын). – 1918. – 1 (19) июня. – № 20. – С. 3.
10. Великая битва на границе Великороссии // Объединение (Киев). – 1919. – 3 (16) сент. – № 6. – С. 1.
11. Водолагин, М. А. Очерки истории Волгограда 1589–1967 / М. А. Водолагин. – М. : Наука, 1968. – 448 с.
12. Войтиков, С. С. Новейшая историография деятельности И.В. Сталина в годы Гражданской войны / С. С. Войтиков // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языковедение. Культурология. – 2017. – № 8 (29). – С. 122–129.
13. В продовольственной управе // Царицынский вестник (Царицын). – 1917. – 30 апр. – № 5436. – С. 3.

14. Воробьев, В. П. «Довольно братской крови»: Православная Церковь в Царицыне в 1917 г. / В. П. Воробьев // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. – 2020. – Вып. 96. – С. 62–71. – DOI: 10.15382/sturI202093.62-71
15. Воробьев, В. П. Советская историография революционных событий 1917 г. в Царицыне / В. П. Воробьев // Локус: люди, общество, культура, смыслы. – 2017. – № 3. – С. 53–60.
16. Врангель, П. Н. Воспоминания / П. Н. Врангель. – М.: Вече, 2014. – 496 с.
17. В совете рабочих и солдатских депутатов // Царицынский вестник (Царицын). – 1917. – 27 мая. – № 5457. – С. 3.
18. Ганин, А. В. Бывший генерал А.Л. Носович и белое подполье в Красной армии в 1918 г. / А. В. Ганин // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2017. – № 2 (9). – С. 6–34.
19. Городское продовольственное совещание // Царицынский вестник (Царицын). – 1917. – 18 февр. – № 5383. – С. 3.
20. Да будет вам стыдно! // Голос Руси (Царицын). – 1919. – 21 нояб. – № 77. – С. 1.
21. Долг каждого из нас // Голос Руси (Царицын). – 1919. – 28 нояб. – № 82. – С. 1.
22. Домовладельцы и квартиронаниматели // Неделимая Россия (Царицын). – 1919. – 29 июня. – № 9. – С. 2.
23. Жертвам большевистского террора // Волго-Донской край (Царицын). – 1917. – 22 дек. – № 262. – С. 2.
24. Заболеваемость // Голос Руси (Царицын). – 1919. – 4 сент. – № 3. – С. 2.
25. Заболеваемость по городу // Неделимая Россия (Царицын). – 1919. – 25 июля. – № 30. – С. 2.
26. Запрещение повышать квартирную плату // Царицынский вестник (Царицын). – 1917. – 27 мая. – № 5457. – С. 3.
27. Извещение // Голос Руси (Царицын). – 1919. – 31 авг. – № 4. – С. 1.
28. История повторяется // Волго-Донской Край (Царицын). – 1917. – 9 дек. – № 251. – С. 1.
29. Каливас, С. Логика насилия в Гражданской войне / С. Каливас; пер. с англ. Н. Алексеевой, С. Алексеева. – М.: Пятый Рим; Фонд «Историческая память», 2019. – 784 с.
30. К запрету вывоза мяса // Волго-Донской край (Царицын). – 1917. – 1 марта. – № 47. – С. 3.
31. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. Т. 36. Март – июль 1918 / В. И. Ленин. – М.: Изд-во полит. лит., 1974. – 741 с.
32. Литвинова, И. Н. Общество и Православная Церковь в тыловой провинции Первой мировой войны (на материалах г. Царицына Саратовской губернии) / И. Н. Литвинова, О. Ю. Редькина // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2018. – Вып. 82. – С. 68–83.
33. Лоро, Н. Разделенный город. Забвение в памяти Афин / Н. Лоро; пер. с фр. С. Ермакова. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 360 с.
34. Мертвая забастовка // Волго-Донской край (Царицын). – 1917. – 22 дек. – № 262. – С. 2.
35. На повороте // Волго-Донской край (Царицын). – 1917. – 26 февр. – № 45. – С. 2.
36. Накануне выборов // Республиканец (Царицын). – 1917. – 25 авг. – № 62. – С. 2.
37. Обязательное постановление Начальника Царицынского района // Голос Руси (Царицын). – 1919. – 30 окт. – № 58. – С. 1.
38. Ограбление // Неделимая Россия (Царицын). – 1919. – 29 июня. – № 9. – С. 3.
39. Особое мнение городского головы В.В. Клемова к протоколу заседания Царицынской Городской Думы 2 мая 1917 г. по вопросу об увеличении жалованья городским служащим // Царицынский вестник (Царицын). – 1917. – 16 мая. – № 5448. – С. 3.
40. Отклики страны // Приазовский край (Ростов-на-Дону). – 1917. – 4 марта. – № 59. – С. 3.
41. Отсутствие финансов у города // Царицынский вестник (Царицын). – 1917. – 24 мая. – № 5454. – С. 2.
42. Отсутствие финансов у города // Царицынский вестник (Царицын). – 1917. – 28 мая. – № 5458. – С. 3.
43. Охрана племенного скота // Царицынский вестник (Царицын). – 1917. – 30 апр. – № 5436. – С. 3.
44. Пора бы уж... // Неделимая Россия (Царицын). – 1919. – 12 июля. – № 19. – С. 1.
45. Поступление грузов // Голос Руси (Царицын). – 1919. – 7 сент. – № 11. – С. 2.
46. Поступление муки // Голос России (Царицын). – 1919. – 3 нояб. – № 62. – С. 4.
47. Прайсман, Л. Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге / Л. Г. Прайсман. – СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2015. – 536 с.
48. Приезд губернатора // Неделимая Россия (Царицын). – 1919. – 27 июня. – № 7. – С. 3.
49. Русский Манчестер // Волго-Донской край (Царицын). – 1917. – 25 февр. – № 44. – С. 3.
50. Ссуды городам // Вестник Временного Правительства (Петроград). – 1917. – 21 апр. (4 мая). – № 36 (82). – С. 2.
51. Туз, А. Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916–1931 гг. / А. Туз; пер. А. Гуськова; под науч. ред. Е. Антоновой. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. – 640 с.
52. Фон Дрейер, В. Н. Крестный путь во имя Родины. Двухлетняя война Красного Севера с Белым Югом. 1918–1920 года / В. Н. фон Дрейер. – Берлин: Тип. «Нейе Цейт», 1921. – 154 с.

53. Фицпатрик, Ш. Команда Сталина: годы опасной жизни в советской политике / Ш. Фицпатрик ; пер. с англ. Е. Варгиной. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2021. – 528 с.

54. Цветков, В. Ж. Белое дело в России: 1917–1919 гг. / В. Ж. Цветков. – М. : Яуза-Каталог, 2020. – 1056 с.

REFERENCES

1. Agamben D. *Stasis. Grazhdanskaya voyna kak politicheskaya paradigma* [Stasis. Civil War as a Political Paradigm]. Saint Petersburg, Vladimir Dal Publ., 2021. 191 p.
2. Anfertev A.I. «Dlia polzy dela mne neobkhodimy voennye polnomochiia»: k voprosu o vzaimootnosheniakh I.V. Stalina, K.E. Voroshilova i A.E. Snegareva v 1918 g. [“For the Good of the Cause, I Need Military Powers”: To the Question of the Relationship of I.V. Stalin, K.E. Voroshilov and A.E. Snegarev in 1918]. *Noveishaia istoriia Rossii* [Contemporary History of Russia], 2011, no. 2, pp. 50-56.
3. Bez miasa [No Meat]. *Tsaritsynskii vestnik (Tsaritsyn)* [Tsaritsynsky Bulletin (Tsaritsyn)], 1917, 30 Apr., no. 5436, p. 3.
4. Bovich A. Epizodicheskaia vlast [Episodic Power]. *Rabochnaia mysl (Tsaritsyn)* [Working Thought (Tsaritsyn)], 1917, 29 Oct., no. 94, p. 3.
5. Bokova O.N. Obrazovanie Tsaritsynskoi gubernii kak administrativno-territorialnoi edynitsy RSFSR [Formation of the Tsaritsyn Province as an Administrative-Territorial Unit of the RSFSR]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 9: Issledovaniya molodykh uchenykh* [Science Journal of Volgograd State University. Young Scientists' Research], 2008-2009, iss. 7, pp. 119-122.
6. Bublikov A.A. *Russkaya revolyutsiya: vpechatleniia i mysli ochevidtca i uchastnika* [Russian Revolution: Impressions and Thoughts of an Eyewitness and Participant]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2016. 224 p.
7. Buliulina E.V. Iz istorii uchrezhdenii sviazi Tsaritsynskoi gubernii (1917 – nachalo 1920-kh gg.) [From the History of Communications Institutions in the Tsaritsyn Province (1917 – Early 1920s)]. *Novyi istoricheskii vestnik* [New Historical Bulletin], 2011, no. 1 (27), pp. 48-56.
8. Buliulina E.V. Partiiia i sovety: istoriia otstraneniia vlastnykh organov ot vlasti [Party and Soviets: The History of the Removal of Power Bodies from Power]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriiya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. Young Scientists' Research], 2004, iss. 9, pp. 73-80.
9. V gorodskoi dume [In the City Council]. *Volnoe Povolzhe (Tsaritsyn)* [Free Volga Region (Tsaritsyn)], 1918, 1 (19) June, no. 20, p. 3.
10. Velikaia bitva na granitse Velikorossii [The Great Battle on the Border of Great Russia]. *Obieedinenie (Kiev)* [Union (Kiev)], 1919, 3 (16) Sept., no. 6, p. 1.
11. Vodolagin M.A. *Ocherki istorii Volgograda 1589–1967* [Essays on the History of Volgograd 1589–1967]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 448 p.
12. Voitikov S.S. Noveishaia istoriografiia deiatelnosti I.V. Stalina v gody Grazhdanskoi voyny [The Latest Historiography of I.V. Stalin During the Civil War]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kulturologiia* [Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Literary Criticism. Linguistics. Culturology], 2017, no. 8 (29), pp. 122-129.
13. V prodovolstvennoi uprave [In the Food Administration]. *Tsaritsynskii vestnik (Tsaritsyn)* [Tsaritsynsky Bulletin (Tsaritsyn)], 1917, 30 Apr., no. 5436, p. 3.
14. Vorobev V.P. «Dovol'no bratskoy krovi»: Pravoslavnaya Tserkov' v Tsaritsyne v 1917 g. [“Enough Brotherly Blood”: The Orthodox Church in Tsaritsyn in 1917]. *Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriiya* [Bulletin of PSTGU. Series II: History], 2020, iss. 96, pp. 62-71. DOI: 10.15382/sturII202093.62-71
15. Vorobev V.P. Sovetskaia istoriografiia revoliutsionnykh sobytii 1917g. v Tsaritsyne [Soviet Historiography of the Revolutionary Events of 1917. in Tsaritsyn]. *Lokus: liudi, obshchestvo, kultura, smysly* [Locus: People, Society, Culture, Meanings], 2017, no. 3, pp. 53-60.
16. Vrangel' P.N. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow, Veche Publ., 2014. 496 p.
17. V sovete rabochikh i soldatskikh deputatov [On the Council of Workers 'and Soldiers' Deputies]. *Tsaritsynskii vestnik (Tsaritsyn)* [Tsaritsynsky Bulletin (Tsaritsyn)], 1917, 27 May, no. 5457, p. 3.
18. Ganin A.V. Byvshii general A.L. Nosovich i beloe podpole v Krasnoi armii v 1918 g. [Former General A.L. Nosovich and the White Underground in the Red Army in 1918]. *Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeiskikh istoricheskikh issledovaniy* [Journal of Russian and East European Historical Research], 2017, no. 2 (9), pp. 6-34.
19. Gorodskoe prodovolstvennoe soveshchanie [City Food Meeting]. *Tsaritsynskii vestnik (Tsaritsyn)* [Tsaritsynsky Bulletin (Tsaritsyn)], 1917, 18 Febr., no. 5383, p. 3.
20. Da budet vam stydno! [Be Ashamed of You!]. *Golos Rusi (Tsaritsyn)* [Voice of Russia (Tsaritsyn)], 1919, 21 Nov., no. 77, p. 1.
21. Dolg kazhdogo iz nas [The Duty of Each of Us]. *Golos Rusi (Tsaritsyn)* [Voice of Russia (Tsaritsyn)], 1919, 28 Nov., no. 82, p. 1.
22. Domovladeltsy i kvartironanimateli [Homeowners and Tenants]. *Nedelimaia Rossiia*

(*Tsaritsyn*) [Indivisible Russia (Tsaritsyn)], 1919, 29 June, no. 9, p. 2.

23. Zhertvam bolshevistskogo terrora [Victims of the Bolshevik Terror]. *Volgo-Donskoi krai (Tsaritsyn)* [Volga-Don Territory (Tsaritsyn)], 1917, 22 Dec., no. 262, p. 2.

24. Zabolevaemost [Morbidity]. *Golos Rusi (Tsaritsyn)* [Voice of Russia (Tsaritsyn)], 1919, 4 Sept., no. 3, p. 2.

25. Zabolevaemost po gorodu [Morbidity in the City]. *Nedelimaia Rossiia (Tsaritsyn)* [Indivisible Russia (Tsaritsyn)], 1919, 25 July, no. 30, p. 2.

26. Zapreshchenie povyshat kvartirnuuiu platu [Prohibition to Increase the Rent]. *Tsaritsynskii vestnik (Tsaritsyn)* [Tsaritsynsky Bulletin (Tsaritsyn)], 1917, 27 May, no. 5457, p. 3.

27. Izveshchenie [Notice]. *Golos Rusi (Tsaritsyn)* [Voice of Russia (Tsaritsyn)], 1919, 31 Aug., no. 4, p. 1.

28. Istoriia povtoriaetsia [History Repeats Itself]. *Volgo-Donskoi Krai (Tsaritsyn)* [Volga-Don Region (Tsaritsyn)], 1917, 9 Dec., no. 251, p. 1.

29. Kalivas S. *Logika nasiliya v Grazhdanskoy voyne* [The Logic of Violence in the Civil War]. Moscow, Pyatyy Rim Publ., Fond «Istoricheskaya pamyat» Publ., 2019. 784 p.

30. K zapretu vyvoza miasa [To the Ban on the Export of Meat]. *Volgo-Donskoi krai (Tsaritsyn)* [Volga-Don Territory (Tsaritsyn)], 1917, 1 Mar., no. 47, p. 3.

31. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 36. Mart – iul 1918* [Full Composition of Writings. T. 36. March – July 1918]. Moscow, Izd-vo polit. lit., 1974. 741 p.

32. Litvinova I.N., Redkina O.Iu. *Obschestvo i Pravoslavnaia Tserkov v tylovoi provintsii Pervoi mirovoi voyny (na materialakh g. Tsaritsyna Saratovskoi)* [Society and the Orthodox Church in the Rear Province of the First World War (Based on Materials from the City of Tsaritsyn in Saratov)]. *Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriia. Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi* [Bulletin of PSTGU. Series II: History. History of the Russian Orthodox Church], 2018, iss. 82, pp. 68-83.

33. Loro N. *Razdelennyy gorod. Zabveniyе v pamyati Afin* [The Divided City. Oblivion in the Memory of Athens]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2021. 360 p.

34. Mertvaia zabastovka [Dead Strike]. *Volgo-Donskoi krai (Tsaritsyn)* [Volga-Don Territory (Tsaritsyn)], 1917, 22 Dec., no. 262, p. 2.

35. Na povorote [At the Turn]. *Volgo-Donskoi krai (Tsaritsyn)* [Volga-Don Territory (Tsaritsyn)], 1917, 26 Febr., no. 45, p. 2.

36. Nakanune vyborov [On the Eve of the Elections]. *Respublikanets (Tsaritsyn)* [Republican (Tsaritsyn)], 1917, 25 Aug., no. 62, p. 2.

37. Obiazatelnoe postanovlenie Nachalnika Tsaritsynskogo raiona [Mandatory Resolution of the Head of the Tsaritsyn District]. *Golos Rusi (Tsaritsyn)* [Voice of Russia (Tsaritsyn)], 1919, 30 Oct., no. 58, p. 1.

38. Ograblenie [Robbery]. *Nedelimaia Rossiia (Tsaritsyn)* [Indivisible Russia (Tsaritsyn)], 1919, 29 June, no. 9, p. 3.

39. Osoboe mnenie gorodskogo golovy V.V. Klemova k protokolu zasedaniia Tsaritsynskoi Gorodskoi Dumy 2 maia 1917 g. po voprosu ob uvelichenii zhalovania gorodskim sluzhashchim. [Dissenting Opinion of the Mayor V.V. Klemov to the Minutes of the Meeting of the Tsaritsyn City Duma on May 2, 1917 on the Issue of Increasing the Salaries of City Employees]. *Tsaritsynskii vestnik (Tsaritsyn)* [Tsaritsynsky Bulletin (Tsaritsyn)], 1917, 16 May, no. 5448, p. 3.

40. Otkliki strany [Country Responses]. *Priazovskii krai (Rostov-na-Donu)* [Azov Territory], 1917, 4 Mar., no. 59, p. 3.

41. Otsutstvie finansov u goroda [Lack of Finance in the City]. *Tsaritsynskii vestnik (Tsaritsyn)* [Tsaritsynsky Bulletin], 1917, 24 May, no. 5454, p. 2.

42. Otsutstvie finansov u goroda [Lack of Finance in the City]. *Tsaritsynskii vestnik (Tsaritsyn)* [Tsaritsynsky Bulletin (Tsaritsyn)], 1917, 28 May, no. 5458, p. 3.

43. Okhrana plemennogo skota [Protection of Pedigree Livestock]. *Tsaritsynskii vestnik (Tsaritsyn)* [Tsaritsynsky Bulletin (Tsaritsyn)], 1917, 30 Apr., no. 5436, p. 3.

44. Pora by uzh... [It's Time to Really...]. *Nedelimaia Rossiia (Tsaritsyn)* [Indivisible Russia (Tsaritsyn)], 1919, 12 July, no. 19, p. 1.

45. Postuplenie gruzov [Receipt of Goods]. *Golos Rusi (Tsaritsyn)* [Voice of Russia (Tsaritsyn)], 1919, 7 Sept., no. 11, p. 2.

46. Postuplenie muki [The Flow of Flour]. *Golos Rossii (Tsaritsyn)* [Voice of Russia (Tsaritsyn)], 1919, 3 Nov., no. 62, p. 4.

47. Priceman L.G. *Tretiy put 'v Grazhdanskoy voyne. Demokraticheskaya revolyutsiya 1918 goda na Volge* [The Third Path in the Civil War. Democratic Revolution of 1918 on the Volga]. Saint Petersburg, Izd-vo im. N.I. Novikova, 2015. 536 p.

48. Priezd gubernatora [Arrival of the Governor]. *Nedelimaia Rossiia (Tsaritsyn)* [Indivisible Russia (Tsaritsyn)], 1919, 27 June, no. 7, p. 3.

49. Russkii Manchester [Russian Manchester]. *Volgo-Donskoi krai (Tsaritsyn)* [Volga-Don Territory (Tsaritsyn)], 1917, 25 Febr., no. 44, p. 3.

50. Ssudy gorodam [Loans to Cities]. *Vestnik Vremennogo Pravitelstva (Petrograd)* [Bulletin of the Provisional Government (Petrograd)], 1917, 21 Apr. (4 May), no. 36(82), p. 2.

51. Tooze A. *Vsemirnyy potop. Velikaya voyna i pereustroystvo mirovogo poryadka, 1916–1931 gg.* [The Flood. The Great War and the Reorganization of the World Order, 1916–1931]. Moscow, Izd-vo In-ta Gaydara, 2017. 640 p.

52. von Dreyer, V.N. *Krestnyy put' vo imya Rodiny. Dvukhletnyaya voyna Krasnogo Severa s Belym Yugom. 1918–1920 goda* [Way of the Cross in the Name of the Motherland. Two-Year War Between

the Red North and the White South. 1918–1920]. Berlin, Tip. «Neye Tseyt», 1921. 154 p.

53. Fitzpatrick S. *Komanda Stalina: gody opasnoy zhizni v Sovetskoj politike* [Stalin's Team: Years of a Dangerous life in Soviet Politics]. Moscow, Izd-vo In-ta Gaydara, 2021. 528 p.

54. Tsvetkov V.Zh. *Beloe delo v Rossii: 1917–1919 gg.* [White Business in Russia: 1917–1919]. Moscow, Yauza-Katalog Publ., 2020. 1056 p.

Information About the Author

Viacheslav V. Cheremuchin, Postgraduate Student, Department of Contemporary National History, Moscow Pedagogical State University, Malaya Pirogovskaya St, 1, 119991 Moscow, Russian Federation, cheremuchin_v_v@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2768-3051>

Информация об авторе

Вячеслав Владиславович Черемухин, аспирант кафедры новейшей отечественной истории, Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, 1, 119991 г. Москва, Российская Федерация, cheremuchin_v_v@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2768-3051>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.10>

UDC 94(47).084.3
LBC 63.3(2)

Submitted: 28.05.2020
Accepted: 14.11.2020

DON COSSACS IN THE KUBAN INSURGENCY IN 1920¹

Andrey V. Venkov

Federal Research Center the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-don, Russian Federation

Abstract. Introduction. In the archive of the Federal security service for the Rostov region a Tribunal case was found, in which people, named Kuban Cossacks, are accused of rebellion. They participated in the mutiny, raised in April 1920 on the Kuban territory by Colonel Sukhenko. On closer inspection, the vast majority of them turned out to be Don Cossacks, but enlisted in the Kuban regiments, that surrendered to the Bolsheviks in early 1920. **Methods and materials.** The discovered materials were studied based on the principles of historicism and objectivity. The research also used special historical methods: problem-chronological, anthropological and comparative-historical. The study was based on the Tribunal case stored in the archive of the Federal security service for the Rostov region. **Analysis.** The article discusses the causes of this mutiny, its course and its consequences. The former white Kuban regiments surrendered to the Bolsheviks in early 1920 and, being reinforced by the surrendered Don Cossacks, they were sent by the Bolsheviks to the front against the poles, but on the way rebelled, not wanting to fight. Soviet troops crushed the remnants of the rebel regiments. The surviving Don Cossacks re-surrendered to the Soviet troops. Some of the surrendered Donets were shot, some were sent to work in the mines. The article discusses the criteria for which the Tribunal imposed death sentences, and for which it allowed people to live. **Results.** During the mutiny, the Kuban began to go home and continued to hide, and the Don Cossacks, remained in the regiments, were far from their home and did not know what to do. The Tribunal sentenced to death all those who held white command positions and volunteers. The motivation for some of the Tribunal's decisions remains unclear.

Key word: kuban cossacks, don cossacks, revolt, surrender (capitulation), tribunal.

Citation. Venkov A.V. Don Cossacs in the Kuban Insurgency in 1920. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 4, pp. 104-115. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.10>

УДК 94(47).084.3
ББК 63.3(2)

Дата поступления статьи: 28.05.2020
Дата принятия статьи: 14.11.2020

ДОНСКИЕ КАЗАКИ В КУБАНСКОМ ПОВСТАНЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ В 1920 ГОДУ¹

Андрей Вадимович Венков

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. В архиве УФСБ по Ростовской области обнаружено трибунальское дело, в котором обвиняются в восстании люди, названные кубанскими казаками. Они участвовали в мятеже, поднятом в апреле 1920 г. на кубанской территории полковником Сухенко. При внимательном рассмотрении подавляющее большинство их оказалось донскими казаками, но зачисленными в кубанские полки, сдавшиеся большевикам в начале 1920 года. Обнаруженные материалы исследовались с опорой на принципы историзма и объективности. При исследовании применялись и специально-исторические методы: проблемно-хронологический, антропологический и сравнительно-исторический. В основу исследования легло трибунальское дело, хранящееся в архиве УФСБ по Ростовской области. В статье рассматриваются причины этого мятежа, его ход и последствия. Бывшие белые кубанские полки в начале 1920 г. сдались большевикам, и пополненные сдавши-

мися донскими казаками были посланы большевиками на фронт против поляков, но по дороге взбунтовались, не желая воевать. Советские войска разгромили остатки восставших полков. Уцелевшие донские казаки повторно сдались советским войскам. Часть сдавшихся донцов была расстреляна, часть отправлена на работы в шахты. В статье рассматриваются критерии, по каким трибунал выносил смертные приговоры, а по каким оставлял людям жизнь. В ходе мятежа кубанцы стали расходиться по домам и продолжали скрываться, а в полках остались донские казаки, которые были далеко от дома и не знали, что им делать. Трибунал приговорил к расстрелу всех, кто занимал у белых командные должности и добровольцев. Мотивация некоторых решений трибунала остается не понятой.

Ключевые слова: кубанские казаки, донские казаки, восстание, сдача (капитуляция), трибунал.

Цитирование. Венков А. В. Донские казаки в кубанском повстанческом движении в 1920 году // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 104–115. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.10>

Введение. 27 мая 1920 г. Особый трибунал при Особом отделе 9-й Кубанской армии под председательством тов. Чернобрового при члене трибунала тов. Прокофьеве и секретаре тов. Сухове рассмотрел «Дело о вооруженном восстании против Советской власти во главе с авантюристом полковником Сухенко» [12].

Трибуналом рассматривалась судьба 40 человек, захваченных в горах. И здесь же на 1-й странице был размещен список приговоренных.

13 человек были приговорены к расстрелу. Среди них «инициаторы восстания – хорунжий Козинец Георгий Власович, Ирхин Петр Евсеевич и Власов Илья Федосеевич. Далее значилось: «Сознательные последователи и исполнители гнусных инициатив были кубанцы (выделено мною. – А. В.): Дорошев Иван Андреевич, Говоров Алексей Григорьевич, Антипов Михаил Иванович, Богатырев Федор Семенович, Пятибратов Петр Куприянович, Андриянов Георгий Иванович, Бирюков Александр Васильевич, Гункин Петр Васильевич, Богомоллов Петр Николаевич, Бабкин Тимофей Титович» [12, л. 1].

Этих тоже расстреляли. Проблема в том, что среди них нет *ни одного кубанца*. Судя по протоколам допросов, находящихся в деле, *все они донские казаки*.

Далее шел список тех, кому расстрел заменили 10 годами работы на шахтах – «нашахтные работы сроком на 10 лет» [12, л. 1]: Гуров Александр, Кожухов Андрей Архипович, Мельников Андрей Иванович, Сердобинцев Аким Григорьевич, Хапричный Степан Игнатьевич, Антипов Павел Яковлевич, Сухаревский Алексей Титович, Куликов Иван Ива-

нович, Семиглазов Петр Сергеевич, Антипов Василий Иванович, Антипов Андрей Яковлевич, Иванов Николай Тихонович, Антонов Тихон Яковлевич, Аверин Федор Никитович, Кочергин Петр Данилович, Чеботарев Федор Степанович, Каргин Игнатий Иванович, Чиков Федот Савельевич, Фролов Яков Пантелеевич, Бирюков Яков Силантьевич, Ломтев Филипп Родионович, Чеботарев Гаврила Александрович, Детюк Ростислав Федорович, Гришин Иосиф Игнатьевич.

Трое – Харитонов Иван Кузьмич, Лютовинов Павел Иванович и Ирхин Иван Евстигнеевич – были освобождены [12, л. 1].

23 мая 1920 г., за несколько дней до вынесения приговора, следователь Особого отдела 9-й армии провел допросы арестованных, обвиняемых в антисоветском выступлении, и в составленных им протоколах подавляющее большинство их значится казаками 2-го Запорожского полка. Известно при этом, что 2-й Запорожский полк формировался в Ейском отделе Кубанского казачьего войска.

Материалы и методы. В основу исследования легло трибунальское дело, хранящееся в архиве УФСБ по Ростовской области. Обнаруженные материалы исследовались с опорой на принципы историзма и объективности. При исследовании применялись и специально-исторические методы: проблемно-хронологический, антропологический и сравнительно-исторический.

Обсуждение. Цель данной работы выяснить, что представляло собой «вооруженное восстание против Советской власти во главе с авантюристом полковником Сухенко»; кто такой полковник Сухенко; как 2-й Запорожский полк оказался в рядах Красной ар-

мии; как донские казаки оказались в рядах 2-го Запорожского полка; по какому принципу они были осуждены и наказаны.

Материалы о выступлении казаков 1-го и 2-го Запорожских полков против Советской власти весной 1920 г. встречаются в работах кубанских историков и публицистов. Упоминается там и Сухенко.

Так, А.А. Зайцев в статье «Бело-зеленое движение на Юге России в поисках третьего пути (1920–1922 гг.)» пишет, что 1-й и 2-й Запорожские полки силою 700–1 000 сабель под руководством полковника Сухенко подняли восстание весной 1920 г. и ушли в горы [14].

В. Цветков в своем последнем труде «Белое дело в России 1920–1922» упоминает: «Отряд офицера Донской армии Л.Н. Листова проводил диверсии в районе Таманского полуострова, объединившись здесь с дезертировавшими из красноармейской бригады казаками под командованием бывшего полковника Сухенко, а также с отрядами капитана Миловидова и полковника Кузнецова» [29].

Ю.В. Артюхин отмечал, что участники выступления Сухенко и сам он сражались с большевиками до конца 1921 года [2].

Публицист Э.А. Широкобородов в работе «Последний Рубикон» пишет о гражданской войне на территории Ейского отдела, причем одним из источников его является роман Бориса Крамаренко «Плавни». В начале работы говорится, что Сухенко Алексей Христофорович застрелился в плавнях будучи тяжело раненым [31].

Вообще по проблемам повстанческого «бело-зеленого» движения на Кубани изданы интересные труды А.В. Баранова [3], С.М. Сивкова [22], А.А. Черкасова [30]. Упоминает о них в своей кандидатской диссертации В.Н. Бурдун [4].

Однако внимание всех этих исследователей в большей степени направлено на более поздний период, когда летом 1920 г. на Кубани была введена продразверстка и разрозненные повстанческие группы были объединены генералом М.А. Фостиковым в «Армию возрождения России». В.И. Ленин телеграфировал тогда И.В. Сталину: «Из Кубани и Донобласти получаем тревожные, даже отчаянные телеграммы о грозном росте повстанчес-

кого движения. Настаивают на ускорении ликвидации Врангеля» [24, с. 248]. Мы же исследуем период более ранний, апрель – май 1920 г., когда шла массовая сдача белых казаков в плен.

Анализ. Легче всего ответить на вопрос: как казаки 1-го и 2-го Запорожских полков оказались в рядах Красной армии. В начале 1920 г. это стало массовым явлением. В 1918 г. большая часть кубанских казаков выступила против большевиков, но в конце 1919 г. в результате конфликта между деникинским руководством и кубанскими самостоятельными и под влиянием побед Красной армии значительная часть «черноморцев», украиноязычных казаков с нижнего течения Кубани, стала колебаться. На Кубани и в Причерноморье стало развиваться движение «зеленых».

«Зелеными» назывались скрывавшиеся в лесах партизаны, в основном крестьяне – дезертиры и уклоняющиеся от службы в белой армии. Находясь большей частью под влиянием эсеров, отряды «зеленых» в Причерноморье вели вооруженную борьбу против деникинцев [16, с. 338]. Англичанин Х. Уильямсон считал, что отряды «зеленых» были «дезертирами из обеих армий, грузинскими авантюристами и местными бандитами» [26, с. 289].

А.И. Деникин вспоминал, что, по данным белых спецслужб (он ссылаясь на полковника В.В. Добрынина, летом 1919 г. являвшегося начальником Разведывательного отдела Донской армии) [5, с. 134], руководители «зеленых» – Пиллюк и Савицкий – «имели соглашение с ответственными представителями советской власти о признании ею независимости (!) казачьих земель, как условия заключения мира» [13, с. 378]. Причем Савицкий являлся товарищем председателя Кубанской рады.

И когда Красная армия зимой 1919–1920 гг. подошла к границам Кубани, «кубанское казачество в процессе длительной распри между своими верхами растеряло все идеологические обоснования борьбы. Усталость, разочарование и возобладавшее чувство самосохранения вызывали духовную апатию...» [13, с. 380].

Со своей стороны большевики усилили агитационную работу среди казаков. Было

решено созвать съезд трудовых казаков. 27 декабря 1919 г. Политбюро ЦК РКП(б) постановило «Казачий съезд созвать, придав ему характер широкой массовой демонстрации» [28, с. 419]. Съезд был созван в Москве 29 февраля 1920 г. и сразу же обратился к высшей Советской власти с ходатайством об амнистии всем трудовым казакам, которые сдадутся Красной армии. И в апреле 1920 г. «Президиум ВЦИК постановил утвердить ходатайство Первого Всероссийского казачьего съезда об амнистии военнопленных трудовых казаков» [8, с. 118].

Но уже в начале марта 1920 г. кубанские казаки стали массами переходить к красным. По мнению английского военного специалиста Х. Уильямсона, катастрофа произошла, когда красноармейцы заняли Ставрополь, ст. Кавказскую и Армавир, тогда «кубанские казаки окончательно подняли руки вверх» [27, с. 289]. Линия реки Кубань была оставлена белыми 4–5 (17–18) марта «после упорных боев с сильной советской конницей, пополненной восставшими кубанцами» [13, с. 389–390].

Последующая неделя прошла под знаком массовых сдач и переходов на сторону красных. Колебались донцы. «Многие казаки бросали оружие или целыми полками переходили к “зеленым”» [13, с. 426]. По воспоминаниям А. Трушновича, офицера Корниловского полка, еще на берегу Кубани многие корниловцы сдавались в плен проходящим красным войскам. Они были отправлены в Екатеринодар и в ближайшее время мобилизованы в Красную армию, в полк имени Третьего интернационала. Впрочем, держали их там впроголодь [25, с. 119–121].

Кубанцы сдавались целыми полками большевикам или уходили к «зеленым». «Из кубанцев одни только шуруинские отряды, запятнавшие себя неслыханными грабежами, необычными даже для Добрармии, сочли за лучшее перебраться в Крым» [16, с. 12]. В 1919 г. А.Г. Шкуро командовал 3-м Кубанским конным корпусом. 1-й и 2-й Запорожские полки входили в состав 4-го конного корпуса генерала С.М. Топоркова, в 1-ю конную дивизию и в 4-ю Кубанскую казачью дивизию [17, с. 111]. К войскам А.Г. Шкуро они отношения не имели.

Сдавшиеся кубанские полки не расформировывали. Наоборот, их сводили в более

крупные войсковые единицы. Когда красные 14 (27) марта ворвались в Новороссийск, первыми шли перешедшие на сторону Советов кубанцы. Командарм И. Уборевич докладывал: «Город был захвачен лихим налетом кавалерийской дивизии Екимова. Около 9 часов в город вошли пять дивизий 8 и 9 армий... Начальника кавалерийской дивизии Екимова за личный подвиг наградили своим орденом Красного Знамени» [1, с. 52].

По данным РГВА, «кавалерийская дивизия имени Екимова» была создана приказом войскам 9-й армии № 9406/оп от 7 марта 1920 г., когда Красная армия при поддержке восставших кубанцев форсировала Кубань. По данным газеты «Советский Дон», первой ворвалась в Новороссийск 1-я Кубанская дивизия [18, с. 1]. Видимо, в белой армии будущая «дивизия Екимова» называлась «1-й Кубанской». Дивизия была расформирована 3 мая 1920 г. согласно распоряжения начальника Упраформа 1-й конной армии. В марте – апреле 1920 г. входила в состав 9-й армии, в апреле – мае 1920 г. – в составе Конной армии. Начальник дивизии Екимов Георгий Михайлович – с 27 марта 1920 по 3 мая 1920 года. Военком Кабанов Семен – с 27 марта по 30 апреля [27]. Назначение начальника дивизии и военного комиссара совпадает по времени со взятием Новороссийска. Кто командовал дивизией в предыдущие 20 дней, и был ли в дивизии в это время комиссар – неизвестно. Дивизия просуществовала два месяца. Г.М. Екимов до назначения начальником дивизии командовал кавалерийским полком 21-й стрелковой дивизии.

В Новороссийске красные взяли 22 тысячи пленных [15, с. 329]. Многие донские части были брошены в порту в полном составе. Так, была брошена Донская пластунская бригада (1-й и 2-й пластунские полки). Командир бригады, полковник А.С. Кострюков, застрелился перед строем [9, с. 23]. Это был прекрасный боевой материал для Западного фронта, где назревал конфликт с Польшей. Сдавшемуся трудовым казакам, как мы помним, объявлялась амнистия. Те, кто был моложе 34 лет (три обычные «очереди» служивых казаков), должны были явиться в военкоматы, получить отпуск, а затем на общих основаниях идти в Красную армию.

Многие из брошенных на берегу казаков, не откладывая дела в долгий ящик, стали проситься в Красную армию, части которой вступали в Новороссийск. Сразу же вступили в переговоры по этому поводу с 21-й стрелковой дивизией красных казаки 7-го Донского полка «Молодой армии». 13 младших офицеров и 170 казаков этого полка были зачислены в Красную армию и сведены в два эскадрона во главе со своими же офицерами [23, с. 257].

Мы приводим эти выборочные факты, потому что вскоре названные воинские части – 21-я стрелковая дивизия, 7-й Донской полк, 2-й Донской пластунский полк – мы встретим, исследуя факт «восстания полковника Сухенко». Пока же складывается следующая «цепочка»: до взятия Новороссийска кубанские казаки целыми полками переходили к красным, а после взятия Новороссийска какая-то часть сдавшихся донцов пошла на пополнение красных кубанских полков.

Теперь по поводу непосредственно восстания и образа полковника Сухенко. Судя по протоколам допросов захваченных в горах 40 казаков, события разворачивались следующим образом.

20–21 апреля 1920 г. 2-я бригада в составе 2-го Запорожского и Донского стояла в станице Уманской (ныне станица Ленинградская) на формировании. Там же находился 1-й Запорожский полк. 22 апреля был получен приказ выступать – одним (2-му Запорожскому и Донскому) на Каневскую, другим (1-му Запорожскому) на Кушевскую. Цель выступления была рядовому составу непонятной. Но командный состав знал, что выступают на польский фронт [12, л. 26 об.]. Поскольку Каневская и Кушевская лежат на линии железной дороги, но в разных направлениях от Уманской (Ленинградской) – на северо-восток и юго-запад, – можно предположить, что их направляли на погрузку в вагоны.

В частях, выступивших на Кушевскую, появились слухи, что кубанцы разбредутся, а в полку останутся донцы, «которым некуда деваться» [12, л. 121].

В 4–5 верстах от Уманской, на привале, комиссар 1-го Запорожского полка и секретарь бригады (видимо, секретарь партийной ячейки) «были обезоружены, и им заявили, что они могут идти сами, так как бригада следовать

дальше не будет» [12, л. 121–121 об.]. По показаниям Ирхина Петра Евсигнеевича, «в станице Уманской командир бригады объявил: “Мы идем на верную гибель”. Он вызвал комиссаров полка и предложил им удалиться в вежливой форме». Комиссары «распрощались и уехали, ни слова не говоря команде» [12, л. 26 об.]. Один из очевидцев заявил, что «комиссары попрощались за руку с офицерами и уехали от повстанцев» [12, л. 14].

1-й Запорожский полк вернулся в Уманскую. Согласно показаниям, «комбриг 2 21-й дивизии бывший полковник Сухенко в Уманской объявил: “Долой коммуну, долой войну, да здравствует Советская власть”» [12, л. 5].

Ирхин Петр Евсигнеевич показал, что тогда же «Сухенко объявил, что 3-я Донская бригада пошла на польский фронт, но встреча на армией Буденного, раздета, разоружена, часть потоплена в Дону...» [12, л. 26 об.].

Бригада, которая должна была идти на Каневскую, раскололась. Кубанцы не выступили из-за слухов о Буденном. Испугались разоружения и расстрелов при встрече с ним [12, л. 120 об.]. Пулеметчик Диденко скрылся с 5-ю пулеметами. 3-я сотня 2-го Запорожского полка стала его искать. В это время в Уманской начались митинги. Еще несколько допрошенных подтвердили: Сухенко объявил, что 3-я бригада порублена и утоплена [12, л. 36 об.], и сейчас кубанцы «ожидают не сегодня завтра восстания» [12, л. 37].

1-й Запорожский полк двинулся на Каневскую, где повстанцы освободили арестованных – 42 человека. В Уманской и Каневской повстанцы разогнали ревкомы, заявили: «Долой власть пришельцев». На митингах они долго спорили, как и куда «распыляться»; выбор был «камыши или горы».

Рядовой состав запугивали Буденным. Но хорунжий Козинец Георгий Власович, призванный в 1-й Запорожский полк еще при белых, показал: «По приказанию Сухенко мы вернулись в горы, чтобы не идти на польский фронт, воевать не хотели» [12, л. 24 об.].

Проанализируем ситуацию исходя из материалов допросов. Командир бригады, состоящей из 2-го Запорожского и Донского полков, Сухенко назван «комбригом 2 21-й дивизии». Что это за часть? В рассматриваемый нами период входила в состав 9-й армии и участво-

вала в Кубано-Новороссийской операции, а в апреле 1920 г. была переброшена на Западный фронт против поляков 21-я стрелковая дивизия [11, с. 169–170]. Именно в эту дивизию, как мы помним, вступили целыми эскадронами в Новороссийске белые донские казаки со своими офицерами. Теперь в составе 21-й дивизии целая бригада из пленных казаков (2-я), и Сухенко говорит о 3-й Донской бригаде, которая якобы уничтожена Буденным. Кроме того, здесь же находится 1-й Запорожский полк, в котором и начинается восстание.

Невзирая на утвержденные штаты, в состав стрелковых дивизий Красной армии зачастую входили кавалерийские бригады. Например, в состав 40-й стрелковой дивизии в 1920 г. их входило две.

Восстание началось в 1-м Запорожском полку, поскольку именно там во время гражданской войны служил Сухенко.

В справочнике С.В. Волкова «Офицеры казачьих войск. Опыт мартиролога» находим, что Сухенко Антон закончил в 1915 г. 4-ю Тифлисскую школу прапорщиков, в гражданской войне участвовал в составе 1-го Запорожского полка Кубанского казачьего войска, в феврале 1920 г. командир партизанского отряда в районе ст. Новоминской. Последнее звание есаул [7, с. 793]. Как видим, С.В. Волков приводит имя «Антон», а Э.А. Широкобородов называет Сухенко «Алексеем Христофоровичем», но Широкобородов опирается в своих исследованиях в том числе и на художественную литературу, его сведения менее достоверны [31]. Видимо, имя полковника, взбунтовавшего казаков, все же было «Антон».

Цель восстания – не идти на польский фронт, нежелание встретиться с Буденным (горькая судьба 3-й Донской бригады). Первоначально здесь просматривается корыстный карьерный интерес. Любая сверхштатная конница в составе стрелковых дивизий рано или поздно пойдет на формирование или пополнение штатных кавалерийских частей. Две кавалерийские бригады 40-й стрелковой дивизии летом 1920 г. были отправлены в конный корпус Д.П. Жлобы. Из таких кавалерийских бригад в 1919 г. был создан Конно-сводный корпус Б.М. Думенко. И вряд ли советское командование собиралось долго иметь конные дивизии, целиком состоявшие из пленных ка-

заков. А переформирование чревато потерей командного поста. Могли всплыть неблагоприятные подробности. В частности, арестованный Р.Ф. Дитюк показал, что скрывался от белой мобилизации в станице Старо-Деревянской, и 6 января 1920 г. туда пришел Сухенко с карательным отрядом [12, л. 51 об.]. Видимо, Сухенко боялся проверки в Упраформе и поэтому пугал казаков конницей Буденного.

Казаки были согласны не идти на польский фронт. Более того, известно, что когда они туда попали, некоторые части перешли к полякам. В июле 1920 г. перешел к противнику Кубанский полк, сформированный в Упраформе 1-й конной армии из 1-го и 2-го Уманских полков, сдавшихся большевикам в марте 1920 года [19, с. 43]. И, как мы помним, на митинге казаки спорили, где прятаться – в камышах или в горах. И известно, что антисоветски настроенные казаки скрывались в камышах до 1922 года. Но Сухенко повел в горы и степняков-донцов, и «запорожцев», уроженцев Ейского отдела, лежащего в степной приморской полосе среди камышей. В чем причина этого движения?

Мы располагаем лишь косвенными доказательствами. До начала мая 4-й Донской (мамонтовский) корпус и оставшаяся на стороне белых Кубанская армия оставались между Сочи и Туапсе, за речкой Мцеста. Генерал А.В. Голубинцев вспоминал: «Крымское командование почему-то упорно отклоняло желание донцов грузиться в Крым. Кубанцы, по видимому, особого желания к переброске в Крым не проявляли, хотя, несомненно, если бы был прислан своевременно достаточный тоннаж, то по инерции за донцами поплыли бы и кубанцы» [10, с. 168].

Белое командование надеялось, что оставленные на побережье казаки, амнистированные большевиками, неизбежно восстанут, поскольку амнистия, объявленная государством, – одно, а личные счеты, которые должны неизбежно проявиться в станицах между побежденными и вновь прибывшими победителями, – другое. Когда на Кубани начнется восстание, из Крыма подойдут сохранившиеся «добровольцы». Большевики стремились вывести сдавшихся казаков с территории Кубани, а белые надеялись на их восстание.

Но эта задумка не была в должной степени подготовлена. Донской офицер И. Савченко вспоминал: «Добровольческая армия... даже не успела оставить секретного явочного пункта, куда бы мы, пленные, могли явиться за получением директив и указаний» [20, с. 284].

Видимо, на соединение с остававшимися на Черноморском берегу донцами и кубанцами и повел казаков Сухенко.

24 апреля они направились в сторону Кубани. Кубанцы по дороге разбежались, осталось «превосходное большинство донцов» [12, л. 122 об.]. В районе Брюховецкой вечером перешли речку Кирпили, ночь провели в Днепроградской. Здесь переформировались в 4 сотни и пулеметную команду. Оставили себе красные повязки и красное знамя [12, л. 123]. Отряд назвали «Доно-Кубанский отряд мира и свободы» [12, л. 73 об.]. Самоназвание – «ночные коршуны».

26 апреля повстанцы вступили в станицу Марьянскую (16 км западнее Екатеринодара), перешли здесь Кубань и пошли на Ставропольскую станицу, к слиянию речек Шебш и Безепс. 28 апреля в Ставропольской из отряда исчез офицер с 4 казаками. В дальнейшем, в мае, повстанцы Сухенко были в станицах Холмской и Крепостной [12, л. 20 об.]. В их движении прослеживается стремление приблизиться к Туапсе. Но это направление уже потеряло смысл.

2 мая 1920 г. в районе Сочи сдались части трех кубанских и двух донских корпусов – 1 409 офицеров и чиновников, 10 099 урядников и 28 906 рядовых при 146 пулеметах и 25 орудиях [21, л. 318]. Вместе с ними сдались большевикам большинство членов Кубанской Рады.

В мае наблюдается новый приток казаков в советские части. Местом прибежища стала 16-я кавалерийская дивизия.

Эта дивизия была сформирована в ноябре 1919 г. как кавалерийская дивизия 8-й армии. В интересующий нас период она входила в состав 8-й армии (ноябрь 1919 – апрель 1920 г.) и 9-й армии (апрель – июнь 1920 г.). В мае – июне 1920 г. 16-я кавалерийская дивизия охраняла побережье Азовского моря от г. Ейск до Курчанского лимана [11, с. 664]. На польский фронт она не пошла, но впо-

следствии участвовала в боях с войсками Врангеля. Как и другие советские части, она ставила в свои ряды пленных казаков. На определенный период эта дивизия стала идеальным местом службы для казаков-перебежчиков.

Как оказалось, казаки станицы Переяславской, служившие при белых в 1-м и 2-м Запорожских полках, перешли в 94-й кавалерийский полк 16-й кавалерийской дивизии. Все эти казаки были отпущены в 10-дневный отпуск, затем вернулись в дивизию, когда она 1 мая 1920 г. вступила в станицу Переяславскую [12, л. 12]. К ним, в ряды 16-й дивизии, в мае стали приходить казаки-кубанцы, бежавшие из отряда Сухенко. Явился с казаками командир 2-й сотни 1-го Запорожского полка Ичебель. Он и все перебежчики добровольно сдали лошадей и седла. Вторая партия явилась 5 мая – 44 кубанца и 6 донцов. Донцы сразу же запросились в комендантскую команду [12, л. 9]. Они были готовы расстреливать себе подобных, лишь бы их не расстреляли.

Отряд Сухенко был разгромлен в мае 1920 года. Комиссар по обыскам и арестам Особого отдела 9-й армии Вьюнов 11 мая 1920 г. с 50 кавалеристами прибыл в станицу Смоленскую, а 13 мая – в станицу Крепостную. Здесь он узнал о налете казаков Сухенко на Ильскую, где были захвачены 3 пулемета и 16 винтовок. 14 мая Вьюнов был подкреплен 200 кавалеристами, пехотой, 2 горными орудиями и 2 мотоциклами с пулеметами.

С целью отвлечь внимание, 15 мая он послал пехоту и орудия к станице Азовской, затем опять к Крепостной. Сам же с одной кавалерией пошел к Убинской. 16 мая была послана разведка. 17 мая в 7 вечера красноармейцы обнаружили казаков Сухенко около Убинской на некой «Колбасной поляне».

Шел дождь. Красноармейцы спешили, убили выстрелом часового, дали несколько залпов и бросились на «ура». Слышали, что Сухенко крикнул: «Кубанцы, ко мне!». Он был ранен, его унесли и скрылись в темноте.

18 мая на месте боя красноармейцы нашли 35 трупов и 60 раненых, «которые были нами добыты» [12, л. 60]. В плен были взяты 40 человек, захвачено 2 пулемета. Ирхин Петр Евсигнеевич показал, что сдались в плен донцы, кубанцы скрылись, остались в горах. Он

повел донцов сдаваться [12, л. 27]. Видимо, ночью донцы тоже могли сбежать, но донской офицер Ирхин собрал их, привел и сдал. Все они, судя по протоколам допросов, арестованы 20 мая.

Эти 40 сдавшихся, представшие перед трибуналом, были представлены 1 кубанским офицером, 1 донским офицером, 1 писарем, 2 старшими урядниками, 1 приказным, 1 фельдшером, 28 донскими казаками, ремесленником Балашовского уезда («шапки делал»), крестьянином Московской губернии (электротехником на рудниках), крестьянином Киевской губернии, крестьянином Полтавской губернии и 1 казаком, который признался, что закончил школу прапорщиков, но чина не назвал.

По возрасту половина из них подлежали призыву лишь в годы гражданской войны (1897 г. рождения и моложе), причем трое были 1902 и 1903 гг. рождения. Остальные были от 1896 до 1869 гг. рождения.

По роду войск (до поступления в 1-й и 2-й Запорожские полки) это были пластуны донской Молодой армии – 9, казаки конных полков этой армии – 3, пеших полков Донской армии – 5, конных полков Донской армии – 3, артиллеристы – 5, обозники – 2, из экипажей бронепоездов – 1, из Учебного полка – 1. Крестьяне успели послужить в Армянском эскадроне, в 12-м драгунском полку и в слабосильной команде Дроздовского полка.

Казак Иванов Михаил Пахомович, 1889 г.р., Калитвенской станицы, пойманный позже и не включенный в данную группу, показал, что 20 мая вышли из-за голода и думали добраться домой. У самого М.П. Иванова в папаше были зашиты 5 953 рубля и карта Кубанской области [12, л. 54].

Разбирательство трибунала было поспешным. Многие имена перепутаны, в протоколах – одни, в приговоре – другие.

Харитонов Иван Козмич, 1900 г.р., Слащевской станицы (север Области Войска Донского), соврал трибуналу, что в 1918 г. осенью был мобилизован «зелеными» и служил у Пилюка [12, л. 59]. Осенью 1918 г. «зеленых» еще не было, да и от Слащевской до Кубани верст 600. Но трибунал поверил и Харитонova освободил. Вторым освободили фельдшера Ирхина Григория Евстигнеевича, 1900 г.р., Елизаветинской станицы, который служил в 11 ла-

зарете и, по его словам, 2 раза пытался сбежать от Сухенко [12, л. 15 об.]. Однако в приговоре его назвали Иваном Евстигнеевичем. Почему освободили казака 48-го полка Лутовинова Павла Ивановича, 1882 г.р., Елизаветинской станицы, остается загадкой.

Зато в расстрельных приговорах трибунала прослеживается определенная логика. Инициаторами восстания были объявлены (и соответственно расстреляны) два офицера и солдат Дроздовского полка. Из офицеров один – Козинец Георгий Власович, 1885 г.р., Ставропольской станицы Кубанского войска, закончил 3-ю Тифлисскую школу прапорщиков, в 1919 г. мобилизован в 1-й Запорожский полк и произведен в хорунжие, был офицером для поручений; у Сухенко был писарем в полку, адъютантом у есаула Павловского. По его показаниям, «сдался первый» [12, л. 24 об.]. Второй офицер – Ирхин Петр Евстигнеевич, 1898 г.р., Елизаветинской станицы Донского войска, закончил Азовскую 6-классную гимназию. Во время гражданской войны служил во 2-м пластунском полку, младший офицер, хорунжий (на самом деле – подесаул, командир 3-й сотни) [5, с. 290]. Во время разгрома Сухенко привел и сдал всех, кого сейчас судил трибунал. Солдат-дроздовец Власов Иван Федосеевич, 1899 г.р., крестьянин Киевской губернии, пожарник. Мобилизован белыми в 1919 г. в Ростове в слабосильную команду, в Дроздовский батальон. В станице Славянской удрал к «зеленым» Пилюка. Оттуда попал во 2-й Запорожский полк. «Удрал от Сухенко как только при перестрелке началась суматоха» [12, л. 25 об.]. Этому, судя по всему, не простили одиозности его прежнего места службы. Дроздовцы в марте 1920 г. прикрывали отступление белых войск перед Новороссийском, прорвались через станицу Славянскую, и при помощи подошедших бронепоездов отбились от красной конницы [32, с. 102–103]. Сам А.И. Деникин вспоминал, как командир дроздовцев Туркул сквозь массы конницы, «неоднократно сворачивая полк в каре, с музыкой переходя в контратаки, отбивал противника, нанося ему большие потери» [13, с. 390].

Безусловно, сыграли роль антиофицерские настроения, сильные еще с 1917 г., и своеобразный престиж дроздовцев.

По какому принципу отобрали и расстреляли еще 10 человек?

Во-первых, это старший урядник Новочеркасского полка Говоров Алексей Григорьевич, писарь интендантства Бирюков Александр Васильевич и казак Учебного полка, готовившего урядников, – Дорошев Иван Андронович (Андреевич). Сюда же, видимо, можно отнести приказного 7-го Донского полка Андриянова Георгия Ивановича. То есть это люди, имеющие чины.

Во-вторых, это казаки из «особо контрреволюционных» станиц, участвовавших в Верхне-Донском восстании в 1919 г. – Богатырев Федор Семенович, Вешенской станицы; Богомоллов Петр Николаевич и Бабкин Тимофей Титович, Мигулинской станицы.

В-третьих, не указал точно место службы у белых Пятибратов Петр Куприянович, указал лишь место мобилизации – в Константиновской станице. Это могло вызвать подозрения.

Почему были расстреляны казаки 2-го пластунского полка Антипов Михаил Иванович и Гунькин Петр Васильевич, каких-то причин не просматривается.

Избежали расстрела заведомый верхнедонской повстанец Каргин Игнатий Иванович, 1900 г.р., станицы Каргинской, и старший урядник Иванов Николай Тихонович, 1896 г.р., Кременской станицы, который показал, что в 1918 г. служил у красных в штабе товарища Шамова Усть-Медведицкого района, затем попал в плен и служил «у кадетов» в 1-й пластунской бригаде, а затем в 4-м пластунском полку. Кроме того, Н.Т. Иванов сообщил, что еще в 1905 г. арестовывался за распространение брошюр [12, л. 36 об.]. И легковерный трибунал зачел, видимо, его революционные заслуги в 9-летнем возрасте, но к 10-летнему заключению все же приговорил.

Нет объяснений, почему уцелел Кожухов Андрей Архипович, 1890 г.р., Кепинской станицы, закончивший школу прапорщиков и служивший в 4-м пешем полку начальником обоза 2-го разряда. А.А. Кожухов скрыл, что он сотник и имеет наградное оружие «За храбрость» [6, с. 70]. Возможно, трибунал рассмотрел в нем хорошего хозяйственника.

Результаты. 1. Таким образом, когда Красная армия в начале 1920 г. подошла к

территории Кубани, кубанские казаки стали массово переходить на сторону большевиков. Кубанские полки зачислялись в состав Красной армии с сохранением их прежнего названия.

2. Донские части стали сдаваться большевикам позже, в основном в ходе Новороссийской операции. Зачастую их разрозненно включали в состав кубанских полков. Советская власть объявила амнистию сдавшимся «трудовым казакам» и стремилась вывести их с территории казачьих областей и направить на фронт против поляков.

3. Бывший офицер 1-го Запорожского полка А. Сухенко, в начале 1920 г. командовавший партизанским (карательным) отрядом, оказался в Красной армии на посту командира бригады и взбунтовал подчиненные ему части, опираясь на их нежелание покидать родину и идти на польский фронт. Сухенко повел казаков на юг, в горы, где в районе Туапсе – Сочи все еще держали фронт до пяти корпусов белых кубанских и донских казаков.

4. Во время этого похода кубанцы оставляли отряд Сухенко и записывались в советские воинские части, которые пока не перебрасывали против поляков. Большинство в отряде Сухенко стали составлять донцы.

5. Когда отряд Сухенко был разгромлен, 40 человек (в большинстве – донцы) организовано сдались, имея целью добраться домой. Трибунал рассматривал их дело, судя по всему, торопливо и невнимательно. В первую очередь были расстреляны выявленные офицеры и солдаты элитной части Добровольческой армии, затем все, кто имел какой-либо чин, и бывшие участники Верхне-Донского восстания 1919 года. Трех освободили. Остальные получили 10-летний срок работы на шахтах. Мотивировка некоторых решений трибунала остается непонятной.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья выполнена по теме НИР ЮИЦ РАН «Изучение межкультурных взаимодействий населения Нижнего Дона с древнейших времен до новейшего времени», № госрегистрации 01201354248.

The article is executed on the topic of research work of the SSC RAS “Don Cossacks in the Kuban Insurgency in 1920”, state registration number 01201354248.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алдан-Семенов, А. И. Слово о командарме / А. И. Алдан-Семенов. – М. : Политиздат, 1981. – 110 с.
2. Артюхин, Ю. В. В 1920–1933 гг. – Ейский район / Ю. В. Артюхин. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://yeiskraion.ru> (дата обращения: 18.08.2020). – Загл. с экрана.
3. Баранов, А. В. Повстанческое движение «бело-зеленых» в казачьих областях Юга России (1920–1921) / А. В. Баранов // Белая гвардия. Альманах. Казачество России в Белом движении. – 2005. – № 8. – С. 119–129.
4. Бурдун, В. Н. Кубанское казачество в Белом движении на Юге России, 1917–1920 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Бурдун Владимир Николаевич. – М., 1998. – 26 с.
5. Венков, А. В. Донская армия. Организационная структура и командный состав. 1917–1920 гг. Вып. 1 / А. В. Венков. – Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. – 422 с.
6. Венков, А. В. Донская армия. Организационная структура и командный состав. 1917–1920 гг. Вып. 3 (ч. 1) / А. В. Венков, В. Н. Зубков. – Ростов н/Д : Антей, 2016. – 432 с.
7. Волков, С. В. Офицеры казачьих войск. Опыт мартиролога / С. В. Волков. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. – 960 с.
8. Воскобойников, Г. Л. Казачий Отдел ВЦИК Советов (1917–1920 гг.). Документально-исторический очерк / Г. Л. Воскобойников, А. И. Соловьев. – М. : Изд-во «Киноvideокомпания “Ментор Синема”», 2002. – 159 с.
9. Гибель полковника А.С. Кострюкова // Родимый край. – 1971. – Ноябрь. – дек. – № 97. – С. 22–23.
10. Голубинцев, А. В. Русская Вандея. Очерки гражданской войны на Дону. 1917–1920 годы / А. В. Голубинцев. – Мюнхен : [б. и.], 1959. – 210 с.
11. Гражданская война и военная интервенция в СССР : энциклопедия. – М. : Сов. энцикл., 1983. – 704 с.
12. Дело о вооруженном восстании против Советской власти во главе с авантюристом полковником Сухенко // Архив Управления Федеральной службы безопасности по Ростовской области (Архив УФСБ РО). – Д. П-61279.
13. Деникин, А. И. Очерки русской смуты : Вооруженные силы Юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 – март 1920 / А. И. Деникин. – Минск : Харвест, 2002. – 464 с.
14. Зайцев, А. А. Бело-зеленое движение на Юге России в поисках третьего пути (1920–1922 гг.) / А. А. Зайцев // Культурная жизнь Юга России. – 2009. – № 2 (31). – С. 61–66.
15. Какурин, Н. Е. Как сражалась революция. Т. 2 / Н. Е. Какурин. – М. : Политиздат, 1990. – 431 с.
16. Калинин, И. М. Под знаменем Врангеля : Записки бывшего военного прокурора / И. М. Калинин. – Ростов н/Д : Кн. изд-во, 1991. – 352 с.
17. Клавинг, В. Е. Белая гвардия / В. Е. Клавинг. – СПб. : Ольга, 1999. – 452 с.
18. На Кубани // Советский Дон. – 1920. – 14 апр. – С. 1.
19. Присяжный, Н. С. Первая Конная Армия на польском фронте в 1920 году / Н. С. Присяжный. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1992. – 58 с.
20. Савченко, И. Г. В красном стане : Записки офицера : Зеленая Кубань : Из записок повстанца / И. Г. Савченко. – М. : Кучково поле, 2016. – 336 с.
21. Сводка о количестве пленных в районе Сочи // Российский государственный военный архив (РГВА). – Ф. 109. – Оп. 3. – Д. 305.
22. Сивков, С. М. Зеленая Кубань в годы гражданской войны в России / С. М. Сивков // Научный вестник Южного института менеджмента. – 2017. – № 1 (17). – С. 108–111.
23. Сизенко, А. Мы – донские казаки. Документы. Факты, очерки истории станицы Луганской XVII–XX вв. / А. Сизенко, В. Федичев, В. Черепакхин. – Луганск : МЧП «Копицентр», 2006. – 308 с.
24. Телеграмма И.В. Сталину 3 августа 1920 г. // Ленин, В. И. Полн. собр. соч. Т. 51 / В. И. Ленин. – М. : Изд-во полит. лит., 1970. – С. 248.
25. Трушнович, А. Р. Воспоминания корниловца: 1914–1934 / А. Р. Трушнович. – М. ; Франкфурт : Посев, 2004. – 336 с.
26. Уильямсон, Х. Прощание с Доном : Гражданская война в дневниках британского офицера. 1919–1920 / Х. Уильямсон. – М. : Центрполиграф, 2007. – 303 с.
27. Управление кавалерийской дивизии Г.М. Екимова. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://libinfo.org/index/index.php?id=10320> (дата обращения: 18.08.2020). – Загл. с экрана.
28. Футорянский, Л. И. Казачество России в огне гражданской войны (1918–1920) / Л. И. Футорянский. – Оренбург : РИК ГОУ ОГУ, 2003. – 474 с.
29. Цветков, В. Белое дело в России 1920–1922 / В. Цветков. – М. : Яуза, 2019. – 1056 с.
30. Черкасов, А. А. Гражданская война на Кубани и Черноморье (1917–1922): «третья сила» в социально-политическом противостоянии / А. А. Черкасов. – Сочи : РИО СГУТиКД, 2007. – 368 с.
31. Широкобородов, Э. А. Последний Рубикон / Э. А. Широкобородов. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [Широкобородов.рф>prose>p](https://www.shirokoborodov.ru/prose) (дата обращения: 18.08.2020). – Загл. с экрана.
32. Я ставлю крест... А. Туркул. Дроздовцы в огне; Г. Венус. Война и люди / А. Туркул, Г. Венус. – М. : Воениздат, 1995. – 367 с.

REFERENCES

1. Aldan-Semenov A.I. *Slovo o komandarme* [A Word About the Commander]. Moscow, Politizdat, 1981. 110 p.
2. Artyukhin Yu.V. *V 1920–1933 gg. – Ejskij rajon* [In 1920–1933. – Yeisk District]. URL: <https://yeiskraion.ru> (accessed 18 August 2020).
3. Baranov A.V. *Povstanchesкое dvizhenie «belo-zelenyh» v kazach'ih oblastyah Yuga Rossii (1920–1921)* [The White-Green Insurgency in the Cossack Regions of Southern Russia (1920–1921)]. *Belaya gvardiya. Al'manah. Kazachestvo Rossii v Belom dvizhenii* [White Guard. Almanac. Russian Cossacks in the White Movement], 2005, no. 8, pp. 119–129.
4. Burdun V.N. *Kubanskoe kazachestvo v Belom dvizhenii na Yuge Rossii, 1917–1920 gg.: avtorefdis. ... kand. ist. nauk* [Kuban Cossacks in the White Movement in the South of Russia, 1917–1920. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Moscow, 1998. 26 p.
5. Venkov A.V. *Donskaya armiya. Organizacionnaya struktura i komandnyj sostav. 1917–1920 gg.* [Donskaya Army. Organizational Structure and Command Structure. 1917–1920]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN, 2014, iss. 1. 422 p.
6. Venkov A.V., Zubkov V.N. *Donskaya armiya. Organizacionnaya struktura i komandnyj sostav. 1917–1920 gg.* [Donskaya Army. Organizational Structure and Command Structure. 1917–1920]. Rostov-on-Don, Antey Publ., 2016, iss. 3 (part 1). 432 p.
7. Volkov S.V. *Oficery kazach'ih vojsk. Opyt martirologa* [Officers of the Cossack Troops. Experience of the Martyrologist]. Moscow, Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2013. 960 p.
8. Voskoboinikov G.L., Solovov A.I. *Kazachij Otdel VCIK Sovetov (1917–1920 gg.). Dokumental'no-istoricheskij ocherk* [Cossack Department of the Central Executive Committee of the Soviets (1917–1920). Documentary and Historical Essay]. Moscow, Izd-vo «Kinovideokompaniya "Mentor Sinema"», 2002. 159 p.
9. Gibel' polkovnika A.S. Kostryukova [The Death of Colonel A.S. Kostryukov]. *Rodimyj kraj* [Birthplace], 1971, Nov. – Dec., no. 97, pp. 22–23.
10. Golubintsev A.V. *Russkaya Vandeya. Oчерki grazhdanskoy vojny na Donu. 1917–1920 gody* [Russian Vendee. Essays of the Civil War on the Don. The Years 1917–1920]. Munich, s. n., 1959. 210 p.
11. *Grazhdanskaya vojna i voennaya interventsya v SSSR: enciklopediya* [Civil War and Military Intervention in the USSR. Encyclopedia]. Moscow, Sov. entsikl. Publ., 1983. 704 p.
12. Delo o vooruzhennom vosstanii protiv Sovetskoj vlasti vo glave s avanturistom polkovnikom Suhenko [The Case of an Armed Uprising Against the Soviet Government Led by the Adventurer Colonel Sukhenko]. *Arhiv Upravleniya Federal'noj sluzhby bezopasnosti po Rostovskoj oblasti (Arhiv UFSB RO)* [Archive of the Federal Security Service of the Rostov Region (Archive of FSS RR)], d. P-61279.
13. Denikin A.I. *Oчерki russkoj smuty: Vooruzhennye sily Yuga Rossii. Zaklyuchitel'nyj period bor'by. Yanvar' 1919 – mart 1920* [Essays of the Russian Troubles: Armed Forces of the South of Russia. The Final Period of Struggle. January 1919 March 1920]. Minsk, Kharvest Publ., 2002. 464 p.
14. Zaitsev A.A. *Belo-zelenoe dvizhenie na Yuge Rossii v poiskah tret'ego puti (1920–1922 gg.)* [White-Green Movement in the South of Russia in Search of the Third Way (1920–1922)]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*, 2009, no. 2 (31), pp. 61–66.
15. Kakurin N.E. *Kak srazhalas' revolyuciya* [How the Revolution Fought]. Moscow, Politizdat, 1990, vol. 2. 431 p.
16. Kalinin I.M. *Pod znamenem Vrangelya: Zametki byvshego voennogo prokurora* [Under the Banner of Wrangel: Notes of a Former Military Prosecutor]. Rostov-on-Don, Kn. izd-vo, 1991. 352 p.
17. Clawing V.E. *Belaya gvardiya* [White Guard]. Saint Petersburg, Olga Publ., 1999. 452 p.
18. Na Kubani [In Kuban]. *Sovetskij Don*, 1920, April 14, p. 1.
19. Pricyazhnyj N.S. *Pervaya Konnaya Armiya na pol'skom fronte v 1920 godu* [The First Mounted Army on the Polish Front in 1920]. Rostov-on-Don, Izd-vo Rost. un-ta, 1992. 58 p.
20. Savchenko I.G. *V krasnom stane: Zapiski oficera: Zelenaya Kuban': Iz zapisok povstanca* [In the Red Camp: Notes of an Officer: Zelenaya Kuban: From the Notes of a Rebel]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2016. 336 p.
21. Svodka o kolichestve plennyh v rajone Sochi [Summary of the Number of Prisoners in the Sochi Area]. *Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv (RGVA)* [Russian State Military Archive], f. 109, op. 3, d. 305.
22. Sivkov S.M. *Zelenaya Kuban' v gody grazhdanskoy vojny v Rossii* [Green Kuban in the Years of the Civil War in Russia]. *Nauchnyj vestnik Yuzhnogo instituta menedzhmenta* [Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management], 2017, no. 1 (17), pp. 108–111.
23. Sizenko A., Fedichev V., Cherepakhin V. *My – donskie kazaki. Dokumenty. Fakty, oчерki istorii stanicy Luganskoj XVII–XX vv.* [We Are the Don Cossacks. Documents. Facts, Essays on the History of the Village of Luhansk XVII–XX Centuries]. Luhansk, MChP «Kopitsentr», 2006. 308 p.
24. Telegramma I.V. Stalinu 3 avgusta 1920 g. [Telegram to I.V. Stalin on August 3, 1920]. Lenin V.I. *Poln. sobr. soch.* [Lenin V.I. Complete Works]. Moscow, Izd-vo polit. lit., 1970, vol. 51, p. 248.

25. Trushnovich A.R. *Vospominaniya kornilovca: 1914–1934* [Kornilovets' Memoirs: 1914–1934]. Moscow, Frankfurt, Posev Publ., 2004. 336 p.

26. Williamson H. *Proshchanie s Donom: Grazhdanskaya vojna v dnevnikah britanskogo oficera. 1919–1920* [Farewell to the Don: The Civil War in the Diaries of a British Officer. 1919–1920]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2007. 303 p.

27. *Upravlenie kavalerijskoj divizii G.M. Ekimova* [Department of the Cavalry Division of G.M. Ekimov]. URL: <https://libinfo.org/index/index.php?id=10320> (accessed 18 August 2020).

28. Futoryansky L.I. *Kazachestvo Rossii v ogne grazhdanskoj vojny (1918–1920)* [Russian Cossacks in the Fire of the Civil War (1918–1920)]. Orenburg, RICK GOW OSU, 2003. 474 p.

29. Tsvetkov V. *Beloe delo v Rossii 1920–1922* [Beloe Delo in Russia 1920–1922]. Moscow, Yauza Publ., 2019. 1056 p.

30. Cherkasov A.A. *Grazhdanskaya vojna na Kubani i Chernomor'e (1917–1922): «tret'ya sila» v social'no-politicheskom protivostoyanii* [Civil War in the Kuban and Black Sea Region (1917–1922): “The Third” Force in the Socio-Political Confrontation]. Sochi, RIO SGUTiCD, 2007. 368 p.

31. Shirokobodrov E.A. *Poslednij Rubikon* [The Last Rubicon]. URL: Shirokobodrov.RF>prose>p (accessed 18 August 2020).

32. *Ya stavlyu krest... A. Turkul. Drozdovcy v ogne; G. Venus. Vojna i lyudi* [I Put an End to... A. Turkul. Drozdovtsy in the fire; G. Venus. War and People]. Moscow, Voenizdat, 1995. 367 p.

Information About the Author

Andrey V. Venkov, Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher, Laboratory of the Cossacks, Federal Research Center the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Chekhov St, 41, 344006 Rostov-on-don, Russian Federation, andrey_venk@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4455-2822>

Информация об авторе

Андрей Вадимович Венков, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, лаборатория казачества, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, andrey_venk@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4455-2822>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.11>

UDC 94(470=571)(470.6)
LBC 63(2Рос-4Кр)

Submitted: 30.08.2021
Accepted: 23.01.2022

**THE LEGACY OF THE CIVIL WAR
IN THE RELATIONS OF THE COSSACKS AND THE PEASANTRY
OF SOUTHERN RUSSIA WITH THE AUTHORITIES IN THE 1920s¹**

Andrei V. Baranov

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The relevance of the topic is to identify the practices and socio-cultural manifestations of the legacy of the Civil War in the Soviet society of the 1920s. In the South of Russia, violence persisted in the form of insurgent actions, clashes over land and the distribution of power resources, symbolic influence. The purpose of the article is to identify the forms of the legacy of the Civil War in the relations of the Cossacks and the peasantry of the South of Russia with the authorities in 1921–1926. *Methods and materials.* The novelty of the article is manifested in the synchronous comparative analysis of conflicts based on the materials of the Don, Kuban and Terek. *Analysis and results.* Attention is paid to the experience of the amnesty of White movement participants and repatriates in 1924–1925, the presence of alternative forms of civil self-organization in the village communities. The similarities and differences in the perception of the experience of the Civil War by Cossacks and “nonresident” peasants, as well as by socio-class groups of the poor, middle-class and well-off are established. It is proved that the party-state authorities initially regarded the course “Face to the village” as ensuring civil peace, but by the spring of 1926 they refused full-fledged reforms. The civil peace was also disputed within the community of farmers: both by wealthy Cossacks who dreamed of restoring the pre-revolutionary order, and by “red partisans” and demobilized Red Army soldiers who wanted a second revolution. The “military alarm” of 1927 and the extraordinary measures of grain procurement led to the return of the Southern Russian villages to mass practices of violence.

Key words: Civil War, heritage, Cossacks, peasantry, power, South of Russia, 1920s.

Citation. Baranov A.V. The Legacy of the Civil War in the Relations of the Cossacks and the Peasantry of Southern Russia with the Authorities in the 1920s. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 4, pp. 116-127. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.11>

УДК 94(470=571)(470.6)
ББК 63(2Рос-4Кр)

Дата поступления статьи: 30.08.2021
Дата принятия статьи: 23.01.2022

**НАСЛЕДИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ КАЗАЧЕСТВА И КРЕСТЬЯНСТВА
ЮГА РОССИИ С ВЛАСТЬЮ В 1920-х ГОДАХ¹**

Андрей Владимирович Баранов

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. Актуальность темы состоит в выявлении практик и социокультурных проявлений наследия Гражданской войны в советском обществе 1920-х годов. На Юге России насилие сохранялось в виде повстанческих выступлений, столкновений из-за земли и распределения ресурсов власти, символического влияния. Цель статьи – выявить формы наследия Гражданской войны во взаимоотношениях казачества и крестьянства Юга России с властью в 1921–1926 годах. Новизна статьи проявляется в синхронном сравнительном анализе конфликтов на материалах Дона, Кубани и Терека. Внимание уделено опыту амнистии белослужащих и репатриантов в 1924–1925 гг., наличию в станичных сообществах альтернативных форм гражданской самоор-

ганизации. Установлены сходства и различия восприятия опыта Гражданской войны казаками и «иногородними» крестьянами, а также социально-классовыми группами бедняков, середняков и зажиточных. Доказано, что партийно-государственная власть первоначально расценивала курс «Лицом к деревне» в качестве обеспечения гражданского мира, но к весне 1926 г. отказалась от полноценных реформ. Гражданский мир оспаривался и внутри сообщества земледельцев: как зажиточными казаками, мечтавшими о реставрации дореволюционных порядков, так и «красными партизанами» и демобилизованными красноармейцами, желавшими второй революции. «Военная тревога» 1927 г. и чрезвычайные меры хлебозаготовок привели к возврату южнороссийских станиц к массовым практикам насилия.

Ключевые слова: Гражданская война, наследие, казачество, крестьянство, власть, Юг России, 1920-е годы.

Цитирование. Баранов А. В. Наследие Гражданской войны во взаимоотношениях казачества и крестьянства Юга России с властью в 1920-х годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 116–127. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.11>

Введение. Тема работы актуальна, поскольку она состоит в выявлении практик и социокультурных проявлений наследия Гражданской войны в советском обществе 1920-х годов. Гражданская война стала переломным событием в общественном положении казачества и крестьянства, определив ориентации их общественного мнения, «болевые точки» конфликтов на долгие годы. Злободневно исследование попыток установить гражданский мир в период нэпа. Тема имеет значение и для кросс-национальных исследований выхода аграрных обществ из долгосрочных конфликтов, сравнений с опытом Китая, Испании, стран Латинской Америки.

Методы и материалы. Цель статьи – выявить формы наследия Гражданской войны во взаимоотношениях казачества и крестьянства Юга России с властью в 1921–1926 годах.

Степень изученности темы неравномерна в сравнении ее аспектов. Наибольшее внимание историков привлекал анализ повстанческого движения бело-зеленых, восприятий казаками курса «Лицом к деревне» органов власти в середине 1920-х гг., взаимоотношений казачества с «иногородними» крестьянами и партийно-государственным чиновничеством. Подчеркивалась роль социально-классовой неоднородности казачества и крестьянства в развитии общественных настроений. В данном русле выполнены работы В.Е. Щетнева [57], Я.А. Перехова [38], А.П. Скорики и Р.Г. Тикиджьяна [45], А.В. Баранова [1; 2], Т.В. Панковой-Козочкиной [36]. Сохраняет значение первое исследование общественного мнения казаков и крестьян, проведенное Н.Г. Цыганашем [52].

Но на периферии внимания остаются вопросы исторической памяти казаков, соотношения традиций и новаций в их общественном мнении 1920-х гг., степени признания официальных оценок Гражданской войны, внедрившихся системой власти в общественное мнение. Эти аспекты освещены в монографиях А.Ю. Рожкова [43] и О.М. Морозовой [26], в статье С.Н. Шаповалова [56]. Редко исследования охватывают ментальные и деятельностные проявления конфликтов. Мало внимания уделяется и объективным основаниям «культуры насилия» в южнороссийских станицах: земельным отношениям, масштабам и формам миграций, восприятию батрачества и чиновников в станичных сообществах.

Новизна статьи проявляется в синхронном сравнительном анализе конфликтов на материалах Дона, Кубани и Терека. Конфликты изучаются во взаимосвязи экономических, социально-стратификационных, политических и социокультурных аспектов; исследуются в аспектах взаимодействий хлебобобов и власти, а также между имущественными и сословными группами земледельцев. На Юге России массовое насилие сохранялось в виде повстанчества до конца 1924 г., постоянных столкновений из-за распределения земли и ресурсов власти, контроля над общественным мнением. Чрезвычайные хлебозаготовки и коллективизация стали второй волной насилия.

Пространственные пределы статьи охватывают территорию Донской, Кубано-Черноморской и Терской областей, с лета 1924 по 1929 г. разделенных на округа. Учитывая проживание большинства казаков Юга России 1920-х гг. в станицах и аграрный тип их заня-

тий, исследование проведено на материале сельских местностей.

Теоретической основой работы выбран социокультурный анализ общественных размежеваний, обоснованный С.М. Липсетом и С. Рокканом [58]. Размежевания трактуются как объективные, складывающиеся исторически линии конфликтности в обществе. Преобладающими основаниями конфликтов могут быть линии «город – село», «богатые – бедные», «религия – атеизм», межэтнические и др. Важна и концепция крестьянской революции 1902–1932 гг. в России, обоснованная Т. Шаниным в русле крестьяноведения [54].

Источниковая основа статьи включает виды документов: аналитические и отчетные документы партийных и советских органов; статистические данные о земельных отношениях, миграции, выборах в Советы, количестве политзаключенных и амнистированных; документы реввоенрибуналов; информационные обзоры и сводки органов ВЧК – ОГПУ; этнографические обследования. Особую ценность имеют документы спецслужб. Большая часть информации опосредованна, что требует провести реконструкцию состояния общественного мнения.

Анализ. Объективной основой конфликта между казачеством и «иногородним» крестьянством являлись отношения землепользования. По подсчетам А.И. Козлова, накануне Первой мировой войны казаки составляли 38,6 % населения Области войска Донского, коренные крестьяне – 23,5 %, «иногородние» – 29,0 %. В Кубанской области казаки составляли 45,8 %, коренные крестьяне – 13,3 %, «иногородние» – 39,0 %. В Терской области казаки насчитывали 20,2 % жителей, коренные крестьяне – 53,1 %, «иногородние» – 25,9 % [21, с. 32]. Казачество контролировало на Дону 80,2 % землепользования, на Кубани – 78 %, на Тереке – 60 %, «иногородние» были арендаторами [11, с. 27, 47; 28, с. 143; 32, с. 25]. Основную часть казачьих земель составляли земли наделного трудового пользования (75,4 % в среднем по трем областям). Далее по значению шли военного запаса – 15,8 % и частновладельческие земли – 8,7 % [51, с. 134–136]. За период Гражданской войны состоялась конфискация частновладельческих земель, на них органи-

зованы коммуны, совхозы и колхозы, в основном из беднейших «иногородних». Также во владение горцев на Тереке переданы 1 145,4 тыс. дес. земли [53, с. 28]. 18 ноября 1920 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли декрет «О землепользовании и землеустройстве в бывших казачьих областях», гарантировавший сохранение трудового паевого пользования в фактических размерах [12]. К началу 1923 г., когда вступил в действие Земельный кодекс РСФСР, средний надел на едока составил в Донской области 3,74 дес. в казачьих семьях и 1,0 – в крестьянских; в Кубано-Черноморской области – соответственно 3,25 и 1,19 дес.; в Терской губернии – 7,39 и 4,36 дес. [30, с. 11]. Цель уравнивать землепользование казаков и крестьян не была достигнута, что составляло «мину замедленного действия».

С 1923 по 1928 г. органы власти пытались решить проблему путем уравнительного землеустройства, сначала – межселенного, затем – внутриселенного. Но реформа порожила сложный клубок противоречий: дальнотерриториальность, разделенность участков по «отрезкам», нежелание выходить на хутора. Отношение казачества и зажиточного слоя «иногородних» к переделу земли можно оценить фразой, приведенной в этнографическом обследовании В.Г. Тан-Богораз: «Хто се выдумав таки законы, шо землю можно продать? Я понимаю так: “ни сонця, ни мисяця, ни земли продавати нельзя”» [42, ч. 2, с. 63]. Особое неприятие казаков вызывало наделение земель переселенцев времени Гражданской войны и более поздних, а их очень много. За 1917–1920 гг. на Юге РСФСР сменили место проживания 122 796 крестьян, за 1921–1923 гг. – 204 401, за 1924–1926 гг. – 141 527 [6, т. 39, с. 116–119; т. 40, с. 63, 67; т. 42, с. 44–45]. Уравнивание землепользования казаков и крестьян было в основном достигнуто к концу 1927 года.

Гражданская война на Юге России продолжалась после разгрома Белого движения (ноябрь 1920 г.) в виде повстанческих выступлений до осени 1924 года. Она имела крайне ожесточенные формы, сопровождаясь захватом заложников с обеих сторон, расстрелами военнопленных и политически нелояльных слоев населения. Конфликт развивался в непримиримых формах, как борьба на уничтожение врага.

Для понимания причин роста непримиримости характерен доклад сотрудника особой комиссии по борьбе с бело-зелеными Диброва о поездке в ст-цы Холмскую и Ахтырскую 28 августа 1920 года. По его словам, бывший военком станицы П. Коваленко без суда и следствия убил двух отцов повстанцев, добровольно сдавшихся дезертиров и бело-зеленых. Члены семей повстанцев в итоге скрылись в лесу [14, л. 3, 5]. В ст-це Георгие-Афипской отряд Черноброва расстрелял 47 чел., включая председателя ревкома и коменданта станицы, за отказ выдать «контрреволюционеров». Чернобров заявлял: «нет места в Советской России казакам и горцам, все они будут истреблены» [15, л. 8]. Член особой комиссии Кубано-Черноморского областного ревкома по борьбе с бело-зелеными Л.З. Федоренко в докладе от 11 сентября 1920 г. сделал вывод: «Причины зеленоармейства в большинстве случаев везде однородны: неуместный и бесосновательный террор со стороны властей, не умеющих подойти к населению, не прекращающиеся незаконные и не оправдываемые какими-либо потребностями реквизиции и конфискации» [15, л. 6].

Вследствие продразверстки и раскачивания первоначальная склонность казаков к компромиссу с Советской властью сменяется с июля 1920 г. на череду массовых восстаний. С лета 1920 по осень 1921 г. отмечены крупные выступления: Армии возрождения России под командованием генерала М.А. Фостикова на Верхней Кубани, Повстанческой армии З.А. Даутокова-Серебрякова в Пятигорье, комдива 1-й Конной армии Г.С. Маслакова и комбата К.Т. Вакулина на Среднем Дону, Кубанской повстанческой армии под командованием генерала М.А. Пржевальского. Лозунги бело-зеленых, расходясь в поддержке монархии либо эсеровского «трудовластия», единой неделимой России либо казачьего сепаратизма, сходны в категоричном неприятии большевистского режима [4, л. 50; 5, л. 13]. Действия повстанцев отличались жестокостью. Так, весной 1921 г. поголовно убиты члены сельскохозяйственной коммуны «Набат», организованной в разоренном Лебяжинском монастыре. В ст-це Кушевской был убит уполномоченный Кубано-Черноморской областной ЧК М.В. Полуян, жестоко взимавший продразверстку [27, с. 161–164].

Осенью 1920 г. размеры продовольственной разверстки для Юга России были повышены до 120 млн пуд зерновых (25 % объема всей страны), что непосильно [22, т. 1, с. 8]. Под названием «единовременного проднаряда» разверстка взималась на Юге России до июля 1921 г. в размере 10 млн пуд зерновых дополнительно к продналогу [47]. Наследием Гражданской войны оставалась круговая порука при сборе налогов, блокирование станиц и хуторов экспедиционными отрядами до лета 1922 года [39, с. 57–59]. В итоге на Юге страны голод 1921–1922 гг. охватил 20 % населения, в том числе до 50 % в Донской области [35, л. 108].

Во время подъема бело-зеленого движения пленум Кубано-Черноморского обкома РКП(б) признал 15 сентября 1921 г. необходимой «оккупацию воинскими частями станиц», в которых не собран продналог. Облисполкому Советов предоставлено право вынесения смертных приговоров. Все мужчины из семей повстанцев старше 18 лет подлежали аресту, а семьи главарей повстанцев – выселению из области на Соловки [40, л. 59]. В итоге подавления мятежа «Кубанской повстанческой армии» с 20 сентября по 1 ноября 1921 г., по неполным данным, расстреляны 3 112 чел. повстанцев и их пособников, а 1 784 семьи определены к выселению из области [24, с. 262]. В протоколах политкомиссии 193-го стрелкового полка по делу об обвинении в соучастии и помощи бело-зеленым читаем аргументацию смертных приговоров: «вообще элемент бандитский»; «вообще ненужный и вредный элемент»; «сожительница бандита» и т. п. [41, л. 504–512]. Волна насилия при принудительном сборе продналога отмечена в апреле – мае 1922 г. в Армавирском и Ейском отделах [19, л. 12 об., 13, 62].

Для оценки взаимовосприятий власти и казачества важен доклад заместителя председателя Донского окружного исполкома Шаповалова (1925 г.). Он признал главной причиной политического бандитизма недовольство казаков продразверсткой и продналогом, хищениями и растратами, бесхозяйственностью приезжих чиновников, мало знакомых с казачьим бытом. Шаповалов подчеркивал: казаки считают, что «они лишены всех прав и преимуществ, а хозяевами положения теперь

являются иногородние»; беднейший слой казаков тоже проникнут сословной враждой и не выступает против зажиточных, безразличен к землеустройству [55, л. 21–22, 6, 9]. С 1920 по осень 1924 г. контроль партийно-государственной власти над станицами обеспечивался преимущественно военными и административными методами.

В то же время постепенный переход к нэпу, усталость от войны и разрухи привели осенью 1922 г. к перелому в общественных настроениях. Казачество стремилось к миру, вынужденно признав режим. Казаки перешли к новым методам отстаивания интересов, используя сходы, беспартийные собрания, выборы в Советы [46, с. 61–62, 70, 79, 83, 141].

Переход от Гражданской войны к миру наиболее ярко проявился в ряде реформ осени 1924 – весны 1926 г., известных под названием курса «Лицом к деревне». Выступая на I съезде Советов Северо-Кавказского края 26 января 1925 г., председатель Совнаркома СССР А.И. Рыков поставил задачу гражданского примирения, одинакового отношения органов власти к крестьянам и казакам. Он назвал казачество в подавляющей массе лояльным Советской власти [50, с. 6–10]. Важнейшими элементами реформ стали: снижение налогов и разрешение долгосрочной аренды; амнистия репатриантов и белослужащих, снятие с части из них ограничений в избирательных правах; переход к честному порядку выборов станичных Советов; разрешение территориальной воинской службы казаков.

Согласно решению Президиума ВЦИК РСФСР амнистия охватила репатриантов, которые не уличены в белом терроре, рядовых и младший командный состав, должностных лиц бывших казачьих войск [50, с. 80–81]. Созданы краевая и окружные комиссии по амнистии при исполкомах Советов. Президиум Северо-Кавказского крайисполкома Советов в апреле 1925 г. расширил круг амнистируемых на станичных атаманов, офицеров и бывших ссыльных [7, л. 31–31 об.]. За 1925 г. доля лиц, лишенных избирательных прав, уменьшилась в сельских местностях края с 2,6 до 1,2 % населения [33, с. 367; 25, с. 117]. В том числе восстановлены в правах 3 722 чел. в Донском округе (из них 1 543 репатрианта), 8 531 чел. – в Кубанском округе [3, с. 67; 34, с. 149; 44, с. 33].

Амнистия не распространялась на служивших в контрразведывательных и карательных органах Белого движения, жандармерии и охранных органах, пропагандистских структурах [17, л. 2–3]. Судя по отчетам Административного отдела Северо-Кавказского крайисполкома за 1924/1925 г., количество контрреволюционных преступлений, преступлений против порядка управления, беспорядков, воинских преступлений, бандитизма значительно сократилось [31].

В итоге мер по «оживлению Советов» отменены подтасованные результаты выборов в значительной доле станиц – от 32 % в Сальском округе до 71,4 % в Черноморском округе. Участие избирателей в собраниях по Северо-Кавказскому краю за 1924/25 хозяйственный год возросло с 30,4 до 40,6 %, в том числе в важнейших округах: в Донском – с 34,2 до 41,3 %, Кубанском – с 16,6 до 32,1 %, в Терском – с 31,1 до 45,9 %. Сократилась прослойка коммунистов и комсомольцев в составе станичных Советов и их председателей. Явка казаков на выборы в Донском округе повысилась с 29,7 до 37,6 %, в Кубанском – с 32,3 до 52,2 %, в Майкопском округе – с 27,0 до 37,3 % [25, с. 117–118]. В 1925/26 г. казаки составили значительную долю председателей станичных Советов: 16,8 % – в Донском, 21,6 % – Кубанском, 17,1 % – Терском, 48,9 % – Шахтинско-Донецком и 24,3 % в Майкопском округах [37, л. 25, 34, 41].

Реформы столкнулись с сопротивлением большинства местных большевиков и «иногородних» крестьян, считавших новый курс предательством революции. «Образ врага», сформировавшийся за годы революции и Гражданской войны, стал важным фактором конфронтации в станицах.

Выборы в станичные Советы 1925–1927 гг. характерны поляризацией общественных настроений. Зажиточные и середняцкие слои казачества расценивали Советы как канал возрождения своего правления. В сводке № 2 материалов Информотдела ОГПУ о ходе перевыборов Советов от 19 декабря 1925 г. указано, что жители ст-цы Базковской Донецкого округа выдвинули кандидатом в состав сельсовета и райисполкома Х.В. Ермакова – бывшего командира повстанцев [46, т. 2, с. 385]. Выносились решения Советов, в которых преобладали казаки, о выселении и ли-

шении земли «иностранцев». Так, в с. Свободненском Терского округа казаки желали снять с должностей всех крестьян и коммунистов. В ст-це Кисловодской руководители схода лишили «иностранцев» земли. Такое же решение приняли в г. Прикумске, пытаясь восстановить дореволюционные границы участков. Сходы с. Воронцово-Александровского, с. Нины и ст-цы Новогригорьевской постановили не давать земли крестьянам. Слышны были крики: «Мы иностранцам землю не дадим, пусть просят там, откуда пришли» [10, л. 124, 219–221, 286–287, 348]. В ст-це Грушевской Донского округа зажиточные казаки продолжали пользоваться захваченными участками, срывая землеустройство [46, т. 2, с. 440]. В ст-це Некрасовской Кубанского округа казак – член президиума станичного Совета избил бедняка и набил ему рот землей, угрожая: «Вот тебе земля, воля, планы и свобода» [23, с. 28–29]. Часто такие призывы сочетались с ожиданием новой войны и надеждами на свержение коммунистов. В ответ крестьяне в Донском округе намеревались создать отряды самообороны [46, т. 2, с. 450], что свидетельствует о слабости их надежд на власть.

Конфликт обострялся в связи с революционными праздниками и памяtnыми днями, напоминавшими о кровопролитии Гражданской войны. Во время празднования годовщины Октябрьской революции председатель Наурского станичного Совета, казак-средняк заявил: «Наше гордое казачество никогда не пойдет на эти могилы и не ходило, так как в них зарыты красноармейцы, которые в свое время расстреливали нас». В ст-це Ищерской группа хулиганов поломала ограду и вымазала грязью памятник расстрелянным во время войны красноармейцам. В ст-це Суворовской казаки проявляли непримиримость к «иностранцам» на почве землеустройства [9, л. 75, 76, 86, 118].

С обратной стороны, наиболее боевитый слой крестьян – бывшие «красные партизаны» и демобилизованные красноармейцы намеревались создать свои вооруженные отряды, уйдя в горы и леса для действий против казаков [48, л. 130]. В ст-це Воронежской Кубанского округа произошла драка по сословному признаку из-за намерений крестьян запретить ношение казачьей формы; 1 чел. по-

гиб. В Темрюкском районе председатель стансовета отказался работать вместе с зажиточными казаками: «они в 1918 году зарубили и повесили десяток моих товарищей-однополчан» [20, л. 75 об., 149]. Зачастую «красные партизаны» и красноармейцы угрожали казакам расправой, как это прозвучало на массовом собрании бедняков в ст-це Анастасиевской [16, л. 83–84 об.] и в Брюховецком районе: «теперь нам осталось одно, – выстрелять кулаков» [18, л. 49]. Часто надежды «красных партизан» и бедняков связывались с авторитетными, но опальными военачальниками – Л.Д. Троцким, Д.П. Жлобой, Е.И. Ковтюхом и др. Распространялись слухи о том, что они возглавят новую революцию против нэпманов и кулаков [13, л. 43, 47].

Партийные и советские органы власти категорически выступали против самоорганизации бывших красноармейцев, например, «Союзов красных партизан», вплоть до начала коллективизации. Под надзором ОГПУ находились все контакты бывших красных командиров со своими однополчанами [8, л. 47]. В целом власть не справилась с регулированием взаимоотношений между казачеством и крестьянством.

Весной 1926 г. реформы «Лицом к деревне» постепенно прекращаются. Это выражается в росте прогрессии налогов, ограничении предпринимательской деятельности, ускорении земельной реформы, усилении поддержки властями колхозов. Прекращается амнистия, с весны 1926 г. вновь наращивается удельный вес «лишенцев» в станицах [49, л. 7, 103–104, 172]. Летом 1926 г. и весной 1927 г. проводятся административные высылки из Северо-Кавказского края «активных антисоветских элементов», состоявших на тайном учете в органах ОГПУ. В условиях «военной угрозы» 1927 г. зажиточный слой казаков проявлял надежду на интервенцию и восстановление дореволюционного строя. Участились взаимные угрозы насилием между социальными и сословными группами в станицах на почве землеустройства [29, л. 569–572, 586, 601]. Переход к чрезвычайным хлебозаготовкам в конце декабря 1927 г. означал решительный выбор власти в пользу обострения классовой борьбы, конфронтационного восприятия общественных проблем.

Результаты. На Юге России наследие Гражданской войны – формы насилия сохранились в виде повстанческих выступлений, столкновений из-за земли и распределения ресурсов власти, символического влияния. С 1920 по осень 1924 г. контроль партийно-государственной власти над сельскими районами Юга России обеспечивался преимущественно военными и административными методами. Но постепенный переход от военного коммунизма к нэпу, усталость от войны и разрухи привели осенью 1922 г. к перелому в общественных настроениях. Казачество теперь стремилось к миру, вынужденно признавая силу большевистского режима. Казаки перешли к пассивному сопротивлению политике властей. Попытка установления гражданского мира была предпринята с осени 1924 по весну 1926 г. в виде курса «Лицом к деревне». Для преодоления наследия Гражданской войны особенно важны были амнистия белослужащих и репатриантов в 1925 г., смягчение политики в отношении казачества, проведение выборов в местные Советы на альтернативной основе. В итоге во многих станицах возникло двоевластие между партийно-государственными органами и «новыми» Советами, подчас контролируемым зажиточным казачеством. «Новые» Советы выносили решения о перераспределении земли и отказе «иногородним» в землеустройстве, что провоцировало новые формы конфликта. Партийно-государственная власть первоначально расценивала курс «Лицом к деревне» в качестве обеспечения гражданского мира, но уже к весне 1926 г. отказалась от полноценных реформ. Восприятие опыта Гражданской войны казаками и «иногородними» крестьянами, а также социально-классовыми группами бедняков, середняков и зажиточных оставалось противоположным. Гражданский мир оспаривался и внутри самого сообщества земледельцев: как зажиточными казаками, мечтавшими о реставрации дореволюционных порядков, так и «красными партизанами» и демобилизованными красноармейцами, желавшими второй революции. «Военная тревога» 1927 г. и чрезвычайные меры хлебозаготовок привели к возврату южнороссийских станиц к массовым практикам насилия.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 21-09-43110 «Взаимоотношения партийно-государственной власти и полиэтничного общества в ходе реализации национальной политики (на материалах Северо-Кавказского края и Крымской АССР, 1920-е гг.)».

The study was carried out within the framework of the RFBR project No. 21-09-43110 “The relationship between the party-state power and the multiethnic society in the course of the implementation of national policy (based on materials from the North Caucasian Territory and the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic, 1920s)”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов, А. В. Взаимоотношения власти и крестьянства на Тереке в условиях свертывания нэпа (1926–1927 гг.) / А. В. Баранов // Научная мысль Кавказа. – 2020. – № 2. – С. 67–74. – DOI: 10.18522/2072-0181-2020-102-2-67-74
2. Баранов, А. В. Политические настроения земледельцев казачьего Юга России в условиях «расширения» нэпа 1924–1926 гг. (по материалам информационных сводок ОГПУ) / А. В. Баранов // Новейшая история России. – 2013. – № 3 (8). – С. 112–125.
3. Бюллетень Кубанского окружного исполкома Советов. – Краснодар, 1926. – № 5 (8). – С. 67.
4. Воззвание Кубанской повстанческой армии «Товарищам красноармейцам от кубанцев-повстанцев» // Российский государственный военный архив (РГВА). – Ф. 25896. – Оп. 2. – Д. 42. – Л. 50.
5. Воззвание М.А. Фостикова «Станичники, зеленчукцы, сторожевцы и преграденцы» // РГВА. – Ф. 192. – Оп. 6. – Д. 20 с. – Л. 13.
6. Всесоюзная перепись населения 1926 года. – М.: Изд-во ЦСУ СССР, 1930. – Т. 39. – V, 289 с.; Т. 40. – V, 273 с.; Т. 42. – V, 180 с.
7. Выписка из протокола № 11/35 заседания Большого Президиума Северо-Кавказского исполнительного комитета от 23.04.1925 г. // Государственный архив Ростовской области (ГАРО). – Ф. Р-1485. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 31–31 об.
8. Выписка из протокола секретариата Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) от 14 февраля 1926 г. // Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). – Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 191. – Л. 47.
9. Госинфсводки Терского окружного отдела ОГПУ № 30 и 31 от 18 ноября, 8 декабря 1925 г. // Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). – Ф. 5938. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 75–118.

10. Госинфсводки Терского окружного отдела ОГПУ. 1925 г. // ГАНИСК. – Ф. 5938. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 119–349.
11. Гугов, Р. Х. Совместная борьба народов Терка за Советскую власть / Р. Х. Гугов. – Нальчик : Эльбрус, 1975. – 495 с.
12. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О землепользовании и землеустройстве в бывших казачьих областях» от 18 ноября 1920 г. // Собрание узаконений РСФСР (СУ РСФСР). – 1920. – № 91. – Ст. 483.
13. Доклад о влиянии деревни на политико-моральное состояние частей Красной армии СКВО. 1925 г. // ЦДНИРО. – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 195. – Л. 36–47.
14. Доклад сотрудника особой комиссии по борьбе с бело-зелеными Диброва о поездке в ст. Холмскую и Ахтырскую // Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. Р-102. – Оп. 1. – Д. 423. – Л. 3–5 об.
15. Доклад сотрудников казачьей секции Кубано-Черноморского областного ревкома о поездке в ст. Георгие-Афипскую // ГАКК. – Ф. Р-102. – Оп. 1. – Д. 424. – Д. 4–8 об.
16. Докладная записка начальника Кубанского окружного отдела ОГПУ Еремина № 6557/с о политическом состоянии ст. Анастасиевской в Полпредство ОГПУ по Северо-Кавказскому краю // ЦДНИРО. – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 195. – Л. 83–84 об.
17. Инструкция по применению амнистии ВЦИК от 26 января 1925 г. по поводу созыва I Краевого съезда Советов // ГАРО. – Ф. Р-1798. – Оп. 1. – Д. 987. – Л. 2–7.
18. Информационный отчет Брюховецкого райкома РКП(б) с 1 апреля по 1 июня 1925 г. // ЦДНИКК. – Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 110. – Л. 48–50.
19. Информационный отчет Кубано-Черноморского областного комитета РКП(б) за май и июнь 1922 г. // ЦДНИКК. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 233. – Л. 12 об.–62.
20. Информационный отчет Темрюкского райкома РКП(б) за январь – март 1925 г. // ЦДНИКК. – Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 114. – Л. 75–149.
21. Козлов, А. И. На историческом повороте / А. И. Козлов. – Ростов н/Д : Кн. изд-во, 1977. – 214 с.
22. Коллективизация сельского хозяйства на Кубани : сб. док. и материалов 1918–1927 гг. / сост. Н. С. Вертышева [и др.]. – Краснодар : Кн. изд-во, 1959. – Т. 1. – 203 с.
23. Кубанская станица на выборах в Советы (Март 1925 г.). – Краснодар : Госиздат, 1925. – 39 с.
24. Куценко, И. Я. Кубанское казачество / И. Я. Куценко. – Краснодар : Кн. изд-во, 1990. – 383 с.
25. Материалы к отчетному докладу Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б) III Северо-Кавказской партийной конференции. – Ростов н/Д : Изд-во Севкавказрайкома РКП(б), 1925. – 248 с.
26. Морозова, О. М. Два акта драмы: боевое прошлое и послевоенная повседневность ветеранов Гражданской войны / О. М. Морозова. – Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. – 360 с.
27. Найти и обезвредить : Очерки и воспоминания о чекистах Кубани / сост. А. И. Дергачев, В. А. Кулаков, Н. С. Новоставский. – 2-е изд., доп. – Краснодар : Кн. изд-во, 1985. – 448 с.
28. Народное хозяйство Ростовской области за 20 лет. : стат. сб. / под рук. А. И. Гозулова. – Ростов н/Д : Облкнигоиздат, 1940. – 432 с.
29. Обзор политического состояния казачества Донского округа (по данным ПП ОГПУ Северо-Кавказского края на 1 мая 1927 г.) // ЦДНИРО. – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 595. – Л. 555–601.
30. Одинцов, С. С. Сельское хозяйство Северо-Кавказского края к десятилетию Октябрьской революции / С. С. Одинцов // Известия Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета. – 1927. – № 11. – С. 11–39.
31. Отчет Административного отдела Северо-Кавказского крайисполкома за I квартал 1924/25 г. // ГАРО. – Ф. Р-1485. – Оп. 1. – Д. 245. – Л. 127–132.
32. Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска за 1916 год. – Екатеринодар : Тип. Кубан. обл. правления, 1916. – 312 с.
33. Отчет о деятельности Северо-Кавказского краевого Исполнительного Комитета за 1925/26 хозяйственный год 2-му краевому съезду Советов. – Ростов н/Д : Изд-во Севкавказрайисполкома, 1927. – 519 с.
34. Отчет о работе Донского окружного комитета РКП(б) (с октября 1924 г. по октябрь 1925 г.). – Ростов н/Д : Изд-во Окруж. ком. РКП(б), 1925. – 153 с.
35. Отчет Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) в Организационно-инструкторский отдел ЦК РКП(б) за январь – март 1922 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 11. – Д. 113. – Л. 100–123.
36. Панкова-Козочкина, Т. В. Казачье-крестьянское самоуправление эпохи нэпа: проблемы модернизации властных отношений на Юге России в 1920-е годы / Т. В. Панкова-Козочкина. – Новочеркасск : Лик, 2014. – 308 с.
37. Перевыборная кампания 1926/27 года // ГАРО. – Ф. Р-1485. – Оп. 1. – Д. 549. – Л. 11–41.
38. Перехов, Я. А. Власть и казачество: Поиск согласия (1920–1926 гг.) / Я. А. Перехов. – Ростов н/Д : Гефест, 1997. – 137, 1 с.
39. Пленум Юговостбюро ЦК РКП(б) // Известия Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б). – 1922. – № 1 (8). – С. 57–59.
40. Постановление пленума Кубано-Черноморского областного комитета РКП(б) по докладу о ходе сбора продналога от 15 сентября 1921 г. // ЦДНИКК. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 92. – Л. 59–59 об.

41. Протоколы № 711, 13 заседаний политкомиссии 193-го стрелкового полка от 22 октября – 4 ноября 1921 г. // ГАКК. – Ф. Р-382. – Оп. 1. – Д. 288. – Л. 504–512 об.

42. Революция в деревне : Очерки / под ред. В. Г. Тана-Богораза. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1925. – Ч. 2. – 184 с.

43. Рожков, А. Ю. В кругу сверстников : Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов / А. Ю. Рожков. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 633 с.

44. Семенов, А. И. Что говорят результаты пере выборов и до выборов в сельсоветы / А. И. Семенов // Северо-Кавказский край. – 1925. – № 4. – С. 31–35.

45. Скорик, А. П. Донцы в 1920-х годах : Очерки истории / А. П. Скорик, Р. Г. Тикиджьян. – Ростов н/Д : Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. – 244 с.

46. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД, 1918–1939. Документы и материалы. В 4 т. Т. 2. 1923–1929 / под ред. А. Береловича, В. П. Данилова. – М. : РОССПЭН, 2000. – 1168 с.

47. Советский Юг. – Ростов н/Д, 1921. – 10 мая.

48. Стенограмма V Пленума Северо-Кавказского крайкома РКП(б) 29–31 января 1925 г. // Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 93. – Л. 122–198.

49. Стенограмма заседания бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) 6–7 мая 1927 г. // ЦДНИРО. – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 468. – Л. 6–190.

50. Стенографический отчет I краевого съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Северо-Кавказского края. – Ростов н/Д : Изд-во Севкавказрайисполкома, 1925. – 364 с.

51. Ульянов, Н. И. Казаки и Советская республика / Н. И. Ульянов. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1929. – 174 с.

52. Цыганаш, Н. Г. Общественно-политические настроения сельского населения Дона и Северного Кавказа в период перехода к нэпу / Н. Г. Цыганаш // Октябрьская революция и изменения в облике сельского населения Дона и Северного Кавказа (1917–1929 гг.) : сб. науч. тр. – Краснодар : Изд-во Кубан. гос. ун-та, 1984. – С. 70–86.

53. Чернопицкий, П. Г. Деревня Северо-Кавказского края в 1920–1929 гг. / П. Г. Чернопицкий. – Ростов н/Д : Кн. изд-во, 1987. – 232 с.

54. Шанин, Т. Неудобный класс: политическая социология крестьянства в развивающемся обществе: Россия, 1910–1925 / Т. Шанин. – М. : Дело, 2019. – 404, 1 с.

55. Шаповалов, С. Н. Материалы по казачьему вопросу / С. Н. Шаповалов // ГАРО. – Ф. Р-1485. – Оп. 1. – Д. 628. – Л. 2–30.

56. Шаповалов, С. Н. Празднование 10-й годовщины Октябрьской революции в Кубанском округе

как повод для антисоветских выступлений / С. Н. Шаповалов // Общество: философия, история, культура. – 2015. – № 4. – С. 15–17.

57. Щетнев, В. Е. Рассказывание как социально-историческая проблема / В. Е. Щетнев // Голос минувшего. – 1997. – № 1. – С. 18–21.

58. Lipset, S. M. Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: an Introduction / S. M. Lipset, S. Rokkan // Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives / eds.: S. M. Lipset, S. Rokkan. – N. Y. : Free Press, 1967. – P. 1–64.

REFERENCES

1. Baranov A.V. Vzaimootnosheniya vlasti i krest'yanstva na Tereke v usloviyakh svertyvaniya nepa (1926–1927 gg.) [The Relations Between Power and Peasantry on the Terek in the Conditions of the NEP Folding (1926–1927)]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, 2020, no. 2, pp. 67–74. DOI: 10.18522/2072-0181-2020-102-2-67-74

2. Baranov A.V. Politicheskie nastroeniya zemledel'tsev kazach'ego Yuga Rossii v usloviyakh «rasshireniya» nepa 1924–1926 gg. (po materialam informatsionnykh svodok OGPU) [The Political Mood of the Peasantry in the Cossack Regions of Southern Russia During the Nep “Extension”, 1924–1926 (On the Basis of OGPU Information Digests)]. *Novejshaya istoriya Rossii*, 2013, no. 3 (8), pp. 112–125.

3. *Byulleten' Kubanskogo okruzhnogo ispolkoma Sovetov* [Kuban District Executive Committee of the Soviets Bulletin]. Krasnodar, 1926, no. 5 (8), p. 67.

4. *Vozzvanie Kubanskoj povstancheskoy armii «Tovarishcham krasnoarmejsam ot kubantsevpovstantsev»* [The Appeal of the Kuban Insurgent Army “To Comrades in Red Army from Kuban Rebels”]. *Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arkhiv (RGVA)* [Russian State Military Archive], f. 25896, op. 2, d. 42, l. 50.

5. *Vozzvanie M.A. Fostikova «Stanichniki, zelenchuktsy, storozhevtsy i pregradnentsy»* [Appeal of M.A. Fostikov “Stanichniki, Zelenchuktsy, Storozhevtsy and Pregradnentsy”]. *RGVA*, f. 192, op. 6, d. 20 s., l. 13.

6. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda* [The All-Union Census of 1926]. Moscow, Izd-vo TsSU SSSR, 1930, vol. 39. V, 289 p.; vol. 40. V, 273 p.; vol. 42. V, 180 p.

7. *Vypiska iz protokola № 11/35 zasedaniya Bol'shogo Prezidiuma Severo-Kavkazskogo ispolnitel'nogo komiteta ot 23.04.1925 g.* [An Extract from the Protocol No. 11/35 of the Meeting of the Big Presidium of the North-Caucasian Executive

Committee on 23.04.1925]. *Gosudarstvennyj arkhiv Rostovskoj oblasti (GARO)* [State Archive of Rostov Territory], f. R-1485, op. 1, d. 8, l. 31-31 ob.

8. Vypiska iz protokola sekretariata Severo-Kavkazskogo krajnogo VKP(b) ot 14 fevralya 1926 g. [Extract from the Protocol of the Secretariat of the North-Caucasian Regional Committee of the VKP(b) on February 14, 1926]. *Tsentr dokumentatsii novejshej istorii Krasnodarskogo kraja (TsDNIKK)* [Center of Documents on Contemporary History of Krasnodar Region], f. 8, op. 1, d. 191, l. 47.

9. Gosinfsvodki Terskogo okružnogo otdela OGPU № 30 i 31 ot 18 noyabrya, 8 dekabrya 1925 g. [State Information Summaries of the Terek District Department of the All-Union State Political Administration of the USSR. No. 30 and 31, 18th of November and 8th of December 1925]. *Gosudarstvennyj arkhiv novejshej istorii Stavropol'skogo kraja (GANISK)* [State Archive of Contemporary History of Stavropol Region], f. 5938, op. 1, d. 13, l. 75-118.

10. Gosinfsvodki Terskogo okružnogo otdela OGPU. 1925 g. [State Information Summaries of the Terek District Department of the All-Union State Political Administration of the USSR. 1925]. *GANISK*, f. 5938, op. 1, d. 12, l. 119-349.

11. Gugov R.Kh. *Sovmestnaya bor'ba narodov Tereka za Sovetskuyu vlast'* [The Common Struggle of Terek Peoples for Soviet Power]. Nal'chik, El'brus Publ., 1975. 495 p.

12. Dekret VTsIK i SNK RSFSR «O zemlepol'zovanii i zemleustroytve v byvshikh kazach'ikh oblastyakh» ot 18 noyabrya 1920 g. [Decree of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR "On Land use and Land Reforms in the Former Cossack Territories" of November 18, 1920]. *Sobranie zakonov RSFSR (SU RSFSR)*, 1920, no. 91, st. 483.

13. Doklad o vliyanií derevni na politiko-moral'noe sostoyanie chastej Krasnoj armii SKVO. 1925 g. [Report on Village's Influence on Political and Moral State of Red Army Detachments in NCMD. 1925]. *Tsentr dokumentatsii novejshej istorii Rostovskoj oblasti (TsDNIRO)* [Center of Documents on Contemporary History of Rostov Territory], f. 7, op. 1, d. 195, l. 36-47.

14. Doklad sotrudnika o soboj komissii po bor'be s belo-zelyonymi Dibrova o poezdke v st. Kholm'skuyu i Akhtyr'skuyu [Report of Dibrov, Employee of Special Commission for Countering White-Greens on Visiting St. Kholm'skaya and Akhtyr'skaya]. *Gosudarstvennyj arkhiv Krasnodarskogo kraja (GAKK)* [State Archive of Krasnodar Region], f. R-102, op. 1, d. 423, l. 3-5 ob.

15. Doklad sotrudnikov kazach'ei seksii Kubano-Chernomorskogo oblastnogo revkoma o poezdke v st. Georgie-Afipskuyu [Report of Employees of

Cossack Section of Kuban-Black Sea Region Revolutionaty Committee on Visiting St. Georgie-Afipskaya]. *GAKK*, f. R-102, op. 1, d. 424, l. 4-8 ob.

16. Dokladnaya zapiska nachal'nika Kubanskogo okružnogo otdela OGPU Eryomina № 6557/s o politostoyanii st. Anastasievskoj v Polpredstvo OGPU po Severo-Kavkazskomu kraju [The Memo of Chief of OGPU Kuban District Department Eryomin no. 6557/s on Political State of St. Anastasievskaya to OGPU Polpredstvo in North-Caucasian Region]. *TsDNIRO*, f. 7, op. 1, d. 195, l. 83-84 ob.

17. Instruksiya po primeneniyu amnistii VTsIK ot 26 yanvarya 1925 g. po povodu sozyva I Kraevogo s'ezda Sovetov [Instruction on the VTSIK of January 26, 1925 on the Application of Amnesty in Honour the Convocation of the I Regional Soviets' Congress]. *GARO*, f. R-1798, op. 1, d. 987, l. 2-7.

18. Informatsionnyj otchet Bryukhovetskogo rajkoma RKP(b) s 1 aprelya po 1 iyunya 1925 g. [Information Report of the Bryukhovetsky District Committee of the RCP(b) from April 1 to June 1 1925]. *TsDNIKK*, f. 8, op. 1, d. 110, l. 48-50.

19. Informatsionnyj otchet Kubano-Chernomorskogo oblastnogo komiteta RKP(b) za maj i iyun' 1922 g. [The Information Report of the Kuban-Black Sea Regional Committee of the RCP(b) of 1922 for May and June]. *TsDNIKK*, f. 1, op. 1, d. 233, l. 12 ob.-62.

20. Informatsionnyj otchet Temryuk'skogo raikoma RKP(b) za yanvar' – mart 1925 g. [Information Report of the Temryuk District Committee of the RCP(b) for January – March 1925]. *TsDNIKK*, f. 8, op. 1, d. 114, l. 75-149.

21. Kozlov A.I. *Na istoricheskom povorote* [At a Historical Turn]. Rostov-on-Don, Kn. izd-vo, 1977. 214 p.

22. Vertysheva N.S. et al., eds. *Kollektivizatsiya sel'skogo khozyaistva na Kubani: sb. dok. i materialov 1918–1927 gg.* [Collectivization of Agriculture in the Kuban: A Collection of Documents and Materials of 1918–1927]. Krasnodar, Kn. izd-vo, 1959. Vol. 1. 203 p.

23. *Kubanskaya stanitsa na vyborakh v Sovety (Mart 1925 g.)* [Kuban Village at the Elections to the Soviets (March 1925)]. Krasnodar, Gosizdat, 1925. 39 p.

24. Kutsenko I.Ya. *Kubanskoe kazachestvo* [Kuban Cossacks]. Krasnodar, Kn. izd-vo, 1990. 383 p.

25. *Materialy k otchetnomu dokladu Severo-Kavkazskogo kraevogo komiteta RKP(b) III Severo-Kavkazskoj partijnoj konferentsii* [Materials for the Report of the North Caucasian Regional Committee of the RCP(b) of the III North Caucasian Party Conference]. Rostov-on-Don, Izd-vo Sevkavkrazkoma RKP(b), 1925. 248 p.

26. Morozova O.M. *Dva akta dramy: boevoe proshloe i poslevoennaya povsednevnost' veteranov Grazhdanskoj voiny* [Two Acts of Drama:

The Combat Past and the Post-War Everyday Life of Civil War Veterans]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN, 2010. 360 p.

27. Dergachev A.I., Kulakov V.A., Novostavskij N.S., eds. *Najti i obezvredivit': Ocherki i vospominaniya o chekistakh Kubani* [To Find and Neutralize: Essays and Memoirs About the Security Officers of the Kuban]. Krasnodar, Kn. izd-vo, 1985. 448 p.

28. Gozulov A.I., ed. *Narodnoe khozyaistvo Rostovskoj oblasti za 20 let: stat. sb.* [The National Economy of the Rostov Region for 20 Years. Statistical Collection]. Rostov-on-Don, Oblkngoizdat, 1940. 432 p.

29. Obzor politicheskogo sostoyaniya kazachestva Donskogo okruga (po dannym PP OGPU Severo-Kavkazskogo kraja na 1 maya 1927 g.) [Review of the Political State of the Cossacks of the Don District (According to the PP OGPU of the North Caucasus Region on May 1, 1927)]. *TsDNIRO*, f. 7, op. 1, d. 595, l. 555-601.

30. Odintsov S.S. Sel'skoe khozyaistvo Severo-Kavkazskogo kraja k desyatiletiyu Oktyabr'skoj revolyutsii [Agriculture of the North Caucasus Region to the Tenth Anniversary of the October Revolution]. *Izvestiya Severo-Kavkazskogo kraevogo ispolnitel'nogo komiteta*, 1927, no. 11, pp. 11-39.

31. Otchyot Administrativnogo otdela Severo-Kavkazskogo krajispolkoma za I kvartal 1924/25 g. [Report of the Administrative Department of the North Caucasus Regional Executive Committee for the First Quarter of 1924/25]. *GARO*, f. R-1485, op. 1, d. 245, l. 127-132.

32. *Otchet nachal'nika Kubanskoj oblasti i nakaznogo atamana Kubanskogo kazach'ego vojska za 1916 god* [Report of the Head of the Kuban Region and the Ataman of the Kuban Cossack Army for 1916]. Ekaterinodar, Tip. Kuban. obl. pravleniya, 1916. 312 p.

33. *Otchyot o deyatel'nosti Severo-Kavkazskogo kraevogo Ispolnitel'nogo Komiteta za 1925/26 khozyaistvennyj god 2-mu kraevomu s'ezdu Sovetov* [Report on the Activities of the North Caucasus Regional Executive Committee for the 1925–26 Economic Year to the 2nd Regional Congress of Soviets]. Rostov-on-Don, Izd-vo SevKavkraiispolkoma, 1927. 519 p.

34. *Otchyot o rabote Donskogo okružnogo komiteta RKP(b) (s oktyabrya 1924 g. po oktyabr' 1925 g.)* [Report on the Work of the Don District Committee of the RCP(b) (from October 1924 to October 1925)]. Rostov-on-Don, Izd-vo Okružh. komiteta RKP(b), 1925. 153 p.

35. Otchyot Yugo-Vostochnogo byuro TsK RKP(b) v Organizatsionno-instruktorskij otdel TsK RKP(b) za yanvar' – mart 1922 g. [Report of the South-Eastern Bureau of the Central Committee of the RCP(b) to the Organizational and Instructional Department of the Central Committee of the RCP(b) for January –

March 1922]. *Rossijskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of Social-Political History], f. 17, op. 11, d. 113, l. 100-123.

36. Pankova-Kozochkina T.V. *Kazach'e-krest'yanskoe samoupravlenie epokhi nepa: problemy modernizatsii vlastnykh otnosheniy na Yuge Rossii v 1920-e gody* [Cossack-Peasant Self-Government of the NEP Era]. Novocherkassk, Lik Publ., 2014. 308 p.

37. Perevybornaya kampaniya 1926/27 goda [The Re-Election Campaign of 1926/27]. *GARO*, f. R-1485, op. 1, d. 549, l. 11-41.

38. Perekhov Ya.A. *Vlast' i kazachestvo: Poisk soglasiya (1920–1926 gg.)* [Power and the Cossacks: The Search for Consent (1920–1926)]. Rostov-on-Don, Gefest Publ., 1997. 137, 1 p.

39. Plenum Yugovostbyuro TsK RKP(b) [Plenum of the Yugovostbyuro of the Central Committee of the RCP(b)]. *Izvestiya Yugo-Vostochnogo byuro TsK RKP(b)*, 1922, no. 1 (8), pp. 57-59.

40. Postanovlenie plenuma Kubano-Chernomorskogo oblastnogo komiteta RKP(b) po dokladu o khode sbora prodnologa ot 15 sentyabrya 1921 g. [Resolution of the Plenum of the Kuban-Black Sea Regional Committee of the RCP (b) on the Report on the Progress of Collecting the Food Tax of September 15, 1921]. *TsDNIKK*, f. 1, op. 1, d. 92, l. 59-59 ob.

41. Protokoly № 711, 13 zasedanij politkomissii 193-go strelkovogo polka ot 22 oktyabrya – 4 noyabrya 1921 g. [Protocols No. 711, 13 of the Meetings of the Political Commission of the 193rd Rifle Regiment of October 22 – November 4, 1921]. *GAKK*, f. R-382, op. 1, d. 288, l. 504-512 ob.

42. Tan-Bogoraz V.G., ed. *Revoljutsiya v derevne: Ocherki* [Revolution in the Countryside: Essays]. Moscow, Leningrad, Gos. izd-vo, 1925, part 2. 184 p.

43. Rozhkov A. Yu. *V krugu sverstnikov: Zhiznennyj mir molodogo cheloveka v Sovetskoj Rossii 1920-kh godov* [In the Circle of Peers: The Life World of a Young Man in Soviet Russia of the 1920s]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 633 p.

44. Semyonov A.I. Chto govoryat rezul'taty perevyborov i dovyborov v sel'sovety [What do the Results of Re-Elections and By-Elections to Village Councils Say]. *Severo-Kavkazskij krai*, 1925, no. 4, pp. 31-35.

45. Skorik A.P., Tikidzh'yan R.G. *Dontsy v 1920-kh godakh: Ocherki istorii* [Dontsy in the 1920s: Essays of History]. Rostov-on-Don, Izd-vo SKNTs VSh YuFU, 2010. 244 p.

46. Berelovich A., Danilov V.P., eds. *Sovetskaya derevnya glazami VChK – OGPU – NKVD, 1918–1939. Dokumenty i materialy. V 4 t. T. 2. 1923–1929*

[The Soviet Village Through the Eyes of the CHEKA –OGPU–NKVD, 1918–1939. Documents and Materials. In 4 vols, vol. 2. 1923–1929]. Moscow, Rossijskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) Publ., 2000. 1168 p.

47. *Sovetskij Yug* [The Soviet South]. Rostov-on-Don, 1921. 10 maya.

48. Stenogramma V Plenuma Severo-Kavkazskogo krajnoma RKP(b) 29–31 yanvarya 1925 g. [Transcript of the V Plenum of the North Caucasus Regional Committee of the RCP(b) on January 29–31, 1925]. *TsDNIRO*, f. 7, op. 1, d. 93, l. 122-198.

49. Stenogramma zasedaniya byuro Severo-Kavkazskogo krajnoma VKP(b) 6–7 maya 1927 g. [Transcript of the Meeting of the Bureau of the North Caucasus Regional Committee of the VKP(b) on May 6–7, 1927]. *TsDNIRO*, f. 7, op. 1, d. 468, l. 6-190.

50. *Stenograficheskij otchyot I kraevogo s'ezda Sovetov rabochikh, krest'yanskikh i krasnoarmeiskikh deputatov Severo-Kavkazskogo kraja* [Verbatim Report of the I Regional Congress of Soviets of Workers, Peasants and Red Army Deputies of the North Caucasus Region]. Rostov-on-Don, Sevskavkrajispolkom Publ., 1925. 364 p.

51. Ul'yanov N.I. *Kazaki i Sovetskaya respublika* [Cossacks and the Soviet Republic]. Moscow, Leningrad, Gos. izd-vo, 1929. 174 p.

52. Tsyganash N.G. *Obschestvenno-politicheskie nastroyeniya sel'skogo naseleniya Dona i Severnogo Kavkaza v period perekhoda k nepu* [Socio-Political Sentiments of the Rural Population of the Don and the North Caucasus During the Transition to the NEP]. *Oktyabr'skaya revolyutsiya i izmeneniya v oblike sel'skogo naseleniya Dona i Severnogo Kavkaza*

(1917–1929 gg.): sb. nauch. tr. [The October Revolution and Changes in the Appearance of the Rural Population of the Don and the North Caucasus (1917–1929): A Collection of Scientific Papers]. Krasnodar, Izd-vo Kuban. gos. un-ta, 1984, pp. 70-86.

53. Chernopitskij P.G. *Derevnya Severo-Kavkazskogo kraja v 1920–1929 gg.* [Village of the North Caucasus Region in 1920–1929]. Rostov-on-Don, Kn. izd-vo, 1987. 232 p.

54. Shanin T. *Neudobnyi klass: politicheskaya sotsiologiya krest'yanstva v razvivayuschemsya obshchestve: Rossiya, 1910–1925* [The Awkward Class: The Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia, 1910–1925]. Moscow, Delo Publ., 2019. 404, 1 p.

55. Shapovalov S.N. *Materialy po kazach'emu voprosu* [Materials on the Cossack Issue]. *GARO*, f. R-1485, op. 1, d. 628, l. 2-30.

56. Shapovalov S.N. *Prazdnovanie 10-j godovschiny Oktyabr'skoi revolyutsii v Kubanskom okruge kak povod dlya antisovetskikh vystuplenij* [Celebration of the 10th Anniversary of the October Revolution in the Kuban District as a Reason for Anti-Soviet Actions]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, 2015, no. 4, pp. 15-17.

57. Schetnyov V.E. *Raskazachivanie kak sotsial'no-istoricheskaya problema* [Raskazachivanie as a Socio-Historical Problem]. *Golos minuvshogo*, 1997, no. 1, pp. 18-21.

58. Lipset S.M., Rokkan S. *Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: An Introduction*. Lipset S.M., Rokkan S., eds. *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. New York, Free Press, 1967, pp. 1-64.

Information About the Author

Andrei V. Baranov, Doctor of Sciences (History), Doctor of Sciences (Political), Professor, Head of the Department of Political Science and Political Management, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, room 237, 350040 Krasnodar, Russian Federation, baranovandrew@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7109-3062>

Информация об авторе

Андрей Владимирович Баранов, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и политического управления, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, ауд. 237, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, baranovandrew@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7109-3062>

РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ: СИБИРЬ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.12>

UDC 94(571.17).084“1918.05.25”

LBC T3(2Рос-4Ке)

Submitted: 24.05.2021

Accepted: 24.08.2021

**THE BEGINNING OF THE RUSSIAN CIVIL WAR:
EVENTS IN THE CITY OF MARIINSK ON MAY 25, 1918 ¹**

Alexey N. Ermolaev

Federal Research Centre of Coal and Coal Chemistry of
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Kemerovo, Russian Federation;
Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation

Igor Yu. Uskov

Federal Research Centre of Coal and Coal Chemistry
of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Kemerovo, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article is devoted to the reconstruction of the events that took place in the city of Mariinsk on May 25, 1918. On this day, the Czechoslovak Corps, which was located at the railway station, rebelled. In historiography it is believed that the uprising of the Czechs and Slovaks provoked a large-scale civil war in Russia. **Methods and materials.** The main sources for the study were the materials of the periodical press of that time. The newspapers “Siberian Life” and “Voice of the People” published articles by correspondents who directly observed the events taking place in the city or received information from direct participants in the uprising. In addition, archival materials were used, in particular, a telegram from a member of the executive committee of the Mariinsky Soviet of Deputies, Kolesnikov. **Analysis.** It was established that at the end of May 1918, there were three military and political forces in the city of Mariinsk: a local Red Guard detachment; a Red Guard outsider (the so-called partisans) that arrived from the cities of Western Siberia; and a Czechoslovak Corps. During the conflict that occurred between the two Red Guard units the local Red Guards were disarmed. After that the partisans began to rob local residents and apartments of railway workers. To calm them down, the troops of the Czechoslovak Corps intervened. They quickly disarmed the partisans and took control of the city. Analysis of the telegram of Kolesnikov, a member of the executive committee of the Mariinsky Council of Deputies, showed that it is a copy of the original and contains several significant errors. In particular, the uprising of the Czechoslovak Corps took place on the evening of May 25, and not in the morning, as indicated in the telegram. The Mariinsky events became known in Moscow on the same day. The Chairman of the Supreme Military Council, L. D. Trotsky, took advantage of this to issue a brutal order for the disarmament of the Czechoslovak Corps and the physical destruction of those Czechs who would not surrender to Soviet power. **Results.** To some extent, the uprising of the Czechoslovak Corps was forced. It was a response to the unrest that arose in the city after the conflict between two Red Guard detachments. The central Soviet authorities in Moscow took advantage of this and ordered the actual extermination of the Czechs. This was the impetus for the emergence of large-scale military operations and Civil War in Russia. **Authors' contribution.** A. N. Ermolaev identified historical sources, deciphered the text of the telegram, designed the text of the article. I. Yu. Uskov participated in the deciphering of the text of the telegram and the preparation of the text of the article.

Key words: the Russian Civil War; the uprising of the Czechoslovak Corps; the Red Guard; Mariinsk; the Soviets of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies.

Citation. Ermolaev A.N., Uskov I.Yu. The Beginning of the Russian Civil War: Events in the City of Mariinsk on May 25, 1918. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 4, pp. 128-139. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.12>

НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ: СОБЫТИЯ В ГОРОДЕ МАРИИНСКЕ 25 МАЯ 1918 ГОДА ¹

Алексей Николаевич Ермолаев

Федеральный исследовательский центр угля и углекислоты Сибирского отделения РАН,
г. Кемерово, Российская Федерация;
Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Российская Федерация

Игорь Юрьевич Усков

Федеральный исследовательский центр угля и углекислоты Сибирского отделения РАН,
г. Кемерово, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена реконструкции событий, произошедших в городе Мариинске 25 мая 1918 года. В этот день восстал Чехословацкий корпус, находившийся на железнодорожной станции. В историографии считается, что восстание чехов и словаков спровоцировало широкомасштабную гражданскую войну в России. В газетах «Сибирская жизнь» и «Голос народа» были опубликованы статьи корреспондентов, которые непосредственно наблюдали за происходившими в городе событиями или получали информацию от участников восстания. Удалось установить, что в конце мая 1918 г. в городе Мариинске имелись сразу 3 военно-политические силы: местный отряд Красной гвардии; прибывший из городов Западной Сибири отряд Красной гвардии (так называемые партизаны) и Чехословацкий корпус. В ходе конфликта, произошедшего между двумя отрядами Красной гвардии, местные красногвардейцы были обезоружены. После этого партизаны начали грабить местных жителей и квартиры железнодорожников. Чтобы их успокоить вмешались войска Чехословацкого корпуса. Они быстро разоружили партизан и взяли город под свой контроль. Анализ телеграммы члена исполкома мариинского совдепа А. Колесникова показал, что она является копией с оригинала и содержит несколько существенных ошибок. В частности, восстание Чехословацкого корпуса произошло вечером 25 мая, а не утром, как указывалось в телеграмме. О мариинских событиях стало известно в Москве в тот же день. Председатель Высшего военного совета Л.Д. Троцкий воспользовался этим, чтобы отдать жестокий приказ о разоружении Чехословацкого корпуса и физическом уничтожении тех чехов, кто не сдастся советской власти. В некоторой степени восстание Чехословацкого корпуса было вынужденным. Оно явилось ответом на беспорядки, возникшие в городе после конфликта между двумя отрядами Красной гвардии. Центральные советские власти в Москве воспользовались этим и отдали приказ о фактическом уничтожении чехов. Это послужило толчком к возникновению масштабных военных действий и Гражданской войне в России. *Вклад авторов.* А.Н. Ермолаев выявил исторические источники, провел расшифровку текста телеграммы, оформил текст статьи. И.Ю. Усков участвовал в расшифровке текста телеграммы и подготовке текста статьи.

Ключевые слова: Гражданская война в России; восстание Чехословацкого корпуса; Красная гвардия; Мариинск; Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Цитирование. Ермолаев А. Н., Усков И. Ю. Начало Гражданской войны в России: события в городе Мариинске 25 мая 1918 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 128–139. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.12>

Введение. Более века назад началась Гражданская война в России. Значение ее для нашей страны и всего мира трудно переоценить. Во внешнеполитической сфере она закрепила разделение мира на два лагеря: социалистический и капиталистический. В военной – способствовала формированию новых методов ведения боевых действий, повлияла на военное искусство. В экономической отрас-

ли привела к катастрофическому разорению страны. В социальной сфере способствовала полному слому сословной структуры общества и замене ее на классовую. Во внутривнутриполитической области привела к установлению однопартийной системы и т. д. Огромное значение Гражданской войны обуславливает актуальность ее изучения. Особенно важным является начальный период, когда вспыхнул по-

жар братоубийственной бойни и начались масштабные военные действия. Целью нашей статьи является реконструкция событий, произошедших в городе Мариинске 25 мая 1918 г. и последующие дни. Это позволит понять расстановку политических сил, преимущества и недостатки противоборствующих сторон.

Методы и материалы. Основными принципами нашего исследования являются: объективность, конкретность, историзм. Развитие событий, произошедших в городе Мариинске, мы рассматриваем в хронологической последовательности с учетом тех внутренних и внешних факторов, которые влияли на их ход. Для реконструкции событий применялись такие методы, как проблемно-хронологический, системный и ретроспективный.

Основными источниками исследования являются материалы периодической печати. В газетах, выходивших в губернском городе Томске, отразились исторические события начала военных действий в г. Мариинске. При анализе материалов периодической печати учитывалась политическая ангажированность газет. Так, газета «Голос народа» выпускалась Всесибирским краевым комитетом партии социалистов-революционеров, а газета «Сибирская жизнь» имела либеральную направленность и была близка к партии кадетов. К сожалению, с установлением власти белых газеты социал-демократической направленности были закрыты, поэтому определить точку зрения СДРП на события в Мариинске по периодической печати не представляется возможным. Компенсировать данный пробел можно путем изучения телеграммы члена Мариинского совдепа Колесникова (см. телеграмму в приложении к статье), подробный анализ которой приведен в тексте нашего исследования. Добавим, что полный текст телеграммы публикуется в статье дипломатическим приемом с полным сохранением внешнего вида и особенностей оригинала.

В историографии установилась твердая позиция, что Гражданская война в России (по крайней мере ее острая фаза) началась с восстания Чехословацкого корпуса, произошедшего в мае 1918 года. Так, военачальники Красной армии Н.Е. Какурин и И.И. Вацетис писали, что масштабные боевые действия начались в Гражданской войне после вмеша-

тельства стран Антанты во внутренние дела советской республики. Это вмешательство осуществлялось через Чехословацкий корпус. Вот что они писали: «Внешней силой и костяком для организации контрреволюционных сил востока явился чехо-словацкий корпус, который содержался на средства Франции». По мнению командиров Красной Армии, «выступление чехо-словацкого корпуса в интересах держав Антанты и местной контрреволюции позволило врагам советской власти отторгнуть от Советской России огромную территорию Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока; оно способствовало созданию на этой территории белогвардейских армий и прекратило доставку продовольствия для голодавших центральных губерний» [6, с. 79]. Важно отметить, что в подготовке книги Какурина и Вацетиса принимали участие и другие командиры Красной Армии: А.С. Бубнов, С.С. Каменев, М.Н. Тухачевский, Р.П. Эйдеман, П.П. Лебедев и А.И. Егоров. Таким образом, бывшие командиры красных связывали начало масштабных боевых действий в ходе Гражданской войны с восстанием Чехословацкого корпуса и интервенцией.

В дальнейшем данная точка зрения прочно утвердилась в советской историографии. Так, в пятитомной «Истории Гражданской войны в СССР», выходившей в 1935–1960 гг., появилось классическое деление всего революционного процесса на периоды. В основу этого деления были положены труды В.И. Ленина. Мирный период охватывал время с октября 1917 по май 1918 года. С мая 1918 г. начиналась собственно гражданская война как острая военная форма противостояния советской власти белым правительствам и интервентам. При этом ведущую роль в «разжигании» гражданской войны осуществляли именно страны Антанты. Сначала они это делали «в прикрытой форме», а с весны 1918 г. – в открытой [5, с. 294]. Восстание чехословацкого корпуса однозначно расценивалось советскими историками как одно из важнейших событий, начавших Гражданскую войну в России [5, с. 308–309]. В двухтомной коллективной монографии «Гражданская война в СССР», вышедшей в 1980 г., был подчеркнут тезис о том, что «Гражданская война является продолжением политической борьбы рабочих и крестьян за

удержание завоеванных позиций» [1, с. 4]. Восстание Чехословацкого корпуса представлялось авторам книги как «важная составная часть антисоветских действий Антанты». При этом «антисоветское выступление белочехов послужило сигналом к активизации разгромленной в первые месяцы существования Советской власти внутренней контрреволюции». При активной поддержке «мятежников» были сформированы различные контрреволюционные правительства. Все это привело к тому, что Советская республика оказалась в кольце фронтов. По мнению советских историков, весной 1918 г. произошло «объединение сил внешней и внутренней контрреволюции в борьбе против Советской власти». События весны 1918 г. расценивались в историографии как «вспыхнувшая с новой силой Гражданская война, вызванная вмешательством международной буржуазии» и охватившая «все классы и слои общества» [1, с. 156–157, 159].

В вышедшей в 1983 г. энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР» были подтверждены ранее сформулированные тезисы. Гражданская война определялась как «форма классово-борьбы», охватившая период с октября 1917 по октябрь 1922 года. При этом период с лета 1918 до конца 1920 г. определялся так: «интервенция и гражданская война слились в единое целое и военный вопрос выступал как главный, коренной вопрос революции». Важно отметить, что начало Гражданской войны советские историки прямо связывали с «мятежом» Чехословацкого корпуса, начавшимся 25–26 мая 1918 года. При этом «благодаря прямому вмешательству Антанты» гражданская война приобрела «огромный размах, охватив всю территорию Советской России» [2, с. 7, 9].

В начале 1990-х гг., в связи с тем, что марксистско-ленинская идеология потеряла свой монополюльный статус, возникло много новых подходов в интерпретации истории Гражданской войны. Одновременно в научный оборот стали вводиться большие массивы ранее недоступных исторических источников, касающихся как белого, так и красного движения. Историки стали активно изучать иностранную литературу, посвященную событиям в России в период Революции и Гражданской войны. Все это способствовало возникно-

ванию новых историографических направлений, особенно изучению Белого движения, антибольшевистских сил, небольшевистских революционных партий (меньшевиков, эсеров), красного террора, биографий видных военачальников и политических деятелей, повседневности и быта периода войны и т. д. Из всего многообразия новых тем и направлений нас интересует только позиция современных исследователей о начале Гражданской войны и роли в этом процессе восстания Чехословацкого корпуса.

Чтобы не прибегать к анализу большого массива исторических монографий, мы ограничимся изучением лишь некоторых коллективных исследований и энциклопедических изданий, так как в них данные представлены в концентрированном виде. Современные исследователи также оценивают восстание Чехословацкого корпуса как одно из ключевых событий, связанных с началом масштабной Гражданской войны в России. В «Исторической энциклопедии Сибири», вышедшей в 2009 г., сказано: «С конца мая 1918 г. военнополитическая ситуация на Урале и в Сибири коренным образом изменилась в результате антибольшевистского выступления Чехословацкого корпуса, эшелоны которого располагались на Транссибе» [14, с. 430].

В 2018 г. в Санкт-Петербурге была проведена международная конференция «Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии». В ней приняли участие ведущие специалисты в данной области не только из России, но и из других стран мира. Накануне открытия конференции ее организаторы реализовали специальный проект, в рамках которого провели опрос ведущих специалистов, попросив их ответить на 10 ключевых вопросов, связанных с историей Гражданской войны в России. Всего были опрошены 25 историков (18 российских и 7 зарубежных). Контент-анализ всех ответов был проведен В.В. Калашниковым. Одним из ключевых вопросов был вопрос о начале Гражданской войны. 8 ведущих специалистов – Д.А. Бажанов, Р.Г. Гагкуев, А.В. Ганин, В.И. Голдин, А.Ю. Давыдов, В.В. Калашников, Д.О. Чураков и В.И. Шишкин, назвали датой начала Гражданской войны (в узком смысле, то есть фронтовых действий) восста-

ние Чехословацкого корпуса, произошедшее в мае 1918 года. При этом большинство указанных исследователей пояснило, что фронтовую войну предвляла так называемая «малая» Гражданская война, которая связана с локальными выступлениями против советской власти в период с октября 1917 до мая 1918 года. Восстание Чехословацкого корпуса превратило эту «малую войну» в широкомасштабную, фронтовую войну, в которой приняли участие иностранные интервенты [7, с. 184, 187, 195–196].

Таким образом, как в советской, так и в современной историографии одним из ключевых событий, определивших начало крупномасштабной Гражданской войны в России, стало восстание Чехословацкого корпуса, произошедшее в мае 1918 года. После этого восстания организационно оформились регулярные воинские части красных и белых, сформировались фронты войны и включились в военные действия иностранные интервенты. Именно поэтому события 25 мая 1918 г. в городе Мариинске, ставшие спусковым крючком начала военных действий, требуют тщательного и беспристрастного изучения.

Анализ. Чехословацкий корпус был сформирован в составе Российской армии осенью 1917 г., в него вошли пленные чехи и словаки, выразившие желание участвовать в войне против Германии и Австро-Венгрии. После Февральской революции Чехословацкий национальный совет (образовался в 1916 г. в Париже) создал свое отделение в России, которое было признано Временным правительством. На основании декрета французского правительства от 19 декабря 1917 г. «Об организации автономной чехословацкой армии во Франции», Чехословацкий корпус в России был формально подчинен французскому командованию и получил указание об отправке во Францию. 26 марта 1918 г. в Пензе представители СНК РСФСР, ЧСНС в России и Чехословацкого корпуса подписали соглашение, по которому гарантировалась беспрепятственная отправка чехословацких подразделений от Пензы к Владивостоку. Эшелоны с корпусом растянулись по всей Транссибирской магистрали.

Отношение советской власти к чехам было неоднозначным. С одной стороны, со-

веты не вмешивались в их дела, но с другой — их беспокоило то, что вполне боеспособные части, неподконтрольные власти, находились в тылу страны. 14–17 мая 1918 г. произошел конфликт между стоящими в Челябинске чешскими войсками и красногвардейцами. По приказу Челябинского совдепа было арестовано 10 чехов, которых обвинили в убийстве. Когда на переговоры с местным советом отправился второй отряд чехов во главе с офицером, его тоже арестовали. Стремясь освободить своих, чешские легионеры заняли железнодорожную станцию, оцепили центр города, захватили арсенал, разогнали совдеп и отряд Красной гвардии [12, с. 90].

После освобождения арестованных, чехи покинули город и вернулись на станцию. В ответ на действия чешских легионеров в ночь на 21 мая в Москве были арестованы 2 высокопоставленных члена Чехословацкого национального совета П. Макс и Б. Чермак. Под угрозой расстрела их вынудили подписать приказ о разоружении корпуса. Однако, когда в Челябинске узнали об аресте чешских руководителей, был созван съезд Чехословацкого национального совета и военных командиров корпуса и принято решение оружие советской власти не сдавать и продолжить движение во Владивосток, несмотря на применение со стороны Советов силы [12, с. 91].

К концу мая в городе Мариинске сложилась следующая военно-политическая обстановка. Власть в городе и уезде принадлежала Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Влияние Совета было невелико, поэтому ему приходилось опираться на отряд Красной Гвардии, сформированный из рабочих Анжеро-Судженского каменноугольного района и Тайгинского железнодорожного узла. Численность Красной гвардии была невелика и составляла менее сотни человек.

Отряд чехословаков был намного больше. В конце мая 1918 г. в Мариинске находилась чешская группа капитана Кадлеца, состоящая из двух рот Татранского полка и батальона Ганацкого полка, численностью около 2 тыс. человек. В Новониколаевске на станции стояла группа капитана Гайды в составе полутора батальонов Татранского полка и батальона Ганацкого полка (тоже около 2 тыс. человек). Зная о возможных намере-

ниях советской власти разоружить чехословаков, 25 мая 1918 г. капитан Гайда дал секретный приказ Кадлецу в случае угрозы чехам применять силу вплоть до захвата Мариинска, чтобы обеспечить беспрепятственное продвижение по Транссибу [12, с. 92].

Кроме местных красногвардейцев и чехов в Мариинске оказался еще один вооруженный отряд. Это был посторонний отряд Красной гвардии, прибывший на железнодорожную станцию из различных городов Западной Сибири и состоявший в основном из рабочих и бывших пленных мадьяр, которые перешли на сторону советской власти. Этот отряд направлялся в Забайкалье для борьбы с атаманом Г.М. Семеновым. По каким-то неизвестным причинам этот отряд задержался в Мариинске и стоял на станции несколько дней. В периодической печати посторонних красногвардейцев называли «партизанами».

В конце мая 1918 г. на железнодорожной станции в Мариинске произошел конфликт между партизанами и местными красногвардейцами. Вот как это событие было описано в газете «Сибирская жизнь»: «Этот отряд (отряд партизан. – А. Е., И. У.), между прочим, проводил Николин день². И вот, по праздничному делу, отряд партизан имел ночью этого дня вооруженное столкновение с местной, теперь покойной красной гвардией. Стреляли обильно и много, не только из винтовок, но и из пушек. Результатом этой стычки явилось: разоружение красной гвардии, легкое поранение начальника партизан и поранение трех лошадей при одной убитой. С момента разоружения красногвардейцев начинается бесцеремонное хозяйничанье в городе партизан: отбирание лошадей, экипажей. Это производилось иногда прямо на улице. Остановливалась понравившаяся лошадь, выпрягалась и забиралась, а тележка оставалась с остолбеневшим владельцем ее среди улицы. Партизаны обшаривали также квартиры (особенно железнодорожников) и забирали с собой все, что привлекало их взор: свечи, чай, сахар, водка и т. д. Понятно, граждане взвыли, но где искать защиты? Устремились к начальнику чехоского эшелона, стоявшего при станции Мариинск также много дней. Между прочим, защита мирных граждан от насилия партизан послужила, видимо, поводом к выступлению

чехоского эшелона. Это случилось 25 марта³ во время обычных строевых занятий чехов, когда отряд их имел всего 20 винтовок, маршируя близ поезда партизан, по команде с неожиданностью кинулся к расставленным пушкам, пулеметам и в вагоны и без кровопролития обезоружил их. Лишь начальник их с 15–20 партизанами успел переправиться за р. Кия и скрыться вместе с некоторыми членами уездного совдепа. Обезоруженные партизаны были сейчас же выпущены на свободу, а граждане были извещены объявлением о целях, которые преследуют чехи, именно: «обеспечить себе свободный путь во Владивосток» [10]. По сведениям Д.Г. Симонова, во время инцидента чехословаки понесли потери в количестве 2 убитых и 1 раненого [13, с. 62].

Из приведенного отрывка газетной публикации видно, что захват чехами Мариинска произошел 25 мая (указанная в тексте дата 25 марта явно ошибочна), но точное время не указано. Произошло это быстро, без выстрелов и кровопролития. Новые подробности о занятии города можно узнать из газеты «Голос народа». Вот, что в ней содержится: «Выступлению чехословацкого отряда против «совдепа» предшествовало разоружение красной гвардии отрядом партизанов, отправлявшимся против Семенова. Узнав об этом, чехословаки 25 мая около 5 1/2 часов вечера, почти безоружные (у чехословаков было только 24 винтовки) напали на партизанский отряд и отобрали у него все оружие (пулеметы, винтовки, 2 орудия). Минут через 15 чехи заняли город. В тот же день по городу было расклеено объявление командующего чехо-словацким отрядом о целях выступления отряда: «обеспечение свободного проезда во Владивосток. “Во внутреннюю жизнь, – говорится в объявлении, – мы не вмешиваемся”» [9].

Первоначально чехи действительно не вмешивались во внутренние дела Мариинска. Но их выступление породило раскол среди представителей советской власти. Известно, что часть членов исполкома бежала из города вместе с партизанами. Другая часть осталась и даже продолжала работать.

События 25 мая отражены в телеграмме члена Мариинского совдепа Колесникова, которую он направил в Новониколаевск. Впервые текст этой телеграммы опубликовал

А.Х. Клеванский в 1965 году [8, с. 207]. Через несколько лет ее проанализировал В. С. Познанский [11, с. 162–163]. Отметим, что оба историка не смогли объяснить некоторые нестыковки в тексте и просто опустили непонятную им часть, не посчитав нужным сделать какие-либо комментарии. В результате доступными для научной общественности стали только первая и последняя части указанной телеграммы.

Сразу обратим внимание на то, что перед нами не подлинная телеграмма, а копия. Подлинные телеграммы обычно представляли собой телеграфные ленты, приклеенные к бланку. В нашем случае на телеграфном бланке помещен текст, состоящий из двух частей. Большая часть напечатана на машинке синим цветом, а последние фразы вписаны от руки коричневыми чернилами. В тексте отсутствуют такие обязательные элементы подлинных телеграмм, как прописные названия знаков препинания: «тчк» (точка), «зпт» (запятая) и др. Шрифт набран заглавными буквами, что еще больше затрудняет разбивку его на предложения. В некоторых случаях явно пропущены предлоги, в других, наоборот, они присутствуют. В машинописной части есть исправление, которое невозможно объяснить, так как зачеркнутое чернилами машинописное слово «ПАРДОНЪ» не имеет никакого смыслового отношения к тексту. Все указанные текстовые особенности указывают на то, что копиист допускал ошибки и небрежности в передаче текста телеграммы. Исходя из всего вышесказанного, представляем собственный вариант прочтения телеграммы и разбивки ее на предложения.

«[В] Мариинске два эшелона чехов, стоявшие [на] стоянке, разоружили проходивший партизанский отряд на восток для борьбы с Семеновым организованный. Целью с тремя или четырьмя пулеметами и шестью орудиями, ручными гранатами и достаточным количеством винтовок наступают на город. Все Советы просим слать немедленно революционные отряды. Исполнительный комитет с частью партизанским отрядом, переправившись через реку Кия, задерживают наступление. Шлите все, ибо это вызов Советской Федеративной республике. Член исполкома Мариинского совдепа Колесников» [16, л. 51].

Слово «целью» выделено нами намеренно. Мы считаем, что копиист допустил ошибку (описку) и его нужно читать, как «цепью». В этом случае становится понятен тот факт, для чего перечисляются виды вооружения, используемые чехами при наступлении на город. Именно эту часть текста телеграммы опустили Клеванский и Познанский.

Теперь обратимся к времени отправки данной телеграммы. Клеванский и Познанский однозначно утверждали, что она была отправлена в 7 часов 35 минут утра 25 мая 1918 года. В дальнейшем в историографии прочно утвердилось мнение о том, что восстание чехословацкого корпуса произошло ранним утром. На этом утверждении базировались все советские историки. На телеграмме действительно указано время 7.35. Однако мы считаем, что это не утреннее, а вечернее время, поскольку в газетах описываемые события однозначно указывают на вечер. В «Голосе народа» даже приведено точное время – 5 часов 30 минут вечера. Вероятно, при составлении копии телеграммы была пропущена цифра 1 (в этом случае будет 17.35) или не проставлена надпись «п/п» (после полудня), которая обычно сопровождает вечерние телеграммы.

После получения известий из Мариинска, исполком Западно-Сибирского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, находившийся в Омске, немедленно информировал о случившемся Москву. Реакция центральных властей была мгновенной. Тем же вечером 25 мая из Москвы была направлена телеграмма Л.Д. Троцкого, следующего содержания: «Все Советы по железной дороге обязаны под страхом тяжкой ответственности разоружить чехословаков. Каждый чехословак, который будет найден [на] жел[езно]дорж[ной] линии, должен быть расстрелян на месте. Каждый эшелон, в котором окажется хотя бы один вооруженный [чехословак], должен быть выброшен [из] вагона и заключен в лагерь для военнопленных. Местные военные комиссариаты обязуются немедленно выполнить этот приказ. Всякое промедление будет равносильно бесчестной измене и обрушит на виновных суровую кару. Одновременно посылаются в тыл чехословацким эшелонам надежные силы, которым поручено проучить мятеж-

ников. С честными чехословаками, которые сдадут оружие и подчиняться советской власти, будет поступлено как с братьями, им будет оказана всяческая поддержка. Всем железнодорожникам сообщается, что [ни] один вагон с чехословаками не должен продвигаться на восток. Кто уступит насилию и окажет содействие чехословакам в продвижении их на восток, будет сурово наказан. Настоящий приказ прочесть всем чехословацким эшелонам и сообщить всем железнодорожным служащим. Им по месту нахождения чехословаков каждый военный комиссар обязан об исполнении донести» [17, с. 153]. Нельзя не согласиться с мнением А.М. Захарова, который указал, что телеграмма была «пределом оскорбления» чехословаков [4, с. 328].

Телеграмма была перехвачена чехами, текст ее был передан железнодорожниками одному из чешских лидеров поздно вечером 25 мая С. Чечеку [12, с. 93]. Таким образом, угроза чехам и словакам со стороны советской власти стала абсолютна очевидна. В этих условиях капитан Кадлец принял решение арестовать мариинский совдеп. Между тем оставшиеся в городе члены совдепа утром 26 мая провели совещание, на котором была избрана временная «революционная коллегия» по управлению городом. В нее вошли 7 человек: 3 оставшихся в городе представителя совдепа и по одному представителю от партий – большевиков, левых эсеров, правых эсеров и РСДРП. Коллегия не успела приступить к своей работе, так как тут же была арестована чехословаками. Произошло это мирным путем, без каких-либо вооруженных столкновений [9].

После этого на Соборной площади состоялся многотысячный митинг. Как писала пресса, настроение граждан было «противобольшевистское». Потом состоялось заседание совета профессиональных союзов. На нем был выбран временный комитет общественной безопасности, в состав которого вошли в основном представители эсеров и социал-демократов: Н.В. Ковалевский, А.М. Рябцев, Панков, И.И. Шунков, Волков и Табаровский. Новой властью была организована охрана города. По словам печати, «население встретило переворот восторженно» [3, с. 68–69].

Странники советской власти и отряды Красной гвардии, бежавшие из города, распо-

ложились по линии железной дороги с запада и востока от Мариинска. Стычки и мелкие бои продолжались вокруг города несколько дней. Малочисленную западную группу чехи разгромили 1 июня. Восточная группа была намного крупнее, она закрепилась на горе Арчекас. Последние дни мая здесь постоянно происходили перестрелки. Стрельба велась даже из орудий, которые использовали как чехословаки, так и защитники советской власти. Один из самых долгих артиллерийских обстрелов города длился в течение полутора часов. В результате в Мариинске разорвалось 16 снарядов. Жители попрятались по домам, залезли в подвалы и погреба, некоторые бежали из города. Погибших не было, но ранения получили несколько человек. 1 июня с самого утра начался бой, продолжавшийся до обеда. Красногвардейцы пытались прорваться на станцию на паровозе с оборудованной в нем пулеметной точкой. Несколько раз паровоз отгоняли орудийным огнем. В ходе этого сражения чехи нанесли серьезное поражение сторонникам Советов, были захвачены в плен десятки мадьяр и немцев, воевавших на стороне большевиков, оружие, боеприпасы, отбито 5 паровозов. Чехи потеряли 7 человек убитыми, 3 из которых были приколоты большевиками. Населению было объявлено, что красные потерпели поражение. 2 июня в Мариинск прибыл отряд чехословаков из Тайги и отряд Сибирской народной армии из Томска. В тот же день начались переговоры между чехами и большевиками. Боевые действия прекратились, заключено перемирие сроком на 10 дней, которое потом продлили еще на несколько дней [10].

Тем временем, советская власть зашаталась по всей линии Сибирской магистрали. 26 мая чехи заняли Новониколаевск и разогнали местный Совет. В конце мая советская власть пала в г. Тайге, на Анжерских и Судженских копях, Боготоле и других местах. Все бежавшие отряды Красной гвардии сконцентрировались на восточной окраине Мариинска. Одновременно произошло усиление отрядов чехов в этом городе. Возник так называемый Мариинский фронт. В течение двух недель с каждой из противоборствующих сторон скопилось по несколько тысяч человек. 16 июня 1918 г. произошло решающее сраже-

ние между чехами и красногвардейцами. Чехословаки были лучше подготовлены, с помощью разведки они хорошо изучили расположение красных, засевших на возвышенностях восточнее города. Используя помощь местных жителей, чешские легионеры тайно переправились через реку Кию и ударили в тыл красногвардейцам. Странники советской власти потерпели сокрушительное поражение. По оперативному сообщению уполномоченного Западно-Сибирского комиссариата Н. Фомина, под Мариинском были пленены 600 красногвардейцев, потери чехословаков составили 16 человек [15, л. 333].

Результаты. По установившейся с советских времен историографической традиции восстание Чехословацкого корпуса считается одним из главных событий начала Гражданской войны в России. Реконструкция событий 25 мая 1918 г. в Мариинске показала, что в этот момент в городе присутствовало сразу 3 военно-политических силы: местный отряд Красной гвардии; посторонний отряд красногвардейцев, которых называли партизанами, и отряд чехословаков. Вооруженный инцидент начался с конфликта, возникшего между двумя отрядами Красной гвардии. При этом партизаны обезоружили местных красногвардейцев. Затем они начали грабить горожан и железнодорожников. Чтобы навести порядок в городе, чехословаки обезоружили

партизан. В некоторой степени это была вынужденная мера, так как чехи опасались, что беспорядки в Мариинске не позволят им продвигаться на восток, чтобы покинуть Россию. Мариинский совдеп расценил это как восстание против советской власти и тут же призвал все советы присылать подкрепление в город с целью борьбы с чехами. Центральные власти в лице председателя Высшего военного совета Л.Д. Троцкого воспользовались ситуацией, чтобы разоружить Чехословацкий корпус и уничтожить тех чехов, которые будут сопротивляться. Так вспыхнула Гражданская война в России, повлиявшая на весь ход мировой истории. Небольшому сибирскому городу Мариинску судьбой было уготовано стать тем местом, где вспыхнула случайная искра, взорвавшая всю страну уже готовую к масштабной братоубийственной войне.

ПРИМЕЧАНИЯ

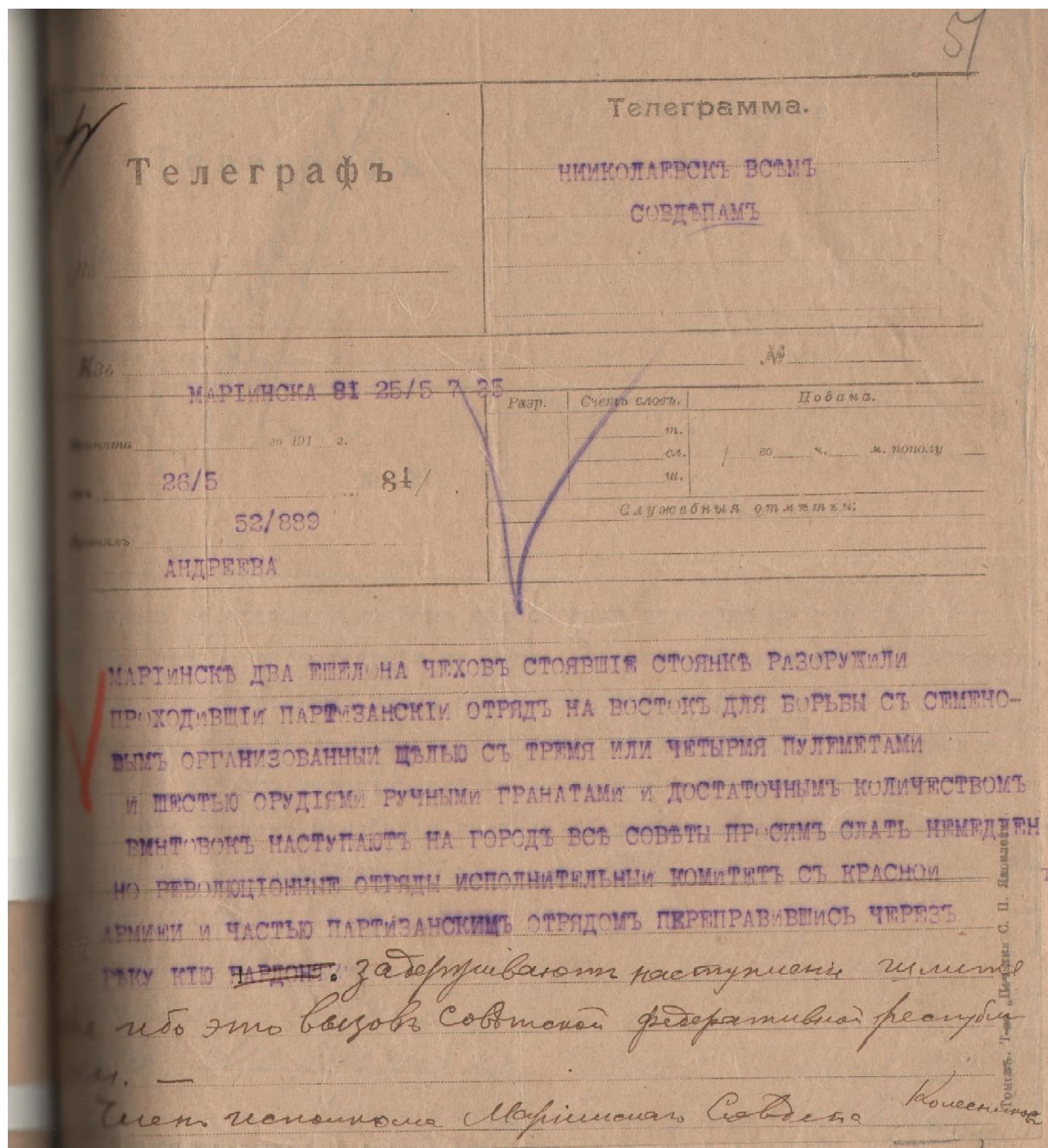
¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (20-49-420006 p_a) и в рамках государственного задания (проект № 0286-2021-0012).

The work was supported by RFBR (grant 20-49-420006 p_a) and within the framework of the state task (project № 0286-2021-0012).

² Николин день весенний празднуется 22 мая.

³ В газете явная ошибка (опечатка). Событие произошло не в марте, а в мае.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Телеграмма Колесникова в Новониколаевск, 25 мая 1918 года

Kolesnikov's telegram to Novonikolaevsk, May 25, 1918

Примечание. Источник: [16].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданская война в СССР. В 2 т. Т. 1 / под общ. ред. Н. Н. Азовцева. – М. : Воениздат, 1980. – 368 с.
2. Гражданская война и военная интервенция в СССР : энциклопедия / гл. ред. С. С. Хромова. – М. : Сов. энцикл., 1983. – 704 с.
3. Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая – 30 июня 1918 г.) : сб. док. и материалов / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2005. – 246, [1] с.
4. Захаров, А. М. «Двоюродные братья» : Славянские добровольческие вооруженные формирования в России / А. М. Захаров. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. – 496 с.
5. История гражданской войны в СССР. В 5 т. Т. 3 / ред. ком. тома С. Ф. Найда [и др.] – М. : Госполитиздат, 1958. – 678 с.
6. Какурин, Н. Е. Гражданская война, 1918–1921 / Н. Е. Какурин, И. И. Вацетис. – СПб. : Полигон, 2002. – 670, [2] с.
7. Калашников, В. В. Новейшая историография Гражданской войны в России: экспресс-анализ // Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии. – СПб. : СПб ГЭТУ «ЛЭТИ», 2018. – С. 184–253.
8. Клеванский, А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус : Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России: 1914–1921 гг. / А. Х. Клеванский. – М. : Наука, 1965. – 395 с.
9. Мариинск // Голос народа. – 1918. – 6 июня (№ 5).
10. Мариинск // Сибирская жизнь. – 1918. – 15 июня (№ 36).
11. Познанский, В. С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. / В. С. Познанский. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1973. – 307 с.
12. Прайсман, Л. Г. Чехословацкий корпус в 1918 году / Л. Г. Прайсман // Вопросы истории. – 2012. – № 5. – С. 75–103.
13. Симонов, Д. Г. Белая Сибирская армия в 1918 году / Д. Г. Симонов. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2010. – 610 с.
14. Симонов, Д. Г. Гражданская война на востоке России / Д. Г. Симонов // Историческая энциклопедия Сибири. В 3 т. Т. 1. – Новосибирск : Ист. наследие Сибири, 2009. – С. 429–433.
15. Сообщение о военных действиях на мариинском фронте, 20 июня 1918 года // Государственный архив Томской области. – Ф. 433. – Оп. 1. – Д. 571. – 428 л.
16. Телеграмма Колесникова в Новониколаевск, 25 мая 1918 года // Государственный архив

Российской Федерации. – Ф. 151. – Оп. 1. – Д. 11. – 158 л.

17. Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. В 2 т. Т. 2. Чехословацкие легионы и Гражданская война в России. 1918–1920 гг. : док. и материалы. – М. : Кучково поле, 2018. – 1024 с.

REFERENCES

1. Azovtsev N.N., ed. *Grazhdanskaia voina v SSSR. V 2 t. T. 1* [Civil War in the USSR. In 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Voenizdat, 1980. 368 p.
2. Khromov S.S., ed. *Grazhdanskaia voina i voennaia interventsiia v SSSR: entsiklopediia* [Civil War and Military Intervention in the USSR. Encyclopedia]. Moscow, Sov. entsikl. Publ., 1983. 704 p.
3. Shishkin V.I., ed. *Zapadno-Sibirskii komissariat Vremennogo Sibirskogo pravitelstva (26 maia – 30 iunია 1918 g.) : sb. dok. i materialov* [West Siberian Commissariat of the Provisional Siberian Government (May 26 – June 30, 1918). Collection of Documents and Materials]. Novosibirsk, Novosib. gos. un-t, 2005. 246, 1 p.
4. Zakharov A.M. «Dvoyurodnye brat'ya»: *Slavyanskie dobrovol'cheskie vooruzhennye formirovaniya v Rossii* [“Cousins”: Slavic Volunteer Armed Formations in Russia]. Saint Petersburg, Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, 2019. 496 p.
5. Naida S.F., Obichkin G.D., Petrov Iu.P., Struchkov A.A., Shatagin N.I., eds. *Istoriia grazhdanskoi voiny v SSSR. V 5 t. T. 3* [History of the Civil War in the USSR. In 5 Vols. Vol. 3]. Moscow, Gospolitizdat, 1958. 678 p.
6. Kakurin N.E., Vatssetis I.I. *Grazhdanskaia voina, 1918–1921* [Civil War, 1918–1921]. Saint Petersburg, Poligon Publ., 2002. 670, 2 p.
7. Kalashnikov V.V. *Noveishaia istoriografiia Grazhdanskoi voiny v Rossii: ekspress-analiz* [The Latest Historiography of the Russian Civil War: Express Analysis]. *Grazhdanskaia voina v Rossii: vzgliad cherez 100 let. Problemy istorii i istoriografii* [The Russian Civil War: A Look Through 100 Years. Problems of History and Historiography]. Saint Petersburg, SPb GETU «LETI» Publ., 2018, pp. 184–253.
8. Klevanskii A.Kh. *Chekhoslovatskie internatsionalisty i prodannii korpus: Chekhoslovatskie politicheskie organizatsii i voinskie formirovaniia v Rossii: 1914–1921 gg.* [Czechoslovak Internationalists and the Sold Corps: Czechoslovak Political Organizations and Military Formations in Russia 1914–1921]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 395 p.
9. *Mariinsk* [Mariinsk]. *Golos naroda* [Voice of the People], 1918, June 6 (no. 5).
10. *Mariinsk* [Mariinsk]. *Sibirskaiia zhizn* [Siberian life]. 1918, June 15 (no. 36).

11. Poznanskii V.S. *Ocherki istorii vooruzhennoi borby Sovetov Sibiri s kontrrevoliutsiei v 1917–1918 gg.* [Essays on the History of the Armed Struggle of the Soviets of Siberia with the Counter-Revolution 1917–1918]. Novosibirsk, Nauka. Sib. otd-nie Publ., 1973. 307 p.

12. Praisman L.G. Chekhoslovatskii korpus v 1918 godu [Czechoslovak Corps in 1918]. *Voprosy istorii* [History Questions], 2012, no. 5, pp. 75-103.

13. Simonov D. G. *Belaya Sibirskaya armiya v 1918 godu* [The White Siberian Army in 1918]. Novosibirsk, Novosibirsk State University, 2010. 610 p.

14. Simonov D.G. Grazhdanskaia voina na vostoке Rossii [Civil War in Eastern Russia]. *Istoricheskaiia entsiklopediia Sibiri. V 3 t. T. 1* [Historical Encyclopedia of Siberia. In 3 Vols. Vol. 1]. Novosibirsk, Ist. nasledie Sibiri, 2009, pp. 429-433.

15. Soobshchenie o voennykh deistviiakh na mariinskom fronte, 20 iunია 1918 goda [Report on Military Operations on the Mariinsky Front, June 20, 1918]. *Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti* [State Archive of the Tomsk Region], f. 433, inv. 1, d. 571. 4281.

16. Telegramma Kolesnikova v Novonikolaevsk, 25 maia 1918 goda [Kolesnikov's Telegram to Novonikolaevsk]. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation], f. 151, inv. 1, d. 11. 158 l.

17. *Cheshsko-Slovackij (Chekhoslovackij) korpus. 1914–1920. V 2 t. T. 2. Chekhoslovackie legiony i Grazhdanskaya vojna v Rossii. 1918–1920 gg. : dok. i materialy* [Czech-Slovak (Czechoslovak) Corps. 1914–1920. In 2 Vols. Vol. 2. Czechoslovak Legions and the Civil War in Russia. 1918–1920. Documents and Materials]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2018. 1024 p.

Information About the Authors

Alexey N. Ermolaev, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Chief Researcher, Laboratory of the history of South Siberia, Federal Research Centre of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Sovetsky, 18, 650000 Kemerovo, Russian Federation; Professor of the Department of Russian History, Kemerovo State University, Krasnaya St, 6, 650000 Kemerovo, Russian Federation, al-ermolaev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6903-5883>

Igor Yu. Uskov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Senior Research Science Laboratory of the History of South Siberia, Federal Research Centre of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Sovetsky, 18, 650000 Kemerovo, Russian Federation, Yskov74@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7781-2187>

Информация об авторах

Алексей Николаевич Ермолаев, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории истории Южной Сибири, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения РАН, просп. Советский, 18, 650000 г. Кемерово, Российская Федерация; профессор кафедры истории России, Кемеровский государственный университет, Красная, 6, 650000 г. Кемерово, Российская Федерация, al-ermolaev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6903-5883>

Игорь Юрьевич Усков, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории истории Южной Сибири, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения РАН, просп. Советский 18, 650000 г. Кемерово, Российская Федерация, Yskov74@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7781-2187>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.13>

UDC 94(47).084.3
LBC 63.3(2)612

Submitted: 08.09.2021
Accepted: 15.03.2022

THE COMBAT CONDITION OF THE UNITS OF THE CZECH-SLOVAK CORPS IN LATE 1917 – EARLY 1918

Boris A. Tatarov

Charles University, Praha, Czech Republic;
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article examines the features of the combat condition of the units of the Czech-Slovak Corps in 1917 – early 1918. It is legitimate to assert that the history of the formation and participation in hostilities of the Czech-Slovak Corps occupies a prominent place both in the history of the First World War and the Revolution, and in the history of the Civil War in Russia in 1914–1920. *Methods and materials.* The study is based on unique documentary evidence from the archives of the Czech Republic, not previously introduced into scientific circulation. They apply both to individual military units and subunits, and to the corps as a whole. Despite the rather large volume of publications in Russian historiography, the military-political history of the corps during the Civil War cannot yet be considered sufficiently studied. *Analysis.* The article gives an assessment of the real combat condition of the corps units in late 1917 – early 1918, in the period preceding the anti-Bolshevik action. The factual data presented in the article significantly correct the point of view currently prevailing in terms of Russian historiography and historical journalism, according to which the Czech-Slovak units located along the Trans-Siberian railway from Penza to Vladivostok were distinguished by large numbers and were well armed. The article analyzes the weapons and ammunition available in the arsenals of the corps, assesses the military training of its various units. In fact, we can say that the numerical strength, as well as the degree of combat readiness of the corps units were not high enough. *Results.* Therefore, based on this aspect of the history of the Czech-Slovak Corps, it is impossible to say unequivocally about a pre-prepared and carefully planned speech. Nevertheless, the events that took place undoubtedly contributed to the escalation of the Civil War in Russia.

Key words: Czech-Slovak Corps, White Movement, Russian Revolution, Civil War in Russia, General Chokorov, Colonel Wojciechowski.

Citation. Tatarov B.A. The Combat Condition of the Units of the Czech-Slovak Corps in Late 1917 – Early 1918. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhduнародnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 4, pp. 140-153. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.13>

УДК 94(47).084.3
ББК 63.3(2)612

Дата поступления статьи: 08.09.2021
Дата принятия статьи: 15.03.2022

БОЕВОЕ СОСТОЯНИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ЧЕШСКО-СЛОВАЦКОГО КОРПУСА В КОНЦЕ 1917 – НАЧАЛЕ 1918 ГОДА

Борис Алексеевич Татаров

Карлов университет, г. Прага, Чешская Республика;
Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются особенности боевого состояния подразделений Чешско-Словацкого корпуса в 1917 – начале 1918 года. Правомерно утверждать, что история формирования и участия в боевых действиях Чешско-Словацкого корпуса занимает заметное место как в истории Первой мировой войны и революции, так и в истории Гражданской войны в России в 1914–1920 годах. Исследование базируется на уникальных документальных свидетельствах из архивов Чехии, не введенных ранее в научный оборот. Они относятся как к отдельным воинским частям и подразделениями, так и к корпусу в целом. Несмотря на

достаточно большой объем публикаций в российской историографии, военно-политическую историю корпуса периода Гражданской войны еще нельзя считать достаточно изученной. В статье дается оценка реального боевого состояния частей корпуса в конце 1917 – начале 1918 г., в период, предшествовавший антибольшевистскому выступлению. Приведенные в статье фактические данные существенно корректируют сложившуюся в настоящее время в части российской историографии и в исторической публицистике точку зрения, согласно которой чешско-словацкие части, расположенные по Транссибирской магистрали от Пензы до Владивостока, отличались большой численностью и были хорошо вооружены. В статье проведен анализ оружия и боеприпасов, имевшихся в арсеналах корпуса, дана оценка военной подготовке различных его подразделений. По сути можно говорить о том, что численный состав, а также степень боевой готовности частей корпуса были недостаточно высоки. Исходя из этого аспекта истории Чешско-Словацкого корпуса, не следует однозначно утверждать о заранее подготовленном и тщательно спланированном выступлении. Тем не менее произошедшие события, несомненно, способствовали эскалации Гражданской войны в России.

Ключевые слова: Чешско-Словацкий корпус, Белое движение, Российская революция, Гражданская война в России, генерал В.Н. Шокоров, подполковник С.Н. Войцеховский.

Цитирование. Татаров Б. А. Боевое состояние подразделений Чешско-Словацкого корпуса в конце 1917 – начале 1918 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 140–153. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.13>

Введение. История Чешско-Словацкого корпуса занимает заметное место в истории Гражданской войны в России. Однако, несмотря на достаточно большой объем публикаций, многие аспекты его прошлого остаются малоизученными. Новизна исследования заключается в анализе особенностей боевого состояния частей корпуса, взаимосвязи данных о его вооружении и обеспечении и степени его готовности к ведению активных наступательных операций.

Целью данной статьи является оценка боевого состояния Чешско-Словацкого корпуса на основе не вводившихся ранее в широкий оборот документов из архива Начальника штаба данного соединения в Праге. Благодаря этому представляется возможным оценить перспективу антисоветского выступления весной 1918 года. Поставленная цель связана со следующими задачами: определить численность военнослужащих и количество вооружения; проследить состояние военной подготовки в корпусе, оценить наличие боевого опыта у отдельных воинских частей в его составе.

Методы и материалы. В соответствии с методом историзма события, связанные с формированием и боевой подготовкой Чешско-Словацкого корпуса, рассматриваются в условиях их зависимости от времени и обстоятельств. Используется также статистический анализ данных о численности и боеготовности корпуса.

В советской историографии преобладала оценка, согласно которой восстание Чешско-

Словацкого корпуса – это хорошо подготовленная странами Антанты акция, благодаря чему многочисленные и сильно вооруженные части корпуса синхронно выступили и свергли советскую власть от Волги до Владивостока [2, с. 407].

Современную российскую историографию Чешско-Словацкого корпуса нельзя считать недостаточной с точки зрения количества публикаций. Можно указать на обзорные исследования, в которых дан историографический обзор по организации антисоветского выступления [1]. Изучены многие эпизоды антисоветского выступления, специфика боевых действий корпуса [6; 7]. Имеется также литература, отражающая особенности политической истории корпуса, а также взаимодействия его военного командования со странами Антанты [3; 12]. Однако во многих работах недостаточно анализируются вопросы боевого состояния, боевой готовности корпуса, а сведения о его численности отличаются неполнотой и явными преувеличениями, на что обращали внимание российские ученые и что объясняется отсутствием достаточного объема источников по данной теме в российских архивах [5; 10]. Представляется необходимым заполнить имеющиеся историографические пробелы.

Основными источниками по теме исследования стали не публиковавшиеся ранее документы из фондов Центрального военного архива Министерства обороны Чешской Республики (Военно-исторический архив (VUA –

ВНА), расположенного в г. Праге. Документация велась на чешском языке. Тексты документов приведены в авторском переводе.

Анализ. Одно из первых свидетельств боеспособности корпуса относится к началу 1918 г., когда части украинской красной гвардии проходили по территории дислокации 2-й Чешско-Словацкой стрелковой дивизии. Член Украинского Совета Народных Комиссаров Г. Лапчинский писал: «Очевидно, что дивизия весьма организованного, по-европейски вооруженного и дисциплинированного войска легко могла уничтожить все наши “армии”» [4, с. 216]. Насколько же подобная оценка соответствовала действительности?

Формирование Отдельного Чешско-Словацкого корпуса в составе двух стрелковых дивизий и вспомогательных частей началось в августе – сентябре 1917 года. Первый приказ по Чехословацкому корпусу был отдан в Киеве 23 октября 1917 года. В нем сообщалось, что генерал-майор В.Н. Шоков «22-го сего Октября прибыл и вступил в командование Чешско-Словацким корпусом. Основание: приказ по армии и флоту от 15-го сего Октября» [8]. 1-й Чешско-Словацкой стрелковой дивизией командовал генерал-майор Н.П. Коломенский, 2-й Чешско-Словацкой стрелковой дивизией – генерал-майор П.Н. Подгаецкий. Первая дивизия была расположена около Житомира, а вторая – в районе Борисполя.

Обращаясь к истории формирования Чешско-Словацкого корпуса, важно выделить дату 26 сентября 1917 г., когда приказом Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего генерал-майора М.К. Дитерихса был издан приказ № 613:

«...1. Сформировать. а) Управление Чешско-Словацкого корпуса... б) управление Чешско-Словацкой стрелковой запасной бригады... в) Чешско-Словацкую отдельную инженерную роту... г) Чешско-Словацкую саперную запасную полуроту... 2. Переформировать. а) Чешско-Словацкий запасной батальон... в 1-й Чешско-Словацкий стрелковый запасной полк, 12-ротного состава... по расчету 4 батальона 3-ротного состава... б) 4 запасных батальона 2-й Чешско-Словацкой стрелко-

вой дивизии в 2-й Чешско-Словацкий стрелковый запасной полк... 3. Включить. а) 1-й и 2-й Чешско-Словацкие стрелковые запасные полки и Чешско-Словацкую саперную запасную полуроту – в состав Чешско-Словацкой стрелковой запасной бригады; б) Чешско-Словацкую отдельную инженерную роту – в состав 1-й Чешско-Словацкой стрелковой дивизии; в) Чешско-Словацкую отдельную инженерную роту, сформированную приказом Верховного Главнокомандующего 6 августа сего года № 768 – в состав 2-й Чешско-Словацкой стрелковой дивизии. 4. Включить 1-ю и 2-ю Чешско-Словацкие стрелковые дивизии и Чешско-Словацкую стрелковую запасную бригаду в состав Чешско-Словацкого корпуса. 5. Упразднить комиссию по формированию Чешско-Словацких войсковых частей... 6. Ввести во всех Чешско-Словацких войсковых частях дисциплинарный устав французской армии. 7. Установить в тех же частях командным языком – русский, сохранив команды на чешском языке для парадов и церемоний, связанных с национальными Чешско-Словацкими торжествами».

С данным приказом интересно сопоставить проект капитана Гвардии Петроградского полка Я.Я. Червинки (младшего). Предполагался его состав из следующих подразделений:

1) «1-я Чешско-Словацкая дивизия (бригада разворачивается в дивизию).

1-я Чешско-Словацкая стрелковая артиллерийская бригада (6 батарей по 6 орудий образца 1902 года и 72 зарядных ящика).

1-я Чешско-Словацкая артиллерийская парковая бригада (107 зарядных ящиков).

1-я Чешско-Словацкая штурмовая батарея (8 орудий образца 1909 года).

1-я Чешско-Словацкая отдельная инженерная рота (с кабельным отделением и прикомандированным телеграфным взводом).

2) 2-я Чешско-Словацкая дивизия (рядом с Киевом).

2-я Чешско-Словацкая стрелковая артиллерийская бригада (6 батарей по 6 орудий образца 1902 года и 72 зарядных ящика).

2-я Чешско-Словацкая артиллерийская парковая бригада (107 зарядных ящиков).

2-я Чешско-Словацкая итурмовая батарея (8 орудий образца 1909 года).

2-я Чешско-Словацкая отдельная инженерная рота (с кабельным отделением и прикомандированным телеграфным взводом).

3) Чешско-Словацкий дивизион тяжелой артиллерии (3 батареи по 4 орудия, 2 гаубицы Обуховского (образца 1912 года) с парком (4 батареи) с автомобильной командой и 6-ю грузовиками.

4) Чешско-Словацкий Мортирный артиллерийский дивизион (3 батареи с 4-мя 48-линейными гаубицами образца 1909 года).

5) Чешско-Словацкая зенитная батарея (4 орудия образца 1916 года).

6) Чешско-Словацкий казачий дивизион – 3 сотни.

7) Чешско-Словацкий броневой автомобильный дивизион (4 машины с пулеметами, «Остин» или «Фиат», 4 машины Гарфорд с тремя пушками и 3-мя пулеметами, скорость 25 миль в час); 4 машины, 4 грузовика, 4 мотоцикла (один с коляской) и 2 велосипеда;

8) Чешско-Словацкий авиационный отряд (6–8 аппаратов), 2 легких авто;

9) Чешско-Словацкая телеграфная рота;

10) Чешско-Словацкая санитарная рота – 10 машин.

Состав корпуса: штыков 27 000, пик – 380, пулеметов 210, легких орудий – 99, тяжелых – 24, зенитных – 4, зарядных ящиков – 528, телеграфов – 50, аэропланов – 6/8, броневые автомобили – 4/8. Итого: 860 офицеров, нижних чинов – 41 000» [9].

Помимо перечисленных выше соединений планировалось формирование запасных частей: 1-й и 2-й стрелковые запасные полки, запасная кавалерийская сотня, запасной артиллерийский дивизион, запасная инженерная рота.

Обстановка формирования корпуса оказалась крайне сложной. Российская армия, как и само государство, стремительно разваливалась, что не могло не сказаться на боевом снабжении существующих и формирующихся чешско-словацких частей. Полки второй, отчасти и первой дивизии не имели штатного количества личного состава, остро ощущалась нехватка вооружения и снаряжения.

Начальник Штаба 1-й Чешско-Словацкой Гуситской стрелковой дивизии сообщал Дежурному Генералу Штаба Юго-Западного фронта, что «за период времени с 1-го по 18-е сентября формирование 1-й Чешско-Словацкой дивизии находится в следующем положении: получено вооружение: 7 сентября – 132 шашки, 446 винтовок Винчестера и 480 кинжалов, 10 сентября – 8 669 винтовок пехотных 3-лин., 480 драгунских винтовок взамен карабинов, 20 револьверов. 6 пулеметов “максим” для трех батарей артиллерийского дивизиона... Первые три полка: 1, 2 и 3-й сформированы и представляют из себя боевую силу. В среднем штыков в ротах: в 1-м полку – 190; во 2-м полку – 132; в 3-м полку – 140. Доведению числа штыков до комплекта препятствует неполучение кухонь. Четвертый полк представляет из себя кадр 9-ти рот в среднем по 50 штыков в каждой... Артиллерийский дивизион пополнен до штатного числа солдат чехами из военнопленных, служивших ранее в артиллерии и кавалерии» [14]. Далее в рапорте указывалось, что дивизия затребовала, но не получила другое имущество: шанцевый инструмент, телефонное имущество и т. п. Особенно неудовлетворительным было положение с конским составом. Так, в обозе дивизии была всего 71 лошадь, при штате 425. В 4-м полку недокомплект достигал 344 лошади, в батареях – недокомплект от 113 до 131 лошади на батарею.

24 октября 1917 г. временно командующий 1-й Чешско-Словацкой стрелковой Гуситской дивизией полковник Мамонтов писал в рапорте, что ситуация с формированием дивизии не улучшилась. В ответе на телеграмму № 4125 генерал-майора Я.В. Червинки (старшего), в которой он сообщал о решении отослать во Францию 1 000 человек, отмечалось также, что недокомплект вверенной ему дивизии в данный момент составляет 10 000 человек! Поэтому, несмотря на то что дивизия смогла получить часть необходимого имущества, все-таки проводить полноценное формирование было невозможно, так как не хватало личного состава. В частности, не могли быть сформированы: парковый артиллерийский дивизион, инженерная рота и т. д.

21 сентября 1917 г. Начальник 1-й Чешско-Словацкой дивизии по строевой части подполковник С.Н. Войцеховский писал дежурному генералу Юго-Западного фронта, что «в комплектовании Чешско-Словацких частей единственным источником пополнения является исключительно наличное число охотников чехов военнопленных». Однако в условиях фактического развала государства пополнить корпус до штатной численности добровольцами из числа военнопленных с каждым днем становилось все более сложным. Военнопленные, принявшие решение вступить в формирующиеся части корпуса, не могли даже быть отправлены к месту дислокации.

После октября 1917 г. ситуация ухудшилась. Уже в конце декабря 1917 г. большевики фактически запретили Отделению Чешско-Словацкого Народного Совета в России давать документы для освобождения и свободного передвижения чехо-словакам военнопленным и даже входить представителям Совета на территорию лагерей. Так, например, Инспектор Чешско-Словацких войск писал в рапорте командиру корпуса 15 января 1918 г.: «...добровольцы в настоящее время ввиду существующей разрухи прибывают в крайне ограниченном количестве... таким образом, ввиду неприбытия в Борисполь людей, я не имею возможности формировать артиллерию (два артиллерийских мортирных, два парковых артиллерийских дивизиона, а также запасной артиллерийский взвод), телеграфную роту и запасную саперную полуроту» [14].

Помимо нехватки личного состава, корпус испытывал недостаток вооружения, снаряжения и даже продовольствия. В некоторых полках чехословацкие стрелки вынуждены были ходить в старой австрийской форме из-за невозможности достать русское обмундирование. Хорошо характеризует ситуацию, в которой находились чехо-словаки, рапорт командира Чешско-Словацкого стрелкового Запасного батальона от 21 ноября 1917 г. Инспектору Чешско-Словацких запасных войск. В ответ на приказ о перемещении вверенного ему подразделения из Житомира он сообщал, что передислокация практически невозможна по причине отсутствия продовольствия,

обмундирования и полного отсутствия лошадей. Начальник штаба 1-й Чешско-Словацкой стрелковой Гуситской дивизии докладывал начальнику штаба корпуса: «В запасном полку более 1000 человек, необмундированных и не имеющих обуви...». Командир Чешско-Словацкого запасного полка в декабре 1917 г. рапортовал начальнику Штаба 1-й Чешско-Словацкой Гуситской стрелковой дивизии: «Уведомляю, что обмундирование и обувь запасному полку отпущены из Киевского и Дарницкого вещевых складов Киевского Интендантского Управления, но доставить таковые в г. Житомир невозможно, так как железные дороги грузов не принимают... Полку обмундирования и обуви нет...» [14].

Какова же была общая численность корпуса? Об этом дает представление телеграмма начальника штаба 1-й Чешско-Словацкой дивизии от 16 декабря 1917 г. в штаб корпуса: «Полонное. 16 декабря 9 часов 13 минут дивизии на 16 декабря состоит двоеочие офицеров 165 запятая солдат строевых рот скоба штыков в ротах 5 345 запятая командах боевого назначения 2 606 запятая командах вспомогательного назначения 1 336 запятая в запасных маршевых ротах нет запятая маршевых рот выступивших но прибывших в дивизию нет точка Наштадив 1 Чешской Словацкой подполковник Войцеховский». 29 января 1918 г., «Телеграмма Киев Пушкинская 30 Наштакор Чешкословацкого, Полонное. 17 января "16" часов "30" минут. В частях и учреждениях первой Чешкословацкой дивизии с 1 по 15 января дезертиров офицеров нет, чиновников нет, солдат 69. Возвратившихся офицеров нет, чиновников нет, солдат 13. Начштаб первой Чехословацкой подполковник Войцеховский». «Телеграмма Житомир 27 января в дивизии на 27 января состоит офицеров 264, солдат в строевых ротах (штыков в ротах) 5 203, в командах боевого назначения 2 453, в командах вспомогательного назначения 1 263, в запасных маршевых ротах нет запятая маршевых рот выступивших но прибывших в дивизию нет точка Наштадив 1 Чешской Словацкой подполковник Войцеховский» [13]. Как видно, численность 1-й ди-

визии практически не менялась, ее боевая сила составляла 9 183 человек.

Во второй дивизии ситуация была лучше. Согласно ведомости на 1 февраля 1918 г.: «офицеров по штату – 381 / по списку – 921 / налицо – 496 / нехватка – +540; врачей 19 / 27 / 24 / +8; классных чинов – 38 / 21 / 18 / 17; солдат – строевых 16 924 / 16 013 / 14 531 / -918 нестроевых 1 899 / 2 093 / 1 416 / -129». Согласно ведомости вторая дивизия также, как и первая, испытывала заметную нехватку лошадей. Не хватало: строевых – 45, упряжных артиллерийских 615 и 920 обозных. 2 февраля начальник штаба 2-й Чешско-Словацкой стрелковой дивизии сообщал в рапорте начальнику штаба корпуса: «На запрос Ваш от 24 января сего года доношу о состоянии дивизии к 15-му января с.г.: 1) разница в списочном и наличном составе офицеров объясняется тем, что часть офицеров была выделена во 2-й Чешско-Словацкий стрелковый запасной полк, но из списков не исключена» [14].

Как видно из ведомостей, численность обеих дивизий была намного меньше штатного расписания. И в сложившейся ситуации пополнить корпус новыми добровольцами было невозможно.

Некоторое количество чехо-словаков находилось в запасных частях. На 12 сентября 1917 г. в запасном батальоне, как указывалось в рапорте начальника штаба 1-й дивизии генералу Червинке, было 3 443 переменного состава. Но, согласно телеграмме из Ставки от генерала Дитерихса (№ 12502), по соглашению с Французским правительством следовало немедленно отправить во Францию 1 100 солдат (всего было отправлено около 3 000 человек). Наштаверх приказал людей этих спешно отправить в Архангельск для посадки на морские транспорты. Тем самым корпус, остро нуждавшийся в пополнении, оказался еще более ослаблен.

Инспектор Чешско-Словацких войск генерал-майор Червинка отмечал в рапорте командиру корпуса от 15 января 1918 г.: «В сформированном только что 2-м запасном полку нет ни одного лишнего человека и едва хватает наличных людей на наряды и для хозяйственных надобностей. В первом запасном полку, хотя и имеется около

4 000 чел. переменного состава, но они не обмундированы, так как вытребованное и полученное обмундирование находится в вагонах на промежуточных станциях и, ввиду остановки передвижения, не может быть получено» [14].

Ведомости показывают, что в двух дивизиях фактически состояло 24 210 человек, а в запасных частях – 4 500–5 000 человек.

Заслуживают внимания документы о вооружении корпуса. 3 февраля 1918 г. интендант 1-й Чешско-Словацкой стрелковой Гуситской дивизии сообщал в штаб корпуса о наличии бомбо-минометных орудий, пушек и другого артиллерийского имущества: бомбометов – 32 (по 8 на каждый стрелковый полк); минометов – 16 (по 4 на стрелковый полк); артиллерийская бригада: орудий – 18, зарядных ящиков – 36, передков – 18. Недоставало по 8 орудий (по 2 на каждый стрелковый полк). Далее шла речь о состоянии пулеметов: исходя из приказа Н-верх, положено пехоте приказ № 1471, полкам стрелковых дивизий и кавалерии приказы Н-верх № 296 и 1692 положено: 24 пулемета на полк (12 – максим, 12 – кольт), в наличии: 1-й Чешско-Словацкий стрелковый полк: максим – 11, кольт – 10, ружей Шоша – 24, двуколок пулеметных – 12, двуколок патронных – 40, двуколок четверочных образца 1914 г. – 40; 2-й Чешско-Словацкий стрелковый полк: максим – 11, австрийские 8; кольт – 8, ружей Шоша – 24, двуколок пулеметных – 0, двуколок патронных – 4, двуколок четверочных образца 1914 г. – 6; повозки обывательского типа – 39; 3-й Чешско-Словацкий стрелковый полк: максим – 12, кольт – 10, ружей Шоша – 24, двуколок пулеметных – 2, двуколок патронных – 6; 4-й Чешско-Словацкий стрелковый полк: максим – 12, кольт – 10, ружей Шоша – 24; 1-я Чешско-Словацкая артиллерийская бригада: кольт – 6 [14].

Интересны и сведения о состоянии винтовок в пехотных, артиллерийских и кавалерийских частях 1-й Чешско-Словацкой Гуситской стрелковой дивизии на 1 февраля 1918 г.: положено на стрелковый полк – 3 149, налицо: 1-й Чешско-Словацкий стрелковый полк – 3-линейных – 2 965; драгунских 3-линейных – 120, винчестер – 64; 2-й Чешско-Словацкий стрелковый полк – 3-линейных – 2 825; драгунских – 3-линейных – 120, винчестер – 64;

3-й Чешско-Словацкий стрелковый полк – 3-линейных – 2 965; драгунских – 3-линейных – 120, винчестер – 64; 4-й Чешско-Словацкий стрелковый полк – 3-линейных – 2 965; драгунских 3-линейных – 120, винчестер – 64; штаб 1-й Чешско-Словацкой стрелковой дивизии: положено 190, налицо – 3-линейных – 17, винчестер – 149; 1-я Чешско-Словацкая артиллерийская бригада: австрийских – 12, карабинов 3-линейных – 43; 1-й артиллерийский парк дивизии: французских – 396, инженерная рота: 3-линейных – 253, австрийских – 71; обоз: неосновного образца – 20. Итого: 3-линейных – 11 990, французских – 396, австрийских – 83, карабинов 3-линейных – 43, драгунских 3-линейных – 480, винчестер – 405, неосновного образца – 20 [14].

Согласно ведомости второй дивизии на 1 февраля 1918 г. во 2-й Чешско-Словацкой стрелковой дивизии на вооружении состояло: пулеметов «Максим» – 36 (не хватает 12 пулеметов); кольт – 40; Шоша – 96; винтовок – 11 631 (не хватает 3-линейных – 755; карабинов 3-линейных – 534), шашек – не хватает 74; револьверов – 1 006; бомбометов – 8; минометов – 2; шашек – 46 [14].

Таким образом, положение со стрелковым оружием и артиллерией было далеко не самым лучшим. Если в 1-й дивизии вооружены все добровольцы и даже имелся небольшой запас винтовок, то во 2-й катастрофически не хватало винтовок, револьверов и пулеметов. Ни у первой, ни у второй дивизии не было должного количества вооружения по положенному штату.

Что касается боеприпасов (патронов и артиллерийских снарядов), то здесь ситуация оказалась катастрофической. Об этом можно судить по ведомости 2-й Чешско-Словацкой стрелковой дивизии. В ее распоряжении состояло: 14 440 патронов (+4 860 учебных патронов); артиллерийских гранат не хватало – 2 112, шрапнели – 4 797, зажигательных – 288, патронов к револьверам – 17 838. Не хватало 74 телефонных аппаратов и кабеля – 82 версты [14].

Осенью 1917 г. корпус нередко мог получать вооружение и снаряжение от демобилизовавшихся частей Российской армии. Правда, нередко случалось, что оружие передавалось не в должном количестве и в непри-

годном виде. Показательным свидетельством этому является рапорт штаб-офицера для поручений при инспекторе артиллерии армий Юго-Западного фронта. Согласно приказу командующего армиями Юго-Западного фронта артиллерийские бригады 11-я, 21-я и 101-я должны были передать седьмые батареи на формирование 2-й Чешско-Словацкой стрелковой дивизии. *«Председателю комиссии по формированию Чешско-Словацкого войска. 31 августа 1917 года. Доношу, что из 101-й артиллерийской бригады, прибывшей на формирование 2-й Чешско-Словацкой дивизии, оказалось: 6 орудий – вполне пригодные; 12 зарядных ящиков, со всею укладкой – нет; инструментальные повозки со всею положенною укладкой – нет; 4-х парных повозок (артиллерийских обр. 84 г.) – нет; конской амуниции – недостаточно...»* [14].

После октября 1917 г. положение ухудшилось. Чехословацкие части оказались на территории независимой Украинской Народной Республики (УНР). Чехам предстояло вести переговоры уже с руководством УНР. Командир 1-го Чешско-Словацкого Мортирного Артиллерийского дивизиона 2 января 1918 г. сообщил Инспектору Чешско-Словацких запасных войск: *«Доношу, что 2 сего января мною представлены в Гарматную Управу Генерального Секретариата требовательные ведомости на отпуск артиллерии, артиллерийского и интендантского имущества... Для отпуска означенного имущества требуется разрешение Генерального Секретаря по войсковым делам Украины, о чем и прошу возбудить соответственное ходатайство»*. Реагируя на рапорт, генерал Червинка обратился к Генеральному Секретарю по военным делам Украины с просьбой выдать необходимое имущество для формируемых 1-го и 2-го Чешско-Словацких Мортирных Артиллерийских дивизионов, указывая, что формирование было начато еще по приказу Наштаверха от 23 октября 1917 г., за № 789 [13].

Особо следует заметить, что корпус не имел собственной кавалерии. Все попытки сформировать хотя бы кавалерийский дивизион заканчивались неудачно. Единственными кавалерийскими частями были разнородные конные разведки стрелковых полков [11].

Весной 1918 г. Чешско-Словацкий корпус под давлением немецких войск, действовавших по договору с УНР, начал движение на Восток. При этом, не имея должного количества обозных лошадей и повозок, чехо-словаки могли эвакуировать лишь небольшую часть имущества.

После того как части корпуса оказались на территории Советской России, было достигнуто соглашение о транспорте во Владивосток. Об этом сообщалось в приказе чинам корпуса. Как видно из приказа, одним из условий свободного проезда для чехо-словаков была передача ими части оружия советской власти.

Приказ № 26 от 16 марта 1918 г. (г. Курск) гласил: *«Дорогие братья, вчера получено сведение, что нам разрешено беспрепятственное движение на Владивосток и далее в пределы Франции, и таким образом наша заветная мечта продолжать борьбу с нашим врагом Австро-Германцами близка к осуществлению. Главкомандующий Антонов идет всецело нам навстречу и приказал оказывать содействие к быстрому продвижению наших эшелонов в намеченном направлении на Пензу и далее на Самару. Дабы передача оружия не вызвала у Вас различных сомнений, объявляю, что перевозка всего груза и излишнего оружия страшно затруднит наше движение и потребует громадное число лишних вагонов. Кроме того, при переезде во Францию Союзниками будет отпущено Вам новое оружие, принятое на вооружение их армий. Ввиду указанных причин мною с согласия Национального Совета отдан приказ о сдаче части оружия, чтобы облегчить и по возможности ускорить движение, ибо перед посадкой на суда нам все равно придется оставить в пределах России и остальное оружие, являющееся совершенно излишним грузом. Советские войска принимают передаваемое нами оружие как подарок революционной армии, по чему призываю всех братьев Чехословацких войсковых частей при передаче этого оружия соблюдать полное спокойствие, оказывая братскую вежливость и должное уважение к лицам, назначенным для приема. Приказ этот обязательно про-*

честь во всех ротах, батареях и командах. Подлин. подписали Командир Ч.-Сл. Корпуса Генерал-Майор Шокоров, Уполномоченный при Штабе Корпуса Макса» [8].

Командование корпуса, как хорошо видно из следующего приказа, согласилось с передачей части вооружения и военного материала местным советам. В то же время, стремясь как можно лучше приспособить эшелоны для быстрого продвижения во Владивосток, командование приказало реорганизовать эшелоны, оставив лишь самое необходимое. Приказ № 31 от 20 марта 1918 г. (г. Елец) гласил: *«При отъезде из района Тамбов – Пенза – Балашов произвести реорганизацию и сокращение эшелонов на следующих основаниях:*

1) В каждом полку, штабе дивизии и корпуса оставить: все походные кухни без лошадей, по 4 парные запряженные повозки. В каждой артиллерийской бригаде сохранить в запряжке 6 орудий, но без зарядных ящиков и по 2 парные повозки на бригаду с лошадьми и все походные кухни без лошадей. В каждом пехотном полку оставить, без лошадей и двуколки, по одной 12-ти пулеметной команде “Максим” и по одной команде “Кольта”, – винтовки, ружейные и артиллерийские патроны сохранить полностью.

Всю остальную материальную часть, повозки, автомобили, авиационное и иное громоздкое казенное имущество, а равно казенных лошадей сдать местным советским властям безвозмездно. Собственных упряжных и верховых лошадей продать. За сим, сверх указанного, никакие повозки и лошади не должны братья с собой на восток, кроме 2-го полка, которому разрешено взять с собой, как принадлежность Корпуса, 2 грузовых автомобиля и 2 таких же автомобиля оставить в распоряжении поручика Фиала для нужд Корпуса.

2) На каждый пехотный и запасной полк назначаю в среднем по 5 эшелонов на артиллерийскую бригаду по 2 эшелона, на штабы дивизий – по 1 эшелону. Тем самым каждая дивизия будет располагать 28 эшелонами, в которые должны вестись, по распределению начальников, все прочие учреждения и запасы дивизий,

а равно и добровольцы, присоединяющиеся по пути, и по одному санитарному эшелону на каждую дивизию.

3) Штабу Корпуса с Национальным Советом и телеграфной ротой назначается один эшелон и один эшелон в распоряжение Корпусного Интендантства.

Всего корпус займет 58 эшелонов.

4) Каждый эшелон ни в коем случае не должен быть свыше 40 вагонов, платформ и проч., в совокупности, так как уже от Пензы паровозы слишком слабы, чтобы тянуть большие составы. Поэтому, в среднем состав эшелона должен иметь: 1 классный вагон, 2 вагона кухня, 1 конский, 1 платформу, 35 теплушек.

5) К реорганизации и оборудованию эшелонов приступить немедленно.

6) Порядок движения на Пензу – Самару – Омск желателен следующий: один полк 2 дивизии, Штаб Корпуса, остальные части 2 дивизии с запасным полком, полевой хлебобулочной и санитарным поездом в хвосте. Три полка 1 дивизии с запасным полком, Штаб дивизии, остальные части 1 дивизии и в хвосте санитарный поезд.

7) При корпусе следует Уполномоченный Советской власти Чиркунов, как Комиссар по перевозке Корпуса, и все детальные распоряжения по передвижению Корпуса будут исходить от него. Кроме того, на каждой линии Корпус будут сопровождать Комиссары соответствующих дорог.

8) Район постановки Корпуса на отдых и решения некоторых вопросов будут указаны впоследствии, по телеграфу.

9) При сем объявляю инструкцию для комендантов и Начальников эшелонов и приказываю руководствоваться ею и при дальнейшем следовании.

Подтверждаю еще раз, чтобы дежурные по эшелонам обязательно выходили на каждой станции и спрашивали в телеграфных отделениях, нет ли им телеграмм.

Под. под. Комкор Г.-М. Шокоров
Наштакор Г.-М. Шокоров» [8].

Выполняя приказ, части корпуса начали передачу вооружения и имущества:

«Расписка в получении нижеследующего имущества, принятого Комиссией по приему имущества от чехо-словацких ча-

стей: бомбометы – 5 шт., минометы – 3 шт., мина заряженная – 1 шт., повозок 4-х колесных – 10 шт., двуколки санитарных – 1 шт., хозяйственных – 1 шт., пулеметы “Максим” – 5 шт., “Шварцлозе” – 1 шт. Все вышеозначенное имущество принято от чехо-словацких частей 19-го марта 1918 года. Демобилизационная Комиссия по приему имущества от чехо-словацких частей».

«Расписка в получении нижеследующего имущества, принятого Комиссией по приему имущества от чехо-словацких частей 20 марта 1918 года на станции Курск-Ямская: 1. Пулеметы “Максим” – 5 шт., 2. Пулемет “Макс” – 1 шт. 3. Ящики для пулеметных лент – 37 шт. 4. Приборы для снаряжения пулеметных лент – 4 шт. Подписал председатель Демобилизационной Комиссии по приему имущества чехо-словацких войск».

«Сдаточная ведомость 1-й батареи 1-й Чехо-Словацкой Артиллерийской бригады: сдачу имущества Комиссии по демобилизации: орудий 3-х дюймовых в собранном виде – 3 шт., прицелов дуговых – 3 шт., Панорам Герца – 3 шт., передков орудийных в собранном виде – 2 шт., зарядных ящиков – 4 шт.» [3].

«2-й полк в Кирсаново “воинскому революционному совету”: а) 22 марта: один пулемет “Lewis”, 8 пулеметов “Максим”, 2 пулемета “Schwarzlose”, 9 пулеметов “Kolt”... 10 патронных повозок... 2 траншейных орудия... 7 бомбометов... 564 винтовки русских; б) ...33 патронных двуколки... 61 повозка парная, 24 двуколки парные... 401 лошадь...» [8].

Выполняя приказ, 4-я батарея 1-го Чехско-Словацкого артиллерийского дивизиона: «...в Курске передала один полностью запряженный взвод орудий (2 орудия и 14 лошадей) формирующемуся Ярославскому революционному отряду, а 3-я батарея 3 орудия и 4 передка. В Ельце сдали часть материала и другие батареи» [15, с. 227].

Тем не менее советское руководство потребовало фактически полного разоружения корпуса. В задачи данной статьи не входит анализ причин такого решения Совнаркома. Следует отметить, что политическое руковод-

ство корпуса согласилось и с этим, и 26 марта в г. Пензе был подписан соответствующий договор. Со стороны большевиков его подписал Народный комиссар по делам национальностей И.В. Сталин. Согласно условиям договора гарантировался свободный проезд частей корпуса на Дальний Восток, а чехо-словаки, в свою очередь, соглашались придерживаться нейтралитета и, передавая большую часть вооружения, должны были также демобилизовать русских офицеров. О подписании договора сообщалось в приказе по корпусу № 35 от 27 марта 1918 г., в г. Пензе: «§ 1 Ввиду того, что единственной целью нашего передвижения по территории России является достижение портов Дальнего Востока, наш корпус на территории дружественной нам России теряет боевое значение. Поэтому Чешско-Словацкий Национальный Совет, в полном согласии с представителями французских военных властей, вошел в соглашение с Правительством России – Советом Народных комиссаров – в силу которого возвращает России ненужное корпусу оружие, оставляя для себя необходимое количество оружия для охраны от возможных грабительских покушений безответственных элементов населения. Правительство России нуждается в оружии и естественно, что демобилизоваться мы должны здесь на территории Европейской России, а не в Азии, откуда русскому правительству пришлось бы везти оружие обратно.

Русское Правительство гарантирует нам по возможности скорое, беспрепятственное передвижение и сохранение целостности организации корпуса.

§ 2 В исполнение сего:

1) Каждый без исключения эшелон для охраны своей безопасности должен иметь одну вооруженную роту в 84 ряда, считая с унтер-офицерами, и один пулемет. Патронов по 300 на винтовку и 12 000 на пулемет.

2) Все остальные винтовки и пулеметы, равно все орудия в артиллерии должны возвращаться в Пензе Русскому государству в руки особой комиссии, образованной из 3-х наших представителей и 3-х представителей Советской власти. На обязаннос-

ти этой комиссии возложена проверка правильности установленной демобилизации.

3) Оружия перед передачей отнюдь не портить умышленно, помня, что мы оставляем его дружественной нации, и, как честные люди, выполняем заключенный договор...» [8].

30 марта в городе Пенза, исходя из договоренностей с большевиками, приказом № 37 были демобилизованы российские офицеры: начальник 2-й дивизии, начальник штаба 2-й дивизии, командир бригад, старший адъютант Штаба 2-й дивизии, командиры и заместители 2-го, 4-го, 5-го, 6-го 7-го и 8-го стрелковых полков, командир 1-го стрелкового запасного полка [8]. В 1-м Чешско-Словацком артиллерийском дивизионе: командир дивизиона, командиры батарей. «...Процались офицеры с добровольцами... их уход мог быть облегчен только тем, что все добровольцы с болью это переживали... Мы все осознали, что именно русские офицеры заложили фундамент чешско-словацкой артиллерии...» [15, s. 234].

В Пензе чехо-словацкие артиллеристы сдали оставшиеся орудия и другой артиллерийский материал. Так, 1-й Чешско-Словацкий артиллерийский дивизион: «...сдаем остатки артиллерийского снаряжения, то есть каждая батарея по одному орудью, 4-я батарея два. Одновременно сдаем, 1-я батарея 7 лошадей, 2-я – 11 лошадей, 3-я – 8 лошадей, 4-я – 16. Сдано личное стрелковое оружие и пулеметы. 3-я батарея сдала 3 пулемета и 230 винтовок» [15, s. 242].

Следует заметить, что добровольцы корпуса неоднозначно отнеслись к тому, что им придется разоружиться и остаться безоружными в стране, где разгорается гражданская война. В полковых историях есть упоминания о том, как одиночки прятали винтовки и даже пулеметы.

Но в целом соединения и подразделения корпуса сдавали оружие. Особо следует заметить, что во многих случаях сдававшееся оружие переходило к красногвардейцам, среди которых было много венгров и немцев. А они вели себя в отношении чехо-словаков крайне вызывающе.

Показателен также и тот факт, что в ряде случаев чешско-словацкие части не могли

даже сдать советской власти необходимое по договоренности количество патронов. Так, в секретной записке командиру корпуса генералу Шокорову сообщали следующее: «Пенза I. Доношу, что в моем распоряжении никаких патронов нет. Приехавшие эшелоны 8 полка имели совсем мало патронов. 8 полк имел около 250 000. Полк 5 эшелонов. Эшелон – 168 300 = 50 400 патронов + 12 000 пулемет – 12 000 / эшелон... 62 000 патронов. Полк 62 X 5 = 320 000. Из этого видно, что не хватает патронов для вооружения эшелонов, потому что их не было. Командир для сдачи оружия пор. Павличек» [14].

Несмотря на договор, местные советы требовали сдачи заметно большего количества вооружения, не пропуская эшелоны дальше. Архивные документы отмечают подобное положение в 8-м Чешско-Словацком стрелковом полку: «...в Пензе полк столкнулся с препятствием... большевики заявили, что 5 полк сдал больше оружия, чем 8 полк. Сдаем тогда еще часть оружия, чтобы эшелоны могли уехать из Пензы». 7-й Чешско-Словацкий стрелковый полк, 2-й батальон: «...приезд в Златоуст, Командир эшелона вызван к советскому комиссару, который ему сообщает, что эшелон должен сдать оружие, поскольку оно нужно в Златоусте. Командир эшелона показывает подтверждение, что в Пензе оружие было сдано, согласно договора с правительством народных комиссаров. В ответ, что уже имеются новые инструкции Троцкого о полном разоружении» [16, s. 42]. Однако чехословаки отказались сдавать оставшееся оружие. В Златоусте была предпринята попытка разоружить и другие части корпуса. В сохранившихся полковых историях встречается много упоминаний о конфликтах с местными советами на таких станциях, как: Миас, Челябинск, Иркутск, Нижне-Удинск, Омск.

Тем самым чехо-словаки, чтобы продолжить движение на Восток, были вынуждены в целом ряде случаев сдавать даже то немногочисленное оружие, которое у них оставалось. Документы свидетельствуют о ситуации в 3-м батальоне 8-го Чешско-Словацкого полка: «В Омске были вынуждены отдать единственный пулемет... В Чите.

Исходя из каких-то новых приказов советской власти, после долгих переговоров были сданы все винтовки, за исключением 25 винтовок и по 100 патронов». 1-й батальон 8-го полка: «В Новониколаевске опять отдали небольшую часть винтовок... В Иннокентьевске... наш эшелон был неожиданно окружен цепью красногвардейцев... осматривают теплушки, если не везем больше оружия... Искали в первую очередь пулеметы и револьверы, и очень настоятельно». «Эшелон № 11 отдал 26 винтовок в Новониколаевске в обмен на продукты».

После подобных изъятий оружия и боеприпасов 8-й Чешско-Словацкий стрелковый полк привез во Владивосток: «374 винтовки, 8 карабинов, 1 револьвер, 105 шашек, 72 кинжала, 16 пулеметов, 8 ручных пулеметов, 125 852 русских патронов, 277 гранат и 360 патронов Chauchat» [16, s. 43–44].

Больше всего оружия сумел сохранить эшелон № 11, который привез во Владивосток: «13 пулеметов “Максим”, 8 пулеметов “Chauchat”, 200 винтовок, 8 000 патронов и 250 гранат» [16, s. 43].

Результаты. Таким образом, несмотря на договоренности, местные органы советской власти под любыми предлогами стремились разоружить чешско-словацкие части, все более и более ослабляя их боевую силу.

Чешско-Словацкий корпус к моменту восстания фактически так и не закончил свое формирование. Корпус, общая численность которого была около 30 000 (из них в двух боевых дивизиях 24 210 штыков), испытывал острую нехватку личного состава. Большинство вспомогательных частей так и не было сформировано, как по причине отсутствия личного состава, так и вооружения. Недостаток лошадей заметно ограничивал мобильность корпуса, особенно артиллерии. К тому же, численность орудий была намного меньше от положенных по штату. Отступление на территорию Советской России под давлением германской армии, необходимость разместить весь корпус в эшелонах для проезда во Владивосток, приводило к тому, что часть имущества приходилось оставлять, а также передавать местным советским властям. Последующее фактическое разоружение по тре-

бованию Совнаркома настолько ослабило боевую силу чехо-словаков, что говорить о какой-то организованной, продуманной подготовке антисоветского выступления уже по одному этому критерию весьма проблематично.

Отдельно следует упомянуть тот факт, что по требованию большевиков были демобилизованы российские офицеры, как правило, высшего звена (уровень командира полка и выше). Это также не могло не отразиться на боеспособности корпуса. Особенно заметным стал уход российских офицеров из артиллерийских подразделений. Большинство чешских офицеров на протяжении войны командовали на уровне взвод – рота. У них не было опыта командования крупными соединениями. Тем не менее чешские офицеры, всю войну выполнявшие сложную службу фронтовой разведки, компенсировали недостаток командного опыта умением быстро учиться и большой личной инициативой.

Части корпуса имели разный уровень боевой подготовки. Наиболее подготовленными и опытными можно было бы считать полки 1-й бригады. Это – 1-й и 2-й Чешско-Словацкие стрелковые полки. Однако и их личный состав имел опыт действий малыми разведывательными партиями. А первый опыт ведения полномасштабного пехотного боя, в составе полка-бригады, эти воинские части получили только в ходе летнего наступления 1917 г., в «битве у Зборова», действуя совместно со сформированным зимой 1916/1917 гг. 3-м Чешско-Словацким стрелковым полком. Что же касается 4-го, 6-го и 7-го Чешско-Словацких стрелковых полков, то они приобрели минимальный боевой опыт лишь в ходе арьергардных боев корпуса весной 1918 г. против наступавших частей немецкой армии у Бахмача.

Большинство добровольцев корпуса в военном отношении были хорошо подготовлены. Как правило, все они прошли обучение в Австро-Венгерской армии и имели боевой опыт. Оказавшись в плену и решив вступить в чешско-словацкие части, они проходили еще раз обучение уже согласно уставам Российской Императорской армии, после чего отправлялись опять на фронт в качестве фронтовых разведчиков. Чехо-словаки крайне негативно оценивали действия большевиков, заключив-

ших Брестский мир и способствовавших разрушению Восточного фронта. Это, разумеется, не могло не сказаться на росте антибольшевистских настроений в корпусе. Особо следует указать, что большое количество немцев и венгров в частях местной красной гвардии, участвовавшей в разоружении корпуса, способствовали конфликту с советской властью, придавая ему характер межнациональной вражды.

В целом Чешско-Словацкий корпус в ходе выполнения советских требований заметно утратил свою боеспособность. Возможно, это способствовало намерениям Совнаркома (связанным также и с давлением Германии) полностью ликвидировать корпус, как самостоятельную, активную, боевую единицу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валиахметов, А. Н. Чехословацкий корпус в России (1917–1920 гг.): историография : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Валиахметов Альберт Наилевич. – Казань, 2005. – 23 с.
2. Великий Октябрь и защита его завоеваний. Победа социалистической революции. – М. : Наука, 1986. – Т. 1. – 480 с.
3. Захаров, А. М. Славянские вооруженные формирования в России: «встреча двух революций» или «проданный корпус»? / А. М. Захаров // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2012. – № 5 (19), ч. I. – С. 76–78.
4. Лапчинський, Г. Боротьба за Київ. Січень 1918 г. / Г. Лапчинський // Літопис Революції. – Харків : [б. и.], 1928. – Ч. 2. – С. 205–220.
5. Ларьков, Н. С. Армия и борьба за власть в Сибири в конце 1917 – 1918 г. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Ларьков Николай Семенович. – Томск, 1996. – 22 с.
6. Новиков, П. А. Части Чехословацкого корпуса в Восточной Сибири (май – август 1918 года) / П. А. Новиков // Белая армия. Белое дело. – 2000. – № 7. – С. 5–17.
7. Падерин, А. А. Мятёжный легион / А. А. Падерин // Международная жизнь. – 2012. – № 13. – С. 69–108.
8. Приказы по Чешско-Словацкому корпусу // Библиотека Военного института Армии Чехии.
9. Проект организации Чешско-словацкого корпуса, составленный капитаном Червинкой // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 1759. – Оп. 3. – Д. 791. – 68 л.

10. Симонов, Д. Г. К вопросу о численности Чехословацкого корпуса на востоке России в период гражданской войны (1918–1920) / Д. Г. Симонов // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. – Новосибирск, 1998. – С. 145–148.

11. Татаров, Б. Чехословацкие воинские формирования в России. 1918–1920. Кавалерия / Б. Татаров // Старый Цейхгауз. – 2021. – № 89. – С. 61–73.

12. Ценговатов, Ю. Л. Отдельный Чехословацкий корпус в России (1914–1920): освободители или интервенты? / Ю. Л. Ценговатов // Русский исход как результат национальной катастрофы: к 90-летию окончания Гражданской войны на европейской территории России (г. Москва, 2–3 ноября 2010 г.): материалы Междунар. науч. конф. – М.: РИСИ, 2011. – С. 113–124.

13. Центральный военный архив Министерства обороны Чешской Республики, Военно-исторический архив, г. Прага. – Фонд Начальника штаба Чехословацкой армии в России. – Картон 1.

14. Центральный военный архив Министерства обороны Чешской Республики, Военно-исторический архив, г. Прага. – Фонд Начальника штаба Чехословацкой армии в России. – Картон 2.

15. Dějiny Delestřeleckého pluku 1 Jana Žižky z Trocnova v Ruské revoluci a ve vlasti. – Praha: Arna, 1937. 740 s.

16. ZA SVOBODU. – Praha: A. Němec a spol, 1926. – D. IV. – 891 s.

REFERENCES

1. Valiahmetov A.N. *Chechoslovackij korpus v Rossii (1917–1920 gg.): istoriografiya: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Czechoslovak Corps in Russia (1917–1920): Historiography. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Kazan', 2005. 23 p.

2. *Velikij Oktyabr' i zashchita ego zavoevanij. Pobeda socialisticheskoj revolyucii* [The Great October and the Defense of Its Conquests. The Victory of the Socialist Revolution]. Moscow, Nauka Publ., 1986, vol. 1. 480 p.

3. Zaharov A.M. Slavyanskije vooruzhennye formirovaniya v Rossii: «vstrecha dvuh revolyucij» ili «prodannyj korpus»? [Slavic Armed Formations in Russia: “The Meeting of Two Revolutions” or “The Sold Case”?]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota Publ., 2012, no. 5 (19), pt. I, pp. 76–78.

4. Lapchinskij G. Borot'ba za Kiiv. Sichen' 1918 g. [Fighting for Kiev. Sichen 1918]. *Litopis Revolyucii*. Har'kiv, s. n., 1928, pt. 2, pp. 205–220.

5. Lar'kov N.S. *Armija i bor'ba za vlast' v Sibiri v konce 1917–1918 g.: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [The Army and the Struggle for Power in Siberia at the End of 1917–1918. Dr. hist. sci. abs. diss.]. Tomsk, 1996. 22 p.

6. Novikov P.A. Chasti Chechoslovackogo korpusa v Vostochnoj Sibiri (maj – avgust 1918 goda) [Parts of the Czechoslovak Corps in Eastern Siberia (May – August 1918)]. *Belaya armija. Beloe delo*, 2000, no. 7, pp. 5–17.

7. Paderin A.A. Myatezhnyj legion [Mutinous Legion]. *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International Life], 2012, no. 13, pp. 69–108.

8. Prikazy po Cheshsko-Slovackomu korpusu [Orders on the Czech-Slovak Corps]. *Biblioteka Voennogo instituta Armii Chekhii*.

9. Proekt organizacii Cheshsko-slovackogo korpusa, sostavlennyj kapitanom Chervinkoj. *Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (RGVIA)*, f. 1759, op. 3, d. 791. 68 l.

10. Simonov D.G. K voprosu o chislenosti Chechoslovackogo korpusa na vostoке Rossii v period grazhdanskoj vojny (1918–1920) [On the Issue of the Number of Czechoslovak Corps in the East of Russia During the Civil War (1918–1920)]. *Regional'nye processy v Sibiri v kontekste rossijskoj i mirovoj istorii*. Novosibirsk, 1998, pp. 145–148.

11. Tatarov B. Chechoslovackie voinskie formirovaniya v Rossii. 1918–1920. Kavaleriya [Czechoslovak Military Formations in Russia. 1918–1920. Cavalry]. *Staryj Cejhgauz*, 2021, no. 89, pp. 61–73.

12. Cingovatov Yu.L. Otdel'nyj Chechoslovackij korpus v Rossii (1914–1920): osvoboditeli ili interventy? [A Separate Czechoslovak Corps in Russia (1914–1920): Liberators or Interventionists?]. *Russkij iskhod kak rezul'tat nacional'noj katastrofy: k 90-letiyu okonchaniya Grazhdanskoj vojny na evropejskoj territorii Rossii (g. Moskva, 2–3 noyabrya 2010 g.): materialy Mezhdunar. nauch. konf.* Moscow, RISI, 2011, pp. 113–124.

13. *Central'nyj voennyj arhiv Ministerstva oborony Cheshskoj Respubliki, Voenno-istoricheskij arhiv, g. Praga* [VHA Praha Fond Náčelník Štábu Československého vojska na Rusi]. Fond Nachal'nika shtaba Chechoslovackoj armii v Rossii, Karton 1.

14. *Central'nyj voennyj arhiv Ministerstva oborony Cheshskoj Respubliki, Voenno-istoricheskij arhiv, g. Praga* [VHA Praha Fond Náčelník Štábu Československého vojska na Rusi]. Fond Nachal'nika shtaba Chechoslovackoj armii v Rossii, Karton 2.

15. *Dějiny Delestřeleckého pluku 1 Jana Žižky z Trocnova v Ruské revoluci a ve vlasti*. Praha, Arna, 1937, 740 s. Praga, Arna, 1937. 740 p.

16. *ZA SVOBODU*. Praha, A. Němec a Spol, 1926. D. IV, 891 s.

Information About the Author

Boris A. Tatarov, Master in History, Charles University, businessman, Chlumchanskogo St, 346/2, 180000 Praha, Czech Republic; Candidate for a Degree, Department of Modern Russian History, Russian State University for the Humanities, Miusskaya Sq., 6, 125047 Moscow, Russian Federation, tatarov@volny.cz, <https://orcid.org/0000-0001-8978-8073>

Информация об авторе

Борис Алексеевич Татаров, магистр истории, Карлов университет, предприниматель, ул. Хлумчанского, 346/2, 180000 г. Прага, Чешская Республика; соискатель кафедры истории России новейшего времени, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская площадь, 6, 125047 г. Москва, Российская Федерация, tatarov@volny.cz, <https://orcid.org/0000-0001-8978-8073>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.14>

UDC 93/94+930.2

LBC 63.3(2)612-414.81

Submitted: 19.07.2021

Accepted: 22.12.2021

**SUPREME RULER VERSUS ATAMAN:
THE CONFLICT BETWEEN ADMIRAL A.V. KOLCHAK
AND ATAMAN G.M. SEMENOV IN NOVEMBER – DECEMBER 1918
IN THE DOCUMENTS OF FRENCH GENERAL M. JANIN**

Ruslan G. Gagkuev

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article focuses on a critically important episode in the history of Russian Civil War on the Eastern Front – the conflict between the Supreme Governor of Russia Admiral Alexander V. Kolchak and Colonel Grigory M. Semyonov, commanding the 5th Pri-Amur Corps in November – December of 1918. Semyonov's nonrecognition of Kolchak's government after the coup d'état on November 18, 1918 and their heated exchange of telegraph cables led to a long-standing conflict in which the Supreme Governor failed to exert his authority over Semyonov, who was supported by the Japanese Expeditionary Corps. *Methods and materials.* Their confrontation ended only in May 1919 with concessions made by Kolchak, which was reciprocated with recognition of his authority by Semyonov. Further details on conflict dynamics are revealed in the papers of Maurice Janin, who headed the French military mission in Siberia, and had arrived in the Russian Far East in November 1918 as the chief of the Allied military mission in Russia. *Analysis.* En route from Vladivostok to Omsk, General Janin stayed in Chita on December 5–6, where he found himself in the middle of the conflict between the Supreme Governor and ataman. Janin's memoirs published in 1933 and documents from the collection of Service historique de la défense – the Archives center of the French Ministry of Defense and Armed Forces were used when putting this paper together, the latter made public for the first time. Details of conversations between Janin and ataman Semyonov, transcripts of his meetings with Japanese general Jiro Oba, negotiations by direct wire with France's High Commissioner to Siberia Eugène L.G. Regnault and Admiral Kolchak represent a significant contribution into the history of this conflict. From his arrival to Russia Janin noted the disunity of anti-Bolshevik movement. *Results.* The information on ataman Semyonov, as well as on Kolchak and his entourage that he collected in the Far East, and his failure to resolve the conflict in Chita led him first to a conservative, and then to an openly negative assessment of White movement's future outlook on the Civil War's Eastern Front.

Key words: The Russian Civil War, the conflict between Admiral A.V. Kolchak and the ataman G.M. Semenov, the French military mission in Siberia, Admiral A.V. Kolchak's Russian (Russian) Army, the Russian government, the Special Manchurian detachment.

Citation. Gagkuev R.G. Supreme Ruler Versus Ataman: The Conflict Between Admiral A.V. Kolchak and Ataman G.M. Semenov in November – December 1918 in the Documents of French General M. Janin. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 4, pp. 154-166. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.14>

УДК 93/94+930.2

ББК 63.3(2)612-414.81

Дата поступления статьи: 19.07.2021

Дата принятия статьи: 22.12.2021

**ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ ПРОТИВ АТАМАНА:
КОНФЛИКТ АДМИРАЛА А.В. КОЛЧАКА И АТАМАНА Г.М. СЕМЕНОВА
В НОЯБРЕ – ДЕКАБРЕ 1918 г.
В ДОКУМЕНТАХ ФРАНЦУЗСКОГО ГЕНЕРАЛА М. ЖАНЕНА**

Руслан Григорьевич Гагкуев

Институт российской истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена одному из важных эпизодов Гражданской войны в России на Восточном фронте – конфликту верховного правителя России адмирала А.В. Колчака с командующим 5-м Приамурским армейским корпусом полковником Г.М. Семеновым в ноябре – декабре 1918 года. Непризнание атаманом Семеновым власти Колчака после государственного переворота 18 ноября 1918 г., обмен между ними жесткими телеграммами привел к началу затяжного конфликта, в котором верховный правитель не смог подчинить себе Семенова, пользовавшегося покровительством войск японского экспедиционного корпуса. Конфликт закончился только в мае 1919 г. уступками со стороны Колчака и признанием его власти со стороны Семенова. Дополнительные подробности о развитии конфликта дают документы главы французской военной миссии в Сибири генерала Мориса Жанена, прибывшего в ноябре 1918 г. на Дальний Восток в качестве главнокомандующего союзными войсками в России. Направлявшийся из Владивостока в Омск Жанен оказался в самом центре конфликта верховного правителя и атамана, остановившись 5–6 декабря в Чите. При подготовке статьи использованы опубликованные в 1933 г. воспоминания Жанена, а также впервые публикуемые документы из фондов Архива Министерства обороны Франции в Париже. Подробности разговоров Жанена с атаманом Семеновым, стенограммы его встреч с японским генералом Д. Оба, а также переговоры по прямому проводу из Читы с находившимся в Омске верховным комиссаром Франции в Сибири Э. Реньо и самим адмиралом Колчаком позволяют существенно дополнить историю развития конфликта. Прибывший в Россию Жанен с самого начала своего пребывания в стране столкнулся с отсутствием единства антибольшевистского фронта. Полученные им на Дальнем Востоке сведения об атамане Семенове, Колчаке и его окружении, неудачная попытка решить конфликт в Чите способствовали выработке его сначала сдержанной, а затем и прямо негативной оценки перспектив Белого движения на Восточном фронте Гражданской войны.

Ключевые слова: Гражданская война в России, конфликт адмирала А.В. Колчака и атамана Г.М. Семенова, Французская военная миссия в Сибири, Русская (Российская) армия адмирала А.В. Колчака, Российское правительство, Особый Маньчжурский отряд.

Цитирование. Гагкуев Р. Г. Верховный правитель против атамана: конфликт адмирала А.В. Колчака и атамана Г.М. Семенова в ноябре – декабре 1918 г. в документах французского генерала М. Жанена // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 154–166. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.14>

Введение. Переворот 18 ноября 1918 г. в Омске, в ходе которого на Востоке России была свергнута власть Временного Всероссийского правительства (Директории) и установлена диктатура верховного правителя А.В. Колчака, вызвал неоднозначную реакцию в обществе. Военные и общественные круги Сибири отреагировали на него по-разному. Колчак был поддержан представителями правых и центристских политических партий и большинством военных. Известие о перевороте большая часть армии, утомленной боями, встретила спокойно и даже равнодушно. Немалая часть офицерства, недовольная «второй керенщиной», приветствовала приход Колчака к власти: «Бог знает, что бы получилось, если бы, к нашему великому счастью, не произошел переворот в тылу» [8, с. 9–10].

Большая часть общества отнеслась к смене власти положительно или безучастно. Многие рассчитывали на установление твердой власти (пусть даже диктатуры), по которой успели соскучиться. Обыватель хотел большего порядка и стабильности в своей

жизни. Не случайно в адрес Колчака поступили многочисленные поздравления не только от местных органов власти, но и от общественных организаций и отдельных граждан [10, с. 18–53].

Наибольшее недовольство сменой власти проявили эсеры, со стороны которых прозвучали призывы к вооруженному сопротивлению. На съезде членов Учредительного собрания в Екатеринбурге они выступали против прихода к власти Колчака, что привело в ноябре к аресту некоторых из его участников и их последующему заключению в Омске. Впоследствии 22 декабря 1918 г., после начавшегося в Омске восстания рабочих, находившиеся в тюрьме члены Учредительного собрания были расстреляны. Начавшееся в ноябре 1918 г. противостояние Колчака с эсерами в период кризиса на фронте в 1919 г. привело к серьезным проблемам, взорвавшим белый тыл изнутри.

Еще одним конфликтом, порожденным переворотом 18 ноября стало многомесячное противостояние между провозглашенным вер-

ховным правителем адмиралом А.В. Колчаком и командующим 5-м отдельным Приамурским армейским корпусом атаманом Г.М. Семеновым. Последний открыто не признал Колчака в качестве верховного правителя. В свою очередь Колчак безуспешно предпринял попытку снятия Семенова с должности командира корпуса.

Ко времени прихода Колчака к власти отношения между ним и Семеновым уже имели хотя и недолгую, но непростую историю. В апреле 1918 г. в Пекине состоялась встреча прибывшего в Китай А.В. Колчака с русским посланником князем Н.А. Кудашевым и управляющим Китайской восточной железной дорогой (далее – КВЖД) генерал-лейтенантом Д.Л. Хорватом. Колчаку предложено было объединить и возглавить ряд формировавшихся на Дальнем Востоке разрозненных русских антибольшевистских отрядов. С этой целью 28 апреля 1918 г. Колчак был введен в состав правления КВЖД и назначен главным инспектором охранной стражи. Одновременно ему было вверено руководство «всеми русскими вооруженными силами, находящимися в районе дороги, и управление военной ее частью» [1, с. 515–520]. Атаман Семенов ко времени приезда Колчака в Харбин стоял во главе подчинявшегося полностью только ему Особого Маньчжурского отряда. Отряд получал поддержку от представителей стран Антанты и на протяжении почти полугода с разной степенью успеха действовал против советской власти. Наиболее значимой была помощь отряда со стороны Японии, что обусловило тесное взаимодействие отряда с командованием японских экспедиционных сил.

Колчак, прибывший в апреле 1918 г. в Харбин, характеризовал действия Семенова как не подконтрольные властям. По его словам, он действовал, «...не считаясь ни с Хорватом, ни с его распоряжениями, широко применяя в полосе отчуждения железной дороги реквизиционную систему, т. е. просто забирая все, что можно. Семенов контролировал все железнодорожное имущество, – приставлял револьвер ко лбу и все выносилось. Хорват противился этому, но он не слушался. К тому времени у Семенова явилась идея милитаризации железной дороги с тем, чтобы на ней было военное управление» [4, с. 111–112].

В первой половине 1918 г. «реквизиции» были одним из главных источников снабжения отряда Семенова. Значимая часть имущества, которая была присвоена семеновцами в 1918 г. в зоне КВЖД, принадлежала Заамурскому округу пограничной стражи. Так как с начала 1918 г. части Особого Маньчжурского отряда несли охрану железной дороги в полосе отчуждения на участке Маньчжурия – Хайлар, атаман считал себя вправе использовать военное снаряжение и другое имущество по своему усмотрению [12, с. 82–86].

Встреча Колчака и Семенова весной 1918 г. хотя и оказалась безрезультативной в вопросе объединения сил под единым командованием, не привела к открытому конфликту. Семенов в воспоминаниях оставил подробный пересказ состоявшегося разговора, стараясь обвинить в сложившейся ситуации Колчака. «По-видимому, настроенный соответствующим образом в Харбине, – вспоминал Семенов, – адмирал встретил меня упреками в нежелании подчиняться Харбину, вызывающем поведении относительно китайцев и слишком большом доверии к моим японским советникам, влиянию которых я якобы полностью подчинился. <...> Свидание наше вышло очень бурным, и мы расстались явно недовольными друг другом. Адмирал отказался от посещения частей отряда и немедленно вернулся в Харбин. <...> Его неприязнь и недоверие к японскому сотрудничеству в деле борьбы с красными, его уверенность в стремлении Японии к использованию нашей гражданской войны для территориальных приобретений за счет русского Дальнего Востока я считал основанными только на личных его антипатиях и потому не мог согласиться с ним» [15, с. 156–157]. Адмирал Колчак, во время допроса 28 января 1920 г. кратко рассказал об этой встрече. По его словам, Семенов отвечал «довольно уклончиво, что он сейчас ни в чем не нуждается, что он получает средства и оружие от Японии, и что он не обращается ко мне ни с какими пожеланиями и просьбами. Тогда я убедился, что, в сущности, разговаривать не о чем. Таким образом, выяснилось, что Семенов желает действовать совершенно самостоятельно и ни в какие обязательства и связи с правлением железной дороги и с Хорватом входить не желает. Тог-

да я ему сказал: “Хорошо, я с вами не буду разбирать этот вопрос, но имейте в виду, что раз вы со мной не могли договориться и не могли ничего выяснить, то я слагаю с себя всякую ответственность за ту помощь, которую могла бы вам оказать железная дорога, и уже ее средства и ресурсы буду применять к тем частям, которые находятся под моим командованием”. Таким образом, мы расстались, и я уехал обратно в Харбин» [4, с. 119].

В конечном счете весной – летом 1918 г. Колчак не сумел добиться организации значимых сил на КВЖД, одной из важных причин чему была политика японских военных, готовившихся к интервенции на российском Дальнем Востоке. 30 июня Колчак, передав командование имевшимися в его распоряжении силами генерал-майору Б.Р. Хрещатицкому, выехал для переговоров в Японию, впоследствии уже не вернувшись на КВЖД.

До появления Колчака в Омске Семенов признал власть Временного Сибирского правительства, а затем и Временного Всероссийского правительства (Директории) [12, с. 170]. Во главе своего отряда он был включен в существовавшую на Востоке России структуру вооруженных сил. 10 сентября 1918 г. приказом № 68 командующего Сибирской армией генерал-майора П.П. Иванова-Ринова полковник Г.М. Семенов был назначен командиром 5-го Приамурского армейского корпуса и начальником Приамурского военного округа. Приказом № 1 по корпусу от 8 октября он объявлял о включении в состав корпуса Особого Маньчжурского отряда и переименовании штаба отряда в штаб 5-го отдельного Приамурского корпуса [5, с. 98; 13, с. 269].

Отголоски конфликта между Колчаком и Семеновым весной – летом 1918 г. дали знать о себе сразу после провозглашения адмирала верховным правителем 18 ноября. Первым поводом к политическому демаршу Семенова стало решение Совета министров Российского правительства о предании Чрезвычайному военному суду главных исполнителей переворота 18 ноября – офицеров Сибирского казачьего войска В.И. Волкова, И.Н. Красильникова и А.В. Катанаева. В направленной 20 ноября в правительство телеграмме Семенов протестовал против этого решения, заявляя: «Означенные русские офицеры первые

со мной подняли знамя борьбы за спасение отечества и как преданные и верные сыны своей родины покрыли свои имена славой ярых и грозных бойцов с большевизмом. Я как походный атаман Дальневосточных казачьих войск протестую против насилия над лучшими сынами русского казачества и категорически требую отмены над ними суда и немедленной высылки их в мое распоряжение, их имена принадлежат суду истории, но не вашему. В случае неисполнения моего требования я пойду на самые крайние меры и буду считаться лично с вами» [16, с. 251]. Состоявшийся вскоре суд показал, что организован он был не для наказания, а для фактической реабилитации участников переворота, не только оправданных, но и повышенных в чинах.

Дальнейшие события показали, что первый демарш Семенова имел политический характер. Выдвигая претензии, он готовил почву для своего отказа подчиниться власти верховного правителя [17, с. 149]. Спустя 5 дней после переворота – 23 ноября 1918 г. – атаман Г.М. Семенов направил свою телеграмму адмиралу Колчаку, сделав ее публичной. В ней помимо верховного правителя он обращался также к председателю Совета министров Российского правительства П.В. Вологодскому, верховному уполномоченному правительства на Дальнем Востоке генерал-лейтенанту Д.Г. Хорвату, войсковому атаману Оренбургского казачьего войска А.И. Дутову «и всем, всем, всем». «Историческая роль и заслуги перед родиной Особого маньчжурского отряда, – телеграфировал Семенов, – напрягавшего в течение восьми месяцев все свои силы в неравной борьбе с общим врагом родины, стянутом для борьбы с отрядом со всей большевистской Сибири, неоспоримы. Адмирал Колчак, находясь в то время на Дальнем Востоке, всячески старался противодействовать успеху моего отряда, благодаря чему отряд остался без обмундирования и припасов, имевшихся тогда в распоряжении адмирала Колчака, а посему признать адмирала Колчака как верховного правителя государства я не могу. На столь ответственный перед родиной пост я как командующий дальневосточными войсками выставлю кандидатами генералов: [А.И.] Деникина, [Д.Г.] Хорвата и [А.И.] Дутова; каждая из

этих кандидатур мною приемлема. Походный атаман Дальневосточных казачьих войск и командующий корпусами 5-м Приамурским и отдельным Восточным казачьим, полковник [Г.М.] Семенов» [3, с. 83–84].

Через несколько часов эта телеграмма Семенова была дополнена другой, еще более резкой по своему содержанию: «...если в течение 24 часов после получения [вами] указанной телеграммы я не получу ответа [о] передаче власти одному из указанных мною кандидатов, являющихся единственно приемлемыми для всех активных бойцов с врагами Родины, я временно, впредь до создания на западе (речь о Сибири и Омске. – Р. Г.) для всех приемлемой власти, объявляю автономию Восточной Сибири. Изложенное решение диктуется необходимостью не допустить [в] Восточной Сибири возможных волнений [в] связи [с] реконструкцией власти на западе. Никаких личных целей в этом случае я не преследую, и как только власть будет передана одному из указанных кандидатов, несомненно и безусловно ему подчинюсь» [7, с. 996].

Непризнание Семеновым власти Колчака привело к серьезному конфликту между ними. Сам Колчак, на допросе в 1920 г. свидетельствовал, что сразу после прихода к власти он «...был уверен, что Семенов будет против меня, в виду тех отношений, которые сложились ранее. Едва ли можно было рассчитывать, что Семенов пойдет вместе со мной, и я думал, что, вероятно, он попытается действовать отдельно, независимо» [4, с. 185–186]. В конце ноября Колчак приказом № 60 объявил Семенова изменником. 1 декабря приказом № 61 Колчак отстранил Семенова от командования 5-м отдельным Приамурским армейским корпусом: «§ 1. Командующий 5-м отдельным Приамурским армейским корпусом полковник Семенов за неповиновение, нарушение телеграфной связи и сообщений в тылу армии, что является актом государственной измены, отрешается от командования 5-м корпусом и смещается со всех должностей, им занимаемых. § 2. Генерал-майору [В.И.] Волкову подчиняю 4-й и 5-й корпусные районы во всех отношениях на правах командующего отдельной армией, с присвоением прав губернатора, с непосредственным подчинением мне. § 3. Приказываю генерал-

майору Волкову привести в повиновение всех неповинующихся верховной власти, действуя по законам военного времени» [2, с. 280–281]. Несмотря на обещанные суровые меры по отношению к Семенову Колчак на практике не смог ни лишить его командования сформированными им войсками, ни пошатнуть занимаемое им стратегически важное положение в Забайкалье.

После того как атаман Семенов был отпущен от командования 5-м отдельным Приамурским армейским корпусом, Колчаком была намечена экспедиция в Читу. Во главе нее был назначен генерал-майор В.И. Волков с задачей «привести в повиновение всех неповинующихся». Добравшийся до Иркутска Волков не смог собрать сколько-нибудь значимых сил, а назначенный для движения на Читу авангард отказался грузиться в эшелон. Конфликт не перешел в военное столкновение по двум причинам. С одной стороны, находившиеся в распоряжении Волкова силы были минимальные и не стремились воевать с находящимися в Чите семеновцами. С другой – ввиду позиции японских войск, предупредивших о вмешательстве в случае действий против атамана Семенова [6, с. 114; 9, с. 289–290].

Методы и материалы. Развитие конфликта между Колчаком и Семеновым позволяют уточнить документы французского дивизионного генерала М. Жанена, прибывшего в ноябре 1918 г. на Дальний Восток в качестве главнокомандующего союзными войсками в России. Оригиналы документов на французском языке хранятся в Архиве Министерства обороны Франции (Service historique de la Defense Château de Vincennes) и до настоящего времени не вводились в научный оборот. Анализ и сопоставление этих документов с воспоминаниями Жанена, впервые опубликованными в 1933 г., а также со всем имеющимся комплексом документов и исследовательской литературы, позволяет выявить дополнительные подробности конфликта между Колчаком и Семеновым, более объемно представить развитие их противостояния и его последствия для хода Гражданской войны на ее Восточном фронте. Немаловажно, что публикуемые документы также фиксируют первый контакт адмирала Колчака и генерала Жанена, позволяют уви-

деть разность подходов двух ключевых фигур к преодолению конфликтов.

Располагая широкими полномочиями, Жанен, несмотря на громкие заявления в прессе о скорой помощи союзниками белым [2, с. 202], плохо понимал свои дальнейшие задачи. «В момент моего отъезда [из Владивостока] в Омск ситуация мне виделась далеко не в радужном свете, – вспоминал Жанен в 1930-е гг. – Я совсем не был уверен, что, если уйдут японцы, для которых Россия обладала большой притягательностью и которые могли бы удерживать войска на фронте, вместо них придут войска союзников. После заключение перемирия (Компъенского перемирия 11 ноября 1918 г. – Р.Г.) я не получил ни единого распоряжения. Понять это было можно, но, если предполагаемое военное вмешательство не отменялось, решение о нем должно было быть принято незамедлительно» [22, р. 23].

Анализ. Жанен отправился из Владивостока в Омск в ночь с 29 на 30 ноября, когда конфликт между верховным правителем и атаманом проявился уже в полной мере. О его развитии он узнал на пути в Читу из ряда полученных им телеграмм. Ознакомившись по дороге с ситуацией на Дальнем Востоке, Жанен увидел «совершенно независимое» положение Семенова. «Вольность, какой отличались его отряды, привлекала к нему добровольцев, – вспоминал он. – Реквизиция товаров на железной дороге, убийства и личная месть вошли и остались в практике его отрядов наряду с расправами с “тыловыми большевиками”. Местные жители обращались с жалобами к Хорвату, но он ничем не мог им помочь. Японцы отнеслись лояльно к действиям Семенова, и, судя по всему, он стал пользоваться все большим их расположением» [22, р. 27–28].

5 декабря 1918 г. в Чите пришедший к Жанену в поезд Семенов «...пожаловался на действия Колчака, который изначально был к нему враждебен. “Он человек горячий, горячий до ненормальности, и его командование до добра не доведет. Обидно, что ты воюешь, а люди, которые отсиделись спокойно в Англии, собираются тобой помыкать. Хоть Колчак и бросил саблю в море¹, прав это ему не дает”. Я постарался обрисовать положение России, в котором ее сыновьям необходи-

мо избегать разногласий, забыть обо всем и т. д. Он уверил меня, что вел переговоры с окружением Колчака и готов признавать его власть до тех пор, пока он не договорится с Деникиным, которому доверяет вся армия... Семенов сказал, что он спокоен: войска [В.И.] Волкова и казаки Иркутска отказались выступить против него, [И.Н.] Красильников, который приезжал вести с ним переговоры, тоже. Мои офицеры в это время беседовали с окружением Семенова, семеновцы говорили примерно то же, что и их командир. Мне показалось, что добропорядочное соглашение возможно, и я назначил Семенову встречу на следующий день в девять часов» [22, р. 35].

Вечером того же дня состоялась встреча Жанена с японским генералом Д. Оба, командующим 7-й японской дивизией. Стенограмма встречи показывает обеспокоенность Жанена возможной затяжкой конфликта Колчака и Семенова. Выстраивая диалог с японским генералом, он сразу использовал аргумент возложения вины за возникающие в Омске сложности на японцев, имеющих большое влияние на атамана Семенова. Жанен не доверял японским союзникам, всячески подчеркивая, что Семенов полностью зависит от них. В конце концов он прямо спрашивал у японцев, будут ли они способствовать подчинению всех русских войск единому началу. Уклончивые ответы Оба делали подозрения Жанена еще более сильными:

«Генерал Жанен. Просьба, чтобы у генерала Оба была точная информация о современной ситуации и конфликте, произошедшем между Колчаком и Семеновым.

Генерал Оба. Генералу Жанену не о чем беспокоиться². Он думает, что конфликт уладится в ближайшее время к общему удовольствию. В настоящее время генерал Волков находится в Иркутске, а единственный большой отряд казаков [Семенова], насчитывающий от 100 до 200 человек, находится южнее озера [Байкал]. Он уверяет генерала, что принял все меры, чтобы сохранить мир и никаких столкновений не будет, так как он закрыл доступ войскам Колчака в Забайкалье, а также дал инструкции войскам Семенова ни во что не вмешиваться.

Генерал Жанен. Генерал подчеркнул, что это противостояние не должно затянуть-

ся и что генерал Оба заинтересован погасить его как можно скорее по причине тех беспокойств, которые могут возникнуть в Омске, где не преминут вину за него – разумеется, несправедливо, возложить на японцев.

Генерал Оба. Генерал настойчиво повторяет, что на том отрезке Транссибирской железной дороги, который был доверен японским войскам, пришедшим на помощь чехословакам, никогда не происходило нарушения графика перевозок провианта и проч. Он пообещал, что так будет и впредь, и что телеграфная связь также будет работать. За это он берет на себя полную ответственность, и прибавил, что иногда даже японские линии связи нарушаются. Он прибавил также, что полковник Красильников, адъютант генерала Волкова, отправленный от имени Колчака, приехал и имел разговор с Семеновым, но без всяких результатов. На завтра назначена новая встреча по этому же вопросу. Вечером Семенов пришел поговорить с генералом и сказал, что был готов признать Колчака при условии, что тот будет занимать свой пост до того момента, пока не свяжется с Деникиным, но получил крайне оскорбительную телеграмму от Колчака и не ответил ему.

Встреча назначена на завтра, 6 декабря, 8 1\2» [20, 5 décembre 1918].

В воспоминаниях Жанен писал, что «...слушая японского генерала, я подумал: возможно, противники, не имея возможности воевать, помирятся? С другой стороны, японцы не могли придумать ничего лучшего, если задумали поставить адмирала в щекотливое и несколько комическое положение. Лишившись возможности применить к Семенову публично объявленные меры и находясь также, как Семенов, под угрозой японских штыков, Колчак будет обмениваться с ним грозными телеграммами: два сердитых пса облаивают друг друга через решетку» [22, р. 35–36].

Утром 6 декабря после недолгого разговора Семенов сказал Жанену, «что согласен на почетное примирение» о чем французский генерал сообщил по телефону Волкову и Красильникову. «Мои аргументы показали им убедительными, – вспоминал Жанен, – и, посоветовавшись, они выразили желание приехать из Иркутска в Читу посмотреть все на

месте и поговорить. Но сначала они должны были переговорить по прямому проводу с Омском и собирались дать мне ответ ближе к вечеру. Я сообщил, что могу вести переговоры по телеграфу» [22, р. 36]. До этого разговора, состоялась еще одна встреча генералов Жанена и Оба, во время которой французский генерал попытался в очередной раз надавить на японцев, заставив их оказать влияние на Семенова для его примирения с Колчаком. Одновременно Жанен прощупывал и позицию японских военных в вопросе объединения сил русской контрреволюции на Восточном фронте:

«Генерал Жанен. <...> Зная современную ситуацию и видя, что Семенов находится в зависимости от Японии, он считает, что очень важно представлять себе возможные последствия данной ситуации, ее влияние на тыл, и, в частности, на Омск: и неизбежность того, что ответственность за эту ситуацию будет возложена на японцев. Вывод: необходимо как можно скорее мирно урегулировать этот конфликт.

Генерал Оба. Действительно, мы поддерживаем Семенова, но исключительно для того, чтобы восстановить русские войска, которые смогли бы, наконец-то, установить у себя мир. Но мы никогда не вмешиваемся в их внутренние дела, и на этот раз вмешались только для того, чтобы успокоить Семенова, а не для того, чтобы его каким-то образом настраивать. Но все говорит о том, что вскоре стороны придут к столь желанной всеми договоренности. Мы не даем возможности как Семенову, так и Колчаку вступить в схватку. Полковник Волков, который находится в Иркутске с нашими войсками полностью согласен с нами в этом пункте. Но мы приложим все усилия, чтобы работали коммуникации всех видов и будем им способствовать всем, чем можем.

Генерал Жанен. Мой вопрос выходит за рамки проблемы, которую мы обсуждаем, но поскольку генерал [М.] Накасима (начальник 2-го отдела штаба японского экспедиционного корпуса во Владивостоке. – *Р. Г.*) касался его, мне хотелось бы знать: способствуя восстановлению русских войск, которое идет параллельно тому восстановлению, которому способствуют союзники, предполагаете ли вы

слияние всех разрозненных отрядов вместе и подчинение их всех центральному руководству и одному командующему?

Генерал Оба. Он не обладает полнотой сведений относительно этого вопроса в целом и тех отрядов, о которых идет речь (генерал Жанен: по сведениям генерала Накасима эти отряды насчитывают около 20 000 человек), но он считает, что главная цель в том, чтобы собрать все эти силы под одним руководством, руководством Омска. В конце разговора общие замечания относительно железной дороги. Японские поезда тоже двигаются с большим трудом. Вот уже 10 дней, как не прибыло ни одного и т. д. Все усилия прилагаются для чехословаков и т. д.» [21, 6 décembre 1918].

Однако дальнейшие события, несмотря на заверения Оба, показали, что Семенов, с одной стороны чувствуя себя уязвленным приказами Колчака, с другой – стремясь укрепить свое положение, отказался идти на компромисс с провозглашенной в Омске новой властью. Сохранение им достигнутых в 1918 г. в Забайкалье позиций обеспечивалось поддержкой со стороны японских экспедиционных сил. «Я рассчитывал уехать около девяти вечера, – вспоминал Жанен, – около шести мне сообщили, что адмирал [Колчак] приглашает меня на телеграф. Там уже находился Семенов и говорил с Волковым. По его уклончивому ответу я понял, что новости были так себе» [22, р. 36].

Разговор по прямой линии с Омском проходил 6 декабря с 19 до 22 часов 30 минут по местному времени. Жанен был вызван на прямую связь с верховным комиссаром Франции в Сибири Э. Реньо и адмиралом А.В. Колчаком:

«Господин Реньо говорит. Здравствуйте господин генерал. Я хотел бы у вас узнать, что вам известно относительно намерений Семенова. Если он решил подчиниться, я мог бы помочь ему сохранить свое лицо и достоинство.

Генерал Жанен. Здравствуйте, господин верховный комиссар. Из разговоров, которые были у меня с Семеновым, я вынес впечатление, что Семенов готов признать авторитет адмирала Колчака только в том случае, если адмирал, установив контакт с генералом Деникиным, передаст власть в его руки. С другой стороны, он также настаивает на том, что-

бы адмирал Колчак отменил свой приказ, в котором называет его предателем Родины. Скажу вам заодно, что сегодня я снова виделся с генералом Оба, и он повторил мне, что твердо намерен противостоять любым военным действиям в Забайкалье. Он упорно настаивал на настоятельной необходимости безопасности железной дороги. Я со своей стороны, настоятельно напоминал ему об опасности для японцев выглядеть ответственными за эту ситуацию и оказываемое ими покровительство. Но у меня возникло впечатление, что они не оставят той территории, на которой разместились. Во всяком случае, без очень сильного давления, какого я оказать не имею возможности. Но в то же время, я верю, что переговоры, если их вести разумно, все-таки могут привести к приемлемому решению.

Господин Реньо. Я отвечаю на вопрос, который касается Семенова. Если он признает правительство адмирала Колчака и решит приехать в Омск, то адмирал его примет. Адмирал склонен его принять, и, если Семенов этого хочет, он сможет со своими войсками поехать сражаться на фронт. Что касается помощи японцев, я знаю из верного источника, что японское правительство продолжает поддерживать атамана против главы центральной власти. Оно рискует заслужить серьезную критику и взять на себя ответственность за действия всех людей Семенова на той территории, где они находятся. В общем, именно японцы могут быть обвинены в беспорядках на железнодорожной линии, и правительство Токио достаточно разумно, чтобы не понимать опасности такой политики. Я убежден, что оно посоветует Семенову занять позицию, которая послужит его чести и чести его патриотизма. <...>

Генерал Жанен. <...> Что касается здешней ситуации, то я сообщал вам сведения, которые были у [А.] Нокса (главы британской военной миссии в Сибири. – Р. Г.) и у меня относительно этой ситуации и опасностей, какие из нее вытекают. Я хочу только одного – достичь выгодного для России решения. Должен ли я сообщить атаману Семенову о том, что он может приехать и так далее?.. <...>

Господин Реньо. <...> Атаману Семенову вы можете передать от моего имени

те предложения, которые были ему сделаны. Он много потеряет, если их не примет» [18, 6 décembre 1918].

Впоследствии, имея за плечами опыт прошедших событий и неприязненного отношения к Колчаку, Жанен добавлял: «Разумеется, так его [Реньо] настроило окружение Колчака, но, по моему мнению, оно плохо представляло себе японцев» [22, р. 36–37].

Затем последовал первый разговор генерала Жанена с адмиралом Колчаком по прямой линии. «Я так и не знаю, кто пригласил к аппарату и его и меня, – вспоминал позднее генерал. – Не те ли самые люди, которые попросили господина Реньо передать те предложения, которые я сообщил выше?» [22, р. 37] По всей видимости, состоявшийся между Колчаком и Жаненом разговор имел немалое значение для формирования у французского генерала мнения о верховном правителе, как человеку неуравновешенном и неспособном пойти на разумный компромисс ради достижения цели:

«Адмирал Колчак. Позвольте мне, господин генерал, поздравить вас с благополучным прибытием. Вы желали поговорить со мной? Что вы хотите мне сообщить?»

Генерал Жанен. Здравствуйте, господин адмирал. Благодарю за добрые слова. Сожалею, что вас побеспокоили, но мне сказали, что вы приглашаете меня на связь. Я не просил разговора с вами.

Адмирал Колчак. Но я все-таки вас благодарю, случай предоставляет мне возможность поговорить с вами. Я только что говорил с господином Реньо относительно ситуации, возникшей в Забайкалье. Я бы хотел, если только вас это не затруднит, узнать ваше мнение об этой ситуации, которая, к несчастью, вынуждает меня в этот в целом критический момент заниматься военными приготовлениями ради того, чтобы восстановить порядок и наладить свободное сообщение Забайкалья с Дальним Востоком.

Генерал Жанен. По дороге я получил телеграмму от генерала Нокса, он действительно обращает мое внимание на необходимость с моей стороны воздействовать на атамана Семенова, чтобы он принял и признал ваше правительство. Я разделяю мнение генерала Нокса, оно кажется мне тем более справед-

ливым, что военные меры, предпринятые по вашему приказу с тем, чтобы положить конец кризису, только его обострили.

По приезде в Читу, едва мой поезд остановился, я принял визит от атамана, и он изложил мне свою точку зрения на данный вопрос, прибавив, что в тот момент, когда он получил ваш приказ № 60 от 1 декабря, он был готов отправить вам телеграмму признавая вашу власть до того момента, пока вы не свяжетесь с Деникиным. Я настоятельно указывал ему, какой вред наносит его позиция России, и на ее опасности. Он уверил меня, что готов на тех же условиях признать правительство, если только вы откажетесь от слов “предатель родины”, которые глубоко ранили его патриотизм.

После визита Семенова, я увиделся с генералом Оба, который сообщил мне, что отдал жесткий приказ, запрещающий доступ в Забайкалье войск генерала Волкова, и прибавил, что запретил также атаману Семенову поднимать своих людей. Он считает, что таким образом он исполняет ту роль, которую взяла на себя японская армия, придя на помощь чехам и обеспечивая безопасность железной дороги. Я настоятельно указывал ему на опасность для японцев показаться в таком случае покровителями Семенова! Он уверил меня, что действует по собственному разумению, и, по его мнению, это единственное и лучшее средство обеспечить мир и быстро и успешно разрешить назревший конфликт. Мои доводы не заставили его перемнить точку зрения.

Господин Реньо передал мне, что вы высказали пожелание увидеть атамана Семенова в Омске. Мне кажется предпочтительнее отправить кого-нибудь к нему и начать переговоры, а не доверять их телеграфу или письмам. Я продолжаю разделять тревоги генерала Нокса относительно этой ситуации, потому что, учитывая меры, предпринятые генералом Оба, на которых он настаивал дважды, те приказы, которые получил генерал Волков от вас, не могут быть выполнены. Таким образом, ситуация остается неразрешенной. И я должен также признаться, у меня возникло впечатление, что эта мера была японцами тщательно рассчитана, и они от нее не отступятся.

Адмирал Колчак. Действия Семенова приведут к тому, что связь с Дальним Востоком будет оборвана и остановится снабжение армии. Семенов опустошает Забайкалье, грабит страну, способствует произволу и анархии. Люди из его отряда совершали и будут совершать преступления против общего права. Так управлять страной невозможно. Действия Семенова являются предательством страны и родины, и я не могу вступать с ним ни в какие переговоры.

Я требую от него исполнения моего приказа № 60, требую явиться в Омск, чтобы отчитаться. Если он немедленно не подчинится, я буду вынужден объявить его предателем России и доведу это до сведения всего населения страны и армии. Заявления генерала Оба не могут рассматриваться мной, всем правительством и всей Россией иначе, как покровительство человеку, который является предателем своей родины в один из самых тяжелых моментов ее существования. Я вынужден и буду продолжать военные приготовления, потому что не имею иного выхода. Я знаю, что бои с вооруженными силами Семенова, прикрываемого японцами, безнадежны, но честь моей родины не позволяет мне действовать иначе, и я хочу знать, позволит ли японское правительство своим представителям вмешаться в такое внутреннее дело России как назначение или смещение каких-либо командующих, потому что я не позволю, чтобы Семенов со своим отрядом надолго задержался в Забайкалье. И если мне не будут мешать в назначении новых командующих и удалении Семенова вместе с его отрядом из Забайкалья, я не предприму никаких военных действий. Но если представители Японии будут продолжать мне мешать назначать командующих и администрацию, которая будет управлять страной, мне придется признать, что подобное поведение со стороны японцев не совместимо с отношением к России как к независимой стране, что они посягают на суверенитет России и вынуждают считать их оккупантами ее территорий.

Генерал Жанен. Я всего лишь изложил свою точку зрения и мнение генерала Нокса на сложившуюся ситуацию. Все изложенные вами соображения относительно управления целиком в вашей компетенции как верховного

правителя. Я рассчитываю уехать отсюда сегодня ночью. Могу ли я быть вам чем-то полезен до своего отъезда?

Адмирал Колчак. Я хотел бы, чтобы вы разделили мою точку зрения. Думаю, когда вы прибудете в Омск, мы сможем поговорить более подробно, и я смогу ознакомить вас с общим положением. Для меня затруднительно обращаться к вам с какими бы то ни было просьбами. Полагаю, вам виднее, возможно ли с вашей стороны способствовать выходу из этой ситуации или она кажется вам безнадежной? Если вас это не затруднит, я бы хотел знать мнение об этой ситуации генерала Нокса.

Генерал Жанен. Генерал Нокс в телеграмме, которую я получил вчера, сообщил мне, что относительно конфликта с Семеновым и мер, которые предприняты, чтобы положить ему конец, он считает следующее: эти меры он находит опасными, так как предполагает, что на скорое разрешение этого конфликта рассчитывать не приходится, а значит следует ждать серьезных осложнений. Именно поэтому он настойчиво просил меня поговорить с атаманом Семеновым и склонить его к подчинению. Я был совершенно с ним согласен и поговорил с Семеновым. Что касается связи с Дальним Востоком: железной дороги и линии телеграфа, то генерал Оба уверил меня, что берет на себя полную ответственность за то, что они будут действовать без каких-либо помех настолько, насколько позволяет не лучшее состояние железной дороги. Я, собственно, не вижу, чем я могу быть здесь полезен, и сообщения, которые вы намереваетесь сделать, лучше поручить генералу Волкову или тому, кого вы для этого назначите. Надеюсь, вскоре встретиться с вами в Омске и сообщить вам всякого рода сведения, какие я почерпнул как в Японии, так и здесь. Имею честь вас приветствовать, адмирал.

Адмирал Колчак. Тысяча благодарностей, господин генерал за вашу любезность. Позвольте мне пожелать вам счастливого пути. Буду вас ждать в Омске» [19, 6 décembre 1918].

Результаты. Обмен мнениями по прямой линии между Жаненом и Колчаком окончился ничем. В то время как Колчак подробно описывал ситуацию и эмоционально заяв-

лял о недопустимости вмешательства Японии в российские дела, Жанен отвечал сухо и недоумевал отсутствию компромисса между Колчаком и Семеновым ради общего дела. Он вполне искренне отвечал Реньо о «Читинском инциденте»: «Я хочу только одного – достичь выгодного для России решения». Попытавшись надавить на японцев, насколько это было возможно в его ситуации, и лично выслушав обе стороны конфликта – сначала Семенова, а затем Колчака, он быстро пришел к выводу, озвученному верховному правителю: «Не вижу, чем я могу быть здесь полезен». Более того, он прямо высказал Колчаку свое мнение о том, что предпринятые им меры «чтобы положить конец кризису, только его обострили» и «не могут быть выполнены». Имея в своих руках подробную информацию об атамане Семенове, Жанен отчетливо понимал, что его поездка в Омск к Колчаку в сложившейся ситуации невозможна, а конфликт приобретает затяжной характер.

По дороге в Омск у Жанена окончательно сформировалось мнение о Колчаке, как человеке импульсивном и вспыльчивом, плохо пригодном для управления страной и армией. Не случайно сразу в день прибытия в Омск 13 декабря 1918 г. Жанен направил в Париж раппорт «Диктатура Колчака», составленный со слов неизвестного русского офицера, и характеризовавший Колчака негативно. Первая же очная встреча Жанена с Колчаком в Сибири состоялась только через 3 дня после его приезда в Омск – 16 декабря 1918 года. Очевидно, что свое мнение о верховном правителе России французский генерал сформировал в том числе и под впечатлением своего первого, пока еще заочного диалога с ним по «делу Семенова». «Господин Ф. Бертело (главный секретарь МИД Франции. – *Р. Г.*) не подозревал, насколько был прав, когда сказал, что раздражительность адмирала мешает ему быть государственным человеком. <...> ...разговор с ним навел меня на самые мрачные размышления», – писал Жанен в 1930-е гг. [22, р. 38].

Кризис в отношениях между Омском и Читой затянулся на несколько месяцев. В феврале – марте 1919 г. в Чите работала Чрезвычайная следственная комиссия при Министерстве юстиции, во главе которой 7 февра-

ля 1919 г. был назначен генерал-лейтенант Г.Е. Катанаев. Несмотря на определенные успехи комиссии в расследовании действий Семенова и его подчиненных, итоги ее работы оказались не востребованными. Очевидно, что Колчак и его Ставка не учли реального соотношения сил в Восточной Сибири [17, с. 160]. Противостояние, так и не вылившееся в открытый конфликт ввиду позиции японских войск, ослабляло авторитет лично Колчака, как верховного правителя, и в целом Российского правительства. В конечном счете Колчак вынужден был пойти на уступки для формального объединения под своей властью Сибири и Дальнего Востока. Примирение между Колчаком и Семеновым состоялось только весной 1919 года. 25 мая верховный правитель отдал приказ № 136, отменявший декабрьский приказ и назначавший атамана командиром 6-го Восточно-Сибирского неотдельного корпуса [11, л. 66]. Фактически приказ № 136 означал капитуляцию Колчака, «не сумевшего ни военными, ни политическими методами» принудить Семенова, пользовавшегося покровительством Японии, признать власть Российского правительства [14, с. 18].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ 5–6 (18–19) июня 1917 г. в Севастополе состоялся многотысячный митинг матросов, требовавший отстранения от командования флотом вице-адмирала А.В. Колчака, его начальника штаба капитана 1-го ранга М.И. Смирнова и ряда других офицеров. Участники митинга также потребовали сдачи офицерами Черноморского флота холодного и огнестрельного оружия. Колчак, приказавший офицерам сдать оружие, свою Георгиевскую саблю демонстративно бросил в море. Этот поступок Колчака получил большую известность в 1917 году.

² Жест безразличия со стороны генерала Жанена (примеч. документа. – *Р. Г.*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А.В. Колчак, 1874–1920. В 2 т. Т. 1: А.В. Колчак: от кадета до флотоводца, 1874–1918 гг. : сб. док. / отв. ред. Ю. Г. Орлова. – СПб. : Блиц, 2021. – 720 с.
2. Гинс, Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920 / Г. К. Гинс. – М. : Айрис-пресс, 2008. – 672 с.

3. Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 г. / сост. В. М. Зензинов. – Париж : Тип. Рираховского, 1919. – 193 с.

4. Допрос А.В. Колчака / под ред. и с предисл. К. А. Попова. – Л. : Гос. изд-во, 1925. – XI, 232 с.

5. Каревский, А. А. К истории вооруженных сил Временного Сибирского правительства: 5-й Приамурский корпус осенью 1918 г. / А. А. Каревский // История белой Сибири : тез. 4-й науч. конф. (6–7 февраля 2001 г.). – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2001. – С. 97–100.

6. Кручинин, А. С. Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память / А. С. Кручинин. – М. : АСТ, 2010. – 538 с.

7. Кручинин, А. С. Атаман Г.М. Семенов / А. С. Кручинин // Белое движение: исторические портреты. – М. : АСТ, 2011. – С. 972–1019.

8. Мейбом, Ф. Ф. Тернистый путь / Ф. Ф. Мейбом // Первопоходник. – № 27–28. – Лос-Анджелес : [б. и.], 1975. – С. 5–21.

9. Новиков, П. А. Гражданская война в Восточной Сибири / П. А. Новиков. – М. : Центрполиграф, 2005. – 414 с.

10. Приветственные послания верховному правителю и верховному главнокомандующему адмиралу А.В. Колчаку. Ноябрь 1918 – ноябрь 1919 г. : сб. док. / сост. и науч. ред. В. В. Журавлев. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. – 558 с.

11. Приказ верховного правителя № 136. 25 мая 1919 г. // Российский государственный военный архив (РГВА). – Ф. 39499: Штаб верховного главнокомандующего всероссийского правительства. 1918–1920 гг. – Оп. 1. – Д. 13. – 155 л.

12. Романов, А. М. Особый Маньчжурский отряд атамана Семенова / А. М. Романов. – Иркутск : Отгиск, 2013. – 308 с.

13. Романов, А. М. Формирование 5-го Приамурского отдельного корпуса белой Сибирской армии в 1918 г. / А. М. Романов // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2011. – № 9. – С. 268–273.

14. Савченко, С. Н. Примирение Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака и атамана Г.М. Семенова весной 1919 года / С. Н. Савченко // Военно-исторический журнал. – 2011. – № 3. – С. 13–19.

15. Семенов, Г. М. О себе / Г. М. Семенов. – М. : Вече, 2013. – 304 с.

16. Шульдяков, В. А. Комментарии / В. А. Шульдяков // Катанаев, Г. Е. На заре сибирского самосознания. Воспоминания генерал-лейтенанта Сибирского казачьего войска. – Новосибирск : [б. и.], 2005. – С. 239–304.

17. Шульдяков, В. А. Особая миссия на Дальний Восток генерал-майора В.И. Волкова (декабрь

1918 г.) / В. А. Шульдяков // Казачество Дальнего Востока России в XVII–XXI вв. : сб. науч. ст. – Вып. 2. – Хабаровск : Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН ; Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2009. – С. 149–166.

18. Conversation au fil direct avec Omsk de 7 heures du soir a 10 h. 30. 6 Decembre 1918 // Service historique de la Defense Château de Vincennes (SHD). – 16 N. – Carton 3810. – Dossier 4. – 135 p.

19. Conversation avec l'AMIRAL KOLTCHAK // SHD. – 16 N. – Carton 3810. – Dossier 4. – 135 p.

20. Enterevue avec le General OBA. 5 Decembre 1918 // SHD. – 16 N. – Carton 3810. – Dossier 4. – 135 p.

21. Enterevue avec le General OBA. 6 Decembre 1918 // SHD. – 16 N. – Carton 3810. – Dossier 4. – 135 p.

22. Janin, M. Ma mission en Siberie. 1918–1920 / M. Janin. – Paris : Payot, 1933. – 307 p.

REFERENCES

1. Orlova Yu.G., ed. *A.V. Kolchak, 1874–1920. V 2 t. T. 1: A.V. Kolchak: ot kadeta do flotovodca, 1874–1918 gg.: sb. dok.* [A.V. Kolchak, 1874–1920. Collection of Documents in 2 Vols. Vol. 1: From Cadet to Fleet Commander, 1874–1918]. Saint Petersburg, Blic Publ., 2021. 720 p.

2. Gins G.K. *Sibir', soyuzniki i Kolchak. Povorotnyj moment russkoj istorii. 1918–1920* [Siberia, the Allies and Kolchak. A Turning Point in Russian History. 1918–1920]. Moscow, Ajris-press, 2008. 672 p.

3. Zenzinov V.M. *Gosudarstvennyj perevorot admirala Kolchaka v Omske 18 noyabrya 1918 g.* [Admiral Kolchak's coup d'état in Omsk]. Paris, Tip. Rirahovskago Publ., 1919. 193 p.

4. Popova K.A., ed. *Dopros A.V. Kolchaka* [Interrogation of A.V. Kolchak]. Leningrad, Gos. izd-vo, 1925. XI, 232 p.

5. Karevskij A.A. K istorii vooruzhennyh sil Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva: 5-j Priamurskij korpus osen'yu 1918 g. [Towards a History of the Armed Forces of the Provisional Siberian Government: 5th Priamursky Corps, Autumn 1918]. *Istoriya beloju Sibiri: tez. 4-j nauch. konf. (6–7 fevralya 2001 g.)* [History of White Siberia: Abstracts of the 4th Scientific Conference 6-7 February 2001]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2001, pp. 97-100.

6. Kruchinin A.S. *Admiral Kolchak: zhizn', podvig, pamyat'* [Admiral Kolchak: Life, Feat, Memory]. Moscow, AST Publ., 2010. 538 p.

7. Kruchinin A.S. Ataman G.M. Semenov [Ataman G.M. Semenov]. *Beloe dvizhenie:*

istoricheskie portrety [The White Movement: Historical Portraits]. Moscow, AST Publ., 2011, pp. 972-1019.

8. Mejbom F.F. Ternistyj put' [The Thorny Path]. *Pervopohodnik*, no. 27-28, Los Angeles, 1975, pp. 5-21.

9. Novikov P.A. *Grazhdanskaya vojna v Vostochnoj Sibiri* [The Civil War in Eastern Siberia]. Moscow, Centrpoligraf, 2005. 414 p.

10. Zhuravlev V.V., ed. *Privetstvennye poslaniya verhovnomu pravatelyu i verhovnomu glavnokomanduyushchemu admiralu A.V. Kolchaku. Noyabr' 1918 – noyabr' 1919 g.: sb. dok.* [Greeting Messages to the Supreme Ruler and Supreme Commander-in-Chief Admiral A.V. Kolchak. November 1918–November 1919: Collection of Documents]. Saint Petersburg, Izd-vo Evrop. un-ta v Sankt-Peterburge, 2012. 558 p.

11. Prikaz verhovnogo pravatelya № 136. 25 maya 1919 g. [Order of the Supreme Ruler No. 136. May 25, 1919]. *Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv* [Russian State Military Archives], f. 39499: Shtab verhovnogo glavnokomanduyushchego vserossijskogo pravitel'stva. 1918–1920 gg., op. 1, d. 13. 155 l.

12. Romanov A.M. *Osobyj Man'chzhurskij otryad atamana Semenova* [Ataman Semenov's Special Manchurian Detachment]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2013. 308 p.

13. Romanov A.M. Formirovanie 5-go Priamurskogo otdel'nogo korpusa beloј Sibirskoj armii v 1918 g. [Formation of the 5th Priamursky Detached Corps of the White Siberian Army in 1918]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Irkutsk State Technical University], 2011, no. 9, pp. 268-273.

14. Savchenko S.N. Primirenje Verhovnogo pravatelya Rossii admirala A.V. Kolchaka i atamana

G.M. Semenova vesnoj 1919 goda [Reconciliation Between the Supreme Ruler of Russia, Admiral A.V. Kolchak and Ataman G.M. Semenov in the Spring of 1919]. *Voенно-istoricheskij zhurnal* [Military History Journal], 2011, no. 3, pp. 13-19.

15. Semenov G.M. *O sebe* [About Me]. Moscow, Veche Publ., 2013. 304 p.

16. Shuldyakov V.A. Kommentarii [Commentary]. *Katanaev G.E. Na zare sibirskogo samosoznaniya. Vospominaniya general-lejtenanta Sibirskogo kazach'ego vojska* [Katanaev G.E. At the Dawn of the Siberian Identity. Memoirs of a Lieutenant-General of the Siberian Cossack Troops]. Novosibirsk, [s. n.], 2005, pp. 239-304.

17. Shuldyakov V.A. Osobaya missiya na Dal'nij Vostok general-majora V.I. Volkova (dekabr' 1918 g.) [Special Mission to the Far East by Major-General V.I. Volkov (December 1918)]. *Kazachestvo Dal'nego Vostoka Rossii v XVII–XXI vv.: sb. nauch. st. Vyp. 2* [The Cossacks of the Russian Far East in the XVII–XXI Centuries. Collection of Works Vol. 2]. Habarovsk, In-t istorii, arheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN, Habarovskij kraevoj muzej im. N.I. Grodekova, 2009, pp. 149-166.

18. Conversation au fil direct avec Omsk de 7 heures du soir a 10 h. 30. 6 Decembre 1918. *Service historique de la Defense Château de Vincennes (SHD)*, 16 N., Carton 3810, Dossier 4. 135 p.

19. Conversation avec l'AMIRAL KOLTCHAK. *SHD*, 16 N., Carton 3810, Dossier 4. 135 p.

20. Enterevue avec le General OBA. 5 Decembre 1918. *SHD*, 16 N., Carton 3810, Dossier 4. 135 p.

21. Enterevue avec le General OBA. 6 Decembre 1918. *SHD*, 16 N., Carton 3810, Dossier 4. 135 p.

22. Janin M. *Ma mission en Sibirie. 1918–1920*. Paris, Payot Publ., 1933. 307 p.

Information About the Author

Ruslan G. Gagkuev, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Dmitriya Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, gagkuev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1413-6684>

Информация об авторе

Руслан Григорьевич Гагкуев, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН, ул. Дмитрия Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, gagkuev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1413-6684>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.15>

UDC 930.272
LBC 63.3

Submitted: 15.08.2020
Accepted: 13.07.2021

THE LAST BATTLES OF THE CIVIL WAR IN THE FAR EASTERN REPUBLIC (ON THE MEMOIRS OF I.A. MAKHANOV) *

Igor O. Tyumentsev

Volgograd Institute of Management, Branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation;
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstracts. *Introduction.* The published material contains a fragment of the memoirs of I.A. Makhanov, an employee of the artillery department of the People's Revolutionary Army of the Far Eastern Republic. The text of the memoirs is kept in a manuscript in a single copy in the personal archive of the author's son and has not been published yet. The publication has been prepared on the base of modern methods of source study and archeography. Archaeographic notes are provided in footnotes. In the comments to the text, reference data on geographical names, personalities, events mentioned in the memoirs are given. *Analysis.* As a participant in the Civil War in the Far East, I.A. Makhanov made interesting descriptions of the battles at the In and Olgokhta stations – the final battles of the People's Revolutionary Army of the Far Eastern Republic against the last military formations of the White Army. Memoirs of I.A. Makhanov are an important and informative source on the history of the final stage of the Civil War in Russia. *Results.* The scientific publication of memoirs gives opportunity to introduce significant clarifications in the prevailing ideas about the end of the Civil War and the establishment of Soviet power in the Far East.

Key words: The Civil War in Russia, the Far Eastern People's Republic, the artillery department of the People's Army, the end of the Civil War, memoirs of I.A. Makhanov.

Citation. Tyumentsev I.O. The Last Battles of the Civil War in the Far Eastern Republic (On the Memoirs of I.A. Makhanov). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 4, pp. 167-180. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.15>

УДК 930.272
ББК 63.3

Дата поступления статьи: 15.08.2020
Дата принятия статьи: 13.07.2021

ПОСЛЕДНИЕ СРАЖЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКЕ (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ И.А. МАХАНОВА) *

Игорь Олегович Тюменцев

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация;
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Публикуемый материал содержит фрагмент воспоминаний И.А. Маханова – работника артиллерийского управления Народно-Революционной армии Дальневосточной республики. Текст воспоминаний подготовлен с учетом современных методов источниковедения и археографии. Будучи участником Гражданской войны на Дальнем Востоке, И.А. Маханов оставил интересные описания заключительных боев Народно-революционной армии Дальневосточной Республики против последних воинских формирований Белой армии. Мемуары И.А. Маханова являются ценным источником по истории завершающего этапа Гражданской войны в России. Ввод мемуаров в научный оборот позволит внести существенные уточнения в сложившиеся представления о событиях той поры.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Дальневосточная Народная Республика, артиллерийское управление народной армии, завершение Гражданской войны, воспоминания И.А. Маханова.

Цитирование. Тюменцев И. О. Последние сражения Гражданской войны в Дальневосточной республике (по воспоминаниям И.А. Маханова) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 167–180. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.15>

Введение. Гражданская война в России, круто изменившая ход российской и мировой истории, неизменно находится в центре внимания как отечественной, так и зарубежной историографии. В СССР события Гражданской войны осмыслились с позиций красных, в эмигрантской и зарубежной историографии – с точки зрения белых. После развала СССР в российском обществе и отчасти в историографии возобладала точка зрения на Гражданскую войну белых и только в начале XXI в. к столетию завершения Гражданской войны начал утверждаться взвешенный взгляд на лихолетье как величайшую трагедию нашего многонационального народа.

Материалы. К числу явно периферийных сюжетов истории Гражданской войны относится история Дальневосточной республики (далее – ДВР). В эмигрантской историографии с самого начала уделялось мало внимания ее истории, так как не хотелось вспоминать об отчаянных попытках горстки смельчаков переломить ход истории [4]. В Советском Союзе 1920–1930-х гг. вышло несколько публикаций, посвященных истории Гражданской войны на Дальнем Востоке, написанных главным образом их бывшими участниками [2; 4; 6; 17; 19; 27]. После гибели в тюрьме бывшего министра обороны ДВР маршала В.К. Блюхера и его соратников изучение истории ДВР отечественными исследователями надолго было прервано и возобновилось лишь после смерти И.В. Сталина [3; 6; 9; 11; 13, 14, 16]. В 1980–2000-х гг. в российской [8, 10; 11; 12; 15; 18; 22] и зарубежной [20] историографии появились специальные исследования, посвященные истории этого государственного образования. Тем не менее процесс изучения той трагической эпохи еще далек от завершения. По этой причине свидетельства немногих выживших участников событий тех лет представляют значительный интерес и их ввод в научный оборот имеет большое значение. Одним из очевидцев и уча-

стников последних боев с белыми является Иван Абрамович Маханов.

Шестнадцатилетним юношей Иван Абрамович принял участие в революционном движении, в которое его, по-видимому, вовлек старший брат Евлампий Абрамович Маханов – в 1917–1919 гг. председатель Кинешемской уездной Чрезвычайной комиссии¹. В августе 1917 г. И.А. Маханов принял активное участие в создании ячеек «Социалистического Союза молодежи “III-й Интернационал”» в Кинешемском реальном училище и на фабрике в селе Наволоки. В сентябре 1917 г. юноша с товарищами из Союза вступил в Красную гвардию в селе Наволоки, а 17 сентября 1917 г. в Наволокской ячейке был принят в ряды РСДРП(б). Рядовым бойцом Красной гвардии он подавлял контрреволюционные силы в Иваново-Вознесенском крае и в составе Кинешемского сводного революционного отряда ликвидировал Ярославский белогвардейский мятеж. Летом 1918 г. окончил партийные курсы, организованные М.В. Фрунзе в Иваново-Вознесенке. Работал секретарем Кинешемского уездного комитета Социалистического союза молодежи (осень 1918 – осень 1919) и секретарем Иваново-Вознесенского губернского комитета РКСМ (осень 1919 – начало 1920) [1].

В марте 1920 г. призван в РККА и направлен на работу председателем партбюро 2-й Московской тяжелой артиллерийской бригады. 23 апреля 1920 г. принимал участие в торжественном собрании Московского комитета РКП(б) по поводу 50-летия В. И. Ленина. 20–26 ноября 1920 г., будучи делегатом Московской губернской конференции РКП(б), слушал выступления В.И. Ленина, принимал участие в знаменитом «ленинском» субботнике. В декабре 1920 г. направлен на Дальний Восток для работы инструктором в Военно-политическом управлении Дальневосточной Республики. Участвовал в заседаниях учредительного собрания ДВР [7], в августе 1921 г.

служил военкомом отдельной батареи на Амурском фронте. В ноябре 1921 г. громил белых у станции Ин, штурмовал Волочаевск и Спасск. Затем служил заместителем военного комиссара артиллерии Приамурской дивизии и Приамурского военного округа, избирался секретарем их партийной организации [1].

В июле 1922 г. был направлен на учебу в Петроград в Артиллерийскую академию им. Ф.Э. Дзержинского, которую успешно окончил в 1928 году. В 1929–1939 гг. он работал главным конструктором КБ артвооружений Кировского завода. 27 июня 1939 г. Иван Абрамович был арестован и 6 июня 1941 г. осужден по обвинению в участии в заговоре маршала М.Н. Тухачевского по 58-й статье к 20 годам исправительно-трудовых лагерей и 5 годам поражения в правах. Он прошел все круги ада в тюрьмах и ГУЛАГе, отдав им 16 лет своей жизни [1]. Вернувшись в Ленинград после смерти И.В. Сталина и казни Л.П. Берии, И.А. Маханов написал мемуары, которые являются ценнейшим источником по истории военно-промышленного комплекса СССР, большого террора, сталинских лагерей и тюрем.

Воспоминания И.А. Маханова хранятся в семейном архиве его сына Станислава Ивановича Маханова, который любезно предоставил их нам для изучения и публикации. Они написаны в общих тетрадях и в основном посвящены ГУЛАГу. Описание событий Гражданской войны находится в тетради № 1. Листы 78–87 об. По объему они невелики, но содержат важные детали событий тех лет. Во время пребывания в ДВР И.А. Маханов служил вместе с дальневосточными руководителями большевиков А.М. Краснощековым, К.А. Авксентьевым, П.Н. Никифоровым, В.К. Блюхером, П.П. Постышевым, С.М. Серышевым, В.Д. Войтченко, И.П. Шевчуком. Сообщил интересные сведения о судьбах колчаковских офицеров А.Н. Рудневе, А.А. Жданове, И.Н. Оглоблине, М.А. Суорове, И.М. Щербакове [15; 17; 18], служивших в Артиллерийском

управлении Народно-революционной армии (далее – НРА) ДВР.

Излюбленным стилистическим приемом И.А. Маханова являлись обширные пояснения, заключенные в круглые скобки, которые он помещал в текст и тем самым сильно перегружал его обширными конструкциями. Для более удобного восприятия мыслей автора мы поместили эти пояснения вместе с примечаниями автора в комментарии. В подстрочных сносках мы оговорили зачеркнутые автором буквы, слова, предложения, так как они зачастую передают психологическое состояние и настроение автора.

Обширные сложносочиненные и сложноподчиненные предложения разбиты на простые предложения для более удобного восприятия текста без указания в сносках. Пропуски или повторы слов (тавтологию) мы заменили по необходимости синонимами, оговорив в подстрочных сносках. Просторечия и сленг мы также опустили в подстрочные сноски, поставив на их место принятые в литературе слова.

В советское время обращались друг к другу по фамилиям: «товарищ Иванов», поэтому сейчас очень трудно идентифицировать человека. Когда это нам удавалось, мы помещали инициалы перед его фамилией также в квадратных скобках. В тех нечастых случаях, когда автор приводил имена, отчества и инициалы, он обычно помещал их после фамилии, как это было принято в то время. В соответствии с современными нормами, мы расположили их перед фамилиями. Упоминания людей в цитируемых автором высказываниях, мы оставили без изменений, без добавления инициалов, имен и отчеств. Все внесенные нами смысловые новации текста обозначены квадратными скобками.

Данный текст подготовлен к печати как один из серии публикаций фрагментов воспоминаний, которые мы предприняли с целью апробации результатов нашего проекта и подготовки к изданию воспоминаний в целом [5; 23; 24; 25; 26].

Маханов И. А. На службе в ДВР

В конце 1920 и начале 1921 годов по идее [В. И.] Ленина, с тем чтобы добиться ухода японских войск с русской территории Дальнего Востока, с которыми мы не могли воевать, так как были еще очень слабы, была организована Дальневосточная республика с Учредительным Собранием с многопартийной системой. Столицей Республики был выбран г[ород] Чита в Забайкальской области. Это мудрое ленинское решение заставить японцев мирным путем уйти с нашей территории себя полностью оправдало. Вашингтонская конференция трех держав (США, Англии и Японии)ⁱⁱ в 1921ⁱⁱⁱ году, на которую была допущена делегация ДВР во главе с председателем Совета Министров [А. М.] Краснощековым и Военным Министром [В. К.] Блюхером, обязала Японию эвакуировать свои войска^{iv} с русской территории, основываясь на жалобе и разоблачениях захватнических планов Японии, сделанных нашей делегацией. Но до конца 1921 года японцы искусственно затянули эвакуацию своих войск, очистив Забайкальскую и Амурскую области целиком и частично Уссурийский край до Имана^v. Этим самым они дали возможность остаткам Каппелевского корпуса^{vi} собрать в единую ударную группу все белогвардейские силы¹ на Дальнем Востоке¹ под командованием генерала [В. М.] Молчанова^{vii} и под политическим руководством Владивостокского Правительства братьев [С. и Н. Д.] Меркуловых^{viii}. Первого ноября 1921 года ударная группа генерала [В. М.] Молчанова хорошо обмундированная и вооруженная, в условиях жестокого мороза (30–40 С°) перешла нейтральную зону и атаковала сравнительно слабые воинские части Народно-революционной армии, расположенные в районе Имана, Спасска и Хабаровска, вдоль Уссурийской железной дороги. Нападение было крайне неожиданно и вероломно со стороны японцев. К тому же обещанное пополнение Амурской дивизии^{ix} НРА за счет частей Пятой Советской² Армии^x, дислоцированной³ в Восточной Сибири, [не было осуществлено], и это имело решающее последствие для трагических событий, разыгравшихся после 1 ноября 1921 года.

Сразу после атаки белых в районе Имана началось отступление разрозненных частей Амурской дивизии^{xi}. В течение нескольких дней были оставлены Иман, Спасск и Корфовская^{xii}. Казачий полк белых совершил форсированный рейд по льду русла реки Усури с намерением выйти из устья (дельты) Усури раньше, чем воинские части красных эвакуируются из Хабаровска, тем самым отрезать путь к дальнейшему отступлению и совершенно нас разгромить. Этот замысел врага [П. П.] Постышев совместно с [С. М.] Серышевым разгадали и решили поспешить с эвакуацией Хабаровска и вывести части Амурской дивизии, в значительной степени деморализованные, из намеченного окружения. Ситуация складывалась крайне неблагоприятно для нас.

В это время я работал инструктором политотдела и заместителем военного комиссара в Управлении артиллерии Приамурского военного округа⁴. Военным комиссаром Управления был т[оварищ Всеволод Дмитриевич] Войтченко – питерский рабочий, окончивший краткосрочные курсы по артиллерии и командированный так же, как и я политуправлением Красной Армии на Дальний Восток для укрепления партийных кадров. Начальником Управления артиллерии был [С. В.] Руднев^{xiii}, начальником штаба⁵ – [А. А.] Жданов, бывший полковник Колчаковской армии^{xiv}, и так все управление состояло из б[ывших] колчаковских офицеров. Командиры батарей и взводов были в прошлом⁶ колчаковские офицеры и⁷ юнкера Раздольнинского артиллерийского училища^{xv}. Из среды юнкеров только один был член РКП(б) – это Михаил Алексеевич Сусоров^{xvi}, остальные же были все беспартийные. За короткое время, которым я располагал для изучения настроений бывшего колчаковского офицерства, в руках которых были советские⁸ люди – рядовые бойцы и материальная часть артиллерии дивизии (пушки, гаубицы и боеприпасы), я все же распознал, что они не верят в успех этой последней белогвардейской авантюры, так как за нас стоит вся Советская Россия во главе с [В. И.] Лениным, за исключением немногих, которые, казалось, способны колебаться⁹. А на таких беспартийных, как Иван Николаевич Оглоблин^{xvii} и Шура Сулов^{xviii} – командиры батарей^{xix}, я считал можно целиком положиться. Настроения самого [С. В.] Руднева^{xx} и начальника штаба Управления [А. А.] Жданова

¹⁻¹ Слова вписаны над строкой.

² Вписано над строкой.

³ Написано после зачеркнутого: «распо».

⁴ Повтор: «этого управления».

⁵ Повтор: «Управления был».

⁶ Повтор: «бывшие».

⁷ Повтор: «бывшие».

⁸ Вписано над строкой.

⁹ В тексте: «колебнуться».

были под некоторым сомнением. [В. Д.] Войтченко и я были настороже, и при первых попытках измены¹⁰ с их стороны они были бы немедленно расстреляны.

Такие указания были и со стороны [П. П.] Постышева. По этим соображениям Управление артиллерии во главе с начальником [С. В.] Рудневым и начальником штаба [А. А.] Ждановым заблаговременно перевели на ст[анцию] Ин в 100 км от Хабаровска. Все батареи, за исключением одной, отступающей с отходящими частями НРА, были заранее эвакуированы на ст[анцию] Ин, где по плану, разработанному [С. М.] Серышевым и [П. П.] Постышевым, был¹¹ дан первый бой наступающему противнику. [П. П.] Постышев со своим аппаратом политотдела последними покинули Хабаровск и задержались на другом берегу Амура в поселке Покровке на станции Амурской железной дороги, сразу после Амурского железнодорожного моста^{xxi}, взорванного еще в 1920 году во время Апрельских событий^{xxii}. Незадолго до отъезда [П. П.] Постышева из Хабаровска пешком двинулся отряд Хабаровских коммунистов и комсомольцев в направлении к дельте реки Усури и с выходом на село Верхне-Спасское. Это было трагической ошибкой. Когда этот слабо вооруженный отряд поравнялся с дельтой Усури, идя по середине замершего¹² русла Амура, на них из дельты Усури выскочили передовые сотни белогвардейских казаков, и весь отряд¹³ погиб под ударами казачьих шашек.

[В. Д.] Войтченко и я покидали Хабаровск последними, после уничтожения секретной документации. Под нами были два арабских скакуна^{xxiii}, на которых мы могли совершенно уверенно уйти от преследования казаков с их монгольскими малорослыми лошадами. Была полночь. Мороз достигал 40С°. Наши «арабы» шли крупной рысью. Вот мы пронеслись мимо завода Хабаровский Арсенал^{xxiv} и выехали на лед Амура, справа от нас в ночной морозной мгле маячил гигантский железнодорожный мост с двумя опущенными концами двух ферм на дно Амура. Когда пересекли мы основное русло Амура и выехали на островок, мы посмотрели назад на Хабаровск, расположенный на правом высоком берегу Амура, и вслух оба сказали:

– Мы еще вернемся к тебе, Хабаровск!

Вот мы в Покровке. Здесь мы встретили [П. П.] Постышева и его вагон, стоявший на путях с паровозом, готовым каждую минуту ринуться на ст[анцию] Ин. Но [П. П.] Постышев не торопился уходить, так как увидел, что к Покровке подошли последние группы пехотинцев с обозом раненых и¹⁴ только один¹⁴ взвод той самой последней батареи^{xxv}, которую мы с нетерпением ожидали. Казачьи разъезды уже пытались ворваться в Покровку, но, встреченные огнем уставших и выбившихся из сил пехотинцев, скрылись по направлению к Амуру. Это были авангарды того самого Казачьего полка, который порубил коммунистов и комсомольцев на льду Амура и который должен был¹⁵ отрезать наш арьергард от путей, ведущих к Ину. Ситуация была крайне опасной и напряженной. С минуты на минуту можно было ожидать, что весь казачий полк ворвется в Покровку, и все мы погибнем. Только выдержка, хладнокровие и любовь [П. П.] Постышева к измученным бойцам¹⁶ удержали их¹⁶ от панического бегства. Другой на месте [П. П.] Постышева сел бы в свой вагон и со скоростью курьерского поезда умчался бы на ст[анцию] Ин, считая все равно в Покровке положение безнадежным.

[П. П.] Постышев был сделан из пролетарского теста, крепкий, выносливый, закаленный подпольем большевик. Он сначала погрузил в свой вагон всех раненых, больных и измученных солдат (весь вагон был битком набит). [Затем] более здоровые бойцы облепили паровоз. Нам он приказал снять затворы и прицелы с панорамами с двух орудий 76-мм обр[азца] 1902 года и бросить их в овраг, а бойцов погрузить на паровоз. Когда все это было сделано, паровоз с вагоном [П. П.] Постышева ринулся по направлению к ст[анции] Ин и быстро скрылся во мгле. [В. Д.] Войтченко и я вскочили на своих арабов и крупной рысью выехали из Покровки по дороге, параллельно идущей железнодорожному полотну. Через некоторое время мы услышали ружейный треск впереди нас. Это казачий разъезд не успел подорвать железнодорожное полотно и обстреливал поезд [П. П.] Постышева. Нам с [В. Д.] Войтченко прямой¹⁷ путь на Ин был уже прегражден казаками, и мы решили лесом пробираться на русло реки Тунгуски – притока Амура, в районе лесопильного завода. Что мы и сделали, избежав таким образом неприятной встречи с белыми казаками, и обходным маневром достигли ст[анции] Ин. Когда слева показалась Даниловка и рядом с ней ст[анция] Дежневка, мы по обоюдному согласию

¹⁰ Слово вписано над строкой.

¹¹ В тексте: «будет».

¹² Слово вписано над строкой.

¹³ В тексте доб.: «был истреблен и...»

¹⁴⁻¹⁴ Слова вписаны над строкой.

¹⁵ Слово вписано над строкой.

¹⁶⁻¹⁶ В тексте: «спасли положение».

¹⁷ Слово вписано над строкой.

разделились. [В. Д.] Войтченко поехал по направлению ст[анции]¹⁸ Дежневки, чтобы выяснить лично, нет ли там застрывших наших войсковых групп, и проехал ли благополучно эту станцию поезд [П. П.] Постышева. Я же продолжал свой путь через деревню Тунгуска к б[ывшему]¹⁹ мужскому монастырю^{xxvi}, где согласно указаниям [П. П.] Постышева должен находиться аванпост партизанского отряда [И. П.] Шевчука^{xxvii}. Со мной была карта этого района Амурской области и, следовательно, заблудиться я не мог. Когда я с рассветом²⁰ достиг аванпоста отряда [И. П.] Шевчука, я уже был в полной боеготовности. Здесь я застал только начальника штаба отряда – коммуниста^{xxviii}, а сам [И. П.] Шевчук был беспартийным. Я информировал начальника штаба об сложившейся неблагоприятно для нас ситуации. Дальше обходной дорогой, на которой были расставлены партизанские²¹ посты, я добрался до ст[анции] Ин, где я уже застал военного комиссара артиллерии [В. Д.] Войтченко отдыхающим в штабе²², занимавшем довольно просторную избу. Доложив ему о моем пребывании на постах партизанского отряда [И. П.] Шевчука, я передал ему просьбу начальника штаба отряда о придании этому отряду хотя бы одного взвода артиллерии (двух орудийного) для ударов по тылам коммуникациям белых. [В. Д.] Войтченко об этом доложил [П. П.] Постышеву,²³ который находился²³ в своем вагоне²⁴, прицепленном к составу командующего фронтом т[оварища С. М.] Серышева, и в котором разместились, таким образом, политотдел фронта.

[П. П.] Постышев предупредил [В. Д.] Войтченко, чтобы он проверил расположение и позиции всех батарей, а также наблюдательных пунктов артиллерийской обороны ст[анции] Ин, где с подходом белых должно произойти генеральное сражение. Цель – остановить наступательный порыв белых и удержаться до подхода подкрепления с Запада в виде Забайкальской дивизии и приезда главкома В. К. Блюхера на фронт для непосредственного руководства боевыми операциями. Белогвардейцы же, со своей стороны, спешили расправиться с относительно слабой по численности группой войск, отступивших к ст[анции] Ин^{xxix} еще до подхода Забайкальской дивизии и до приезда т[оварища В. К.] Блюхера на ст[анцию] Ин, когда по численности силы примерно сравниваются.

Как и следовало ожидать, не успели наши части даже как следует окопаться из-за глубокого промерзания грунта, как после этой ночи, проведенной нами на этом оборонительном рубеже, рано перед рассветом начался артиллерийский обстрел наших позиций батареями противника, расположенными в районе ст[анции] Ольгохта. После получасового обстрела наступающие группировки белых были обнаружены примерно на полпути между ст[анциями] Ольгохта и Ин, и с ними вступили в боевое соприкосновение наши аванпосты, отступающие на ст[анцию] Ин. Наши батареи 76-мм полевых пушек обр[азца] 1902 года также открыли огонь по наступающим группировкам белых. Почти уже к самому рассвету наши передовые части зашли в зону обороны, а передовые блиндажи открыли беглый ружейный и пулеметный огонь по едва видимым цепочкам белогвардейцев, поголовно одетых в белые маскировочные халаты с капюшонами. Наши бойцы шутили:

– Смотрите, ребята, белые нарядились заранее в саваны, зная, что здесь их могила. Так давайте отслужим огневой ураганный молебен по ним и всех похороним!

Характерно для русских людей в минуты наибольшей опасности не мрачнеть, не корчить свирепые рожи, а шутить, балагурить и с улыбкой драться не на жизнь, а на смерть! С каждой минутой темп артиллерийского обстрела нарастал как со стороны Ольгохты (белые), так и с нашей стороны. Наши батареи ураганным огнем обстреливали как передовые ударные офицерские соединения, сплошь состоящие из офицеров, так и следовавшие за ними цепи бывших каппелевских полков (Ижевский, Воткинский^{xxx} и прочие). Артиллерийская канонада как не грохотала, но не могла заглушить мощное:

– Ура! Ура! Ура! – белых, ринувшихся бегом, насколько позволяли сугробы снега, на наши передовые окопы, где через несколько минут начался рукопашный штыковой бой наших малочисленных групп с офицерской²⁵ лавиной белых, превосходящей их по численности в десятки раз. Наши бойцы дрались с отборными офицерскими частями, как львы, и на некоторое время²⁶ лавина была задержана на гребне наших передовых окопов. [Остановлена] ценою героической смерти наших славных пролетарских солдат. Вечная Сла-

¹⁸ Слово вписано над строкой.

¹⁹ Слово вписано над строкой.

²⁰ Слово вписано над строкой.

²¹ Слово вписано над строкой.

²² В тексте доб.: «артиллерии».

²³⁻²³ Слова вписаны над строкой по верху зачеркнутых автором слов.

²⁴ Далее одно слово зачеркнуто.

²⁵ Слово вписано над строкой.

²⁶ В тексте повтор: «офицерская».

ва²⁷ и память им и вечный покой! Это были ребята из Иваново-Вознесенска, Москвы, Тулы, Питера, сложившие свои головы в борьбе с последним штурмом белогвардейщины, с заключительным аккордом белогвардейской «симфонии».

Как только остатки офицерских частей ринулись на наши главные позиции, то их встретил ураганный огонь всех батарей «на картечь»²⁸, ружейный и пулеметный огонь. Офицерские боевые группы все более и более редели, картечь пробивала широкие полосы в наступающих цепях офицеров, ревавших «Ура!», как звери. Снежное поле перед нашими позициями все более усеивалось офицерскими трупами. Для усиления артиллерийского и пулеметного огня [наше] командование^{xxxii} выдвинуло вперед бронепоезд № 2^{xxxiii}. Он открыл ураганный огонь по следующим за офицерскими частями, пехотным полкам Ижевскому [и] Воткинскому²⁹. [Они шли] более редкими цепочками без офицерского фанфаронства^{xxxiii}. Все же, не взирая на опустошительные потери офицерских частей, их отдельные группы³⁰ прорвались через наши главные позиции и ринулись к стоявшему на путях штабному поезду, где находились [С. М.] Серышев и [П. П.] Постышев со своими сотрудниками.

В это время как основные наши пехотные части, незначительно пострадавшие от прорыва небольших офицерских групп белых, ружейным и пулеметным огнем, [поддержанные] ураганным огнем батарей «на картечь» и³¹ бронепоезда № 2, наносили страшный урон в рядах наступающих полков белых и довели опустошение этих полков до такой степени, что громовое их:

– Ура! Ура! Ура! – все более и более затихало и, наконец, стало ясно, что штурм белых выдохся. В³² штабном поезде³³ шел огневой и рукопашный бой [П. П.] Постышева^{xxxiv} и сотрудников штаба с прорвавшимися группами³⁴ белых офицеров. Бой этот закончился полной победой [П. П.] Постышева и группы штабных сотрудников, уничтожением, и частичным пленением белых офицеров. Так был отбит последний массовый³⁵ штурм Белой армии в истории Гражданской войны. Наступательный порыв и потенциал белых выдохся. Это стало ясно для самих белых. Их пехотные части отошли под прикрытием белых батарей на ст[анцию] Ольгохта, а затем были отведены на отдых на ст[анцию] Волочаевка³⁶. В этом штурме белых в основном погибли офицерские части, цвет белогвардейщины. Как не велика была усталость наших бойцов и командования, ликование не знало границ!

Наступило ясное мирное утро. Масса бойцов собралась около штабного поезда, около которого валялись трупы убитых офицеров. [П. П.] Постышев и [С. М.] Серышев вышли на площадки их вагона, и открылся митинг по случаю победоносного отражения наступления белых. Мощный голос [П. П.] Постышева, преодолевая густоту морозного воздуха, раздавался почти на весь поселок ст[анции] Ин. Масса бойцов мощным «Ура!» приветствовала своих любимых вождей и по русскому обычаю устроила овацию [П. П.] Постышеву и [С. М.] Серышеву:

– Качать! качать! качать! – и фигуры их замелькали в воздухе. Митинг вынес решение послать телеграмму т[оварищам В. И.] Ленину, [А. М.] Краснощекову и [В. К.] Блюхеру о победе.

Вот каким был Павел Петрович Постышев, погибший не от рук белогвардейских офицеров^{xxxv}, а от кровавых рук [И. В.] Сталина в 1938 году! Тов[арищ С. М.] Серышев, к счастью, не дожил [до того], чтобы быть свидетелем этой кровавой расправы, а может быть и жертвой ее. Он умер от туберкулеза будучи назначенным первым начальником Центрального Дома Красной Армии в Москве^{xxxvi}. Тяжелый недуг, постепенно подтачивающий этого замечательного беззаветно преданного делу [В. И.] Ленина военного деятеля, не мог сломить его духа. Всю боевую кампанию 1921–1922 годов на Дальнем Востоке тов[арищ С. М.] Серышев, не смотря на тяжелое и безнадежное физическое состояние³⁷ и уговоры друзей³⁷, пробыл на фронте.

Павел Петрович Постышев и Степан Михайлович³⁸ Серышев любили друг друга, как родные братья. [П. П.] Постышев ухаживал за ним и оберегал так³⁹, как не всякая⁴⁰ родная мать ухаживает за родным сы-

²⁷ Слово вписано над строкой.

²⁸ Повтор: «ураганный».

²⁹ В тексте доб.: «наступавшими».

³⁰ Повтор: «офицеров».

³¹ Повтор: «ураганным огнем».

³² В тексте повтор: «это время в».

³³ Доб. командования.

³⁴ В тексте: «группировками».

³⁵ Вписано над строкой.

³⁶ Далее идут строки, ниже повторенные автором: «где они с помощью японских инженерных войск стали возводить мощные укрепления, ожидая нашего ответного наступления».

³⁷⁻³⁷ Слова вписаны над строкой.

³⁸ В авторском тексте вместо имени отчества: «тов».

³⁹ Слово вписано над строкой.

⁴⁰ Слово вписано над строкой.

ном. Приезд ⁴¹-легендарного героя Гражданской войны ⁴¹ Василия Константиновича Блюхера на ст[анцию] Ин в качестве главкома Народно-Революционной Армии и Военного Министра ДВР вызвал огромный подъем духа у бойцов и командного состава, а когда прибыли эшелоны с Забайкальской дивизией, то уже ни у кого, даже у самых отъявленных пессимистов, а такие были среди б[ывших] колчаковцев, не осталось никаких сомнений в нашей скорой победе и окончательном разгроме белых.

Белогвардейцы под командованием генерала [В. М.] Молчанова, не добившись молниеносного разгрома постышевского заслона на ст[анции] Ин, стали усиленно готовиться к обороне на ст[анции] Волочаевка. С солидной помощью японских инженерных войск возводился целый укрепленный район, состоящий из большого количества блиндажей, связанных с несколькими линиями окопов, защищенных несколькими рядами проволочных заграждений. Белогвардейская пресса во Владивостоке, где находилось правительство белых, [а также] в Харбине, где жило много русских, и Шанхае всю трубила о победах доблестного белогвардейского воинства, усиленно вербовались новые пополнения добровольцев, но, к их огорчению, мало кто верил в успех этой последней авантюры белых. Ввиду прибытия к нам подкрепления белые, опасаясь окружения своей Ольгохтской группировки, заблаговременно, без боя отвели ее за Волочаевские укрепления, и ст[анция] Ольгохта вновь стала нашей. На этой станции была установлена ⁴²-4-х орудийная батарея из 76 мм пушек ⁴² под командованием Ивана Николаевича Оглоблина ^{xxxvii} и батальон пехоты.

Бой на ст[анции] Ольгохта. Этот боевой эпизод, предшествовавший нашему первому штурму в Волочаевке, заслуживает внимания. В этом эпизоде группа наших войск – батальон пехоты и 4-х орудийная батарея 76-мм полевых пушек обр[азца] 1902 года ^{xxxviii} под командованием Ивана Николаевича Оглоблина ⁴³ попали в очень тяжелое положение ⁴⁴. Батарея [И. Н.] Оглоблина стояла на позиции ⁴⁵-недалеко от казармы ⁴⁵ и демонстративно обстреливала Волочаевку. Батальон пехоты был расположен в единственном здании на ст[анции] Ольгохта, железнодорожной казарме и нес службу по прикрытию батареи. Белогвардейское командование при помощи лазутчиков выяснило, что этот батальон плохо охраняет батарею, и решило ее захватить, пленить и перебить бойцов. Для этого казачий полк белых ночью прокрался лесом к ст[анции] Ольгохта и близко ⁴⁶ к рассвету, частично спешившись, в белых халатах вышел ⁴⁷ на поляну, отделявшую железнодорожное полотно от леса. Сразу же за насыпью железнодорожного полотна стояла батарея [И. Н.] Оглоблина и железнодорожная казарма, где 95 % батальона пехоты спали крепким сном. Боевые ⁴⁸ охранения не были выставлены, а остальные 5 % батальона находились в [укреплении], выдвинутом на расстоянии 2–3 км по направлению Волочаевки.

Атака белых, начатая с расстояния примерно 500–600 метров, была в высшей степени внезапна и стремительна. Командир батареи [И. Н.] Оглоблин не был так беспечен, как командир батальона, и атака белых застала его на батарее. Он как опытный артиллерист не растерялся, но его честь русского человека, давшего клятву служить верой и правдой Революции, подверглась очень тяжелому испытанию, так как атакующие белогвардейцы, были не так давно его соратниками по оружию. Но, как показало его поведение в этом бою, колебаний у него не было. Как только он понял, что батарея атакована с правого фланга и на защиту батальона рассчитывать не приходится ^{xxxix}, он решил обороняться сам. Повернул все 4 орудия на противника и так, как расстояние до него сократилось к этому моменту до 400 метров, он открыл беглый огонь «на картечь» из всех четырех орудий. При каждом залпе из 4-х орудий вылетали четыре снаряда и в расстоянии примерно 15–20 метров от дула орудий из каждого снаряда вылетало 300 крупных свинцовых пуль (шрапнели). То есть при каждом залпе по белогвардейцам летело 1200 пуль. Темп беглого огня [И. Н.] Оглоблин довел до 12–14 залпов в минуту. Таким образом, ежеминутно ⁴⁹ в сторону белых летела широкая струя 14400–17000 пуль, то есть как будто по белым стрелял чудовищный сверх скорострельный пулемет или 20–30 пулеметов Максима ^{xl}. Следовательно ⁵⁰, технический расчет показывает: батарея 76-мм полевых пушек обр[азца] 1902 года со снарядами «шрапнель», установленными заранее ⁵¹ «на картечь», то есть на выход шрапнели из снарядов, сразу после вылета снарядов из дула. В истории артиллерии такие эпизоды, то есть самооборона батареи, были довольно

⁴¹⁻⁴¹ Слова вписаны над строкой.

⁴²⁻⁴² Слова вписаны над строкой.

⁴³ Повтор: «бывшего колчаковского офицера».

⁴⁴ Далее доб.: «и вот об этом, и чем это кончилось (развязка) мы и расскажем».

⁴⁵⁻⁴⁵ Слова вписаны над строкой.

⁴⁶ Слово вписано над строкой.

⁴⁷ В тексте доб.: «из леса».

⁴⁸ В тексте: «Боковые...».

⁴⁹ В тексте: «в минуту».

⁵⁰ Написано вместо зачеркнутого: «Таким...».

⁵¹ На случай самообороны батареи. – *Примеч. И.А. Маханова.*

редки, но данный случай⁵² является очень показательным и с военно-технической точки зрения, уже не говоря о героизме и чудесной храбрости и мужестве русских людей, знающих за что они воюют.

Мы, находившиеся в это время на ст[анции] Ин, примерно в 10 км от ст[анции] Ольгохта, вдруг услышали, как на Ольгохте стала грохотать батарея беглым огнем с максимальной скоростью. По телефону в штаб фронта передали, что батарею [И. Н.] Оглоблина атакуют казаки в пешем и конном строю, а батальон охранения деморализован и [бежит] в панике⁵³. Тов[арищ П. П.] Постышев, как самый старший^{xli}, приказал немедленно приготовить бронепоезд № 2 на помощь батарее [И. Н.] Оглоблина и очень скоро на этом бронепоезде⁵⁴ сам поехал спасать батарею^{xlii}. С начала открытия огня «на картечь» батарея [И. Н.] Оглоблина стреляла бешеным темпом уже около 2 часов, выпустив примерно около 300 снарядов (или 900000 пуль). Бронепоезд, еще не доехав [до] батареи, из всех своих башен открыл по белогвардейцам^{xliii} орудийный и пулеметный огонь⁵⁵ и вскоре своим брони[ро]в[анн]ым корпусом прикрыл изнемогавшую от физической усталости героическую четырех орудийную⁵⁶ батарею [И. Н.] Оглоблина. Увидев бронепоезд, белые обратились в бегство и очень скоро скрылись в тайге. На белоснежной поляне отделявшей лес от батареи,⁵⁷ усеянной трупами казаков⁵⁷, нашли вечный покой несколько сот белых храбрецов, мечтавших о возврате монархического прошлого. Когда мы сошли с бронепоезда⁵⁸ и пошли к батарее⁵⁸, [П. П.] Постышев подошел к качавшемуся от усталости [И. Н.] Оглоблину. Его лицо и глаза были черны от копоти порохового дыма так же, как и счастливые и довольные своей героической работой лица его бойцов. [П. П.] Постышев обнял, расцеловал [И. Н.] Оглоблина и весь лич[ный] состав батареи, объявив тут же, что он пошлет телеграмму тов[арищу В. И.] Ленину о награждении всего состава батареи орденом Красного Знамени^{xliv}. Вот какой был [П. П.] Постышев и как перевоспитал б[ывших] колчаковцев в самых преданных делу [В. И.] Ленина большевиков!

В дальнейшем в двух штурмах Волочаевки и в окончательном разгроме белых под Спасском («боевые ночи Спасска, Волочаевские дни»^{xlv}) политическим вождем нашей армии был Павел Петрович Постышев и легендарным военным руководителем – Василий Константинович Блюхер. В конце 1922 года [В. И.] Ленин сказал:

– Дальний Восток – это край нашинский!

А для того, чтобы он был «нашинским», понадобился такой политический вождь, как [П. П.] Постышев!

⁵² В тексте: «эпизод».

⁵³ Далее зачеркнуто: «Тов. Але...».

⁵⁴ В тексте повтор: «Постышев».

⁵⁵ Слово вписано над строкой.

⁵⁶ Два слова вписано над строкой.

⁵⁷⁻⁵⁷ Слова вписаны над строкой.

⁵⁸⁻⁵⁸ Слова вписаны над строкой.

КОММЕНТАРИИ

ⁱ И.А. Маханов, по свидетельству родственников, о брате вспоминать не любил, поэтому они о нем ничего не знают.

ⁱⁱ Вашингтонская конференция об ограничении морских вооружений и проблемах Дальнего Востока и бассейна Тихого океана (12.11.1921 – 06.02.1922) в Вашингтоне.

ⁱⁱⁱ Автор указал ошибочную дату начала конференции – 1920 г.

^{iv} Несколько дивизий. – *Примеч. И.А. Маханова.*

^v *Иман* – ныне Большая Уссурка – река на Дальнем Востоке России в Приморском крае.

^{vi} *Каппелевский корпус* – это 1-й Волжский армейский корпус Колчаковских войск, который был сформирован генералом В.О. Каппелем на базе частей Симбирской и Поволжской групп Поволжского фронта [8; 14].

^{vii} *Молчанов* Виктор Михайлович – русский генерал, участник Первой мировой и Гражданской войн. Видный деятель Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке [18].

^{viii} *Меркулов* Николай Дионисьевич – русский предприниматель, общественный и политический деятель Дальнего Востока. В мае 1921 – июне 1922 г. – министр военно-морских и иностранных дел Приамурского временного правительства. *Меркулов* Спиридон Дионисьевич – российский политический и общественный деятель. Председатель Временного Приамурского правительства в 1921–1922 годы.

^{ix} Амурская дивизия – была создана на основании постановления VIII съезда трудящихся Амурской области от 05.04.1920 г. из действовавших на ее территории партизанских отрядов. Вошла в состав Восточного (Хабаровского) фронта.

^x Одна из армий РККА в Восточносибирском военном округе.

^{xi} Ослабленный состав ее насчитывал 2–3 тысячи штыков пехоты и эскадрон кавалерии под командованием [товарища Лейба Гершевича] Кугеля. – *Примеч. И.А. Маханова.*

^{xii} *Корфовская* – железнодорожная станция Дальневосточной железной дороги.

^{xiii} В тексте инициалы генерал-майора Руднева «А». У А.В. Колчака служил Шелавин Алексей Николаевич, позднее принявший псевдоним «Руднев». Участник Сибирского Ледяного похода. В Вооруженных силах Российской Восточной окраины – генерал для поручений при командующем Дальневосточной армией, затем командир инструкторского офицерского батальона (с 18.04.1920), начальник офицерских учебных частей (с 20.06.1920), состоял в резерве чинов Дальневосточной армии.

После эмиграции служил в Китайской Красной армии под псевдонимом «Руднев». Вернулся в СССР вместе с В.К. Блюхером [5]. Здесь речь явно идет о *Рудневе* Сергее Васильевиче, который служил в РККА, а затем перешел на сторону армии адмирала А.В. Колчака и служил инспектором артиллерии при Верховном Главнокомандующем. В январе 1920 г. находился в Иркутске. После событий на Волочаевской и Спасске его судьба не известна [5].

^{xiv} *Жданов* Александр Александрович – начальник штаба Артиллерийского Управления ДВР (1921)[21].

^{xv} Раздольненское артиллерийское училище – создано 01.06.1919 г. в г. Омске для пополнения офицерского состава артиллерии колчаковских войск.

^{xvi} *Сусоров* Михаил Алексеевич – прапорщик, затем поручик, служил в белых войсках Восточного фронта, затем в РККА. Дальнейшая судьба неизвестна.

^{xvii} *Оглоблин* Иван Николаевич – военный, артиллерист. Служил в белых войсках Восточного фронта, во 2-м Сибирском артиллерийском дивизионе в звании подпоручика с 1918 года. Взят в плен в Иркутске. Поступил на службу в РККА. В 1921 г. – командир 3-й отдельной легкой батареи. За бои у станции Волочаевка был награжден Орденом Красного Знамени (РСФСР).

^{xviii} *Суслов* Александр – командир конной батареи РККА в 1921 г. на Дальнем Востоке. Награжден Орденом Красного Знамени (РСФСР).

^{xix} Бывшие колчаковские офицеры. – *Примеч. И.А. Маханова.*

^{xx} Повтор: Бывшего верховного инспектора артиллерии Колчака. – *Примеч. И.А. Маханова.*

^{xxi} Длиною около 3 км. – *Примеч. И.А. Маханова.*

^{xxii} Захват Дальнего Востока японцами. – *Примеч. И.А. Маханова.*

^{xxiii} Захваченных когда-то партизанами во время налета на Владивосток. – *Примеч. И.А. Маханова.*

^{xxiv} Завод «Арсенал» – старейшее крупное промышленное предприятие Хабаровска.

^{xxv} Второй взвод этой батареи, которым командовал бывший колчаковский офицер [И. М.] Щербаков, ввиду измены командира, который сдался белым. Орудийные расчеты и ездовые, обрубивы построики и догнали наши отступающие части. – *Примеч. И.А. Маханова.*

^{xxvi} Вероятно, имеется в виду основанный в 1910 г. на Тунгуске монастырь, который был посвящен Федоровской иконе Божией Матери, родовой святыне Царской Семьи.

^{xxvii} *Шевчук* Иван Павлович – командир 1-го Тунгусского партизанского отряда [15].

^{xxviii} Вероятно, это коммунист-партизан Сергей Вележев.

^{xxxix} Примерно 0,5 нор[мальной] дивизии. – *Примеч. И.А. Маханова.*

^{xxx} Ижевская и Воткинская дивизии были созданы приказом А.В. Колчака 14.08.1919 г. из Ижевской бригады. В Белоповстанческой армии ген. В.М. Молчанова ижевцы и воткинцы составляли отдельную Ижевско-Воткинскую бригаду (975 штыков, 245 сабель, 2 орудия) [8; 14].

^{xxxix} Серьшев и Постышев. – *Примеч. И.А. Маханова.*

^{xxxii} Единственный в нашем распоряжении. – *Примеч. И.А. Маханова.*

^{xxxiii} Многим офицерам оно стоило жизни. – *Примеч. И.А. Маханова.*

^{xxxiv} В тексте: «как центральной фигуры рукопашного боя». Он был физически очень сильным человеком, тогда, как [С. М.] Серьшев был больной туберкулезом и очень слабый физически. – *Примеч. И.А. Маханова.*

^{xxxv} Он предпочел бы, конечно, такую смерть! – *Примеч. И.А. Маханова.*

^{xxxvi} Ныне Центральный дом Российской армии имени М.В. Фрунзе.

^{xxxvii} Бывшего колчаковского офицера, ныне генерал-майора в отставке. – *Примеч. И.А. Маханова.*

^{xxxviii} 76,2-мм полевая скорострельная пушка образца 1902 г., известная также как «трехдюймовка», разработана на Путиловском заводе в Санкт-Петербурге конструкторами Л.А. Бишляком, К.М. Соколовским и К.И. Липницким и инженером Н.А. Забудским.

^{xxxix} Бойцы батальона, сонные, деморализованные, метались в панике. – *Примеч. И. А. Маханова.*

^{xl} Скорострельность пулемета Максима – 600 выстрелов в минуту. – *Примеч. И.А. Маханова.*

^{xli} Блюхер в это время отсутствовал. – *Примеч. И.А. Маханова.*

^{xlii} Мне посчастливилось тоже попасть на него. – *Примеч. И.А. Маханова.*

^{xliii} К этому времени совершенно рассвело, и противник был ясно виден. – *Примеч. И.А. Маханова.*

^{xliv} Орден Красного Знамени – первый из советских орденов, учрежденный 16 сентября 1918 г. во время Гражданской войны.

^{xlv} Автор процитировал строку из очень популярного в СССР марша дальневосточных партизан. Музыка И. Атурова, слова П.С. Парфёнова.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Работа выполнена в рамках реализации гранта РФФИ «Становление и развитие научно-технической мысли и военной промышленности в СССР в 1920–1950-х гг. (по воспоминаниям И.А. Маханова)» (проект № 19-49-340008).

The work was carried out within the framework of the RFBR grant “Formation and development of scientific and technical thought and military industry in the USSR in the 1920s-1950s (according to the memoirs of I.A. Makhanov)” (project no.19-49-340008).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автобиография И.А. Маханова // Семейный архив С.И. Маханова. – Не опубликовано.
2. Бадаев, А. Е. 10 лет борьбы и строительства / А. Е. Бадаев. – Л. : Прибой, 1927. – 183 с.
3. Борьба за власть Советов в Восточном Забайкалье / В. И. Василевский, Г. В. Грунин, В. Г. Изгачев [и др.]. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1967. – 365 с.
4. Вишняк, М. На родине (Дальневосточная эпопея) / М. Вишняк // Современные записки. – 1921. – Кн. III. – С. 282–307.
5. В Сухановской тюрьме. Из воспоминаний И.А. Маханова / подгот. к публ. и вступ. ст. И. О. Тюменцева // Русский архив. – 2017. – № 2. – С. 167–191 ; 2018. – № 1. – С. 45–70.
6. Гражданская война на Дальнем Востоке (1918–1922). Воспоминания ветеранов. – М. : Наука, 1973. – 351 с.
7. Дальневосточная Республика. Конституция (1921). Основной закон (Конституция) Дальневосточной Республики : утв. Учред. собр. Дальнего Востока 27 апр. 1921 г. – Чита : Гос. тип., 1921. – 72 с.
8. Дмитриев, П. Н. Мятаж в Ижевско-Воткинском районе / П. Н. Дмитриев, К. И. Куликов. – Ижевск : Удмуртия, 1992. – 390 с.
9. Егунов, Н. П. Становление Дальневосточной республики (1920–1922) / Н. П. Егунов. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1972. – 116 с.
10. Из истории Дальневосточной республики : сб. науч. тр. / под ред. А. Т. Мандрик. – Владивосток : ДВО РАН, 1992. – 264 с.
11. И на Тихом океане... Народно-революционная армия ДВР в освобождении Приамурья и Приморья (1920–1922) : сб. док. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1988. – 360 с.
12. История Дальнего Востока России. От эпохи первобытного общества до конца XX века. Т. 3. Кн. 1. Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. – Владивосток : Дальнаука, 2003. – 630 с.
13. Календарь знаменательных и памятных дат на 1970 год : (По Дальнему Востоку) / Хабаровская краевая библиотека. Справочно-библиографический отдел. – Хабаровск : [б. и.], 1970. – 95 с.
14. Куликов, К. И. В боях за Советскую Удмуртию / К. И. Куликов. – Ижевск : Удмуртия, 1982. – 260 с.

15. Левкин, Г. Г. Командиры и политработники Народно-Революционной Армии Дальне-Восточной Республики / Г. Г. Левкин. – Хабаровск : Хабар. краев. краевед. музей им. Н.И. Гродекова, 2003. – 232 с.

16. Малышев, В. П. Борьба за власть Советов на Амуре / В. П. Малышев. – Благовещенск : Амур. кн. изд-во, 1961. – 382 с.

17. Никифоров, П. М. Записки премьера ДВР (1917–1922) / П. М. Никифоров. – М. : Госполитиздат, 1963. – 286 с.

18. Офицеры Российской Императорской армии. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://gia1914.info/index.php>. – Загл. с экрана.

19. Парфенов, П. С. Борьба за Дальний Восток. 1920–1922 / П. С. Парфенов (Алтайский). – М. : Моск. т-во писателей, 1931. – 358 с.

20. Саблин, И. Дальневосточная республика: от идеи до ликвидации / И. Саблин. – М. : Новое лит. обозрение, 2020. – 480 с.

21. Список полковникам по старшинству. Исправлен по 1-е августа 1916 г. – Петроград : Воен. тип., 1916. – 460 с.

22. Сонин, В. В. Становление Дальневосточной республики (1920–1922) / В. В. Сонин. – Владивосток : ДалГУ, 1990. – 347 с.

23. Три портрета представителей уголовного мира 30–40-х годов XX века (по воспоминаниям главного конструктора артиллерийских вооружений завода имени Кирова И.А. Маханова) / публ. А. Л. Клейтмана, И. О. Тюменцева // Русский архив. – 2020. – № 8 (2). – С. 148–159.

24. Тюменцев, И. О. Венгры в ГУЛАГе (по воспоминаниям инженера-конструктора И.А. Маханова) / И. О. Тюменцев, А. Л. Клейтман // Russian Studies HU. – 2020. – С. 85–100.

25. Тюменцев, И. О. Военно-техническое сотрудничество СССР и ЧСР в 30-е гг. XX в. (по воспоминаниям главного конструктора артиллерийских вооружений завода имени Кирова И.А. Маханова) / И. О. Тюменцев, А. Л. Клейтман // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 201–215. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.18>

26. Тюменцев, И. О. Военно-техническое сотрудничество СССР и ЧСР в 30-е гг. XX в. (по воспоминаниям главного конструктора артиллерийских вооружений завода имени Кирова И.А. Маханова). Часть 2 / И. О. Тюменцев, А. Л. Клейтман // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 207–214. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.16>

27. Ширямов, А. А. Борьба с колчаковщиной / А. А. Ширямов // Последние дни колчаковщины :

сб. док. / подгот. к печати М. М. Константиновым ; с прил. ст. А. А. Ширямова. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1926. – 231 с.

REFERENCES

1. Avtobiografiya I.A. Makhanova [Autobiography of I.A. Makhanov]. *Semeynyy arkhiv S.I. Makhanova* [The Family Archive of S.I. Makhanov]. – Unpublished.

2. Badaev A.E. *10 let bor'by i stroitel'stva* [10 Years of Struggle and Construction]. Leningrad, Priboj Publ., 1927. 183 p.

3. Vasilevskij V.I., Grunin G.V., Izgachev V.G. et al. *Bor'ba za vlast' Sovetov v Vostochnom Zabajkal'e* [Struggle for Soviet Power in Eastern Transbaikalia]. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1967. 365 p.

4. Vishnjak M. Na rodine (Dal'nevostochnaja jepopeja) [At Home (Far Eastern Epic)]. *Sovremennye zapiski*, 1921, book III, pp. 282–307.

5. Tyumentsev I.O., ed. V Sukhanovskoi tiur'me. Iz vospominanii I.A. Makhanova [In Sukhanovo Prison. From the Memoirs of I.A. Makhanov]. *Russkii arkhiv*, 2017, no. 2, pp. 167–191; 2018, no. 1, pp. 45–70.

6. *Grazhdanskaya vojna na Dalnem Vostoke (1918–1922). Vospominaniya veteranov* [Civil War in the Far East (1918–1922). Memories of Veterans]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 351 p.

7. *Dal'nevostochnaja Respublika. Konstitucija (1921). Osnovnoj zakon (Konstitucija) Dal'nevostochnoj Respubliki: utv. uchred. sobr. Dal'nego Vostoka 27 apr. 1921 g.* [Far Eastern Republic. Constitution (1921). The Basic Law (Constitution) of the Far Eastern Republic. Approved by the Constituent Assembly of the Far East Dated April 27, 1921]. Chita, Gos. tip., 1921. 72 p.

8. Dmitriev P.N., Kulikov K.I. *Mjatezh v Izhevsko-Votkinskom rajone* [Revolt in the Izhevsk-Votkinsk Region]. Izhevsk, Udmurtija Publ., 1992. 390 p.

9. Egunov N.P. *Stanovlenie Dal'nevostochnoi respubliki (1920–1922)* [Formation of the Far Eastern Republic (1920–1922)]. Ulan-Ude, Buriat. kn. izd-vo, 1972. 116 p.

10. Mandrik A.T., ed. *Iz istorii Dal'nevostochnoi respubliki: sb. nauch. tr.* [From the History of the Far Eastern Republic. Collection of Scientific Papers]. Vladivostok, DVORAN, 1992. 264 p.

11. *I na Tikhom okeane... Narodno-revoliutsionnaja armija DVR v osvobozhdenii Priamur'ia i Primor'ia (1920–1922): sb. dok.* [And in the Pacific... People's Revolutionary Army of the Far East Republic in the Liberation of the Amur and Primorye (1920–1922). Collection of Documents]. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1988. 364 p.

12. *Istorija Dal'nego Vostoka Rossii. Ot jepohi pervobytnogo obshhestva do konca XX veka. T. 3.*

Kn. 1: Dal'nij Vostok Rossii v period revolucij 1917 goda i grazhdanskoj vojny [History of the Russian Far East. From the Era of Primitive Society to the End of the 20th Century. Vol. 3. Book 1. Russian Far East During the 1917 Revolutions and Civil War]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2003. 630 p.

13. *Kalendar' znamenatel'nyh i pamjatnyh dat na 1970 god: (Po Dal'nemu Vostoku)* [Calendar of Significant and Memorable Dates for 1970 (In the Far East)]. Habarovsk, s. n., 1970. 95 p.

14. Kulikov K.I. *Vbojah za Sovetskiju Udmurtiju* [In Battles for Soviet Udmurtia]. Izhevsk, Udmurtija Publ., 1982. 260 p.

15. Levkin G.G. *Komandiry i politrabotniki Narodno-Revoliucionnoi Armii Dal'ne-Vostochnoi Respubliki* [Commanders and Political Workers of the People's Revolutionary Army of the Far Eastern Republic]. Khabarovsk, Khabar. krayev. krayeved. muzey im. N.I. Grodekova, 2003. 232 p.

16. Malyshev V.P. *Bor'ba za vlast' Sovetov na Amure* [Struggle for the Power of the Soviets on the Amur]. Blagoveshensk, Amur. kn. izd-vo, 1961. 382 p.

17. Nikiforov P.M. *Zapiski prem'era DVR (1917–1922)* [The Notes of the Prime Minister of the Far Eastern Republic (1917–1922)]. Moscow, Gospolitizdat, 1963. 286 p.

18. *Ofitsery Rossijskoi Imperatorskoi armii* [The Officers of the Russian Imperial Army]. URL: <https://ria1914.info/index.php>

19. Parfenov P.S. *Bor'ba za Dal'nij Vostok. 1920–1922* [Struggle for the Far East. 1920–1922]. Moscow, Mosk. t-vo pisatelej, 1931. 358 p.

20. Sablin I. *Dal'nevostochnaia respublika: ot idei do likvidatsii* [The Far Eastern Republic: From Idea to Liquidation]. Moscow, Novoe lit. obozrenie, 2020. 480 p.

21. *Spisok polkovnikom po starshinstvu. Ispravlen po 1-e avgusta 1916 g.* [List of Colonels by Seniority. Corrected on August 1, 1916]. Petrograd, Voen. tip., 1916. 460 p.

22. Sonin V.V. *Stanovlenie Dal'nevostochnoi respubliki (1920–1922)* [Formation of the Far Eastern Republic (1920–1922)]. Vladivostok, DalGU, 1990. 347 p.

23. Kleitman A.L., Tyumentsev I.O., eds. *Tri portreta predstavitelei ugolovnoho mira 30–40-kh godov XX veka*

(po vospominaniyam glavnogo konstruktora artilleriiskikh vooruzhenii zavoda imeni Kirova I.A. Makhanova) [Three Portraits of the Representatives of the Criminal World of the 30–40s of the 20th Century (According to the Memoirs of I.A. Makhanov, the Chief Designer of Artillery Weapons of the Kirov Plant)]. *Russkii arkhiv*, 2020 no. 8 (2), pp. 148-159.

24. Tyumentsev I.O., Kleitman A.L. *Vengry v GULAGe* (po vospominaniyam inzhenera-konstruktora I.A. Makhanova [Hungarians in the Gulag (On the Memoirs of the Design-Engineer I.A. Makhanov)]. *Russian Studies HU*, 2020, pp. 85-100.

25. Tyumentsev I.O., Kleitman A.L. *Voenno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo SSSR i ChSR v 30-e gg. 20-go v.* (po vospominaniyam glavnogo konstruktora artilleriiskikh vooruzhenii zavoda imeni Kirova I.A. Makhanova) [Military-Technical Cooperation of the USSR and the ChSR in the 30s of the 20th Century (According to the Memoirs of Chief Designer of Artillery Weapons of the Kirov Plant I.A. Makhanov)] *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 1, pp. 201-215. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.18>

26. Tyumentsev I.O., Kleitman A.L. *Voenno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo SSSR i ChSR v 30-e gg. 20-go v.* (po vospominaniyam glavnogo konstruktora artilleriiskikh vooruzhenii zavoda imeni Kirova I.A. Makhanova). *Chast' 2* [Military-Technical Cooperation of the USSR and the CHSR in the 30s of the 20th Century (According to the Memoirs of Chief Designer of Artillery Weapons of the Kirov Plant I.A. Makhanov). Part 2]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 2, pp. 207-214. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.16>

27. Shirjamov A.A. *Bor'ba s kolchakovshhinoj. Konstantinov M.M., Shirjamov A.A., eds. Poslednie dni kolchakovshhiny: sb. dok.* [The Last Days of the Kolchak Region. Collection of Documents]. Moscow, Leningrad, Gos. izd-vo, 1926. 231 p.

Information About the Author

Igor O. Tyumentsev, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Scientific Laboratory of the Regional Development, Volgograd Institute of the Management, Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400005 Volgograd, Russian Federation; Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, tijumencev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8762-9308>

Информация об авторе

Игорь Олегович Тюменцев, доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией регионального развития, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Гагарина, 8, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация; профессор кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, tijumencev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8762-9308>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.16>

UDC 94(=161.1)(510)“19”
ЛБС 63.3(5Кит)-7

Submitted: 30.08.2021
Accepted: 07.02.2022

RUSSIAN EMIGRANTS IN CHINA IN THE 1920–1930s: TWO CIVIL WARS ON THE SAME LIFE ROUTE

Yuliya G. Blagoder

Kuban State Technological University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract. Introduction. The purpose of this study is to present a picture of the life path of Russians (military, cossacks) who witnessed and participated in two civil wars: in Russia and in China. This topic is relevant, since its research allows us to analyze the ways of adaptation of people who have experienced severe forms of transformation in various spheres of life of the two states. **Methods and materials.** The source base of the study is represented by narrative sources (personal diaries of Russian emigrants A.P. Budberg, G.P. Larin, E.N. Pastukhin, A.A. Tikhobrazova, I.I. Shtina) and periodicals published in Russian by Russian emigrants in China in the 1920 (newspapers “Molva”, “Zarya”, “Russian Voice”, “Gun-Bao”). To present a multifaceted picture of the life of Russian emigrants in China, the following methods were used: dialectical, systemic, analytical-synthetic, historical-comparative, historical-anthropological. **Analysis.** This study examines the unique history of various categories of emigrants who survived the collapse of spiritual values, ideology, political and economic systems, and the breakdown of the social structure during the civil wars. Against the background of political games, battles, the formation and destruction of military alliances, the story of former Russian military and civilians unfolds, who, in search of earnings and / or for ideological reasons, fought in the ranks of the military units of the Chinese militarists in the 1920–1930. The presented study reflects the struggle between Soviet and anti-Soviet ideology in the Far East, in China: the participation of Russians in the civil war in China, condemnation of Soviet policy on the pages of personal diaries and Russian-language newspapers published in China, support by some public organizations of fascist ideology and the occupation policy of Japan. **Results.** Historical events were identified that linked the fate of a large number of representatives of the two states. Shown are the various life paths that Russians chose in a foreign land, the difficulties they faced. Their attitude to the spiritual (moral) values of Russian culture is noted. The problem of disunity between military units and their leaders, which killed the “white” army in the civil war in Russia, was not overcome in China. The modern world never ceases to accept the challenges of supporters of radical transformations. This increases public interest in the experience of adaptation of Russian emigrants in China.

Key words: civil war in Russia, civil war in China, Russian émigrés, “white” army, Cossacks, Russian diaspora in China.

Citation. Blagoder Yu.G. Russian Emigrants in China in the 1920–1930s: Two Civil Wars on the Same Life Route. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 4, pp. 181-191. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.16>

УДК 94(=161.1)(510)“19”
ББК 63.3(5Кит)-7

Дата поступления статьи: 30.08.2021
Дата принятия статьи: 07.02.2022

РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ В КИТАЕ В 1920–1930-е гг.: ДВЕ ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ НА ОДНОМ ЖИЗНЕННОМ ПУТИ

Юлия Гариевна Благодер

Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. Цель данного исследования – представить картину жизненного пути россиян (военных, казачества), которые стали свидетелями и участниками двух гражданских войн: в России и в Китае, – а также способы адаптации людей, переживших тяжелые формы трансформации различных сфер жизни двух госу-

дарств. Источниковая база представлена нарративными источниками (личные дневники российских эмигрантов А.П. Будберга, Г.П. Ларина, Е.Н. Пастухина, А.А. Тихобразова, И.И. Штина) и периодической печатью на русском языке, которая издавалась российскими эмигрантами в Китае в 1920-е гг. (газеты «Молва», «Заря», «Русский голос», «Гун-Бао»). Для представления многогранной картины жизни российских эмигрантов в Китае были использованы следующие методы: диалектический, системный, аналитико-синтетический, историко-сравнительный, историко-антропологический. Рассматривается уникальная история различных категорий эмигрантов, переживших крах духовных ценностей, идеологии, политических и экономических систем, ломку социальной структуры во время гражданских войн. На фоне политических игр, сражений, формирования и разрушения военных союзов разворачивается история бывших российских военных и гражданских лиц, которые в поисках заработка и/или по идеологическим соображениям сражались в рядах военных отрядов китайских милитаристов в 1920–1930-х годах. В представленном исследовании найдено отражение борьбы советской и антисоветской идеологии на Дальнем Востоке в Китае: участие россиян в гражданской войне в Китае, осуждение политики СССР, поддержка некоторыми общественными организациями фашистской идеологии и оккупационной политики Японии. Показаны различные жизненные пути, которые выбирали на чужбине россияне, трудности, с которыми они сталкивались. Отмечено их отношение к духовным (моральным) ценностям русской культуры. Проблема разобщенности военных подразделений и их лидеров, погубившей белую армию в Гражданской войне в России, не была преодолена в Китае. Современный мир не перестает принимать вызовы сторонников радикальных преобразований. Это усиливает интерес общественности к опыту адаптации российских эмигрантов в Китае.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Гражданская война в Китае, русские эмигранты, белая армия, казачество, русская диаспора в Китае.

Цитирование. Благодер Ю. Г. Русские эмигранты в Китае в 1920–1930-е гг.: две гражданские войны на одном жизненном пути // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 181–191. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.16>

Введение. Русско-китайские отношения имеют длительную историю. В XVII в. в Китай отправляются посольства И. Петлина, Ф. Байкова, Н. Спафария. В XVIII в. Нерчинский договор закрепляет официальные межгосударственные отношения и позволяет направлять из России в Китай казенные караваны. Череда договоров закрепляет территориальные приобретения России и упорядочивает отношения между двумя империями. В XIX в. российское правительство принимает меры для укрепления позиции в Азии и защиты своих амбициозных проектов в Китае. Череда исторических событий связала Россию и Китай. В XX в. восстания и войны объединили историю двух стран, коренным образом изменили жизненный путь людей, сопричастных политическим трансформациям, произошедшим в этот период. Следует отметить восстание ихэтуаней, в подавлении которого участвовала российская армия; Русско-японскую войну, документальные материалы которой красноречиво свидетельствуют о ратном подвиге российских офицеров, солдат, казаков [6; 7], воевавших на территории Китая.

Цель исследования – представить картину жизненного пути россиян, эмигрировавших в 1920–1930-е гг., спасаясь от тяжелых испытаний Гражданской войны в России и волею судьбы попавших в водоворот событий гражданской войны в Китае.

История гражданских войн прошлого столетия по-прежнему остается актуальной, поэтому научных работ по истории российской эмиграции достаточно много. Попытку переосмыслить проблемы Гражданской войны в России в контексте мировой истории предпринимают не только российские, но и зарубежные авторы. Так, в трудах Ш. Фитцпатрик, Дж.Д. Смеле, Л. Эльгельштейн раскрываются последствия радикальной политической и экономической трансформации как для россиян, политиков и простых обывателей, так как широких слоев населения приграничных государств, в том числе и Китая [35; 36; 37].

Данное исследование от уже известных научному миру отличает синтез двух сюжетов: судьба беженцев, спасающихся от Гражданской войны в России, и их жизнь в условиях гражданской войны в Китае. Требуют глу-

бокого анализа вопросы, связанные с проблемой сохранения эмигрантами, осевшими в Китае, русского культурного наследия, оказания духовной поддержки и помощи в социальной адаптации соотечественникам, вырванным из привычных бытовых условий, утратившим профессию, круг общения. Кроме того, исследование факторов, оказавших влияние на выбор военного пути в Китае россиянами, ранее сложившими оружие и покинувшими Россию, по-прежнему актуально.

Методы, материалы. Источниковая база исследования представлена нарративными источниками (личные дневники российских эмигрантов) и периодической печатью, издававшейся эмигрантами и для эмигрантов в Китае в 1920-е годы.

Несмотря на то, что дневники многих эмигрантов оцифрованы и размещены в сети Интернет, до настоящего времени историки не уделяли им должного внимания. Между тем информативность этих уникальных свидетельств колоссальна. Рассказ об исторических событиях, связанных с гражданскими войнами в России и Китае, жизнью россиян, оказавшихся в эмиграции, иллюстрируется выдержками из дневниковых записей очевидцев: А.П. Будберга, Г.П. Ларина, Е.Н. Пастухина, А.А. Тихобразова, И.И. Штина.

В Китае в первой половине XX в. издавалось около двухсот газет на русском языке. Для подтверждения отдельных фактов в представленном исследовании в качестве исторического источника выступают публикации газет, издававшихся в Китае в 1920-е годы. Для того, чтобы представить позицию различных политических сил как в Китае в целом, так и в среде эмигрантов из России в частности, проведен анализ заметок, очерков в газетах различной идеологической направленности, ориентированных как на политические интересы отдельных групп эмигрантов, так и на предпочтения широкой читательской аудитории. Среди них самая влиятельная китайская газета «Гун-Бао», «бульварное» издание «Заря», просоветская газета «Молва», газета белоэмигрантов «Русский голос».

Методологическая база предполагает использование диалектического метода научного познания, поиск и последующий анализ факторов, оказавших влияние на полити-

ческие и социальные процессы, поведение отдельных людей и социальных групп, и изучение преемственности событий, связи произошедших событий с последующими. Системный метод дает возможность объединить два исторических события (гражданские войны в России и Китае). Аналитико-синтетический метод позволил разрозненные источники информации (дневники эмигрантов, статьи различных печатных периодических изданий) превратить в исторические источники, передающие дух определенной эпохи. Историко-сравнительный метод дает возможность сопоставить поведение, условия жизни представителей различных социальных групп, сформировавшихся в среде российских эмигрантов, оказавшихся в различных регионах Китая.

Анализ.

1. Жизнь русских эмигрантов в Китае.

Разрушительная сила Гражданской войны в России, противостояние сил красной и белой армий, радикальные преобразования советской власти не пощадили укоренившийся уклад жителей страны, многие из которых сохраняли верность православной вере, царю и традициям предков. В рядах белой армии сражались представители различных сословий. Вслед за военным поражением последовали новые тяжелые испытания. Необходимо подчеркнуть, что сложившиеся оружие офицеры, солдаты, казаки не смогли примириться с репрессиями новой власти, которые выражались в массовом истреблении тех, кто ранее воевал против большевиков. Хорунжий Алексей Алексеевич Грызлов в одном из стихотворений, посвященном трагической судьбе людей, оказавшихся на чужбине, отметил: «За то, что нас Родина выгнала, / Мы по свету ее разнесли» (цит. по: [31, с. 160]). Значительная часть сторонников белого движения искала спасение от ужасов гражданской войны на чужбине. Хорунжий Оренбургского казачьего войска Георгий Ларин в августе 1921 г. отмечал в своем дневнике, что «на душе накопилось много горечи и разочарования от того, что страдание охватило милую Родину... брат пошел на брата» [11].

Глубокое изучение исторических источников показало, что Гражданская война в России связала судьбы сотен тысяч людей с Ки-

таем. Надо было приспособливаться к мирной жизни в новых условиях. История белой эмиграции в Китае условно подразделяется на два периода: 1920–1931 гг. (до японской оккупации), 1932–1945 гг. (в период японской оккупации отдельных территорий Китая). Беженцы оседали в Тяньцзине, Пекине и Шанхае. Гражданских лиц и участников белой армии притягивала работа в Харбине. Большая часть из них расселялась по линии Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), так как полоса отчуждения к тому времени уже была обжита русскими. Здесь функционировали российские административные и хозяйственные учреждения, работали дипломаты. По сведениям Земельного отдела КВЖД на 1 января 1921 г., «русских в Харбине проживало 165 857 человек, на Западной линии КВЖД – 69 780, на Восточной линии КВЖД – 42 614, на Южной линии КВЖД – 9 972. Всего – 288 225 человек» [31, с. 55].

Теоретический анализ научной литературы показывает, что КВЖД спасла от голода многие семьи. Полковник (в китайской армии майор, позже подполковник) Иван Иванович Штин описывал будни железнодорожной полиции так: служба не очень утомительная; жалование составляло 30 рублей золотом (на руки выдают до 65 долларов), что позволяло обеспечить всем необходимым одинокого человека, но жизнь казалась довольно безрадостной: интересов никаких нет, вагон-библиотека ходит довольно исправно, но читать не хочется. Здесь уместно отметить его слова о том, что «живем все больше сплетнями, разговорами друг про друга» [13]. Благополучие было непродолжительным. Уже в ноябре 1922 г. газета «Заря» уведомляла читателей об очередном сокращении числа служащих и рабочих [23, с. 1].

Кварталы в городах, где оседали эмигранты, постепенно приобретали русский облик. Большинство переселенцев находило утешение и поддержку в кругу семьи: даже в самое трудное время счастливо заключали браки, растили детей, о чем многократно упоминали в мемуарах. Духовный голод было преодолеть непросто. Сохранение русской культуры, родного языка и воссоздание в непривычных условиях чужой страны привычного бытового уклада для многих эмигрантов ста-

новилося принципиально важным. Во многих семьях творческая жизнь была ключом: устраивались литературные чтения (в конце 1920-х гг. появляется несколько литературных «салонов»), вечера музицирования, проводились собрания членов различных Обществ [19, с. 3]. Пользовались спросом газеты на русском языке, издаваемые в Китае. Большую роль в жизни русской диаспоры играл православный храм.

Многие семьи оказались расколоты: те, кому удалось перейти границу, зачастую не знали о судьбе близких, оставшихся в Советской России. Как писала газета «Русский голос», переписка могла стать поводом для ареста [22, с. 1]. Осенью 1922 г. новая волна эмигрантов захлестнула Маньчжурию. В ноябре 1922 г. эта газета сообщала о бедственном положении беженцев из Приморья, которые оказались в Циндао, Чифу, Дайрене [3, с. 1]. В Циндао допускали только тех, кто мог предъявить властям 200 рублей, но «просачивались и неимущие» [5, с. 2].

Состав мигрантов был довольно пестрым: офицеры и рядовые станичники, разночинцы, священнослужители и представители интеллигенции. Казаки и члены их семей составляли 17,5 % эмигрантов из России в 1922–1923 гг. (свыше 20 тыс. человек) [30, с. 63]. Впрочем, численность русской диаспоры в Китае была непостоянной: часть беженцев возвращалась на Родину, поверив власти, обещавшей амнистию, часть эмигрировала в другие страны.

В конце 1920-х гг. Шанхай и Сяньцзянь переживали экономическую депрессию [2, с. 2]. Поиск работы для большинства русских «новичков» становится серьезным испытанием. Эмигранты, имевшие образование, служили в частных и государственных учреждениях, преподавали в школах для детей и юношества, в обучающих центрах для взрослых, позволяющих получить новые профессиональные знания (автомехаников, шоферов, бухгалтеров, счетоводов и проч.) [1, с. 2]. Газеты пестрили рекламными объявлениями об оказании медицинской помощи, репетиторстве и проч. Искали возможность зарабатывать и люди творческих профессий [17, с. 3].

Когда надежды на скорое возвращение на Родину рухнули, эмигранты соглашались вы-

полнять любую тяжелую малооплачиваемую работу. Многие неоднократно меняли место работы. Русскоязычные газеты, издававшиеся в Китае в 1920-х гг., пестрят заметками о самоубийствах русских эмигрантов. Многие военные приобщались к алкоголю и наркотикам, занимались криминальной деятельностью. Пьянство, драки офицеров, стрельба в ресторанах случались довольно часто. Генерал-лейтенант барон А.П. Будберг отметил в своем дневнике: «город набит темными авантюристами... все жаждут хороших штатов и назначений... на улицах шатаются и носятся на извозчиках совсем разболтавшиеся офицеры (многие в нетрезвом виде)... с готовностью обнажать оружие и стрелять по первому поводу» [8, с. 280].

Жизнь казачества на чужбине отличалась от быта соотечественников. В сложных условиях представители этого сословия не растворялись среди населения, а проживали обособленно в основанных ими станицах, воссоздавали привычный для себя уклад жизни, соблюдали традиции. Воинская организация и авторитет атаманов, православная вера становились важными объединяющими факторами. Крепкая семья, трудолюбие, взаимовыручка станичников, созданные ими благотворительные объединения помогали справиться с трудностями адаптации в новых условиях.

К середине 1920-х гг. стало понятно, что надежды живущих в полосе отчуждения КВЖД на улучшение обстановки не оправдываются. По данным, опубликованным в харбинской газете «Гун-Бао» (1929 г.), из 21,4 тысячи железнодорожников не имели казенного жилья более 10 тысяч человек. Оклады и «квартирные деньги» отдельных категорий служащих и рабочих настолько малы, что «снять за них даже приличную комнату совершенно невозможно» [27, с. 4]. После перехода железной дороги в совместное управление «товарищами и китайцами» начались увольнения тех, кто не желал оформлять советский паспорт. В дневниках эмигрантов появляются слова сожаления о том, что дни хорошей жизни в Харбине сочтены, так как «товарищи все испохабят и спустят... они быстро разорят дорогу и все денежки ухлопают на пропаганду среди китайцев идей социализма» [13].

Как писали в то время советские газеты, «вместе с гаснущими надеждами гаснет и энергия у руководителей эмиграции» [19, с. 3], но надежда не позволяла энтузиастам бросить общественную и политическую деятельность «с ее интригами, ссорами» [11]. Прикрываясь патриотическими лозунгами, бурную деятельность разворачивали аферисты, которые, как писала газета «Молва», «проводили поборы с эмигрантов в казну великого князя, в фонд спасения Родины» [18, с. 3].

2. Участие русских эмигрантов в Гражданской войне в Китае.

Китай в 1920-е гг. переживал сложные времена. После Синьхайской революции не удавалось преодолеть политическую раздробленность. На Юге Китая начинает работу правительство Гоминьдан во главе с Сунь Ятсеном (позже с Чан Кайши). Первоначально его поддерживали сторонники социалистической идеологии, позже основавшие Коммунистическую партию Китая (далее КПК).

Китайская гражданская война вновь нарушила быт русских эмигрантов. Потерявшие работу пополняли ряды военных отрядов, участвующих в противоборстве китайских милитаристов. Одних толкало безденежье, других – ненависть к политикам, симпатизирующим идеалам социализма.

Китайские генерал-губернаторы содержали большие армии, но их боеспособность была неудовлетворительной, поэтому приглашались на службу русские офицеры, солдаты и казаки. В конце 1920-х гг. в составе Шанхайского Волонтерского корпуса был сформирован Шанхайский русский полк. Ежемесячным жалованием и бесплатным питанием обеспечивались более двух сотен казаков и бывших русских офицеров, солдат. Полк участвовал в обороне от китайцев-южан Сучжоуского канала, охранял иностранные суда в порту, электростанцию, тюрьму, казармы, склады с оружием, следил за порядком в международном селтльменте.

В период с 1921 по 1928 г. Чжан Цзолинь привлек на свою сторону более 1 000 инструкторов-эмигрантов [4, с. 18], сформировал несколько строевых частей и отряд бронепоездов. На службе этого китайского военачальника состоял Второй Особый конный полк,

который не один год успешно выполнял задания по ликвидации отрядов хунхузов, что способствовало формированию положительного отношения мирного местного населения к русским [12, с. 39]. Жестокий бой с «красными пиками» подробно описывал есаул Амурского казачьего войска Евлампий Николаевич Пастухин [12].

Небольшие подразделения (300–700 человек), в которые входили русские эмигранты, были на службе и у генерала Фэн Юйсяна, и у маршала У Пэйфу [24, с. 247]. Как писал И.И. Штин, «У Пэйфу – американский ставленник; мы действуем не без одобрения японцев, а Фэн – ставленник СССР. Так вот и крутится политика в Китае. А народ молчаливо работает, разоряется, мрет с голоду» [13]. Полковник Александр Александрович Тихобразов отмечает, что «тяжело здесь местному крестьянину. То вода деревню затопит, то саранча урожаи сжирает, то войска стоят, а это тоже что-то вроде саранчи» [14].

Коалиция маршала У Пэйфу, лидера чжильской группировки, и Фэн Юйсяна захватила в 1922 г. Пекин, что позволило им контролировать все ближайшие провинции. В ноябре 1922 г., как отмечала газета «Русский голос», У Пэйфу созвал в Лаояне совещание представителей различных провинций с целью укрепить их единство [10, с. 3].

Союзы китайских милитаристов были недолговечны. В 1924 г. У Пэйфу нанес мощный удар армии Чжан Цзолина, которому вновь понадобилась сила русского оружия. Заслуживает быть отмеченным тот факт, что именно в этот момент появляется Русский отряд из казаков, бывших офицеров, солдат, гражданских лиц, в том числе молодежи, под командованием генерал-майора русской армии К.П. Нечаева, который стал наиболее известной (эпатажной) фигурой среди русских эмигрантов [15, с. 242]. И.И. Штин, назначенный командиром роты в 105-й полк 2-го батальона, писал о К.П. Нечаеве так: «Производит впечатление отличного офицера и, видимо, не дурак выпить. В отряде его любят, особенно нижние чины – за храбрость» [13]. Нечаевцы «в большинстве – сорвиголовы, но ребята – славные» [13]. Все в отряде получали денежное довольствие, провиант. За собранное после боя вражеское оружие, пленных офицеров

можно было получить вознаграждение от 50 до 20 000 долларов [4, с. 22].

Большинство желающих пополнить русские военные отряды приезжали из Харбина. Следует подчеркнуть, что снабжение новоиспеченных солдат и офицеров находилось в руках Н.Д. Меркулова, который за их счет очень быстро увеличивал свои капиталы. И.И. Штин считал его «тупым, мстительным и мелким» [13]. «Если была бы сплоченность, – пишет он, – если бы не ругались и не интриговали между собой, могли бы держать в своих руках чуть не половину Китая» [13].

Опираясь на данные современной науки, отметим, что в середине 1925 г. советская агентура развернула вербовку эмигрантов из бывших русских военных в армию Фэн Юйсяна, который, симпатизируя левому крылу партии, вступает в Гомиьндан. Казачий Союз осудил соотечественников, отметив в воззвании к казакам: «...не для того проливали кровь, переносили все тяготы беженства и чужбины, чтобы жертвовать своей жизнью за интересы китайских генералов, чтобы перейти на службу к врагам-душителям Родины, убийцам родных и близких...» [29, с. 213].

Конец 1925-го – начало 1926 г. для Русской бригады были сопряжены с большими потерями в боях против армий Сунь Чуаньфана, Фэн Юйсяна, У Пэйфу. Сказалось отсутствие в боевом строю получившего ранение К.П. Нечаева, скудеющее материальное обеспечение продовольствием и боеприпасами. Как писал И.И. Штин, «китайцы на наших трупах делают свое дело и победы» [13]. Китайцы зачастую бежали с поля боя при первом появлении русских отрядов, но, как ни парадоксально, именно русские, как большевики, так и белогвардейцы, «научили их другой войне» [13], беспощадной.

Разгром армии У Пэйфу усилил позиции Гомиьндана и КПК. Нечаевцы поддерживали китайских милитаристов Севера против Гомиьндана, но военная компания 1927–1928 гг. была неудачной [4, с. 51]. После того, как союз Гомиьндана и КПК распался, Чан Кайши начал уничтожать революционные профсоюзы, арестовывать коммунистов. По данным про-советской прессы, издававшейся в Харбине, в марте 1928 г. Пекин подписал соглашение с лидерами Гуансийской группы Гомиьндана о

совместных военных действиях против Чан Кайши и Фэн Юйсяна [26, с. 3]. После гибели Чжан Цзолия коалиция его сторонников распалась. Армии китайских генералов, вооруженные пушками, бомбометами, пулеметами, беззащитно предавали друг друга, переходя из одного лагеря в другой.

Важно отметить, как это было во время Гражданской войны в России, отсутствие единства среди русских. И.И. Штин отмечает: «Драгаться будем хорошо и побеждать будем, а в результате – грабилька, интриги, сплетни, грязь... Кто-то станет наживаться на своих соотечественниках, а остальные упокоятся в чужой земле... Учимся, пьем водку. Наверху – грызня и интриги. Все переругались и ненавидят друг друга» [13]. Все чаще появляются свидетельства о нарушении воинской дисциплины: [8, с. 277, 281; 14].

Отношения русских беженцев с советской властью были сложными. Когда Красная армия восстановила статус железной дороги, по данным, которые приводит в своем исследовании Г.В. Мелихов, подразделение ГПУ громило казачьи станицы, «более 4 тысяч эмигрантов были тайно вывезены на территорию СССР, где их след теряется» [21, с. 169]. Член Казачьего Союза Г.П. Ларин отмечал в дневнике: «В Трехречье красные напали на поселок казаков и убили практически всех жителей, включая детей» [11]. Многие русские эмигранты, проживающие в Шанхае, Кантоне, Ханькоу, могли рассчитывать на покровительство европейцев [20, с. 1; 32, с. 1], у остальных беженцев из России такой поддержки не было.

Междоусобная война неблагоприятно отражается на других странах, находящихся в тесной связи с Китаем [16, с. 1; 3, с. 1]. Газеты пестрили сообщениями о том, что Япония, стремящаяся к расширению территории, использовала ослабление политической власти в Китае в своих целях [9, с. 1; 25, с. 1; 28, с. 4; 33, с. 1; 34, с. 1].

Источник дохода для сотен русских военных эмигрантов быстро иссякал. Вторжение Японии в Маньчжурию усугубило их и без того сложное положение. В 1933–1934 гг. военный опыт и навыки русских военных были востребованы властями Маньчжоу-Го для организации охраны границы. Японцы форми-

ровали охранные, полицейские, диверсионные и разведывательные отряды. Многие русские эмигранты не одобряли действия Японии и опасались распространения идеалов фашизма. Из сказанного становится очевидным то, что начался массовый отъезд русских из Маньчжурии.

Ситуация коренным образом изменилась после разгрома Японии в 1945 году. Отношение американских войск к русским было превосходным, но этот период благополучия продлился недолго. Как только появились сообщения о приближении к Шанхаю армии КПК, многие иностранцы поспешили покинуть город. В Маньчжурии ситуация меняется: русские объявлялись врагами советской власти. Те, кого сотрудники НКВД отправляли в СССР, были осуждены и приговорены к длительному заключению. Десятки тысяч людей стали отказываться от ранее полученного советского паспорта и искали возможность отправиться в другую страну: Австралию, США и проч. Были и те, кто вынужден, в силу различных обстоятельств, вернуться в СССР. Оставшиеся в Китае ждали приближающуюся с боями армию Мао Цзэдуна и завершение гражданской войны, второй по счету на их трудном жизненном пути.

Результаты. Итак, анализ записей личных дневников российских эмигрантов, бежавших от советской власти в Китай, и публикации газет, издававшихся в этой стране для русскоязычных читателей, показал их достаточно высокую информативность. Несмотря на присутствие субъективных, зачастую эмоциональных оценок происходящих событий, они могут быть использованы в качестве исторического источника, позволяющего погрузиться в атмосферу тяжелой трансформации духовно-нравственных ценностей, с которыми была сопряжена адаптация российских эмигрантов: попытки найти источник заработка, наладить быт, создать круг общения в новых условиях жизни среди представителей чуждой для многих эмигрантов и малопонятной культуры.

Подводя итог, отметим, что в рамках заявленной темы получили развитие несколько сюжетных линий.

Во-первых, дана краткая характеристика событий гражданских войн в России и Китае,

которые связали судьбы достаточно большого числа представителей двух государств.

Во-вторых, показаны различные жизненные пути, которые выбирали на чужбине покинувшие Родину россияне. Одна категория эмигрантов искала способы выживания, сохраняя и передавая своим детям высокие моральные принципы, духовные ценности русской культуры, традиции предков, уважение к труду. Речь, прежде всего, идет о военных, представителях разночинной интеллигенции, осевших в Харбине, Шанхае, Тяньцзине, Пекине, провинции Синьцзян, а также жителей казачьих станиц. Другая часть эмигрантов, попирая понятия о чести и достоинстве, стремилась к обогащению любой ценой, в том числе и за счет соотечественников, оказавшихся, так же, как и они, в бедственном положении. Особое внимание уделено истории бывших российских военных, которые в поисках заработка и/или по идеологическим соображениям сражались в рядах военных отрядов китайских милитаристов в 1920–1930-х годах. Одной из причин поражения белой армии в Гражданской войне в России была разобщенность военных подразделений, конфликты амбициозных офицеров. Эта проблема не была преодолена в Китае. Отсутствие единства оценок текущей ситуации, четких целей и программы дальнейших действий, стремление к обособлению, в частности, казачества, личное противоборство лидеров, моральная деградация, которая имела место в офицерской и солдатской среде, ослабляли позиции русских белоэмигрантов в Китае и играли на руку их противникам.

В-третьих, в представленном исследовании нашла отражение борьба советской и антисоветской идеологии на Дальнем Востоке, в Китае. На это противостояние указывает участие россиян в Гражданской войне в Китае на стороне противников КПК, осуждение политики СССР на страницах личных дневников и русскоязычных газет, издававшихся в Китае.

Современная наука не ослабляет внимание к комбинации факторов (внутриполитических, внешнеполитических, экономических, идеологических, межэтнических и проч.), которые несут негативные радикальные перемены (крах духовных ценностей, политических и

экономических систем, социальной структуры), вызывают массовые миграции населения. Гражданская война способна вызывать наиболее тяжелые формы таких трансформаций. В целом, изучение исторических документов, касающихся судеб людей, переживших гражданскую войну (в данном исследовании рассматривается уникальная история людей, переживших две гражданские войны), необходимо не столько для формального накопления знаний, сколько для осмысления и глубокого анализа событий прошлого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автомобильные курсы // Заря. – 1921. – № 47. – С. 2.
2. Американские туристы в Шанхае // Молва. – 1928. – № 965. – С. 2.
3. Английский империализм вновь вопит об опасности // Молва. – 1927. – № 843. – С. 1.
4. Балмасов, С. С. Белоэмигранты на военной службе в Китае / С. С. Балмасов. – М. : Центрполиграф, 2007. – 559 с.
5. Беженцы из Приморья. Бедствия беженцев // Русский голос. – 1922. – № 681. – С. 2.
6. Благодер, Ю. Г. Поход Второй Тихоокеанской эскадры и Цусимское сражение 1905 года в публикациях «Кубанских областных ведомостей» / Ю. Г. Благодер // Научный диалог. – 2020. – № 5. – С. 359–375. – DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-5-359-375>
7. Благодер, Ю. Г. Трагический 1905 год на страницах газеты «Кубанские областные ведомости»: сражения в Китае и революция в России / Ю. Г. Благодер // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 4. – С. 60–70. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.5>
8. Будберг, А. П. Дневник белогвардейца / А. П. Будберг // Архив русской революции. В 18 т. Т. 12. – Берлин : Слово, 1923. – С. 197–288.
9. В Тяньцзине тревожно // Молва. – 1928. – № 1050. – С. 1.
10. Военное совещание У Пэй-фу // Русский голос. – 1922. – № 681. – С. 3.
11. Дневник Георгия Ларина – хорунжего Оренбургского казачьего войска. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.alt-srn.ru/story/1-latests-news/1456-dnevnik-larina.html> (дата обращения: 31.07.2021).
12. Дневник есаула Пастухина. Бой с красными хун-чен-хуями // Станица. – 2008. – № 2 (51). – С. 39–40.

13. Дневник майора И.И. Штина // Балмасов С. С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://istorja.ru/forums/topic/1855-dnevnik-majora-ii-shtina-1924-1926-gg/> (дата обращения: 31.05.2021)

14. Дневник полковника А.А. Тихобразова // Балмасов С. С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://istorja.ru/forums/topic/1858-dnevnik-polkovnika-a-a-tihobrazova-1926-1928-gg/> (дата обращения: 12.07.2021)

15. Каретина, Г. С. Белая армия против китайской революции / Г. С. Каретина // Вестник Морского гос. ун-та. Общественно-научные исследования. – Владивосток : МГУ им. адм. Г.И. Невельского, 2005. – С. 237–247.

16. Китайская политика Японии // Молва. – 1928. – 25 янв. (№ 934). – С. 1.

17. Культурное начинание // Заря. – 1921. – № 47. – С. 3.

18. Лунин, С. Делишки белогвардейские. На содержание «великого князя» / С. Лунин // Молва. – 1928. – № 965. – С. 3.

19. Лунин, С. Делишки белогвардейские. Тени минувшего на Таможенной улице / С. Лунин // Молва. – 1928. – № 966. – С. 3.

20. Лунин, С. Тяньцзинь – убежище бывших саванников / С. Лунин // Молва. – 1928. – № 982. – С. 1.

21. Мелихов, Г. В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке, 1925–1932 / Г. В. Мелихов. – М. : Русский путь : Викмо-М, 2007. – 320 с.

22. Не пишите писем в Благовещенск // Русский голос. – 1924. – № 1086. – С. 1.

23. Новые сокращения // Заря. – 1922. – № 262. – С. 1.

24. Огороков, А. В. Русские добровольцы / А. В. Огороков. – М. : Эксмо, 2007. – 368 с.

25. Острый конфликт между Японией и Китаем // Молва. – 1928. – № 1079. – С. 1.

26. Пекин заключил мирное соглашение с Гуанси // Молва. – 1928. – № 965. – С. 3.

27. Размеры квартирного кризиса // Гун-Бао. – 1929. – № 644. – С. 4.

28. Северяне обвиняют Южан в вероломстве // Молва. – 1928. – № 1050. – С. 4.

29. Смирнов, С. В. Дальневосточный тупик: русская военная эмиграция в Китае (1920 – конец 1940-х гг.) / С. В. Смирнов. – М. : Литрес, 2019. – 712 с.

30. Худобородов, А. Л. Вдали от Родины: российские казаки в эмиграции / А. Л. Худобородов. – Челябинск : Челяб. гос. пед. ун-т, Ин-т гуманитар. исслед., 1997. – 112 с.

31. Чапыгин, И. В. Казачья эмиграция в Китае / И. В. Чапыгин. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. – 171 с.

32. Шанхай под угрозой // Молва. – 1927. – № 843. – С. 1.

33. Япония готовит решительные меры против Китая // Молва. – 1928. – № 1079. – С. 1.

34. Япония отвергает ноту Нанкинского правительства // Молва. – 1928. – № 1080. – С. 1.

35. Elgelstein, L. Russia in Flames: War, Revolution, Civil War, 1914–1921 / L. Elgelstein. – N. Y. : Oxford University Press, 2017. – 824 p.

36. Fitzpatrick, Sh. The Russian Revolution / Sh. Fitzpatrick. – N. Y. : Oxford University Press, 2007. – 240 p.

37. Smele, J. D. The “Russian” Civil Wars, 1916–1926. Ten Years That Shook the World / J. D. Smele. – London : Hurst & Company, 2015. – 423 p.

REFERENCES

1. Avtomobil'nye kursy [Automotive Courses]. *Zarya*, 1921, no. 47, p. 2.

2. Amerikanskije turisty v Shankhae [American Tourists in Shanghai]. *Molva*, 1928, no. 965, p. 2.

3. Anglijskij imperializm vnov' vopit ob opasnosti [British Imperialism Screams Danger Again]. *Molva*, 1927, no. 843, p. 1.

4. Balmasov S.S. Beloemigranty na voennoj sluzhbe v Kitae [White Emigrants in Military Service in China]. Moscow, Centrpoligraf, 2007. 559 p.

5. Bezhentsy iz Primor'ya. Bedstviya bezhentsev [Refugees from Primorye. Disasters of Refugees]. *Russkij golos* [Russian Voice], 1922, no. 681, p. 2.

6. Blagoder Yu.G. Pohod Vtoroj Tikhookeanskoj eskadry i Tsusimskoe srazhenie 1905 goda v publikatsiyakh «Kubanskikh oblastnykh vedomostej» [Campaign of Second Pacific Squadron and the Battle of Tsushima in 1905 in Publications of “Kuban Regional Vedomosti”]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], 2020, no. 5, pp. 359-375. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-5-359-375>

7. Blagoder Yu.G. Tragicheskij 1905 god na stranitsakh gazety «Kubanskije oblastnye vedomosti»: srazheniya v Kitae i revolyutsiya v Rossii [The Tragic Year 1905 on the Pages of the Newspaper “Kubanskije Oblastnye Vedomosti”: Battles in China and the Revolution in Russia]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 4, History. Regional Studies. International Relationships], 2019, vol. 24, no. 4, pp. 60-70. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.5>

8. Budberg A.P. Dnevnik belogvardejtsa [Diary of a White Guard]. *Arhiv russkoj revolyutsyi* [Archive of the Russian Revolution]. Berlin, Slovo Publ., 1923, pp. 197-288.

9. V Tyan'czine trevozhno [It is Alarming in Tianjin]. *Molva*, 1928, no. 1050, p. 1.
10. Voennoe soveshchanie U Pej-fu [Military Meeting Wu Pei-fu]. *Russkij golos* [Russian Voice], 1922, no. 681, p. 3.
11. Dnevnik Georgiya Larina – horunzhego Orenburgskogo kazach'ego vojska [Diary of Georgy Larin – Cornet of the Orenburg Cossack Army]. URL: <http://www.alt-srn.ru/story/1-latests-news/1456-dnevnik-larina.html> (accessed July 31, 2021).
12. Dnevnik esaula Pastuhina. Boj s krasnymi hun-chen-huyami [Diary of Esaul Pastukhin. Fight with the Red Hun-chen-huyi]. *Stanica*, 2008, no. 2 (51), pp. 39-40.
13. Dnevnik majora I.I. Shtina [Diary of Major I.I. Shtina]. URL: <https://istorja.ru/forums/topic/1855-dnevnik-majora-ii-shtina-1924-1926-gg/> (accessed May 31, 2021).
14. Dnevnik polkovnika A. A. Tihobrazova [Diary of Colonel A.A. Tikhobrazov]. URL: <https://istorja.ru/forums/topic/1858-dnevnik-polkovnika-a-a-tihobrazova-1926-1928-gg/> (accessed July 12, 2021).
15. Karetina G.S. Belaya armiya protiv kitajskoj revolyutsyi [White Army Against the Chinese Revolution]. *Vestn. Morskogo gos. un-ta. obshchestvovedch. nauki* [Vestn. Marine State University. Social Science]. Vladivostok, MGU im. adm. G.I. Nevel'skogo Publ., 2005, pp. 237-247.
16. Kitajskaya politika Yaponii [The Chinese Policy of Japan]. *Molva*, 1928, no. 934, p. 1.
17. Kul'turnoe nachinanie [Cultural Initiative]. *Zarya*, 1921, no. 47, p. 3.
18. Lunin S. Delishki belogvardejskie. Na sodержanie «velikogo knyazy» [Whiteguard Delishki. On the Maintenance of the “Grand Duke”]. *Molva*, 1928, no. 965, p. 3.
19. Lunin S. Delishki belogvardejskie. Teni minuvshogo na Tamozhennoj ulitse [Whiteguard Delishki. Shadows of the Past on Customs Street]. *Molva*, 1928, no. 966, p. 3.
20. Lunin S. Tyan'czin – ubezhishche byvshikh sanovnikov [Tianjin – Refuge of Former Dignitaries]. *Molva*, 1928, no. 982, p. 1.
21. Melihov G.V. Rossijskaya emigratsiya v mezhdunarodnykh otnosheniyakh na Dal'nem Vostoke 1925–1932 [Russian Emigration in International Relations in the Far East]. Moscow, Russkij put' Publ., Vikmo-M Publ., 2007. 320 p.
22. Ne pishite pisem v Blagoveshchensk [Do Not Write Letters to Blagoveshchensk]. *Russkij golos* [Russian Voice], 1924, no. 1086, p. 1.
23. Novye sokrashcheniya [New Reductions]. *Zarya*, 1922, no. 262, p. 1.
24. Okorokov A.V. *Russkie dobrovol'tsy* [Russian Volunteers]. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 368 p.
25. Ostryj konflikt mezhdru Yaponiej i Kitaem [Acute Conflict Between Japan and China]. *Molva*, 1928, no. 1079, p. 1.
26. Pekin zaklyuchil mirnoe soglasenie s Guansi [Beijing Concluded a Peace Agreement with Guangxi]. *Molva*, 1928, no. 965, p. 3.
27. Razmery kvartirnogo krizisa [The Size of the Housing Crisis]. *Gun-Bao*, 1929, no. 644, p. 4.
28. Severyane obvinyayut Yuzhan v verolomstve [The Northerners Accuse the Southerners of Treachery]. *Molva*, 1928, no. 1050, p. 4.
29. Smirnov S.V. *Dal'nevostochnyj tupik: russkaya voennaya emigratsiya v Kitae (1920 – konets 1940-h gg.)* [Far Eastern Impasse: Russian Military Emigration in China (1920 – late 1940)]. Moscow, Litres Publ., 2019. 712 p.
30. Hudoborodov A.L. *Vdali ot Rodiny: rossijskie kazaki v emigratsyi* [Far from the Motherland: Russian Cossacks in Emigration]. Chelyabinsk, Chelyab. gos. ped. un-t, In-t gumanit. issled., 1997. 112 p.
31. Chapygin I.V. *Kazach'ya emigratsiya v Kitae* [Cossack Emigration in China]. Irkutsk, Izd-vo IGU, 2015. 171 p.
32. *Shanhaj pod ugrozoy* [Shanghai Under Threat]. *Molva*, 1927, no. 843, p. 1.
33. Yaponiya gotovit reshitel'nye mery protiv Kitaya [Japan is Preparing Drastic Measures Against China]. *Molva*, 1928, no. 1079, p. 1.
34. Yaponiya otvergaet notu Nankinskogo pravitel'stva [Japan Rejects Nanjing Government Note]. *Molva*, 1928, no. 1080, p. 1.
35. Elgelstein L. *Russia in Flames: War, Revolution, Civil War, 1914–1921*. New York, Oxford University Press, 2017. 824 p.
36. Fitzpatrick Sh. *The Russian Revolution*. New York, Oxford University Press, 2007. 240 p.
37. Smele J.D. *The “Russian” Civil Wars, 1916–1926. Ten Years That Shook the World*. London, Hurst & Company, 2015. 423 p.

Information About the Author

Yuliya G. Blagoder, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor, Department of History, Philosophy and Psychology, Kuban State Technological University, Moskovskaya St, 2, 350072 Krasnodar, Russian Federation, blagoder_1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5257-1188>

Информация об авторе

Юлия Гариевна Благодер, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и психологии, Кубанский государственный технологический университет, ул. Московская, 2, 350072 г. Краснодар, Российская Федерация, blagoder_1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5257-1188>

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВОЙНЫ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.17>

UDC 94(47)«1917»
LBC 63.3(2)535-414.8

Submitted: 01.09.2021
Accepted: 21.01.2022

FROM THE HISTORY OF CIVIL WAR LANGUAGE DEVELOPMENT: “KORNILOVSHCHINA” AND LEGITIMATION OF POLITICAL VIOLENCE¹

Boris I. Kolonitskii

European University at Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation;
Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Konstantin V. Godunov

European University at Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article examines some of key words used by Russia’s opposing political forces in 1917. *Method.* Using methodological tools of the Cambridge Cambridge school of intellectual history the authors study the meaning of words “Kornilovites”, “Kornilovism” and “Kerenshchina”. The authors study the different contexts of political statements and of political usage of these words. *Analysis.* The rhetorical design of the conflicts that preceded the Kornilov affair influenced the course of this political crisis: people of different views assumed that the crisis is inevitable, and it would take the form of a violent confrontation. Some people even believed that this crisis would develop into a civil war. *Results.* The Kornilov affair was perceived as an outbreak of a the civil war, it changed the discursive situation: for some actors the words “Kornilovites”, “Kornilovism” became a tool for describing political enemies, and all compromises with them were excluded, while for others these words were a sign of forming of their own political identity. In such situation, the positions of supporters of political compromises were weakened, while different scenarios for the political solutions by force acquired many new supporters both “from the left” and “from the right”. Such descriptions and self-descriptions of political opponents justified the use of violence, and it contributed to the country’s slide into the full-scale civil war.

Key words: civil war, “Kerenshchina”, “Kornilovism”, history of concepts, legitimization of violence.

Citation. Kolonitskii B.I., Godunov K.V. From the History of Civil War Language Development: “Kornilovshchina” and Legitimation of Political Violence. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 4, pp. 192-202. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.17>

ИЗ ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ ЯЗЫКА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: «КОРНИЛОВЩИНА» И ЛЕГИТИМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ¹

Борис Иванович Колоницкий

Европейский университет в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Константин Валерьевич Годунов

Европейский университет в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые ключевые слова, использовавшиеся противоборствующими политическими силами в 1917 году. Применяя инструментарий, предлагаемый представителями кембриджской истории идей, авторы изучают значения слов «корниловцы», «корниловщина», «керенщина». Изучаются контексты высказываний, политическое использование этих слов. Показано, что риторическое оформление конфликтов, предшествовавших «делу Корнилова», оказало влияние на ход этого политического кризиса: люди разных взглядов предполагали, что неизбежный кризис примет форму силового противостояния, а некоторые считали, что он даже перерастет в гражданскую войну. «Дело Корнилова», воспринимавшееся как начавшаяся гражданская война, изменило дискурсивную ситуацию: для одних слова «корниловцы» и «корниловщина» стали инструментом описания политического врага, исключая компромиссы с ним, для других – знаком формирования собственной политической идентичности. Позиции сторонников компромиссов ослабевали, а сценарии силового решения политических проблем приобретали новых сторонников «слева» и «справа». Подобные описания и самоописания политических оппонентов оправдывали применение насилия, способствуя скатыванию страны в полномасштабную гражданскую войну. *Вклад авторов.* Концепция статьи, написание, редактирование текста – Б.И. Колоницкий, К.В. Годунов; выявление архивных материалов, сборников документов – Б.И. Колоницкий, выявление газетных материалов – К.В. Годунов.

Ключевые слова: гражданская война, «керенщина», «корниловщина», история понятий, легитимация насилия.

Цитирование. Колоницкий Б. И., Годунов К. В. Из истории разработки языка гражданской войны: «корниловщина» и легитимация политического насилия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 192–202. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.17>

Введение. Изучение гражданских войн весьма актуально: большинство современных вооруженных конфликтов представляют собой не межгосударственные столкновения, а боевые действия внутри государственных образований. Возрастает интерес к истории гражданских войн и к истории понятия «гражданская война» [42]. В этом отношении история Российской гражданской войны имеет значение не только для истории государств, появившихся на территории Российской империи. Мы попытаемся рассмотреть некоторые аспекты культурной подготовки гражданской войны, особое внимание уделяя «делу Корнилова».

Методы. Некоторые политологи и социологи скептически относятся к исследованию культурной истории гражданских войн [12, с. 658]. Мы же полагаем, что исследование культуры позволяет понять эскалацию насилия, ибо формы легитимации насилия играют большую роль в возникновении внутренних войн. Вслед за историками идей мы придаем значение контексту политического высказывания и стараемся реконструировать намерения их авторов [43].

Историки разных взглядов признают, что «дело Корнилова» – важный этап подготовки гражданской войны, а некоторые утверждают, что после «дела Корнилова» гражданская вой-

на стала неизбежной [44, р. 154]. Утверждение это не противоречит нашим наблюдениям. Нас будет интересовать история слов, оформляющих и структурирующих разгорающиеся конфликты, сливавшиеся в единый поток большой гражданской войны.

Анализ. В конце лета 1917 г. нарастала поляризация политических сил, происходило дробление базы поддержки Временного правительства. Возникшую после Московского совещания атмосферу можно назвать «предчувствием гражданской войны»: люди разных взглядов ожидали, что кризис примет форму силового противостояния, некоторые считали, что он перерастет в гражданскую войну. Центром сплочения одного лагеря был Л.Г. Корнилов. Другой лагерь, Советы и комитеты, контролировавшийся умеренными социалистами, не имел общепризнанного лидера, олицетворяющего их курс. Керенский переставал быть фигурой общенационального сплочения, он все меньше играл роль символа позитивной политической идентификации, но образ врага для «комитетского класса» был персонафицирован: комитетчики готовились к борьбе с Корниловым.

27 августа стало известно о конфликте между Ставкой Верховного главнокомандующего и Временным правительством, пополз-

ли слухи, затем последовали официальные правительственные заявления и ответные воззвания Корнилова.

Участники конфликта писали об угрозе гражданской войны и объясняли свои действия желанием ее предотвратить, это было присуще и сторонникам Корнилова, и его противникам. Нередко кризис воспринимался и описывался как уже начавшаяся гражданская война [29]. Опыт восприятия кризиса как гражданской войны был необычайно важен для современников, он придавал особый смысл описаниям конфликта [15].

Кризис часто персонифицировался, описывался как конфликт Керенского и Корнилова. При этом слово «керенцы» встречалось редко, хотя некоторые противники Корнилова выражали поддержку главе правительства. Заместитель министра-председателя Н.В. Некрасов заявил: «Весь вопрос сконцентрировался на личности А.Ф. Керенского, отстаивавшего революцию, и Корнилова, защищающего реакцию. Определенно выяснилось, что вся страна с А.Ф. Керенским» [1]. Даже радикально настроенный Центральный комитет Балтийского флота выдвинул лозунг: «Всеми средствами поддержим Керенского, опирающегося на Советы» [32, с. 151–153]. Однако Керенский не стал важнейшим символом противостояния – в отличие от Корнилова. Для этого было несколько причин.

Хотя Корнилов публично обвинил Керенского в «провокации», а все же в пропаганде «корниловцев» главным врагом был «большевизм», Керенский выглядел скорее жертвой «большевиков», но не основным противником.

К тому же фронт борьбы с Корниловым не был лишен внутренних противоречий. Одни комитеты выражали поддержку Керенскому, но другие противники генерала считали главу правительства противником, лишь на время откладывая борьбу с ним. В.И. Ленин и вместе с тем независимо от него некоторые лидеры большевиков поддерживали такую тактику. Ленин писал в ЦК партии: «Мы будем воевать с Корниловым, как и войска Керенского, но мы не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость»; «...не отказываясь от задачи свержения Керенского, мы говорим: надо учесть момент, сейчас свергать Керенского мы не станем... разьяснять наро-

ду (борющемся против Корнилова) слабость и шатания Керенского» [18, с. 119, 120]. Некоторые видные большевики даже заявляли, что Керенский представляет большую опасность, чем Корнилов, открытый враг, такую точку зрения высказал на заседании Петербургского комитета большевиков М.И. Калинин [26, с. 413–414].

Слово «корниловцы» в дни кризиса звучало часто, его активно использовали политические оппоненты генерала, обвинявшие его в развязывании гражданской войны.

Умеренные социалисты, описывая действия Корнилова, использовали слово «заговор», в документах меньшевиков это слово встречалось особенно часто [22, с. 76, 113, 115, 116, 120, 122, 123, 126, 133, 135, 137, 138, 145, 155, 173, 174, 194, 195, 197]). Порой меньшевики писали о «восстании Корнилова», «мятеже Корнилова» [22, с. 120, 121, 141, 146, 156, 178], реже – о «междоусобии», «братоубийственной войне», «измене», «авантюре» Корнилова [22, с. 119, 121, 127, 128].

Противники генерала именовали его «мятежником», «изменником», «предателем», «контрреволюционером», «авантюристом». Обращение руководства большевиков обличало «врага народа, предателя революции, убийцу свободы», «ставленника помещиков и буржуазии» [14; 28, с. 221].

Сторонники Корнилова именовались «врагами народа», словосочетание встречается и в большевистских изданиях [4], и в публикациях умеренных социалистов, и в заявлениях социалистических партий [10; 25; 37; 38].

«Корниловцами» называли политиков и военачальников, поддержавших генерала. Так именовали и тех, кто не проявлял себя активно, но сочувствовал Корнилову. Подобное обвинение адресовалось конституционным демократам, хотя по отношению к выступлению генерала в партии не было единства. В газете «правых» меньшевиков, выступавших за коалицию с «буржуазией», кадеты описывались как инициаторы гражданской войны [13]. В издании «правых» эсеров социолог П.А. Сорокин писал об «идейных подстрекателях и виновниках преступнейшего заговора», подразумеваемая представители кадетов, которых он назвал «корниловскими патриотами», создавшими «почву для корниловщины» [35]. На пуб-

ликацию с одобрением сослалась центральная партийная газета, нередко критиковавшая «правых» эсеров [23].

Обвинение в поддержке Корнилова высказывалось и в адрес целых социальных групп, прежде всего «буржуазии». Резолюция, принятая петроградскими меньшевиками, гласила: «Борьба за власть, которая ведется между контрреволюционной капиталистической буржуазией и демократией, нашла свое выражение в корниловском мятеже» [22, с. 156]. Подобная риторика могла использоваться для борьбы против любой группы, именуемой «буржуазной». Особенно жестко антибуржуазную риторику использовали большевики. Резолюция I областной конференции организаций РСДРП в Финляндии, состоявшейся 28–30 сентября 1917 г., гласила: «Корниловский мятеж отметил собою начало открытой гражданской войны, на путь которой встала буржуазия» [33, с. 109].

Язык класса использовали не только левые радикалы. О том, что за Корниловым стоит «организованная цензовая Россия», писал лидер «правого» меньшевизма А.Н. Потресов [30].

Использовалось словосочетание «тайные корниловцы». «Правый» эсер писал: «Теперь, когда корниловский мятеж на пути к окончательной и притом бескровной ликвидации, когда явные корниловцы один за другим подвергаются аресту и преданию суду – к вам, фланирующие по Невскому, сидящие в канцеляриях, штабах, управлениях, банках, контрактах и барских особняках, к вам, тайные друзья, пассивные воздыхатели корниловцев и им подобных, пора обратиться со словом разумного увещания» [24].

Первоначально лидеры меньшевиков и эсеров высказывались против новой коалиции с «буржуазией», против вхождения в правительство конституционных демократов. Затем они изменили позицию, Керенский воссоздал Временное правительство на коалиционной основе, но опыт «корниловских дней» повлиял и на состав кабинета, и на отношение к нему: ни один видный представитель какой-либо партии не вошел в правительство (исключением был сам Керенский). Поддержка последнего Временного правительства партиями, которые его образовали, была условной.

Слово «корниловцы» порой было синонимом слов «контрреволюционеры», «мятежники». Иногда генералу адресовали и обвинение в «монархической контрреволюции». Корнилов не был монархистом, хотя вопрос о государственном устройстве России для него не являлся приоритетным: главным было возрождение военной мощи державы и победа в мировой войне.

Генерала обвиняли в сотрудничестве с внешним врагом, вспоминали бегство Корнилова из австрийского плена, недоброжелатели утверждали, что он был заслан в Россию противником. Другие упоминали о захвате немцами Риги в августе 1917 г., генерала обвиняли в содействии врагу. Слово «корниловцы» получало дополнительное значение: ранее «большевиков» их противники описывали как агентов германского правительства, теперь подобные обвинения были переадресованы «корниловцам».

Словосочетания «корниловский мятеж», «корниловский заговор», «корниловская авантюра» использовали большевики, умеренные социалисты, слово «мятеж» встречалось в правительственных заявлениях. Для обозначения мятежа использовался новый термин – «корниловщина». В главной газете социалстов-революционеров «Дело народа» это слово появляется уже 28 августа.

Порой «корниловщина» рассматривалась как явление, продолжавшее существовать и после ареста генерала. Социал-демократ К.И. Фельдман, защищая новое соглашение с «буржуазией», писал: «...одно дело победить ген. Корнилова, а другое – разбить Корниловщину... Победить корниловщину может одна только твердая власть, в которой будут широко представлены все классы русской общности. Изжить корниловщину может одна только национальная политика, вдохновляемая пламенным порывом спасти революцию и защитить страну» [40].

Ликвидации «корниловщины» – но с помощью решительного ее подавления – требовали другие социалисты: «Корниловщина должна быть вырвана с корнем», – заявлял 4 сентября Исполком Западного фронта [16, л. 105]. О том же в разгар кризиса писала газета московских «правых» эсеров: «...если будет арестован Корнилов, если будет подавлен

этот мятеж против революции, корниловщина в целом еще не будет раздавлена. Ибо слишком много корниловцев останется на свободе и, затаив свою злобу и вражду к революции, они по-прежнему будут ткать свои сети, и ждут более удобного момента для нового покушения на революцию. И если только сплочением трудового народа удалось в данное время обособить мятежников, то, очевидно, и для дальнейшей борьбы с корниловщиной прежде всего необходима все та же сплоченность и единение в рядах демократии» [9].

Если одни социалисты призывали бороться с «корниловщиной», усиливая борьбу с «буржуазией», то «правые» социалисты предлагали новую коалицию – но и те, и другие рассматривали «корниловщину» как актуальную опасность.

Серьезность обвинений в адрес «корниловцев» в глазах части революционеров оправдывала применение насилия. Неудивительно, что 31 августа появились сообщения о том, что бывшие заключенные Шлиссельбургской тюрьмы создают особый «каторжный» батальон «Смерть корниловцам» [17, с. 56]. Атмосфера ненависти к «корниловцам» провоцировала политическое насилие; в Гельсингфорсе, Або и Выборге были убиты офицеры, заподозренные в сочувствии к Корнилову. Левые социалисты не оправдывали убийц, но объясняли их мотивы: «Когда убивали невинных или заподозренных офицеров, темную массу нельзя было остановить, потому что слово “Корнилов” давало кажущееся оправдание любым подозрениям и любым методам борьбы» [5].

Хотя чаще всего «корниловщиной» именовали события конца августа – начала сентября, но и впоследствии слово использовалось, в том числе и для характеристики следствия по делу Корнилова. Социалист, работавший в Ставке верховного главнокомандующего, писал: «...возникают опасения, что разветвления заговора будут отрезаны от корней и язва корниловщины по-прежнему будут разъедать армию». Автор встречал немало поклонников арестованного генерала: «...корниловщина не умерла, на это нельзя закрывать глаза» [7, т. 1, с. 98–99].

Часто осень 1917 г. именуют временем «большевизации». Это не вполне точно: влия-

ние партии возрастало, но это был не единственный канал политической радикализации: росло влияние левых эсеров, анархистов, максималистов, интернационалистов, радикальных национальных социалистов. Все чаще радикалов поддерживали и беспартийные в своем большинстве члены всевозможных комитетов и Советов. Радикализация имела и непартийные формы: обострялись социальные, этнические и религиозные конфликты. Многие современники, в том числе сторонники арестованного генерала Корнилова, описывали эти сложные процессы как «большевизацию».

Актуальной была и борьба вокруг Корнилова и его сторонников. Борцы с «корниловщиной» требовали предания «мятежников» военно-революционному суду. Эта чрезвычайная процедура могла повлечь быстрое вынесение смертного приговора без права его пересмотра. Сторонники генерала инициировали пропагандистскую кампанию в защиту Корнилова, которая переросла в кампанию по его прославлению. В начале октября генерал С.Л. Марков, находившийся под арестом, писал в дневнике: «Газеты переполнены нашим делом. Шум поднялся невероятный. Кер[енского] ругают все» [21, с. 81].

Некоторые политики заявляли о солидарности с генералом, публично называли себя «корниловцами». Н.В. Устрялов описывал атмосферу, царившую на совещании общественных деятелей в октябре: «Как популярен Корнилов среди всех этих элементов! И как быстро исчезают последние остатки популярности Керенского! Лицом к лицу остаются большевики и корниловцы. Не миновать соответствующих событий» [39, с. 151]. Устрялову могло запомниться выступление И.А. Ильина, который заявил: «...партия развала имеет сейчас своего вождя – А.Ф. Керенского, а вождем партии порядка должен был стать генерал Л.Г. Корнилов» [11]. Согласно другим отчетам, философ сказал: «Пришло время открыто сказать, что мы ныне – контрреволюционеры. Мы – корниловцы и контрреволюционеры!» [34].

Речь Ильина отражала важные политические процессы: противники Керенского, критиковавшие его справа, использовали слово «корниловцы» для самоназвания, противопос-

тавляя себя главе правительства, оппозиция Керенского и Корнилова была распространена осенью 1917 г. Генерал А.И. Деникин вспоминал: «Как бы то ни было, после августовских дней появился новый термин «корниловцы». Он применялся и в армии, и в народе, произносился с гордостью или возмущением, не имел еще ясных форм, ни строго определенного политического содержания, но выражал собою, во всяком случае, резкий протест против существовавшего режима и против того комплекса явлений, который получил наименование “керенщины”» [8, с. 81–82].

Термин «корниловщина» имел первоначально негативное значение, употребление его вызывало возражения у людей, симпатизирующих генералу. Автор кадетской «Речи» счел слово неточным и безвкусным [6]. Однако вскоре слово приобрело саркастический оттенок, обозначая «грандиозное, нелепейшее недоразумение», которое возникло вследствие безответственных действий Керенского. Автор консервативного «Нового времени» писал: «В результате всей “корниловщины” по отношению к самому Корнилову, согласно следственному производству, остается лишь обвинение в неисполнении распоряжений Временного правительства о сложении полномочий Верховного командования» [3].

Сторонники Корнилова использовали слово «корниловщина» для самохарактеристики. Генерал И.П. Романовский, находившийся в заключении вместе с Корниловым, сделал 4 октября запись: «Могут расстрелять Корнилова, отправить на каторгу его соучастников, но “корниловщина” в России не погибнет, так как “корниловщина” – это любовь к родине, желание спасти Россию, и эти высокие побуждения не забросать никакою грязью, не затоптать никаким ненавистникам России» [7, т. 2, с. 523].

Солидарность с «корниловщиной» встречалась и в публичных заявлениях. На казачьем Круге, состоявшемся 3 сентября в Новочеркасске, звучали слова: «Корнилов уничтожен, но пусть знают, что Корниловщина будет жить, т.е. спасение Родины в такой ужасный момент. Этого у нас никто не вырвет» [17, с. 182]. Для политических сил, считавших Корнилова «мятежником» и инициатором гражданской войны, это был явный вызов.

Для одних генерал, находившийся в заключении, оставался героем и вождем, для других он был мятежником, подлежащим наказанию. Такие настроения были распространены на фронте, их фиксировали правительственные комиссары различных армий: «...большинство солдат, с которыми мне пришлось беседовать, настаивают на применении смертной казни к изменникам генералу Корнилову и соучастникам его мятежа», – сообщал комиссар 11-й армии [36, л. 1].

«Дело Корнилова» создало новую дискурсивную ситуацию: страна делилась на «корниловцев» и их противников, в рядах последних не было согласия, но все они считали «корниловщину» наибольшим злом, а Корнилова – непримиримым врагом. Не было единства и у противников «большевизма», которых раскалывало разное отношение к «корниловцам».

Большевики успешно использовали риторические инструменты, созданные не только ими в дни «корниловщины». Разоблачения по «делу Корнилова» все больше затрагивали и Керенского, стало известно, что «корниловщине» предшествовало секретное соглашение генерала и главы Временного правительства, которое было направлено не только против большевиков, но и против Советов и комитетов, а значит против меньшевиков и социалистов-революционеров. Чернов критиковал Керенского и требовал дальнейшего расследования [41]. Руководство эсеров пыталось приостановить публикацию новых статей на эту болезную для партии тему, но полностью «замолчать» ее было невозможно. Разоблачения по «делу Корнилова» раскалывали умеренных социалистов. Это способствовало успеху большевиков и затрудняло положение Временного правительства.

Большевики все более расширительно использовали слова «корниловцы» и «корниловщина», применяя его и к тем силам, которые никак нельзя было заподозрить в симпатиях к Корнилову: любая политическая атака на большевиков рассматривалась ими как происки «корниловцев», чуть ли не каждый политический оппонент описывался как пособник «корниловщины». Эта тема стала важным инструментом политической мобилизации. Ленин назвал Керенского «корниловцем», рассорившимся с Корниловым случайно и продолжающим быть «...в интим-

нейшем союзе с другими корниловцами» [19, с. 250]. Лидер большевиков напоминал: «...Керенский был и остается самым опасным корниловцем...» [20, с. 349].

Большевики обвиняли Керенского в подготовке новой «корниловщины», «керенщина» описывалась как союзник «корниловщины»: «Это кольцо (Северный район) не только защищает Петроград от корниловщины и керенщины, но если понадобится, может выделить из себя подмогу Петрограду, имея в своих руках боевые и транспортные средства», – писала в конце сентября большевистская газета (цит. по: [27, с. 112]).

Керенского и «корниловцев» пропаганда левых социалистов обвиняла в развязывании гражданской войны. Резолюция, принятая рабочими нескольких предприятий Самары, гласила: «Рассматривая сдачу о. Эзеля и план сдачи Петрограда, как подготовку к новому корниловскому выступлению против революции со стороны международной буржуазии, помещиков и царских генералов, признавая, что мы переживаем момент начала открытия гражданской войны с буржуазией, мы заявляем, что самым решительным образом и средствами будем поддерживать революционный Петроград в его борьбе за захват власти в руки Советов» [2, с. 250–251].

Большевики обвиняли «личный режим» Керенского в том, что он спровоцировал «корниловщину» своим бездействием в предшествующие месяцы. Декларация большевистской фракции от 18 сентября, оглашенная на Демократическом совещании, гласила: «...после жалких деяний личного режима, приведшего непосредственного к корниловщине, перед движущими силами революции снова поставлен ребром вопрос о власти» [33, с. 59–60]. Резолюция обвиняла Временное правительство и в том, что оно готово было капитулировать перед Корниловым: «...Временное правительство навсегда опорочило себя перед судом народа и истории, в одной своей части – прямым пособничеством корниловщине, в другой – готовностью передать в руки Корнилова завоевания революции». Наконец, Керенский и его союзники обвинялись большевиками в подготовке гражданской войны: «Только тот, кто хочет вызвать гражданскую войну во что бы то ни стало, чтобы затем

обрушить ответственность за нее на рабочие массы и на нашу партию, может после всего проделанного опыта предлагать демократии заключение нового союза с контрреволюционной буржуазией» [33, с. 60, 63].

Готовясь к силовому противостоянию с правительством, Ленин и его сторонники обвиняли своих противников в подготовке гражданской войны, используя риторику, созданную и испробованную во время «корниловщины».

Результаты. Корнилов стал важным символом определенного политического течения, а слова «корниловцы» и «корниловщина» закрепились в политическом языке. Наметилось несколько непреодолимых линий раскола. Социалисты разного толка видели спасение страны в решительном подавлении «корниловцев». Не все были настроены столь радикально, однако и многие противники большевиков не могли представить себя союзниками «корниловцев».

Продолжали раздаваться и призывы к созданию единого фронта борьбы против «большевизма», но такое объединение было невозможно и в силу различного отношения к «корниловщине», и по причине расширительного толкования понятия «большевизм»: «большевиками» нередко именовали не только сторонников Ленина, но и умеренных социалистов, которые активно боролись с большевиками.

Линии раскола, возникшие в «корниловские дни», оставляли мало возможности для сил, пытавшихся в сложных условиях укрепить гражданский мир. Возрастали шансы тех, кто готовился к разрешению политических проблем силовыми методами.

Во время «корниловщины», в условиях кризиса, субъективно воспринимавшегося как уже начавшаяся гражданская война, были разработаны некоторые ключевые понятия языка гражданской войны. Эти слова оказались пригодными для легитимации политического насилия и описания разнообразных конфликтов, сложный комплекс которых образовал явление, вошедшее в историю как Российская гражданская война.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00369)

«Процессы легитимации насилия: культура конфликта в России и эскалация Гражданской войны»).

The research was supported by Russian Science Foundation (project No. 20-18-00369 “The processes of legitimization of violence: conflict cultures in Russia and the escalation of Civil War”).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беседа с Н. В. Некрасовым // Воля народа. – 1917. – 30 авг.
2. Блюменталь, И. И. Революция 1917–1918 гг. в Самарской губернии (Хроника событий). Самара, 1927. Т. 1 : 1917 год (март – декабрь) / И. И. Блюменталь. – Самара : Изд-во Самарского Губкома ВКП(б), 1927. – 442 с.
3. Б-т, Ф. Странности // Новое время. – 1917. – 24 сент.
4. В рабочих районах // Рабочий. – 1917. – 30 авг.
5. Вольский, Ст. Корниловщина // Новая жизнь. – 1917. – 30 сент.
6. Г-н М. К делу ген. Корнилова // Речь. – 1917. – 27 сент.
7. Дело генерала Л.Г. Корнилова: Материалы Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках (Август 1917 г. – июль 1918 г.) : в 2 т. – М. : МФД ; Материк, 2003. – Т. 1. – 565 с. ; Т. 2. – 590 с.
8. Деникин, А. И. Очерки русской смуты : в 2 т. / А. И. Деникин. – Минск : Харвест, 2002. – Т. 2. – 400 с.
9. Ив. Б-ов. Еще об корниловщине // Земля и воля. – 1917. – 31 авг.
10. Ив. Б-ов. О корниловщине и диктатуре // Земля и воля. – 1917. – 29 авг.
11. [Ильин, И. А.] Речь И.А. Ильина на 2-м московском совещании общественных деятелей // Утро России. – 1917. – 13 окт.
12. Каливас, С. Логика насилия в гражданской войне / С. Каливас. – М. : Фонд содействия актуальным историческим исследованиям Историческая память : Пятый Рим, 2019. – 780 с.
13. Канторович, В. В открытую // День. – 1917. – 30 авг.
14. Ко всем трудящимся, ко всем рабочим и солдатам Петрограда // Рабочий. – 1917. – 30 авг.
15. Колоницкий, Б. И. «Корниловщина» как «гражданская война»: использование понятия в условиях политического кризиса / Б. И. Колоницкий, К. В. Годунов // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2021. – № 3. – С. 78–87.
16. Копии протоколов заседаний членов Исполнительного комитета Западного фронта // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 35-П. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 103–107.
17. Корниловские дни: бюллетени Временного военного комитета при ЦИК Исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов с 28 авг. по 4 сент. 1917 г. – Пг.: Союз социалистов Нар. армии, 1917. – 189 с.
18. Ленин, В. И. В Центральном комитете РСДРП // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – Т. 34. – С. 119–121.
19. Ленин, В. И. О героях подлога и ошибках большевиков // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. – Т. 34. – С. 248–256.
20. Ленин, В. И. Письмо питерской городской конференции для прочтения на закрытом заседании // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. – Т. 34. – С. 347–350.
21. Марков, С. Л. «Я верю, что все будет хорошо, но боюсь – какой ценой?». Выдержки из дневника генерала С.Л. Маркова за 1917 г. / С. Л. Марков // Связь эпох. – 2018. – № 1. – С. 65–86.
22. Меньшевики в 1917 году. – М. : РОССПЭН, 1996. – 447 с.
23. Надгробный венок // Дело народа. – 1917. – 31 авг.
24. Огановский, Н. К тайным корниловцам / Н. Огановский // Воля народа. – 1917. – 31 августа.
25. Ольгин, В. Соглашение необходимо / В. Ольгин // Единство. – 1917. – 29 авг.
26. Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году: Протоколы и материалы заседаний. – СПб. : Бельведер, 2003. – 684 с.
27. Петров, М. А. Большевизация южных баз Балтийского флота в 1917 году / М. А. Петров. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1981. – 136 с.
28. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций (27 февраля – 25 октября 1917 года). Т. IV: 3 июля – 25 октября 1917 года. – М. : РОССПЭН, 2003. – 613 с.
29. Плеханов, Г. Что делать? / Г. Плеханов // Единство. – 1917. – 29 авг.
30. [Потресов, А. Н.] Да не будет этого! / А. Н. Потресов // День. – 1917. – 29 авг.
31. Потресов, А. Н. Урок событий / А. Н. Потресов // День. – 1917. – 30 авг.
32. Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота (1917–1918). – М. ; Л. : Изд-во Академии наук, 1963. – 479 с.
33. Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – 631 с.
34. Совет контр-революции // Дело народа. – 1917. – 15 окт.

35. Сорокин, П. Соучастники и вдохновители заговора / П. Сорокин // Воля народа. – 1917. – 30 авг.
36. Телеграмма комиссара XI армии А. Чеботило и помощника комиссара М. Цветкова военному министру, ЦИК, Совету крестьянских депутатов, верховному главнокомандующему, комиссару при ставке верховного главнокомандующего, комиссарам Северного, Западного, Юго-Западного, Румынского и Кавказского фронтов, комиссарам 1, 7 и Особой армий // Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2003. – Оп. 4. – Д. 36. – Л. 1–2.
37. Товарищи-граждане! // Труд. – 1917. – 29 авг.
38. Товарищи и Граждане // Известия Центрального Исполнительного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. – 1917. – 29 авг.
39. Устрялов, Н. В. Былое – революция 1917 г. (1890-е – 1919 гг.): Воспоминания и дневниковые записи / Н.В. Устрялов. – М.: АНКИЛ, 2000. – 246 с.
40. Фельдман, К. Время не ждет / К. Фельдман // Единство. – 1917. – 30 авг.
41. Чернов, В. Корнилов и корниловщина / В. Чернов // Дело народа. – 1917. – 3 сент.
42. Armitage, D. Civil Wars: A History in Ideas / D. Armitage. – New York: Alfred Knopf, 2017. – 349 p.
43. Skinner, Q. Motives, Intentions and the Interpretation of Texts // Meaning and Context: Quentin Skinner and His Critics. – Princeton: Princeton University Press, 1988. – P. 68–78.
44. Smith, S. Russia in Revolution: An Empire in Crisis, 1890 to 1928 / S. Smith. – Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 2017. – 455 p.

REFERENCES

1. Beseda s N.V. Nekrasovym [Conversation with N.V. Nekrasov]. *Volia naroda*, 1917, August 30.
2. Bliumental I.I. *Revoliutsiia 1917–1918 gg. v Samarskoi gubernii (Khronika sobytii)* [The Revolution of 1917–1918 in the Samara Province (Chronicle of Events)]. Samara, 1927. Vol. 1: 1917 god (March – December). Samara, Izd-vo Samarskogo Gubkoma VKP(b), 1927. 442 p.
3. B-t F. Strannosti [Oddities]. *Novoe vremia*, 1917, September 24.
4. V rabochikh raionakh [In Working-Class Areas]. *Rabochii*, 1917, August 30.
5. Volskii St. Kornilovshchina. *Novaia zhizn*, 1917, September 30.
6. G-n M. K delu gen. Kornilova [To the Gen. Kornilov Affair]. *Rech*, 1917, September 27.
7. *Delo generala L.G. Kornilova: Materialy Chrezvychainoi sledstvennoi komissii po rassledovaniu dela o byvshem Verkhovnom*

glavnokomanduiushchem generale L.G. Kornilove i ego souchastnikakh (Avgust 1917 g. – iul 1918 g.) [Materials of the Extraordinary Investigative Commission to Investigate the Case of the Former Supreme Commander-in-Chief General L.G. Kornilov and his Accomplices (August 1917–July 1918)]. Moscow, MFD, Materik Publ., 2003, vol. 1. 565 p., vol. 2. 590 p.

8. Denikin A.I. *Ocherki russkoi smuty: v 2 t. T. 2* [Essays on the Russian Troubles. In 2 Vols. Vol. 2]. Minsk, Kharvest Publ., 2002. 400 p.

9. Iv. B-ov. Eshche ob kornilovshchine [More About Kornilovshchina]. *Zemlia i volia*, 1917, August 31.

10. Iv. B-ov. O kornilovshchine i diktature [About Kornilovshchina and the Dictatorship]. *Zemlia i volia*, 1917, August 29.

11. [Ilin I.A.] Rech I.A. Ilina na 2-m moskovskom soveshchanii obshchestvennykh deiatelei [I.A. Ilyin's Speech at the 2nd Moscow Meeting of Public Figures]. *Utro Rossii*, 1917, October 13.

12. Kalivas S. *Logika nasiliia v grazhdanskoi voine* [The Logic of Violence in Civil War]. Moscow, Fond sodeistviia aktualnym istoricheskim issledovaniiam Istoricheskaiia pamiat; Piatyi Rim Publ., 2019. 780 p.

13. Kantorovich V. V otkrytiu [In the Open]. *Den*, 1917, August 30.

14. Ko vsem trudiashchimsia, ko vsem rabochim i soldatam Petrograda [To All the Working People, to All the Workers and Soldiers of Petrograd]. *Rabochii*, 1917, August 30.

15. Kolonitskii B.I., Godunov K.V. «Kornilovshchina» kak «grazhdanskaia voina»: ispolzovanie poniatiia v usloviakh politicheskogo krizisa [“Kornilovshchina” as a «Civil war»: the Application of the Concept in the Context of a Political Crisis]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*, 2021, no. 3, pp. 78–87.

16. Kopii protokolov zasedanij chlenov Ispolnitel'nogo komiteta Zapadnogo fronta [Copies of Minutes of Meetings of Members of the Executive Committee of the Western Front]. *Natsionalnyi arkhiv Respubliki Belarus* [National Archive of the Republic of Belarus], f. 35-P, op. 1, d. 2, l. 103–107.

17. *Kornilovskie dni: biulleteni Vremennogo voennogo komiteta pri TsIK Ispolnitelnogo komiteta Sovetov rabochikh i soldatskikh deputatov s 28 avg. po 4 sent. 1917 g.* [Kornilov Days: Bulletins of the Provisional Military Committee Under the CEC of the Executive Committee of the Soviets of Workers and Soldiers' Deputies from 28 Aug. to 4 Sep. 1917]. Petrograd, Soiuz sotsialistov Nar. armii, 1917. 189 p.

18. Lenin V.I. V Tsentralnyi komitet RSDRP [To the Central Committee of the RSDLP]. *Polnoe sobranie sochinenii*, vol. 34, pp. 119–121.

19. Lenin V.I. O geroiakh podloga i oshibkakh bolshevikov [About the Heroes of Forgery and the Mistakes of the Bolsheviks]. *Polnoe sobranie sochinenii*, vol. 34, pp. 248–256.

20. Lenin V.I. Pismo piterskoi gorodskoi konferentsii dlia prochteniia na zakrytom zasedanii [Letter of the St. Petersburg City Conference for Reading at a Closed Meeting]. *Polnoe sobranie sochinenii*, vol. 34, pp. 347-350.
21. Markov S.L. «Ia veriu, chto vse budet khorosho, no boius – kakoi tsenoi?». Vyderzhki iz dnevnika generala S.L. Markova za 1917 g. *Sviaz epokh*, 2018, no. 1, pp. 65-86.
22. *Mensheviki v 1917 godu* [The Mensheviks in 1917]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1996. 447 p.
23. Nadgrobnii venok [Tombstone Wreath]. *Delo naroda*, 1917, August 31.
24. Oganovskii N. K tainym kornilovtsam [To the Secret Kornilovtsy]. *Volia naroda*, 1917, August 31.
25. Olgin V. Soglasenie neobkhodimo [The Agreement is Necessary]. *Edinstvo*, 1917, August 29.
26. Peterburgskii komitet RSDRP(b) v 1917 godu: Protokoly i materialy zasedanii [The St. Petersburg Committee of the RSDLP(b) in 1917: Minutes and Materials of Meetings]. Saint Petersburg, Belveder Publ., 2003. 684 p.
27. Petrov M.A. *Bolshevizatsiia iuzhnykh baz Baltiiskogo flota v 1917 godu* [Bolshevization of the Southern Bases of the Baltic Fleet in 1917]. Leningrad, Izd-vo LGU, 1981. 136 p.
28. *Petrogradskii Sovet rabochikh i soldatskikh deputatov v 1917 godu. Protokoly, stenogrammy i otchety, rezoliutsii, postanovleniia obshchikh sobranii, sobranii sektiis, zasedanii Iсполnitelnogo komiteta i fraktsii (27 fevralia – 25 oktiabria 1917 goda). T. IV: 3 iulia – 25 oktiabria 1917 goda* [The Petrograd Soviet of Workers and Soldiers Deputies in 1917. Minutes, Transcripts and Reports, Resolutions, Resolutions of General Meetings, Meetings of Sections, Meetings of the Executive Committee and Factions (February 27–October 25, 1917). Vol. IV: July 3 – October 25, 1917]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003. 613 p.
29. Plekhanov G. Chto delat? [What to Do?]. *Edinstvo*, 1917, August 29.
30. [Potresov A.N.] Da ne budet etogo! [Let This not Happen!]. *Den*, 1917, August 29.
31. Potresov A.N. Urok sobytii [Event Lesson]. *Den*, 1917, August 30.
32. *Protokoly i postanovleniia Tsentralnogo komiteta Baltiiskogo flota (1917–1918)* [Protocols and Resolutions of the Central Committee of the Baltic Fleet (1917–1918)]. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akademii nauk, 1963. 479 p.
33. *Revoliutsionnoe dvizhenie v Rossii v sentyabre 1917 g. Obshchenatsionalnyi krizis* [The Revolutionary Movement in Russia in September 1917 Nationwide Crisis]. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1961. 631 p.
34. Sovet kontr-revoliutsii [The Council of Counter-Revolution]. *Delo naroda*, 1917, October 15.
35. Sorokin P. Souchastniki i vdokhnoviteli zagovora [Accomplices and Masterminds of the Conspiracy]. *Volia naroda*, 1917, August 30.
36. Telegramma komissara XI armii A. Chekotilo i pomoshhnika komissara M. Cvetkova voennomu ministru, CIK, Sovetu krest'janskikh deputatov, verhovnomu glavnokomandujushhemu, komissaru pri stavke verhovnogo glavnokomandujushhego, komissaram Severnogo, Zapadnogo, Jugo-Zapadnogo, Rumynskogo i Kavkazskogo frontov, komissaram 1, 7 i Osoboj armij [Telegram of the Commissar of the XI Army A. Chekotilo and Assistant Commissar M. Tsvetkov to the Minister of War, the Central Executive Committee, the Council of Peasant Deputies, the Supreme Commander-in-Chief, the Commissar at the Headquarters of the Supreme Commander, the Commissars of the Northern, Western, Southwestern, Romanian and Caucasian Fronts, Commissars of the 1st, 7th and Special Armies]. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv* [The Russian State Military Historical Archive], f. 2003, inv. 4, d. 36, l. 1-2.
37. Tovarishchi-grazhdane! [Fellow Citizens!]. *Trud*, 1917, August 29.
38. Tovarishchi i Grazhdane [Comrades and Citizens!]. *Izvestiia Tsentralnogo Iсполnitelnogo komiteta i Petrogradskogo Soveta rabochikh i soldatskikh deputatov*, 1917, 29 August.
39. Ustrialov N. V. *Byloe – revoliutsiia 1917 g. (1890-e – 1919 gg.): Vospominaniia i dnevnikovye zapisi* [The past – the Revolution of 1917 (1890s–1919): Memoirs and Diary Entries]. Moscow, ANKIL Publ., 2000. 246 p.
40. Feldman K. Vremia ne zhdet [Time is Running out]. *Edinstvo*, 1917, August 30.
41. Chernov V. Kornilov i kornilovshchina [Kornilov and Kornilovshchina]. *Delo naroda*, 1917, September 3.
42. Armitage D. *Civil Wars: A History in Ideas*. New York, Alfred Knopf, 2017. 349 p.
43. Skinner Q. Motives, Intentions and the Interpretation of Texts. *Meaning and Context: Quentin Skinner and His Critics*. Princeton, Princeton University Press, 1988, pp. 68-78.
44. Smith S. *Russia in Revolution: An Empire in Crisis, 1890 to 1928*. Oxford; New York, Oxford University Press, 2017. 455 p.

Information About the Authors

Boris I. Kolonitskii, Doctor of Sciences (History), Professor, European University at Saint Petersburg, Gagarinskaya St, 6/1 191187 Saint Petersburg, Russian Federation; Leading Researcher, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaya St, 7 197110 Saint Petersburg, Russian Federation, boris_i_kol@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9862-170X>

Konstantin V. Godunov, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, European University at Saint Petersburg, Gagarinskaya St, 6/1, 191187 Saint Petersburg, Russian Federation, kostyagodunov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1253-3886>

Информация об авторах

Борис Иванович Колоницкий, доктор исторических наук, профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге, ул. Гагаринская, 6/1, 191187 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, boris_i_kol@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9862-170X>

Константин Валерьевич Годунов, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Европейский университет в Санкт-Петербурге, ул. Гагаринская, 6/1, 191187 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, kostyagodunov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1253-3886>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.18>

UDC 94(47).084
LBC 63.3 (2)61

Submitted: 26.08.2021
Accepted: 14.03.2022

THE CIVIL WAR AND “NATIONAL ORTHODOXY” (BOLSHEVIK PERSECUTION OF ICONS AND RELICS OF SAINTS)¹

Pavel G. Rogozny

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article focuses on the church policy of the Bolsheviks during the Civil War in relation to “national Orthodoxy”, namely, the removal of icons and the opening of relics. *Methods and materials.* The removal of icons was legally formalized by the Bolsheviks in August 1918 in the instructions for distributing the decree on the separation of the church from the state. Icons were hung in schools, hospitals, factories and factories, in public places, but now they were all removed. The removal of the icons caused a protest of part of the population and even uprisings on “religious grounds”. The autopsy of the relics officially took place at the beginning of 1919. *Analysis.* In total, there are more than 60 autopsies of the relics of saints. They led to a huge shock to a significant part of the population of the believing population, where it was believed that the relics of saints must necessarily be incorruptible. However, during the autopsies of the relics, which took place in the presence of representatives of the clergy, scattered rotten bones, cotton wool, wire frames resembling the outlines of a person were found in the shrines of the saints. Despite the secret order of Patriarch Tikhon to remove foreign objects from the tombs of the saints, it was already too late, and the Church was accused of deceiving the population in order to receive money from the numerous pilgrims who came to the relics. The Bolsheviks decided to take this action in the conditions of the Civil War in order to demonstrate the deception that, in their opinion, came from church leaders. *Results.* If the action to remove the icons was unsuccessful and stretched over time, the results of the autopsy of the relics were used for a long time in atheistic propaganda. If the action of the Bolsheviks to remove the icons was explained by the word tolerance, which was incomprehensible to the people, then the opening of the relics was a successful campaign, since it beat according to the idea of “national Orthodoxy” that the relics of saints should be incorruptible.

Key words: Orthodoxy, Church, Civil War, “national Orthodoxy”, Bolsheviks, icons, relics, anticlericalism.

Citation. Rogozny P.G. The Civil War and “National Orthodoxy” (Bolshevik Persecution of Icons and Relics of Saints). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 4, pp. 203-214. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.18>

УДК 94(47).084
ББК 63.3(2)61

Дата поступления статьи: 26.08.2021
Дата принятия статьи: 14.03.2022

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И «НАРОДНОЕ ПРАВОСЛАВИЕ» (ГОНЕНИЯ БОЛЬШЕВИКОВ НА ИКОНЫ И МОЩИ СВЯТЫХ)¹

Павел Геннадьевич Рогозный

Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

© Рогозный П.Г., 2022

Аннотация. В статье основное внимание сосредоточено на церковной политике большевиков в период Гражданской войны в отношении «народного православия», а именно на снятии икон и вскрытии мощей. Снятие икон было законодательно оформлено большевиками в августе 1918 г. в инструкции по разъяснению декрета об отделении церкви от государства. Иконы висели в школах, больницах, на фабриках и заводах, в присутственных местах, теперь же они все снимались. Снятие икон вызвало протест части населения и даже восстания на «религиозной почве». Вскрытие мощей официально произошло в начале 1919 года. Всего насчитывается более 66 вскрытий мощей святых. Они привели к громадному потрясению значительной части верующего населения, где считалось, что мощи святых непременно должны быть нетленны. Однако

при вскрытиях мощей, которые происходили в присутствии представителей духовенства, в раках святых находили разрозненные гнилые кости, вату, каркасы из проволоки, напоминающие очертания человека. Несмотря на тайное распоряжение патриарха Тихона убрать из гробов святых посторонние предметы, было уже поздно, и Церковь обвинили в обмане населения с целью получения денег от многочисленных паломников, пришедших к мощам. Большевики в условиях Гражданской войны решились на эту акцию, чтобы продемонстрировать обман, который, по их мнению, исходил от церковных деятелей. Если акция по снятию икон была малоудачной и растянулась по времени, то результаты вскрытия мощей долго использовали в атеистической пропаганде. Если акция большевиков по снятию икон объяснялась непонятным для народа словом толерантность, то вскрытие мощей было удачной кампанией, так как оно било по представлению «народного православия» о том, что мощи святых должны быть нетленными.

Ключевые слова: Православие, Церковь, Гражданская война, «народное православие», большевики, иконы, мощи, антиклерикализм.

Цитирование. Rogoznyy P. G. Гражданская война и «народное православие» (гонения большевиков на иконы и мощи святых) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 203–214. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.18>

Введение. Говоря о Православной Церкви в период Гражданской войны, советские историки останавливались на ее, как они считали, контрреволюционной роли. В последнее время основное внимание исследователей сосредоточено на репрессиях большевиков. Не отрицая репрессивной составляющей, я сосредоточиваю свое внимание на политике новых властей к так называемому «народному православию», а именно законодательству и его реализации в отношении икон и мощей.

Важно отметить, что на религиозную политику большевиков большой отпечаток накладывала Гражданская война, которая охватила всю территорию бывшей Российской империи. Изначально большевики и вообще левые партии считали Православную Церковь своим врагом, а религиозность большей части населения рассматривали как данность, которую можно побороть с помощью просвещения.

Борясь с тысячелетними религиозными традициями в аграрной стране, большевики считали, что несут малограмотному народу свет освобождая от религиозных предрассудков «народного православия». Под «народным православием» я понимаю веру простого народа, которая сочетает в себе канонически-христианские, апокрифические и фольклорные элементы.

В исторической литературе считается, что термин «народное православие» впервые в печати употребил Д.Ф. Самарин в своей статье в 1918 году [18]. Он считал, что «народное православие» совершенно «самобыт-

но» и иногда «противоречит даже основным догматам» христианства [36, с. 75].

Иконы и мощи являются предметом особого христианского благоговения. Икона всегда играла огромную роль в религиозной жизни народа, и какое-либо непочтительное отношение к ней многими воспринималось как гонение на веру. Иконы висели не только дома в красном углу, но в любом частном и общественном месте. Они были в школьных классах, на фабриках и заводах, на вокзалах, в больницах, магазинах, в присутственных местах.

Мощи святых наряду с иконами всегда рассматривались в православии как исцеляющая и чудотворная сила, причем мощи в «народном православии» должны быть непременно нетленными. Интересно отметить, что мощи и иконы иногда соединялись вместе. По крайней мере существует практика вставки частицы мощей в наиболее ценные иконы.

Мощей в Российской империи было относительно мало для такой огромной территории, были районы, где мощей вообще не было. Специальных работ, посвященных гонениям большевиков на иконы, нет, вскрытию мощей, наоборот, посвящена большая литература [2; 17; 39].

Иконы и «народное православие». В декрете «об отделении церкви от государства и школы от церкви» про иконы ничего не говорилось. Законодательно гонения на иконы начались с 28 августа 1918 г., именно тогда Народный Комиссариат юстиции выпустил постановление «О порядке проведения в жизнь

декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви» [33, с. 11]. Постановление, или инструкция, как она именовалась, более подробно объясняла механизм проведения декрета.

В инструкции содержался пункт «О религиозных церемониях и обрядах», относительно которых говорилось, что «в государственных и в иных публично-правовых общественных помещениях безусловно не допускается совершение религиозных обрядов и церемоний (молебнов, панихид и проч.), помещение каких-либо религиозных изображений (икон, статуй религиозного характера и пр.)»². Таким образом снятие икон было узаконено.

Причем удаление икон большевики начали с символического акта. В Москве на Красной площади, на здании Городской думы, на месте иконы повесили большой плакат с надписью «Религия – опиум для народа» [23, с. 47].

Особенно большое недовольство снятием икон было зафиксировано в деревне. Так было в Томской губернии, где местные крестьяне постановили на волостном собрании «внести назад икону» в помещения волисполкома. Причем в этой же оперативной сводке сообщалось, что крестьяне вооружены, «имеют винтовки и даже пулеметы» [14, с. 245].

В одном из самых крупных крестьянских движений эпохи Гражданской войны, Западно-Сибирском восстании 1921 г., религия, как и в других движениях эпохи, играла трехстепенную роль. Как пишет современный исследователь: «Повстанческая пропаганда не слишком “злоупотребляла” религиозной тематикой» [37, с. 92]. Однако возврат икон в школы и другие общественные места был повсеместным. Местный чекист отмечал, что «как агитационным средством бандиты воспользовались также религиозностью населения... рассылая приказы о водворении святых икон в помещения сельских советов и всех других учреждениях, снятии шапок не только в учреждениях, но и частных домах» [37, с. 93].

По всей видимости, изъятие икон из школ растянулось и наталкивалось на непредвиденные ситуации. Так, видный деятель комиссариата просвещения и старая большевичка

Л.Р. Менжинская в 1919 г. на заседании Петербургского³ комитета большевиков заявила, что введение светского образования в Петрограде было очень непростым делом. «Я должна сказать, что даже питерские рабочие и даже красный Выборгский район всеми силами, противились этому. ... Несмотря на это, нам удалось добиться, чтобы из школ были изъяты иконы»⁴.

Причем на территориях, неконтролируемых новыми властями, распространялась информация, что большевики выпустили декрет, о налоге на кресты и иконы. То есть желающие носить кресты и иметь у себя дома иконы обязаны заплатить налог. Автором этого мифического декрета становится, конечно, Троцкий, который как будто «собственноручно» продвигает акцию по удалению икон [12, с. 18]. Причем слух о налоге на иконы был довольно стойкий. Он попал в прессу, в дневники и переписку современников. Бывший священник Михаил Галкин (Горев) называл слухи о принятии декрета о налогах на иконы «мифическим», ставя его в один ряд с декретом «о социализации женщин», тоже якобы действующим в Советской России [7, с. 28].

Трагический случай произошел в городе Трубчевске, где уездный комиссар Д.М. Раков «призвал» к себе икону Божьей Матери и во время молебна выстрелил в икону, а потом стал ее топтать ногами. Комиссар был пьян, и весть о расстреле иконы быстро распространилась по городу [1, с. 17]. Началось настоящее восстание, а сам комиссар был убит крестьянами. После этого восстание прекратилось, но все равно в городе объявили осадное положение. Следственная Губернская комиссия заключила, что массы не пошли за агитаторами, требующими свержения Советской власти, а «ограничились расправой над Раковым» [1, с. 18].

Занимавший тогда должность Московского окружного комиссара Емельян Ярославский сообщал в СНК в декабре 1918 г., что проведение декрета встречает особенно упорное сопротивление в деревне: «Целый ряд иногда кровавых столкновений происходит на почве того, что население противится выносу икон и предметов культа из школ». Местные советы, писал комиссар, «часто совсем не считаются с волей подавляющего большинства,

а иногда и с единогласной волей» [9, л. 116]. Касаясь изъятия икон, Ярославский писал, что в деревне процветает своеобразная форма взятки «за то, чтобы не трогать иконы... за икону Иисуса Христа берут пять рублей, за Богородицу меньше». В заключение он сообщал, что у него есть письма от коммунистов, которые задают один и тот же вопрос: «Есть ли смысл обострять отношения к крестьянской массе по такому вопросу?» [9, л. 116 об].

Изъятие икон рождало массу слухов, слухаев достоверных и не очень. Один из таких, по сообщению газет, произошел в Старой Руссе, когда икона Спаса Нерукотворного «старого письма, величиной около аршина», висевшая на «крыльце часовни», упала на голову агитатору во время произнесения им антирелигиозной проповеди. Причем, как говорили очевидцы, образ сорвался и проломил голову агитатору, который «через несколько часов умер» [38, с. 294]. Основной посыл таких «историй» – это наказание посмевавшихся говорить антирелигиозные вещи или выбросить икону.

Как это ни покажется странным, но никакие действия большевиков по отношению к православию не имели такой негативной реакции среди населения, как их политика по отношению к иконам. И большевики отступали.

Показательно, что и церковные власти были вынуждены идти на крайние меры по отношению к крестьянам, проявлявшим к чудотворным иконам слишком большое самоволье. Во время традиционного крестного хода с главной святыней Харькова, иконой Озерянской Божией Матери, крестьяне села Озерянки, находившегося около 10 верст от Харькова, где собственно было и отмечено в середине XVIII века явление этой иконы, отказались отдавать ее местному монастырю, где она и висела ранее. Причем никакие уговоры отдать икону назад не помогали, видимо, инициатива исходила от местного священника и других служителей деревенской церкви. Однако избранный на кафедру архиепископ Антоний (Храповицкий) действовал решительно, когда уговоры вернуть икону не помогли. Так, он не только запретил местного священника, но запретил вообще все богослужения в церкви села. Весной следующего 1918 г., будучи уже митрополитом Антоний прислал в Синод подробный рассказ об этой неординарной ис-

тории. По словам митрополита, крестьяне и местное духовенство, не отдававшие икону, руководствовались, не благочестием, а «корыстью» и вернули ее «не добровольно». Сам Антоний был уверен, что при сохранении традиции крестных ходов и обычая пребывания иконы в Овсянках, «прошлогодние скандалы будут повторяться». Опасался архиерей и за саму икону. «Путешествие в карете», писал он, по сельским путям в наше «смутное время», особенно «в Украине», небезопасно [30, л. 17–18 об.].

Хотя иногда в сельской местности отношение к иконам принимало, казалось бы, невероятный характер, особенно когда страна разделилась. Дело доходило до того, что противники, захватив какое-либо место, сжигали или расстреливали иконы своих врагов. Интересно, что так поступали и белые, и красные, и зеленые⁴ [21, с. 292]. Можно сказать, что это известная языческая практика уничтожения чужих богов, возрожденная в средневековом христианстве, появилась и во время Гражданской войны в России [11, с. 111–116]. Данный эпизод можно интерпретировать и так, что расстреливалась именно личная икона человека, занявшего «неправильную» позицию в период Гражданской войны. В народном православии связь человека с его личной иконой «довольно распространенный сюжет религиозных рассказов» [20, с. 595].

В январе 1919 г. был принят еще один циркуляр, который можно рассматривать как некоторое смягчение большевиками религиозной политики. Пункт пятый касался икон: «при удалении икон из общественных мест никоим образом не следует делать из этого антирелигиозной демонстрации. Вовсе не требуется, чтобы удаление это производилось в часы занятий в данном учреждении и в присутствии публики...» [29, с. 372].

Так, хорошо известная замена икон на портреты вождей началась сразу после того, как начали снимать иконы. Знакомый В.И. Ленина В. Крестовников писал ему в 1919 г., что в Москве, в Звенигородском монастыре, над воротами висела икона. «Теперь же на этом самом месте, над входом в бывший монастырь, в киоте на месте иконы, к которой обращались с благословением, в киоте, обложенном алой материей, вставлено Ваше изобра-

жение, а над ним красный флаг». Сам Крестовников считал, что если это «задумано с агитационной целью, то оно получило обратное значение... Я глубоко уверен, что Вы, уважаемый Владимир Ильич, сами отвернетесь и запротестуете, если Вас поставят на место “Бога” в буквальном смысле. Я не допускаю и мысли, чтобы Вы (Ваш портрет) согласились фигурировать как икона» [31, с. 61–62]. Случай замены икон на портреты вождей уже тогда был частым, причем настолько, что во Владимире в 1920 г. откровенно написали, что бюсты Ленина и Маркса им нужны, чтобы заменить иконы в общественном месте [15, с. 68].

А в Челябинской губернии в 1920 г., очевидно, когда иконы из школы уже изъяли, одна из учительниц принесла в школу икону Серафима Саровского и повесила ее в «красном углу», заявив при этом, что образ на иконе очень похож на Карла Маркса. Эта история в качестве курьеза была помещена в местной прессе [25, с. 411].

Мощи и «народное православие». Другой акцией новых властей, направленной против «народного православия», была знаменитая кампания по вскрытию мощей. Она действовала на основании постановления коллегии Народного комиссариата юстиции, принятого 16 февраля 1919 года. Известно более 66 случая вскрытия мощей, при этом лишь в 6 случаях мощи можно было назвать нетленными⁶.

Следует отметить, что вскрытие мощей сопровождалось большой разъяснительной кампанией, направленной именно к многочисленной крестьянской массе. Постоянно подчеркивалось, что «разоблачение векового обмана» направлено не против верующих, а против так называемых «поповских проделок»⁷, фальсификации нетления мощей с целью получения денежной прибыли.

По-видимому, поводом для начала кампании послужил случай в Александро-Свирском монастыре осенью 1918 года. Там, в раке св. Александра Свирского вместо мощей «случайно» была обнаружена, по сообщению большевиков, «кукла». Кто-то понял, что такой выгодный момент стоит использовать. Этим человеком был бывший православный священник Михаил Галкин, (псевдоним Го-

рев). Галкин, петроградский священник, который принимал активнейшее участие в написании декрета об отделении Церкви от государства и после, порвав с религией, стал атеистом и вступил в партию.

Нетление было одним из показателей святости. Постепенно в народном сознании этот показатель святости стал основным. Когда начались вскрытия, в гробницах святых обнаруживали муляжи, посторонние предметы, разрозненные кости, нетленных мощей почти не было. Говоря о нетлении в 1919 г. в самый разгар кампании по вскрытию мощей, Сергей Булгаков писал, что, когда именно «признак нетления занял такое неподобающее ему место», он сказать затрудняется. «В народном воззрении все св. мощи почитались как нетленное тело, и может быть, идя навстречу этому почитанию, св. мощам преднамеренно предавался вид целого тела и там, где его не было» [3, с. 53].

Вскрытие мощей вызывало непонимание и у части образованных людей. «К чему это проделывать? К чему разрушать поэзию жизни? Интеллигенция и без этого не верит мощам, но убедится ли простой народ» [28, с. 202, запись 31 марта 1919 г.]. Запись в дневнике Орешникова тем более интересна, что оставил ее искренне верующий человек.

Но большевики причины вскрытия мощей понимали. Ленин лично отдал распоряжение о демонстрации в кинематографах фильма, посвященного вскрытию мощей Сергея Радонежского: «Надо проследить и проверить, чтобы поскорее показали это кино по всей Москве» [19, с. 279]. Показывали этот фильм и в других городах, и, судя по всему, это кино пользовалось большим успехом. «На Арбатской площади тысячный хвост у кинематографа: говорят, показывают вскрытие мощей преподобного Сергия», – записал в свой дневник Н.М. Мендельсон. Фотографии с вскрытия мощей Сергия выставляли для всеобщего обозрения [24, запись 22 апр. 1919 г.].

Большевицкие агитационные поезда и пароходы возили с собой и показывали два документальных фильма – «Вскрытие мощей Тихона Задонского» и «Вскрытие мощей Сергия Радонежского». Так, например, агитационный пароход «Красная звезда» провел за одно плавание 196 киносеансов, на которых

побывало 225 тысяч человек. За 1919 и 1920 гг. агитпоезда провели 1962 киносеанса, на которых побывало более 2 миллионов человек [16, с. 117]. Большевики активно использовали новые методы пропаганды, не забывая при этом и старые. Кто по каким-то причинам не смог посмотреть кино, получал книжечку Мещерякова «Поповские проделки». Таким образом, агитация для народа могла разделяться для грамотных и неграмотных.

Профессор А.Д. Беляев записал в дневник: «На прошлой неделе 26[-го], 27[-го] и 28-го июля, пятн[ица], субб[ота] и воскр[есенье], расстрига Галкин в Художественном театре демонстрировал в кинематографе мощи Препод[обного] Сергия. Бесплатно. Не знаю, много ли или немного было народа. С месяц назад на его лекции о мощах, с воззванием сенсационным, “как они лгут”, народа было переполненный театр» [13, с. 248, запись 1 авг. 1919 г.]. Некоторые из духовенства, повторяя народный слух, начали говорить, что нетленные мощи скрылись или стали невидимы для осквернителей. Литературовед Н.М. Мендельсон, записывавший в свой дневник слухи, написал: «Последнее время в городе шли толки об своеобразном освидетельствовании мощей большевиками. Между прочим, будто бы один батя после освидетельствования, ничего «нетленного» не обнаруживший, заявил, что так и должно было быть: святыня перед приходом нечестивых «ушла». Говорят, на простонародье это произвело большое впечатление, и результат получился не тот, на который власти рассчитывали. Если все это верно, то батя умный: старая, бродячая легенда об исчезающей перед неверными святыне до сих пор может иметь власть над умами даже “социалистического” народа!» [24, запись 15 марта 1919 г.].

Вообще разговоры о подмене мощей были широко распространены в народе. Горький в одной из своих самых пронзительных работ, написанной в эмиграции о крестьянстве в Гражданской войне, писал, что опросил «не один десяток» очевидцев вскрытия. Одни говорили, что святые знали о поругании и «покинули свои гробницы и скрылись», другие говорили, что монахи намеренно «скрали» мощи, «вынули настоящие нетленные тела и заменили их чучелами» [8, с. 30]. Молодые и

грамотные крестьяне, согласно Горькому, признавали обман, говоря: «“Это хорошо сделано, – одним обманом меньше”. Но затем у них являются такие мысли, я воспроизвожу их буквально так, как они записаны мною. “Теперь, когда монастырские фокусы открыты – докторов надо пощупать и разных ученых – их дела открыть народу”» [8, с. 31]. А в Жабынском монастыре города Белева Тульской епархии при вскрытии раки месночтимого святого Макария вообще ничего не обнаружили. Мощей в раке не оказалось. Не оказалось их и когда раскопали могилу под ракой. Данный удивительный случай был зафиксирован как местными властями, так и настоятелем монастыря [4, с. 88]. Этот эпизод как бы подтверждал мнения части верующих селян, что святые специально исчезали и «не давались» в руки большевиков. «А вот батюшка Макарий, тот им совсем не показался. Рыли его могилу, рыли – так ничего и не нашли. Скрылся святитель Макарий от бесстыжих глаз», – записал крестьянский разговор современник [22, с. 46].

Но все равно главная опасность была в том, что Церковь обвиняли в обмане, и как будто бы первые результаты вскрытия давали такие основания.

Вскрытие и перемещение мощей Сергия Радонежского наиболее документированное событие во всей кампании по вскрытию мощей. Во-первых, оно наглядно продемонстрировало поколенческий разрыв в религиозности, – верили в основном пожилые, молодое поколение с равнодушием, а иногда с враждебным любопытством взирало на всю «мощеную» историю. Во-вторых, значительная часть защитников мощей были женщины – это хорошо отразил в своем дневнике свидетель вскрытия Сергей Дурюлин: «На площади служили молебны. Женщины пели. ...Это была кучка женщин, певших, молившихся, плакавших... Разделилась “россия”. Кучка – “Святая Русь”, остальные – Россия» [10, запись 1 апр. 1919 г.]. Это же самое «разделение», но совсем с другой стороны описал и Галкин. «Два мира сейчас столкнулись, две идеологии как будто говорят на разных языках» [6, с. 46].

Новые власти хотели полностью «ликвидировать» мощи, то есть изъять их из церк-

вей, однако, по словам большевиков, уничтожение «культы мертвых тел» растянулось по времени [34, с. 60].

Судьба мощей Александра Невского в Петрограде отличалась от судеб мощей в России в целом. Петроградский митрополит Вениамин (Казанский) осенью 1919 г. написал руководителю города Зиновьеву открытое письмо, в котором просил мощи не вскрывать и глава делегации от Вениамина официально заявил товарищу Зиновьеву, что «руководство петроградской епархии осуждает поддержку белых отдельными представителями духовенства и что митрополит решил лишать сана таких представителей духовенства» [27].

Это заявление петроградского духовенства и митрополита Вениамина сыграло свою роль. Кажется, это и есть причина, по которой мощи Александра Невского удалось отстоять почти до окончания Гражданской войны.

Не стали также вскрывать мощи Василия Мангазейского в Туруханске Енисейской епархии даже после окончания основных боев Гражданской войны, власти опасались «злостной агитации» [26, с. 67].

Безусловно, такую акцию, как массовое вскрытие мощей, организовали люди, причастные к Церкви. До прихода к власти они занимали различные мелкие должности в структурах Церкви и знали ее слабые места. «...Инициаторы подобных проектов являются т. Шпицберг, бывший присяжный поверенный и Галкин (бывший священник)», – писал А.Ф. Филиппов⁸ заведующий музейного отдела Наркомата просвещения Н. А. Седовой-Троцкой. Писал Филиппов и о распространении слухов, что гонитель христианства Шпицберг еврей. Хотя, по словам осведомленного Филиппова, это не так, а Галкин в бытность священником, по его словам, проявлял особый пиетет к мощам [32, с. 139–140].

Что касается Галкина, то действительно, в 1916 г., будучи священником, он явился инициатором перенесения частиц мощей и писал верноподданническое письмо великой княгине Елизавете Федоровне, где говорил, что его храм на Петроградской стороне получил «вдруг известность» благодаря перенесенным туда мощам, и к ним устремилась «непрерывная волна паломников» [29].

В любом случае, организаторы этой кампании хорошо учитывали «народную религи-

озность» и распространенное представление о мощах. В своей партийной автобиографии Михаил Галкин писал, что в 1921 г. даже работал над книгой «Возникновение культа мертвых», однако по каким-то причинам не сумел ее написать⁹ [35].

Результаты. Если в акции выноса икон из общественных мест большевики были неоригинальны и их законодательство в этом вопросе напоминает французское, то вскрытие мощей в таком количестве не имеет аналога в истории.

Акции большевиков, конечно, задумывались как секулярные и антиклерикальные, но иногда по мере своего развития принимали антирелигиозный характер.

И если кампания по снятию икон касалась личной религиозности части населения, то кампания по вскрытию мощей была направлена против Православной Церкви. Следует отметить гендерную и поколенческую составляющую у защитников икон и мощей и надо сказать, что служители Церкви чувствовали это. «...Все от тридцати лет и ниже, пожалуй, что уже ушли от Церкви... мы рискуем остаться с детьми и стариками», – грустно констатировал епископ Герман (Ряшенцов) [5, с. 98].

По крайней мере в двух местах, в Петрограде и Туруханске, местными властями было приостановлено вскрытие мощей. Тут повлияли как сговорчивость с властями местного духовенства, так и боязни всяческих эксцессов в период боев Гражданской войны.

Можно констатировать, что вынос икон, особо успешным не назовешь по причине многочисленных протестов крестьян и даже рабочих. Снятие икон объясняли религиозной толерантностью, мало понятной для народной среды.

Вскрытие же мощей было для властей настолько успешным, что его результаты использовали в атеистической пропаганде вплоть до начала перестройки. Не случайно, что вскрытие мощей произошло в самый разгар Гражданской войны, новая власть знала, что большинство духовных лиц сочувствовало Белому движению и широким массам было наглядно показано, кто обманывает простой народ и кто хочет сказать этому народу правду.

Следует отметить, что отношение большевиков к «народному православию» сочеталось с довольно жесткой политической лини-

ей и одновременно с тактической гибкостью по отношению к настроению широких масс.

Политика снятия икон и вскрытия мощей вписывалась в общее антиклерикальное и секулярное движение, проводимое новыми властями в период Гражданской войны и не рассматривалась большевиками как антирелигиозное. Представители же Церкви считали, что новые власти осуществляют настоящий поход против религии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00369 «Процессы легитимации насилия: культура конфликта в России и эскалация Гражданской войны».

The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 20-18-00369 “Processes of legitimization of violence: the culture of conflict in Russia and the escalation of the Civil War”.

² «Петербургский комитет РКП(б) в 1919 году. Протоколы и материала заседаний» (в печати).

³ Комитет партии большевиков назывался именно Петербургским. Переименование города большевики посчитали шовинистическим.

⁴ См.: примеч. 1.

⁵ «Сторож Ильинской церкви при приближении красных вынес из церковного подвала все самые древние семейные иконы водоозеров, сложил их в кучу и сжег. Окончание конфликта, с точки зрения водоозеров, было достигнуто тоже лишь после того, как победители (красные) вынесли из домов проигравших (белых) семейные иконы и расстреляли их» [21].

⁶ Не все вскрытия попали в журнал «Революция и церковь», в котором печатались протоколы вскрытий. Поэтому количество вскрытий в литературе может незначительно отличаться.

⁷ Именно так называлась известная статья в «Правде», Мещерякова расширенная версия которой выходила в виде брошюры 1919–1920 гг. по крайней мере три раза в Самаре, Харькове и Москве.

⁸ В рассматриваемое время А.Ф. Филиппов был председателем «Исполнительного комитета по делам духовенства России», созданной им провластной структуре которая пыталась наладить отношения между верующими и государством.

⁹ Галкин пишет, что по постановлению Оргбюро на год освобождался от работы в Наркомате юстиции для написания книги, но «выполнить это задание не удалось».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балько, Т. А. Расстрел Чолнской иконы Божьей Матери в г. Трубчевске Орловской губернии летом 1919 г. / Т. А. Балько // «Архонт»: электрон. науч. жур. – 2020. – № 5 (20). – С. 16–20. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rasstrel-cholnskoj-ikony-bozhiey-materi-v-g-trubchevske-orlovskoy-gubernii-letom-1919-goda/viewer> (дата обращения: 11.07.2021). – Загл. с экрана.

2. Белоусова, М. А. Нормативное регулирование кампании по вскрытию и ликвидации мощей в РСФСР 1919–1920 / М. А. Белоусова // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 6. – С. 25–35.

3. Булгаков, С. Н. О святых мощах (по поводу их поругания) / С. Н. Булгаков // Вестник русского христианского движения. – 1992. – № 166. – С. 50–65.

4. «...В киоте обложенном алой материей вставлено Ваше изображение...»: (воплощение в жизнь ленинского декрета об отделении церкви от государства) // Отечественные архивы. – 1993. – № 2. – С. 56–72.

5. Герасим (Дьячков), иеромонах. Белевский край. Очерки церковной истории XX–XXI веков / иеромонах Герасим. – М.: Свято-Владим. изд-во, 2010. – 574 с.

6. Герман (Ряшенцов) – Вере Тимофеевне. Январь 1921 г. // Письма Владыки Германа. Жизнеописание и духовное наследие священномученика Германа (Ряшенцова). – М.: Православ. Свято-Тихон. ун-т, 2020. – 352 с.

7. Горев, М. Троицкая лавра и Сергей Радонежский / М. Горев. – М.: Изд. народ. комиссариата юстиции, 1920. – 52 с.

8. Горев, М. По поводу одной делегации / М. Горев // Революция и церковь. – 1919. – № 2. – С. 28–29.

9. Горев-Галкин, М. В. // Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 17. – Оп. 100. – Д. 10902. – Без пагинации.

10. Горький, М. О русском крестьянстве / М. Горький. – Берлин: Изд-во И.П. Ладьяжников, 1922. – 45 с.

11. Дурьлин, С. Н. Троицкие записки / С. Н. Дурьлин // Наше наследие. – 2016. – № 118. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/11809.php> (дата обращения: 20.07.2021). – Загл. с экрана.

12. Земон-Девис, Н. Обряды насилия / Н. Земон-Девис // История и антропология. Междисциплинарные исследования на рубеже XX–XXI веков. – СПб.: Европ. ун-т в Санкт-Петербурге: Алетейя, 2006. – С. 111–162.

13. Иванов, Б. Н. Церковь и революция (публичная лекция) / Б. Н. Иванов. – Томск: [б. и.], 1919. – 19 с.

14. Из «дневника» профессора А.Д. Беляева // Богословский сборник. Вып. 6. К 75-летию со дня кончины святого Патриарха Тихона – М. : Изд-во Православ. Свято-Тихон. Богослов. ин-та, 2000. – С. 95–153.
15. Из оперативной сводки военных действий в Томской губернии. 23 июля 1920 г. // Из истории земли Томской. 1917–1921. Народ и власть : сб. док. и материалов. – Томск : Водолей, 1997. – 352 с.
16. Калужная, О. В. Антирелигиозная политика в 1918–1925 гг. во Владимирской губернии : (По материалам периодической печати) / О. В. Калужная. – Владимир ; Н. Новгород : [б. и.], 2020. – 339 с.
17. Карлявина, А. Н. Роль агитационных поездов и пароходов в антирелигиозной пропаганде большевиков в годы Гражданской войны / А. Н. Карлявина // Исторический журнал: научные исследования. – 2018. – № 3. – С. 111–119.
18. Кашеваров, А. Н. Советская власть и судьбы мощей православных святых / А. Н. Кашеваров. – СПб. : Крутицкое подворье, 2013. – 226 с.
19. Лавров, А. С. Колдовство и религия в России 1700–1740 / А. С. Лавров. – М. : Древлехранилище, 2000. – 576 с.
20. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 50 / В. И. Ленин. – М. : Полит. лит., 1970. – 585 с.
21. Листова, Т. А. Православная атрибутика в русской народной культуре / Т. А. Листова // Очерки русской народной культуры. – М. : Наука, 2009. – С. 575–614.
22. Логинов, К. К. Традиционный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты / К. К. Логинов. – М. : Рус. фонд содействия образованию и науке ; Петрозаводск : [б. и.], 2010. – 412 с.
23. Маслов, С. С. Россия после четырех лет революции. В 2 кн. Кн. 2 / С. С. Маслов. – Париж : Рус. печать, 1922. – 206 с.
24. Марцинковский, В. Записки верующего. Из истории религиозного движения в Советской России (1917–1923) / В. Марцинковский. – Новосибирск : Посох, 1994. – 398 с.
25. Мендельсон, Н. М. Дневник : (Избранное. Февраль 1917 – апрель 1928 г.) / Н. М. Мендельсон. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://gusoir.ru/president/president-works/president-works-237> (дата обращения: 22.07.2021). – Загл. с экрана.
26. Нарский, И. В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. / И. В. Нарский. – М. : РОССПЭН, 2001. – 620 с.
27. О запрещении вскрытия мощей Василия Мангазейского. Из протокола общего собрания Турхановской организации РКП(б). 1 июля 1921 г. // Религия и общество в приенисейской Сибири 1920–1930-е годы : сб. архив. док. и материалов. – Красноярск : Упр. общ. связей Губернатора Краснояр. края, 2011. – 398 с.
28. Обращение Петроградского митрополита Вениамина и делегации от духовенства и мирян Петроградской епархии к Зиновьеву // Петроградская правда. – 1919. – 18 сент.
29. Орешников, А. В. Дневник. 1915–1933. В 2 кн. Кн. 1 / А. В. Орешников. – М. : Наука, 2010. – 717 с.
30. Отделение церкви от государства : полн. сб. декретов РСФСР и СССР, инструкций, циркуляров и т. д. с разъяснениями V отдела НКЮста РСФСР / сост. П. В. Гидулянов. – М. : Юрид. изд-во НКЮста РСФСР, 1924. – 404 с.
31. О чудотворных иконах Божьей Матери // Российский государственный исторический архив. – Ф. 832. – Оп. 1. – Д. 78.
32. Переписка с Совнаркомом // Государственный архив Российской Федерации. – А-353. – Оп. 3. – Д. 696. – Л. 270.
33. Письмо А. Ф. Филиппова Н. И. Троцкой 5 сентября 1920 г. // Советское государство и религия 1917–1938 гг. Документы из Архива Государственного музея истории религии / сост. Е. М. Лучшев. – СПб. : Каламос, 2012. – С. 139–140.
34. Постановление НКЮ «О порядке проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви» (Инструкция) 24 августа 1918 г. // Вопросы истории религии и атеизма. – М. : АН СССР, 1958. – Т. 5 – С. 11–17.
35. Предложение Наркомата юстиции о ликвидации мощей во всероссийском масштабе 29 июля 1920 г. // Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы / ред. Я. Н. Щапов. – М. : Библиейско-богослов. ин-т св. апостола Андрея, 1996. – С. 60.
36. Самарин, Д. Богородица в русском народном православии / Д. Самарин // Русская мысль, 1918. – Кн. III–IV. – С. 1–38.
37. Цысь, В. В. Духовенство Русской Православной Церкви и Западно-Сибирское крестьянское восстание 1921 года / В. В. Цысь // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия: История Русской Православной Церкви. – 2018. – № 85. – С. 89–99.
38. Чудеса в наши дни // Тобольские епархиальные ведомости. – 1918. – № 18/19/20. – С. 294–296.
39. Greene, R. N. Bodies Like Bright Stars: Saints and Relics in Orthodox Russia / R. N. Greene. – DeKalb : Northern Illinois Univ. Press, 2009. – 299 p.

REFERENCES

1. Balyko T.A. Rasstrel Cholnskoj ikony Bozhej Materi v g. Trubchevske Orlovskoj gubernii letom 1919 g. [The Execution of the Cholnskaya Icon of the Mother of God in the Town of Trubchevsk, Oryol

Province, in the Summer of 1919]. *«Arxont»: elektron. nauch. zhurn.* [“Archon”. Electronic Scientific Journal], 2020, no. 5 (20), pp. 16-20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rasstrel-cholnskoj-ikony-bozhiey-materi-v-g-trubchevske-orlovskoj-gubernii-letom-1919-goda/viewer> (accessed 11 July 2021).

2. Belousova M.A. Normativnoe regulirovanie kampanii po vskrytiju i likvidacii moshhej v RSFSR 1919–1920 [Normative Regulation of the Campaign for the Opening and Liquidation of Relics in the RSFSR 1919–1920]. *Voprosy rossijskoj yusticii* [Issues of Russian Justice], 2020, no. 6, pp. 25-35.

3. Bulgakov S.N. O svyatyx moshhax (po povodu ix poruganiya) [About Holy Relics (About Their Desecration)]. *Vestnik russkogo xristianskogo dvizheniya* [Bulletin of the Russian Christian Movement], 1992, no. 166, pp. 50-65.

4. «...V kiote oblozhenom aloj materiej vstavleno Vashe izobrazhenie...»: (voploshhenie v zhizn' leninskogo dekreta ob otdelenii cerkvi ot gosudarstva) [“...Your Image is Inserted in the Icon Case Lined with Scarlet Cloth ...”: (Implementation of Lenin's Decree on the Separation of Church and State)]. *Otechestvennye arxivy* [Domestic Archives], 1993, no. 2, pp. 56-72.

5. Gerasim (Dyachkov), ieromonax. *Belevskij kraj. Oчерki cerkovnoj istorii XX–XXI vekov* [Belevsky Region. Essays on Church History of the XX–XXI Centuries]. Moscow, Svyato-Vladimirskoe izd-vo, 2010. 574 p.

6. German (Ryashenczov) – Vere Timofeevne. Yanvar 1921 g. [Vera Timofeevna. January 1921]. *Pisma Vladyki Germana. Zhizneopisanie i duxovnoe nasledie svyashhenomuchennika Germana (Ryashenczova)* [Letters from Vladyka Herman. Biography and Spiritual Heritage of the Hieromartyr Herman (Ryashentsov)]. Moscow, Pravoslav. Svyato-Tixon. un-t, 2020. 352 p.

7. Gorev M. *Troiczkaya lavra i Sergij Radonezhskij* [Trinity Lavra and Sergius of Radonezh]. Moscow, Izd. narod. komissariata yusticii, 1920. 52 p.

8. Gorev M. Po povodu odnoj delegacii [About one Delegation]. *Revoljucija i cerkov* [Revolution and the Church], 1919, no. 2, pp. 28-29.

9. Gorev-Galkin M.V. *Rossijskij gosudarstvennyj arxiv socialno-politicheskoj istorii* [Russian State Archive of Socio-Political History], f. 17, op. 100, d. 10902.

10. Gorkij M. *O russkom krestyanstve* [About the Russian Peasantry]. Berlin, Izd-vo I.P. Ladyzhnikova, 1922. 45 p.

11. Durylin S.N. Troiczkie zapiski [Trinity Notes]. *Nashe nasledie* [Our Heritage], 2016, no. 118. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/11809.php> (accessed 20 July 2021).

12. Zemon-Devis N. Obryady nasiliya [Rites of Violence]. *Istoriya i antropologiya. Mezhdisciplinarnye*

issledovaniya na rubezhe XX–XXI vekov [History and Anthropology. Interdisciplinary Research at the Turn of the 20th–21st Centuries]. Saint Petersburg, Evropejskij un-t v Sankt-Peterburge, Aletejja Publ., 2006, pp. 111-162.

13. Ivanov B.N. *Cerkov i revoljucija (publichnaya lekcija)* [Church and Revolution (Public Lecture)]. Tomsk, s. n., 1919. 19 p.

14. Iz «dnevnika» professora A.D. Belyaeva [From the “Diary” of Professor A.D. Belyaev]. *Bogoslovskij sbornik. Vyp. 6. K 75-letiju so dnja konchiny svjatogo Patriarha Tihona* [Theological Collection. Iss. 6. On the 75th Anniversary of the Death of the Holy Patriarch Tikhon]. Moscow, Izd-vo Pravoslav. Svjato-Tihon. Bogoslov. in-ta, 2000, pp. 95-153.

15. Iz operativnoj svodki voennyx dejstvij v Tomskoj gubernii. 23 iyulya 1920 g. [From the Operational Summary of Military Operations in the Tomsk Province. July 23, 1920]. *Iz istorii zemli Tomskoj. 1917–1921. Narod i vlast: sb. dok. i materialov* [From the History of the Land of Tomsk. 1917–1921. People and Power. Collection of Documents and Materials]. Tomsk, Vodolej Publ., 1997. 352 p.

16. Kalyuzhnaya O.V. *Antireligioznaya politika v 1918–1925 gg. vo Vladimirskoj gubernii: (Po materialam periodicheskoj pechati)* [Anti-Religious Policy in 1918–1925 in the Vladimir Province (According to the Materials of the Periodical Press)]. Vladimir, Nizhny Novgorod, 2020. 339 p.

17. Karlyavina A.N. Rol agitacionnyx poezdov i paroxodov v antireligioznoj propagande bol'shevikov v gody Grazhdanskoj vojny [The Role of Agitation Trains and Steamboats in the Anti-Religious Propaganda of the Bolsheviks During the Civil War]. *Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya* [Historical Journal: Scientific Research], 2018, no. 3, pp. 111-119.

18. Kashevarov A.N. *Sovetskaya vlast i sudby moshhej pravoslavnyx svyatyx* [Soviet Power and the Fate of the Relics of Orthodox Saints]. Saint Petersburg, Kruticzkoje podvoro Publ., 2013. 226 p.

19. Lavrov A.S. *Koldovstvo i religiya v Rossii 1700–1740* [Witchcraft and Religion in Russia 1700–1740]. Moscow, Drevlexranilishhe Publ., 2000. 576 p.

20. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij. V 55 t. T. 50* [Complete Works. In 55 Vols. Vol. 50]. Moscow, Polit. lit. Publ., 1970. 585 p.

21. Listova T.A. Pravoslavnaya atributika v russoj narodnoj culture [Orthodox Paraphernalia in Russian Folk Culture]. *Oчерki russoj narodnoj kultury* [Essays on Russian Folk Culture]. Moscow, Nauka Publ., 2009, pp. 575-614.

22. Loginov K.K. *Tradicionnyj cikl russkix Vodlozerya: obryady, obychai i konflikty* [The Traditional Cycle of Russian Vodlozero: Rituals, Customs and Conflicts]. Moscow, Rus. fond

sodejstvija obrazovaniju i nauke, Petrozavodsk, s. n., 2010. 412 p.

23. Maslov S.S. *Rossiya posle chetyrex let revolyucii. V 2 kn. Kn. 2* [Russia After Four Years of Revolution In 2 books. Book. 2]. Parizh, Rus. pechat Publ., 1922. 206 p.

24. Marcinkovskij V. *Zapiski veruyushhego. Iz istorii religioznogo dvizheniya v Sovetskoj Rossii (1917–1923)* [Believer's Notes. From the History of the Religious Movement in Soviet Russia (1917–1923)]. Novosibirsk, Posokh Publ., 1994. 398 p.

25. Mendelson N.M. *Dnevnik: (Izbrannoe. Fevral 1917 – april 1928 g.)* [Diary. (Selected. February 1917–April 1928)]. URL: <https://rusoir.ru/president/president-works/president-works-237> (accessed 22 July 2021).

26. Narskij I.V. *Zhizn v katastrofe. Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg.* [Life in Disaster. Everyday Life of the Population of the Urals in 1917–1922]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001. 620 p.

27. O zapreshhenii vskrytiya moshhej Vasiliya Mangazejskogo. Iz protokola obshhego sobraniya Turuxanovskoj organizacii RKP(b). 1 iyulya 1921 g. [On the Prohibition of the Opening of the Relics of Vasily Mangazeya. From the Minutes of the General Meeting of the Turukhanov Organization of the RCP(b). July 1, 1921]. *Religiya i obshchestvo v prienisejskoj Sibiri 1920–1930-e gody: sb. arxiv. dok. i materialov* [Religion and Society in the Yenisei Siberia in the 1920s–1930s. Collection of Archival Documents and Materials]. Krasnoyarsk, Upr. obshhestvennyh svyazej Gubernatora Krasnojarskogo kraja, 2011. 398 p.

28. Obrashhenie Petrogradskogo mitropolita Veniamina i delegacii ot duxovenstva i miryan Petrogradskoj eparxii k Zinovevu [Appeal of the Metropolitan of Petrograd Veniamin and the Delegation from the Clergy and Laity of the Petrograd Diocese to Zinoviev]. *Petrogradskaya pravda* [Petrogradskaya Pravda], 1919, September 18.

29. Oreshnikov A.V. *Dnevnik. 1915–1933. V 2 kn. Kn. 1* [A Diary. 1915–1933. In 2 Books. Book 1]. Moscow, Nauka Publ., 2010. 717 p.

30. *Otdelenie cerkvi ot gosudarstva: poln. sb. dekretov RSFSR i SSSR, instrukcij, cirkulyarov i t. d. s razyasneniyami V otдела NKJusta RSFSR* [Separation of Church and State. A Complete Collection of Decrees of the RSFSR and the USSR, Instructions, Circulars, etc. with Explanations of the V Department of the NKJUST RSFSR]. Moscow, Jurid. izd-vo NKJusta RSFSR, 1924. 404 p.

31. O chudotvornyx ikonax Bozhej Materi [About Miraculous Icons of the Mother of God]. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [Russian State Historical Archive], f. 831, op. 1, d. 78.

32. Perepiska s Sovnarkomom [Correspondence with the Council of People's Commissars].

Gosudarstvennyj arxiv Rossijskoj Federacii [State Archive of the Russian Federation], f. A-353, op. 3, d. 696.1. 270.

33. Pismo A.F. Filippova N.I. Troczkoj 5 sentyabrya 1920 g. [Letter from A.F. Filippov to N. I. Trotskaya September 5, 1920]. Luchshev E.M., ed. *Sovetskoe gosudarstvo i religiya 1917–1938 gg. Dokumenty' iz Arxiva Gosudarstvennogo muzeya istorii religii* [Soviet State and Religion 1917–1938. Documents from the Archives of the State Museum of the History of Religion]. Saint Petersburg, Kalamos Publ., 2012, pp. 139-140.

34. Postanovlenie NKYu «O poryadke provedeniya v zhizn' dekreta ob otdelenii cerkvi ot gosudarstva i shkoly' ot cerkvi» (Instrukciya) 24 avgusta 1918 g. [Decree of the NKJ “On the Procedure for Implementing the Decree on the Separation of the Church from the State and the School from the Shurch” (Instruction) August 24, 1918]. *Voprosy' istorii religii i ateizma* [On the History of the Separation of Church from State and School from Church in the USSR. Documents' and Materials'. Questions of the History of Religion and Atheism]. Moscow, 1958, pp. 11-17.

35. Predlozhenie Narkomata yusticii o likvidacii moshhej vo vsrossijskom mashtabe 29 iyulya 1920 g. [The Proposal of the People's Commissariat of Justice on the Liquidation of Relics on an All-Russian Scale on July 29, 1920]. Shhapov Ya.N., ed. *Russkaya pravoslavnaya cerkov i kommunisticheskoe gosudarstvo. 1917–1941. Dokumenty i fotomaterialy* [Russian Orthodox Church and the Communist State. 1917–1941. Documents and Photographic Materials]. Moscow, Biblejsko-bogoslov. in-t sv. apostola Andrey, 1996, p. 60.

36. Samarin D. Bogorodicza v russkom narodnom pravoslavii [Mother of God in Russian Folk Orthodoxy]. *Russkaya mysl* [Russian Thought], 1918, book 3-4, pp. 1-38.

37. Cys V.V. Duxovenstvo Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi i Zapadno-Sibirskoe krest'yanskoe vosstanie 1921 goda [The Clergy of the Russian Orthodox Church and the West Siberian Peasant Uprising of 1921 of the Year]. *Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serija: Istorija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. Series. History of the Russian Orthodox Church], 2018, no. 85, pp. 89-99.

38. Chudesa v nashi dni [Miracles in Our Day]. *Tobolskie eparxialnye vedomosti* [Tobolsk Diocesan Gazette], 1918, no. 18/19/20, pp. 294-296.

39. Greene R.N. *Bodies Like Bright Stars: Saints and Relics in Orthodox Russia*. DeKalb, Northern Illinois univ. press, 2009. 229 p.

Information About the Author

Pavel G. Rogozny, Candidate of Sciences (History), Researcher, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaya St, 7, 197110 Saint Petersburg, Russian Federation, rogozny@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5263-9170>

Информация об авторе

Павел Геннадьевич Рогозный, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, rogozny@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5263-9170>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.19>

UDC 94(470)«1918/1920»
LBC 63.3(2)5

Submitted: 04.12.2021
Accepted: 07.02.2022

THE MENNONITES IN THE CIVIL WAR (1918–1920s): SURVIVAL PRACTICES OF AN ETHNO-CONFESSIONAL GROUP

Tatjana P. Nazarova

Volgograd State Agrarian University, Volgograd, Russian Federation

Olga Yu. Redkina

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article examines the survival practices of the Mennonites during the Civil War (based on the materials of the European part of the Russian state). *Methods and materials.* The memoirs, letters and diaries of the Mennonites; analytical materials on the situation of the Mennonites, prepared by commissions of the RCP(b) were the source base of the study. The methodological basis of the research was formed by the principles of historicism and objectivity, as well as special-historical methods: historical-comparative, historical-genetic. *Analysis.* Analysis of the behavior of various regional groups of Mennonites during the Civil War revealed different practices of their response to wartime conditions and the nationwide crisis caused by them: political neutrality, the organization of self-defense units, active support of opposing forces, internal migration, emigration, attempts to preserve the traditional economic structure, mutual assistance. The following regional factors were identified that influenced the position of the Mennonites during the War: the brutality and proximity of hostilities; the land policy of the Bolsheviks and the acuteness of the agrarian question; the level of ethnophobia towards German-speaking citizens; the scale of repressions, confiscations; activities of the occupying German-Austrian forces, white governments, Makhnovist bands. *Results.* The article shows that in the south of Ukraine, where the Mennonites found themselves in the epicenter of fierce battles between Whites, Reds and Makhnovists, emigration abroad began earlier than in other regions; self-defense detachments acted in an organized manner. Ukrainian Mennonites took an active part in the activities of the German-Austrian and White armies. In other regions, the activities of self-defense detachments were less significant, instead of mass emigration abroad, the Mennonites chose internal migration to quieter areas in 1918–1920. T.P. Nazarova analyzed regional material on the development of Mennonite groups, revealed the nature of their relationship with warring political forces. O. Yu. Redkina analyzed historiography, considered the problem of the activities of the Mennonite self-defense units.

Key words: mennonites, Civil War, self-defense units, emigration, religious pacifism.

Citation. Nazarova T.P., Redkina O. Yu. The Mennonites in the Civil War (1918–1920s): Survival Practices of an Ethno-Confessional Group. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 4, pp. 215-224. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.19>

УДК 94(470)«1918/1920»
ББК 63.3(2)5

Дата поступления статьи: 04.12.2021
Дата принятия статьи: 07.02.2022

МЕННОНИТЫ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ (1918–1920 гг.): ПРАКТИКИ ВЫЖИВАНИЯ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ГРУППЫ

Татьяна Павловна Назарова

Волгоградский государственный аграрный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Ольга Юрьевна Редькина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются практики выживания меннонитов в период гражданской войны (по материалам европейской части российского государства). Источниковой базой исследования послужили воспоминания, письма и дневники меннонитов; аналитические материалы о положении меннонитов, подготовленные комиссиями РКП(б). Методологическую основу исследования составили принципы историзма и объективности, а также специально-исторические методы: историко-сравнительный, историко-генетический. Анализ поведения различных региональных групп меннонитов в годы гражданской войны позволил выявить разные практики их реагирования на условия военного времени и вызванный ими общенациональный кризис: политический нейтралитет, организация отрядов самообороны, активная поддержка противоборствующих сил, внутренняя миграция, эмиграция, попытки сохранения традиционного хозяйственного уклада, взаимопомощь. Были определены следующие региональные факторы, повлиявшие на позицию меннонитов в период войны: жестокость и близость военных действий; земельная политика большевиков и острота аграрного вопроса; уровень этнофобии в отношении немецкоговорящих граждан; масштаб репрессий, конфискаций; деятельность оккупационных германо-австрийских сил, белых правительств, махновских банд. В статье показано, что на юге Украины, где меннониты оказались в эпицентре жесточенных сражений между белыми, красными и махновцами, раньше, чем в других регионах началась эмиграция за рубеж; организовано действовали отряды самообороны. Украинские меннониты приняли активное участие в мероприятиях германско-австрийской и Белых армий. В других регионах деятельность отрядов самообороны была менее значительна, вместо групповой эмиграции за рубеж меннонитами была выбрана внутренняя миграция в более спокойные районы в 1918–1920 годы. *Вклад авторов.* Т.П. Назарова проанализировала региональный материал по развитию меннонитских групп, выявила характер их отношений с враждующими политическими силами. О.Ю. Редькина провела анализ историографии, рассмотрела проблему деятельности отрядов самообороны.

Ключевые слова: меннониты, гражданская война, отряды самообороны, эмиграция, религиозный пацифизм.

Цитирование. Назарова Т. П., Редькина О. Ю. Меннониты в Гражданской войне (1918–1920 гг.): практики выживания этноконфессиональной группы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 215–224. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.19>

Введение. Актуальным направлением в современной историографии стало изучение повседневной жизни общества, практик выживания и адаптации гражданского населения к условиям военного времени, влияния вооруженного конфликта на систему ценностей человека переходной исторической эпохи. В этом отношении особый интерес представляет опыт выживания российских меннонитов, чье мировоззрение, основанное на религиозных установках, аполитичности и неприятии насилия, претерпело в годы гражданской войны в России определенную трансформацию.

Участие меннонитов в гражданской войне в советской историографии оценивалось односторонне. Меннониты рассматривались как активные участники белогвардейской контрреволюции, которые на период войны «забыли» о своем пацифизме, повсеместно создавали отряды самообороны с целью уничтожения советской власти и в попытке вернуть утраченную собственность. А.Ф. Белимов и А.Н. Ипатов писали о нескольких тысячах меннонитов, сражавшихся с оружием в бело-

гвардейских частях, о меннонитском полке в армии Врангеля, о меннонитском отряде, воевавшем при Перекопе против Красной армии [2, с. 24; 11, с. 130–131].

В современной историографии подчеркивается изначальная тактика политического нейтралитета у меннонитов в годы гражданской войны. Лишь начавшиеся грабежи, реквизиции и массовые убийства заставили их создать отряды самообороны [1, с. 114; 17, с. 98]. Наиболее подробно исследовано положение украинских колоний в период гражданской войны. В работах зарубежных историков проанализированы этапы участия меннонитов юга Украины в войне; раскрыто разграбление немецких колоний махновцами, показаны жертвы среди мирного населения [2; 3; 5; 10; 13]. В меннонитской историографии преобладает мнение о том, что после октября 1917 г. большинство меннонитов готовилось к эмиграции, видя в ней единственный путь сохранения этноконфессии [28, р. 114–118].

Причины организации самообороны и ее реализацию авторы описывают по-разному в

зависимости от методологии и источников. Украинские историки акцентируют внимание на том, что в годы гражданской войны самооборона была вынужденной мерой с целью защиты жизни [1; 3]. Меннонитские авторы фактически подтвердили выводы советских историков о том, что меннониты прибегали к вооруженной борьбе и до гражданской войны с целью защиты своей собственности [25; 27].

Участие меннонитов в гражданской войне в регионах России, по сравнению с украинскими колониями, изучено слабо. Специальных исследований по этой теме нет, но данный аспект поднимается в монографиях и диссертациях, посвященных истории меннонитов в более широких хронологических рамках [8; 12; 17; 20; и др.]. Сравнительный анализ региональных практик выживания меннонитов в условиях гражданской войны не проводился.

Целью статьи является сравнительный анализ практик выживания меннонитов в условиях гражданской войны в различных регионах России (европейской части) и Украины. Для достижения этой цели были выявлены региональные факторы, повлиявшие на поведенческую практику меннонитов в военные годы; проанализированы хозяйственные показатели и степень развития кризиса в отдельных локальных группах; рассмотрено участие меннонитов в борьбе противоборствующих сил.

Методы и материалы. Основную группу документов составили источники личного происхождения (письма сотрудников иностранных гуманитарных миссий, воспоминания, письма и дневники меннонитов), хранящиеся в фондах Архива Mennonite Central Committee (далее – МСС), а также частично опубликованные в зарубежном меннонитском журнале «Наследие». Особый интерес представляют материалы из уникальной коллекции Архива МСС в г. Гошен США, которые ранее отечественными исследователями не использовались. В его фондах, помимо документов по деятельности МСС в разных регионах мира, в том числе в СССР, отложились письма российских и украинских меннонитов родственникам за рубежом, сотрудникам гуманитарных миссий и эмиграционных центров, в которых они подробно описывали свое бедственное положение в годы гражданской войны.

В партийных циркулярах и аналитических докладах, оценивающих положение меннонитских поселений, включались исторические справки, содержащие материал по истории меннонитства и акцентирующие внимание на его отношениях с царизмом, с белыми правительствами и оккупационными армиями в годы войны.

Методологическую основу исследования составили принципы историзма и объективности. В работе использовался историко-генетический метод, который помогает проследить положение меннонитских поселений от начала гражданской войны до ее окончания, выделить этапы вовлечения меннонитов в борьбу противоборствующих сил, оценить трансформацию в поведенческой практике данного общества. Историко-сравнительный метод позволил выявить общие и специфические черты в практиках выживания отдельных локальных групп меннонитов.

Анализ. Меннониты, поселившиеся в России во времена Екатерины II, и в начале XX в. оставались замкнутым этноконфессиональным сообществом со своим языком (платтдойч), традициями, протестантской религией и самобытным укладом жизни, обособленным от иноконфессионального окружения. К 1917 г. в Российской империи насчитывалось порядка 110 тыс. меннонитов, которые проживали локальными группами в Поволжье, Крыму, на Урале, Украине, Кавказе, Средней Азии и в Сибири. Отстаивая идеи пацифизма, это протестантское сообщество внесло огромный вклад в зарождение и развитие альтернативной службы в Российской империи, способствуя принятию соответствующего законодательства [9]. Отказ от участия в государственной и военной службе, последовательный пацифизм как базовые принципы мировоззрения меннонитов сформировали у них пассивное поведение в отношениях с властью и соседями. Основной реакцией меннонитов на возникающие угрозы их этнокультурной и религиозной целостности была эмиграция. Так было в Европе во времена Реформации, в Пруссии в конце XVIII в. в условиях ограничения земельных и религиозных прав меннонитов, в Российской империи в период введения всеобщей воинской повинности. Революционный кризис и гражданская война вновь остро по-

ставили вопросы выживания меннонитской этноконфессии в России.

В условиях смены власти в 1917 г. меннониты готовы были сохранять лояльность и законопослушность при любом режиме, но занимали непримиримую позицию в отношении военной службы, невмешательства государства в вопросы вероисповедания и системы обучения молодежи. В отношениях с большевиками меннониты в основном придерживались принципа «политического нейтралитета», лишь небольшая часть меннонитской молодежи, оторванная от своей среды, активно поддержала революционеров, что признавали не только советские, но и зарубежные исследователи [11, с. 133; 19, с. 80]. В составе Красной армии также встречались меннониты, о чем свидетельствует факт расстрела пяти меннонитов во время немецкой оккупации Украины за их революционную деятельность. По воспоминаниям евангельских миссионеров Русской палаточной миссии, даже среди махновцев были люди меннонитского происхождения, покинувшие свои общины, которые участвовали в расправе над своими соседями [19, с. 81]. Белые правительства Деникина, Врангеля тоже подвергали колонии реквизициям, но проводимая ими земельная политика, направленная на поддержку частной собственности и крупного землевладения, безусловно, находила более широкую поддержку среди меннонитов. Это свидетельствует о том, что единой позиции в отношении противоборствующих сил в годы гражданской войны у меннонитов не было. Поляризация мнений внутри сообщества стала следствием процессов социального расслоения в колониях к началу XX в. и нехватки земли при постоянном росте численности населения.

Масштабные военные действия, развернувшиеся в годы гражданской войны на территориях проживания меннонитов, подвергли серьезному испытанию их пацифистские убеждения. В регионах меннониты по-разному отреагировали на события гражданской войны, что обусловлено было степенью близости и тяжести боевых действий, характером межэтнических отношений, землеустроительной политикой местных властей, наличием или отсутствием оккупационных армий. В районах, находящихся под контролем боль-

шевиков, общим фактором в развитии меннонитских поселений стала жесткая налоговая политика власти, проводимая на местах, согласно декрету о единовременном чрезвычайном десятимиллиардном налоге на имущие слои населения от 30 октября 1918 года. Высокие урожаи, хорошее обеспечение земель и инвентарем в меннонитских поселениях в довоенное время способствовали распространению мнения об общей зажиточности их хозяйств, поголовному отнесению их к очагам кулачества и контрреволюции [21, л. 191]. Продовольственный и налоговой нажим на меннонитские селения проходил в условиях террора по отношению к жителям (проводились аресты, расстрелы, применялась система заложничества и насильственных конфискаций). Эти факты фиксируются во всех регионах. В дневниках Р.Д. Никеля, жителя Хортицы, был описан пример огромного выкупа (2 млн руб.), который пришлось собрать жителям за то, чтобы выволить из ареста церковного старшину Исаака Дика в феврале 1918 г. [22, р. 12].

Наиболее пострадавшими в годы гражданской войны следует признать украинских меннонитов. Их поселения находились в эпицентре боевых действий Белой, Красной, махновской армий, подвергались постоянным реквизициям и репрессиям, нападениям бандитских группировок, что нанесло непоправимый урон некогда процветающим хозяйствам. Региональной спецификой Украины был острый земельный голод и перенаселение, что привело к массовым захватам помещичьих и колониетских земель сразу после февральской революции. События гражданской войны спровоцировали резкий рост этнофобии и «революционного национализма» среди украинского крестьянства. На рост этнофобии повлияли несколько факторов. Во-первых, действия австро-немецких войск на занятых украинских территориях. Германское командование восстановило прежние порядки, вернуло захваченные земли и фабрики их владельцам, что вызвало недовольство крестьян и пробудило вновь антинемецкие настроения. Во-вторых, многие историки отмечают, что меннониты радушно встретили австро-немецкую оккупационную армию, помогая ей продовольствием, участвуя в ее карательных экспедициях в украинские села [1, с. 114; 13, с. 54]. С целью под-

держки германского правительства меннонитские и немецкие землевладельцы предоставили ему кредит в 30 млн рублей. В-третьих, общий правовой нигилизм, сопровождающий распад государственности, нерешенность аграрного вопроса, этническая и конфессиональная чересполосица региона, маргинализация значительной части населения – все это подогрело антинемецкие настроения и национальные предрассудки [10, с. 42]. В докладах Комиссии при Агитпропе ЦК по работе среди меннонитов причины особой жестокости махновцев по отношению к меннонитам объяснялись немного по-другому: беспощадная эксплуатация меннонитами-кулаками украинской бедноты, а также расширение владений немцев за счет украинских крестьян, поднятие цен на землю и аренду [18, л. 25].

Многие крестьяне поддержали террор махновцев в меннонитских селениях. Несмотря на интернационализм взглядов, Н. Махно, по оценкам Н.В. Венгер, проявлял особую жестокость в отношении меннонитов, которые были, по его мнению, не тружениками, а немцами-кулаками, которые к тому же были замечены в пособничестве оккупантам, с которыми боролись махновцы [5]. За весь период махновцами было расстреляно около 400 меннонитов, сиротами стали почти 800 детей [15]. Так, в одном только Хортицком районе, 4 меннонитских поселения было полностью разрушено отрядами Махно, мужское население было истреблено, остальные жители переселились в другие села [6, л. 54]. Обращает на себя внимание массовое убийство махновцами 1/3 жителей поселка Дубовка (Эйхенфельд) [4]. Это подтверждается и другими источниками. Как пишет в своих дневниках Генрих Эннс, житель соседней Хортицы, чья семья эмигрировала из России в 1924 г.: «Вечером 17 [октября 1919 г.] банда на лошадах вдруг окружила село в тщательно организованном, внезапном нападении. Они атаковали все усадьбы одновременно, так что жители не смогли предупредить друг друга. Они продолжали рубить в холодную кровь всех жителей поселка – более пятнадцати часов. Восемьдесят четыре человека потеряли свои жизни» (Отрывки из дневника Г. Эннса цит. по: [26, р. 43–44]). Всего было разорено порядка 15 поселений Николайпольской и Хор-

тицкой волостей, 7 колоний были полностью сожжены. Молочанские колонии в меньшей степени пострадали от махновцев и даже организовали сбор пожертвований для Хортицы.

Осенью 1918 – весной 1920 г. в разгар военных действий для вооруженного отпора махновским бандам украинские меннониты создают отряды самообороны. Добровольческая армия Деникина вооружала, обучала и использовала эти отряды в своих интересах. Таким образом, события гражданской войны оказали серьезное влияние на трансформацию основополагающего принципа меннонитского вероисповедания – принципа ненасилия и отказа от воинской службы. На специально созванной религиозной конференции в колонии Лихтенау по этому вопросу было принято компромиссное решение – религиозная община по-прежнему придерживалась четких пацифистских убеждений, но каждый меннонит в отдельности сам мог принять решение о том, как ему защищаться [1, с. 115]. Идея вооруженной самообороны не отражала единого мнения среди меннонитского сообщества и не получила широкого распространения в тех регионах, где меннониты меньше пострадали от военных действий. Так, известный евангелический проповедник Яков Дик открыто критиковал эти отряды и предостерегал меннонитов от «этого безумия» [19, с. 42].

Именно на Украине фиксируются первые попытки групповой эмиграции среди меннонитов, однако они не носили массовый характер. После отступления немецких оккупационных войск из Украины в ноябре 1918 г. около 70 семей меннонитов покинули страну. В составе остатков войск Врангеля из Крыма в Стамбул эмигрировало 200 меннонитов. Несмотря на тяжелейшие условия, в которых оказались украинские колонии, массовой эмиграции в годы войны среди них не было. Списки на организованный массовый выезд меннонитов за границу стали составляться на Украине только в 1922 году.

Меннонитские районы в европейской части РСФСР также переживали острый социально-экономический кризис, но масштаб военных действий был не таким сокрушительным, как на Украине. В Трудовой коммуне Области немцев Поволжья меннониты проживали в Кеппентальском районе Ровненского

уезда (колония Тракт). Меннонитам удалось сохранить свои большие земельные участки, серьезного сокращения земельной площади у них не было. Численность населения меннонитского района в 1918–1920 гг. росла за счет миграций с соседних мест. В эти годы меннонитский район находился под властью большевиков, поэтому основной проблемой стали постоянные реквизиции и жесткая продовольственная диктатура. Созданный в апреле 1918 г. Поволжский комиссариат по немецким делам призвал немецкое население к участию в продовольственном, гужевом обеспечении Красной армии, к мобилизации мужчин. Как и в других регионах, это приводило к жестким мерам, насильственным конфискациям и налогам контрибуций [8, с. 167–170]. В 1920 г. меннониты поставили в счет разверстки четверть своего урожая. Государственная ссуда на весенний посев 1921 г. составила лишь 2 тыс. пудов зерна, что, безусловно, было недостаточно для засеивания всей имеющейся земли [7]. Все это привело к тому, что меннониты Поволжья, также как и украинские единоверцы, взяли в руки оружие. Но, если украинские меннониты оружие использовали преимущественно против махновцев, не вступая в активную борьбу с большевиками, то часть поволжских меннонитов присоединилась к крестьянским восстаниям, охватившим весной 1921 г. все уезды немецкой автономии. Известно, что 11 меннонитов были расстреляны по приговорам военного трибунала за участие в восстании [24, р. 10]. Участие меннонитов в восстании свидетельствует о том, что не только грабежи махновских банд заставляли их братья за оружие, но и непосредственно социально-экономическая политика большевиков.

Иная ситуация складывалась в Самарских поселениях меннонитов. Вплоть до середины 1920-х гг. Александертальские колонии (Старая Самара) сохранили свои большие земельные наделы, доходившие до 150 десятин на двор [18, л. 25]. Отношение местной власти к ним было лояльным, межэтнических конфликтов не было. Здесь меннониты, меньше пострадавшие от военных действий, проявляют готовность сотрудничать с большевиками в области сельского хозяйства. Острый дефицит кадров – специалистов по сельскому

хозяйству, определил интерес земельных органов к религиозным группам, обладающим таким опытом. 29 октября 1920 г. Самарское ГЗУ просило НКЗ передать мобилизованных меннонитов в совхозы и мастерские по ремонту сельскохозяйственной техники в качестве работников. Меннониты Самарской губернии эту идею полностью поддержали [14, л. 1].

На Урале было сосредоточено 3 группы меннонитских поселений – Ново-Самарские, Оренбургские и Давлекановские колонии, общей численностью около 11,5 тыс. чел. к 1917 году. Линия фронта гражданской войны проходила через Белебей, поэтому Давлекановские меннонитские поселения стали прифронтовой территорией, часто переходили из рук в руки противоборствующих армий, подвергаясь постоянным реквизициям, артиллерийским обстрелам и грабегам. Меннонитские юноши были насильственно рекрутированы в армию Колчака, но порядка 30 человек из нее дезертировали, лишь под влиянием проповедников родители юношей смогли вернуть их в штаб белогвардейского корпуса. Этот случай был описан в воспоминаниях меннонитского учителя К.И. Фризена [11, с. 133].

Продовольственная диктатура большевиков 1919–1920 гг. и военные действия привели к упадку меннонитских хозяйств Урала. Продразверстка 1920 г. позволила засеять только 10 500 десятин, что составляло $\frac{1}{4}$ часть от размера посевных площадей 1917 г., в 2–3 раза сократилось количество скота и лошадей [16]. Хозяйственная разруха была вызвана не только военными и экономическими факторами, но и административно-политическими преобразованиями, связанными с переходом меннонитских поселений в состав Ток-Чуранского кантона Башкирской республики, которая представляла собой отсталый регион с неразвитым хозяйством и промышленностью. С этого времени именно на меннонитов легла вся тяжесть фактического содержания всех государственных учреждений. Действия администрации сопровождалась угрозами с применением оружия и организацией обысков. Меннониты страдали и от вражды к ним со стороны башкирского населения, которое в большинстве было бедным и активно участвовало в грабительских рейдах отряда братьев Габзелиловых в меннонитские поселения [20, с. 80–85].

На территории Северного Кавказа проживало 3 компактных группы меннонитов – в Терской, Кубанской областях и в Ставропольской губернии. Поселения на Тереке, находящиеся в окружение чеченцев и ногайцев, осенью 1917 г. подверглись набегам и разорениям со стороны горских народов. Именно здесь зарубежные исследователи фиксируют первые жертвы среди меннонитов в послеоктябрьский период. С октября 1917 по февраль 1918 г. от рук бандитов погибло 9 меннонитов [24, р. 10]. В результате все жители терских поселений покинули эти места и ушли на Кубань и на Украину. Положение Кубанских и Ставропольских колоний можно характеризовать как относительно стабильное.

В целом общее количество потерь среди меннонитов европейской части России и Украины в годы гражданской войны составило свыше 2 250 чел., то есть 2 % от общей численности колоний, что меньше уровня потерь среди всего населения бывшей Российской империи (порядка 13 %) [23, р. 38]. Большая часть человеческих жертв пришлась на Украину.

Результаты. Анализ практик выживания меннонитов в различных регионах страны в годы гражданской войны показал, что к ним мы можем отнести следующие формы – политический нейтралитет, организация отрядов самообороны, открытая активная поддержка противоборствующих политических сил, внутренняя миграция, эмиграция, попытки сохранения традиционного хозяйственного уклада, взаимопомощь. В годы гражданской войны эмиграция была вынужденной и не получила среди меннонитов широкого распространения, уезжали в основном те, кто активно поддержал оккупационные и Белые армии. Происходит поляризация политических настроений меннонитов, однако в РСФСР большинство из них продолжали придерживаться позиции «политического нейтралитета». Особенностью ситуации на Украине стала более активная вовлеченность меннонитов в противостояние разных политических сил. Незначительная часть меннонитов, в основном молодежи, оторвавшейся от своей общины, осознанно перешла на сторону большевиков и участвовала в войне в составе Красной армии, махновских отрядов. Большинство украинских меннонитов активно

поддержало германо-австрийскую и Белую армию. Идея вооруженной самообороны не отражала единого мнения среди меннонитского общества и не получила широкого распространения в тех регионах, где меннониты меньше пострадали от военных действий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безносков, А. И. К вопросу об участии немецких колонистов и меннонитов в гражданской войне на Юге Украины (1917–1918 гг.) / А. И. Безносков // Вопросы германской истории: Немцы в Украине : материалы Междунар. науч. конф. (Днепропетровск, 25–29 сент. 1995 г.). – Днепропетровск : ДГУ, 1996. – С. 112–125.
2. Белимов, А. Ф. Кто такие меннониты? / А. Ф. Белимов. – Фрунзе : Кыргызстан, 1967. – 60 с.
3. Бобылева, С. И. К вопросу о причинах трагических событий в меннонитских колониях юга Украины в годы гражданской войны / С. И. Бобылева // Вопросы германской истории : сб. науч. тр. – Днепропетровск : РИО ДНУ, 2005. – С. 96–114.
4. Браун Г.Дж. (Нью-Гальбштадт) – Миллеру А.Дж. (Американский Красный Крест, г. Симферополь), 28 июля 1920 г. // Архивное собрание Меннонитского центрального комитета (MCC Archives Collection). – IX-1-1. – B2-F10. – Pt. 1.
5. Венгер, Н. «Малорусский бунт» Нестора Махно и «немецкий вопрос» в России: социально-психологический анализ эскалации конфликта / Н. Венгер // Науковий вісник Миколаївського національного університету імені В.О. Сухомлинського. Вип. 3.30. Історичні науки : збірник наукових праць. – Миколаїв : [б. и.], 2011. – С. 199–218.
6. Доклад комиссии ВУЦИК по обследованию положения меннонитов и немцев-колонистов в Екатеринославской и Донецкой губерниях, 12 июля 1924 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 84. – Д. 794. – 60 л.
7. Доклад представителей меннонитов об условиях в немецких поселениях близ Саратова, 28 июля 1921 г. // MCC Archives Collection. – IX-1-1. – B2-F10. – Pt. 2.
8. Евсеев, Н. О. Меннониты в Саратовском Заволжье (1854–1941 гг.) : дис. ... канд. ист. наук / Евсеев Николай Олегович. – Саратов, 2016. – 312 с.
9. Ерохина, О. В. Лесные команды – альтернативная служба меннонитов в Российской империи до 1914 года / О. В. Ерохина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 3. – С. 68–78. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.3.6>

10. Живи и помни... История меннонитских колоний Екатеринославщины / под ред. С. И. Бобылевой. – Днепропетровск : ТОВ ВКФ «Оксамит-Текс», 2006. – 380 с.

11. Ипатов, А. Н. Меннониты. Вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности / А. Н. Ипатов. – М. : Мысль, 1978. – 213 с.

12. Нейфельд, Е. Я. Меннонитские поселения на Урале / Е. Я. Нейфельд // Немцы на Урале и в Сибири (XVI–XX вв.) : материалы науч. конф. «Германия – Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI–XX вв.» (сент. 1999 г.). – Екатеринбург : Волот, 2001. – С. 142–163.

13. Осташева, Н. В. На переломе эпох... Меннонитское сообщество Украины в 1914–1931 гг. / Н. В. Осташева. – М. : Готика, 2000. – 252 с.

14. Переписка НКЗ с СНК РСФСР // Российский государственный архив экономики. – Ф. 478. – Оп. 1. – Д. 575. – 98 л.

15. Письмо Т. Блока в Американский Красный Крест (Симферопольский Союз), июль 1920 г. // MCC Archives Collection. – IX-1-1. – B1-F1.

16. Письмо А. Фаста, И. Дика (Оренбург) зарубежным единоверцам в США, 5 декабря 1921 г. // MCC Archives Collection. – IX-1-1. – B3-F2.

17. Плохотнюк, Т. Н. Российские немцы на Северном Кавказе / Т. Н. Плохотнюк. – М. : Обществ. акад. наук рос. немцев, 2001. – 238 с.

18. Проект доклада о меннонитах, 1925 г. // РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 112. – Д. 776. – Л. 19–35.

19. Раймер, Й. Евангелизация перед лицом смерти: Яков Дик и Русская палаточная миссия / Й. Раймер. – Харзевинкель ; СПб. : Bild&Medien GmbH, 2002. – 175 с.

20. Тюлюлюкин, Е. Ф. Российские немцы в истории Оренбуржья (конец XIX – XX в.) / Е. Ф. Тюлюлюкин. – Оренбург : Пресса, 2006. – 194 с.

21. Циркуляр Екатеринославскому, Донецкому, Одесскому и Волынскому губкомам КП(б)У, 1923 г. // РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 60. – Д. 661. – Л. 188–195.

22. Ältester Isaak Dyck, 1847–1929, Servant of God / comp. by Delbert F. Plett // Preservings. – 2002. – № 21. – P. 7–22.

23. Epp, F. H. Mennonite Exodus: The Rescue and Resettlement of the Russian Mennonites Since the Communist Revolution / F. H. Epp. – Altona : Canadian Mennonite Relief and Immigration Council, 1962. – 571 p.

24. Letkemann, P. Mennonites in the Soviet Inferno, 1917–1956 / P. Letkemann // Preservings. – 1998. – № 13. – P. 10–11.

25. Loewen, H. H. Defending Mammon. Some Dilemmas of Mennonite Nonresistance in Late Imperial Russia and the Rise of the Selbstschutz / H. H. Loewen, J. Urry // Journal of Mennonite Studies. – 1991. – P. 34–53.

26. Neufeld, D. A Russian Dance of Death, Revolution and Civil War in the Ukraine / D. Neufeld. – Winnipeg : Hyperion Press, 1977. – 138 p.

27. Reimer, A. Sanitaetsdienst and Selbstschutz: Russian-Mennonite Nonresistance in World War I and its Aftermath / A. Reimer // Journal of Mennonite Studies. – 1993. – P. 135–148.

28. Toews, J. B. Czars, Soviets and Mennonites / J. B. Toews. – Newton, Kansas : Faith and Life Press, 1982. – 221 p.

REFERENCES

1. Beznosov A.I. K voprosu ob uchastii nemeckih kolonistov i mennonitov v grazhdanskoj vojne na Juge Ukrainy (1917–1918 gg.) [On the Participation of German Colonists and Mennonites in the Civil War in the South of Ukraine (1917–1918)]. *Voprosy germanskoj istorii: Nemcy v Ukraine: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Dnepropetrovsk, 25–29 sent. 1995 g.)* [The Questions of German history: Germans in Ukraine. Materials of an International Scientific Conference (Dnepropetrovsk, Sept. 25–29, 1995)]. Dnepropetrovsk, DGU Publ., 1996, pp. 112–125.

2. Belimov A.F. *Kto takie mennonity?* [Who are the Mennonites?]. Frunze, Kyrgyzstan Publ., 1967. 60 p.

3. Bobileva S.I. K voprosu o prichinah tragicheskikh sobytij v mennonitskikh kolonijah juga Ukrainy v gody grazhdanskoj vojny [To the Question of the Causes of the Tragic Events in the Mennonite Colonies of Southern Ukraine During the Civil War]. *Voprosy germanskoj istorii : sb. nauch. tr.* [Questions of German History. Collection of Articles]. Dnepropetrovsk, RIODNU, 2005, pp. 96–114.

4. Braun G.J. (N'ju-Gal'bshtadt) – Milleru A.J. (Amerikanskij Krasnyj Krest, g. Simferopol'), 28 ijulja 1920 g. [Brown G.J. (New Galbstadt) to Miller A.J. (American Red Cross, Simferopol), July 28, 1920]. *Arkhivnoye sobraniye Mennonitskogo tsentralnogo komiteta (MCC Archives Collection)* [MCC Archives Collection], IX-1-1, B2-F10, pt. 1.

5. Venger N. «Malorusskij bunt» Nestora Mahno i «nemeckij vopros» v Rossii: social'no-psihologicheskij analiz jeskalacii konflikta [“A Little Russian Revolt” by Nestor Makhno and the “German Question” in Russia: A Socio-Psychological Analysis of the Escalation of the Conflict]. *Naukovij visnik Mikolaïvs'kogo nacional'nogo universitetu imeni V.O. Suhomlins'kogo. Vip. 3.30. Istorichni nauki: zbirnik naukovih prac'* [Scientific Newsletter of the Mykolaiv National University of V.O. Sukhomlinsky. Vip. 3.30. Historical Sciences. Collection of Science Practices]. Mikolaïv, s. n., 2011, pp. 199–218.

6. Doklad komissii VUCIK po obsledovaniju polozhenija mennonitov i nemcev-kolonistov v

Ekaterinoslavskoj i Doneckoj gubernijah, 12 ijulja 1924 g. [Report of the All-Russian Central Executive Committee Commission to Survey the Situation of Mennonites and German Colonists in Yekaterinoslav and Donetsk Provinces, July 12, 1924]. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii* [The Russian State Archive of Social and Political History], f. 17, op. 84, d. 794. 60 l.

7. Doklad predstavitelej mennonitov ob uslovijah v nemeckih poselenijah bliz Saratova, 28 ijulja 1921 g. [Report of the Mennonite Representatives on the Conditions in the German Settlements Near Saratov, July 28, 1921]. *MCC Archives Collection*, IX-1-1, B2-F10, pt. 2.

8. Evseev N.O. *Mennonity v Saratovskom Zavolzh'e (1854–1941 gg.): dis. ... kand. ist. nauk* [Mennonites in the Saratov Trans-Volga Region (1854–1941). Cand. hist. sci. diss.]. Saratov, 2016. 312 p.

9. Erokhina O.V. Lesnye komandy – alternativnaia sluzhba mennonitov v Rossiiskoi imperii do 1914 goda [Forest Teams as an Alternative Service of the Mennonites in the Russian Empire Until 1914]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 3, pp. 68–78. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.3.6>

10. Bobyleva S.I., ed. *Zhivi i pomni... Istorija mennonitskikh kolonij Ekaterinoslavshhiny* [Live and Remember... History of the Mennonite Colonies of Yekaterinoslav Region]. Dnepropetrovsk, TOV VKF «Oksamit-Teks», 2006. 380 p.

11. Ipatov A.N. *Mennonity. Voprosy formirovaniya i jevoljucii jetnokonfessional'noj obshhnosti* [The Mennonites. Issues of Formation and Evolution of Ethno-Confessional Community]. Moscow, Mysl' Publ., 1978. 213 p.

12. Nejfel'd E.Ya. *Mennonitskie poselenija na Urale* [Mennonite Settlements in the Urals]. *Nemcy na Urale i v Sibiri (XVI–XX vv.): materialy nauch. konf. «Germanija – Rossija: istoricheskij opyt mezhregional'nogo vzaimodejstviya XVI–XX vv.» (sentjabr' 1999 g.)* [The Germans in the Urals and Siberia (XVI–XX Centuries). Materials of Scientific Conference “Germany–Russia: Historical Experience of Interregional Interaction of the 16th–20th Centuries”, September 1999]. Ekaterinburg, Volot Publ., 2001, pp. 142–163.

13. Ostasheva N.V. *Na perelome jepoh... Menonitskoe soobshhestvo Ukrainy v 1914–1931 gg.* [At the Turn of Epochs... The Mennonite Community of Ukraine in 1914–1931]. Moscow, Gotika Publ., 2000. 252 p.

14. Perepiska NKZ s SNK RSFSR [Correspondence Between the NKZ and the Council of People's Commissars of the RSFSR]. *Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki* [Russian State Archive of Economics], f. 478, op. 1, d. 575. 98 l.

15. Pis'mo T. Bloka v Amerikanskij Krasnyj Krest (Simferopol'skij Sojuz), ijul' 1920 g. [A T. Blok's Letter to the American Red Cross (Simferopol Union), July 1920]. *MCC Archives Collection*, IX-1-1, B1-F1.

16. Pismo A. Fasta, I. Dika (Orenburg) zarubezhnym edinovercym v SSHA, 5 dekabria 1921 g. [The Letter from A. Fast, I. Dick (Orenburg) to Foreign Co-Religionists in the USA, December 5, 1921]. *MCC Archives Collection*, IX-1-1, B3-F2.

17. Plohotnjuk T.N. *Rossijskie nemcy na Severnom Kavkaze* [The Russian Germans in the North Caucasus]. Moscow, Obshhestv. akad. nauk ros. nemcev, 2001. 238 p.

18. Proekt doklada o mennonitah, 1925 g. [Draft Report on the Mennonites, 1925]. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii* [The Russian State Archive of Social and Political History], f. 17, op. 112, d. 776, l. 19–35.

19. Rajmer J. *Evangelizacija pered licom smerti: Jakov Dik i Russkaja palatochnaja missija* [The Evangelization in the Face of Death: Jacob Dick and the Russian Tent Mission]. Harzevinkel'; Saint Petersburg, Bild&Medien GmbH Publ., 2002. 175 p.

20. Tjuljuljukin E.F. *Rossijskie nemcy v istorii Orenburzh'ja (konec XIX–XX v.)* [The Russian Germans in the History of the Orenburg Region (Late XIX–XX Centuries)]. Orenburg, Pressa Publ., 2006. 194 p.

21. Cirkuljar Ekaterinoslavskomu, Doneckomu, Odesskomu i Volynskomu gubkomam KP(b)U, 1923 g. [The Circular to the Yekaterinoslav, Donetsk, Odessa and Volyn Provincial Committees of the CP (b) U, 1923]. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii* [The Russian State Archive of Social and Political History], f. 17, op. 60, d. 661, l. 188–195.

22. Delbert F. Plett, ed. Ältester Isaak Dyck, 1847–1929, Servant of God. *Preservings*, 2002, no. 21, pp. 7–22.

23. Epp F.H. *Mennonite Exodus: The Rescue and Resettlement of the Russian Mennonites Since the Communist Revolution*. Altona, Canadian Mennonite Relief and Immigration Council, 1962. 571 p.

24. Letkemann P. Mennonites in the Soviet Inferno, 1917–1956. *Preservings*, 1998, no. 13, pp. 10–11.

25. Loewen H.H., Urry J. Defending Mammon. Some Dilemmas of Mennonite Nonresistance in Late Imperial Russia and the Rise of the Selbstschutz. *Journal of Mennonite Studie*, 1991, pp. 34–53.

26. Neufeld D. *A Russian Dance of Death, Revolution and Civil War in the Ukraine*. Winnipeg, Hyperion Press, 1977. 138 p.

27. Reimer A. Sanitaetsdienst and Selbstschutz: Russian-Mennonite Nonresistance in World War I and its Aftermath. *Journal of Mennonite Studies*, 1993, pp. 135–148.

28. Toews J.B. *Czars, Soviets and Mennonites*. Newton, Kansas, Faith and Life Press, 1982. 221 p.

Information About the Author

Tatjana P. Nazarova, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Philosophy, History and Law, Volgograd State Agrarian University, Prosp. Universitetsky, 26, 400002 Volgograd, Russian Federation, hist_tatyana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1701-9237>

Olga Yu. Redkina, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, redkina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8978-9575>

Информация об авторе

Татьяна Павловна Назарова, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, истории и права, Волгоградский государственный аграрный университет, просп. Университетский, 26, 400002 г. Волгоград, Российская Федерация, hist_tatyana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1701-9237>

Ольга Юрьевна Редкина, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, redkina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8978-9575>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.20>

UDC 930:388.14“1917–1918”
LBC 63.3(2)61

Submitted: 07.09.2021
Accepted: 28.11.2021

“ONLY BAD WITH THIS CIVIL WAR”: REPRESENTATION OF THE EVENTS OF 1917–1918 IN CHILDREN’S NARRATIVES

Alexander Yu. Rozhkov

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract. Introduction. Our understanding of the life of children during the Civil War is largely based on two sets of published documents: the essays of immigrant children, written abroad in 1924–1925, and personal documents of the children of the Petrograd nutritional colony, who made forced trip around the world in 1918–1921, about whom the book by O.I. Molkina. Therefore, any new sources in this area are very valuable. The purpose of the article is to reconstruct the images of childhood during the period of civil confrontation through the interpretation of the collection of “children’s letters” written in 1917–1918. **Methods.** The study is based on methodological developments in the study of “children’s” texts created by A. A. Salnikova. Based on the objectives of the study, the analysis of 54 selected narratives of children and adolescents (1917–1918) was carried out within the methodological framework of interpretive approach based on “understanding” reading of “children’s letters” through an unformalized analysis of their texts. **Analysis.** As a result of the analysis of the texts of letters of children and adolescents, the main thematic topics of correspondence were revealed, which made it possible to structure the texts of children’s letters. The identified thematizations were grouped into nine blocks: “war”, “revolution”, “deprivation”, “children”, “adults”, “life”, “protest”, “study”, “feelings / emotions”. The scope and objectives of the article allow to focus only on the first three blocks. Unlike the essays written by children in exile, many of the authors of the letters we studied belonged to a completely different social environment – the families of the Russian intelligentsia, who positively perceived the revolution, sympathizing with the Bolsheviks or being in their ranks. **Results.** Analysis of “children’s letters” 1917–1918 showed that there is no single children’s discourse about the Civil War. At least two diametrically opposite children’s discourses – “emigrant” and “revolutionary”, are quite clearly observed. The second discourse was presented in this work.

Key words: Civil war, revolution, Russia, 1917–1918, “children’s texts”, children’s narratives, children’s discourse about the war.

Citation. Rozhkov A. Yu. “Only Bad With This Civil War”: Representation of the Events of 1917–1918 in Children’s Narratives. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 4, pp. 225–238. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.20>

УДК 930:388.14“1917–1918”
ББК 63.3(2)61

Дата поступления статьи: 07.09.2021
Дата принятия статьи: 28.11.2021

«ТОЛЬКО ПЛОХО С ЭТОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНОЙ»: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОБЫТИЙ 1917–1918 ГГ. В ДЕТСКИХ НАРРАТИВАХ

Александр Юрьевич Рожков

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. Наши представления о жизни детей во время Гражданской войны во многом основаны на двух комплексах опубликованных документов – сочинениях детей-эмигрантов и личных документах детей Петроградской питательной колонии, совершивших вынужденное кругосветное путешествие в 1918–1921 годах. Любые новые источники могут дать новое прочтение как самого исторического периода противостояния, так и его отображения детьми. Цель статьи – реконструировать образы детства в период гражданского противостояния через интерпретацию обнаруженной в Научном архиве Российской академии образования коллекции «детских писем», написанных в 1917–1918 годах. Исследование опирается на методологические наработки

А. А. Сальниковой по изучению «детских» текстов. Анализ нарративов детей и подростков (1917–1918 гг.) проведен в методологических рамках интерпретативного подхода, основанного на «понимающем» прочтении «детских писем» путем неформализованного анализа текстов. Предпочтение отдано «реалистическому» подходу к качественному исследованию по Д. Силвермену и «тематической» модели анализа по методологии К. Риссмана. В результате анализа текстов писем детей и подростков выявлены основные тематизации переписки, что позволило структурировать тексты детских писем. Для удобства обработки текстовой информации выявленные тематизации были сгруппированы в девять блоков: «война», «революция», «лишения», «детское», «взрослые», «жизнь», «протест», «учеба», «чувства / эмоции». Рамки статьи позволяют сосредоточиться только на первых трех блоках. В отличие от сочинений, написанных детьми в эмиграции, многие авторы изученных нами писем принадлежали совсем к другой социальной среде – семьям русской интеллигенции и рабочих, позитивно воспринявших революцию, сочувствовавших большевикам либо состоявших в их рядах. Для большинства этих детей «моментами эпифании» стали революция и война. Правомерно утверждать, что не существует единого детского дискурса о Гражданской войне. К описанному ранее «эмигрантскому» детскому дискурсу добавился диаметрально противоположный – «революционный». Различие дискурсов имеет место в большей мере относительно описания субъективного опыта и личных оценок политических и военных событий.

Ключевые слова: Гражданская война, революция, Россия, 1917–1918 гг., «детские тексты», детские нарративы, детский дискурс о войне.

Цитирование. Рожков А. Ю. «Только плохо с этой Гражданской войной»: репрезентация событий 1917–1918 гг. в детских нарративах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 225–238. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.20>

Введение. Несмотря на обширную историографию о Гражданской войне в России, мы до сих пор мало знаем о положении и переживаниях детей в период ожесточенного гражданского противостояния. Речь идет не только о детях враждующих сторон, но в широком смысле о детях России как одной из самых пострадавших половозрастных групп, «застигнутых революцией» (Х. Раппапорт). Здесь вполне применимы оценки Ш. Фицпатрик, данные Русской революции и Гражданской войне: «То, что для одних было освобождением, для других обернулось бедой и трагедией» [30, с. 7].

В свете «нарративного» и «интерпретативного поворота» в историографии мы исходим из нового ракурса взгляда на проблему гражданского противостояния, который очень точно сформулирован И.С. Коном: «Если до сих пор ученые смотрели на детство глазами взрослых, то теперь они хотят перевернуть угол зрения, рассмотреть взрослый мир сквозь призму детского восприятия» [9, с. 62]. Этот подход инициировал обращение историков к «детским текстам». К последним относятся нарративы, созданные непосредственно детьми, в отличие от текстовых источников о детстве, созданных взрослыми, – «текстов о детях» и «текстов для детей». Детское авторство определяет содержание, жанр, структу-

ру и стиль «детских» текстов [20, с. 117]. Соответственно, под нарративом нами понимается любой повествовательный («осюжеченный») текст, функция которого – информировать адресата о событиях.

За последние десятилетия наибольшую известность приобрели два комплекса документов такого характера о Гражданской войне. Прежде всего, это жизненные истории детей, покинувших Родину, – по их сочинениям, написанным в эмиграции [6]. Несколько позднее вышла в свет книга О.И. Молкиной [11] и были опубликованы некоторые документы (письма, дневники, воспоминания, фотографии) [16] о детях Петроградской питательной колонии, которые, убегая от войны, совершили вынужденное кругосветное путешествие в 1918–1921 годах. Однако эти документы, при всей их уникальности и пронзительности, опубликованы и сравнительно хорошо изучены. Поэтому любые новые источники в этой области могут дать новое прочтение как самого исторического периода противостояния, так и его отображения детьми.

Цель статьи – реконструировать образы детства в период гражданского противостояния через интерпретацию корпуса «детских писем» 1917–1918 гг., обнаруженных нами в НА РАО. В конкретные задачи исследования входит понимание на основе изучения жиз-

неописаний детей того, как они воспринимали и переживали этот непростой для них и их семей исторический период, как репрезентировали его в своих письмах, какие значения придавали своему жизненному опыту. При этом мы, вслед за И.С. Коном, стремимся к рассмотрению этих жизнеописаний не как биографий детей «вообще» в период «жизни в катастрофе» (И.В. Нарский), а как историй мальчиков и девочек [8, с. 17].

Судя по изученным «детским» текстам, именно в этот период у многих детей начинался «потерянный рай» в связи с болезнями или смертью родителей, эпидемиями, голодом, утратой домашнего очага и Родины.

Методы и материалы. Проблема детства в условиях гражданского противостояния в России начала XX в. привлекает все большее внимание со стороны историков. Появляются работы о социальных проблемах детей и опыте их преодоления в Советской России [25; 29] и русском зарубежье [10; 12]. Фундаментальный труд К. Келли о российском детстве также не обошел вниманием эту тему [33]. Вопросы восприятия детьми событий Гражданской войны нашли отражение в работах В.Б. Аксенова и П.П. Щербинина [1; 32]. Интересные результаты анализа детских рисунков начала гражданского противостояния в России представлены учеными из Санкт-Петербурга [13]. Это исследование продолжает традицию изучения детских свидетельств периода революции и Гражданской войны, которая начала складываться в первой половине 1920-х гг. в виде отдельных публикаций педагогов и педологов (включая работы В.С. Воронова [3; 4]). В последние годы историография исследуемой проблемы активно расширяется благодаря новаторским исследованиям А.А. Сальниковой. В ряде своих публикаций известный историк из Казани рассматривает «детские» тексты через призму восприятия детьми революции и гражданского противостояния как катастрофы [18; 21]. В других своих работах она выбирает предметом исследования нарративы детей в качестве источника по истории революции и раннего советского общества [23], а также обстоятельно описывает специфику «детских» текстов [19; 24].

Приступая к работе, мы стремились несколько выровнять сложившийся перекос в сторону воспоминаний детей-эмигрантов, а также ввести в научный оборот новые источники. Анализу подверглись письма детей и подростков (1917–1918 гг.) из коллекции, хранящейся в Научном архиве РАО [14]. Весомым доводом в пользу такого выбора является синхронность этих письменных свидетельств с изучаемым периодом.

По Р. Барту, письма приоритетны с точки зрения притязания на истинность при репрезентации прошлого, тогда как воспоминания и автобиографии по своей структуре ближе к понятию «классического» нарратива как выстроенного в логико-временном порядке законченного текста [2, с. 106]. По классификации А. Сальниковой письма относятся преимущественно к неспровоцированным «детским» текстам. По содержанию среди писем встречаются как «детские» тексты «о Времени» (исторические события глазами детей), так и «о Себе» (описания себя и о себе – размышления о жизни в семье, в школе, об отношениях с родителями) [22, с. 67, 213].

Исходя из задач исследования, аналитические процедуры с нарративами детей базируются на интерпретативном подходе, основанном на «понимающем» прочтении «детских писем» путем неформализованного анализа текстов. Поскольку это наш первый («разведывательный») опыт работы с данными текстами, предпочтение было отдано реалистическому подходу к качественному исследованию по Д. Силвермену [35] и тематической модели анализа по методологии К. Рисмена [34], что предполагает широкое цитирование источников, чередующееся с нашими комментариями.

Анализ. Корреспонденция Кирилла Родионова и его матери, Ирины Ивановны, представляет собой перепечатанные на пишущей машинке плохого качества 54 текста писем детей и подростков. Печатный вид текстов, конечно, упрощает прочтение и процедурные манипуляции с ними, но лишает исследователя эффекта восприятия специфики детского почерка, проделанной ребенком работы с текстом (зачеркивания, исправления, ошибки и т. д.), как и несколько снижает ощущение аутентичности источника.

Судя по косвенным признакам, коллекция была сдана в архив мамой Кирилла не ранее 1950–60-х гг., после его гибели. Вся корреспонденция расположена в архивном деле в строго хронологическом порядке. Атрибуция писем облегчена благодаря педантичному отношению к текстам со стороны Ирины Ивановны. Все письма датированы, указаны места их написания. Известны имена авторов, возраст каждого из них. Всего в папке письма десяти мальчиков и девяти девочек. Самому младшему (Кире) на момент первого письма в коллекции было 7 лет, самой старшей (Ольге) – 17. Первое письмо датировано 2 января 1917 г. по старому стилю, последнее – 29 августа 1918 г. (по новому). В архивном деле и описи фонда нет исторической справки о коллекции, поэтому все сведения об авторах писем, их связях и отношениях можно предположить только косвенным путем на основе текстов писем. Насколько можно понять из писем детей, подвижница Ирина Ивановна работала в подмосковной деревне Буньково (до переезда в Москву в сентябре 1917 г.), вероятно, учителем и воспитателем в устроенном ею детском саду, участвовала в организации клуба для подростков. Ее сын Кира был тесно вовлечен в это сообщество детей и подростков. По каким-то причинам (скорее, в войну) дети разъехались, поэтому география переписки обширна – Петроград, Баку, Тифлис, Кисловодск, Князьи Горы, Буньково, Красково, Бугуруслан, Задонск, Кавказская, Москва. Это позволяет увидеть разнообразную палитру событий в России на пороге и во время революции и Гражданской войны глазами детей и подростков.

Возникает резонный вопрос: в какой степени можно доверять этим текстам? Очевидно, ровно в той же мере, как и всем «детским» текстам с учетом особенностей детского восприятия и мышления, памяти, речи, склонности детей к фантазированию и гиперболлизации [31, с. 121–131]. Разумеется, ценность этих источников для историка не в информации о каких-то событиях, а в том, как дети воспринимали и рефлексировали происходящее в стране и мире. Исходя из задач исследования, нас в большей степени интересовало не только то, о чем писали дети, но и как они рассказывают об этом, а также с чьих

слов – тоже было важно. Мы полагаем, что общие источниковедческие подходы к частной переписке вряд ли здесь применимы, однако разделяем мнение авторитетных специалистов о том, что письма – один из немногих источников, которые сохраняют для потомков живые разговорные интонации, язык, присущий данной эпохе и данной среде, и субъективность эпистолярных текстов – это не недостаток, а возможность проследить «эволюцию исторического самосознания человека» [15, с. 165, 167], в том числе в детском возрасте.

Что касается ограничений данного корпуса источников, то они затрагивают несколько вопросов: была ли и насколько переписка детей отредактирована постфактум мамой Кирилла (особенно в части детского языка, грамматических ошибок, лексических норм, терминологии и фразеологии, что вполне могло быть проделано учителем автоматически), включая датировки по новому стилю; остались ли письма, умышленно не включенные ею в эту коллекцию (и почему)? Одной из самых больших сложностей для анализа данной группы источников как жанра «естественной письменной речи» по параметрам коммуникативно-семиотической модели Н.Б. Лебедевой [27] является невозможность определить, кому конкретно адресованы эти письма (Ирине Ивановне, Кириллу или кому-то из детей). Значительно усложняет анализ переписки и невозможность обнаружить в общем потоке писем ответы на конкретные письма конкретных адресантов, что позволило бы выявить связи между корреспондентами. Очевидно, мы имеем дело только с содержательной частью нарративов, а вступления (возможно, и иные элементы структуры нарративов по У. Лавову – резюме, резолюция, кода [28, с. 143]) составитель коллекции, вероятно, посчитал излишними.

Тем не менее тексты писем детей и подростков из этой коллекции вполне подвергаемы интерпретативному анализу и уже с первых строк разительно отличаются от тех, которые изучала и комментировала А. Сальникова. Если, по ее справедливой оценке, все изученные ею воспоминания детей-эмигрантов объединяет общее чувство «Потери, Утраты и Страдания» [23, с. 331], то побудитель-

ную модальность изученной нами коллекции можно описать словами «Революция, Свобода, Прогресс». В отличие от сочинений, написанных детьми в эмиграции, многие авторы писем принадлежали совсем к другой социальной среде – семьям русской интеллигенции и рабочих, позитивно воспринявших революцию, в значительной части своей сочувствовавших большевикам либо состоявшим в их рядах, как мама Киры.

Приступая к анализу писем, данную коллекцию мы условно определили границами фрейма (по Е. Мещеркиной [28, с. 156]) «дети во время социальной катастрофы». В процессе интенсивного анализа текстов писем были выявлены основные тематизации, что позволило структурировать содержание детских писем. Для удобства обработки большой и разнообразной текстовой информации мы сгруппировали тематизации в девять основных блоков: «война» (отношение к войне, смерти, страданиям), «революция» (отношение к политике, партиям, преобразованиям, религии, новому быту, стилю, духу эпохи), «лишения» (голод, болезни, миграция), «детское» (детские игры, детские сообщества, детская непосредственность), «взрослые» (восприятие родителей, возраста, отношение к другим взрослым), «жизнь» (смыслы жизни, детские наблюдения и суждения о новой жизни), «протест» (гражданская активность, хулиганство, самоуправление), «учеба» (гимназия, школа, учебный процесс, отношение к учителям), «чувства / эмоции» (отношение к суициду, эмоциональные оценки и поступки). Эти тематизации с некоторой условностью укладываются в три слоя повествования по В.Б. Голофасту: рутинная, событийная культура и тайная, малопонятная и неожиданная сторона жизни, загадка [5]. Ограниченные рамки статьи позволяют сосредоточиться только на первых трех блоках (по образному выражению П.А. Сорокина, «четырёх монстрах» [26] – войне, революции и лишениях в виде эпидемий и голода).

Тема войны (Мировой и Гражданской) пронизывает многие письма. Часть авторов писем были детьми фронтовиков и поэтому ненавидели войну. Они не думали о победе страны, главное – чтобы отец или брат вернулся с фронта живым. 7-летний Кира пишет

9 января 1917 г.: *«Я раньше был за войну, а теперь против, потому что от нее народу плохо. Пусть нас хоть немцы победят»*. Его 8-летний друг Сережа из Буньково свое отношение к войне выразил в предрождественском письме к солдату на фронте: *«Милый солдат Грязнов, я послал тебе на фронт колбасу сухую и консерву, чай и все остальное. У нас в школе был спектакль про старину, как бояре народ обижали. Приезжай к нам поправляться, у нас хорошо жить»* (02.01.1917). А вскоре Сережа уже с кем-то делится новостями с фронта: *«Получил я уже 4-е письмо от Грязнова – видно, скучно дяденьке в окопах! Как мне жаль его! И как я хочу его видеть глазами! Ведь уже больше года получаю от него письма с тех пор, как к прошлому Рождеству мы всей школой послали солдатам письма и подарки на фронт»* (29.01.1917). Надя пятнадцати лет пишет из Питера о старшем брате: *«Его, наверно, уже скоро отправят на позиции, ему сразу сделали три прививки»* (30.01.1917). *«Вот Сережкин Грязнов ему с января не пишет, и мой дядя Саша тоже – боюсь, что они убиты»*, – заключает Кира (Красково, 25.06.1917) [14, л. 1, 5].

В связи с Октябрьским переворотом у ребят возросли ожидания скорого окончания войны: *«А Митя говорит, что теперь, наверно, уже скоро кончится война, и м[ожет] б[ыть], даже навсегда. Вот хорошо бы!»* – мечтает в письме Кира (06.11.1917). В отличие от отношения к войне мировой, совершенно иные ожидания и настроения появляются у него через несколько месяцев, когда речь шла уже о гражданском противостоянии. Его распирает гордость за Красную армию в борьбе с внутренними врагами, о чем он пишет: *«В прошлую субботу около нашей школы было выступление анархистов против большевиков. Ну их живо усмирила новая Красная армия. Все-таки одного красноармейца они успели убить, и мы видели его торжественные похороны»* (28.04.1918). О новой армии упоминает и Надя: *«Приезжал к нам на 10 дней с фронта брат Павлуша и опять уехал. Он записался в новую социалистическую армию, хотя говорит, что ему страшно надоел фронт. Мама его бра-*

нила за это, а мы его подняли на ура» (Петроград, 17.02.1918) [14, л. 8, 10].

Активная фаза Гражданской войны не запечатлена в изучаемой коллекции, однако градус противостояния в обществе весьма ярко отображен в тематическом блоке «революция». Поскольку изучаемое нами эпистолярное сообщество в основном поддерживало большевиков, оценки и эмоции юных корреспондентов понятны: «...после этих скучных дней теперь НАСТАЛ ПРАЗДНИК, И БОЛЬШОЙ, а именно – 27 ФЕВРАЛЯ!»¹, – пишет из Питера Надя (27.02.1917). «В России революция! – вторит ей Кира из Буньково. – Царя отставили. Я очень был бы рад, если б не выбирали другого царя, потому что от царя много бед. У нас теперь и взрослые люди ходят с красными флагами и с пением, а раньше ходили только школьники и детский сад в первомайские дни. И мы злимся на нашу учительницу, что она нам не рассказывала про то, что бывают революции...» (04.03.1917). Фрося 15 лет вносит в повествование девичью специфику: «Мы, девочки, да и взрослые женщины, очень гордимся перед мальчишками и большими мужиками тем, что революция в Питере началась с бабьего бунта, с хлебных очередей. Знать, когда нужно, и мы храбры!» (05.03.1917) [14, л. 2–3]. Эта девочка, вероятно вдохновленная идеями феминизма, даже в революционных событиях хочет найти обоснование приоритета женского пола над мужским.

В этой переписке ребят обнаруживается потребность подростков к созданию своей организации прообраза комсомола. 15-летний Никита из Буньково сообщает, что их клуб подростков переименовали в юношеский клуб, и теперь в него будут набирать только «серьезных ребят» от 14 лет. Ребята стали читать газеты и рассуждать о политике: «...у всех в поселке идут споры о том, будет ли это конец революции или она пойдет дальше. Мы думаем, что не может ей быть конца, пока у власти еще буржуи, надо, чтобы у власти были рабочие. Наш хор слился с хором взрослых с тех пор, как всем хочется петь только революционные песни. Мне больше всего нравится “Кузнец” <...> А то еще конец песни “Начало”: “Смело протя-

нем мы братскую руку / Братьям-народам, вчерашним врагам, / Кончим войну мы, всемирную муку, / Братству народов воздвигнем мы храм”. Да, пора кончать войну». (20.03.1917). Надя описывает свои впечатления от участия в похоронах павших борцов за революцию. Ее поразила эмоциональная сторона ритуала: «Хотя нам пришлось 7 часов стоять на одном месте, но мы без умолку пели, и время пролетело незаметно. На Марсово поле мы прибыли только в 10 часов вечера. Нас поразила красота: горели факелы, развевались знамена, гремела музыка. Пришли домой по колени мокрые, но настроение у всех было приподнятое» (Петроград, 30.03.1917). Не менее интересное наблюдение приводит Кира: «Мы с Митей все ходим на уличные митинги. Самые интересные бывают на площади против генерал-губернаторского дома, когда на памятник Скобелеву взбирается оратор и оттуда орет» (Москва, 28.09.1917) [14, л. 3, 7].

Если Февральская революция была воспринята ребятами как начало обновления и конец войны, то Октябрь уже ассоциировался с классовой победой. Кирилл, проживая теперь в Москве, шлет кому-то два коротких репортажа с описанием событий тех дней: «А эти дни я опять не хожу [в школу], потому что У НАС ОПЯТЬ РЕВОЛЮЦИЯ!!! Стреляют из пушек, пулеметов, ружей и револьверов. Стрельба больше идет на Красной площади и на Страстной. Ох уж эта Красная площадь, всегда-то она красная, – от крови, значит» (30.10.1917). «Ур-р-р-а! Наша взяла! 4-го стрельба кончилась. Мы с Митей ходили смотреть на разрушения от стрельбы. В центре больше всего пострадала гостиница “Метрополь”, Чудов монастырь и Никольская башня, а на Никитской площади сгорели два дома от снарядов» (06.11.1917). Через 20 дней он сетует на умонастроения в школе: «Занятия там интересные, только плохо, что и дети, и учительницы все против большевиков. Смеются надо мной, что я пишу “по-большевистски”, без яти, “и” с точкой и ъ». Впрочем, ему было не привыкать к такому отношению к себе: «Мы теперь живем в Москве в большом доме, где кроме нас живут

почти одни толстые спекулянты. Их дети меня дразнят большевиком и “ленинским прихвостнем”, и колотят, и щиплют, когда один спускаюсь по лестнице» (08.09.1917) [14, л. 7, 8].

Тяга ко всему новому была главным идентификационным признаком для значительной части ребят той эпохи. «*Как интересно стало жить! Скорее бы кончить гимназию, чтобы приобщиться к настоящей жизни*», – мечтал 16-летний Митя из Кисловодска (12.02.1917), увлекшийся международным языком эсперанто. Смена знаков в такие поворотные моменты истории многими агентами преобразований, к которым относится и молодое поколение, воспринимается особенно остро. Кира написал 22 апреля (5 мая) 1917 г.: «*В этом году праздновали Первое Мая по новому стилю, и я тоже теперь буду писать по новому стилю. Мы с мамой были на демонстрации в Москве. Была военная музыка и много знамен, и очень дружно пели. Только одни толстовцы несли белые плакаты с красными надписями. Это потому, что они за мирную революцию» (Буньково). Насколько глубоко мог быть так увлечен политикой 7–8-летний мальчик? Сегодня это выглядит, скорее, неправдоподобно, но в революционную эпоху раннее идейное взросление становится нормой. На память приходят литературные герои – Гаврош и Мальчиш-Кибальчиш, детские символы революции и Гражданской войны. Кира – самый младший из авторов писем, но наиболее радикальный в своих убеждениях. Влияние взглядов родителей, очевидно, сыграло свою решающую роль. Вместе с тем Кира признает власть и родителей своих друзей. Вот что он пишет из Красково: «*Всех больше мне нравится Андрюша. Он похож на Валю и ему тоже уже 10 лет. И он тоже любит играть в войну. Только он против большевиков, потому что его папа фронтовой офицер. Мы сперва спорили за и против большевиков, но его мама не велит» (25.05.1917) [14, л. 2, 4].* Очевидно, политические разногласия не сильно повлияли на дружеское расположение мальчиков, в отличие от табуирования их дружбы со стороны взрослых.*

Принципиальное отстаивание собственной политической позиции в противостоянии

«своей» / «чужой» было присуще не только мальчикам, но и некоторым девочкам. Надя пишет из Питера (11.12.1917): «*Я теперь в гимназии все воюю. Как-то собирали на чиновников-саботажников деньги, и все дают по 2, по 3 рубля. Наконец, подходят ко мне. Я говорю: “Я не жертвую”. – Мне говорят: “Это вы, [д]олжно [б]ыть, забыли деньги дома?” – А я им говорю, что вообще не желаю жертвовать на каких-то чиновников. Тут-то и вышла буря! Ну а теперь они меня называют большевичкой, но не злобно, а любя». Маленькие мальчики не отставали. Восьмилетний Слава, сообщая буньковские «политические» новости вперемежку с оценками представительниц противоположного пола, размышляет: «*А две большие дуры, Нина и Ангелина, чего-то стали Кириюшку дразнить: “А ведь твой Ленин – германский шпион!” – и он рассердился и закричал: “Ваш Плеханов – старая галоша и разбитый горшок!” Не знаю, кто такой Плеханов, а Ленина в нашем рабочем поселке все уважают» (25.07.1917) [14, л. 2, 6, 8].**

Стоит заметить, что письма этих детей отражают довольно большую степень внутренней свободы, с которой они высказывали свои мысли. Тем временем обстановка в стране стремительно ухудшалась, что наблюдательный и цепкий ум Киры фиксировал в своих письмах, очень похожих на хронику из газет: «*Только плохо с этой Гражданской войной. Контрреволюционеры больше всего безобразничают в Приволжской области. К ним на помощь пришли еще какие-то чехословаки. <...> Я написал на них ядовитые стихи» (15.08.1918). Через две недели он же пишет: «*Митя Стопани молодец! Вместе с одним приятелем поехал сражаться с чехословаками. Он нам прислал с дороги прощальное письмо. Если эта война еще долго будет продолжаться, то и я когда-нибудь еще пойду добровольцем...» (29.08.1918) [14, л. 11].* Митя погиб при подавлении мятежа чехословацкого корпуса.*

В революцию входило нарождавшееся поколение модерна, который имманентно предполагал секуляризацию. Судя по письмам, эти дети и подростки, как и многие их сверстники, относились к религии, мягко говоря, без

пиетета. Вряд ли они были убежденными атеистами, скорее в их взрослом окружении не было влиятельных верующих людей, к тому же преподаваемый в гимназиях и школах Закон Божий нередко вызывал отторжение и протест среди детей. 15-летняя Надя пишет Ирине Ивановне из Питера (30.01.1917): «...а ты сиди в классе, мерзни как собака и слушай какой-нибудь скучный предмет, как Закон Божий». Неожиданно «религиозный вопрос», затронутый в письме, мог вывести на проблему взаимоотношения полов и гендерную идентичность. Вот что 9-летний Лёня пишет в своем письме из Буньково об опыте празднования Пасхи, очень созвучном с текстами сочинений школьников в 1920-е гг. [7, л. 5 об.]: «Нас главное школьное начальство заставило перед Пасхой говеть, и мы на нескольких подводах поехали в церковь. Было весело, мы много баловались дорогой. <...> Батюшка меня спросил, какие у меня грехи, напр[имер], гуляю ли я с девочками. А я и не знал, что это считается грехом, потому что мы всегда вместе с девочками работаем, играем и гуляем» (18.04.1917) [14, л. 1, 3–4, 8]. В этих строках мальчика прочитывается не только его еще невинное отношение к противоположному полу, но и уже сформированная внутренняя готовность к переходу к совместному обучению [17].

Тексты многих детских писем содержат сообщения о всевозможных лишениях, закономерных последствиях войны и революции – голоде, эпидемиях, миграциях, экономических проблемах. Выстроенные в хронологическом порядке письма позволяют наблюдать динамику этих социальных катастроф, а указания местоположения адресантов корректируют динамику в пространстве. Учитывая тесную взаимосвязь экономических неурядиц, голода и болезней в экстремальных условиях, мы все же в целях анализа разведем их между собой.

О возникновении экономических проблем в столице пока еще очень осторожно сигнализирует одно из первых писем в коллекции (Надя, 30.01.1917): «Плохо у нас стало в Петрограде. И вот у меня зародилась мысль, и мама уже согласилась: если можно, я бы поехала к вам в Буньково служить где-нибудь, ведь мне уже 15 лет». 10-лет-

ний Валя из Князьих Гор пишет Кирюше: «Мы сюда переехали из Питера, потому что там стало очень голодно, холодно и беспокойно жить. Здесь много живет беженцев войны...» (27.04.1917). На отдаленной периферии положение было получше. Петя, 12 лет, сообщает из Задонска: «Живем мы здесь ничего себе. Еды всякой здесь больше, чем в Москве. Только квартиры найти нельзя – они все заняты помещиками, которые бегут в город из страха перед крестьянами» (03.07.1917). На Кубани также жилилось не голодно. 17-летняя Оля из ст-цы Кавказской пишет о местных ценах: «Здесь хорошо, тепло, все еще ходят в летнем. Хлеба, муки тут можно купить без всякой очереди, не очень белый стоит 22 коп[еек] фунт, черный – 19. И керосин, и постное масло можно купить без очереди – все, кроме материи и обуви» (08.10.1917). Однако перемещаться в теплые и сытные края было небезопасно, особенно на Украину. Об этом 11-летняя Люба сообщает из Даниловской мануфактуры Ирине Ивановне: «Мама, как сама малограмотная, велит Вам писать, чтобы Вы никого не слушались и не ехали с Кирюшкой на Украину. Сейчас такие времена, что далеко ехать никуда нельзя, можно и не вернуться обратно, когда захочется. <...> Квартиры и дрова здесь вдвое дешевле, чем в Москве, харчи тоже немного дешевле» (19.08.1917).

В обеих столицах ситуация становилась напряженнее с каждым днем. Надя пишет: «Уезжать из Питера мы никуда не собираемся. С провизией пока что неплохо: молоко, хлеб, мясо достать можно, хотя и дорого: масло мама, напр[имер], на днях купила по 6 руб[лей] за фунт, молоко по 1 руб[лю] бутылка. Вообще, жить можно. Только настроение у нас да у всех ужасное» (19.10.1917). Но уже вскоре она сообщает об ухудшении экономической ситуации в Петрограде: «Здесь в день дают только восьмушку хлеба, а один день и вовсе ничего не дали. Но с 18-го обещают прибавить. Посмотрим. Я уже на 20 фунтов убавилась в весе, все на мне висит, как на вешалке, – приходится все юбки перешивать» (17.02.1918). Кира, подтверждая со слов родственницы сложное положение в Петрог-

раде, впервые осторожно сообщает о напряженном положении с продуктами в Москве: «Пишет моя Тетушка из Питера, тоже жалуется на голод. У нас тоже не жирно: все больше вобла да пшено, иногда фасоль, конина, отруби. За всем этим и мне часто приходится стоять в хвостах. Но в общем ничего, жить можно. Зато мы с папой совершенно перестали болеть желудками и никаких нам докторов больше не нужно» (01.06.1918). Всего через месяц он уже пишет о голоде более определенно: «Становится и у нас все голоднее жить. Как-то мама слышала самого Ленина, как он выступил среди рабочих за борьбу с голодом. Они сперва все скандалили, а после его речи ему аплодировали вовсю. А как у вас в Бунькове теперь с питанием? Уехали от голода мои лучшие школьные товарищи...» (01.07.1918) [14, л. 1, 4, 5–6, 7, 8, 10].

Голод, война, экономические трудности, миграции населения не могли не обострить эпидемическую обстановку в огромной стране. Дети об этом сообщают в своей переписке достаточно часто и подробно. «У нас тут была большая эпидемия скарлатины. В нашей гимназии умерло несколько учениц. Ия ею болела целых полгода, если считать осложнения с почками и с сердцем. Из-за этого я осталась еще на год в пятом классе. И Витя почти год не учился из-за сильного расширения сердца», – сообщает 14-летняя Лиза из Баку (01.02.1917). Другая девочка описывает целую цепь злоключений ее семьи, связанную с дальними поездками, болезнями и войной: «...наша беспокойная мамаша нас в 1914 году потащила за границу для поправки здоровья, и чтобы нам набраться впечатлений. Поселились мы у чудного Фирвальдштетского озера (в Швейцарии), где мы с Ванькой с места в карьер заболели дифтеритом, заразив и ухаживавшую за нами мамашу. Только стали поправляться, как разразилась война. Мы переехали в город Берн к родственникам. Здесь 3 недели прожили в суеде по-студенчески – впроголодь, христарадничая и собирая деньги на обратный проезд. Наконец, открылись рейсы французского пароходства, и мы двинули в Марсель, а оттуда через Константинополь в Одессу,

где мы оба [с 14-летним братом] заболели воспалением легких. <...> Только что оттуда переехали в Тифлис, как опять пошли болезни: скарлатина и корь, бронхиты, ларингиты да колиты. В результате всего этого мы только теперь, на старости лет, дорвались до регулярного ученья» (Ира, 15 лет, Тифлис, 05.02.1917).

Повсюду свирепствовал брюшной тиф, малярия, в том числе и на фронте. 12-летний Петя сообщает из Задонска: «Папа пишет, что их окопы опять заливают водой, и их опять донимает малярия» (03.07.1917). Надя, приехавшая погостить к Ирине Ивановне в подмосковное Красково, застала ее тяжело заболевшей: «...Ирина Ивановна заболела какой-то “дифтеритной дизентерией”. <...> Здесь было несколько смертных случаев от этой болезни, а на фронте, говорят, массажи от нее умирают. Но Ирина Ивановна нас и близко к себе не подпускала, а сама как-то за собой ухаживала» (26.08.1917). Сам Кира вскоре уже описал антисанитарное состояние новой столицы: «Плохо сейчас стало в Москве: грязь невозможная, везде мусор, подсолнечная шелуха. Я уже написал про это смешные стихи» (08.09.1917). Впрочем, тифом заболевали и по причине элементарной беспечности, о чем сообщал 14-летний Дима из Баку: «Летом мы жили на даче в Бузовнах, и я там заболел тифом – вероятно потому, что пил сырую воду из колодца, и мама меня увезла в Баку» (20.09.1917) [14, л. 1, 2, 6–7].

Результаты. Как показал анализ «детских писем» 1917–1918 гг., у этого поколения уже в раннем возрасте был накоплен богатый опыт переживания экстремальных событий, которого не было у большинства взрослых. Дети двух войн и революций пережили лишения, голод, эпидемии, потерю близких. Им приходилось в связи с вынужденным перемещением родителей менять место жительства, гимназию, друзей, соседей, среду общения, а кому-то и Родину. У каждого из них были свои личные «моменты эпифании» (Р. Хамфри), которые кардинально меняли траекторию жизни. Обобщенно можно сказать, что для большинства из них моментами эпифании стали революция и война.

Судя по текстам писем, дети о многих событиях писали, как свидетели, очевидцы, вместе с тем не стоит исключать влияния на них таких источников информации, как слухи, разговоры взрослых, газетные сообщения. Стоит согласиться с А.А. Сальниковой, признающей, с одной стороны, «свойственный детским текстам фантазийный элемент»; с другой – справедливо считающей, что если вести разговор о воспроизводимом детьми мире собственных чувств, настроений и переживаний, о детских оценках происходящего, «то анализируемый источник в силу своей эмоциональной насыщенности, открытости, непосредственности приобретает особое значение... подводит нас к конкретному маленькому (и в прямом, и в переносном смысле) человеку, способному рассказать о Себе во Времени и о Времени через Себя» [23, с. 328–329]. Вместе с тем детские нарративы о Гражданской войне – это еще и способ самоидентификации и самопрезентации, поиска референтных групп в окружающем мире. Каким бы сложным ни было время, детство остается детством, оно также не лишено игр, увлечений, дружбы, ссор между собой и со взрослыми, повседневных забот по дому – всего того, что, исходя из наших задач, осталось за рамками статьи для последующего изучения.

Что касается модуса повествования изученных нами «детских» текстов, складывается впечатление, что революция (в меньшей степени – война) описывается ими в мажорных, светлых, ярких красках, чего нельзя сказать об опубликованных нарративах детей-эмигрантов. Настоящее исследование подводит к выводу, что не существует единого детского дискурса о Гражданской войне, как могло сложиться впечатление на основе известных исследований сочинений детей-беженцев. Правомерно утверждать, что на этом поле достаточно четко наблюдаются как минимум два диаметрально противоположных детских дискурса – «эмигрантский» и «революционный». Второй дискурс представлен в настоящей работе. Можно предположить, что различие дискурсов имеет место в большей мере относительно описания субъективного опыта и личных оценок политических и военных событий. Но насколько эти дискурсы совпадают, разли-

чаются или сближаются в других аспектах – описании детских игр, повседневных практик, взаимоотношений с родителями и взрослыми, языке, эмоциях? Имеются ли различия в выстраивании структуры нарративов? С какими из «больших нарративов» (социокультурными нормами) того времени соотносятся «детские тексты»? Имеют ли детские нарративы в целом особенности, которые не всегда позволяют их интерпретировать по правилам нарративного анализа взрослых текстов? Эти вопросы еще ждут своего разрешения.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Здесь и далее прописные буквы в статье воспроизведены по источнику.

БЛАГОДАРНОСТИ

Выражаю признательность моим коллегам по кафедре Т.А. Рунаеву и М.В. Донцовой за ценные советы при подготовке статьи.

ACKNOWLEDGEMENTS

I express my gratitude to my colleagues in the department T.A. Runaev and M.V. Dontsova for valuable advice in preparing the article.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксенов, В. Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918) / В. Б. Аксенов. – М. : Новое лит. обозрение, 2020. – 992 с.
2. Барт, Р. S/Z / Р. Барт ; пер. с фр. Г. К. Косикова, В. П. Мурат ; под ред. Г. К. Косикова. – 3-е изд. – М. : Академ. Проект, 2009. – 373 с.
3. Воронов, В. Октябрьская революция в детских записях / В. Воронов // Вопросы просвещения. – 1927. – № 12. – С. 3–11.
4. Воронов, В. Февральская революция в детских записях / В. Воронов // Вопросы просвещения. – 1927. – № 3. – С. 3–11.
5. Голофаст, В. Б. Три слоя биографического повествования / В. Б. Голофаст // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ : материалы Междунар. семинара / под ред. В. Воронкова и Е. Здравомысловой. – СПб. : ЦНСИ, 1997. – С. 23–26. – (Труды ЦНСИ ; вып. 5).

6. Дети русской эмиграции. Книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники / сост. Л. И. Петрушева ; под ред. С. Г. Блинова и М. Д. Филина. – М. : Терра, 1997. – 496 с.
7. Детские сочинения на разные темы // Научный архив Российской академии образования (НА РАО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 244. – 29 л.
8. Кон, И. С. Открытие Филиппа Арьеса и гендерные аспекты истории детства / И. С. Кон // Вестник РГГУ. Серия «Культурология. Искусствоведение. Музеология». – 2010. – № 15 (58). – С. 12–24.
9. Кон, И. С. Ребенок и общество: историко-этнографическая перспектива / И. С. Кон. – М. : Наука, 1988. – 270 с.
10. Микуленок, А. А. Положение детей-эмигрантов из России в лимитрофных государствах в 1920-е годы / А. А. Микуленок // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2018. – Вып. 5 (194). – С. 129–135. – DOI: 10.23951/1609-624X-2018-5-129-135
11. Молкина, О. И. Над нами Красный Крест. Петербургская семья на фоне XX века / О. И. Молкина. – СПб. : Остров, 2007. – 480 с.
12. Ордовский-Танаевский, М. Л. Дети России в эмиграции в КСХС-Югославии // Столетие двух эмиграций. 1919–2019 : сб. ст. / отв. ред. А. Ю. Тимофеев. – М. : Ин-т славяноведения РАН ; Белград : Информатика, 2019. – С. 257–275. – DOI: <https://doi.org/10.31168/0433-6.14>
13. Орех, Е. А. Политические акторы на детских рисунках 1917–1918 годов: социологическая рефлексия (на основе коллекции В.С. Воронова из фондов ГИМ) / Е. А. Орех, О. Ю. Бойцова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2017. – Вып. 20 (4). – С. 185–209. – DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.4.10>
14. Письма детей и подростков за 1917–1918 годы : (Из корреспонденции Кирюши Родионова и его матери) // НА РАО. – Ф. 18. – Оп. 2. – Д. 994. – 11 л.
15. Профессионализм историка и идеологическая конъюнктура: проблемы источниковедения советской истории / отв. ред. А. К. Соколов. – М. : Ин-т рос. истории РАН, 1994. – 400 с.
16. Путешествие вокруг Света в 919 дней. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://colonia.spb.ru/archivs.htm> (дата обращения: 12.07.2021). – Загл. с экрана.
17. Рожков, А. Ю. В кругу сверстников : Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов / А. Ю. Рожков. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Новое лит. обозрение, 2016. – 640 с.
18. Сальникова, А. А. «Геенна огненная»: детское восприятие раннего советского периода / А. А. Сальникова // *Ab imperio*. – 2002. – № 3. – С. 321–353.
19. Сальникова, А. А. «Детский текст», его специфика и значение для реконструкции детского восприятия и детской памяти «эпохи российских катастроф» / А. А. Сальникова // Харківський історіографічний збірник. – 2006. – № 8. – С. 132–140.
20. Сальникова, А. А. «Детское письмо» и его специфика / А. А. Сальникова // Детство в научных, образовательных и художественных текстах: опыт прочтения и интерпретации : сб. науч. ст. и сообщ. / сост. и отв. ред. А. А. Сальникова. – Казань : Казан. ун-т, 2011. – С. 116–123.
21. Сальникова, А. А. Дети русской эмиграции о революции 1917 года: «Боженка! Помилуй Россию, помилуй меня!» / А. А. Сальникова // Нескучный сад. – 2012. – № 10 (81). – С. 77–80.
22. Сальникова, А. А. Российское детство в XX веке : История, теория и практика исследования / А. А. Сальникова. – Казань : Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2007. – 256 с.
23. Сальникова, А. А. Школьные сочинения детей русской эмиграции как источник по социальной истории России, 1917–1920 гг. / А. А. Сальникова // Социальная история : Ежегодник, 2001/2002. – М. : РОССПЭН, 2004. – С. 324–352.
24. Сальникова, А. А. Язык революции 1917 года в «детских» текстах / А. А. Сальникова // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – Вып. 12. – М. : УРСС, 2004. – С. 117–135.
25. Смирнова, Т. М. Дети страны Советов : От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. / Т. М. Смирнова. – М. ; СПб. : Ин-т рос. ист. РАН ; Центр гуманист. инициатив, 2015. – 384 с.
26. Сорокин, П. А. Человек и общество в условиях бедствий : Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь / П. А. Сорокин ; пер. с англ., вступ. ст. и примеч. В. В. Сапова ; отв. ред. И. А. Федоров. – СПб. : Изд. дом «Мирь», 2012. – 336 с.
27. Сухотерина, Т. П. «Детские письма» как жанр / Т. П. Сухотерина, К. Р. Евсеева // Культура и текст. – 2016. – № 1 (24). – С. 20–29.
28. Троцук, И. В. Теория и практика нарративного анализа в социологии / И. В. Троцук. – М. : Изд-во РУДН, 2006. – 246 с.
29. Федоров, А. И. Охрана материнства и детства в Советской России в условиях революции и Гражданской войны (1917–1922 гг.) / А. И. Федоров // Научные ведомости. – 2009. – № 9 (64). – С. 175–182.
30. Фицпатрик, Ш. Русская революция / Ш. Фицпатрик ; пер. с англ. Н. Эдельмана. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. – 320 с.
31. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс ; пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. – М. : Новое изд-во, 2007. – 348 с.

32. Щербинин, П. П. «Антоновщина» сквозь призму восприятия детей и подростков: выбор жизненного пути и его последствия в первой четверти XX века / П. П. Щербинин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2017. – № 6, ч. 2. – С. 113–115.

33. Kelly, C. Children's World: Growing Up in Russia 1890–1991 / C. Kelly. – New Haven & London : Yale University Press, 2007. – 714 p.

34. Riessman, C. K. Narrative Analysis / C. K. Riessman // Narrative, Memory & Everyday Life. – Huddersfield : University of Huddersfield, 2005. – P. 1–7.

35. Silverman, D. Doing Qualitative Research / D. Silverman. – L. ; Thousand Oaks ; Delhi : Sage Publication, 2000. – 390 p.

REFERENCES

1. Aksenov V.B. *Sluhi, obrazy, jemocii. Massovye nastroyeniya rossijan v gody vojny i revolyucii (1914–1918)* [Rumors, Images, Emotions. Mass Moods of Russians During the War and Revolution (1914–1918)]. Moscow, Novoe lit. obozrenie Publ., 2020. 992 p.

2. Bart R. *S/Z*. Moscow, Akad. Project Publ., 2009. 373 p.

3. Voronov V. Oktjabrskaja revolyucija v detskih zapisjah [The October Revolution in Children's Recordings]. *Voprosy prosveshhenija* [Education issues], 1927, no. 12, pp. 3–11.

4. Voronov V. Fevral'skaja revolyucija v detskih zapisjah [The February Revolution in Children's Recordings]. *Voprosy prosveshhenija* [Education Issues], 1927, no. 3, pp. 3–11.

5. Golofast V.B. Tri sloja biograficheskogo povestvovaniya [Three Layers of Biographical Storytelling]. *Biograficheskij metod v izuchenii postsocialisticheskikh obshhestv: materialy Mezhdunar. seminar* [Proceedings of an International Seminar "Biographical Method in the Study of Post-Socialist Societies"]. Saint Petersburg, CNSI Publ., 1997, pp. 23–26. (Trudy CNSI, iss. 5).

6. Blinov S.G., Filin M.D., eds. *Deti russkoj jemigracii*. Kniga, kotoruju mechtali i ne smogli izdat izgnanniki [Children of the Russian Emigration. The Book That the Exiles Dreamed of and Could Not Publish]. Moscow, Terra Publ., 1997. 496 p.

7. *Detskie sochinenija na raznye temy* [Children's Compositions on Various Topics]. *Nauchnyj arhiv Rossijskoj akademii obrazovanija* [Scientific Archive of the Russian Academy of Education], f. 1, op. 1, d. 244. 291.

8. Kon I.S. Otkrytie Filippa Ariesa i gendernye aspekty istorii detstva [Philippe Aries' Discovery and Gender Aspects of Childhood Story]. *Vestnik RGGU. Serija «Kulturologija. Iskusstvovedenie. Muzeologija»* [RGGU Bulletin. Series "Culturology. Art Criticism. Museology"], 2010, no. 15 (58), pp. 12–24.

9. Kon I.S. *Rebenok i obshhestvo: istoriko-jetnograficheskaja perspektiva* [Child and Society: Historical and Ethnographic Perspective]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 270 p.

10. Mikulenok A.A. Polozhenie detej-jemigrantov iz Rossii v limitrofnih gosudarstvah v 1920-e gody [The Situation of Russian Emigrant Children in Limitrophic States in the 1920s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University], 2018, iss. 5 (194), pp. 129–135. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-5-129-135

11. Molkina O.I. *Nad nami Krasnyj Krest. Peterburgskaja semja na fone XX veka* [The Red Cross Is Above Us. Petersburg Family Against the Background of the Twentieth Century]. Saint Petersburg, Ostrov Publ., 2007. 480 p.

12. Ordovskij-Tanaevskij M.L. *Deti Rossii v jemigracii v KSHS-Jugoslavii* [Children of Russia in Exile in Kingdom of SCS – Yugoslavia]. *Stoletie dvuh jemigracij. 1919–2019: sb. st.* [The Centennial of Two Emigrations. 1919–2019]. Moscow, In-t slavjanovedeniya RAN, Belgrad, Informatika Publ., 2019, pp. 257–275. DOI: <https://doi.org/10.31168/0433-6.14>

13. Oreh E.A., Bojcovaja O.Ju. Politicheskie aktory na detskih risunkah 1917–1918 godov: sociologicheskaja refleksija (na osnove kollekcii V.S. Voronova iz fondov GIM) [Political Actors in Children's Drawings of 1917–1918. Sociological Reflection (Based on the Collection of V.S. Voronov from the State Historical Museum)]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2017, iss. 20 (4), pp. 185–209. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.4.10>

14. *Pisma detej i podrostkov za 1917–1918 gody: (Iz korrespondencii Kirjushi Rodionova i ego materi)* [Letters from Children and Adolescents for 1917–1918 (From the Correspondence of Kirill Rodionov and His Mother)]. *Nauchnyj arhiv Rossijskoj akademii obrazovanija* [Scientific Archive of the Russian Academy of Education], f. 18, op. 2, d. 994. 111.

15. Sokolov A.K., ed. *Professionalizm istorika i ideologicheskaja konjunktura: problemy istochnikovedeniya sovetskoj istorii* [Historian's Professionalism and Ideological Conjuncture: Problems of Source Study of Soviet History]. Moscow, In-t ros. istorii RAN, 1994. 400 p.

16. *Puteshestvie vokrug Sveta v 919 dnei* [Travel Around the World in 919 Days]. URL: <http://colonia.spb.ru/archivs.htm> (accessed 12 July 2021).

17. Rozhkov A.Ju. *V krugu sverstnikov: Zhiznennyj mir mladogo cheloveka v Sovetskoj Rossii 1920-h godov* [In the Circle of Peers: The Life World of a Young Man in Soviet Russia in the 1920s]. Moscow, Novoe lit. obozrenie Publ., 2016. 640 p.
18. Salnikova A.A. «Geenna ognennaja»: detskoe vosprijatie rannego sovetskogo perioda [“Gehenna Fiery”: Children’s Perception of the Early Soviet Period]. *Ab imperio*, 2002, no. 3, pp. 321-353.
19. Salnikova A.A. «Detskij tekst», ego specifika i znachenie dlja rekonstrukcii detskogo vosprijatija i detskoj pamjati «jepohi rossijskih katastrof» [“Children’s Text”, Its Specificity and Significance for the Reconstruction of Children’s Perception and Children’s Memory of the “Era of Russian Catastrophes”]. *Harkivskij istoriografichnij zbirnik* [Kharkov Historiographic Ccollection], 2006, no. 8, pp. 132-140.
20. Salnikova A.A. «Detskoe pis'mo» i ego specifika [“Children’s Letter” and Its Specifics]. *Detstvo v nauchnyh, obrazovatelnyh i hudozhestvennyh tekstah: opyt prochtenija i interpretacii: sb. nauch. st. i soobshh.* [Collection of Scientific Aticles and Messages “Childhood in Scientific, Educational and Artistic Texts: The Experience of Reading and Interpretation”]. Kazan, Kazan. un-t, 2011, pp. 116-123.
21. Salnikova A.A. Deti russoj jemigracii o revoljucii 1917 goda: «Bozhenka! Pomiluj Rossiju, pomiluj menja!» [Children of the Russian Emigration About the 1917 Revolution: “God! Have Mercy on Russia, Have Mercy on Me!”]. *Neskuchnyj sad* [Boring Garden], 2012, no. 10 (81), pp. 77-80.
22. Salnikova A.A. *Rossijskoe detstvo v XX veke: Istorija, teorija i praktika issledovanija* [Russian Childhood in the 20th Century: History, Theory and Practice of Research]. Kazan, Kazan. gos. un-t im. V.I. Ulyanova-Lenina, 2007. 256 p.
23. Salnikova A.A. Shkolnye sochinenija detej russoj jemigracii kak istochnik po socialnoj istorii Rossii, 1917–1920 gg. [School Essays by Children of the Russian Emigration as a Source on the Social History of Russia, 1917–1920]. *Socialnaja istorija: Ezhegodnik. 2001/2002* [Social History. Yearbook. 2001/2002]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004, pp. 324-352.
24. Salnikova A.A. Jazyk revoljucii 1917 goda v «detskih» tekstah [The Language of the 1917 Revolution in “Children’s” Texts]. *Dialog so vremenem. Almanah intellektualnoj istorii* [Dialogue With Time. Almanac of Intellectual History], iss. 12. Moscow, URSS Publ., 2004, pp. 117-135.
25. Smirnova T.M. Deti strany Sovetov: Ot gosudarstvennoj politiki k realijam povsednevnoj zhizni. 1917–1940 gg. [Children of the Land of Soviets: From State Policy to the Realities of Everyday Life. 1917–1940]. Moscow, Saint Petersburg, In-t ros. istorii RAN, Centr gumanit. iniciativ, 2015. 384 p.
26. Sorokin P.A. Chelovek i obshhestvo v uslovijah bedstvij: Vlijanie vojny, revoljucii, goloda, jepidemii na intellekt i povedenie cheloveka, socialnuju organizaciju i kulturnuju zhizn [Man and Society in Disaster Conditions: The Impact of War, Revolution, Hunger, Epidemic on Intellect and Human Behavior, Social Organization and Cultural Life]. Saint Petersburg, Izd. dom «Mir», 2012. 336 p.
27. Suhoterina T.P., Evseeva K.R. «Detskie pisma» kak zhanr [“Children’s Letters” as a Genre]. *Kultura i tekst* [Culture and Text], 2016, no. 1 (24), pp. 20-29.
28. Trocuk I.V. *Teorija i praktika narrativnogo analiza v sociologii* [Theory and Practice of Narrative Analysis in Sociology]. Moscow, Izd-vo RUDN, 2006. 246 p.
29. Fedorov A.I. Ohrana materinstva i detstva v Sovetskoj Rossii v uslovijah revoljucii i Grazhdanskoj vojny (1917–1922 gg.) [Protection of Mothers and Children in Soviet Russia During the Revolution and the Civil War (1917–1922)]. *Nauchnye vedomosti* [Scientific Statements], 2009, no. 9 (64), pp. 175-182.
30. Ficpatrik Sh. *Russkaja revoljucija* [Russian Revolution]. Moscow, Izd-vo In-ta Gajdara, 2018. 320 p.
31. Halbvaks M. *Socialnye ramki pamjati* [Social Framework of Memory]. Moscow, Novoe izd-vo, 2007. 348 p.
32. Shherbinin P.P. «Antonovshhina» skvoz prizmu vosprijatija detej i podrostkov: vybor zhiznennogo puti i ego posledstvija v pervoj chetverti XX veka [“Antonovshchina” Through the Prism of Perception of Children and Adolescents: Choice of Life Path and Its Consequences in the First Quarter of the Twentieth Century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice]. Tambov, Gramota Publ., 2017, no. 6, pt. 2, pp. 113-115.
33. Kelly C. *Children’s World: Growing Up in Russia 1890–1991*. New Haven & London, Yale University Press, 2007. 714 p.
34. Riessman C.K. *Narrative Analysis. Narrative, Memory & Everyday Life*. Huddersfield, University of Huddersfield, 2005, pp. 1-7.
35. Silverman D. *Doing Qualitative Research*. London, Thousand Oaks, Delhi, Sage Publ., 2000. 390 p.

Information About the Author

Alexander Yu. Rozhkov, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of Department of Sociology, Kuban State University, Stavropolskaia St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, avro14@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3064-2915>

Информация об авторе

Александр Юрьевич Рожков, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, avro14@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3064-2915>

ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.21>

UDC 32.019.51(460)
LBC 66.69(4Исп)

Submitted: 03.09.2021
Accepted: 23.01.2022

CIVIL WAR MEMORY POLICY IN THE DOCUMENTS OF CONTEMPORARY SPANISH PARTIES (2007–2021)

Yulia V. Kostenko

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract. Introduction. The topic of the article is relevant, since the memory of the Civil War of 1936–1939 is an important factor of political processes in modern Spain, including the positioning and discourse of political parties. **Methods and materials.** The purpose of the article is to determine the semantic dominants of the construction of the memory policy by the political parties of Spain in 2007–2021. The research is carried out on the basis of social constructivism, the concepts of historical memory of P. Nora and A. Assman, and discourse analysis. A secondary analysis of the results of sociological surveys was conducted. **Analysis and results.** The article reveals the political orientation of the “Act on Historical Memory” of 2007 and the proposals of political parties on its reform. It is proved that the ruling Spanish Socialist Workers’ Party is interested in reviewing the policy of memory, deepening its anti-Francoist content. The left-wing parties – “Unidas Podemos” and “Mas Pais”, as well as the Catalan parties, most radically advocate the adoption of a new law on historical memory, honoring the victims of the war. The center-right forces—the People’s Party and “Ciudadanos” (“Citizens”) to limit the effect of the 2007 Act, portraying the parties to the conflict – Republicans and nationalists – as equally responsible for the violence. The right-wing radical party “Vox” openly considers itself the successor of Francoism and its unitarian program, placing all the blame on the Republicans. The activity of parties of Catalonia and the Basque Country in the field of constructing historical memory is evaluated, the trends of contrasting the memory of the Civil War in public opinion throughout Spain, as well as Catalonia and the Basque Country are shown. **Conclusion.** In general, the policy of remembering the Civil War for 2018–2021 has become much more important for public opinion, which is explained by the current political competition.

Key words: contemporary political parties, memory policy, the Civil War of 1936–1939, Spain in 2007–2021.

Citation. Kostenko Yu.V. Civil War Memory Policy in the Documents of Contemporary Spanish Parties (2007–2021). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 4, pp. 239-250. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.21>

УДК 32.019.51(460)
ББК 66.69(4Исп)

Дата поступления статьи: 03.09.2021
Дата принятия статьи: 23.01.2022

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В ДОКУМЕНТАХ СОВРЕМЕННЫХ ИСПАНСКИХ ПАРТИЙ (2007–2021)

Юлия Витальевна Костенко

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. Тема статьи актуальна, поскольку память о гражданской войне 1936–1939 гг. является важным фактором политических процессов в современной Испании, в том числе – позиционирования и дискурса политических партий. Цель статьи – определить смысловые доминанты конструирования политики памяти политическими партиями Испании в 2007–2021 годах. Исследование выполнено на основе социального конструктивизма, концепций исторической памяти П. Нора и А. Ассман, дискурс-анализа. Проведен вторичный анализ результатов социологических опросов. В статье выявлена политическая направленность «Акта об исторической памяти» 2007 г. и предложений политических партий об его реформировании. Доказано, что правящая Испанская социалистическая рабочая партия заинтересована в пересмотре политики памяти, углублении ее антифранкистского содержания. Левые партии – «Unidas Podemos» и «Mas Pais», а также каталонские партии наиболее радикально выступают за принятие нового закона об исторической памяти, воздание почестей жертвам войны. Правоцентристские силы – Народная партия и «Ciudadanos» («Граждане») стремятся ограничить действие Акта 2007 г., изображая стороны конфликта – республиканцев и националистов – в равной мере ответственными за насилие. Праворадикальная партия «Вокс» открыто считает себя преемницей франкизма и его унитаристской программы, возлагая всю вину на республиканцев. Оценивается деятельность партий Каталонии и Страны Басков в сфере конструирования исторической памяти, показаны тенденции противопоставления памяти о гражданской войне в общественном мнении всей Испании, а также Каталонии и Страны Басков. В целом политика памяти о гражданской войне за 2018–2021 гг. стала значительно важнее для общественного мнения, что объясняется текущей политической конкуренцией.

Ключевые слова: современные политические партии, политика памяти, гражданская война 1936–1939 гг., Испания 2007–2021 гг.

Цитирование. Костенко Ю. В. Политика памяти о гражданской войне в документах современных испанских партий (2007–2021) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 239–250. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.21>

Введение. Тема обладает актуальностью, так как историческая память о гражданской войне 1936–1939 гг. выступает в качестве важного фактора политических процессов в современной Испании, позиционирования и дискурса политических партий. Значение памяти о гражданской войне возросло в условиях правления левоцентристского коалиционного правительства П. Санчеса (с 2018 г.). Это связано с использованием болезненных тем: взаимной жестокости, массовых захоронений в братских могилах, выбора между монархией либо республикой в современной политической борьбе. Рост конфронтации партий связан с перезахоронением диктатора Ф. Франко (октябрь 2019 г.), намерениями правительства принять новый «Акт об исторической памяти».

Методы. Цель статьи – определить смысловые доминанты конструирования политики памяти политическими партиями Испании в 2007–2021 годах. Выбор хронологических рамок вызван изменениями политики памяти партий после принятия Акта «О признании прав и принятии мер в интересах лиц, подвергшихся преследованию и насилию в годы гражданской войны и диктатуры» (2007 г.).

Работа выполнена на основе социального конструктивизма, концепций исторической памяти П. Нора [33] и А. Ассман [30], дискурс-анализа [31]. Коллективная историческая память осмысливается в качестве конструкта, формируемого агентами политической социализации: органами государственной власти, массмедиа, политическими партиями и общественными ассоциациями. Отбор значимых, подлежащих оценке и продвижению в общественном мнении, исторических событий и личностей подчинен конъюнктурным политическим целям, а не их объективному значению в истории. Проведен вторичный анализ итогов социологических опросов [20; 29]. Дискурс-анализ позволяет выявить смысловые конструкции оценки событий в партийных документах, речевые способы выражения идей.

Эмпирическая основа статьи такова. Особое значение имеет массовый опрос, проведенный Центром социологических исследований в 2007 г. [29], позволяющий сравнить состояние исторической памяти во всей Испании, а также в Каталонии и Стране Басков. Важен Акт «О признании прав и принятии мер в интересах лиц, подвергшихся преследова-

нию и насилию в годы гражданской войны и диктатуры» от 31 октября 2007 года [24]. Для компаративного анализа дискурса партий привлекаются Манифест ИСРП к 90-летию провозглашения Второй республики [25], заявления партийных представителей в периодической печати [11; 32; 46; 50] и выступления политических деятелей о реформах [39].

Уровень научной разработанности проблемы. Среди испанских политологических и исторических изданий можно выделить диссертацию П. Агилар Фернандес [8], статьи М. Ортис Эраса [34], Х. Родриго [44], Э. де Артуньо [10], П. Домингес Пратс [16]. Новым направлением стали исследования исторической памяти о гражданской войне, формируемой в киберпространстве [18] и социальных сетях [17]. Исследования мифотворчества о гражданской войне проводят Г. Камен [22] и А. Виньяс [48]. С 2018 г. растет внимание аналитиков к правовым и моральным аспектам политики памяти. Таковы работы М.Р. де Лугана [15] и П. Пере Солера [35]. Уделяется внимание особенностям политики памяти в Каталонии (Д. Гонсалес Васкес) [21].

Российская историография темы не имеет такой длительной традиции, как испанская. Следует выделить по глубине специализированные исследования С.М. Хенкина [5; 6]. Е.О. Гранцева проанализировала политику памяти, проводимую государством, автономными сообществами и политическими партиями [1]. Е.А. Игнатович осветила роль перезахоронения Ф. Франко и дискуссий 2018–2019 гг. в реформах политики памяти [3]. Скорректированы преобладавшие в российской историографии представления об образцовости испанской политики национального примирения [2].

Внимание к теме возрастает. Современные политические процессы в Испании становятся более конфликтными, а политические партии все более активно используют историческую память о гражданской войне для распространения своих идеологий и ослабления конкурентов. Эти тенденции политики партий в Испании остаются недостаточно изученными, что определяет ракурс и новизну работы.

Результаты. Гражданская война 1936–1939 гг. остается одним из главных истори-

ческих событий, влияющих на политические ориентации современных испанцев. Война унесла жизни не менее 330 тыс. чел. – как участников конфликта с обеих сторон, так и мирных людей в стране с населением 28 млн чел. Свыше 114 тыс. жертв войны пропали без вести, 30 тыс. до сих пор покоятся в братских могилах и не погребены должным образом [4; 5, с. 74]. Память о гражданской войне раскалывает общество не только по социально-классовому и политико-идеологическому признаку, но и территориально – на сообщества, поддержавшие Республику либо националистов.

Результаты анкетного опроса, проведенного Центром социологических исследований в 2007 г. (пропорциональная выборка во всех автономных сообществах, 2 936 чел. старше 18 лет, погрешность 1,85 %), подтверждают, что гражданская война весомо влияет на коллективную память испанцев. Участники опроса считают войну главным событием истории страны в XX веке [29, р. 4]. У абсолютного большинства (55 %) память о гражданской войне вызывала прежде всего чувство скорби, но у 15,8 % – гнев и ярость. Восприятие франкизма более негативное, но тоже противоречивое. Относительное большинство (23,5 %) испытывали гнев в отношении франкизма, а 16,2 % – скорбь [29, р. 6]. 88,2 % респондентов признают невозможность при франкизме свободно выражать свое мнение, а 79,6 % отмечают нарушения прав человека, но 37,6 % полагают, что при франкизме обеспечивалось единство Испании, а 35,1 % заявили, будто «при франкизме было больше порядка и мира, чем сейчас» [29, р. 18]. Смогли дать ответ, на чьей стороне воевали их предки, 60,4 % респондентов. Но признают, что в детском и юношеском возрасте получили в семье мало сведений о войне, – 43,6 %, а 30,5 % – не обсуждали в семье эти события [29, р. 7, 10].

Политические оценки гражданской войны в большей мере смещены в пользу Республики. Полагали, что националисты уничтожили больше жертв в годы войны, 30,0 % опрошенных; возлагали равную вину на обе стороны – 35,9 %; считали республиканцев более жестокими – 4,1 %. Основным виновником гражданской войны считали правых

29,8 % респондентов, обе стороны – 39,9 % и левых – 6,7 % [29, р. 13]. Из таких приоритетов следует иерархия маркеров памяти о войне. На первом месте утверждение: «Франкизм по-прежнему жив в памяти испанцев» – 57,5 % «скорее согласных»; на втором: «Память о гражданской войне весьма жива в памяти испанцев» – 53,1 %; на третьем: «Республика была первым демократическим опытом Испании» – 39,9 %; далее: «Разногласия и обиды, которые в прошлом создавала гражданская война, уже забыты» – 36,0 %; «В Испании до сих пор боятся говорить о прошлом» – 30,5 %. На последнем месте по популярности тезис «Вторая республика ответственна за гражданскую войну» – 16,4 % ответов [29, р. 13].

Преобладающее мнение опрошенных в 2008 г. о мерах политики памяти – в пользу национального согласия. Считали, что действия по признанию жертв войны должны охватывать все стороны конфликта, – 82,7 %; что должны быть признаны погибшие при демонстрациях и забастовках во время демократического транзита, – 68,4 %; что жертвы диктатуры не получили признания, – 55,7 %. Только 33,9 % полагали, что лучше забыть о войне [29, р. 16]. Закон 2007 г. оценивали положительно – 52,5 %, как приемлемый – 17,1 %, плохой – 15,6 %. Мотивация оценок: «Это необходимая мера, поскольку демократия имела неоплатный долг перед жертвами гражданской войны и франкизма» – так думали 40,8 %; «Это несвоевременная мера, она воскрешает обиды прошлого» – 27,6 %; закон не приносит справедливости жертвам гражданской войны и франкизма – 13,2 % [29, р. 19].

В сравнении с общенациональным общественным мнением респонденты в Каталонии и Стране Басков в большей мере поддерживали Республику и осуждали франкизм, считая необходимым разрыв с диктатурой. Но гражданская война воспринимается в данных регионах как противостояние по этническому принципу [27, р. 8, 14; 28, р. 9, 15]. Более поздние социологические опросы подтверждают данные тенденции. Так, при опросе газеты «El Mundo» в 2019 г. поддержали перезахоронение Ф. Франко 43,0 % респондентов, осудили – 32,5 % и не определились с мнением – 24,5 % [36; 3, с. 123]. Г. Камен отмечает, что такое состояние умов подтверждает сла-

бость национального единства и противоречивое отношение к монархии, эрозию национальной идентичности [22, р. 36–37, 72–73, 206–210]. С. дель Кампо и Х.Ф. Тесанос указывают на рост конфликтности по мотивам идентичности, что характерно для информационного общества [20, р. 184–193, 347–361].

Испанское государство проводило на протяжении периода демократии противоречивую политику памяти. «Закон об амнистии» от 15 октября 1977 г. наложил запрет на преследование преступлений франкизма и вывел обсуждение проблем памяти за пределы официального дискурса образования, музейной и символической политики. Приговоры франкистских трибуналов не были отменены [23]. Эта политика, устраивавшая основные партии, получила прозвище «амнезии» [8].

Акт от 31 октября 2007 г., принятый голосами депутатов от правившей ИСРП во главе с премьер-министром Х.Л. Сапатеро, левых и регионалистских партий, вопреки Народной партии, осудил преступления франкистского режима, в том числе приговоры трибуналов над республиканцами, запретил франкистскую символику в публичных местах, инициировал государственную программу выплаты компенсаций жертвам диктатуры и перезахоронений жертв войны. Правительство организовало Документальный центр исторической памяти [5, с. 80; 24]. Но партия «Левые республиканцы Каталонии» сочла закон непоследовательным и отказалась поддерживать его, предложив свой радикальный законопроект [7]. Бывший председатель Жене-ралитата (правительства) Каталонии К. Пучдемон отмечает неполный разрыв государства с наследием диктатуры, сохранение франкистской символики и языкового угнетения [43, р. 23–36].

Закон 2007 г. во многом не исполнялся из-за дефицита финансирования, возврата правительства Народной партии во главе с М. Рахоем Бреем (2011–2018 гг.) к курсу «амнезии». Автономные сообщества стали принимать собственные законы о демократической памяти. Многие из них, особенно законы Каталонии и Андалусии, принятые голосами левых сил, значительно расширяли сферу регулирования и радикальность разрыва с франкизмом [15, р. 38–49]. Характерна активная деятель-

ность общенациональной «Ассоциации по восстановлению исторической памяти» (с 2000 г.) и «Демократического Мемориала Каталонии», созданного Женеалитатом в 2007 году [26]. Последняя из организаций противопоставляет события гражданской войны в Испании и Каталонии в духе борьбы за независимость [21; 26].

Пришедшее к власти летом 2018 г. левоцентристское правительство с участием ИСРП и «Унидас Подемос» (премьер-министр П. Санчес) выдвинуло проект изменений в закон 2007 году. Он обоснован в Манифесте ИСРП к 90-й годовщине провозглашения Второй Республики [27]. По словам вице-преьера от ИСРП К. Кальво, новый закон направлен на «возмещение ущерба и правосудие для жертв диктатуры и гражданской войны под эгидой сохранения и строгого соблюдения прав человека и в рамках международных органов», которые давно указывают Испании, что проблема не решена. Докладчик на 40-м съезде ИСРП А. Редондо подчеркнула значение реформ образования, чтобы учащиеся знали об истории войны; нужно переосмыслить значение Долины павших и изменить топонимику; примирение – это не забвение истории. Представители ИСРП обвинили ультраправых (партию «Вокс», которая желает «вернуть фашистскую память») в поляризации и расколе общества [11].

Совет министров одобрил 20 июля 2021 г. законопроект «О демократической памяти» и направил его на обсуждение в Генеральные кортесы. Проект преследует цель «сохранения и поддержания памяти о жертвах войны и франкистской диктатуры посредством познания истины, прав жертв на установление справедливости и выплату компенсаций, установления долга памяти властей, чтобы избежать повторения в любой форме политического насилия или тоталитаризма» [14]. Закон должен укрепить сплоченность и солидарность между поколениями на основе конституционных принципов, ценностей и свобод. Это потребует, по мнению государственного секретаря по демократической памяти Ф. Мартинеса, отменить закон 1977 года. Будет создана специализированная прокуратура для расследования фактов нарушений прав человека в 1936–1978 годах. В г. Саламанка будет создан

межрегиональный совет по сотрудничеству администраций для проведения единой политики на национальном, региональном и местном уровнях, а также «Совет демократической памяти». Предлагается установить памятные даты: 31 октября – день жертв гражданской войны, государственного переворота и диктатуры, 8 мая – день изгнанников.

Законопроект предлагает прекратить деятельность Фонда Франсиско Франко и Фонда Святого Креста в Долине павших, замеченных в «пропаганде франкизма, восхвалении государственного переворота и диктатуры или прославлении [ее] предводителей, унижении достоинства жертв». Ожидается перезахоронение основателя Испанской фаланги Х.А. Примо де Риверы [14]. Проект означает выделение из госбюджета 895 тыс. евро на поддержание демократической памяти общества [12].

Левые партии – «Unidas Podemos» и «Mas Pais» поддерживают политику памяти, проводимую правительством П. Санчеса, но делают это в более радикальных, чем ИСРП, формах. В 2018 г. «Unidas Podemos» предложили создать специальную прокуратуру для расследования преступлений франкизма, спустя 3 года этот лозунг признан ИСРП. В том же духе выступает партия «Mas Pais», судя по предвыборной программе 2019 года [38]. «Unidas Podemos» призывает провести поиск и эксгумацию жертв франкизма; внести поправки в Закон 1977 г. об амнистии, чтобы осудить преступления против человечности; провести реституцию имущества, конфискованного чиновниками диктаторского режима; отменить все приговоры и решения франкистских органов юстиции [37]. «Unidas Podemos» предложили правительству в мае 2021 г. прекратить деятельность «Испанского католического движения» (ИКД) и Фонда Франсиско Франко за «акты и манифестации франкистского характера». Большая часть этих актов проводится в Мадриде, поэтому «Unidas Podemos» обвиняют мэрию столицы (во главе с Народной партией). Так, 28 марта 2021 г. ИКД организовало празднование годовщины падения Республики и захвата власти франкистами [46]. Правые партии обвиняют представителей «Unidas Podemos» в антиклерикализме, используя высказывание одного из

местных депутатов об убийстве республиканцами 7 тыс. верующих: «Всего 7000? Жаль. Их должно было быть гораздо больше» [13].

Партия «Левые республиканцы Каталонии», участвующая в правящей региональной коалиции, в предвыборной программе 2021 г. потребовала «от испанского государства принятия на себя ответственности за репрессии и извинений, пересмотра и компенсации за преступления, совершенные режимом Франко». Политика памяти, по мнению ЛРК, основана на возмещении ущерба жертвам репрессий и судебном преследовании виновных в преступлениях. «Испанская модель безнаказанности, которая держит жертв в забвении, обиды и несправедливость должны быть исправлены» путем эксгумации жертв диктатуры [39, р. 166–168]. Правоцентристская коалиция «Вместе за Каталонию» предлагает принять «интегральный закон об исторической и демократической памяти», требует убрать франкистскую символику из общественного пространства и обеспечить свободный доступ к государственной информации о пропавших без вести. Предлагается сохранять память о движениях за «свободу Каталонии» и полиэмигрантах, для чего возвести ряд мемориалов [40, р. 316–318]. Данные меры поддерживаются Женералитатом Каталонии.

Баскская националистическая партия (БНП), правящая в автономном сообществе, предлагает принять План действий на 2021–2024 гг. в сфере политики памяти, закон Страны Басков «Об исторической и демократической памяти» [41, р. 316–318]. Но левоцентристская оппозиционная коалиция «Бильду» обвиняет БНП в затягивании принятия этих актов, в отклонении законопроекта, выдвинутого ассоциацией «Платформа против преступлений франкизма». «Бильду» выступила с радикальным заявлением: «Невозможно разделять конфликт, который пережил народ после государственного переворота 1936 г., войну и диктатуру до наших дней» [42, р. 133–134].

Народная партия, приложившая в 1977–1990-х гг. немало сил для «обеления» образа наследницы франкизма, с приходом к руководству партией П. Касадо, предпочитает дискурс равной ответственности сторон за насилие. По мнению НП, перезахоронение Ф. Франко «служит тому, чтобы поддерживать

раны гражданской войны открытыми» [19]. 30 июня 2021 г. П. Касадо заявил в Конгрессе депутатов, что гражданская война в Испании была «противостоянием между теми, кто хотел демократии без закона, и теми, кто хотел закона без демократии». Ранее бывший министр-консерватор Ф. Камуньяс отрицал факт путча 1936 года. Эта позиция вызвала негодование всех партий, кроме «Вокс». Представитель ИСРП Х.Л. Абалос обвинил Касадо в оправдании диктатуры: «Это было столкновение легитимной демократии и путчистов, которые установили режим террора и репрессий». Лидер «Mas Pais» И. Эррехон заявил: «Путчисты восстали против испанского народа, испанской демократии и действовавшего в Испании закона... Логика диктатора: надо было совершить государственный переворот против демократии, потому что народ плохо себя вел». Премьер-министр потребовал у Касадо отказаться от своих слов [45]. От него отмежевалась даже вице-мэр Мадрида, член правоцентристской партии «Граждане». Но П. Касадо ужесточил точку зрения, пообещав отменить закон о памяти 2007 г., когда НП придет к власти. По мнению политика, перезахоронения жертв войны – это «сектантское прочтение истории», а потомки жертв якобы получили 16 млн евро компенсаций [32]. В июле 2021 г. бывший министр консервативного правительства Р. Ариас Сальгадо заявил, что демократическая память «не является механизмом преодоления гражданской войны», а цель левоцентристов – «делегитимизировать Конституционный пакт», сменить режим [47]. Такая позиция вызвана стремлением перехватить радикальный электорат у «Вокс», как и мнением руководства НП о снижении популярности ИСРП.

Праворадикальная партия «Вокс», набирающая популярность с 2018 г., отрицает демократическую политику памяти. В 2019 г. партия внесла в Генеральные кортесы предложение отменить Закон 2007 г. как «убивающий свободу». Депутат от «Вокс» С.Х. Роблес заявил, что закон делит общество на «хороших и плохих», стремится «постепенно ликвидировать конституционный режим», который якобы остается преемником франкистского. По словам Роблеса, «осуждение франкизма не имеет никакого смысла, поскольку мы на-

следники, и история такая, какая она есть». «Вокс» обвиняет социалистов в убийствах правых политиков и «варварстве революции» [50]. Фонд защиты испанской нации, созданный лидером «Вокс» С. Абаскалем, отрицает, что Ф. Франко совершил государственный переворот и установил диктатуру. Публицист Д. Лопес восхищается «величием» Франко [9]. Представитель «Вокс» в кортесах И. Эспиноса выступил против намерения ИСРП объявить франкизм преступлением. В рядах «Вокс» состоит ряд отставных генералов, опубликовавших в 2018 г. декларацию против перезахоронения Ф. Франко. «Вокс» спекулирует на страхе общества перед экономическим и политическим кризисом, сепаратизмом. Типичным примером популизма можно считать заявление депутата «Вокс» М. Боррас: «Лорка сегодня проголосовал бы за Vox, потому что Лорка любил Испанию» [49].

Заключение. «Акт об исторической памяти» 2007 г. стал важным правовым и политическим документом, определяющим идейный и институциональный формат политики памяти Испании. Но акт 2007 г. не дезавуировал приговоры франкистской юстиции, не обеспечил полное осуждение франкизма в образовательной, музейной и символической сфере. Поэтому испанские политические партии выдвигают проекты реформ политики памяти. Правящая ИСРП заинтересована в пересмотре политики памяти, углублении ее антифранкистского содержания. Общеиспанские левые партии – «Unidas Podemos» и «Mas Pais», как и каталонские, и баскские партии, наиболее радикально выступают за принятие нового закона об исторической памяти, воздание почестей жертвам войны. Трактовки политики памяти левыми региональными националистами (ЛРК, «Бильду») более радикальны, чем правоцентристскими партиями. Правоцентристские силы – Народная партия и «Граждане» стремятся ограничить действие Акта 2007 г., считая стороны конфликта – республиканцев и националистов – в равной мере ответственными за насилие. Праворадикальная партия «Вокс» считает себя преемницей франкизма и его унитаристской программы, возлагая всю вину на республиканцев. Деятельность партий Каталонии и Страны Басков по конструированию исторической памяти о

гражданской войне стимулирует противопоставление данных сообществ Испании. Политика памяти о гражданской войне за 2018–2021 гг. стала значительно важнее для общественного мнения, что объясняется использованием проблемы партиями для мобилизации и сплочения своих сторонников. Развитие партийных интерпретаций политики памяти ведет к дезинтеграции испанского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гранцева, Е. О. Возможно ли согласие? : Историческая память о событиях XX в. в повседневной жизни и законодательстве современной Испании / Е. О. Гранцева // Латиноамериканский исторический альманах. – 2018. – № 19. – С. 316–336.
2. Данилов, С. Ю. Гражданская война и общенациональное примирение: США, Россия, Испания / С. Ю. Данилов. – М. : Издат. дом ГУ-ВШЭ, 2004. – 152 с.
3. Игнатович, Е. А. Историческая политика как политика памяти и проблемы идентичности в современной Испании / Е. А. Игнатович // Российский журнал исследований национализма. – 2019. – № 12. – С. 123–129.
4. Оррильо, Л. «Испанцы недавно осознали, что более 30 000 жертв Гражданской войны лежит до сих пор в расстрельных ямах» / Л. Оррильо, Т. Пигарёва. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.colta.ru/articles/mosty/21786-ispantsy-nedavno-osoznali-chno-bolee-30-000-zhertv-grazhdanskoy-voyny-lezhat-do-sih-por-v-rasstrelnyh-yamah> (дата обращения: 28.08.2021). – Загл. с экрана.
5. Хенкин, С. М. Испания: полемика вокруг исторической памяти / С. М. Хенкин // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – Т. 12, № 4. – С. 72–87.
6. Хенкин, С. М. Современная Испания: некоторые проблемы отношения к Гражданской войне и франкистской диктатуре / С. М. Хенкин // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2019. – Т. 10, вып. 2 (76). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://history.jes.ru/s207987840002533-5-1/> (дата обращения: 28.08.2021). – Загл. с экрана.
7. A la Mesa del Congreso de los Diputados. El Grupo parlamentario de Esquerra Republicana. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.esquerra.cat/arxiu/docs/pl-memoriahistorica_180718.pdf (date of access: 28.08.2021). – Title from screen.
8. Aguilar Fernández, P. La Memoria histórica de la Guerra Civil Española, 1936–1939: un proceso de

aprendizaje político. Thesis (doctoral) / P. Aguilar Fernández. – Madrid : Instituto Juan March de Estudios e Investigaciones, 1995. – IX, 616 p.

9. Albin, D. “Franco no dio un golpe de estado”: la fundación ligada a Vox difunde textos que exaltan la dictadura / D. Albin. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.publico.es/politica/ultraderecha-franco-no-dio-golpe-fundacion-ligada-vox-difunde-textos-exaltan-dictadura.html> (date of access: 28.08.2021). – Title from screen.

10. Antucano, E. de. Memoria de la guerra civil española: en torno al trasfondo y derivas de la “Ley de la memoria histórica de 2007” / E. de Antucano // Foro Internacional. – 2010. – Vol. L, № 1. – P. 63–87.

11. Calvo anuncia que “en pocos días” el Gobierno llevará al trámite parlamentario la ley de Memoria Democrática. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.psoe.es/actualidad/noticias-actualidad/calvo-anuncia-que-en-pocos-dias-el-gobierno-lleva-al-tramite-parlamentario-la-ley-de-memoria-democratica/> (date of access: 28.08.2021). – Title from screen.

12. Calvo, F. El Gobierno concede casi 900.000 euros para la memoria democrática de las víctimas de la Guerra Civil y la dictadura / F. Calvo. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.europapress.es/nacional/noticia-gobierno-concede-casi-900000-euros-memoria-democratica-victimas-guerra-civil-dictadura-20210830125349.html> (date of access: 28.08.2021). – Title from screen.

13. Caparrós, A. Un candidato de Podemos, sobre las monjas asesinadas en la República: “Qué pena, deberían haber sido muchas más” / A. Caparrós. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.abc.es/espana/comunidad-valenciana/abc-candidato-podemos-sobre-monjas-asesinadas-republica-deberian-haber-sido-muchas-mas-201910301804_noticia.html?ref=https%3A%2F%2Fwww.google.ru%2F (date of access: 28.08.2021). – Title from screen.

14. Carballar, O. La nueva ley de memoria llega en pleno revisionismo histórico / O. Carballar. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.lamarea.com/2021/07/20/la-nueva-ley-de-memoria-llega-en-pleno-revisionismo-historico/> (date of access: 28.08.2021). – Title from screen.

15. De Luga, R.M. La guerra civil, la memoria social y la nación: algunas consideraciones teóricas y éticas / R.M. De Luga // Realidad. Revista de Ciencias Sociales y Humanidades. – 2019. – № 153. – P. 9–22.

16. Domínguez Prats, P. Viejas y nuevas memorias de la guerra civil / P. Domínguez Prats // Studia historica. Historia contemporanea. – 2014. – Vol. 32. – P. 285–298.

17. Eiroa San Francisco, M. Memoria e historia en redes sociales: nuevos soportes de resistencia al

olvido de la Guerra Civil española y el Franquismo / M. Eiroa San Francisco // Historia y memoria. – 2020. – № 21. – P. 71–108.

18. Eiroa, M. La Guerra Civil Española en la Actualidad Cibermediática / M. Eiroa, F. Amarilla, M. Cillero, J. I. Domínguez // Studia historica. Historia contemporanea. – 2014. – Vol. 32. – P. 357–369.

19. El PP carga contra Sánchez con motivo de la exhumación de Franco. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.elplural.com/politica/el-pp-carga-contra-sanchez-con-motivo-de-la-exhumacion-de-franco_217839102 (date of access: 28.08.2021). – Title from screen.

20. España. Una sociedad en cambio / ed.: S. Del Campo, J.F. Tezanos. – Madrid : Fundación Caja Madrid ; Editorial Biblioteca Nueva, 2010. – 470 p.

21. González Vázquez, D. La patrimonialización de la memoria histórica: entre el deber social y la estrategia turística. Apuntes sobre el caso catalán / D. González Vázquez // Revista de Turismo y Patrimonio Cultural. – 2016. – Vol. 14, № 5. – P. 1267–1280.

22. Kamen, H. Imagining Spain: Historical Myth and national identity / H. Kamen. – New Haven ; London : Yale University Press, 2008. – 240 p.

23. Ley 46/1977, de 15 de octubre, de Amnistía // Boletín Oficial del Estado № 248, de 17/10/1977. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.boe.es/eli/es/l/1977/10/15/46/con> (date of access: 28.08.2021). – Title from screen.

24. Ley 52/2007, de 26 de diciembre, por la que se reconocen y amplían derechos y se establecen medidas en favor de quienes padecieron persecución o violencia durante la guerra civil y la dictadura // Boletín Oficial del Estado № 310, de 27 de diciembre de 2007. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.boe.es/buscar/pdf/2007/BOE-A-2007-22296-consolidado.pdf> (date of access: 28.08.2021). – Title from screen.

25. Manifiesto del PSOE. 90 aniversario de la Segunda República Española. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.psoe.es/media-content/2021/04/ManifiestoRepublica_21-del-PSOE.pdf (date of access: 28.08.2021). – Title from screen.

26. Memorial Democràtic. Funcions. Normativa. Composició. – Electronic text data. – Mode of access: <https://web.gencat.cat/ca/adreces-i-telefons/index.html?codInf=13794#Funcions> (date of access: 28.08.2021). – Title from screen.

27. Memorias de la guerra civil y el franquismo (Cataluña). Estudio nº 2.760. Abril 2008. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.cis.es/cis/export/sites/default/-Archivos/Marginales/2760_2779/2760/ES2760Cat.pdf (date of access: 28.08.2021). – Title from screen.

28. Memorias de la guerra civil y el franquismo (País Vasco). Estudio nº 2.760. Abril 2008. – Electronic

text data. – Mode of access: http://www.cis.es/cis/export/sites/default/-Archivos/Marginales/2760_2779/2760/Es2760PV.pdf (date of access: 28.08.2021). – Title from screen.

29. Memorias de la Guerra civil y el franquismo. Estudio nº 2.760. Abril 2008. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.cis.es/cis/export/sites/default/-Archivos/Marginales/2760_2779/2760/Es2760.pdf (date of access: 28.08.2021). – Title from screen.

30. Memory in a Global Age: Discourses, Practices and Trajectories / ed. by A. Assmann, S. Conrad. – N. Y. : Palgrave Macmillan, 2010. – 267 p.

31. Methods in Critical Discourse Analysis / ed by R. Wodak, M. Meyer. – 3rd rev. ed. – London : Sage Publications, 2011. – 200 p.

32. Monforte Jaen, M. Casado promete derogar la ley de Memoria Histórica si llega al Gobierno / M. Monforte Jaen. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.publico.es/politica/pp-casado-promete-derogar-ley-memoria-historica-llega-gobierno.html> (date of access: 28.08.2021). – Title from screen.

33. Nora, P. General Introduction: Between Memory and History / P. Nora // Realms of Memory. Rethinking the French Past. Vol. 1. Conflicts and Divisions / under the dir. of P. Nora. – N.Y. : Columbia University Press, 1996. – P. 1–23.

34. Ortiz Heras, M. Memoria Social de la Guerra Civil: La Memoria de los Vencidos, La Memoria de la Frustración / M. Ortiz Heras // Historia Actual Online. – 2006. – № 10 (Primavera). – P. 179–198.

35. Pere Soler, P. La memoria histórica de la Guerra Civil, la dictadura franquista, y la Transición, en España. Síntesis histórica e iniciativas legislativas recientes / P. Pere Soler // Cahiers de civilisation espagnole contemporaine. – 2019. – № 23. – Electronic text data. – Mode of access: <https://journals.openedition.org/ccec/8857#text> (date of access: 28.08.2021). – Title from screen.

36. Preston, P. Spain feels Franco's legacy 40 years after his death / P. Preston. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.bbc.com/news/world-europe-34844939> (date of access: 28.08.2021). – Title from screen.

37. Programa de PODEMOS. Las razones siguen intactas. – Electronic text data. – Mode of access: <https://podemos.info/materia/memoria-democratica/> (date of access: 28.08.2021). – Title from screen.

38. Programa. Elecciones generales 10N Reducido. Desbloquear. Avanzar. Más País. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.lasexta.com/noticias/nacional/elecciones-generales/programa-electoral-mas-pais-claves-proyecto-errejon_201911065dc2f7d00cf2767d148cc054.html (date of access: 28.08.2021). – Title from screen.

39. Programa electoral. Eleccions al Parlament de Catalunya 2021. – Barcelona : Esquerra Republicana, 2021. – 187 p.

40. Programa electoral. Eleccions al Parlament de Catalunya 2021. Junts. – Electronic text data. – Mode of access: <https://junts.cat/wp-content/uploads/2021/02/PROGRAMA-ELECTORAL-JUNTS.pdf> (date of access: 28.08.2021). – Title from screen.

41. Programa 2020–2024. Euskadi Zutik. ¡Saldremos! – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.eaj-pnv.eus/es/adjuntos-documentos/19724/pdf/programa-electoral-elecciones-al-parlamento-vasco-> (date of access: 28.08.2021). – Title from screen.

42. Programa electoral 2020. Araba, Bizkaia y Gipuzkoa. Nuestro compromiso: construir el país que mereces. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.20minutos.es/uploads/files/2020/06/25/Programa%20Bildu.pdf> (date of access: 28.08.2021). – Electronic text data. – Mode of access

43. Puigdemont, C. La crisi catalana: Una oportunitat per a Europa. Conversant amb Olivier Mouton / C. Puigdemont. – Barcelona : La Campana Llibres, 2018. – 238 p.

44. Rodrigo, J. La guerra civil: “memoria”, “olvido”, “recuperación” e instrumentación / J. Rodrigo // Hispania nova. Revista de Historia Contemporánea. – 2006. – № 6. – P. 385–410.

45. Tolosa, L. Pablo Casado: “La Guerra Civil fue un enfrentamiento entre quienes querían la democracia sin ley y quienes querían la ley sin democracia” / L. Tolosa. – Electronic text data. – Mode of access: <https://elpais.com/espana/2021-06-30/pablo-casado-la-guerra-civil-fue-un-enfrentamiento-entre-quienes-querian-la-democracia-sin-ley-y-quienes-querian-la-ley-sin-democracia.html> (date of access: 28.08.2021). – Title from screen.

46. Unidas Podemos exige a Sánchez medidas contra los “actos franquistas” que “ampara” el Gobierno de Ayuso. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.europapress.es/nacional/noticia-unidas-podemos-exige-sanchez-medidas-contra-actos-franquistas-ampara-gobierno-ayuso-20210508111833.html> (date of access: 28.08.2021). – Title from screen.

47. Varela, F. Casado acerca el PP al negacionismo sobre la Guerra Civil en el que ya milita Vox / F. Varela. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.infolibre.es/noticias/politica/2021/07/21/casado_acerca_negacionismo_sobre_guerra_civil_que_milita_vox_22933_1012.html (date of access: 28.08.2021). – Title from screen.

48. Viñas, À. Sobre mitos y falacias de la Guerra Civil que aún persisten / A. Viñas // Bulletin hispanique. – 2016. – № 118–1. – P. 49–64.

49. Vox dice que Lorca hoy les votaría y Podemos responde: “Lo matasteis vosotros”. – Electronic text

data. – Mode of access: https://cadenaser.com/ser/2021/08/25/politica/1629905592_689212.html (date of access: 28.08.2021). – Title from screen.

50. Vox se niega a condenar el franquismo: “Somos herederos y la historia es la que es”. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.elplural.com/politica/espana/vox-franquismo-condena-memoria-historica-guerra-civil-espinosa-monteros_224017102 (date of access: 28.08.2021). – Title from screen.

REFERENCES

1. Grantseva E.O. Vozmozhno li soglasie?: Istoricheskaya pamyat' o sobyitiyakh XX v. v povsednevnoj zhizni i zakonodatel'stve sovremennoj Ispanii [Is Consent Possible? The Historical Memory of the Events of the Twentieth century in everyday life and in Law of Contemporary Spain]. *Latinoamerikanskij istoricheskij al'manakh* [Latin American Historical Almanach], 2018, no. 19, pp. 316-336.

2. Danilov S.Yu. *Grazhdanskaya voina i obshchenatsional'noe primirenje: SShA, Rossiya, Ispaniya* [Civil War and National Reconciliation: The USA, Russia, Spain]. Moscow, Izdat. dom GU-VSHE, 2004. 152 p.

3. Ignatovich E.A. Istoricheskaya politika kak politika pamyati i problemy identichnosti v sovremennoj Ispanii [Historical Politics as a Policy of Memory and Identity Problems in Contemporary Spain]. *Rossijskij zhurnal issledovanij natsionalizma* [Russian Journal of Nationalism Studies], 2019, no. 12, pp. 123-129.

4. Orril'o L., Pigaryova T. “Ispantsy nedavno osoznali, chto bolee 30 000 zhertv Grazhdanskoj voiny lezhit do sikh por v rasstrel'nykh yamakh” [“The Spaniards Recently Realized that More than 30,000 Victims of the Civil War are Still Lying in Firing Pits”]. URL: <https://www.colta.ru/articles/mosty/21786-ispantsy-nedavno-osoznali-chto-bolee-30-000-zhertv-grazhdanskoj-voiny-lezhat-do-sih-por-v-rasstrelnyh-yamah> (accessed 28 August 2021).

5. Khenkin S.M. Ispaniya: polemika vokrug istoricheskoy pamyati [Spain: Polemics Around Historical Memory]. *Kontury global'nykh transformatsij: politika, ekonomika, pravo* [Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law], 2019, vol. 12, no.4, pp. 72-87.

6. Khenkin S.M. Sovremennaya Ispaniya: nekotorye problemy otnosheniya k Grazhdanskoj voine i frankistskoj diktature [Contemporary Spain: Some Problems of Attitude to the Civil War and the Francoist Dictatorship]. *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal “Istoriya”* [Electronic scientific and educational magazine “History”], 2019, vol. 10, iss. 2 (76). URL: <https://history.jes.ru/s207987840002533-5-1/> (accessed 28 August 2021).

7. *A la Mesa del Congreso de los Diputados. El Grupo parlamentario de Esquerra Republicana*. URL: https://www.esquerra.cat/arxiu/docs/pl-memoriahistorica_180718.pdf (accessed 28 August 2021).

8. Aguilar Fernández P. *La Memoria històrica de la Guerra Civil Espanola, 1936–1939: un proceso de aprendizaje politico. Thesis (doctoral)*. Madrid, Instituto Juan March de Estudios e Investigaciones, 1995. IX, 616 p.

9. Albin D. “Franco no dio un golpe de estado”: la fundaciyn ligada a Vox difunde textos que exaltan la dictadura. URL: <https://www.publico.es/politica/ultraderecha-franco-no-dio-golpe-fundacion-ligada-vox-difunde-textos-exaltan-dictadura.html> (accessed 28 August 2021).

10. Antucano E. de. Memoria de la guerra civil espacola: en torno al trasfondo y derivas de la “Ley de la memoria historyca de 2007”. *Foro Internacional*, 2010, vol. L, no. 1, pp. 63-87.

11. *Calvo anuncia que “en pocos días” el Gobierno llevará al trámite parlamentario la ley de Memoria Democrática*. URL: <https://www.psoe.es/actualidad/noticias-actualidad/calvo-anuncia-que-en-pocos-dias-el-gobierno-lleva-al-tramite-parlamentaria-la-ley-de-memoria-democratica> (accessed 28 August 2021).

12. Calvo F. *El Gobierno concede casi 900.000 euros para la memoria democrática de las víctimas de la Guerra Civil y la dictadura*. URL: <https://www.europapress.es/nacional/noticia-gobierno-concede-casi-900000-euros-memoria-democratica-victimas-guerra-civil-dictadura-20210830125349.html> (accessed 28 August 2021).

13. Caparrós, A. *Un candidato de Podemos, sobre las monjas asesinadas en la República: “Qué pena, deberían haber sido muchas más”*. URL: https://www.abc.es/espana/comunidad-valenciana/abc-candidato-podemos-sobre-monjas-asesinada-republica-deberian-haber-sido-muchas-mas-201910301804_noticia.html?ref=https%3A%2F%2Fwww.google.ru%2F (accessed 28 August 2021).

14. Carballar O. *La nueva ley de memoria llega en pleno revisionismo histórico*. URL: <https://www.lamarea.com/2021/07/20/la-nueva-ley-de-memoria-llega-en-pleno-revisionismo-historico/> (accessed 28 August 2021).

15. De Lujan R.M. La guerra civil, la memoria social y la nación: algunas consideraciones teóricas y éticas. *Realidad. Revista de Ciencias Sociales y Humanidades*, 2019, no. 153, pp. 9-22.

16. Domínguez Prats P. Viejas y nuevas memorias de la guerra civil. *Studia historica. Historia contemporanea*, 2014, vol. 32, pp. 285-298.

17. Eiroa San Francisco M. Memoria e historia en redes sociales: nuevos soportes de resistencia al

olvido de la Guerra Civil española y el Franquismo. *Historia y memoria*, 2020, no. 21, pp. 71-108.

18. Eiroa M., Amarilla F., Cillero M., Domínguez J.I. La Guerra Civil Española en la Actualidad Cibermediática. *Studia historica. Historia contemporanea*, 2014, vol. 32, pp. 357-369.

19. *El PP carga contra Sánchez con motivo de la exhumación de Franco*. URL: https://www.elplural.com/politica/el-pp-carga-contra-sanchez-con-motivo-de-la-exhumacion-de-franco_217839102 (accessed 28 August 2021).

20. Del Campo S., Tezanos J.F., eds. *España. Una sociedad en cambio*. Madrid, Fundación Caja Madrid, Editorial Biblioteca Nueva, 2010. 470 p.

21. González Vázquez D. La patrimonialización de la memoria histórica: entre el deber social y la estrategia turística. Apuntes sobre el caso catalán. *Revista de Turismo y Patrimonio Cultural*, 2016, vol. 14, no. 5, pp. 1267-1280.

22. Kamen H. *Imagining Spain: Historical Myth and national identity*. New Haven, London, Yale University Press, 2008. 240 p.

23. Ley 46/1977, de 15 de octubre, de Amnistía *Boletín Oficial del Estado № 248, de 17/10/1977*. URL: <https://www.boe.es/eli/es/l/1977/10/15/46/con> (accessed 28 August 2021).

24. Ley 52/2007, de 26 de diciembre, por la que se reconocen y amplían derechos y se establecen medidas en favor de quienes padecieron persecución o violencia durante la guerra civil y la dictadura. *Boletín Oficial del Estado № 310, de 27 de diciembre de 2007*. URL: <https://www.boe.es/buscar/pdf/2007/BOE-A-2007-22296-consolidado.pdf> (accessed 28 August 2021).

25. *Manifiesto del PSOE. 90 aniversario de la Segunda República Española*. URL: https://www.psoe.es/media-content/2021/04/ManifiestoRepublica_21-del-PSOE.pdf (accessed 28 August 2021).

26. *Memorial Democràtic. Funcions. Normativa. Composició. Composid*. URL: <https://web.gencat.cat/ca/adreces-i-telefonos/index.html?codInf=13794#Funcions> (accessed 28 August 2021).

27. *Memorias de la guerra civil y el franquismo (Cataluña). Estudio nº 2.760. Abril 2008*. URL: http://www.cis.es/cis/export/sites/default/-Archivos/Marginales/2760_2779/2760/ES2760Cat.pdf (accessed 28 August 2021).

28. *Memories of the civil war and the Franco regime (Basque Country). Study no.2,760. April 2008*. URL: http://www.cis.es/cis/export/sites/default/-Archivos/Marginales/2760_2779/2760/Es2760PV.pdf (accessed 28 August 2021).

29. *Memorias de la Guerra civil y el franquismo. Estudio nº 2.760. Abril 2008*. URL: http://www.cis.es/cis/export/sites/default/-Archivos/Marginales/2760_2779/2760/Es2760.pdf (accessed 28 August 2021).

30. Assmann A., Conrad S., eds. *Memory in a Global Age: Discourses, Practices and Trajectories*. N.Y., Palgrave Macmillan, 2010. 267 p.

31. Wodak R., Meyer M., eds. *Methods in Critical Discourse Analysis*. London, Sage Publications, 2011. 200 p.

32. Monforte Jaen, M. *Casado promete derogar la ley de Memoria Histórica si llega al Gobierno*. URL: <https://www.publico.es/politica/pp-casado-promete-derogar-ley-memoria-historica-llega-gobierno.html> (accessed 28 August 2021).

33. Nora P. General Introduction: Between Memory and History. Nora P., dir. *Realms of Memory. Rethinking the French Past. Vol. 1. Conflicts and Divisions*. N.Y., Columbia University Press, 1996, pp. 1-23.

34. Ortiz Heras M. Memoria Social de la Guerra Civil: La Memoria de los Vencidos, La Memoria de la Frustración. *Historia Actual Online*, 2006, no. 10, pp. 179-198.

35. Pere Soler P. La memoria histórica de la Guerra Civil, la dictadura franquista, y la Transición, en España. Síntesis histórica e iniciativas legislativas recientes. *Cahiers de civilization espagnole contemporaine – Essays of Spanish contemporary civilization*, 2019, no. 23. URL: <https://journals.openedition.org/ccec/8857#text> (accessed 28 August 2021).

36. Preston, P. *Spain feels Franco's legacy of him 40 years after his death of him*. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-34844939> (accessed 28 August 2021).

37. *Programa de PODEMOS. Las razones siguen intactas*. URL: <https://podemos.info/materia/memoria-democratica/> (accessed 28 August 2021).

38. *Programa. Elecciones generales 10N Reducido. Desbloquear. Avanzar. Más País*. URL: https://www.lasexta.com/noticias/nacional/elecciones-generales/programa-electoral-mas-pais-claves-proyecto-errejon_201911065dc2f7d00cf2767d148cc054.html (accessed 28 August 2021).

39. *Programa electoral. Eleccions al Parlament de Catalunya 2021*. Barcelona, Esquerra Republicana, 2021. 187 p.

40. *Programa electoral. Eleccions al Parlament de Catalunya 2021. Junts*. URL: <https://junts.cat/wp-content/uploads/2021/02/PROGRAMA-ELECTORAL-JUNTS.pdf> (accessed 28 August 2021).

41. *Programa 2020–2024. Euskadi Zutik. ¡Saldremos!* URL: <https://www.eaj-pnv.eus/es/adjuntos-documentos/19724/pdf/programa-electoral-elecciones-al-pardamientos-vasco-> (accessed 28 August 2021).

42. *Programa electoral 2020. Araba, Bizkaia y Gipuzkoa. Nuestro compromiso: construir el país que mereces*. URL: <https://www.20minutos.es/uploads/files/2020/06/25/Programa%20Bildu.pdf> (accessed 28 August 2021).

43. Puigdemont C. *La crisi catalana: Una oportunitat per a Europa. Conversant amb Olivier Mouton*. Barcelona, La Campana Llibres, 2018. 238 p.

44. Rodrigo J. La guerra civil: “memoria”, “olvido”, “recuperación” e instrumentación. *Hispania nova. Revista de Historia Contemporánea*, 2006, no. 6, pp. 385-411.

45. Tolosa L. *Pablo Casado: “La Guerra Civil fue un enfrentamiento entre quienes querían la democracia sin ley y quienes querían la ley sin democracia”*. URL: <https://elpais.com/espana/2021-06-30/pablo-casado-la-guerra-civil-fue-un-enfrentamiento-entre-quienes-querian-la-democracia-sin-ley-y-who-wanted-the-law-without-democracy.html> (accessed 28 August 2021).

46. *Unidas Podemos exige a Sánchez medidas contra los “actos franquistas” que “ampara” el Gobierno de Ayuso*. URL: [https://www.europapress.es/nacional/noticia-unidas-podemos-exige-sanchez-medidas-contra-actos-franquistas-ampara-gobierno-](https://www.europapress.es/nacional/noticia-unidas-podemos-exige-sanchez-medidas-contra-actos-franquistas-ampara-gobierno-ayuso-20210508111833.html)

[ayuso-20210508111833.html](https://www.europapress.es/nacional/noticia-unidas-podemos-exige-sanchez-medidas-contra-actos-franquistas-ampara-gobierno-ayuso-20210508111833.html) (accessed 28 August 2021).

47. Varela, F. *Casado acerca el PP al negacionismo sobre la Guerra Civil en el que ya milita Vox*. URL: https://www.infolibre.es/noticias/politica/2021/07/21/casado_acerca_negacionismo_sobre_guerra_civil_que_milita_vox_122933_1012.html (accessed 28 August 2021).

48. Viñas A. Sobre mitos y falacias de la Guerra Civil que aún persisten. *Bulletin hispanique*, 2016, no. 118-1, pp. 49-64.

49. *Vox dice que Lorca hoy les votaría y Podemos responde: “Lo matasteis vosotros”*. URL: https://cadenaser.com/ser/2021/08/25/politica/1629905592_689212.html (accessed 28 August 2021).

50. *Vox se niega a condenar el franquismo: “Somos herederos y la historia es la que es”*. URL: https://www.elplural.com/politica/espana/vox-franquismo-condena-memoria-historica-guerra-civil-espinosa-monteros_224017102 (accessed 28 August 2021).

Information About the Author

Yulia V. Kostenko, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Department of Political Science and Political Management, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, jkostenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9298-9650>

Информация об авторе

Юлия Витальевна Костенко, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, jkostenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9298-9650>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.22>

UDC 325.254.1
LBC 66.4(4/8)

Submitted: 14.11.2020
Accepted: 21.04.2021

OVERVIEW OF MODERN FOREIGN PUBLICATIONS ON THE EVACUATION OF BASQUE CHILDREN TO THE GREAT BRITAIN IN 1937 DURING THE CIVIL WAR IN SPAIN

Anna E. Tsymbalova

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The historic episode of the evacuation of 4,000 Basque children to Great Britain after the bombing of Guernica was a striking and dramatic event in the Spanish Civil War. Despite a forty-year period of oblivion, since the 1980s after Spain's transition to democracy, there has been a surge in interest in this topic, which has not subsided in foreign studies until this moment. *Methods and materials.* This article uses a problematic approach to select the most interesting and relevant research on such a specific topic as the evacuation of Basque children to Great Britain in May 1937. Moreover, such general scientific theoretical methods as: analysis, comparison, generalization and forecasting are used. *Analysis.* In the course of the analysis, the article investigates both the main directions of modern research on this topic and the approaches on which these publications are based. The most interesting author's conclusions and ideas are considered, a comparative analysis of publications is carried out, and promising topics for future research are proposed. *Results.* One of the characteristic features of modern publications on the evacuation of Basque children to the UK is their emphasis on the psychological component and cognitive aspects, but each publication does this differently. The authors pay great attention to the issue of identity and find many interesting explanations why, in the end, the self-designation of oneself as "Basque children" played a key role in the formation and maintenance of collective identity. All publications to one degree or another touch upon such an aspect as the formation of a sacrificial image of Basque children in the media, which pursued certain political goals.

Key words: Basque children, refugee children, evacuation to the UK, Spanish Civil War, identity, memories.

Citation. Tsymbalova A.E. Overview of Modern Foreign Publications on the Evacuation of Basque Children to the Great Britain in 1937 During the Civil War in Spain. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 4, pp. 251-259. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.22>

УДК 325.254.1
ББК 66.4(4/8)

Дата поступления статьи: 14.11.2020
Дата принятия статьи: 21.04.2021

ОБЗОР СОВРЕМЕННЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ ПО ВОПРОСУ ЭВАКУАЦИИ БАСКСКИХ ДЕТЕЙ В ВЕЛИКОБРИТАНИЮ В 1937 г. ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ

Анна Евгеньевна Цымбалова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Аннотация. Исторический эпизод эвакуации 4 000 баскских детей в Великобританию после бомбардировки Герники стал ярким и драматическим событием гражданской войны в Испании. Несмотря на сорокалетний период забвения, в 1980-х гг. после перехода Испании к демократии наблюдается всплеск интереса к данной тематике, который не ослабевает в зарубежных исследованиях и по сей день. В данной статье применяется проблемный подход, позволяющий произвести подбор наиболее интересных и актуальных исследований по такой специфической теме, как эвакуация баскских детей в Великобританию в мае 1937 года. В каче-

стве общенаучных теоретических методов использовались такие, как анализ, сравнение, обобщение и прогнозирование. В ходе анализа были выявлены как основные направления современных исследований по данной тематике, так и проанализированы подходы, на которых эти публикации базируются. Рассмотрены наиболее интересные авторские выводы и идеи, проведен сравнительный анализ публикаций, а также изучены предлагаемые исследователями направления для дальнейшего развития данной темы. Одной из характерных черт современных публикаций на тему эвакуации баскских детей в Великобританию является их акцент на психологической составляющей и когнитивных аспектах, но в каждой публикации это делается по-своему. Большое внимание авторы уделяют вопросу идентичности и находят много интересных объяснений, почему в итоге именно самоназвание себя «баскскими детьми» сыграло ключевую роль в формировании и поддержании коллективной идентичности. Все публикации в той или иной степени затрагивают такой аспект, как формирование жертвенного образа баскских детей в СМИ, что преследовало определенные политические цели.

Ключевые слова: баскские дети, дети-беженцы, эвакуация в Великобританию, гражданская война в Испании, идентичность, воспоминания.

Цитирование. Цымбалова А. Е. Обзор современных зарубежных публикаций по вопросу эвакуации баскских детей в Великобританию в 1937 г. во время гражданской войны в Испании // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 251–259. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.22>

Введение. Тема гражданской войны до сих пор остается одной из острых и весьма актуальных в испанской историографии. После завершения войны и на протяжении правления Франко, а также во время переходного периода к демократии она открыто не освещалась, и большинство испанских исследований начинают появляться лишь после 1980-х годов. Бомбардировка священного для баскского народа города Герники (в апреле 1937 г.) стала ярким и драматическим событием гражданской войны в Испании, а последующая отправка баскских детей в СССР, Францию, Бельгию и Великобританию вызвала широкий общественный резонанс и сочувствие.

Тема эвакуации баскских детей в Великобританию в мае 1937 г. практически не изучается в современных российских исследованиях. Большинство русскоязычных работ посвящены баскским детям, прибывшим в СССР. Более того, в русскоязычных работах детей чаще называют испанскими, в то время как в англоязычных публикациях чаще речь идет либо о баскских детях, либо о детях-беженцах. За рубежом тема прибытия детей в Великобританию изучается довольно активно с 1980-х годов.

Методы и материалы. В качестве общенаучных теоретических методов применялись: анализ, сравнение, обобщение и синтез. Проанализированы наиболее значимые и интересные современные публикации; проведено сравнение их содержания, выявление

общих и особенных черт; с помощью обобщения были установлены наиболее востребованные направления исследований на настоящий момент, а синтез помог сделать общую оценку того или иного исследования на основе детального анализа его содержания.

В статье дается анализ работ Сюзанны Сабин-Фернадес «Баскские дети. Память и меморализация баскских детей, эвакуированных в Великобританию во время гражданской войны в Испании» [11], Эдварда Пакарда «Множество историй баскских детей беженцев в Великобритании» [9], Кристиана Ройта «Они все еще рисуют картины: гражданская война в Испании глазами детей» [10], Кевина Майерса и Сиана Робертса «Изгнание, эмоции и дети-беженцы: вынужденная европейская миграция и педагогика (1912–1947)» [8], Питера Андерсона ««Баскские дети – конец гражданской войны в Испании и начало депортации для детей» [1], Сандры Доусон «Дети-беженцы и эмоциональная цена интернационализма в Великобритании между двумя мировыми войнами» [4].

Анализ. В 2018 г. была опубликована историографическая статья Эдварда Пакарда «Множество историй баскских детей беженцев в Великобритании» по итогам международной конференции «Дети и детство», проходившей в Университете Саффолка [9]. Статья представляет собой обзор ключевых публикаций о баскских детях в период с 1980 по 2017 год. Начинается обзор с книги Дороти

Легаррета «Поколение Герники» (1984 г.), в которой представлены опросы более тысячи детей, эвакуированных в СССР, Францию, Бельгию и Великобританию. Опросы были проведены в 1979–1980-х гг., и все без исключения интервьюеры отметили, что никто раньше не беседовал с ними об их изгнании, и многие были обижены тем, что эта тема полностью игнорировалась на протяжении более чем сорока лет. Дороти Легаррета отметила, что, несмотря на усилия пропаганды, направленные на то, чтобы подчеркнуть дружелюбный характер баскско-британских отношений, на практике существовала большая психологическая пропасть между детьми и принимающей стороной. Ситуация еще более обострилась, когда в 1938–1939 гг. начались дебаты по вопросу их репатриации [9, р. 11].

Эдвард Пакард пришел к выводу, что существуют две основные причины, почему интерес к баскским детям значительно усиливается с 1980-х годов. Первая заключается в том, что только к тому времени некоторые из них начинают говорить открыто и публично о своем опыте с целью сохранения, распространения и передачи своих жизненных историй молодому поколению. Вторая же связана с переходом Испании к демократии и движением за восстановление исторической памяти о событиях гражданской войны, для чего стало необходимым собрать свидетельства и воспоминания детей-беженцев [9, р. 10]. Своеобразие переходного периода от диктатуры Франко к демократии заключалось в том, что в публичном дискурсе действовало негласное правило, а именно – избежать дебатов о причинах, ходе и последствиях гражданской войны, потому что они могли поставить под угрозу консенсус между франкистами и их противниками, который имел основополагающее значение для установления демократии.

Далее Э. Пакард отмечает, что с начала 2000-х появляется целый ряд исследователей, чьи работы имеют географическую привязку к определенной территории, на которой проживали баскские беженцы, например Д. Вотсон (Камбрия и Северо-Восток, 2005) [13], М. Джамп (Оксфордшир, 2007) [7], Х. Дэвис (Уэльс, 2011) [3], Д. Гулланд (Бакин-гемшир, 2014) [6], Р. Грейвс (Лестершир,

2017) [5]. История баскских детей также подтолкнула к созданию ряда творческих интерпретации, в том числе драматических и художественных (Дж. Симмонс, 2017) [12].

Изучив предшествующие публикации, Эдвард Пакард предлагает новые направления исследований. Например, сравнительный анализ эвакуации баскских детей с другими крупномасштабными перемещениями детей-беженцев, помощь простых британцев, выходящая за рамки официальной благотворительности. Автор также рекомендует будущим исследователям уделить больше внимания взаимоотношениям между баскскими и британскими детьми, что может помочь раскрыть ряд новых подробностей, поскольку до этого жизнь детей-беженцев рассматривалась почти исключительно через призму их отношений со взрослым миром.

Эдвард Пакард особо отметил исследование Сюзанны Сабин-Фернадес как значимое в связи с тем, что факт прибытия баскских детей в Великобританию долгое время не освещался ни в историографии, ни на официальном уровне, это вызвало ощущение «покинутости» в самой группе [9, р. 9]. В заключении автор отмечает, что мероприятия, на которых собираются баскские дети, играют важную роль в сохранении памяти об этих событиях, однако, не стоит романтизировать эти воспоминания, равно как и проводить параллели с другими беженцами, поскольку каждое событие имеет свой уникальный исторический контекст [9, р. 18].

В основе монографии Сюзанны Сабин-Фернадес «Баскские дети. Память и меморализация баскских детей, эвакуированных в Великобританию во время гражданской войны в Испании» (2011 г.) лежит докторская диссертация, защищенная в 2010 г. в Университете Саутгемптона [11]. Это фундаментальное научное исследование. Особый интерес к данной работе вызван тем, что Сюзанна Сабин-Фернандес является дочерью баскской девочки, отправленной на корабле из Сантурсе в Саутгемптон в мае 1937 г., спустя месяц после бомбардировки Герники. Достоверность и уникальность приводимых сведений обусловлены тем, что они взяты из личных интервью автора с участниками событий [11, р. 195–198]. Владение автора двумя языками

позволило перевести исследование на английский и испанский языки, благодаря чему оно стало доступно гораздо большему кругу читателей. Интересно также отметить, что книга вышла при поддержке баскского правительства и стала 25-м томом в коллекции «Уразанди» (в переводе с баскского – «За морем»). Основная идея всех книг заключается в изучении баскской диаспоры и так называемых баскских центров, которые появились в конце XIX в. в городах, где проживали баскские эмигранты, с целью взаимопомощи, сохранения баскской культуры и поддержания связей с родиной [2].

В самом начале исследования Сюзанна Сабин-Фернадес ставит перед собой два основных вопроса: кем были баскские дети, эвакуированные в Великобританию, и в чем заключались совершаемые ими памятные практики? Целью данного исследования стало изучение процессов мемориализации и того, каким образом они порождают, увековечивают, трансформируют и обновляют как индивидуальные, так и коллективные рассказы о прошлом [11, р. 25]. Сама структура работы обусловлена поиском ответов на эти вопросы. Книга состоит из пяти глав, отдельного раздела, посвященного методологическим аспектам исследования, приложения, в котором поясняется использование некоторых баскских терминов и названий, а также списка источников и литературы.

Первая глава содержит критический обзор литературы по вопросам памяти и увековечения, что позволяет подвести теоретическую основу для дальнейшего изучения индивидуальной и коллективной памяти. Глава завершается дискуссией об использовании терминов «беженец» и «диаспора», а также анализом такого основного понятия, как «дом», играющего ключевую роль в восприятии «нас» и «других» [11, р. 29–47].

Во второй главе рассматривается краткая историография гражданской войны, основные проблемы, с которыми столкнулось республиканское правительство, когда оно пришло к власти, а также специфика ситуации, сложившейся в Стране басков. Далее исследуется раннее иностранное вмешательство, которое ознаменовало начало интернационализации испанского конфликта. Отсюда сле-

дует вывод автора о двойственном отношении Великобритании к войне и возникает вопрос: была ли помощь, оказываемая добровольцами, чисто гуманитарная? Кроме того, Сюзанна Сабин-Фернадес изучает свидетельства, связанные с переездом, прибытием детей в детские дома и их последующей жизнью в Великобритании. Глава заканчивается обзором деятельности Ассоциации баскских детей Великобритании' 37 [11, р. 49–84].

Третья глава начинается с анализа того, каким образом данные события вспоминаются участниками, например, во время ежегодной встречи баскских детей. Автор останавливается как на изучении личностных аспектов участников, так и на определенных обстоятельствах, повлиявших на формирование их воспоминаний [11, р. 87–124]. В четвертой главе затронуты вопросы социальной идентичности баскских детей, а также то, каким образом эти вопросы исторически освещались в Испании и Великобритании. В конце главы предлагаются новые подходы к осмыслению событий прошлого и идентичности [11, р. 127–181]. В пятой главе представлены выводы исследования [11, р. 183–192].

Помимо глав, составляющих основу книги, есть еще раздел, который знакомит с методологическим подходом данного исследования, который базировался на наблюдении за жизнью сообщества, а также сборе информации с помощью интервью и бесед. Анализируются преимущества данного подхода и возникшие методологические проблемы, учитывая личную причастность автора к изучаемой теме и сложности перевода ряда испанских или баскских терминов [11, р. 195–210].

Автор делает интересные наблюдения о том, что в то время как некоторые баскские дети почти не рассказывали о своем опыте вынужденной миграции, другие наоборот стремились донести до общественности свою версию прошлого. Было также заметно, что некоторые из них, в том числе родственники Сюзанны Сабин-Фернадес, не употребляли в своих рассказах такие термины, как «изгнание» или «беженцы». В то время как другие говорили о том, что нужно «вернуть историческую память». Некоторые написали впоследствии мемуары, которые появлялись в средствах массовой информации. Зачастую

воспоминания перемещаются в эмоциональную сферу, которой может легко сочувствовать широкая аудитория, но одновременно и упускаются возможности для содержательного и детального обсуждения политического значения этого исторического эпизода [11, р. 191–192].

Сюзанна Сабин-Фернадес приходит к выводу о том, что баскские дети позиционируют себя как отдельную группу, которая стремится найти свое место в истории, ее уникальная особенность заключается в самом факте их прибытия 21 мая 1937 г. в Саутгемптон. Восприятие баскских детей как жертв обстоятельств и термин «los olvidados» (покинутые) по отношению к ним подкреплялся драматическим тоном повествований, во-первых, о потере семьи и дома, во-вторых, мучительном путешествии на корабле и, наконец, чувством отчужденности в Великобритании в качестве беженца. Данный термин постоянно использовался как самими баскскими детьми, так и неоднократно появлялся в информационном бюллетене Ассоциации баскских детей Великобритании' 37 [11, р. 144–157]. Однако со временем негативный контекст постепенно сменился восприятием данной группы как своеобразного «исторического памятника». На это повлияло и настойчивое стремление самих членов группы называть себя именно баскскими детьми.

Автор предлагает весьма гибкий подход к пониманию идентичности, согласно которому индивид рассматривается не как имеющий фиксированную и уникальную идентичность, а как совокупность идентичностей, принимающих различные формы в зависимости от обстоятельств. С течением времени происходит трансформация идентичности баскских детей и еще неизвестно, какие изменения в будущем ждут их потомков. Однако автор высказывает надежду, что каждый будет чувствовать себя комфортно с множественной идентичностью, сформированной в своих собственных терминах и без необходимости выбирать «кто и что они есть» в рамках навязываемого им дискурса [11, р.192].

Кристиан Ройт в статье «Они все еще рисуют картины: гражданская война в Испании глазами детей» (2019 г.) также отметил, что только с 1980-х гг. начинают появляться

политические, культурные и научные инициативы, направленные на укрепление исторической памяти о гражданской войне в Испании [10]. Его исследование детских рисунков, собранных несколькими учреждениями, в том числе Национальной библиотекой Испании, является весьма оригинальным. Кристиан Ройт неоднократно подчеркивает, что гражданская война в Испании была первым конфликтом, в ходе которого современное оружие преднамеренно применялось против гражданского населения в больших масштабах, поэтому многие дети стали свидетелями и жертвами боевых действий. После того, как они покинули Страну басков, рисунки стали отражением их воспоминаний о бомбардировках, эвакуации и разлуке с родителями. Исследователь отметил, что гражданская война вызвала широкий общественный резонанс во всем мире и большое количество корреспондентов, проживавших в Испании, информировали международное сообщество о ее ходе. Тема страдания детей на войне неоднократно использовалась для обращения к совести читателей, оказания влияния на них и с целью сбора средств для финансирования школьных колоний. По этим причинам дети очень часто занимали видные позиции на военных плакатах [10, р. 3].

Помимо анализа, психологической составляющей Кристиан Ройт уделяет пристальное внимание и политической подоплеке. Он отмечает, что с одной стороны, рисунки использовались как терапевтическое средство, чтобы помочь детям преодолеть травмы, нанесенные войной, а с другой – в качестве пропаганды, чтобы убедить западные демократии поддержать законное испанское правительство и прекратить их политику невмешательства [10, р. 10]. Как отметил автор, толкование детских рисунков может дать представление о коллективном опыте, незамутненном влиянием СМИ, оказавшем огромное влияние на всю дальнейшую жизнь баскских детей и нашедшем свое отражение в часто наивных, но всегда выразительных маленьких произведениях искусства [10, р. 11].

Кристиан Ройт обращает внимание на то, что специфика принимающей страны также оказала решающее влияние на дальнейшие судьбы детей. В СССР было эвакуировано

3 000 детей, которые на протяжении долгого времени строго воспитывались при сталинской диктатуре, в то время как 5 000 детей в Бельгии перестали существовать как отдельная группа потому, что их поселили в семьях. В Великобританию было эвакуировано 4 000 баскских детей, которые прибыли не только в сопровождении своих учителей, но и баскских священников, которые преподавали им уроки в соответствии с принципами католичества [10, p. 9].

Кристиан Ройт приходит к выводам о том, что темы, отражающие довоенную жизнь, не были результатом свободного выбора, а были выполнены в соответствии с инструкциями учителей, поскольку подавляющее большинство рисунков отражает детское переживание войны. Причина может заключаться и в том, что прибыв в школьные колонии, дети остро почувствовали необходимость выразить недавний травматический опыт в своих работах и не хотели возвращаться к воспоминаниям о мирной жизни до войны [10, p. 12]. Существует и еще целый пласт рисунков, изображающих гуманитарную помощь, эвакуацию и жизнь в колониях, борьбу между двумя враждующими сторонами в Испании, которые, вероятно, стали результатом последующей идеологической обработки [10, p. 13–18].

В заключении автор подчеркивает, что есть принципиальная разница между представлением современных войн в западных СМИ и их восприятием общественностью и реакцией западных демократий на события гражданской войны в Испании в конце тридцатых годов. В тот период времени считалось категорически неприемлемым убийство и насилие над детьми, поэтому выставки детских рисунков времен гражданской войны вызывали широкий резонанс и помогали собирать средства. Сегодня же общественное мнение в западных странах почти не принимает во внимание современные насильственные конфликты, число жертв которых намного больше, чем в гражданской войне в Испании [10, p. 19].

В 2019 г. вышла публикация «Изгнание, эмоции и дети-беженцы: вынужденная европейская миграция и педагогика (1912–1947)». Ее авторами стали исследователи из Университета Бирмингема Кевин Майерс и Сиан Робертс. Авторы рассматривают широкий

круг вопросов, связанных с эвакуацией детей во время вооруженных конфликтов, а также спецификой их дальнейшего воспитания и обучения, но основное внимание сконцентрировано на баскских детях, прибывших в Великобританию.

В самом начале работы выдвинут тезис о том, что во многих вооруженных конфликтах дети становились объектом настойчивого лоббирования, так как их образ вызывает более сильный эмоциональный отклик, это способствовало росту интереса и общественной поддержки [8, p. 47]. Авторы отмечают, что идеализация детства, подчеркивающая невинность и уязвимость, превратила и без того широко распространенный страх перед бомбардировками с воздуха в морально неприемлемую и неоправданную военную тактику. Акцентируется внимание на национальной и культурной самобытности баскского народа, достойного и невинного, вовлеченного в жестокую борьбу [8, p. 53].

Особое внимание в данной работе уделено дискуссии в политических кругах, предшествующей эвакуации, поскольку правительство Великобритании явно неохотно принимало детей-беженцев из Испании, которые, по его мнению, представляли риск для заявленной политики невмешательства. Кроме того, какими бы ни были гарантии, предлагаемые благотворительными организациями, принятие 4 000 детей вполне могло стать еще одной потенциальной статьей государственных расходов [8, p. 54–55]. Авторы придерживаются довольно нестандартного подхода, считая, что эмоции могут быть присущи не только людям, но и определенным сообществам. Именно эти механизмы, по их мнению, сыграли решающую роль в возникновении коллективного чувства страха за баскских детей и помогли создать переговорные площадки. Активно обсуждались антропологические, этнические, культурные и лингвистические особенности басков и возможность их дальнейшей адаптации к климату, обычаям, традициям и общественным устоям Великобритании [8, p. 55–56].

Как и Кристиан Ройт, Кевин Майерс и Сиан Робертс отмечают, что война активно освещалась в СМИ, как впрочем, и прибытие баскских детей в британских газетах. В ис-

следовании говорится о том, что с целью сбора средств на помощь детям был также снят ряд фильмов. В текстах и видеоряде часто проскальзывала идея о том, что дети были податливой и однородной группой молодых баскских католиков, уязвимой и невинной. В европейских газетах детей описывали как «жалких», «сбитых с толку», «нервных крошек» и «бедных бродяг из пораженной земли». Беженцев также обычно фотографировали в несколько пассивных ролях и их одежда в кадрах, казалось, была призвана сыграть на эмоциях читателей и зрителей. Пафос этих образов детей-беженцев сопровождался призывами английского правительства за мир, стабильность, терпимость и человечность, подчеркивающими заслугу Великобритании в оказании помощи [8, р. 58–59].

Подобное восприятие самих беженцев оказало влияние и на особенности работы с ними педагогов, которые стремились привить им важность мирного сосуществования с другими. Архивные материалы дали Кевину Майерсу и Сиан Робертсу информацию о значительном количестве беженцев, которые не только сделали карьеру в сфере образования, но и взяли на себя обязательство продвигать идею мирных человеческих отношений. Они работали в разных сферах, учреждениях, и у них была разнообразная специализация. Некоторые были учеными и исследователями, другие администраторами и политиками, третьи педагогами новаторами, разрабатывающими новые концепции, категории и практики, поскольку в поисках мира и безопасности они стремились к большему пониманию людей, их эмоций и отношений [8, р. 61].

В качестве дальнейших направлений исследований авторы видят изучение роли личного восприятия травмирующих событий беженцами и влияние на них принимающего общества и дискурса в СМИ, также предлагается проведение сравнительного анализа индивидуальных переживаний участников события и выяснение вопроса, присущи ли они всем членам группы.

Кроме того, хотелось бы упомянуть выступление Питера Андерсона из Университета Лидса «Баскские дети – конец гражданской войны в Испании и начало депортации для детей», опубликованное в 2019 г. на сайте Ас-

социации баскских детей Великобритании³⁷ и посвященное 80-летию окончания конфликта [1]. Помимо обстоятельств, касающихся принятия баскских детей, основной акцент П. Андерсон делает на событиях, повлиявших на жизнь эвакуированных детей уже после окончания гражданской войны. Например, кампания по репатриации баскских детей, которая была нужна франкистам для оправдания собственных действий и обоснования их мирного характера [1, р. 13]. Особое внимание в связи с этим уделяется деятельности Баскского детского комитета, тщательно изучающего обстоятельства репатриации и требовавшего убедительные доказательства, подтверждающие согласие родителей и безопасность для детей. По этим причинам в середине 1939 г. Комитет сообщил, что не может репатриировать 577 из оставшихся 1054 детей, поскольку их родственники были убиты, находились в изгнании, тюрьмах или пропали без вести [1, р. 14]. Таким образом, П. Андерсон приходит к выводу о том, что для многих баскских детей изгнание началось и закончилось до официального окончания гражданской войны в Испании, многие остались в Великобритании вплоть до конца 1940-х гг. или даже навсегда. Многие дети выучили английский, некоторые забыли свой родной язык, наладили новые отношения и начали сильно отождествлять себя со страной пребывания, поэтому для многих возможность возвращения в непростые условия франкистской Испании спровоцировала двойственные чувства и далеко не все дети в итоге захотели вернуться домой [1, р.17].

Исследователь из Кембриджского университета Сандра Доусон в своей статье «Дети-беженцы и эмоциональная цена интернационализма в Великобритании между двумя мировыми войнами», опубликованной в январе 2021 г., отмечает, что позиция Великобритании по вопросу принятия детей-беженцев сильно изменилась в период с мая 1937 после прибытия баскских детей-беженцев до реализации операции «Киндертранспорт» в конце 1938 года. Путем сравнительного анализа этих двух весьма ярких эпизодов в истории Великобритании С. Доусон приходит к выводу, что в отличие от политических разногласий, препятствовавших поддержке

4 000 баскских детей, к 1938 г. британцы из всех слоев общества, казалось, приняли эмоциональные и финансовые издержки интернационализма, поскольку реакция на сбор средств для переезда 10 000 еврейских детей была более быстрой и единой. Автор также упоминает и о том, что помимо эмоциональной сферы значительные изменения произошли в подходах и методах сбора средств [4].

Результаты. Проведенный обзор показывает, что современные исследования вопроса эвакуации баскских детей в Великобританию в 1937 г. объединяются нестандартными подходами, основной акцент сделан на психологической составляющей и когнитивных аспектах, но в каждой публикации по-своему. Многочисленные интервью и беседы помогли Сюзанне Сабин-Фернадес рассмотреть, каким образом воспоминания сохраняются, воспроизводятся и трансформируются в коллективной памяти и какие факторы на это влияют. Кристиан Ройт в качестве основного исторического источника использует рисунки, выполненные детьми во время пребывания их в эвакуации за рубежом. Кевин Майерс и Сиан Робертс обращают внимание на эмоциональную составляющую эвакуации и особенности педагогического подхода к баскским детям. Питер Андерсон делает акцент на восприятии конфликта баскскими детьми, что впоследствии повлияло на их решение о возвращении в Испанию.

Еще одной темой, объединяющей все эти исследования, стала идентичность баскских детей, поскольку фактически сама группа была достаточно разнородной и многие из них имели разные региональные и культурные корни. Как единодушно отмечают все исследователи, самоназвание их баскскими детьми со временем стало основой их коллективной идентичности и источником гордости. Язык также стал одним из объединяющих факторов. Безусловно, на степень их групповой сплоченности повлияло и проживание в колониях в отличие от стран, где дети обрели новые семьи. Эдвард Пакард и Сабин-Фернадес подчеркивают роль памятных мероприятий, которые также способствуют сохранению воспоминаний и передаче их молодому поколению.

Все публикации в той или иной степени затрагивают такой аспект, как виктимизация баскских детей в СМИ, которая имела под собой определенную политическую подоплеку. Для республиканского правительства Испании это был удобный инструмент с целью привлечения сторонников во время войны. Страны, принявшие детей, подчеркивали собственную значимость и заслуги в оказании помощи. Ну и, наконец, жертвенный детский образ вызывал более сильные эмоции у симпатизирующих сторон и помогал собирать финансовые средства на нужды детей-беженцев.

Тема эвакуации баскских детей имеет много направлений для дальнейшей разработки. Можно согласиться с исследователями, что необходимо делать акцент на изучение индивидуального опыта депортации, уделять больше внимания жизни баскских детей в Великобритании, в том числе особенностям взаимодействия их с другими детьми, пока это поколение еще не ушло. Это очень интересная база для изучения такого сложного феномена, как коммеморативные практики, тем более, что с момента эвакуации прошло уже 83 года и за это время был накоплен солидный эмпирический и теоретический материал. При этом, исследование данных событий проливает свет на политическую подоплеку многих процессов, их следует изучать, помнить и рассматривать как важный исторический урок.

REFERENCES

1. Anderson P. The Basque Children – The End of the Spanish Civil War and the Beginning of the Exile for the Nicos. *BasqueChildren.org – The website of BCA '37 UK. The Association for the UK Basque Children*. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwj6qL6s5I_wAhUhiIsKHeo0C_IQFjAAegQIBBAD&url=https%3A%2F%2Fwww.basquechildren.org%2F-%2Fdocs%2Farticles%2Fandersontalk2019&usg=AOvVaw09t41O3ptoDxB5KJ6LlhBS (accessed 3 November 2020).
2. *Colecciyon de Publicaciones Urazandi. Acciyn Exterior. Lehendakaritza. Gobierno Vasco*. URL: <https://www.euskadi.eus/comunidad-vasca-en-el-exterior-coleccion-de-publicaciones-urazandi/web01-s1leheki/es/> (accessed 3 November 2020).

3. Davies H. *Fleeing Franco: How Wales Gave Shelter to Refugee Children from the Basque Country During the Spanish Civil War*. Cardiff, University of Wales Press, 2011, pp. 10-23.
4. Dawson S.T. Refugee Children and the Emotional Cost of Internationalism in Interwar Britain. *Journal of British Studies*, 2021, vol. 60, iss. 1, pp. 115-139.
5. Graves R. Leicester's Refuge for Basque Children From the Spanish Civil War (Part 2). *Leicestershire Historian*, 2017, vol. 53, pp. 17-23.
6. Gulland D. Basque and Jewish Refugees at Tythrop House, Kingsey, 1937 to 1940. *Records of Buckinghamshire. Buckinghamshire Archaeological Society*, 2014, vol. 54, pp. 179-200.
7. Jump M. The Basque Refugee Children in Oxfordshire During the Spanish Civil War: Politically Charged Project or Humanitarian Endeavour? *Oxoniensia*. Oxfordshire Architectural and Historical Society, 2007. URL: <http://oxoniensia.org/volumes/2007/jump.pdf> (accessed 3 November 2020).
8. Myers K., Siân R. Expulsion, Emotion and Refugee Children: Forced European Migration and Refugee Pedagogy (1912–1947). *Educació i Història: Revista d'Història de l'Educació*, 2019, no. 34, pp. 43-63.
9. Packard E. The Many Histories of the Basque Refugee Children in Britain. *Childhood Remixed. Papers drawn from the International Children and Childhoods Conference*. Suffolk, s. n., 2018, pp. 8-22.
10. Roith C. *They Still Draw Pictures: The Spanish Civil War Seen with Children's Eyes*. Universidad de Almería, 2019, January 12, pp. 1-20. URL: <http://www.ual.es/~chroith/pdf/CDCW.pdf> (accessed 3 November 2020).
11. Sabin-Fernández S. The 'Nicos Vascos': Memory and Memorialisation of the Basque Refugee Children of the Spanish Civil War in the UK. *Coleccióyn urazandi bilduma*. Vitoria-Gasteiz, Servicio Central de Publicaciones del Gobierno Vasco, 2011, no. 25. 236 p.
12. Simmons J. *Spanish crossings*. Chatham, Urbane Publications, 2017. 320 p.
13. Watson D. Politics and Humanitarian Aid: Basque Refugees in the North East and Cumbria During the Spanish Civil War. *Journal of the North East History Labour History Society*, 2005, vol. 36, pp. 8-42.

Information About the Author

Anna E. Tsymbalova, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Department of History and Theory of International Relations, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Prosp. Gagarina, 23, 603950 Nizhny Novgorod, Russian Federation, tsymbalova.n@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3673-0641>

Информация об авторе

Анна Евгеньевна Цымбалова, кандидат политических наук, доцент кафедры истории и теории международных отношений, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, просп. Гагарина, 23, 603950 г. Нижний Новгород, Российская Федерация, tsymbalova.n@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3673-0641>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.23>

UDC 341.39
LBC 63.3(2)612,8

Submitted: 22.03.2021
Accepted: 07.09.2021

CIVIL WAR IN UKRAINE: SCIENTIFIC APPROACHES AND THE FACTOR OF THE COSSACKS¹

Anton V. Bredikhin

Electronic scientific journal "Arkhot", Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The events in Ukraine in 2013–2014 contributed to the manifestation of the Ukrainian political crisis, which led to the secession of the Crimean Peninsula, the Donetsk and Luhansk People's Republics. The new Ukrainian authorities, realizing the impossibility of returning the Crimea, launched a military operation against the DPR and LPR, the so-called "ATO". The general civil confrontation between Kiev on the one hand and Donetsk and Luhansk on the other hand led to the beginning of the civil war in Ukraine, the fact of which is not recognized by the Ukrainian authorities, but is presented as "Russian aggression". *Methods.* Through institutional analysis, the study identifies approaches to understanding the factor of the civil war in Ukraine. *Analysis.* The participants of the armed confrontation, both on the part of Ukraine, and on the part of the DPR and LPR, are Ukrainian citizens. The fact that there are a significant number of Russian citizens among the militia, primarily from among the Cossacks, is due to the historical unity of the lands of the pre-revolutionary Region of the Don Army, socio-cultural and blood-related factors. The participation of the Cossacks in the conflict is of particular importance in the context of Ukraine's positioning itself as a "Cossack country". An important place in the understanding of the military confrontation is occupied by the transnationalization of political elites for the post-Soviet space, which acts as an impulse for the unity of the population of the former USSR. In a civil war, there is no boundary dividing the parties on civilizational, ethnic and linguistic grounds. But at the same time, some authors highlight the factor of regional identity. *Results.* Approaches to the definition of the civil war in Ukraine are revealed. The reluctance of the perception of the concept of "civil war" by the Ukrainian authorities is determined. The assessment of the further development of the civil war in the country is given.

Key words: civil war, DPR, Donbass, identity, Cossacks, LPR, border area, Ukraine.

Citation. Bredikhin A. V. Civil War in Ukraine: Scientific Approaches and the Factor of the Cossacks. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 4, pp. 260–269. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.23>

УДК 341.39
ББК 63.3(2)612,8

Дата поступления статьи: 22.03.2021
Дата принятия статьи: 07.09.2021

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА УКРАИНЕ: НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ И ФАКТОР КАЗАЧЕСТВА¹

Антон Викторович Бредихин

Электронный научный журнал «Архонт», г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* События на Украине 2013–2014 гг. способствовали проявлению украинского политического кризиса, приведшего к сецессии Крымского полуострова, Донецкой и Луганской народных республик. Новые украинские власти, осознавая невозможность возвращения Крыма, начали военную операцию против ДНР и ЛНР, так называемую АТО. Общее гражданское противостояние между Киевом, с одной стороны, и Донецком и Луганском – с другой привело к началу гражданской войны на Украине, факт наличия которой не признается украинскими властями, а подается в качестве «российской агрессии». *Методы.* Посредством компаративного анализа в исследовании определены научные подходы различных школ к пониманию фактора гражданской войны на Украине. *Анализ.* Участниками вооруженного противостояния как со стороны Украины, так со стороны ДНР и ЛНР выступают украинские граждане. Факт наличия среди

ополченцев значительного количества российских граждан, в первую очередь из числа казаков, обусловлен историческим единством земель дореволюционной Области войска Донского, социокультурным и кровнородственным факторами. Особое значение участие казаков в конфликте приобретает в рамках позиционирования Украины себя в качестве «козацкой державы». Важное место в понимании военного противостояния занимает транснационализация политических элит для постсоветского пространства, что выступает импульсом для единения населения бывшего СССР. В гражданской войне отсутствует граница разделения сторон по цивилизационному, этническому и языковому признаку. Но при этом некоторыми авторами выделяется фактор региональной идентичности. *Результаты.* Выявлены подходы определения гражданской войны на Украине. Определено нежелание восприятия понятия «гражданская война» украинскими властями. Дана оценка дальнейшему развитию гражданской войны в стране.

Ключевые слова: гражданская война, ДНР, Донбасс, идентичность, казаки, ЛНР, приграничье, Украина.

Цитирование. Бредихин А. В. Гражданская война на Украине: научные подходы и фактор казачества // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 260–269. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.23>

Введение. События на Украине, начавшиеся после «Евромайдана» 2013–2014 гг. и народных протестов, получивших название «Русская весна» 2014 г. и повлекших воссоединение Крымского полуострова с Российской Федерацией [20], объявление независимости Донецкой и Луганской народных республик выступили причиной начала гражданско-го конфликта в стране, имеющего не только характер политического кризиса, но и военного противостояния, что может характеризоваться в качестве гражданской войны.

Термин «гражданская война» определяется наличием вооруженного конфликта между гражданами одной страны. По мнению Джеймса Ферона, гражданская война выступает как «насильственный конфликт внутри страны, борьба организованных групп, которые стремятся захватить власть в центре и в регионе, или стремятся изменить государственную политику» [24]. В качестве основных участников гражданской войны выступают граждане одного государства или национальные группы, входившие в состав ранее единой страны.

С ним солидарен и Карл фон Клаузевиц, который в своем исследовании «О войне» подчеркивал, что народное восстание должно проходить внутри страны со ставкой на коренное население, а характер народа содействует проведению этого типа действий (цит. по: [28, p. 351]).

В настоящее время гражданские войны доминируют по своему распространению по сравнению с межгосударственными конфликтами. Д. Армитадж указывает на их регуляр-

ную возобновляемость и переход в категорию «бесконечных войн» (цит. по: [7, с. 32]). При этом как непосредственно, так и благодаря международным институтам, иностранные государства способны влиять на ход гражданских войн.

В случае с Украиной мы наблюдаем ситуацию, при которой участники обеих сторон конфликта имеют украинское гражданство. Бойцы Вооруженных Сил Украины, члены национальных батальонов с одной стороны, и ополченцы, а ныне военнослужащие и народные милиционеры ДНР и ЛНР – с другой. Сам конфликт имеет продолжительный характер и проявлялся в рамках народных протестов в период «Оранжевой революции» 2004 г., Первого и Второго Всеукраинских съездов депутатов всех уровней в Северодонецке Луганской области в 2004 и 2008 гг., «Евромайдана» 2013–2014 годов.

В рамках данного исследования нами ставится цель рассмотрения фактора гражданской войны на Украине в качестве историко-политического явления.

В исследовании предполагается решить следующие задачи:

- определить подход украинских властей и международных экспертов по восприятию гражданской войны на Украине;
- охарактеризовать участие казаков в вооруженном конфликте;
- дать оценку перспективам развития гражданской войны на Украине.

Методы и материалы. В рамках исследования используется компаративная методология, позволяющая определить воспри-

ятие различными институциями, политиками и экспертами гражданской войны на Украине. При этом используется историко-генетический метод в целях выявления причинно-следственных связей и закономерностей рассматриваемой проблематики. В зарубежной историографии понятие гражданской войны на Украине рассматривается в работах Дж. Дрисколла [23], определение идентичностных источников противостояния осуществляется украино-американским ученым С. Куделей [12], дончанкой Л.А. Крутовой [10], приводятся примеры польским экспертом В. Балюком [1]. Экономические последствия войны определяются украинскими исследователями Н.Б. Пысарь, С.А. Федюниным, Е.В. Виноградовой, В.В. Чорней [22]. Информационное противостояние в рамках гражданской войны на Украине рассматривают луганчане Д.С. Крысенко [11], Н.С. Ищенко [6], О.В. Мелых из Украины и А.В. Корбут из Великобритании [27]. Сценарные анализы развития гражданской войны раскрываются отечественными экспертами А.Б. Шатиловым [21], В.В. Карякиным [7], В.А. Берендеевым [3]. В данных работах рассматриваются вопросы источников войны, этапов ее развития, моделей будущего. Значимым выступает сравнение различных идеологических оценок происшедших событий.

В то же время отсутствует или недостаточно раскрыта проблема восприятия гражданской войны как устойчивого понятия, признаваемого всеми сторонами конфликта в Донбассе.

Анализ. Гражданская война на Украине охватила значительные страты населения. Русские и украинцы воюют по обе стороны «линии разграничения» в Донбассе. Здесь нет языкового и цивилизационного разрыва. Русскоязычно значительное число украинских националистов. Под контролем официального Киева остаются Харьковская, Одесская, Днепропетровская, Запорожская, Николаевская, Херсонская области с доминирующим русским населением. Вместе с тем учеными «по обе стороны войны» ведутся поиски общих идентифицирующих признаков. Л.А. Крутова из Донецкого национального университета видит их в противостоянии промышленного населения Донбасса (условно – «город») и сельского населения Украины [10, с. 58]. Дирек-

тор Украинского института стратегий глобального развития и адаптации Александр Белокобыльский определяет ценностный характер конфликта в качестве основного: «речь идет не о столкновении России и США или Запада и Востока. Следует говорить о столкновении мира светского – Западного и мира, для которого традиционные ценности являются значимыми (Россия)» (цит. по: [1, с. 20]).

Конфликт имеет в основе своей местные корни. Об этом пишет С. Куделя, отмечая, что рамки региональной и национальной идентичностей в рамках гражданской войны расходятся с утверждением об «отсутствии идеологии» среди пророссийских сил на Донбассе [12]. Он же видит, что столкновению идентичностей способствовало значительное влияние украинских националистов на «Евромайдан», а соответственно, и политический курс постмайданной Украины.

Украинские власти последовательно не считают конфликт с населением Донбасса гражданской войной. В 2015 г. Президент Украины Петр Порошенко в рамках встречи участников Ялтинской европейской стратегии в Киеве озвучил: «У нас в Донбассе нет гражданской войны, у нас нет какого-то внутреннего конфликта. Все очень просто: мы имеем дело с агрессией против Украины и оккупацией независимого украинского государства» [15]. Позднее он подтвердил свои слова в рамках заседания Генеральной Ассамблеи ООН.

Украинское внешнеполитическое ведомство на протяжении всего конфликта поддерживает данный подход. В том же году посол Украины в Таджикистане Виктор Никитюк заявил, что «действительно сегодня приходится слышать слова и “ситуация” и “украинский конфликт” и так далее, но они не отображают суть всего происходящего. В настоящее время на востоке Украины ведется война. Но хотел бы подчеркнуть это не гражданская война» [16]. После употребления в 2018 г. изданием Deutsche Welle данного термина спикер МИД Украины Марьяна Беца выступила со следующим заявлением: «Неприемлемо, что DW пишет о “гражданской войне” в Украине. Это продолжающаяся агрессия России против Украины» [19].

С позиции признания событий на Украине гражданской войной выступает ряд зару-

бежных политиков, в том числе Президент Чехии Милош Земан: «По-моему, самое главное надо понять, что в Украине просто гражданская война. Нам надо заниматься не какими-то мечтами о поддержке, включая экономической поддержки Украины, потому что в условиях гражданской войны экономическая поддержка – это полная бессмыслица. Ну, вот первый шаг – это договор между украинцами и украинцами. И только второй шаг – договор о газе, договор о сохранении Украины перед банкротством, потому что этот риск реально существует, в условиях гражданской войны любая экономическая помощь – это только потеря денег» [13]. О данном характере конфликта говорит и белорусский оппозиционер Валерий Цепкало: «Лично я рассматриваю это как гражданскую войну в Украине самой, где воюют граждане одной и той же страны» [2].

О том, что на Украине идет гражданская война, говорят и влиятельные международные эксперты. Американский политолог Джесс Дрисколл в своей публикации указал, что события на Украине нужно называть гражданской войной, и это позволит нам прийти к политическому решению. Этой же позиции придерживается Институт исследования мира в Осло [17].

Джесс Дрисколл, оценивая политический хаос на Украине начала 2014 г., приводит факт того, что «весь год ополченцы воевали друг с другом (авт. – под “ополченцами” понимаются представители противоборствующих политических сил). На большей части территории страны ни одному из ополченцев, выступающих против режима, не удалось захватить государственные учреждения. В восточном Донбассе Украины дела обстояли иначе. В этом бывшем оплоте “Партии регионов” повстанцы из числа коренных народов захватили региональный аппарат государства в двух регионах (областях) во время временного периода недееспособности государства. Ополченцы столкнулись, затем объединились и в конечном итоге сформировали стабильные коалиции, которые теперь сокращенно называют “украинская армия” и “сепаратистские повстанцы”» [23].

Участие казаков и иностранных специалистов в конфликте. При анализе состава участников вооруженного противостоя-

ния особое внимание приобретает фактор участия добровольцев из Российской Федерации, в первую очередь казачества. Но их присутствие обусловлено в первую очередь историческим и социокультурным единством населения по обе стороны границы. Большая часть территории ДНР и ЛНР находится на территории западных округов дореволюционной Области войска Донского. В 1920–1930 гг. продолжались длительные территориальные споры между РСФСР и УССР по вопросу принадлежности тех или иных районов трансграничья [5]. После распада СССР одной из площадок локальной интеграции между регионами приграничья (Ростовской, Воронежской, Донецкой и Луганской областями) выступил Еврорегион «Донбасс», чья деятельности после начала украинского политического кризиса была «заморожена» [4].

Процесс Возрождения казачества начался в 1980-х гг. не только на территории Российской Федерации, но и Украины. Нашел он отражение и в государственной символике страны, институте президентства, гимне, где есть строка «І покажем, що ми, браття, козацького роду». Между казаками Украины и России сформировалась система взаимосвязей и контактов. Впоследствии казачий фактор станет одним из элементов заявлений ряда украинских политиков о территориальных претензиях Киева с целью включения в состав Украины Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев [8; 9].

Фактор казачества на территории самопровозглашенных республик Донбасса играет значительную роль и сегодня. Кроме военных формирований, работу ведут Луганской казачий округ и РРО им. А.В. Захарченко «Приазовское казачье войско» Донецкой народной республики Общероссийской общественной организации по развитию казачества «Союз казаков-воинов России и Зарубежья», при главе ЛНР введена должность советника по вопросам казачества, кадетского образования и военно-патриотического воспитания молодежи, установлен государственный праздник День казачества Луганской народной республики [18], формируется система казачьего образования и т. д. Особое значение казаки приобрели и в процессе интеграции Крыма с Россией, где было создано реестровое

Войсковое казачье общество «Черноморское казачье войско», сформировано представительство СКВРиЗ, успешно идет создание системы непрерывного казачьего образования, ведут работу казачьи дружины и т. д.

Не менее важным моментом в системе участия иностранных представителей в гражданской войне выступила «интернационализация» украинской элиты. Она совпадает с общемировой тенденцией на создание транснационального характера политической элиты. Определенные элементы ее начали формироваться и на постсоветском пространстве. Обладающие другим гражданством политики инкорпорируются в систему управления страной посредством ирредентистских тенденций, как, например, депутаты ГД РФ и сотрудники федеральных органов власти от Республики Крым и Севастополя. Примером выступают и чиновники из Донецкой и Луганской народных республик, в том числе исполнявший обязанности главы ДНР Дмитрий Трапезников, ставший мэром Элисты. Тенденция имеет и обратное направление: бывший вице-губернатор Иркутской области Владимир Пашков стал заместителем председателя правительства ДНР.

Подобная тенденция характерна и для Украины. В последних правительствах принимают участие граждане Канады, Польши, Литвы, США и других стран. Но на общем фоне выделяется бывший Президент Грузии М.Н. Саакашвили, который стал советником Президента Украины П.А. Порошенко, а затем председателем Одесской областной государственной администрации. В его же команду вошла российский оппозиционный политик, бывший заместитель председателя правительства Кировской области М.Е. Гайдар. Ей удалось пройти путь от депутата Одесского областного совета до советника Президента Украины. В августе 2020 г. М.Н. Саакашвили уже отмечал в своем посте на Facebook данное желание, акцентировав на следующем: «Я грузин. Я украинец. У меня всегда было и всегда будет два дома... где бы я ни был, я всегда буду верным сыном двух дружественных стран – Грузии и Украины». 31 октября 2020 г. состоялись парламентские выборы в Грузии. Политическая партия «Единое национальное движение» выдвигала М.Н. Саакаш-

вили на пост премьер-министра страны. В проходивших до этого выборах в Одессе принимал участие «Блок Михеила Саакашвили» и его тезка-спойлер, что подчеркнуло возможность сохранения украинского региона в качестве запасного аэродрома М.Н. Саакашвили.

На стороне украинской армии весь период конфликта находятся военные советники стран НАТО, ряд наемников из ЕС, Израиля, Белоруссии, России и других стран. Был сформирован из чеченских боевиков запрещенный на территории Российской Федерации Батальон имени Джохара Дудаева, тактическая группа «Беларусь», «Грузинский легион» и другие. Многие представители русского националистического движения пополнили ряды как украинской армии, так и добровольческие объединения республик Донбасса. Эти данные говорят об активном привлечении на украинскую сторону значительного интернационала военных специалистов, большая часть которых представляют страны бывшего СССР, в связи с чем возникает возможность трактовать участие российских ополченцев в событиях в Донбассе не в качестве «иностраных наемников», как их представляют украинские СМИ, а как прямых участников гражданской войны, представителей ранее единой страны, тем более что многие из них получили гражданство ДНР и ЛНР. Этот подход вполне соответствует ранее указанному видению Дж. Ферона.

«Гибридная война» как часть гражданской войны. Автор концепции «гибридной войны» Френк Г. Хоффман утверждает, что конфликты будут ведущимися разными способами (мультимодальными) и многовариантными, не вписывающимися в рамки простой конструкции по принципу деления на черное и белое [25, р. 29]. В их состав включается как открытое военное противостояние, так и сопряжение военных действий с информационной войной телеканалов, интернет-СМИ, блогеров посредством введения конкретных информационных мессенджеров при активизации тех или иных наступательных групп [27, с. 27]. По данным исследователя из ЛНР Д.С. Крысенко [11], украинскими СМИ распространяется информация о тратах Российской Федерации в 1 млн долларов на «армию

троллей». При этом целый ряд информационных продуктов Украины, направленных на информационное противостояние с Россией, имеют американское финансирование, как, например, ролик «Я – украинец», в котором присутствует Л. Даймонд (старший советник «Национального фонда демократии», созданного администрацией Р. Рейгана для стимулирования смены власти в социалистических странах), указанный как «исполнительный директор» и «вдохновитель». Важным элементом информационной войны выступает подача новостей с позиции дегуманизации русского населения Украины и общей исторической памяти с Россией [6, с. 48]. Самими американскими советниками, в том числе А. Вайнштайном, подчеркивается, что основа происходящего информационного противостояния закладывалась 25 лет назад ЦРУ, а значительное влияние оказали структуры Дж. Сороса [11, с. 20].

Важным аспектом «гибридной войны» выступает экономическое противостояние на международном уровне. Однако, на наш взгляд, данное понятие и отражает гражданское противостояние и выступает одним из базисов гражданской войны.

Украинскими авторами Н.Б. Пысарь, С.А. Федюниным, Е.В. Виноградовой, В.В. Чорней определяется отражение военного конфликта на социально-экономическом развитии страны, снижении ВВП, экономической безопасности. Они пришли к выводу, что военные конфликты на востоке Украины в 2014–2015 гг. значительно ускорили и усилили деструктивные процессы в экономике страны. Потеря газовых месторождений Черноморского шельфа, туристического комплекса Крыма, большей части промышленных предприятий Донбасса, введение торговых ограничений и санкций со стороны Российской Федерации, а также блокирование Российской Федерацией экспорта Украины в страны Евразийского Экономического Союза, Китай и Монголию фактически разрушили существующую модель и структуру преимущественно сырьевой экономики Украины и сделали невозможным ее развитие по прежней модели [22, р. 20].

Указанные информационные и экономические факторы фигурируют и в других исследованиях украинских и западных ученых.

Вместе с тем они не имеют независимой основы, а выступают производными от гражданской войны, сам же термин «гибридная война» представляется в качестве одного из ее проявлений.

Гражданская война в контексте сценарного будущего Донбасса. Гражданский характер войны обусловлен и вариантами ее разрешения. Несмотря на самопровозглашенный статус, Донецк и Луганск стали участниками Минского переговорного процесса. Минскими соглашениями при этом предусмотрен их будущий статус в составе Украины в случае выполнения всех условий соглашения сторонами конфликта. ДНР и ЛНР получают статус самоуправляемых территорий, право на языковое самоопределение, участвуют в назначении глав прокуратуры и судов, расширяют трансграничное сотрудничество с Российской Федерацией и т. д. [14]. Но, несмотря на подписание Минских соглашений всеми сторонами конфликта, об их реализации речи не идет. Оттого возвращение в состав Украины выступает одним из наиболее нереализуемых сценариев, при этом подтверждающим факт наличия гражданской войны в стране.

Именно в этом ключе В.В. Карякин в числе возможных вариантов решения конфликта видит «федерализацию Украины с предоставлением широкой автономии юго-восточным областям страны, стремящимся к обретению культурной и экономической самостоятельности» [7, с. 33]. Однако такой вариант вполне может повторить опыт Президента Украины Л.Д. Кучмы, который сумел в короткие сроки ликвидировать государственную самостоятельность Республики Крым, провозглашенную в 1992 г. и с определенными оговорками существовавшую до 1995 года.

А.Б. Шатилов на данном фоне видит, что гражданская война в Донбассе может привести к социально-экономическому краху Украины, «ее власти выпустят из-под контроля ситуацию в стране, начнется неконтролируемый “парад суверенитетов” (сперва в духе “федерализации”, а затем в “сепаратистском” ключе), развернется масштабная гражданская война “всех против всех”» [21]. Таким образом, локальная гражданская война может приобрести общегосударственный масштаб, с вовлечением широких групп населения, вне-

шних акторов. Отказ же Украиной от понимания конфликта в Донбассе в качестве гражданской войны, а не «агрессии России» выступает достаточным шагом к общенациональному противостоянию.

С данной позицией солидарен и Джесс Дрискол из Калифорнийского университета, считая, что «когда тот же конфликт оформляется как гражданская война, это предлагает нам включить точку зрения значительной части многомиллионного русскоязычного населения, которое считает себя русскими и несет на себе личные шрамы этой войны, которые уже дома и собираются проживать на территории Украины после того, как стихнет стрельба. Они будут жить в страхе мести и возмездия (законного и, возможно, внесудебного), если территория будет возвращена Украине» [23]. В связи с чем возникают альтернативные модели перерастания гражданской войны на Украине во «внутриславянскую войну» [3, с. 56].

Результаты. На основании изложенного переходим к выводам.

Во-первых, украинские власти проводят последовательную позицию непризнания конфликта в качестве гражданской войны, несмотря на все соответствующие ей признаки, что противоречит международным оценкам событий, мнению экспертов и ряда политиков. С получением жителями Донбасса сначала гражданства ДНР и ЛНР, а в последнее время гражданства Российской Федерации происходит легитимизация государственных институций республик, постепенный уход от формата гражданского противостояния к межгосударственному, точкой перехода к которому станет международное признание Донецкой и Луганской народных республик и/или их вхождение в состав Российской Федерации в формате федеральных территорий.

Во-вторых, у обеих сторон конфликта присутствуют в военизированных структурах представители иностранных государств, большей частью выходцы из стран бывшего СССР, а со стороны народных республик Донбасса – казаки-добровольцы, что не противоречит понятию гражданской войны, а выступает фактором единения народов некогда единой страны. Фактор казачества выступил основной исторической и социокультурной состав-

ляющей конфликта. Несмотря на общее название с событиями в Крыму и юго-восточных областях Украины – «Русская весна», – народное противостояние в Донбассе происходит в рамках исторических территорий Области войска Донского, а в рамках интеграционных процессов последнего периода фактически происходит восстановление этого дореволюционного субъекта Российской империи.

В-третьих, в случае реализации Минских соглашений, произойдет принятие гражданской войной общегосударственного характера и открытие новых точек вооруженного и политического противостояния на карте Украины, потенциальными регионами при этом могут стать центры «Русской весны» – Харьков и Одесса, приграничная с Крымом Херсонская область, Закарпатье. «Купирование» Киевом конфликта в Донбассе не дает его транслировать на другие регионы страны, и в то же время позволяет проводить действия, носящие характер этноцида по отношению к русскоязычному населению страны.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДКОЛЛЕГИИ

¹ Обращаем внимание читателей, что статья была отправлена автором в редакцию и принята в печать до 24 февраля 2022 г. – начала специальной военной операции России в Донбассе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балюк, В. «Украинский кризис» – гражданская или «гибридная» война / В. Балюк // *Wschyd Europe*. – 2015. – № 1. – С. 17–39.
2. Белорусский оппозиционер удивил заявлением о «гражданской» войне на Донбассе. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://politics.segodnya.ua/politics/beloruskiy-oppozicioner-udivil-zayavleniem-o-grazhdanskoj-vojne-na-donbasse-1470320.html> (дата обращения: 10.02.2021). – Загл. с экрана.
3. Берендеев, В. А. Возможные варианты развития гражданской войны на Украине накануне и после президентских выборов 2019 г. / А. В. Берендеев // Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики : сб. ст. – Н. Новгород, 2019. – С. 54–62.
4. Бредихин, А. В. История российско-украинского приграничного сотрудничества (на примере евровегиона «Донбасс») : дис. ... канд. ист. наук / Бредихин Антон Викторович. – М., 2016. – 192 с.

5. Бредихин, А. В. Отерриториальных претензиях в российско-украинском приграничье / А. В. Бредихин // Альманах «Казачество». – 2016. – № 16 (3). – С. 17–22.
6. Ищенко, Н. С. Дегуманизация русских Украины как прием информационной войны / Н. С. Ищенко // Актуальные проблемы информационного противоборства в современном мире: вызовы и угрозы для России и Русского мира : [материалы конференции]. – Донецк, 2019. – С. 47–50.
7. Карякин, В. В. Гражданская война на Юго-Востоке Украины: опыт сценарного анализа и прогнозирования региональной военно-политической обстановки / В. В. Карякин // Конфликтология / Nota Bene. – 2015. – № 1. – С. 31–44.
8. Киев предложил Ростовской области войти в состав России // Дон24. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://don24.ru/rubric/politika/kiev-predlozhit-rostovskoy-oblasti-voyti-v-sostav-ukrainy.html> (дата обращения: 10.02.2021). – Загл. с экрана.
9. Кондратьев дал совет желающим «вернуть» Кубань в состав Украины // Газета.ру. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2019/10/18_a_12762866.shtml (дата обращения: 10.02.2021). – Загл. с экрана.
10. Крутова, Л. А. Село и город: истоки противостояния в гражданских войнах на Украине (XX–XXI вв.) / Л. А. Крутова // Актуальные проблемы информационного противоборства в современном мире: вызовы и угрозы для России и Русского мира : [материалы конференции]. – Донецк : Изд-во ДонНУ, 2019. – С. 57–59.
11. Крысенко, Д. С. Роль США в организации движения «Евромайдан» на Украине (ноябрь 2013 – февраль 2014 гг.) / Д. С. Крысенко // Архонт. – 2021. – № 1 (22). – С. 15–29.
12. Куделя, С. Донбасский разлом / С. Куделя // Контрапункт. – 2015. – № 1. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.academia.edu/16543806/Донбасский_разлом (дата обращения: 10.02.2021). – Загл. с экрана.
13. Милош Зеeman осуждает антироссийские санкции и требует прекратить бомбардировки Донбасса // Первый канал. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2014-11-16/29156-milosh_zeman_osuzhdaet_antirossiyskie_sanktsii_i_trebuat_prekratit_bombardirovki_donbassa (дата обращения: 10.02.2021). – Загл. с экрана.
14. Полный текст Минских соглашений // РИА Новости. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://ria.ru/20150212/1047311428.html> (дата обращения: 10.02.2021). – Загл. с экрана.
15. Порошенко отверг наличие гражданской войны в Донбассе // Интерфакс. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/world/466103> (дата обращения: 10.02.2021). – Загл. с экрана.
16. Посол: «В Украине нет гражданской войны, идет война России против Украины» // Посольство Украины в Республике Таджикистан. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://tajikistan.mfa.gov.ua/news/3434-posol-v-ukraine-net-grazhdanskoj-vojny-idet-vojna-rossii-protiv-ukrainy> (дата обращения: 10.02.2021). – Загл. с экрана.
17. Почему влиятельная международная ин-ституция называет войну на Донбассе «гражданской»? // Радио Свобода. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.radiosvoboda.org/a/30610153.html> (дата обращения: 10.02.2021). – Загл. с экрана.
18. Указ «Об установлении праздника – Дня казачества Луганской Народной Республики» // Администрация Главы ЛНР. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://glava-lnr.info/sites/default/files/documents/pdf/ukaz-ob-ustanovlenii-prazdnika-dnya-kazachestva-luganskoy-narodnoy-respubliki.pdf> (дата обращения: 10.02.2021). – Загл. с экрана.
19. Украина отказалась признавать гражданскую войну в Донбассе // Лента.ру. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2018/06/12/civilwar/> (дата обращения: 10.02.2021). – Загл. с экрана.
20. Храмова, М. В. «Крымская весна»: Крым наш! / М. В. Храмова // Архонт. – 2017. – № 3. – С. 44–46.
21. Шатилов, А. Б. Гражданская война на Украине и миграционные риски для России / А. Б. Шатилов // Наука. Общество. Оборона. – 2016. – № 2 (7). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshchestvo-oborona/2016-2-7/article-0070/> (дата обращения: 10.02.2021). – Загл. с экрана.
22. Assessment of the Consequences of Military Conflicts and Hybrid Warfare for the Socio-Economic Development of Ukraine / N. Pysar, S. Fediunin, O. Vynogradova, V. Chornii // Economic Annals-XXI. – 2020. – № 181 (1-2). – P. 18–27.
23. Driskoll, J. Ukraine’s Civil War: Would Accepting This Terminology Help Resolve the Conflict? / J. Driskoll // PONARS Eurasia. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.ponarseurasia.org/ukraine-s-civil-war-would-accepting-this-terminology-help-resolve-the-conflict/> (date of access: 10.02.2021). – Title from screen.
24. Fearon, J. Iraq’s Civil War / J. Fearon // Foreign Affairs. – 2007. – Vol. 86, № 2 (March/April). – P. 2–5.
25. Hoffman, F. G. Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars / F. G. Hoffman ; Potomac Institute for Policy Studies. – Arlington, Virginia, December 2007. – 72 p.

26. Kuzio, T. Russian Military Aggression or «Civil War» in Ukraine? / T. Kuzio. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.e-ir.info/2020/11/27/russian-military-aggression-or-civil-war-in-ukraine/> (date of access: 10.02.2021). – Title from screen.

27. Melykh, O. Entertainment Media in the Context of Hybrid War in the Post-Soviet Countries: the Case of Ukraine / O. Melykh, A. Korbut // *Economic Annals-XXI*. – 2020. – № 182 (3-4). – P. 25–33.

28. Odorowicz, B. Dziaiania nieregularne w teorii sztuki wojennej / B. Odorowicz // *Rocznik Bezpieczestwa Miedzynarodowego*. – 2007. – № 2. – S. 351–352.

REFERENCES

1. Baljuk V. «Ukrainskij krizis» - grazhdanskaya ili «gibridnaya» vojna [“Ukrainian Crisis” - Civil or “Hybrid” War]. *Wschyd Europy*, 2015, no. 1, pp. 17-39.

2. Belorusskij oppozitsyoner udivil zavavleniem o «grazhdanskoj» vojne na Donbasse [The Belarusian Oppositionist Surprised by the Statement About the “Civil” War in the Donbass]. URL: <https://politics.segodnya.ua/politics/belorusskiy-oppozicioner-udivil-zavavleniem-o-grazhdanskoj-vojne-na-donbasse-1470320.html> (accessed 10 February 2021).

3. Berendeev V.A. Vozmozhnye varianty razvitiya grazhdanskoj vojny na Ukraine nakanune i posle prezidentskikh vyborov 2019 g. [Possible Options for the Development of the Civil War in Ukraine on the Eve and After the Presidential Elections of 2019] *Regiony mira: problemy istorii, kul'tury i politiki: Sbornic statij* [Regions of the World: Problems of History, Culture and Politics. Collection of Articles]. Nizhny Novgorod, 2019, pp. 54-62.

4. Bredikhin A.V. *Istoriya rossijsko-ukrainskogo prigranichnogo sotrudnichestva (na primere Evroregiona «Donbass»): dis... kand. ist. nauk* [History of Russian-Ukrainian Cross-Border Cooperation (on the Example of the Euroregion “Donbass”). Cand. Hist. Sci. Diss]. Moscow, 2016. 192 p.

5. Bredikhin A.V. O territorialnykh pretenziyakh v rossijsko-ukrainskom prigranich'e [About Territorial Claims in the Russian-Ukrainian Border Area]. *Al'manakh «Kazachestvo»* [Almanac “Cossacks”], 2016, no. 16 (3), pp. 17-22.

6. Ishhenko N.S. Degumanizatsyya russkikh Ukrainy kak priem informatsyonnoj vojny [Russian Dehumanization of Ukraine as a Method of Information Warfare]. *Aktual'nye problemy informatsyonnogo protivoborstva v sovremennom mire: vyzovy i ugrozy dlja Rossii i Russkogo mira. Materialy konferentsyi* [Actual Problems of Information Confrontation in the Modern World: Challenges and Threats for Russia and the Russian World]. Donetsk, 2019, pp. 47-50.

7. Karjakin V.V. Grazhdanskaya vojna na Jugo-Vostoke Ukrainy: opyt stsenarnogo analiza i prognozirovaniya regionalnoj voenno-politicheskoy obstanovki [Civil War in the South-East of Ukraine: Experience of Scenario Analysis and Forecasting of the Regional Military-Political Situation]. *Konfliktologija/Nota Bene*, 2015, no. 1, pp. 31-44.

8. Kiev predlozhit Rostovskoj oblasti vojti v sostav Rossii [Kiev Offered the Rostov Region to Become part of Russia]. *Don24*. URL: <https://don24.ru/rubric/politika/kiiev-predlozhit-rostovskoy-oblasti-vojti-v-sostav-ukrainy.html> (accessed 10 February 2021).

9. Kondrat'ev dal sovet zhelayushchim «vernut'» Kuban' v sostav Ukrainy [Kondratyev Gave Advice to Those Who Want to “Return” Kuban to Ukraine]. *Gazeta.ru*. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2019/10/18_a_12762866.shtml (accessed 10 February 2021).

10. Krutova L.A. Selo i gorod: istoki protivostoyaniya v grazhdanskikh voynakh na Ukraine (XX-XXI vv.) [Village and City: the Origins of Confrontation in Civil Wars in Ukraine (20-21 Centuries)]. *Aktual'nye problemy informacionnogo protivoborstva v sovremennom mire: vyzovy i ugrozy dlja Rossii i Russkogo mira: Materialy konferentsyi* [Actual Problems of Information Confrontation in the Modern World: Challenges and Threats for Russia and the Russian World]. Donetsk, 2019, pp. 57-59.

11. Krysenko D.S. Rol' SShA v organizatsyi dvizheniya «Evromajdan» na Ukraine (noyabr' 2013 - fevral' 2014 gg.) [The Role of the United States in the Organization of the Euromaidan Movement in Ukraine (November 2013-February 2014)]. *Arhont*, 2021, no. 1 (22), pp. 15-29.

12. Kudelja S. Donbasskij razlom. *Kontrapunkt* [Counterpoint], 2015, no. 1. URL: https://www.academia.edu/16543806/Donbasskij_razlom (accessed 10 February 2021).

13. Milosh Zeeman osuzhdaet antirossijskie sanktsyi i trebuet prekratit' bombardirovki Donbassa [Milos Zeeman Condemns Anti-Russian Sanctions and Demands to Stop Bombing of Donbass]. *Pervyi kanal*. URL: https://www.1tv.ru/news/2014-11-16/29156-milosh_zeman_osuzhdaet_antirossiyskie_sanktsii_i_trebuet_prekratit_bombardirovki_donbassa (accessed 10 February 2021).

14. Polnyj tekst Minskikh soglashenij [Full text of the Minsk Agreements]. *RIA Novosti* [RIA News]. URL: <https://ria.ru/20150212/1047311428.html> (accessed 10 February 2021).

15. Poroshenko otverg nalichie grazhdanskoj vojny v Donbasse [Poroshenko Rejected the Existence of a Civil War in the Donbass]. *Interfaks*. URL: <https://www.interfax.ru/world/466103> (accessed 10 February 2021).

16. Posol: «V Ukraine net grazhdanskoj vojny, idet vojna Rossii protiv Ukrainy» [Ambassador: “There is no Civil War in Ukraine, there is a War of Russia Against Ukraine”]. *Posol'stvo Ukrainy v Respublike Tadjikistan* [Embassy of Ukraine in the Republic of Tajikistan]. URL: <https://tajikistan.mfa.gov.ua/news/3434-posol-v-ukraine-net-grazhdanskoj-vojny-idet-vojna-rossii-protiv-ukrainy> (accessed 10 February 2021).

17. Pochemu vliyatel'naya mezhdunarodnaya institutsyya nazyvaet vojnu na Donbasse «grazhdanskoj»? [Why Does an Influential International Institution Call the War in the Donbas “Civil”?]. *Radio Svoboda* [Radio Liberty]. URL: <https://www.radiosvoboda.org/a/30610153.html> (accessed 10 February 2021).

18. Ukaz «Ob ustanovlenii prazdnika - Dnya kazachestva Luganskoj Narodnoj Respubliki» [Decree “On the Establishment of the Holiday - the Day of the Cossacks of the Luhansk People’s Republic”]. *Administratsyya Glavy LNR*. [Administration of the Head of the LPR]. URL: <https://glava-lnr.info/sites/default/files/documents/pdf/ukaz-ob-ustanovlenii-prazdnika-dnya-kazachestva-luganskoy-narodnoy-respubliki.pdf> (accessed 10 February 2021).

19. Ukraina otkazalas' priznavat' grazhdanskuyu vojnu v Donbasse [Ukraine Refused to Recognize the Civil War in the Donbas]. *Lenta.ru* [Lenta.ru]. URL: <https://lenta.ru/news/2018/06/12/civilwar/> (accessed 10 February 2021).

20. Hramcova M.V. «Krymskaya vesna»: Krym nash! [“Crimean Spring”: Our Crimea!]. *Archont*, 2017, no. 3, pp. 44-46.

21. Shatilov A.B. Grazhdanskaya vojna na Ukraine i migratsyonnye riski dlya Rossii [Civil War in Ukraine and Migration Risks for Russia]. *Nauka. Obshchestvo. Oborona* [Science. Society. Defense], 2016, no. 2(7). URL: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshchestvo-oborona/2016-2-7/article-0070/> (accessed 10 February 2021).

22. Pysar N., Fediunin S., Vynogradova O., Chornii V. Assessment of the Consequences of Military Conflicts and Hybrid Warfare for the Socio-Economic Development of Ukraine. *Economic Annals-XXI*, 2020, no. 181 (1-2), pp. 18-27.

23. Driskoll J. Ukraine’s Civil War: Would Accepting This Terminology Help Resolve the Conflict? *PONARS Eurasia*. URL: <https://www.ponarseurasia.org/ukraine-s-civil-war-would-accepting-this-terminology-help-resolve-the-conflict/> (accessed 10 February 2021).

25. Hoffman F.G. *Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars*. Potomac Institute for Policy Studies, Arlington, Virginia, December, 2007. 72 p.

24. Fearon J. Iraq’s Civil War. *Foreign Affairs*, 2007, vol. 86, no. 2, March/April, pp. 2-5.

26. Kuzio T. *Russian Military Aggression or ‘Civil War’ in Ukraine?* URL: <https://www.e-ir.info/2020/11/27/russian-military-aggression-or-civil-war-in-ukraine/> (accessed 10 February 2021).

27. Melykh O., Korbut A. Entertainment media in the context of hybrid war in the post-Soviet countries: the case of Ukraine. *Economic Annals-XXI*, 2020, no. 182 (3-4), pp. 25-33.

28. Odorowicz B. Dziaiania nieregularne w teorii sztuki wojenne. *Rocznik Bezpieczestwa Międzynarodowego*, 2007, no. 2, pp. 351-352.

Information About the Author

Anton V. Bredikhin, Candidate of Sciences (History), Editor-in-chief, Electronic scientific journal “Archont”, 8-ya Tekstilshchikov St, 14, 109129 Moscow, Russian Federation, bredikhin90@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4097-3854>

Информация об авторе

Антон Викторович Бредихин, кандидат исторических наук, главный редактор электронного научного журнала «Архонт», ул. 8-я Текстильщиков, 14, 109129 г. Москва, Российская Федерация, bredikhin90@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4097-3854>

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» – содействие коллаборации российского и международного профессионального сообщества в целях интернационализации исторической и политической наук.

Редакционная политика журнала направлена на публикацию статей, посвященных общим и частным проблемам истории Европы, Америки и России и вопросам политического развития современного мира. Редакция принимает к опубликованию рукописи, подготовленные в русле классических традиций и современных направлений исторической науки. Публикуемые статьи позволяют читателю увидеть тесную связь между историей и современным состоянием общества, показать различные взгляды профессионального сообщества на мировую и российскую историю. В журнале приветствуются междисциплинарные исследования и научные дискуссии по актуальным проблемам исторических и политических наук.

Цели журнала:

- публикация оригинальных исторических и политологических исследований, основанных на тщательном анализе источников и использовании классических или новых методологических подходов;
- ознакомление широкого круга исследователей с современными тенденциями и достижениями исторических и политических наук;
- содействие интеграции российской исторической науки в международное научное пространство;
- бережное отношение и критическое использование трудов и знаний, полученных историками прошлых лет, как российскими, так и зарубежными.

Уважаемые читатели!

Подписка на I полугодие 2023 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20988.

Стоимость подписки на I полугодие 2023 года 3132 руб. 60 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

The mission of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* is to promote the collaboration of the Russian and international professional community with the aim to internationalize historical scholarship and political science.

Following the Editorial policy, the journal covers articles on general and specific problems of the history of Europe, America and Russia and on political development of the modern world. The Editors publish articles prepared in accordance with both classical traditions and modern trends in historical scholarship. The published articles let readers reveal the close connection between history and modern society, show different views of professional community on world and Russian history. The journal also seeks to transcend traditional disciplinary boundaries and foster academic discussions on a wide range of topical issues of historical scholarship and political science.

Purposes of the journal:

- to publish original historical and political research based on thorough source studies, traditional and new methodological approaches;
 - to promote modern trends and advances in history and political science to a wide range of scholars;
 - to foster the integration of Russian historical scholarship into the international academia;
 - to respect and critically apply knowledge obtained by Russian and foreign historians of the past.
-
-

Dear readers!

Subscription for the 1st half of 2023 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 20988.

The cost of subscription for the 1st half of 2023 is 3132.60 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

**УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ
В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВолГУ.
Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik4@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik4@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://hfrir.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY.
HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik4@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik4@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* printed periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations
is indexed by:

